товъ каждая: Подписная цѣна въ Петербургѣ съ доставкою—**шесть** руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—**семь** рублей, за границу—**девять** рублей.

Сельскіе учителя выписывающіе журналъ на свой счетъ, пользуются уступкою на одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени“:

За всѣ предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экз. по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель. **Л. Г. Гуревичъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1897 г.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ НАСТУПАЮЩАГО ГОДА

СЪ ДОСТ. **11 р.** ВЪ СПБ.

без измѣненія объема сост. книж.

ПОНИЖЕНА

1 м. безъ дост.—**90** к., 1 м. съ дост.—**1** р.

СЪ ПЕРЕС. **12 р.** ВЪ РОССІИ.

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
Въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (безъ доставки) . .	11 » 50 »	— » — »	— » — »	— » — »
Для городскихъ (съ доставкой).	11 » — »	5 » 50 »	2 » 75 »	— » — »
» » безъ доставки въ Главной Конторѣ . . .	— » — »	— » — »	— » — »	— » 90 »
Для заграничныхъ	14 » — »	7 » — »	4 » — »	— » — »

Подписка принимается **въ Главн. Конторѣ**, *Спб., Троицкая, 9.*
Въ Моск. отдѣл.: Петровская лин., **конт. Печковской**, и во вс. книжн. магаз.

4-е изданіе:

„QUO VADIS“.

Романъ изъ временъ Нерона

Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

Съ портретомъ автора.

Цѣна **1** р. **35** к.

СѢВЕРНЫЙ

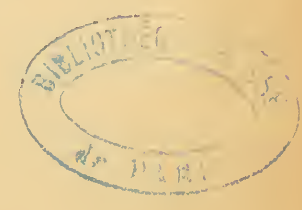
ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Іюнь № 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за третью четверть (Іюль—Сентябрь).

СОДЕРЖАНІЕ
№ 6 „Сѣвернаго Вѣстника" 1897 г.

СТРАН

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Юродивый.

...мытаремъ другъ и грѣшникомъ...

I.

— Ишь-ты!—проговорилъ Митька, когда Иванъ Круглой прервалъ длинный разсказъ и задумался, какъ будто собирая мысли.—Ишь-ты—какъ!..—И Митька продолжалъ глядѣть на товарища добрыми, ясными глазами, улыбаясь во весь ротъ глуповатою, добродушною улыбкой.

Долго Иванъ собирался съ мыслями. Сидя на брускѣ огорожи полисадника около дома столяра Фалѣева, подогнувъ колѣни и зацѣпившись носками за нижнею перекладинку, онъ смотрѣлъ въ даль, морщась и подергивая бровями. По молодому лицу ходили старческія морщины. Видно было, что мысли были у него трудныя.

Митька подлѣ него на той же огорожѣ, уставивъ рядомъ съ собою на сидѣніи обѣ ладони, въ видимомъ нетерпѣніи болталъ ногами и нѣсколько разъ заерзалъ на мѣстѣ.

— Ну! А далѣ... что-жъ? Сказывай,—промолвилъ онъ, наконецъ.

Иванъ встрепенулся:

— Спутался, миленькій; забылъ на чемъ и сталъ...

— А сказывалъ, къ вечернѣ шелъ... постомъ-то...

— Да! Такъ вотъ, братецъ ты мой; пошелъ я, значитъ, въ церковь... къ Мякитѣ мученику... стояніе великое слушать; на первой недѣлѣ было. Прошелъ этто ворота,—а дворъ тамъ широкій... снѣгъ-то давеча сошелъ буда еще до масляной въ тѣ поры... и холодокъ былъ,—не слѣдъ бы еще веснѣ,—а ужъ по двору, подъ стѣнкой и зеленѣло по землѣ. И такъ-то мнѣ въ тѣ поры, значитъ, по сердцу пришлось, что вотъ-те и тепло идетъ и къ Празднику святому дѣло подходитъ... Дай, говорю, Богу помолюсь... и доброе это дѣло, думаю, что къ

церкви собрался. Какъ ворота прошелъ, глядись, вижу, самая эта Машка со мною идетъ, свѣчку несетъ, въ платкѣ держитъ, да на меня глянула и... ничего, отворачивается. А я къ ней... и такъ-то говорю ей: и ты, говорю, окаянная, Богу каяться идешь?—А что-жъ? говоритъ; потому, когда такимъ дѣломъ грѣшимъ, такъ намъ, значитъ, и Богу каяться негоже? А я ей на то:—почему такъ думаете? спрашиваю, какъ ни быть, а все-жъ, значитъ, и ты Божья душа.—То-то, говоритъ, да и про всѣхъ праздникъ Христовъ одинъ.—Это Машка такъ мнѣ говоритъ. И стали мы этакъ подлѣ церкви разговаривать. А я началъ сказывать: это правда твоя, что про все милость Господня; а я тому и премного радъ, потому и у меня, говорю какъ про кажнаго, свое окаянство есть...

— Ишь-ты!—пропустилъ опять Митька; это ты ей такъ говоришь?

— Да. И вотъ думается тутъ мнѣ... и сталъ я прикидывать: сказать, али не сказать? И говорю ей такъ, что, коли вотъ мы съ тобою, выходитъ, грѣшные люди, а теперь, стало-быть, говѣть, что-ли, будешь, такъ, значитъ, опять за то дѣло браться не слѣдъ.—Не слѣдъ-бы, не слѣдъ, говоритъ; а что оно? Какъ и быть-то безъ грѣха? Богъ милостивъ.—А все, говорю, ты это дѣло брось... дунь и плюнь... такъ что-ли?—Рада бы, говоритъ. А я ей: пришла бы, говорю, къ намъ заходила; у насъ степенно. Заходи, значитъ, съ какой работы... посидѣть, поговорить... оно такъ-то и лучше будетъ...

— Ишь-ты! подчеркивалъ Дмитрій, всякій разъ, что ему видимо что-нибудь нравилось.

— Да,—продолжалъ Иванъ;—и сказываю ей такъ, что матушка у меня въ довольствіи живетъ, въ спокойствіи, заботная такая, сестра въ швеяхъ, за кондукторомъ замужемъ... приходи когда, милости твоей просимъ, посидѣть... поговорить... Невдомекъ ей что-то; не соглашалась исперва. Прогонятъ, говоритъ, пущать не станутъ; безпутная, скажутъ. А ну! говорю; не знаешь ты... вотъ заходи когда, увидишь. И стала она спрашивать гдѣ живу, да какъ пройти. Что-жъ? говоритъ, прійду. А прогоните,—пойду себѣ. Да на томъ, говоритъ, тебѣ спасибо и всякаго добра дай тебѣ Богъ, потому по добротѣ твоей, значитъ, такое слово сказалъ. А я, говоритъ, за твою душеньку свѣчку поставлю.— Такъ-то вотъ. И съ тѣмъ и пошла. А я, какъ отъ великаго стоянія прихожу къ себѣ домой,—матушка, говорю, вотъ какое дѣло. Да въ ноги ей, матушкѣ-то, и поклонился. Окаянный я, говорю, человѣкъ есмь, потому во грѣхахъ родился я весь и въ грѣшномъ дѣлѣ всякомъ виноватъ; а ты, матушка, на томъ свою милость положь, да и ту негодницу не гони; пущай приходитъ. А матушка какъ осерчаетъ! Что это ты, говоритъ, совсѣмъ безтолковый человѣкъ, разсудку въ тебѣ нѣтъ!— Это—что я такое негодящее дѣло задумалъ, чтобъ та приходила. А я

говорю: вѣдь тоже Божья душа. А какъ, можетъ, приведетъ милость Божья человѣческую окаянную душу спастать?—Какъ была матушка, на стулкѣ сидѣла, а я передъ нею, да пригнулась ко мнѣ, да какъ возьметъ меня подъ платокъ, головушку мою эту самую, безразсудную обнямши крѣпко, такъ ласково, значитъ... одно слово только и сказала: Божье дѣло, Богородица пресвятая!..—И мнѣ по сердцу такъ тепло будто стало, и не вижу я ничего, подъ платкомъ-то будучи, а въ глазахъ будто свѣтъ въ горницѣ сдѣлался...

— Ишь-ты!—повторилъ Митька, завертѣлся на брусѣ и еще глупѣе улыбнулся.

— И стала-это она, отговѣмши, со второй недѣли приходить. Сперва-наперво ничего не говоритъ; а сама-то бѣленькая, аккуратненькая, и глазами смотритъ, молчитъ. Чѣмъ угощали,—степенная, вижу,—покорно вамъ, говоритъ, благодаримъ,—и чашку, привставши, на уголъ стола и поставитъ. Потомъ развеселѣла, говорить стала; да про себя, про прежнее-то не сказываетъ, какъ не бывало. И стала ее этто сестра Анюта работѣ учить, какъ домой приходила, а та за ея дѣтьми, за малыми убиралась... совсѣмъ въ домъ приняли. И такъ-то весь постъ прожили, да святую... и я, бывало, прихожу, да ужъ и не гляжу на ее. Такъ, не отчего такого, а думаю, все лучше сторониться... можетъ, совѣстится она. Да вотъ-те какое дѣло: возьми ты, братецъ мой, въ разсудокъ, какъ я отъ нея подальше становлюсь, а она все у меня изъ ума не выходитъ. И въ мастерскую приду, а все слышу какъ вечоръ съ ней повстрѣчались, когда ужинать садились, да что она мнѣ: здравствуй, Иванъ Яковичъ; какъ тебя Богъ-то милуетъ?—Очинно ужъ приглядѣлась она мнѣ! И не говорю съ ней, а каженную ночь во снѣ вижу. И вижу—проситъ она меня, зоветъ, да какъ жалостно зоветъ: «Ваня! А Ваня... спаси ты душеньку мою грѣшную, желанный ты мой, ласковый...» Да и то этто голосомъ такимъ, что вотъ такъ тебѣ въ грудяхъ подступаетъ и стѣсненіе такое дѣлается, что и сказать тебѣ не можно. Думалъ, думалъ... а какъ матушкѣ сказалъ, больно ужъ убиваться стала. Плачетъ, плачетъ. «Не на то, говоритъ, родила я тебя, Ваня, не на то ждала, да радовалась, думала путевый выйдешь. Пожалѣй ты меня, не губи себя...» проситъ и плачетъ, плачетъ и проситъ. Что долго спрашивать-то? Душу, говорю, спасти приведется.— На томъ и поженили. Одинъ только дядя Прохоръ Игнатичъ, тотъ будто все усумлялся. «Поглядимъ», говоритъ.

— Не вѣритъ, значитъ,—вставилъ Митька.

— Ну, да; не вѣритъ... поглядѣть хочетъ. Ну, и поглядѣли-было. Жисть была! Митя, жисть такая, что вотъ-те... Эхъ! Да лучше бы и небыло ея никогда. Все-то думается, нонѣ легче было бы. Любила меня Марья моя. Душа въ душеньку жили. День деньской праздникъ для

меня сталъ. До солнышка глаза продралъ и радуешься: слава Ти, Господи милостивый! На работу ушелъ, услали куды... а оно у тебя счастье-то твое такъ, словно, по всему нутру завозилось. Отдыхать отказывался; у людей обѣдъ, а я поскорѣе домой. И ѣсть-то мнѣ вотъ ништы и не хотится. Только бы на ее глядѣлъ, ея ласку слышалъ. И слова-то у нея такія особенныя были: «человѣчекъ ты мой малый, говоритъ, душа свѣтлая, рада я тебѣ, люблю тебя...» Ну, вотъ, не поймешь ты, Митя, не знаючи... со стороны все инако показывается; а... одно слово, моя она была.

И плакалъ Иванъ, покуда эти слова говорилъ. Зналъ ли онъ про то или не зналъ, но только не удерживался. А Митька все свѣтлѣе и свѣтлѣе улыбался, глядя ему въ глаза, и все пришептывалъ отъ поры до времени: ишь-ты! Ишь-ты какъ!

А вечернее, весеннее и какъ бы праздничное солнце разбѣгалось по всему Замоскворѣчью и черезъ рѣку перекидывалось, зарумянивъ мимоходомъ ея широкую, бѣлую полосу, и горѣло на Москвѣ. Весело было. На кустахъ полисадника въ столяровомъ дворѣ почки раскрывались, а подъ заборомъ трава зеленѣла и вездѣ, по только-что высохшему двору и на новыхъ доскахъ, сложенныхъ въ три грани, и на дровахъ возлѣ сарая метались и прыгали веселые воробьи и, на перебой, безъ умолку, какъ будто вторя Митькѣ, шептали: ишь-ты! Ишь-ты какъ!..

— Моя она была,—продолжалъ Иванъ,—помолчавъ немного;—и одно только и думалось мнѣ: какъ это, когда Богу душу отдавать придется, коли мнѣ ея лишиться, напримѣръ,—то какъ она одна безъ меня на тотъ свѣтъ-то представится? Куда ей тамъ одной, безъ своаго человѣка?.. Все мнѣ такъ показывается, что и не управится... да и что говорить? Страшно оно. А думаю тоже, какъ то-есть, если теперче мнѣ первому помирать, какъ же опять-таки ей тутъ безъ меня оставаться?.. Все не прилажу. А такъ хотится, значитъ, чтобъ ей горести никакой не учинилося. Да вотъ пойди ты!.. налаживай. Супротивъ Бога ничего не подѣлаешь. Тутъ и безъ меня горесть пришла. Дитя было... да померло, первое-то... и одно только и было въ тѣ поры.—Разсуди ты меня, братецъ ты мой, и пойми. Не могу я такаго дѣла видѣть, чтобъ ей плакать да кручиниться; не гляжу на ее и все сторонюсь, потому и самому-то горесть такая... поди-ты! Занятная была дитя-то эта самая. И меньше-то я и домой сталъ ходить... прійду, какъ работа кончена... сидитъ она, молчитъ... и я молчу. А матушка сказываетъ: грѣхъ убиваться-то. Молоды, говоритъ; Господь не безъ милости... я того совсѣмъ и не надѣюсь, чтобъ вамъ безъ дѣтей оставаться; пошлетъ Богъ, еще радоваться будемъ, дѣткамъ-то. И то, думаю, тутъ ничего не подѣлаешь. Занятная была... что и говорить! Да и Господу Самому такихъ желается, чтобъ къ Себѣ въ Царствіе Небесное. Такъ это я говорю, сердечный?

— Такъ... — такъ, промычалъ Митька; — это ты вѣрно слово сказалъ...

— Ну, и пересталъ я думать. Забыть, говорю, надо. И съ тѣмъ какъ будто полегчало. А Марья-то все убивается. И зачалъ я опять, какъ запрежъ, въ обѣдъ заходить; разъ пришелъ... а Марьи-то и нѣту. Другой разъ... опять со двора пошла. А было дѣло подъ воскресный день,—стало быть рано пришелъ, а все нѣту... и уже и поздненько становится. Не спокойно будто мнѣ. А матушка такъ, не смѣючи, подходитъ, говоритъ: не ладно, что-ли? Съ тоски, должно, ей такъ случилося; заходила давеча Марья твоя... и лица на ней нѣтути, не своя совсѣмъ стала... пѣсню запѣла... думала я... не дай Богъ, можетъ грѣхъ какой... выпимши она была...—Какъ я то слово услышалъ, жалость такая взяла меня... Охъ! Какая жалость! Пошелъ я со двора... куды не знаю. Иду я такъ-то... темнѣло... гляжу, Спиридонъ идетъ: что, говоритъ, Ваня, жаль мнѣ тебя, добрый ты человѣкъ, что за твое добро, да такое негожество выходитъ. Соромную жену взялъ ты себѣ, не приведи Господи! Гдѣ, значитъ, супруга твоя законная въ эвту самую минуту нахожденіе имѣетъ?—Сталъ я спрашивать; а у самаго въ головѣ холодъ заходилъ и сжало меня за поперекъ... съ мѣста сойтить не могу, какъ узналъ гдѣ она. Побѣжалъ къ ней и мыслей своихъ не соберу. Она, значитъ, Марья моя!.. моя-то, что и души во мнѣ самомъ опричь ея никакой нѣту, моя-то задушевная, засердечная, что я и къ Господу опасовался одну отпустить!.. Боже-жъ Ты мой, Господи! Коли ужъ такъ ей съ тоски, что-ли, довелось, чтобы грѣха не бояться, да стыда не срамиться, коли ей, горемычной, силушки не хватило отъ грѣха оберечься, такъ Ты бы ее не пущалъ. Обидѣлъ Ты меня, Господь праведный. Али я Тебѣ не молился? Али какое злодѣйство сдѣлалъ? Да коли я грѣшный человѣкъ такой, что хуже меня, выходитъ, во всемъ міру нѣту,—такъ нечто Ты, Господи Іисусе Христе, на милость Свою великую не властенъ?..

И Иванъ всплеснулъ руками, поднялъ глаза къ небу и затѣмъ сразу опустилъ на грудь большую, молодую голову съ старческими морщинами на лицѣ. Митька ужъ не улыбался, а только приподнялъ картузъ и почесалъ за ухомъ. Иванъ помолчалъ съ минуту и, щуря глаза, какъ будто всматриваясь въ тяжелое прошлое, тихимъ голосомъ, какъ бы про себя, продолжалъ:

— И иду-то я, бѣгу за ней и все мнѣ ея слова въ сердцѣ что-ли, повторяются: «человѣчекъ ты мой малый, рада я тебѣ».

— Ну, и что-жъ? заторопилъ его Митька;—нашелъ ее, что-ли?

— Нашелъ.

— Гдѣ?—Тамъ то-ись?..

Иванъ точно огрызся; разомъ обернулся къ товарищу и грубо крикнулъ:

— Тебѣ-то что? Чего присталъ?.. Нашелъ, говорятъ тебѣ. Гдѣ искалъ, тамъ и нашелъ...

И, помолчавъ немного, какъ бы успокаиваясь и снова перемѣнивъ тонъ:

— Эхъ! Какъ у меня глаза не лопнули, когда увидали?.. Ну... да что его!.. Пошла за мной... молчитъ, а идетъ. Привелъ домой; думаю: нельзя такъ... вѣдь бить надо. И жалость меня беретъ, а началъ бить... все это, какъ слѣдуетъ, по закону. А она мнѣ: «бей ты меня, сердечный, да на свои очи не пущалъ бы; нестоющая я»... И больно-то мнѣ... сдается, самъ себя бью, а и радъ, что пошла за мной. Да ужъ и не воспоминалъ и самъ не думалъ... и матушка тожъ, ничѣмъ не попрекаетъ. И зажили, какъ запрежь до того. Почитай, болѣ какъ съ годъ прожили. Ребенка Богъ послалъ... тутъ бы радоваться... не стерпѣла... и ребеночка-то кормилицею откормили... бросила... пошла опять. Разъ-было вернулъ... опять ушла. «Не могу, говоритъ, въ глаза твои глядѣть... ты простишь, да душа не прощаетъ; негодящая я тебѣ, брось меня»... и пошла... пропала...

Долго, очень долго молчалъ Иванъ, свѣсивши голову; потомъ слѣзъ съ забору, потянулся, оправилъ картузъ на головѣ.

— То-то, Митька,—заговорилъ онъ;—вотъ слушай да знай. Не будешь спрашивать, чего такой не свой ходишь, словно тебя болячка скорючила?...—И, махнувъ рукою, онъ зашагалъ къ воротамъ.

— Куды такъ?—крикнулъ ему Митька и соскочилъ съ огорожи.

— Куды?.. А домой...

— Стой, Ваня, погоди... дѣло есть; дай спрошу...

Иванъ остановился:

— А какое-такое дѣло?

Но Митька уже раздумалъ.

— Не! Ничего... самъ справлю...

II.

Постоялъ, постоялъ Дмитрій, долго думалъ, отъ поры до времени приподнимая картузъ и почесывая голову; наконецъ круто повернулъ, охнулъ и пошелъ на кухню, гдѣ завалился на скамью и, положивъ подъ голову обѣ руки и глядя въ закоптѣлый потолокъ, все раздумывалъ и раздумывалъ до самаго вечера.

Когда стемнѣло, онъ поднялся, надѣлъ чуйку, пошарилъ въ карманѣ шароваръ, побренчалъ въ немъ деньгами и пошелъ со двора. На мосту онъ нагналъ конку, взобрался наверхъ, повертѣлся на мѣстѣ и опять соскочилъ и вернулся въ мастерскую.

Дня черезъ два онъ опять продѣлалъ то-же самое, а до тѣхъ поръ все молчитъ да молчитъ и ребята не узнаютъ его на работѣ. Даже

Иванъ Круглой, и тотъ допрашивалъ не случилось ли чего. Прежде бывало, пилитъ ли или стружитъ Митька, налаживаетъ ли угольникъ или колотушкою вгоняетъ долото въ размѣченные на краю доски зубцы для связи,—все бывало поетъ онъ безъ умолку; а если остановится, то съ сосѣдомъ смѣшнымъ словомъ перекинется, штуку какую-нибудь такую скажетъ, что вся мастерская хохочетъ. А теперь, если ротъ раскроетъ, такъ развѣ только для того, чтобы свой инструментъ обругать: «Э! Чтобъ тебя!..» А и начнетъ выравнивать рубанокъ,—какъ стукнетъ молоткомъ по переднему концу, съ перваго-же удара и желѣзко и подкладка такъ и вылетятъ!.. А онъ еще пуще ругается. Бывало, какъ только остановится передохнуть, да плечи размять, полѣзетъ въ карманъ пестраго жилета поверхъ красной рубашки, достанетъ изъ него смятую папироску и самъ надъ собою подсмѣивается:

— Ну, и портсигарникъ у меня, ребята, хоть откажись отъ него. И просилъ же его сколько разъ: не мни ты, сдѣлай милость. Нѣтъ! взялъ-таки, всю скомкалъ; я самъ, говоритъ, мятый. Поди-ты!..—И опять хохочатъ ребята на всю мастерскую.—А теперь, такъ и курить Митька совсѣмъ отказался и въ обѣдъ третій день ничего не ѣстъ; все думаетъ, да думаетъ.

И наконецъ додумался, должно быть. Опять вечеромъ взобрался на конку, но съ мосту уже не вернулся. Доѣхавъ до Неглинной, онъ слѣзъ и пошелъ тихимъ, невѣрнымъ шагомъ ходить по Цвѣтному бульвару. Думалъ и охалъ; постоялъ съ минутку на мѣстѣ, потомъ рѣшительнымъ движеніемъ снялъ картузъ, поднялъ-было правую руку,—не равно на какую церковь перекреститься хотѣлъ—и вдругъ отплюнулся: фу-ты! Грѣхъ какой!..—проговорилъ онъ и завернулся въ переулокъ. Глядитъ онъ направо: круглый фонарь надъ дверью; налѣво, то-же самое, а тамъ еще и еще, гдѣ красный, а гдѣ бѣлый; въ нижнихъ этажахъ повсюду окошки свѣтятся и слышны изнутри голоса какіе-то невнятные и смѣхъ и музыка. То скрипка загнуситъ, то словно битыя стекла сыпятся, а иногда несвязная пѣсня крикливымъ, женскимъ голосомъ или надорваннымъ басомъ; и голоса какъ будто и веселые, да когда-то, еще такъ недавно, на масляннной казались они ему веселыми, а теперь что-то страшное въ нихъ слышится Митькѣ и кажется ему, что дурной сонъ ему снится. Иногда дверь отворится, покажется на порогѣ ситцевое, слинялое платье или разшитый и отрепанный красный сарафанъ и голоса слышатся яснѣе.

А вечеръ тихій, теплый и свѣтло блещатъ звѣзды въ строгой тишинѣ темнаго неба,—все тѣ-же звѣзды, что и вездѣ и все такія-же и задумчивыя и ясныя и молитвенныя. И смотрятъ онѣ въ грязный переулокъ своимъ дѣтскимъ, непонимающимъ и непонятнымъ взглядомъ...

Безотчетно удивился Дмитрій, что ихъ здѣсь увидѣлъ: что-то тол-

кнуло-было его, но онъ не вдумывался, а тупо, съ напряженіемъ смотрѣлъ на извощичью лошадь у одной изъ дверей. Тесьмой торбы ей какъ разъ рѣзало пополамъ одинъ глазъ, а она и головой не мотала, а спокойно молола зубами свой овесъ, покуда хозяинъ ея спалъ, скрутившись калачикомъ на дрожкахъ.

— Тоже вѣдь терпитъ, - молчитъ,—проговорилъ Митька:—да на то-жъ она и скотина... Ну, а мнѣ-то какая неволя?—и онъ хотѣлъ-было уходить, но на углу остановился.

— Что-это я?—подумалъ онъ; князь какой сталъ, бѣленькій? Выбирать, что-ли? Какая ни наесть самая озорная, та самая, значитъ, и есть.

И думалось ему, какъ онъ это гораздо позже повторялъ Ивану Круглому, что «Господь-то выбиралъ, а какъ есть, какіе были люди похудше, къ тѣмъ самымъ нехрещеннымъ жидамъ и вселился».

Постоялъ онъ еще съ минуту на срединѣ улицы и вошелъ въ первую попавшуюся дверь. Сталъ онъ на порогѣ и какъ будто чего-то ему стыдно, а какіе-то люди смотрятъ на него. Кругомъ низкой залы, отгороженной отъ входнаго коридора и отъ кухни тонкою, неплотною перегородкой съ разорванными обоями, на всѣхъ стульяхъ сидѣли безобразныя лица, то въ косахъ, то въ букляхъ; у простѣнка навалился на столъ военный писарь и полусонно бормоталъ что-то про себя предъ бутылкою пива; въ углубленіи средней стѣны было всунуто старинное, прямое фортепьяно и подлѣ него еврей музыкантъ спалъ на стулѣ, прислонившись головою къ стѣнѣ, покуда его товарищъ, тоже еврей или грекъ, съ невообразимо глупымъ упорствомъ начиналъ на скрипкѣ какую-то музыкальную фразу, которая у него никакъ выходить не хотѣла. Какою-то злою, пронзительною скукой несло отъ этой грязи, и Митькѣ сдавило дыханіе. Но онъ уже рѣшился.

— Тутъ Авдотья... Дуняша?—спросилъ онъ.

— Нѣту Дуняши, молодецъ; не туды, должно попалъ...

— А гдѣ-жъ такая естъ?

— Поставь парочку пива,—скажу... идетъ-что-ли?

— Ладно! На, ставь, хозяйка, пива... пущай веселятся.

— А самъ-то что-жъ?

— Не! Не хочется. Ну, гдѣ-жъ такая? говори...—и Митька надѣлъ картузъ и пошелъ къ выходу.

— Гляди противъ. Ишь! Непривѣтный какой...

Пошелъ Митька глядѣть противъ. Та-же зала, тѣ-же жиденькія переборки съ голубыми по бѣлому, истрепанными обоями, тотъ-же еврей или грекъ сонный передъ фортепьяномъ, тѣ-же глупо-смѣющіяся лица уродливо разряженныхъ несчастныхъ и та-же удручающая тоска и жалость.

— Дуняшка здѣсь?—спросилъ онъ сердито, не двигаясь съ порога.

— Здѣся. Входи, свѣтикъ, будь гостемъ, прикажи съиграть, что-ли?

— Гдѣ-жъ она?—переспросилъ онъ еще суровѣе.

— А во! Въ кухоньку забралась.

Изъ кухни за переборкой доносился говоръ и смѣхъ. Онъ заглянулъ за дверь. Какой-то парень, съ виду извощикъ, приставалъ къ молодой, румяной дѣвкѣ въ красномъ сарафанѣ. Онъ забилъ ее совсѣмъ въ уголъ и, полупьяный, съ гармоникой въ рукахъ, напѣвалъ ей пѣсню.

— Эй! Дуняша, позвалъ ее Митька; подь сюды...

Она со смѣхомъ крикнула на парня:

— Отцѣпись, постылый! Вишь гость ко мнѣ пришелъ...

— А что-жъ что гость... Я тоже гость.

— Вона-а! Федотъ да не тотъ! фыркнула она; а тебѣ что?—обратилась она къ Митькѣ: али что надо?

— Извѣстно надо, коли зову...

— Вишь-ты, надо! А отъ самой масляной да и не заходилъ. А теперь-отъ надо... Видишь—не пущаетъ. Тоже, говоритъ, гость.

Митька подступилъ ближе.

— Брось его, малаго-то, говорю...—и онъ локтемъ отдавилъ парня къ двери.

— Чего меня бросить?—огрызся парень не смѣлымъ голосомъ;—я и самъ пойду.

Дуняша стала-было заступаться:

— Ну, за что малаго-то согналъ? Онъ малый ладный...

— Брось, говорю... дѣло къ тебѣ есть...

— А ты ему, дѣвка, не вѣрь, крикнулъ парень, но при этомъ осторожно скрылся за дверь.

Митька даже не оглянулся ему вслѣдъ, а сталъ сурово смотрѣть въ глаза Дуняшѣ. Въ темномъ углу кухни она видѣла этотъ взглядъ и ей становилось не по себѣ.

— Ну, чего уставился? Какое-такое дѣло?

— Да ужъ говорю, дѣло есть; садись и сказывай...

Онъ усадилъ ее на скамью возлѣ плитки и самъ сѣлъ рядомъ и ногами уперся въ противуположную досчатую стѣну узкой кухни.

— Ну, что-жъ тебѣ сказывать-то!—спросила она;—самъ говорилъ, дѣло есть,—значитъ, самъ сказывай...

— Вотъ что, началъ Митька; говори... нешто весело тебѣ жить такъ-то?

— Чего, такъ-то?

— Да здѣсь, въ эвтой жисти?

— Чего?.. Да должно весело, а то бы и не пошла на такую жисть...

— Да ты слушай... я те дѣло добромъ говорю. Не слѣдъ такъ жить... грѣхъ одинъ... кинь, пойдемъ отсюдова...

Она расхохоталась:

— Да ты что? Чего не слѣдъ!.. Грѣхъ взялся!.. Кабы я одна...

— А я те говорю: не слѣдъ... ты разумѣй: душу твою спасти надо.

— Да ты что этто нонѣ? Чего тебѣ надыть? Учить пришелъ что-ли? Душу-то! Эхъ! и говоритъ тоже... самъ не знаетъ что говоритъ...

— Нѣтъ, знаю, должно, когда такое слово сказалъ. Важное слово. Вотъ только, что я сказать-то не умѣю... а вотъ ты-бы послушала одного тутъ... человѣкъ такой есть въ пріятельствѣ у меня... Тотъ-бы те сказалъ, какъ есть...

Чувствовалъ Митька, что мысли у него путаются и что не знаетъ онъ съ чего приступить. Все казалось такъ просто, покуда слушалъ онъ Ивана, и слова у того выходили такія хорошія, ясныя, понятныя, въ особенности хорошія—и зналъ онъ тогда что ему дѣлать надо. А теперь, какъ сталъ самъ говорить,—все не то выходитъ; и слова какія-то бездушныя и самъ онъ со злостью говоритъ...—Нѣтъ! Должно быть не такъ оно,—подумалъ онъ, и попробовалъ смягчиться.

— Ты пойми, Дуня, началъ онъ убѣждающимъ тономъ;—я тебѣ не зла какого хочу. Сказать-то я не умѣю, а ты сама пойми, потому сама знаешь, Богъ не велитъ... на грѣшномъ дѣлѣ живешь... Али не такъ я говорю?

— Да грѣхъ, говорятъ, грѣхъ,—проговорила она въ раздумьи,—а что-жъ я подѣлаю? Отъ меня что-ли онъ пошелъ?

— Не отъ тебя, извѣстное дѣло; а ты всетаки брось... да нешто не тошно тебѣ? Да и какъ ты въ такую жисть попала?

— Какъ попала? Да такъ: отъ мѣста отошла, — въ горничныхъ была;—отошла... да запуталась и въ эту жисть и попала... А теперь ужъ все одно.

— Нѣтъ, Дуняша, не все одно. Душу твою спасти надо.

— А ты все свое! Ѣсть дашь, что-ли?.. Вишь, душу спасти! Отъ этого сыта не будешь...

— А тутъ много, что-ли, тебѣ заработку?

— Все-же, хоть кормятъ... да и одежа отъ хозяйки...

— Ну, ужъ и одежа!—И Митька покосился на красный сарафанъ и отплюнулся.—Не гоже-бы и носить такой... соромница ты, погляжу я на тебя. Брось, говорю тебѣ; ну, вѣрь ты Богу, брось...

Онъ не зналъ ужъ какъ убѣдить; при послѣднихъ словахъ руки на горлѣ скрестилъ, какъ будто душился:—вѣрь ты Богу, брось...

— Вотъ привязался! Тебѣ-то что?

— То мое уже дѣло... дай срокъ. Я ти поясню, какъ есть, что оно мнѣ. А ты прежде по душѣ покайся.

— А вотъ... былъ постъ, попу каялась... еще кодысь пойду...

— Эхъ! Дунька, Дунька, будешь такъ-то твои слова глупыя го-

ворить, брошу я тебя, пойду себѣ... другую возьму. А я-бы тебя вызволилъ отселѣва... женой-бы тебя взялъ себѣ...

Дуняша перестала смѣяться и поглядѣла на него изподлобья, перебирая пальцами мишуру сарафана.

— Ну, что врать-то? Вотъ, ей-Богу, непутевое говоритъ!

— Я ти не вру, а правду въ серьозъ говорю...

Она помолчала, продолжая глядѣть на него изподлобья; потомъ вдругъ оскалила зубы и пригнулась къ нему.

— Сказывай... полюбилась я тебѣ?.. Очenно, что-ли?

Онъ грубо ее оттолкнулъ.

— Полюбилась! Вона, куды полѣзла!.. За что и любить тебя... паршивую?

— Чего ругаешься-то?.. Эхъ! Да что тебя, дурака, слушать?

Она приподнялась. Митька опять толкнулъ ее и усадилъ на скамью.

— Сиди, говорю. Ты, значитъ исперва покайся, брось ты житье свое... а я потому, выходитъ, что душу твою спасти надо, потому... ты самая озорная и есть... пропадешь. А ты пойми. Помирать вѣдь надо будетъ. Ты это возьми въ разсудокъ.

— Ну, и помремъ... всѣмъ туда дорога...

— То-то, помремъ. Значитъ, и тебѣ помирать придется. А такъ нельзя. Худо выходитъ, какъ къ разсчету, да съ грѣхами придешь. А тамъ всѣмъ отвѣчать надо, у кого, значитъ, какіе грѣхи есть. Да и нѣтъ такого, чтобы безъ грѣха... а все придетъ, скажетъ: «грѣшенъ, да не по своей охотѣ, а такъ, потому... одно слово, что единъ Богъ безъ грѣха». А другой придетъ тебѣ такой, что и слышать не хочетъ, ты что ему не говори. «Что-жъ? скажетъ, помремъ...» Ну, и померъ. А какъ зачнетъ ему Господь говорить: «На что я тебѣ душу давалъ, что ты мнѣ замаранную, загубленную принесъ? Я-ли, говоритъ, за тебя окаяннаго муку не принялъ? — Это какъ когда на Страстной, значитъ.—Я-ли тебѣ не наказывалъ какъ по Божьему, по хрестьянскому жить? Да церковь тебѣ поставилъ, храмы Божьи золотые со свѣчками-то, что за грѣхи за ваши горятъ,—чтобъ завсегда помнилъ; потому какъ когда какой человѣкъ въ церковь не ходитъ, такъ безпремѣнно забываетъ! Я-ли, говоритъ, нищенкихъ, калѣкъ убогихъ по улицамъ не поставилъ, чтобъ кажинный человѣкъ работалъ не на то только, чтобъ животы наживать, а чтобъ грѣха-то поменьше было!» — Вотъ какъ зачнетъ такъ Господь Богъ говорить, да какъ спроситъ: «а ты, негодница, въ какой жисти жила? скажи ты мнѣ это на милость, Христа ради... много ты добра на своемъ вѣку сдѣлала, пока я душу-то твою въ тебѣ терпѣлъ? Да какъ когда приходилъ къ тебѣ рабъ божій Митрій, столяръ, а ты ему какія слова говорила?— Дурака тебя и слу-

шать негоже?.. Али не Я его, сироту, дурака, на свѣтъ бобылемъ сотворилъ, чтобъ онъ те вызволилъ изъ заведенія?»

Молчала Дуняша, когда столяръ остановился, и больше уже не дурачилась, а, потупясь и все перебирая мишуру сарафана, спустя минуту, въ полголоса проговорила:

— Вызволи, миленькій, я пойду за тобою...

— Да ты только вѣрно слово говори; я те не брошу.

— Вѣрно-то, вѣрно... да какъ быть-то? Отписаться надо.

— Какъ такъ?

— Да надо, чтобъ кто на поруки взялъ, чтобъ по волѣ не ходила...

— Ну, а есть кто такой, что тебя возьметъ?

— Есть. Тетушка есть... да строгая, сердитая... не захочетъ, гляди...

— Ништы! А мы просить станемъ. Пойдемъ...

— Да такъ нельзя. Отписаться надо... прошеніе подать, рубь двадцать пять въ полицію...

— Что ты? Ну тебя!—удивился Митька и съ недовѣріемъ взглянулъ на нее.—Какъ? Прошеніе къ начальству?

— Вѣрно говорю...

— Что врать-то?.. Я такъ полагалъ, что эвто самое дѣло у васъ по секретности отъ начальства дѣлается... да такъ только, что по знакомству, да коли заплатить кому слѣдоваетъ, такъ ничего и не говорятъ... видятъ городовые, да не сказываютъ. А то, чтобъ... выйтить отсентелева, да по Божьяму жить... да чтобъ объ эвтомъ прошеніе подавать начальству на рубь двадцать-пять копѣекъ... это что-то чудно мнѣ показывается. Это ты, должно, не въ тую попала... не дѣло говоришь.

— Да нѣтъ-же. Вѣрно говорю...

И начала Дуняша объяснять ему, что билетъ надо перемѣнить. Съ такимъ билетомъ тетка Пелагея, хоть и строгая, можетъ и побьетъ, а всетаки, можетъ, и пуститъ въ концѣ концовъ, коли все будетъ въ порядкѣ.

Потолковали еще и уговорились. Митька обѣщалъ устроить дѣло съ полиціей, далъ денегъ на прошеніе, а Дуняша должна была пойти просить тетку и придти къ нему за Яузу, когда все будетъ кончено.

Съ слѣдующаго-же утра пошелъ и самъ Дмитрій за Курскій вокзалъ къ теткѣ Пелагеѣ, все объяснилъ ей обстоятельно и упросилъ принять Дуняшу въ ея прачешное заведеніе.

— Вы милость положьте, тетенька,—говорилъ онъ; — а тамъ я долго на васъ ее не оставлю.

— Ладно, ладно, ласковецъ,—махала ему старуха рукою вслѣдъ, когда онъ уходилъ,—ладно, послужу тебѣ но твоемъ добромъ дѣлѣ.

Ободрили Дмитрія такія слова тетки. Онъ вернулся.

— А что, тетенька;—началъ онъ не смѣло;—возьмите меня фатерантомъ; деньги буду платить. Есть у меня заработанныя, хозяинъ не задержитъ, онъ, одно слово, аккуратный человѣкъ. Только далеконько будетъ отъ мастерской, да за то на вашихъ глазахъ вѣрнѣе дѣло. Да и то сказать, къ другому перейду, али еще повольную работу стану брать. Какъ Богъ дастъ...

Согласилась тетка; понравился ей парень.

— Такой, говоритъ, какъ погляжу, обстоятельный.

Нанимала она цѣлый дворъ подъ прачешное заведеніе, а во флигелѣ оставалось еще у нея двѣ комнаты свободныхъ. Да и весь-то флигелекъ можно было отдать безъ урону.

— Ну, да объ этомъ нечего впередъ загадывать, а покуда, ты устраивайся, молодчикъ... помоги тебѣ Богъ!..

III.

Доволенъ былъ и Дмитрій. Полюбился ему дворъ тетки Пелагеи, подъ веселымъ лучемъ весенняго солнца, почти загородомъ, съ зеленью на тополяхъ и на кустахъ, по которымъ развѣшивалось вымытое тряпье, да еще съ широкимъ огородомъ за досчатымъ заборомъ, гдѣ по зеленой травкѣ было раскидано бѣлье и гдѣ куры перебѣгали съ циплятами.

— Не дать, не взять, какъ въ деревнѣ!

Давно уже тянуло Дмитрія въ деревню. Онъ еще въ прошломъ году со Спиридономъ Блохинымъ чуть не убрался на Югъ. Одно только и остановило, что Спиридонъ былъ непутевый, да лѣнивый такой, что не приведи Господи! И рѣчи-то не было у него о томъ, какова работа предстояла на Азовской дорогѣ, а только толковалъ Спиридонъ о томъ, что до самаго Косьмы-Демьяна тепло стоитъ, кормы добрые, хлѣбъ чистый... «а арбузы! Арбузы-то, три копѣйки сотня... поди-ты!»—Да и самъ Спиридонъ не собрался, а только потолковалъ. Оборонилъ Богъ, что не связался съ нимъ! А будь не Спиридонъ, а другой кто, заманила-бы деревня.

Хоть не больно былъ досугъ думать, а съ измальства, какъ еще только былъ онъ привезенъ сиротою въ городъ на ученіе изъ Тульской губерніи,—съ тѣхъ поръ еще все думалъ Дмитрій, что, какъ только станетъ человѣкомъ, въ Москвѣ ему не житье. Какова-бы была его доля на нищенской десятинѣ, онъ не прикидывалъ. Деревня издали показывалась ему съ зеленью, съ широкимъ полемъ, съ деревянной избою, да съ курами по двору и голубями на почернѣвшей крышѣ.

И, щурясь отъ солнца, поглядывалъ Дмитрій на слуховое окно на чердакѣ прачкинаго флигеля.

— Голубей-бы... Вотъ-бы голубей завелъ!.. А что-жъ?—ободрялъ онъ себя; это теперь выходитъ такое дѣло, что почему-бы и не завести?

Все его радовало въ тѣ дни послѣ первыхъ минутъ удручающаго сомнѣнія. Весна-ли была тому причиною или начало новой жизни, но онъ шелъ на избранный имъ путь уже безъ всякаго недовѣрія, уже не размышлялъ о томъ, что дѣлалъ и почти забылъ и о своей страшной рѣшимости и о тягости жертвы.

Когда о своемъ рѣшеніи онъ сообщилъ Ивану Круглому, тотъ сперва долго и серьезно поглядѣлъ на него, потомъ повелъ головою и сказалъ:

— На большое это ты дѣло собрался, братецъ ты мой! Какъ-то Богъ приведетъ?..

— Ничего!—отвѣчалъ онъ;—и опаски-то у меня никакой нѣту-ти. Все едино оглобли не ворочать...

И не повернулъ онъ оглоблей. Перешелъ онъ къ другому хозяину и сталъ брать работу на домъ, поселился у тетки Пелагеи и недѣли чрезъ двѣ повѣнчался. Какъ разъ далъ Дуняшѣ срокъ покаяться теткѣ, сходить въ баню и отговѣться, — и пошла новая жизнь и прежняя работа по старому отъ утра и до вечера безъ устали и безъ тяжелыхъ мыслей.

Только Дуняша думала-было сперва, что ей лучше, радостнѣе будетъ, а вышло совсѣмъ иное. Больше году, какъ она отбилась отъ работы и отвыкла трудиться; на первыхъ порахъ показалось ей тяжело жить у тетки. Сама-то тетушка строга, шутки съ нею плохи. Уже съ перваго разу встрѣтила ее такъ, что вѣкъ должно было помниться.

— Я тебя поучу, такая ты сякая,—и слова были настоящія, крѣпкія,—ужь коли ты и вправду покаялась отъ своего негодства, это я погляжу, а березой угощать буду, это какъ Богъ святъ!

И чего, чего только не было! И все-бы это ничего; все-бы это снесла Дуняша съ радостью, «кабы только отъ Митрія какая за то ласка была». А то, какъ повѣнчался, тоже строгій сталъ, не любитъ онъ ее.

— Хоть-бы слово-то доброе сказалъ!

Придетъ онъ, не то, что хмурый, не то, чтобы сердитый, и не ругается, голоса не подниметъ... а попробуй, подступись къ нему... нельзя. «И душа твоя къ тому не подвинется».

Самому-то ему, видно, не весело было и отъ этого еще больше сокрушалась Дуняша. Казалось ей, что и надежды никакой не могло быть и ждать ей было нечего. Не жена она ему. А между тѣмъ знаетъ она, что онъ добрый, не броситъ онъ ее; не глядитъ на нее, а видитъ—такъ подъ глазомъ и держитъ и поневолѣ страшно становится.

— Боязно; ухъ какъ боязно!—говорила она теткѣ, когда пришлось какъ-то по душѣ поговорить.

Теткѣ даже жаль ее стало и начала она ее учить:

— А ты ему такъ и скажи: какая я ни есть, а все, по милости твоей, спаси тебя Богъ, теперь тебѣ я жена законная; такъ ты и пожалѣлъ-бы когда...

Но, должно быть, не съумѣла Дуняша сказать. Какъ начала просить, а онъ ей отрѣзалъ:

— Вотъ какъ! Дали яичко, такъ еще и вылупленное подавай! Коли медъ, такъ и ложку!.. Послужи исперва... а я погляжу.

Долго ей эти слова повторялись: «а я погляжу»... И сердце екнуло,—какъ будто отъ этихъ словъ, хоть и сердитыхъ, лучше сдѣлалось.

Только поглядѣть онъ не очень-то торопился. Пришелъ какъ-то вечеромъ и говоритъ, что на большую работу рядятъ. Графъ какой-то свою Подмосковную отстраиваетъ. Дворецъ большой, работа все тонкая, денегъ не жалѣетъ, да и подрядчикъ вѣрный человѣкъ.

— А намъ, говоритъ, отъ работы не бѣгать; все лѣто, должно, проработаю...

— Можетъ навѣдаешься когда? упавшимъ голосомъ и вся дрожа, рѣшилась спросить Дуняша.

— Извѣстно навѣдаюсь, отвѣтилъ онъ сурово и съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на жену;—ты какъ думала?

Наканунѣ отъѣзда, праздничнымъ днемъ, онъ свезъ ее къ Ивановой матери. Ивана не было дома. Съ нѣкотораго времени онъ много сталъ ходить по церквамъ; даже въ будничные дни, иной разъ отпросится и пойдетъ къ вечернѣ. Работникъ онъ былъ хорошій, а зналъ хозяинъ, что у него горе въ домѣ и потому былъ къ нему добръ. Только сталъ онъ отлучаться все чаще и чаще.

— Не къ добру, говорили товарищи; не запилъ бы горемычный!

Мать должно быть и не знала, что сынъ сталъ работу покидать. Она за него не боялась; когда Дмитрій спросилъ:

— Что Иванъ?

— Ничего,—отвѣчала она;—привыкать сталъ, не жалѣется. Да что тутъ!... Ты то какъ, сердечный?

— А вотъ, тетенька, богатымъ хочу стать, на работу ухожу. А вы Дунюшку мою, жену мою, полюбите; пущай она съ вами, съ добрыми людьми, знается. А? Дунюшка... такъ это я говорю?

И такъ ласковъ онъ былъ съ Дуняшей на людяхъ, что радостно ей стало и полюбилась ей старая Маланьюшка, Иванова мать; и когда уѣхалъ Дмитрій, каждый праздникъ она ходила къ ней.

Видѣлъ ее тутъ зачастую и Иванъ; но ради ея, ему труднѣе становилось. Онъ забывалъ, что и онъ первое время былъ счастливъ

съ женою; онъ теперь видѣлъ только, что Митьку привелъ Богъ сдѣлать добро, а ему не далъ. И такъ стало ему тяжело видѣть, что счастье не такъ невозможно, что не стерпѣлъ онъ; опять возропталъ: «нешто Ты, Господи, на милость Свою не властенъ?»

И пошелъ онъ къ своей Марьѣ, сталъ передъ нею, въ глаза взглянулъ и только и сказалъ:

— Болитъ у меня, родная моя; Боже-Ты мой, какъ душа болитъ!.. Въ самой серединѣ болитъ...

Опустившись на колѣни и раскачиваясь съ колѣна на колѣно съ руками скрещенными на груди,—точь-точь мамка дитя укачиваетъ,—заплакалъ Иванъ передъ виноватою женою.

И Марья заплакала.

— Пошла-бы я, говоритъ, да не смѣю...

— Охъ! Марья, родная моя, смѣй!.. Богомъ прошу тебя... приди...

И такъ онъ сказалъ это слово: «приди...» что еслибы со стороны кто услышалъ, то жалко-бы стало.

Марья еще больше заплакала и, громко всхлипывая, стала опять говорить:

— Не смѣю я... загубила я тебя... душа моя не прощаетъ.

Иванъ поднялся, обнялъ ее и сталъ утѣшать:

— А пущай ее не прощаетъ! Мало я развѣ муки принялъ? Ну, и ты потерпи... пострадай Богу... а Господь увидитъ... вѣдь Онъ тоже эвто понимаетъ... увидитъ... помилуетъ...

Вернулась Марья домой, да такъ убивалась, въ ноги свекрови кланялась, да такъ на Ивана глядитъ и по ночамъ надъ своимъ ребенкомъ сидитъ,—смотритъ и смотритъ,—не плачетъ, а видать какъ душа ноетъ,—что поняла старая Маланьюшка, что теперь не уйдетъ она больше. Скоро и Иванъ понялъ, что горе прошло, что Богъ помиловалъ.

Но только опоздало счастье; не вынесла его душа своей муки. Въ умѣ бѣдняга «попортился», какъ говорила про него мать.

Какъ вернулась Марья, съ тѣхъ поръ дня чрезъ три какъ будто что-то порвалось въ немъ. Съ утра въ мастерскую не пошелъ; сидитъ себѣ на скамьѣ, крестится и что-то шепчетъ. И лицо стало у него совсѣмъ другое; куда-то смотритъ онъ своими свѣтлыми глазами, а куда не поймешь никакъ. И не весело смотритъ, а словно улыбается. Какъ былъ съ утра, проснувшись въ этотъ день, одѣваться не сталъ и безъ шапки пошелъ къ вечернѣ; вернулся, сѣлъ, ѣсть не захотѣлъ, никому не отвѣчаетъ, все про себя что-то шепчетъ.

Ужъ какъ просила его мать! Уставилась противъ него, локоть въ ладонь, и подперевъ щеку, плакала, просила:

— Что это ты съ собою сдѣлалъ? Соколъ ты мой, дитятко мое!

На кого ты насъ бросилъ? И живой, а бросилъ... ужъ лучше-бы померъ... Да ты на мать-то свою взгляни, дитятко...

Невѣсткѣ-то ничего не попрекаетъ Маланьюшка; на той и безъ того лица нѣтъ; ходитъ, несчастная, блѣдная, съ испуганными глазами по хозяйству убирается и взглянуть ни на кого не смѣетъ.

Заходили сосѣди поглядѣть на больного и, какъ кто приходилъ, начинала Маланья съизнова плакать и причитывать и всѣмъ повторяла тотъ-же разсказъ про то, какъ это съ нимъ вдругъ сдѣлалось.

— Не доглядѣли, должно,—говорила она;—кабы знатье, можетъ и отходили-бы...

Зашелъ и дядя Прохоръ Игнатьичъ, посмотрѣлъ на Ивана, проворчалъ: «Ерема, Ерема, сидѣлъ-бы ты дома!..» махнулъ рукою и пошелъ себѣ. На него только и оглянулся Иванъ и какъ-будто даже усмѣхнулся его словамъ.

Вечеромъ пріѣзжалъ и докторъ, да ничего не сказалъ, даже рубля не взялъ. Только уходя, онъ наказывалъ Анютѣ, сестрѣ Ивана,—кондукторшѣ, что неравно станетъ неспокойный, надо будетъ въ богоугодную сдать.

Но Иванъ не дѣлался безпокойнымъ. Со временемъ и къ нему привыкли и онъ къ людямъ привыкъ, даже говорить сталъ, когда что нибудь было нужно; съ ребенкомъ онъ больше всего забавлялся и съ нимъ говоритъ-бывало какъ человѣкъ, сказки ему расказываетъ, смѣется, смастеритъ ему игрушку и забавляется. Другой работы онъ уже не дѣлалъ. Первые дни, какъ сталъ онъ уходить изъ дому, боялись за него—не случилось-бы чего, не дай Богъ! А потомъ стали видѣть, что ходитъ онъ себѣ, какъ Божій человѣкъ, ни отъ кого обиды не терпитъ и самъ никакого зла не дѣлаетъ, и успокоились. Одно только было неудобно: тутъ и безъ того бѣдность подступала съ тѣхъ поръ, какъ онъ работу оставилъ, а тутъ еще пошли убытки. Пойдетъ ходить, свою одежу всю раздастъ нищимъ, самъ вернется въ какомъ-нибудь капотѣ, безъ сапогъ. Два раза пробовали его одѣвать,—опять роздалъ, въ лохмотьяхъ вернулся. Такъ и оставили. И привыкли къ нему и домашніе и чужіе, которые всякій день и большую часть дня встрѣчали его на улицахъ или по церквамъ. Издали каждый могъ узнавать его крупную, костистую фигуру въ какой-то длинной, женской кацавейкѣ или старомъ салопѣ, съ котораго сорвана была подкладка, подпоясанномъ клѣтчатымъ платкомъ, безъ шапки и безъ сапогъ, иногда въ резиновыхъ калошахъ на босую ногу.

Съ утра бродилъ онъ отъ церкви до церкви, засунувъ руки рукавъ къ рукаву, какъ будто ежась отъ холода и въ холодный и жаркій день одинаково. Идетъ онъ, никуда не глядитъ, голову держитъ всегда прямо,—большую голову съ короткими, слегка курчавыми

волосами. Сѣрые глаза не веселы, а по всему лицу въ морщинкахъ, какъ у карлика, съ рѣдкимъ пушкомъ бороды, ходитъ странная улыбка,—хоть и сморщенная, а все-таки улыбка. Встрѣтитъ нищаго, пороется глубоко въ рукавахъ или за пазухой, достанетъ грошъ или кусокъ хлѣба, подастъ и идетъ себѣ дальше и все время по дорогѣ и даже когда въ церковь придетъ, шепчетъ что-то про себя: иногда молитву читаетъ и проворно крестится, а иногда бормочетъ какія-то рѣчи и, прислушавшись, можно было разобрать чаще всего повторявшіяся слова: «посидѣть... поговорить... такъ-то лучше было-бы...» А когда останавливалъ его какой-нибудь благотворитель и хотѣлъ подать Божьему человѣку, онъ всегда отказывался, повторяя всегда то-же самое:

— Нѣ!.. не надо, милый человѣкъ, не надо... я радый...

Денежки его давала ему Марья, и онъ всякій разъ благодарилъ, весело смѣялся и цѣловалъ ее троекратно въ обѣ щеки.

Нѣсколько разъ за лѣто навѣдался домой Дмитрій. Узналъ, что Марья вернулась, а какъ услышалъ про новую Иванову бѣду, поѣхалъ къ Маланьѣ, сталъ надъ нею и охаетъ:

— Жаль мнѣ васъ, голубушка. Охъ! что-же это такое за горе стряслось.

— И-и! Миленькій... это-ли горе!—утѣшала его старуха въ своей собственной бѣдѣ;—вотъ посмотрѣлъ-бы ты... слыхалъ про Чуйкиныхъ? Три калѣки да старикъ безъ рукъ, безъ ногъ другой годъ не шевелится, да одинъ только Григорій молодой всѣхъ кормилъ, за всѣхъ работалъ. Ну, и уходился... на той недѣлѣ понесли... пропадай безъ его! Да и мало-ли такихъ? Эхъ! Миленькій... на погостѣ живши, всѣхъ не оплачешь. Всякому свое горе бываетъ.

Долго воспоминаніе этихъ словъ смущало Дмитрія. «Всякому свое горе бываетъ...» а ему, какъ на зло, повалило счастье. Кончилъ онъ работу въ Подмосковной, рублей шестьдесятъ чистыхъ домой принесъ, да и на будущую работу разсчеты большіе. Понравился онъ графу тому и тотъ обѣщалъ заказы на свой московскій домъ; обѣщалъ, что сколько работы ни кончай, всей не передѣлаешь. И Дмитрій съ своей стороны объяснилъ, что «эвто, какъ вашему графскому сіятельству угодно будетъ, потому мы этто всякую работу могимъ сдѣлать... тоже учены этому; напримѣрче... и небель подъ всякій фасонъ, какъ хотится, дѣлается, значитъ, подъ политуру, подъ позолоту или еще подъ антикъ; это значитъ, какъ когда темнымъ лакомъ подъ матъ съ бейцею проводится. Одно слово по всякому рисунку, какъ вашему графскому сіятельству пондравится. Это у насъ завсегда первый сортъ, значитъ, тутъ дѣло на совѣсть идетъ, а не то чтобы какъ... это мы тоже чувствуемъ безпремѣнно».

И въ самомъ дѣлѣ онъ работалъ хорошо и рукъ покладать было некогда.

Справился Дмитрій. Годъ прошелъ, онъ и самъ себѣ дворъ нанялъ, какъ мечталъ когда-то, за городомъ; двухъ ребятъ договорилъ и сталъ мастеромъ. Самъ графъ къ нему пріѣзжалъ навѣдаться на работу. И нужды никакой не знаетъ онъ и горя не вѣдаетъ.

Какъ-же это говорятъ, что у всякаго свое горе бываетъ? Даже тревожится Дмитрій; у него хоть-бы курица издохла! Все мирно и ладно. Жена такая хозяйственная стала, сама уже отъ себя теперь моетъ, хоть больше на бѣдный народъ, кому изъ милости, а кому и подождетъ,—да нельзя-же все сразу. За то вѣрная, ласковая; и ей уже не боится Дмитрій ласку показать. Да какъ и не показать, когда сердце радуется!

Выйдетъ Дмитрій ноги промять, да на доски посмотрѣть, перевернуть и выбрать какая посуше,—станетъ среди двора и смотритъ. Изъ мастерской доносится стукъ или свистъ рубанка и сквозь окошко видно какъ съ каждымъ свисткомъ пригибается къ станку голова подмастерья съ ремешкомъ на лбу, чтобъ волоса въ глаза не лѣзли. Кипитъ работа! А по двору сентябрьское солнце золотомъ гуляетъ по всѣмъ угламъ и всюду проникаетъ; щелку найдетъ такую узенькую, что и не видать совсѣмъ, а оно и туда пролѣзетъ. Въ тѣнь сталъ и въ тѣнь глядишь, а оно кругомъ тебя такъ и обдаетъ и по самой тѣни видишь, что съ неба солнце такъ и валитъ, сколько влѣзетъ, безъ мѣры, безъ разсчету, какъ благодать Господня! А тамъ, около забору, Дуняша, въ пестрой юбкѣ да въ рубашкѣ съ засученными рукавами, бѣлыми, спорыми руками развѣшиваетъ розовыя и красныя рубашки и иное тряпье, а на порогѣ ребеночекъ съ замазаннымъ соскою лицомъ печется на солнышкѣ, обнявшись съ рыжею собаченкой. А голубей-то, голубей-то понаплодилось!.. Обсѣли всю крышу и высоко подъ солнцемъ бѣлѣютъ между бѣлыми нитками осеннихъ паутинокъ и на огородѣ, между курами, косолапою походкой разводятъ круги и воркуютъ безъ умолку. Смотритъ Дмитрій и весело ему.

И такъ-то одинъ разъ вышелъ онъ, посмотрѣлъ на дѣло рукъ своихъ, на радость свою и диву дался: «Какъ это и почему такъ бываетъ, что одному одно дается, а другому другое?.. Вотъ, хоть-бы Иванъ Круглой... и рабочій былъ хорошій, непьющій, добрый человѣкъ, богобоязный...—за что ему это?

И сталъ думать Дмитрій объ Иванѣ и видитъ его, какъ онъ идетъ и улыбается и повторяетъ: «я радый»... Значитъ, горя онъ не чувствуетъ, что-ли? и болѣзни своей не знаетъ? Еще прошлую зиму встрѣтилъ его Дмитрій въ морозъ и метель. Шелъ онъ, какъ всегда ежась въ старомъ капотѣ, рукавъ къ рукаву, въ калошахъ на босу ногу, безъ шапки и только уши платочкомъ повязавъ. Звалъ его Дмитрій, хотѣлъ чайкомъ обогрѣть. А онъ ему:

— Нѣ! Не холодно, милый человѣкъ... я радый... радый, вотъ-те и вся тутъ!..

— Что за притча!—подумалъ Дмитрій; ужъ если ему въ такой холодъ, да не холодно, а въ лѣтній зной не жарко и при такой болѣзни не тяжело,—такъ это значитъ, что, пожалуй, онъ и въ самомъ дѣлѣ радый. Это, стало быть, думаетъ онъ, дѣло совсѣмъ на иное выходитъ: можетъ быть, не горе про всякаго бываетъ, а про всякаго своя радость есть.

Подумалъ, подумалъ... и пошелъ къ Ивану.

Смотритъ, сидитъ Иванъ у воротъ на колодѣ и съ дѣтьми играетъ. Старшій съ повозочкой бѣгаетъ, а годовалую дѣвочку Божій человѣкъ на рукахъ держитъ и смѣется.

— Ишь!—говоритъ онъ;—тятей зоветъ... понимаетъ.

Подсѣлъ къ нему Митька и слушаетъ, какъ онъ это совсѣмъ какъ резонный человѣкъ съ дѣвочкой говоритъ, совсѣмъ будто въ своемъ умѣ. Вспомнилъ Дмитрій, что когда Иванъ съ дѣтьми, то «завсегда къ ему умъ ворочается», и рѣшилъ его допросить, что онъ скажетъ?

— Скажи мнѣ на милость... вотъ жаль мнѣ тебя, что ты больной сдѣлался, что горе у тебя въ жисти было... Отчего-бы это такъ, что оба мы съ тобой на одно дѣло пошли, а мнѣ выходитъ благодать одна,—грѣхъ-бы и сказать,—а тебѣ во что?

Иванъ посмотрѣлъ на него, положилъ ребенка на руки и сталъ укачивать. Потомъ началъ говорить, да сперва несвязную рѣчь повелъ, все больше церковными словами. Мало-по-малу онъ сталъ говорить яснѣе, такъ что Дмитрій началъ понимать.

— Потому наипаче, милый человѣкъ, что такъ оно и есть—и концы въ воду... потому шила въ мѣшкѣ не утаишь. Теперче, какъ я на это дѣло сталъ... Богу служить, а объ себѣ заботу имѣлъ, потому, полюбилась она мнѣ... а еще думаю, Божье дѣло... вона. Гордость, вишь она гдѣ... А ты, милый человѣкъ, не думаючи, значитъ, прямо на Божье дѣло пошелъ, себя не пожалѣлъ. Вотъ Божье-то дѣло, выходитъ, безъ муки и Самъ Господь справилъ. А мнѣ говоритъ: «пострадай Богу»... Ну, и слава Тебѣ, Господи!.. Я и радый... А вотъ, дай срокъ въ Кеивъ нойду безпремѣнно... еще и въ умѣ поправлюсь, потому...

И вдругъ Иванъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на ребенка. Дѣвочка не спала, а, надувъ губки, перебирала пальчушками воротъ его капота и щипала рѣдкую бороду. Когда онъ взглянулъ на нее, она растянула ротъ въ улыбку и глазки заискрились. Онъ захохоталъ: «гляди какъ смѣется!..»—потомъ, взглянувъ снова на Дмитрія, продолжалъ:

— Потому, какъ теперче старшинькій подростаетъ, а и эта уже тятей зоветъ, такъ это совсѣмъ выходитъ дѣло негодящее, чтобъ въ

отцахъ у нихъ дуракъ испорченный былъ. Вотъ схожу помолиться, дастъ Богъ поправлюсь... это вѣрно я говорю...

Дмитрій поглядѣлъ на него и глаза заблестѣли.

— Ишь-ты!—сказалъ онъ, снялъ картузъ и зачесалъ за ухомъ; и на что тебѣ въ Кеивъ ходить? Отмолилъ ты, Божій человѣкъ, дѣломъ своимъ, потому изъ-за тебя и я человѣкомъ сталъ, а за мною и другіе идутъ... вотъ у меня въ ребятахъ есть одинъ... говоритъ: безпремѣнно хотится тоже, потому одному всѣхъ не спастить... а чрезъ тебя это Божье дѣло пошло. Ужъ ты-ли не отмолилъ?

И Дмитрій опять снялъ картузъ, перекрестился и вдругъ... цмокъ его въ плечо, точно къ мощамъ святымъ приложился, — не въ грѣхъ будь ему!..

Не въ грѣхъ будь и мнѣ, что на грѣшномъ мѣстѣ имя Божье я сказалъ...

В. Ширковъ.

---

* *
*

Въ пустынномъ ужасѣ нѣмого сновидѣнья
У блѣднаго костра полузабытыхъ грезъ
Душа безумная искала утѣшенья
И счастья жаждала—невыплаканныхъ слезъ.

И крылья простеревъ туманныя, какъ вѣчность,
И вдаль впеpивъ глаза съ блаженною тоской,
Она звала къ себѣ изъ мрака Безконечность
Въ союзѣ съ мудростью и чистой красотой.

Но погасалъ костеръ—и брезжилъ лучъ безстрастный
И зыблилась заря, колебля небосклонъ,
И зажигался день—и, безполезно ясный,
Онъ съ трепетной души согналъ печаль и сонъ—

Въ невинной пошлости земного прозябанья
Кружилась долгій день она, какъ мотылекъ,
И чужды были ей небесныя желанья,
И такъ ей этотъ сонъ былъ страненъ и далекъ!

І. Ясинскій.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

(Его жизнь и научная дѣятельность [1]).

VI.

Русская историографія въ оцѣнкѣ Бестужева-Рюмина.

Въ историческихъ статьяхъ Бестужева второй половины пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прекрасный матеріалъ для оцѣнки собственныхъ его взглядовъ на исторію и на задачи историка. Мы воспользуемся ими уже по одному тому, что въ позднѣйшихъ работахъ Бестужева нѣкоторыя изъ высказанныхъ теперь положеній были смягчены, дополнены, подверглись переработкѣ и даже измѣненіямъ; поэтому въ основу дальнѣйшаго изложенія будутъ положены сочиненія главнѣйшимъ образомъ этой, болѣе ранней поры, позднѣйшія же лишь насколько это представится нужнымъ для полноты мысли, при чемъ подчеркнуто будетъ преимущественно то, что составляетъ особенность взглядовъ К. Н., именно въ этотъ до-университетскій періодъ его научной дѣятельности. А такъ какъ уже и теперь въ изученіи любого вопроса К. Н. обыкновенно подходилъ къ нему *исторически*, т. е. предварительно изслѣдуя условія и обстановку его историческаго роста, то съ очерка русской историографіи, *какою послѣдняя представлялась Бестужеву*, начну и я.

Писать русскую исторію въ XVIII столѣтіи было еще рано. Это понялъ Татищевъ; это же поняли Миллеръ и Шлецеръ,—всѣ трое неутомимые работники на поприщѣ собиранія и изслѣдованія матеріала,—на поприщѣ единственно въ ту пору плодотворномъ. Съ другой стороны, потребность въ исторіи уже чувствовалась; но вызванныя ею попытки, въ силу вышеизложеннаго, заранѣе были обречены на неудачу. Наиболѣе

[1]) См. „Сѣв. В.“, 1897, №№ 4 и 5

замѣчательнымъ изъ такихъ неудачныхъ опытовъ былъ трудъ *кн. М. М. Щербатова*.

На «Исторіи» Щербатова всецѣло отразились взгляды и убѣжденія его времени. Всеобщимъ вѣрованіемъ той эпохи была мысль о возможности учрежденія полезныя гдѣ-бы то ни было, даже въ древности, легко пересаживать, съ тѣми же результатами, на всякую иную почву. Исторія при такомъ взглядѣ становилась не столько наукой, сколько сборникомъ поучительныхъ примѣровъ, назначенныхъ для воспитанія въ обществѣ отвлеченнаго нравственнаго чувства, для поученія людей государственныхъ, для уроковъ въ частной жизни. Такимъ образомъ, связь между явленіями терялась; различіе въ характерахъ разныхъ эпохъ пропадало; при оцѣнкѣ явленій принимались условія современныя не событію, а историку; внѣшній фактъ, случай считался достаточнымъ объясненіемъ, а «непониманіе общаго хода событій открывало обширное поле произвольнымъ догадкамъ и предположеніямъ». Вотъ почему для Щербатова исторія представлялась простою цѣлью причинъ и слѣдствій, т. е. внѣшне-прагматически; причина событія отыскивалась всегда въ событіи, ближайшемъ по времени, безъ яснаго представленія условій эпохи. Если субъективная оцѣнка, моральный критерій и «способствовали развитію нравственнаго чувства въ читателѣ, то ни на волосъ не увеличивали въ немъ историческихъ свѣдѣній и не пробуждали историческаго такта», который въ XVIII столѣтіи вообще признавался излишнимъ.

«Историческіе пріемы *Карамзина* немногимъ отличаются отъ пріемовъ Щербатова: оба историка смотрятъ на событія съ точки зрѣнія своего времени, оба пересыпаютъ разсказы нравственными сентенціями», оба «представляли себѣ ростъ русскаго народа самымъ неестественнымъ образомъ: въ началѣ они видѣли могущественное государство, обладавшее значительною степенью просвѣщенія, съ населеніемъ, ведущимъ обширную торговлю, съ богатыми городами и т. д. Потомъ, по прихоти великихъ князей, государство это распалось на части; пришли степные варвары, овладѣли имъ, отодвинули его отъ Европы, уничтожили всякій слѣдъ просвѣщенія, внесли степные обычаи. Спасителями отъ ига являются князья московскіе, которые, накопивъ денегъ хитростію, силою и т. п., соединяютъ въ своихъ рукахъ русскую землю. Тогда Россія снова является государствомъ могущественнымъ: заводитъ дипломатическія сношенія съ Европою, воюетъ съ Польшею и Швеціею; снова случайность—пресѣченіе династіи—поднимаетъ новыя смуты. Наконецъ, все успокоивается, и является Петръ: какъ Ярославъ раздѣлилъ Россію, такъ теперь Петръ далъ ей европейскую форму—и Россія шла туда, куда ее вели. Собственной иниціативѣ общества не оставалось ничего дѣлать: общество въ глазахъ историковъ прежняго времени—масса, лишенная самодѣятельности, матеріалъ, изъ котораго каждый герой или полубогъ можетъ вылѣпливать все, что ему угодно».

Тѣмъ не менѣе, при всемъ сходствѣ Карамзина съ Щербатовымъ въ непониманіи тѣмъ и другимъ общаго хода событій и въ объясненіи ихъ чисто внѣшними факторами, историкъ XIX вѣка имѣетъ одно большое преимущество передъ своимъ предшественникомъ: «онъ болѣе созналъ и осмыслилъ событія русской исторіи». Не говоря про художественность, трудъ Карамзина обладаетъ цѣлостностью, единствомъ. «Исторія *государства*—вотъ главный предметъ этого труда. Государственное единство, по Карамзину, ключъ ко всей русской исторіи»; собираніе русской земли—жизненный нервъ всего нашего прошлаго. Ярко выставить эту сторону было большою заслугою передъ наукой.

Поколѣніе, слѣдовавшее за Карамзинымъ, выросло уже въ новыхъ понятіяхъ. Надъ ихъ умами царилъ «великій критикъ, разрушившій древнюю римскую исторію, поразившій смѣлостью своихъ выводовъ» одинаково и западноевропейскихъ, и русскихъ ученыхъ: Нибуръ поднялъ вопросъ о достовѣрности источниковъ, о томъ, какимъ образомъ событія историческія находятъ свое отраженіе въ сознаніи народномъ, и что можетъ извлечь для себя историкъ изъ народнаго представленія. Попытка Нибура отыскать въ образахъ народной фантазіи зерно исторической правды, создать дѣйствительную исторію изъ миѳовъ, возстановить древнія времена, хотя и безъ лицъ, но съ дѣйствительными обычаями, въ живой реальной одеждѣ своего времени,—попытка эта открывала изслѣдователямъ XIX в. цѣлый новый міръ, вскрывая глубокій смыслъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ ничего не видѣли, кромѣ однихъ простыхъ фактовъ.

Параллельно Нибуру, во французской литературѣ возникаетъ другое теченіе—историческая школа, выдвинувшая блестящія имена Тьерри и Гизо. Одинъ (Тьерри) художественнымъ возсозданіемъ старины, облекая былое въ блестящую одежду, старается уразумѣть смыслъ всей исторіи французскаго народа, сводя ее на борьбу туземнаго и пришлаго элементовъ, галловъ и франковъ, и въ торжествѣ низшаго населенія видя торжество кореннаго. Другой (Гизо) видитъ историческое движеніе въ смѣнѣ идей, въ процессѣ умственнаго развитія, съ одной стороны, и въ послѣдовательной смѣнѣ общественныхъ учрежденій—съ другой. Гизо первый понялъ, что прогрессъ не во внѣшней смѣнѣ явленій, что исторія даннаго общества есть выраженіе его внутренняго развитія. Важное значеніе французскихъ историковъ, при всѣхъ частныхъ отличіяхъ ихъ другъ отъ друга,—въ признаніи за каждою эпохою отличительныхъ, ей только свойственныхъ чертъ и особенностей. Благодаря новому принципу, случайность историческихъ явленій, внѣшняя связь событій потеряли всякое значеніе, смѣнившись представленіемъ о разумномъ ходѣ исторіи и о необходимости опредѣлять значеніе каждой эпохи, одинаково какъ ради нея самой, такъ и для правильнаго пониманія всей со-

вокупности историческихъ явленій. Кромѣ того, на первый планъ выдвинута была исторія учрежденій и нравовъ, взамѣнъ преобладавшей дотолѣ исторіи военной, придворной и дипломатической. Признаніе же за каждой эпохою своихъ особенностей неизбѣжно отнимало какую-либо возможность смотрѣть на исторію, какъ на науку опыта, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ.

Это новое движеніе отразилось у насъ появленіемъ скептической школы, съ *Каченовскимъ* во главѣ, и «Исторіи русскаго народа» *Полевого*. «Какъ ни враждебно смотрѣли другъ на друга Каченовскій и Полевой, какъ ни расходятся они, повидимому, въ своихъ пріемахъ и цѣляхъ, въ сущности между ними существуетъ тѣсное сродство. Намъ мало дѣла теперь до того, что одинъ велъ Русь съ Чернаго, а другой—съ Балтійскаго моря, что одинъ отвергалъ Нестора и «Правду», а другой признавалъ ихъ. Дѣло въ томъ, что оба хотѣли понять органическое развитіе Руси; оба не вѣрили въ тождество человѣка и народа IX и XIX вѣковъ; оба понимали, что не только внѣшность, форма различаютъ людей разныхъ поколѣній. Этимъ-то воззрѣніемъ сильны они оба; за это-то давно пора отдать полную честь и тому, и другому».

Полевой первый изъ русскихъ историковъ старался отмѣтить въ каждой эпохѣ присущій ей колоритъ, первый пытался установить общій взглядъ на русскую исторію. Для Полевого, въ противоположность Щербатову и Карамзину, исторія представлялась «изученіемъ настоящаго въ связи съ прошлымъ, въ его корняхъ, въ его основахъ», а отнюдь не простою хронологическою смѣною фактовъ. Нельзя, однако, не видѣть, что уже въ самой широтѣ намѣченной задачѣ таилась—особенно для того времени—причина неуспѣшнаго ея выполненія. Дѣло въ томъ, что въ ту пору матеріалы далеко еще не были собраны и провѣрены критически; преобладало изученіе однихъ внѣшнихъ фактовъ. Приступать къ исторіи внутренней было еще рано: не была изучена, какъ слѣдуетъ, даже исторія внѣшняя.

Съ другой стороны трудность лежала и въ самомъ Полевомъ. При томъ взглядѣ, который онъ высказалъ,—«историкъ долженъ быть человѣкомъ, глубоко образованнымъ, вполнѣ знакомымъ со всѣми вопросами наукъ политическихъ, съ исторіею и бытомъ другихъ народовъ и т. д.; ясное пониманіе условій той или другой эпохи возможно только при сравнительномъ изученіи разныхъ эпохъ, иначе характеристическія черты, которыя надо уловить, останутся незамѣченными, и историкъ будетъ стоять лицомъ къ лицу съ фактомъ, значеніе котораго не понимаетъ. Не даромъ Гротъ, чтобы уяснить себѣ аѳинскую демократію, обращался за аналогіями къ исторіи европейскихъ народовъ, не даромъ Нибуръ такъ любитъ этотъ методъ, не даромъ Гизо для болѣе яснаго пониманія исторіи Франціи представилъ параллельное изображеніе начала англій-

ской исторіи». Полевому-же именно и не доставало полнаго пониманія одинаково и западно-европейской, и древне-русской жизни. Труды Гизо и Тьерри въ сущности были ему болѣе знакомы, чѣмъ русскіе источники. Задавшись мыслью отыскать въ русской жизни то, что имѣлось на Западѣ, онъ началъ удѣльный періодъ сравнивать съ феодализмомъ, наши общины сближать съ коммунами. Между тѣмъ, ничего подобнаго у насъ не было. Удѣльная система—строй отношеній совсѣмъ иного типа, иного характера, чѣмъ феодализмъ; древняя русская городская община есть прежде всего община всесословная; на западѣ-же городъ былъ общиной мѣщанской, возникшей въ противовѣсъ и на защиту отъ дворянства: съ цѣлью самозащиты въ западно-европейскомъ городѣ образовались цехи и корпораціи; у насъ-же корпорацій никогда не было. Ошибка въ исходныхъ точкахъ привела къ тому, что народныя особенности русской исторіи пропали въ трудѣ Полевого; ихъ нечего искать у него, какъ, впрочемъ, не слѣдуетъ искать и въ великомъ трудѣ Карамзина: «тамъ, гдѣ одинъ искалъ аналогій въ духѣ XVIII стол., тамъ другой искалъ ихъ въ духѣ исторической школы начала XIX в.».

Наконецъ, не менѣе важною причиною неуспѣха «Исторіи русскаго народа» слѣдуетъ считать идею *фатализма*, легшую, хотя и безсознательно, въ основу общихъ представленій Полевого. Хорошо понимая результатъ извѣстнаго явленія, извѣстныхъ условій, Полевой смѣшивалъ результатъ съ конечною цѣлью, не понимая того, что событіе есть результатъ извѣстныхъ обстоятельствъ и въ то-же время само условіе для созданія новыхъ. Такъ, напримѣръ, удѣльный періодъ, по мнѣнію Полевого, существовалъ для того, чтобъ выработать сознаніе единства; періодъ татарскій—чтобъ укрѣпить это единство и выработать его фактически. Вообще для Полевого важна была *конечная* цѣль событія, тогда какъ наше время цѣнитъ его *исходную* точку, ибо разумность общаго хода исторіи «не въ стремленіи ея къ заранѣе предназначеннымъ цѣлямъ, а въ самомъ развитіи, въ томъ, что извѣстныя обстоятельства ведутъ неизбѣжно къ извѣстнымъ результатамъ, сходнымъ, впрочемъ, только въ общихъ чертахъ и неизмѣримо расходящимся въ подробностяхъ». При всемъ томъ «книга Полевого во многихъ отношеніяхъ составляетъ важный шагъ послѣ исторіи Карамзина и представляетъ замѣчательную попытку приложить къ русской исторіи выводы европейской науки. Онъ могъ ошибаться, но самыя ошибки его поучительны. Мало того, есть такіе факты, на которые онъ посмотрѣлъ такъ вѣрно, какъ не смотрѣлъ никто ни до него, ни послѣ него».

Скептическая школа и *Каченовскій* сложились тоже подъ вліяніемъ западной науки. Болѣе пристальное и глубокое вглядываніе въ судьбы народовъ и государствъ, требованіе объясненій внутренняго смысла событій показало русскимъ ученымъ, насколько предшественники ихъ «не

замѣчали развитія народной жизни и не слѣдили за нимъ, а изображали всѣ эпохи безразлично». Въ отдаленныя времена русской исторіи имъ видѣлось развитое государство, образцы законодательной мудрости и т. п. Каченовскій не могъ не понять ложности такого преувеличенія, «но самъ онъ кинулся въ другую сторону: онъ не обратился съ своимъ обличеніемъ къ историкамъ, исказившимъ фактъ, а заподозрилъ справедливость самихъ фактовъ, достовѣрность источниковъ. Если въ лѣтописи и Русской Правдѣ находятъ подтвержденіе мнѣнія о могущественномъ государствѣ Олеговъ и Владиміровъ, если Слово о Полку Игоревѣ точно эпопея, въ смыслѣ классическомъ, если договоръ Олега есть доказательство того, что русскіе были не варвары, если Новгородъ точно велъ значительную торговлю,—если все это есть въ источникахъ, то не слѣдуетъ ли усомниться въ самыхъ источникахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они дошли до насъ въ спискахъ. Вотъ исходная точка воззрѣнія Каченовскаго и его школы. Путь, принятый ими, конечно, не вѣренъ, тѣмъ болѣе что всѣ ихъ сомнѣнія трудно было подкрѣпить фактами, да и фактовъ они знали не такъ-то много. Потому пришлось замѣнять ихъ гаданіями, предположеніями, аналогіями. Впрочемъ, важность и значеніе скептиковъ не въ томъ, что они сдѣлали положительнаго, а въ ихъ отрицательномъ значеніи: возбудивъ потребность ближе ознакомиться съ источниками, провѣрить не только сообщаемые ими факты, но и достовѣрность самихъ источниковъ, они, такъ сказать, подготовили появленіе здраваго взгляда на исторію».

Опаснымъ противникомъ Полевого и Каченовскаго выступилъ *Погодинъ*. Не смотря на то, что внутренняя правда была не на его сторонѣ, онъ одержалъ легкую побѣду, благодаря отсутствію научной подготовки въ томъ и другомъ и неправильной постановкѣ вопроса Каченовскимъ. Погодинъ—историкъ-экзегетъ. Много силъ и труда посвятилъ онъ на разборъ отдѣльныхъ фактовъ нашего прошлаго, на предварительныя работы, и въ этомъ заслуга его несомнѣнна. Но, «тонкій критикъ источниковъ, трудолюбивый собиратель матеріаловъ, онъ не только никогда не возвышался до широкаго общаго взгляда, но еще постоянно преслѣдовалъ рѣзкимъ и постоянно мѣткимъ сарказмомъ все, что похоже на общій взглядъ... Вообще, онъ остановился на анализѣ отдѣльныхъ явленій, но не возвысился до синтеза, непремѣннаго условія полнаго, всесторонняго изображенія народной жизни... Тщательный и добросовѣстный анатомъ историческихъ событій, Погодинъ не видитъ и не признаетъ общихъ руководящихъ началъ, послѣдняго, конечнаго результата изученія прошлаго въ связи съ настоящимъ. Его выводы по большей части мертвые, потому что они дѣланы съ трупа... Ученая, анатомическая работа забила въ немъ живое чувство; каменьщикъ убилъ художника; разложивъ русскую жизнь, въ лѣтописномъ разсказѣ о ней, на составныя

части, онъ не можетъ сложить этой части въ стройное цѣлое, ибо чувство жизни не возросло у него до сознанія, не помогло осмыслить цѣлаго, и только освѣщаетъ отдѣльныя явленія свѣтомъ, который, по отсутствію сознанія цѣлаго, нерѣдко долженъ быть по необходимости ложнымъ».

Какъ могло сложиться такое направленіе? Въ жизни бываютъ эпохи, когда чувствуется потребность подвести итоги всему, что сдѣлано раньше: это пора теоретическихъ построеній, философскихъ выводовъ. Но вотъ основное начало выяснено, изъ него сдѣлано всевозможное приложеніе; и тогда наступаетъ обратное движеніе мысли: оказывается, что начало, положенное въ основу теоріи, изношено, болѣе не удовлетворяетъ; что «найдены новые факты, требующіе себѣ объясненія, а выставленное начало этого объясненія не даетъ. Чѣмъ болѣе накопляется такихъ фактовъ, тѣмъ болѣе чувствуется надобность въ ихъ экзегетической разработкѣ. Тогда теоретическое направленіе уходитъ на второй планъ; общая мысль до тѣхъ поръ ясная, тускнѣетъ, и снова начинается кропотливая, подготовительная работа. Въ одну изъ такихъ эпохъ Погодинъ принялся за дѣло, завѣщанное Шлецеромъ. Еще болѣе укрѣпился онъ въ борьбѣ со своими противниками: Каченовскимъ и Полевымъ». Но остановиться на одномъ анализѣ фактическаго матеріала, раболѣпно сковать свою мысль наука, разумѣется, не можетъ; рано или поздно должна подняться встрѣчная волна, требующая подсчета итоговъ всему сдѣланному, новыхъ обобщеній, иныхъ построеній. Неудивительно, если Погодинъ, въ половинѣ XIX стол. продолжавшій стоять на устарѣвшей точкѣ зрѣнія Карамзина, оказался не въ состояніи отвѣтить на новыя требованія и потому остался позади теченія. Дѣло въ томъ, что «огромное количество накопившихся матеріаловъ, ближайшее знакомство съ иностранною историческою литературою, толчокъ, данный русской мысли Бѣлинскимъ, Грановскимъ и ихъ фалангою, вызывали новое теоретическое движеніе въ русской исторіи. Дѣятели откликнулись на этотъ призывъ: съ половины сороковыхъ годовъ начали писать *Соловьевъ* и *Кавелинъ*». Погодинъ, однако, остался глухъ къ новому движенію и упорно стоялъ на своемъ. «Мало того, въ это-то время онъ создалъ свой *математическій методъ*, началъ обращаться съ фактами, какъ съ цифрами, а вѣрить только тому, что записано въ лѣтописи». Это довѣріе лишь къ однимъ фактамъ и «нерасположеніе ко всякому разумному объясненію всего хода народнаго развитія» и было причиною, что дальнѣйшаго движенія русской исторической науки онъ не понялъ.

А между тѣмъ новая *историческая школа* скоро высказалась вполнѣ. Уже съ первыхъ шаговъ ея стало яснымъ, что она становится въ рѣзкую противоположность съ тою, которая стояла въ то время на первомъ

планѣ. Органическій ростъ русскаго народа, исторія, какъ «народное самосознаніе»—вотъ знамя, выкинутое новымъ направленіемъ. А внеся идею органическаго развитія, новая школа «поставила явленія русской исторіи въ надлежащую перспективу», что уже одно составило заслугу чрезвычайно важную. Понять все значеніе этого шага можно лишь вспомнивъ, какъ сбивчивы были до Соловьева и Кавелина представленія о связи событій вообще. Они ограничивались или одной прагматической связью, въ силу которой событія, цѣпляясь одно за другое, производятъ то или иное слѣдствіе, однако, безъ объясненія, почему именно производятъ (Карамзинъ),—или связью фаталистическою, роковою, которую, хотя и можно наблюдать въ ходѣ событій, но нельзя объяснить, такъ какъ источникъ ея внѣ самыхъ событій (Полевой). «Новая школа немедленно замѣнила всѣ такія прагматическія построенія исторіи построеніемъ философскимъ», изслѣдованія получили теперь руководящее начало, и притомъ такое, изъ котораго многое объяснялось весьма легко и просто; развитіемъ же, различными фазами и паденіемъ этого начала можно было наполнить всю исторію. Наше прошлое явилось «потокомъ, ровно текущимъ по извѣстному направленію и достигающимъ своей цѣли, которая, хотя не предуставлена заранѣе, но все-таки очевидна по самому ходу дѣлъ». Словомъ, найдено то, что на условномъ языкѣ того времени называлось «верховнымъ началомъ». Теперь перестали работать надъ однимъ только древнимъ періодомъ, но принялись изучать за-разъ все движеніе русской исторіи.

Спеціально про Соловьева Бестужевъ говоритъ, что «онъ освѣтилъ, осмыслилъ общій ходъ русской исторіи, поставилъ ясно и просто главные вопросы, указалъ единственный приложимый къ историческимъ изслѣдованіямъ методъ, ввелъ въ область русской исторіи явленія, которыя прежде въ нее не входили, и тѣмъ бросилъ неожиданный свѣтъ на то, что всѣ знали»,

Въ чемъ же состояло вышеупомянутое «начало», въ чемъ собственно видѣли «органическій» ростъ русскаго народа? Его опредѣляли, какъ борьбу родоваго, патріархальнаго быта съ государственнымъ и какъ послѣдовательную смѣну перваго вторымъ. Къ этимъ двумъ Кавелинъ внесъ еще третій, какъ промежуточное звено: бытъ вотчинный. Предполагая теорію родоваго быта достаточно общеизвѣстною, я не буду излагать ея содержанія, но прямо перейду къ критикѣ ея положеній Бестужевымъ.

Исходною точкою въ процессѣ развитія родоваго быта и перехода его въ бытъ вотчинный (сфера государственная), или въ семью (сфера частной жизни) Кавелинъ ставитъ то положеніе, что «племена и поселенія славянскія мирно выросли изъ одного корня и суть его стволы и вѣтви; такимъ образомъ прежде всего формируется племя съ своимъ племенноначальникомъ; изъ племени отдѣляются поселенія съ своими

старѣйшинами, изъ поселеній выдѣляются роды съ своими старцами, которые составляютъ сначала вѣче; затѣмъ съ выдѣленіемъ семей вѣче дѣлается общенароднымъ. Тутъ приходитъ князь съ дружиною, и Рюриковичи ославянились, развились въ родѣ, который въ свое время распался на семьи». Такое построеніе исторіи представляется Бестужеву прежде всего «чрезвычайно-стройнымъ, а потому и очень искусственнымъ». Со всѣмъ этимъ еще можно было бы согласиться, если бы знать навѣрное, «что племена славянскія образовались въ нынѣшней Россіи, на мѣстахъ своего жительства, что они не подвергались никакому постороннему вліянію, которое могло бы нарушить правильность національнаго развитія — словомъ, какъ выразился Кавелинъ, что они выросли изъ одного корня». Но именно за это-то и нельзя никакъ поручиться: племена эти образовались въ незапамятныя времена, когда по Южной Россіи бродили разноплеменныя толпы; славяне не могли не приходить съ ними въ столкновеніе и, вѣроятно, смѣшивались. Не даромъ у всѣхъ первоначальныхъ народовъ замѣчается отсутствіе рѣзкихъ народныхъ отличій. Столь же неизбѣжны были столкновенія на Сѣверѣ и на Сѣверо-Западѣ, гдѣ пришельцы, племена славянскія, нашли аборигеновъ: чудь и литву.

Конечно, вопросъ о происхожденіи племенъ — вопросъ спутанный и спорный, но «можно навѣрное сказать, что самому выдѣленію племенъ предшествовалъ длинный процессъ ихъ рожденія, при чемъ роль повивальной бабки играли сосѣднія племена инородческія. Трудно повѣрить, чтобы первою формою общежитія было племя, по крайней мѣрѣ на нашей почвѣ». Бестужевъ скорѣе сдается на то мнѣніе, что оно было послѣднею. Сначала, вѣроятно, отдѣлялась толпа, потому ли что ее гнали чужеземцы, потому ли что она ссорилась съ сосѣдями; эта толпа «селилась на новомъ мѣстѣ, разросталась, число поселеній увеличивалось, число общинъ возростало, и тогда являлось племя, такъ что, собственно говоря, процессъ образованія племенъ — *завершающій* процессъ», а *не начальный*. Ко времени появленія рюрикова рода процессъ этотъ, по всей вѣроятности, только еще начинался; будь онъ уже законченъ, то позже, «при раздѣленіи Россіи, изъ каждаго племени развилась бы самостоятельная народность; но этого не было, не смотря на множество мѣстныхъ особенностей. Вслѣдствіе этого мы заключаемъ, что процессъ развитія племенъ былъ застигнутъ въ своемъ началѣ и, стало быть, нельзя съ него начинать развитія и видѣть дальнѣйшее движеніе этого развитія въ распаденіи племени на народы и общины и, наконецъ, отдѣльныя семьи». Вотъ почему та ступень, которую Кавелинъ принимаетъ за первую, слѣдуетъ переставить на мѣсто послѣдней.

Переходя къ вопросу о самомъ *родѣ*, Бестужевъ замѣчаетъ, что «по естественному порядку образованія родъ не предшествуетъ семьѣ, а слѣ-

дуетъ за нею; за родомъ слѣдуетъ община, а за общиною племя. Выдѣленіе семьи изъ рода ведетъ, при естественномъ развитіи, къ кланамъ и даже кастамъ. Ничего подобнаго мы не видимъ на Руси: у насъ родъ, не развиваясь, распался на семьи». Да и гдѣ признаки существованія рода? Чѣмъ ознаменовалъ онъ свое существованіе въ русской исторіи? Кромѣ того, не надо забывать еще одного обстоятельства, одного изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ противъ родовой теоріи: родъ держится мужчиною; при родовомъ бытѣ женщина лишена значенія; между тѣмъ, въ славянскомъ быту мы видимъ какъ разъ противное, именно, вліятельное положеніе женщины. Намъ указываютъ на *княжескій родъ*. Но предварительно слѣдовало бы доказать, дѣйствительно ли княжескій родъ держался долго родовыхъ счётовъ и точно ли родовое начало, выставленное Ярославомъ Мудрымъ, есть начало туземное. Будь это порядокъ исконный, живи онъ прочно въ сознаніи современниковъ, его не нарушить бы такъ легко и скоро, по первой прихоти, ибо въ такомъ случаѣ онъ составлялъ бы религіозное вѣрованіе. Увѣрить въ существованіи родового быта, какъ основы славянства и исходной точки русской исторіи, возможно не иначе, какъ показавъ, что въ княжескомъ быту онъ держался хоть сколько-нибудь. Между тѣмъ, въ чистомъ видѣ родовыхъ междукняжескихъ отношеній мы не находимъ вовсе продолженія родового періода; «уже при первомъ изъ Ярославичей они нарушаются сначала вмѣшательствомъ народа, потомъ борьбою князей, названныхъ нашими изслѣдователями *изгоями*; далѣе мы видимъ постоянное стремленіе князей занять тѣ волости, которыя занимали ихъ отцы, стремленіе, освященное постановленіемъ любечскаго съѣзда. Такія отношенія, постоянно нарушаемыя, никакъ нельзя назвать правильными»; ихъ правильность составляла лишь идеалъ, но идеалъ никогда не достигнутый и опиравшійся на стремленіе внести хоть какой-нибудь порядокъ въ безурядицу ничѣмъ не опредѣленныхъ отношеній. Въ заключеніе своего анализа родоваго быта и строя Бестужевъ говоритъ: «По нашему крайнему мнѣнію, семья, носящая характеръ рода—тотъ же родъ, ибо дѣло не въ количествѣ членовъ. Что-же касается до междукняжескихъ отношеній, то этотъ вопросъ можно считать рѣшеннымъ», разъ всѣми признается, что принципъ старшинства составляетъ движущее начало этихъ отношеній, потому что имъ опредѣляется и самый *характеръ* отношеній, а въ этомъ собственно все и дѣло.

Въ вопросѣ о *вотчинномъ* бытѣ, отдавая предпочтеніе Кавелину передъ Соловьевымъ, Бестужевъ въ то же время сильно обрушивался на обоихъ за преклоненіе передъ *государственнымъ* характеромъ нашей исторіи, за игнорированіе исторіи областной. Отрицать существованіе у насъ провинціализма, по его мнѣнію, ошибочно. «Существованіе мѣстныхъ особенностей, неистребленныхъ даже крутыми мѣрами «собирате-

лей русской земли», свидѣтельствуетъ, что мѣстности имѣютъ болѣе значенія въ русской исторіи, чѣмъ можно было-бы предположить». *Государственная* идея—наслѣдіе гораздо болѣе поздняго времени. Нельзя говорить ни о кіевскомъ, ни даже о владимірскомъ государствѣ. «Вездѣ, и тутъ, и тамъ, мы видимъ начатки особеннаго, опредѣленнаго порядка дѣлъ, но нигдѣ не видѣли самого этого порядка. Государство есть понятіе опредѣленное, подъ которое нельзя подводить явленія, ему несоотвѣтствующія: государство Рюрика или Владиміра Св. какъ-то странно звучитъ въ нашихъ ушахъ, ибо при словѣ «государство» (забывъ этимологію), мы невольно представляемъ себѣ европейское организованное общество, съ опредѣленными законами, съ нѣкоторою искусственностью въ построеніи, съ замиренными элементами, обратившимися въ членовъ одного общаго организма; здѣсь-же мы видимъ disjuncta semina rerum, элементы, неполучившіе никакого правильнаго образованія, соединенные между собою только матеріальною силою. Можно-ли назвать государствомъ такое общество, которое завтра распадется на части, самыя части котораго мало знаютъ не только интересы одна другой, но даже и общіе интересы? Но что мы говоримъ! Объ этихъ общихъ интересахъ и самого представленія не существуетъ»...

Собственный взглядъ свой на вотчинный періодъ Бестужевъ-Рюминъ резюмируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Посреди славянскихъ племенъ, жившихъ мирнымъ сельскимъ бытомъ, появилась власть, чуждая всѣмъ этимъ племенамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣшнимъ образомъ, связывающая ихъ всѣ въ одно общее цѣлое. Сначала эта новая власть не прикрѣплялась ни къ какой отдѣльной мѣстности и существовала, какъ нѣчто чуждое. Въ условіяхъ стараго вѣчевого быта власть эта встрѣчала себѣ ограниченіе; конечно, предѣловъ между властью князя и властью вѣча не было поставлено. Борьба между ними велась подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій; тѣмъ не менѣе эти двѣ власти были живыя, дѣйствительныя власти, и ни одна не могла вполнѣ отстранить другую. Такъ продолжалось во весь кіевскій періодъ. Съ переходомъ сцены дѣйствія на сѣверо-востокъ условія измѣнились: князья усѣлись на мѣстѣ, съ ними усѣлись и дружины; вѣче замолкло, какъ потому, что вѣчевой бытъ не такъ крѣпко организовался въ Руси суздальской, такъ и потому, что не такъ часто представлялась возможность пригласить другого князя. Такая перемѣна въ главныхъ началахъ управленія сказалась и во всѣхъ условіяхъ быта: все, что было неопредѣленно въ Руси южной, получило прочный владѣльческій характеръ въ Руси сѣверо-восточной. Княжеская власть, ставъ въ болѣе опредѣленныя отношенія съ народомъ, тѣмъ не менѣе не имѣла ни времени, ни способовъ, ни даже нужды все приравнивать, сглаживать, объ искусственной централизаціи князья-вотчинники древней Руси не имѣли понятія. Вообще, все что дѣлалось, не столько

управлялось мыслью. сколько практическою необходимостью. чисто-частными отношеніями. Вслѣдствіе того, мѣстныя различія оставались нетронутыми: посредствомъ разныхъ жалованныхъ, несудимыхъ и т. п. граматъ. утверждались часто за какою-либо мѣстностью новыя права и привилегіи: уничтоженіе этихъ правъ и привилегій принадлежитъ уже времени полнаго утвержденія московскаго государства. которое довело понятія. выработавшіяся въ вотчинной Руси, до послѣднихъ предѣловъ».

Все это налагаетъ на насъ обязанности «поближе познакомиться съ тѣми учрежденіями. которыя въ періодъ московскаго государства существовали уже. какъ блѣдныя тѣни прошлаго, но въ періодъ вотчинный, а тѣмъ болѣе вѣчевой, были сильны». Между тѣмъ, намъ говорятъ, что «эти учрежденія не имѣли собственной силы, что такъ какъ ихъ сломила воля Москвы, то о нихъ и жалѣть нечего, ибо никому нѣтъ дѣла до тѣхъ учрежденій, которыя сами не могли постоять за себя». Если-де и существовали различія, то несущественныя, да и тѣ погибли подъ ударами «собирателей русской земли», все связавшихъ. все обезличившихъ. Такимъ образомъ результатъ исторической жизни возведенъ былъ въ цѣль. Это, конечно, придало исторіи болѣе яркій колоритъ, а «безстрастнымъ ликамъ»—какую-то поэзію и величавость; «въ честь и во славу собирателей русской земли создался какой-то историческій пантеонъ славныхъ мужей». Но въ сущности это былъ тотъ-же фатализмъ, что и у Полевого, съ тѣмъ лишь различіемъ, что фраза: «такъ предуставлено свыше» замѣнена другою: «того требовала историческая необходимость».

Но «мы не можемъ принять подобнаго воззрѣнія и думаемъ, что сочувствіе къ падшему составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣка, изученіе задавленныхъ учрежденій. особенно еще не вполнѣ развитыхъ, находившихся только въ зародышѣ — обязанность историка. Мало того. мы убѣждены, что въ обществахъ неразвитыхъ юридически— обѣ стороны. вступающія въ борьбу, легко уступаютъ только видимо: одна торжествуетъ фактически, но сила пассивная сохраняется въ другой: поэтому она имѣетъ всегда способность возстать». Вотъ почему необходимо слѣдить за историческими явленіями во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ до тѣхъ поръ, пока не теряются ихъ слѣды. Часто чрезвычайно важно знать происхожденіе того или другого отрывочнаго явленія, ибо оно даетъ ключъ къ объясненію цѣлаго ряда явленій, что можетъ имѣть важное примѣненіе не только въ наукѣ, но и въ практикѣ. Къ такимъ явленіямъ мы относимъ и русскую сельскую общину (не въ смыслѣ общаго владѣнія землею. а въ смыслѣ низшаго, такъ сказать административнаго центра). Соловьевъ, напримѣръ, «нигдѣ подробно не останавливается на этомъ явленіи, а между тѣмъ происхожденіе его—вопросъ вовсе непраздный: создана-ли она государствомъ съ цѣлью наложить тягло и сдержать бродячее населеніе, или это исконное явленіе русской

народной жизни? Тотъ или другой отвѣтъ совершенно измѣняетъ значеніе ея для исторіи. Соловьевъ мало останавливается на такихъ явленіяхъ, каковы зачатки самоуправленія даже въ сѣверной Руси, хоть-бы въ Москвѣ при Василіи Васильевичѣ, каково движеніе городовъ въ междуцарствіе, которое выставлено у него нерельефно. Онъ слѣдитъ за непрерывнымъ прогрессомъ и старается уяснить себѣ это начало; а то, чего стоилъ прогрессъ, онъ оставляетъ въ тѣни, почитая свое дѣло совершоннымъ однимъ обозрѣніемъ движенія прогрессивнаго начала, т.-е. государства. По его воззрѣнію, во весь тотъ періодъ, который прожитъ Россіею до конца междуцарствія, Россія была государство обширное, заботившееся о водвореніи наряда. Съ водвореніемъ-же его являются другія заботы—просвѣщенія и такъ далѣе, наконецъ, народное самопознаніе. Неужели такой выводъ можетъ удовлетворить стремленію къ самопознанію? Думаемъ, что нѣтъ: будущій историкъ долженъ, по нашему мнѣнію, прослѣдить тѣ начала, которыя побѣждены московской централизаціей. Съ этой точки зрѣнія многое можетъ явиться въ другомъ видѣ, самая побѣда получитъ другой смыслъ».

Такимъ образомъ для родовой школы, и это не только для Соловьева, но одинаково и для Кавелина, Чичерина, древняя жизнь представляется только тѣми своими сторонами, которыя слѣдуетъ уничтожить. Ея приговоръ звучитъ безпощаднымъ vae victis! «Прямымъ слѣдствіемъ такого воззрѣнія является логическое, чисто-формальное пониманіе жизни, которою жили наши предки, созданіе какого-то полнаго образа, которымъ какъ-бы завершается все изученіе, но за которымъ невольно чуется присутствіе другихъ элементовъ, непринятыхъ въ соображеніе и потому неуложившихся въ рамки. Такимъ образомъ нашими историками почти обойденъ, оставленъ безъ вниманія вопросъ существеннѣйшій при объясненіи народной жизни—вопросъ *этнографическій*». Возводя обезличеніе въ систему, гордо празднуя «собираніе разрозненныхъ храминъ», не замѣчали того, что осколки этихъ храминъ мѣстами еще живы и что именно въ ихъ-то изученіи и заключается главное значеніе изслѣдованій въ области русской народности».

Точка зрѣнія исторической школы глубоко несправедлива уже по одному тому, что она «опускаетъ изъ виду одну чрезвычайно-важную сторону дѣла, именно то, что развитіе народовъ и обществъ совершается не по строго діалектической нормѣ, что развивается не весь организмъ заразъ, а извѣстныя его стороны, которыя въ данный моментъ получаютъ полное господство и опредѣляютъ собою весь общественный строй, заслоняя на время другія стороны народной жизни: часто даже эти стороны поражаются временной парализіей, иногда принимаютъ цвѣтъ господствующаго направленія. Мысль, рефлексія менѣе всего дѣйствуетъ въ народномъ развитіи: оно совершается ка-

кимъ-то чутьемъ, инстинктомъ, и потому немудрено, что нерѣдко отклоняется отъ правильнаго, логическаго хода. Къ тому-же значеніе тѣхъ орудій, которыми совершается развитіе, то-есть, личностей, далеко не такъ ничтожно, какъ угодно думать историкамъ-систематикамъ. Конечно, личность не можетъ ничего сдѣлать, если среда ей сопротивляется; но, воспользовавшись извѣстными элементами, живущими и дѣйствующими въ обществѣ, человѣкъ геніальный легко можетъ на долго придать ему одностороннее развитіе, а особенно, если преемникамъ его мысли выгодно вести общество въ этомъ одностороннемъ направленіи... Когда намъ произносятъ громкія слова: начала, ходъ исторіи и т. п., мы невольно воображаемъ себѣ какую-то сознательность, заранѣе предуставленную цѣль, и хотя медленное, но вѣрное достиженіе этой цѣли. Такими жрецами логическаго развитія изображаетъ намъ Соловьевъ князей суздальскихъ и московскихъ: «Всѣ они походятъ другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго: всѣ они идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего пріемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными; въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ мы видимъ ясно постепенность этой смѣны». Эти величавые образы носятся передъ вашимъ воображеніемъ: представители великой идеи, они не даромъ жили на свѣтѣ и оставили по себѣ вѣчную благородную память, ибо знали чего хотѣли и потому достигли своей цѣли. Но того-ли они хотѣли, что мы имъ приписываемъ? Изъ словъ историка можно, пожалуй, заключить, будто Всеволодъ III зналъ, что результатомъ всѣхъ его дѣйствій будетъ Московское государство и будто только обстоятельства заставляли, какъ его, такъ и другихъ князей того времени медленно подвигаться къ этой цѣли. Но далеко не такъ все это было въ дѣйствительности: то, что мы называемъ началами, есть продуктъ исторической рефлексіи; цѣли у князей сѣверо-русскихъ были другія, болѣе близкія къ нимъ, болѣе естественныя. Намъ укажутъ на титулъ великаго князя всея Руси, принятый Симеономъ Гордымъ, на постоянныя указанія: «аще Богъ освободитъ отъ орды», постоянное увеличеніе «старшаго пути» и удѣла старшаго сына; наконецъ, на то, что Донской назначилъ по себѣ наслѣдникомъ Василія Дмитріевича и обязалъ Владиміра Андреевича не вступаться въ великое княженіе. Все это шаги важные къ достиженію извѣстнаго результата, но они нисколько не свидѣтельствуютъ о полномъ сознательномъ стремленіи къ цѣли, а скорѣе о постепенномъ ростѣ самаго представленія о великокняжеской власти

въ умахъ тѣхъ, которые были облечены ею: сначала московскій князь только по имени и по довѣренности къ нему хана—старшій, а потомъ за нимъ это старшинство утверждается богатствомъ, матеріальною силою и давностью. Точно также впослѣдствіи выросла государственная мысль въ государяхъ московскихъ; до сознательнаго идеала она доросла въ Грозномъ. Изъ чего, впрочемъ, нисколько не слѣдуетъ, чтобъ тотъже Грозный не былъ человѣкомъ самымъ увлекающимся, наименѣе логическимъ изъ всѣхъ государей московскихъ: у него логика никогда не переходила въ дѣйствительность, а оставалась только въ его требованіяхъ, въ идеалѣ: о Грозномъ и только о Грозномъ можно употребить это слово; идеи, идеала рѣшительно не было у князей московскихъ: все это создали наши историки».

Параллельно исторической школѣ слагалась другая: *славянофильская*. Выходя изъ совершенно различныхъ исходныхъ пунктовъ, обѣ онѣ стояли какъ двѣ враждебныя арміи. Историчесьая школа въ сущности выросла изъ Бѣлинскаго. «Нетрудно указать многія положенія этой школы, которыя были ни чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, высказаннымъ великимъ критикомъ иногда вскользь, мимоходомъ, иногда въ видѣ предположенія, вѣроятности и т. п. Сюда относятся прежде всего понятія Бѣлинскаго о роли Московскаго государства, о Грозномъ, Петрѣ и т. д. Исходная точка всѣхъ позднѣйшихъ толковъ такъ называемаго отрицательнаго направленія тоже въ статьяхъ Бѣлинскаго... Его воззрѣніе и его методъ сдѣлались методомъ и воззрѣніемъ всей школы». Славянофильство въ свою очередь выросло изъ романтизма. Романтизмъ, перенесенный съ западно-европейской почвы на нашу, породилъ уваженіе къ старинѣ и къ существующимъ чертамъ народнаго быта, прямымъ слѣдствіемъ чего была новая идеализація русской жизни—первая форма, подъ которою явилось славянофильство. Противоположное направленіе славянофилы окрестили западническимъ, а въ примѣненіи къ русской литературѣ—отрицательнымъ. Борьба между ними, несмотря на крайности партій, а, можетъ быть, именно благодаря этимъ крайностямъ, уяснила многое, давъ «возможность иного новаго направленія, равно непричастнаго увлеченіямъ ни той, ни другой партіи. Спокойные зрители борьбы, мы понимаемъ теперь, что безусловной правды не было ни на той ни на другой сторонѣ». Въ положеніе этого-то «непричастнаго увлеченіямъ» критика и пытается стать Бестужевъ, въ своей оцѣнкѣ славянофильскаго ученія.

Основными факторами, опредѣлившими ходъ и характеръ русской исторіи, славянофилы считали: православіе съ его соборнымъ началомъ, какъ исключительное достояніе славянскаго племени; любовь и смиреніе,

любовный союзъ правительства съ обществомъ, единогласіе, всесословность и общинное владѣніе землею.

Тезисы славянофиловъ Бестужевъ считаетъ во многомъ не безупречными. Любопытно, что онъ рѣзко расходится съ ихъ ученіемъ въ признаніи русскаго народа «по преимуществу православнымъ». Позже онъ думалъ иначе, и вотъ почему полагаю небезъинтереснымъ теперешнее мнѣніе Бестужева изложить въ возможно болѣе полномъ видѣ. «Православіе, какъ религія заимствованная, не можетъ служить отличительнымъ признакомъ народа. Конечно, религія первоначальная, созданная самимъ народомъ, то-есть, миѳологія, выражаетъ многія характеристическія черты народа, наконецъ, она ростетъ и развивается съ самимъ народомъ; потому греческій Олимпъ съ выросшею на его развалинахъ философіею служитъ выраженіемъ народнаго характера; то-же можно сказать и о римскомъ Пантеонѣ, но никакъ нельзя того-же сказать о православіи, которое принято нашимъ народомъ вполнѣ готовое. Конечно, многое онъ принялъ посвоему: много ходитъ въ народѣ повѣрій и преданій, созданныхъ его умомъ и его фантазіей, которыхъ вовсе не признаетъ церковь. Народъ считаетъ себя православнымъ, и онъ совершенно правъ въ томъ смыслѣ, что всѣ эти повѣрья, всѣ наивныя вѣрованія, къ которымъ съ такою любовью прислушивается историкъ и этнографъ, созданы въ простотѣ младенческаго вѣрованія, а вовсе не по суемудрію; но въ глазахъ церкви, особенно въ томъ видѣ, какъ ее представляетъ себѣ самый идеальный изъ славянофиловъ, покойный Кирѣевскій, всѣ эти повѣрья не свидѣтельствуютъ о православіи народа, а скорѣе о томъ, что народъ не развился до той высоты пониманія, которая доступна была отцамъ церкви. Вопросъ о томъ, что существенныя религіозныя истины, нужныя для спасенія человѣка, доступнѣе младенцамъ и людямъ простымъ, здѣсь вопросъ посторонній, ибо мы говоримъ преимущественно о томъ, можетъ-ли православіе служить характеристикою народа—и отвѣчаемъ: нѣтъ, ибо если вѣра и существуетъ въ сердцѣ, то въ сознаніи она мѣшается съ вещами, совершенно ей чуждыми. Словомъ, употребляя терминъ, вошедшій уже въ науку, русскій народъ до сихъ поръ живетъ въ періодѣ двоевѣрномъ...—мы говоримъ не только о раскольникахъ, но даже и о православныхъ. Характеръ этого двоевѣрія чрезвычайно любопытенъ: на немъ отразилась вся исторія народа отъ той эпохи, когда славянскія племена начали поклоняться силамъ природы, необлеченнымъ въ опредѣленный образъ, и до нашихъ дней. Но двоевѣріе—не православіе, хотя элементъ христіанскій въ немъ чрезвычайно силенъ. Духовные стихи и легенды служатъ лучшимъ доказательствомъ такого состоянія народнаго сознанія. Слѣдственно, можетъ-ли служить отличіемъ народнымъ то, что невполнѣ господствуетъ въ его сознаніи?»

«Новѣйшая наука до очевидности доказала намъ, что если христіанство легко принялось на русской землѣ, если оно не встрѣтило сильнаго, открытаго сопротивленія, то оно чрезвычайно мало укоренилось въ нравахъ и понятіяхъ. Даже безъ подробныхъ изслѣдованій можно было à priori понять всю странность подобной мысли: развѣ есть необразованный народъ въ мірѣ, который отрекся-бы совершенно отъ своихъ миѳическихъ повѣрій, отказался-бы отъ своихъ русалокъ или ундинъ, гномовъ, лѣшихъ и т. п.?» Да и вообще трудно представить себѣ такой быстрый переходъ отъ прежнихъ вѣрованій къ новымъ, чтобы сразу явилось желаніе принять христіанскую религію, чтобы сразу понять ее, тѣмъ, кто еще вчера поклонялся своему Перуну, Мокошу, Симу и Реглѣ. Ссылка на мягкія черты въ характерѣ нѣкоторыхъ богатырей Владимірова цикла мало убѣдительна, такъ какъ богатырскія пѣсни слагались въ теченіе многихъ столѣтій и отразили на себѣ много различныхъ наслоеній. Изъ самыхъ источниковъ извѣстно, что христіанство утвердилось на Руси не безъ борьбы.

Ученіе о любви и смиреніи Хомяковъ проводилъ и въ прозѣ, и въ стихахъ. Въ молчальникѣ Ѳеодорѣ, ради его монашескихъ добродѣтелей, онъ видѣлъ царя болѣе достойнаго памяти исторіи, чѣмъ въ отцѣ его Іоаннѣ Грозномъ; величіе послано Россіи,

За то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца, сокровенно
Завѣтъ Творца пріяла ты.

Кротостью объясняли славянофилы отсутствіе правильныхъ формъ устройства въ нашихъ древнихъ вѣчахъ, въ ней-же видѣли причину подпаденія подъ власть нѣмцевъ, турокъ и т. п. «Заблужденіе, лежащее въ основаніи этой теоріи, очевидно; очевидно также и то, что теорія-то составилась еще до изученія фактовъ. Въ этомъ, впрочемъ, нельзя винить славянофиловъ: факты въ той области, къ которой они обратили свою дѣятельность, въ области бытовой, еще не только не были сличены и провѣрены, но даже не вполнѣ были собраны; потому они подвели все, что знали къ готовой, чисто-нѣмецкой теоріи, пошли избитымъ путемъ германофиловъ; и какъ тѣ доказывали преимущество племени тевтонскаго, такъ эти пустились доказывать преимущество племени славянскаго».

«Любовный союзъ между властью и обществомъ» въ древней Руси также отнюдь нельзя назвать явленіемъ реальнымъ. Если въ критическіе моменты, какъ въ 1612 г., во время нашествія поляковъ и въ послѣдующіе годы, и замѣчается болѣе или менѣе взаимное согласіе между всѣми сословіями, если и собирались почасту земскіе соборы и долго не расходились, то это не болѣе какъ отрадныя исключенія. А

можно-ли о соборахъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича говорить, что они основывались на взаимной любви? Когда, напримѣръ, присоединеніе Малороссіи было рѣшено, правительство желало получить санкцію своему рѣшенію и созвало соборъ, который въ силу этого отнюдь не имѣлъ совѣщательнаго и рѣшающаго значенія, а долженъ былъ лишь закрѣпить и оформить постановленіе верховной власти. Въ сущности это даже и не былъ «соборъ». Если Иванъ Грозный выходилъ на площадь каяться народу въ проступкахъ своего правительства, то это было лишь результатомъ минутнаго увлеченія, охватившаго молодого царя—не болѣе. Спору нѣтъ, въ древности у народовъ славянскихъ вообще и у русскихъ въ особенности обѣ власти: *князь* и *вѣче* были равно самодержавны; разница лишь въ томъ, что князь дѣйствовалъ постоянно, а вѣче—изрѣдка, въ торжественныя минуты. Но едва-ли такой порядокъ можно считать идеальнымъ. К. Аксаковъ вѣрно отмѣтилъ существованіе у славянъ стремленія къ единогласію, отсутствія рѣшеній по большинству голосовъ, дѣйствительно, это черта общая и новгородскому вѣчу, и польскому сейму, но видѣть въ ней что-то хорошее, рѣшительно непонятно. «Похвальное» стремленіе «скорѣе дать изрубить себя въ куски, чѣмъ подчиниться большинству» не разъ приводило новгородцевъ къ открытой междоусобицѣ, а польское «nie pozwaliam» порождало неоднократныя схватки на сеймахъ.

Вообще эти пункты славянофильскаго ученія одни изъ самыхъ слабыхъ. Они суть выраженіе болѣе высокочеловѣчнаго и высоконравственнаго идеала, чѣмъ реальной правды. Положимъ, «бываютъ и въ жизни народа, и въ жизни отдѣльнаго человѣка минуты, когда этотъ нравственный идеалъ осуществляется; но, къ сожалѣнію, жизнь состоитъ не изъ однѣхъ такихъ торжественныхъ минутъ... Высокое свойство—любовь; но на ней одной не строятся общества гражданскія, хотя и горе тѣмъ обществамъ, въ которыхъ ея нѣтъ, точно такъ же, какъ тѣмъ, гдѣ внѣшняя формальная правда подавила внутреннюю; безъ ихъ соединенія общество становится шаткимъ, и только возстановленіе равновѣсія можетъ спасти его отъ гибели. Но полнаго торжества правды на землѣ, полнаго равновѣсія еще нигдѣ не было; будемъ надѣяться, что оно придетъ тогда, когда настанетъ полное торжество сознанія. Въ этомъ великомъ словѣ вся будущность человѣчества. Мы глубоко уважаемъ славянофиловъ именно за то, что они признаютъ верховное значеніе сознанія и первымъ условіемъ поступательнаго движенія ставятъ свободу совѣсти и свободу слова, вслѣдствіе чего и возстаютъ противъ всякаго насилія, откуда-бы оно ни шло; но торжество сознанія медленно: вотъ гдѣ подводный камень ученія объ единогласіи, одного изъ основныхъ началъ славянофильской доктрины. Положимъ, что въ тѣсномъ кругѣ дѣлъ «міра» возможно довести всѣхъ до соглашенія потому, что въ русскомъ чело-

вѣкѣ крѣпко убѣжденіе въ правотѣ міра и интересы такъ просты, что нетрудно довести виновнаго въ отступленіи до сознанія своей неправды; но перенесите то-же начало на болѣе широкую сцену, въ среду интересовъ, болѣе сложныхъ и разнообразныхъ, помирите торіевъ съ вигами—что тогда будетъ? Гражданское общество должно умереть, ибо безъ борьбы мнѣній нѣтъ жизни: борьба мнѣній, борьба партій не есть вражда, а только различное отношеніе къ одному общему сознанію, къ одной почвѣ. Вы допускаете свободу совѣсти и слова, вы даже требуете ихъ, слѣдовательно, невольно должны допустить большинство и меньшинство, ибо въ вопросахъ, составляющихъ сущность гражданской жизни, у всякаго слагается свой взглядъ, который отражается на всемъ, что онъ говоритъ; онъ можетъ сдѣлать уступку въ извѣстномъ пунктѣ, т. е. по большей части, прибѣгнуть къ практической сдѣлкѣ, слѣдовательно, удалиться на время отъ внутренней правды и водворить правду внѣшнюю. Пока мы съ вами въ идеалѣ, нельзя не уважать вашего твердаго убѣжденія въ необходимости одной правды внутренней; но помните, что вѣчная правда принимаетъ временныя формы: ихъ-то и не слѣдуетъ забывать. Вообще воззрѣніе славянофильское слишкомъ цѣлостно, слишкомъ-идеально и потому вполнѣ вѣрно только въ крупныхъ чертахъ: исторія для нихъ является едва-ли не чѣмъ-то внѣшнимъ: внутренняя же сущность остается неизмѣнна: оттого они относятся къ богатырямъ временъ Владиміра, какъ къ героямъ современной жизни, а къ общинѣ дорюриковской, какъ къ міру XIX вѣка, оттого земскіе соборы являются у нихъ вѣчемъ всей русской земли. Практическихъ нуждъ, вызывавшихъ это учрежденіе, представляющее скорѣе зачатки будущаго, чѣмъ остатки прошлаго, они знать не хотятъ».

Не раздѣляетъ также Бестужевъ славянофильскаго взгляда и на реформу Петра Великаго. Правда, онъ не смотритъ на нее и глазами западниковъ, отнюдь не считаетъ сомнѣніе въ ея пользѣ какимъ-либо страшнымъ преступленіемъ, готовъ находить ее поспѣшной и вполнѣ допускаетъ вопросъ «о законности и цѣлесообразности того пути, которымъ она произведена»; но въ то-же время рѣшительно отказывается идеализировать, подобно К. Аксакову, бытъ и строй московской Руси. «Любовное согласіе государства и земли» были далеки отъ осуществленія. Чѣмъ болѣе крѣпла политическая централизація, тѣмъ болѣе отступала Москва отъ прежней политики сохраненія мѣстныхъ особенностей; государство оставляло мѣстное самоуправленіе пока лишь само было слабо, но, разъ окрѣпнувъ, тотчасъ-же подчинило его себѣ. Нужды нѣтъ, что въ московскій періодъ централизаціонная дѣятельность выступаетъ не ярко, закрытая или старыми учрежденіями, или-же новыми, созданными государствомъ вслѣдствіе сознанія своей слабости,—тѣмъ не менѣе эта дѣятельность существуетъ: въ трудахъ Чичерина, Дмитріева и Соло-

тьева тщательно собраны всѣ слѣды таковой. Можно не раздѣлять удовольствія названныхъ историковъ, вызваннаго въ нихъ ростомъ этой централизаціи, но это еще не даетъ права отрицать самыхъ фактовъ, ими указанныхъ: слишкомъ уже они ясны.

«Петръ не былъ неожиданностью для Россіи, его дѣятельность опиралась на элементы, уже существовавшіе въ обществѣ; иначе онъ долженъ бы былъ встрѣтить такое противодѣйствіе, котораго даже ему не удалось бы сломить. Нѣтъ, слѣды старинныхъ учрежденій, которыя могли бы служить твердою точкою отправленія для Россіи нашего времени, въ сущности желающей того же, что отличало древнюю Русь, только съ нѣкоторыми новѣйшими видоизмѣненіями, необходимость которыхъ засвидѣтельствовалъ многовѣковой опытъ свой и чужой—слѣды эти погибли не отъ одного только петровскаго произвола: этому мы не повѣримъ, какъ ни картинно рисуютъ намъ Петра наши новѣйшіе историки, какъ ни горько жалуются на него славянофилы. Воля Петра была достаточно сильна, чтобы, опершись на готовые элементы, создать свой порядокъ; но изъ ничего кромѣ Бога никто творить не можетъ: люди всегда находятъ готовое. У Петра было сильное орудіе: служилое сословіе, приказные люди—словомъ, готовая администрація: а гдѣ администрація не служила цѣлямъ натуръ, подобныхъ натурѣ Петра? Положимъ, что она служила не всегда хорошо; положимъ, что кара царскаго гнѣва нерѣдко разражалась надъ косными и своекорыстными администраторами: но гдѣ администраторы, непоставленные подъ бдительный надзоръ общественнаго мнѣнія, огражденнаго прочными правами и учрежденіями, не были косны и своекорыстны? Теперь мы въ правѣ спросить: Петръ ли создалъ это орудіе? Страшное петровское «слово и дѣло»—эта лучшая ограда всѣхъ его дѣйствій; но развѣ мы не знаемъ подобныхъ же процессовъ изъ временъ благодушнаго царя Алексѣя Михайловича? Развѣ невѣрно слово Морошкина, назвавшаго «Уложеніе» кровавымъ подножіемъ послѣдующаго законодательства? Нѣтъ, и у старой Руси были свои темныя стороны, послѣдствія которыхъ чувствуемъ на себѣ мы, отдаленные потомки».

Реформа въ концѣ XVII столѣтія была необходима, и передовые люди того времени хорошо понимали это: весь ходъ исторіи велъ къ сознанію этой необходимости. «Еще задолго до Петра русская исторія вступила на путь крутыхъ переворотовъ; дѣло Петра было только смѣлѣе дѣйствій его предшественниковъ; но это потому, что онъ былъ не первый на этомъ пути: онъ переступилъ порогъ частнаго дома; онъ произвелъ переворотъ въ той сферѣ, гдѣ перевороты чувствуются всего болѣзненнѣе..... Вотъ почему нельзя безусловно принять всего того, что говоритъ о московскомъ періодѣ К. С. Аксаковъ, для котораго періодъ послѣ-петровскій является только эпизодомъ, т. е. чѣмъ-то случайнымъ.

несвязаннымъ съ предыдущимъ ходомъ событій, хотя связь между ними чрезвычайно ясна. Мы даже не считаемъ возможнымъ прямое возвращеніе къ началамъ Руси до-петровской: мы думаемъ, что эти полтораста лѣтъ не даромъ прошли для Россіи, что они создали новое положеніе и указали новыя потребности. Одна изъ самыхъ умныхъ статей «Дня» оканчивается замѣчательными словами: «Спасеніе наше въ наукѣ, въ *нѣмецкой* работѣ мысли, въ трудовомъ изученіи дѣла, въ наиподробнѣйшемъ изслѣдованіи нашего прошедшаго и нашего настоящаго быта, въ трезвой, въ строгой, въ послѣдовательной наукѣ. Изъ за науки мы расходились съ народомъ, съ наукою должны придти къ нему, чтобы слиться съ нимъ». Все отрицать во имя давнопрошедшаго такъ-же опасно, какъ и отрицать все во имя неизвѣстнаго будущаго и невыяснившихся идеаловъ: все изучить, все понять—вотъ задача науки; всѣмъ воспользоваться, ничего не упустить изъ виду—вотъ задача практическаго дѣятеля. Историческія эпохи кладутъ неизгладимый слѣдъ на все общество и бываютъ минуты, когда непониманіе того, что именно важно, ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Мы охотно вѣримъ, что петровская реформа была во многихъ отношеніяхъ отклоненіемъ отъ правильнаго пути развитія: но это отклоненіе началось не съ Петра и не безслѣдно прошло для русскаго общества: мы даже думаемъ, что и не безполезно. Конечно, главная польза отрицательная: мы знаемъ, какимъ путемъ общество не должно идти, чего именно надо избѣгать. Но между плодами петровской реформы не всѣ и горьки: европейское просвѣщеніе принесло намъ гуманность, принесло опытъ тысячелѣтней жизни, который служитъ лучшею опорою нашего собственнаго опыта. Теперь, кажется, пора выступить въ новый путь, и мы надѣемся, что, выступая, мы не кинемъ, какъ лишнее, все, что куплено дорогой цѣною».

Самый характеръ Петра Бестужевъ рисуетъ слѣдующими штрихами: «Безустанная дѣятельность, энергическое стремленіе къ цѣли, разъ поставленной, вѣра въ себя, въ свое призваніе, въ возможность все видѣть, все обсудить, за всѣмъ наблюдать самому — вотъ отличительныя черты характера Петра. Эти-то черты поражаютъ преимущественно потомство: онѣ-то воспѣваются прозою Ломоносова, Голикова и Устрялова, стихами Ломоносова и Пушкина. Величіе результатовъ, достигнутыхъ въ тридцати-шестилѣтіе правленія Петра поистинѣ изумительно, особенно, если вспомнимъ, что сотрудники его были только исполнителями его воли, что послѣ его смерти не нашлось людей, которые могли бы продолжать его замыслы, что онъ встрѣчалъ, если не явное сопротивленіе, то глухой ропотъ во всѣхъ слояхъ общества. Но въ самыхъ-то этихъ блестящихъ качествахъ таилась одна изъ главныхъ причинъ слабыхъ сторонъ дѣятельности петровой: вѣря только самому себѣ, онъ не приготовилъ себѣ наслѣдника, да и не готовилъ его; самъ неутомимо-дѣя-

тельный, онъ требовалъ отъ всѣхъ подобной же дѣятельности, но дѣятельности по приказу, по наряду, то-есть, именно той дѣятельности, къ которой у человѣка менѣе всего лежитъ сердце. Слишкомъ—обширная и усиленная дѣятельность мѣшала ему вникать въ причины встрѣчаемаго сопротивленія и изыскивать вѣрнѣйшія средства къ отстраненію его: торопясь къ цѣли, онъ прибѣгалъ къ самымъ энергическимъ мѣрамъ для уничтоженія препятствій. При такомъ взглядѣ, онъ, конечно, не могъ дорожить жизнью человѣческою, и казни и пытки были его главнымъ орудіемъ въ достиженіи цѣлей. Намъ скажутъ: время было жестоко: потребность въ реформѣ ощутительно-необходима. Все такъ; но и въ это время не всѣ правители лично присутствовали въ застѣнкахъ, и чтобъ найти подобное любопытство въ русской исторіи, мы должны обратиться къ временамъ Грознаго. Да, не даромъ Петръ видѣлъ въ Грозномъ своего предшественника: въ характерѣ ихъ много сходнаго; можетъ быть, самая разница въ результатахъ объясняется тѣмъ, что между ними лежитъ пространство двухъ столѣтій, и что Петръ нашелъ уже подготовленную почву для преобразованій, къ которымъ и самъ былъ больше подготовленъ. Впрочемъ, есть разница и въ самыхъ характерахъ: Иванъ былъ болѣе мечтатель: натура Петра была реальнѣе».

Указанные недостатки славянофильской школы отнюдь не должны закрывать намъ глаза на положительныя ея стороны. Если она и не доказала своихъ положеній, если она—что особенно бросается въ глаза по сравненію со школой родового быта—не произвела ничего цѣльнаго, не выдвинула ни одного лица, заслуги котораго могли-бы равняться съ представителями противоположнаго направленія—заслуги ея въ исторической наукѣ тѣмъ не менѣе весьма крупныя. Исходя изъ того-же положенія, что исторія есть выраженіе органическаго роста народнаго, славянофилы показали, что смѣна родового начала началомъ вотчиннымъ и государственнымъ—признакъ слишкомъ внѣшній, что онъ не въ силахъ ни охватить всей совокупности явленій, ни вскрыть другихъ болѣе кардинальныхъ факторовъ русской исторіи, что удовлетвориться этимъ признакомъ невозможно, а необходимо заглянуть въ самую душу народную, вскрыть внутреннія начала, руководящія нашею жизнью, потому что сказать, что смѣна родового быта (Соловьевъ) или гражданскаго общества (въ смыслѣ отдѣльныхъ союзовъ и отдѣльныхъ лицъ (Чичеринъ) государствомъ составляетъ сущность русской исторіи—еще далеко не значитъ объяснить силу, создавшую эту исторію. Предъявляя наукѣ новыя требованія, славянофилы не ограничились выработкой одной только программы, но первые-же сдѣлали опытъ объясненія прошлаго соотвѣтственно высказаннымъ требованіямъ.

«Главная и основная ихъ заслуга въ томъ, что они отстаивали права жизни отъ всякой регламентаціи, права народа на своеобразное разви-

тіе; они первые заговорили у насъ о томъ, что каждый народъ имѣетъ право посвоему развивать и учрежденія, и даже науку... Словомъ, славянофилы хотятъ, чтобы дали жизни свободу развиваться, какъ ей угодно, не задерживая и не понукая ее: они думаютъ, что то и другое равно вредно... Народность—вотъ главный лозунгъ славянофиловъ»; подъ этимъ лозунгомъ охотно подписывается и Бестужевъ. Если начала, на которыхъ они думали построить русскую народность, и не выдерживаютъ никакой критики: если все дальнѣйшее движеніе науки и опровергаетъ ихъ, то мы должны помнить, что въ ученіи славянофиловъ важно не рѣшеніе, а поставленные вопросы: «какъ алхимики, искавшіе золота, создали химію, такъ и славянофилы сами напали на нѣсколько цѣльныхъ мыслей, и другихъ побудили своею полемикою глубже вглядѣться въ предметъ». Вспомнимъ, что вѣдь и Полевой въ свое время тоже не справился съ задачей, но это не уничтожаетъ крупнаго значенія его въ развитіи нашей исторической мысли. Въ сферѣ общественной заслуга славянофиловъ еще важнѣе: «они первые указали на вопросъ, который теперь долженъ лечь во главѣ угла—они высказали необходимость искать въ народной жизни и въ до Петровской Руси тѣхъ началъ, на которыхъ могло-бы прочнѣе опереться наше общество. Конечно, нечего идеализировать нашу народность, нечего искать въ ней любви, смиренія и т. п. качествъ, изъ которыхъ иныя могутъ быть только принадлежностью частныхъ лицъ, другія даже въ частныхъ лицахъ составляютъ явленія ненормальныя, обусловливаемыя извѣстнымъ болѣзненнымъ состояніемъ души; но, съ другой стороны, несправедливо также мѣрить нашу народность мѣрою греческой или скандинаво-германской, особенно въ общихъ, крупныхъ чертахъ. Но, признавая въ общемъ болѣе правды за славянофилами, впрочемъ, инстинктивной, мы должны сознаться, что въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ фактахъ, правда была по большей части на сторонѣ ихъ противниковъ». Какъ-бы то ни было, «будущее принадлежитъ славянофиламъ, т. е. ихъ основнымъ убѣжденіямъ, когда эти убѣжденія освободятся отъ лишней примѣси и отъ гордой замкнутости, способной погубить всякое убѣжденіе, какъ-бы оно чисто и честно ни было».

Е. Шмурло.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Джонъ Ингерфильдъ.

Разсказъ изъ жизни стараго Лондона **Джерома К. Джерома**

Переводъ съ англійскаго **Н. Жаринцовой.**

ГЛАВА I.

Если вы проѣдете по подземной желѣзной дорогѣ до улицы Бѣлой часовни, а затѣмъ въ омнибусѣ до того мѣста, гдѣ онъ останавливается, миновавъ столбъ съ сидящей подлѣ него торговкой свиными ножками; если свернете оттуда въ шумную, узкую улицу, ведущую къ рѣкѣ, а затѣмъ въ еще болѣе узкую, съ неизбѣжнымъ трактиромъ на одномъ углу и лавкой старьевщика на другомъ,—то дойдете до маленькаго, мрачнаго кладбища, окруженнаго ветхой рѣшеткой. Здѣсь улица кончается, и рядъ переполненныхъ народомъ домовъ замыкаетъ со всѣхъ сторонъ печальное мѣсто. И бѣдные, закопченные домики и маленькая церковь кажутся дряхлыми и утомленными отъ вѣчнаго гама капризныхъ голосовъ и суеты, которые съ утра до вечера царятъ вокругъ нихъ. Можетъ быть, рѣзкій шумъ жизни, неугомонный даже среди бѣдности и лишеній, кажется страннымъ для старыхъ каменныхъ стѣнъ.

Заглянувъ сквозь рѣшетку кладбища съ той стороны, которая ближе къ рѣкѣ, вы увидите подъ тѣнью закопченнаго церковнаго входа (если только солнцу удастся раздѣлить пятна свѣта отъ пятенъ тѣни въ этомъ царствѣ темно-сѣраго сумрака)—узкій и высокій могильный камень: теперь онъ потемнѣлъ и шатается, но когда-то былъ бѣлый и стройный. Войдя на кладбище и разсмотрѣвъ высокій памятникъ, вы замѣтите вырѣзанныя на немъ слова и фигуры. Насколько можно разобрать, полустертый рисунокъ изображаетъ лежащаго на землѣ человѣка и другого, склонившагося надъ нимъ. Въ сторонѣ вырѣзана еще какая-то фигура, но теперь невозможно разобрать, что она изображала, когда камень былъ

новый. Это какое-то неясное, продолговатое пятно,—можетъ быть ангелъ, а можетъ быть просто столбъ. Подъ барельефомъ находятся слова: «Памяти Джона Ингерфильда и его жены Анны».

Если когда-нибудь въ воскресное утро, услыша зовъ разбитаго колокола, вамъ вздумается придти въ маленькую церковь, вы увидите тамъ нѣсколько стариковъ въ старомодныхъ коричневыхъ кафтанахъ съ мѣдными пуговицами: всѣ они собираются по привычкѣ подъ тѣ-же каменные своды, покрытые пятнами сырости, которые слышали ихъ молитвы много лѣтъ тому назадъ. Если послѣ службы вы разговоритесь со стариками, пока они отдыхаютъ на мшистомъ фундаментѣ ограды, вы можете услышать разсказъ изъ далекаго прошлаго, который я слышалъ отъ нихъ когда-то на этомъ самомъ кладбищѣ.

Но вамъ, можетъ быть, не охота забираться на конецъ города и утруждать себя всей этой возней, а старики, вѣроятно, уже такъ устали жить и разсказывать, что вы отъ нихъ ничего не добьетесь, хотя-бы и хотѣли узнать въ чемъ дѣло; поэтому я на всякій случай сообщу вамъ то, что слышалъ отъ нихъ.

Но мой разсказъ не передаетъ вамъ полнаго впечатлѣнія: записывая все, оставшееся въ памяти, я невольно смотрю на это съ точки зрѣнія профессіональнаго писателя; тогда какъ старики, передавая мнѣ факты, умственнымъ взоромъ видѣли тѣ лица, о которыхъ разсказывали, чувствовали вновь нити, связывавшія когда-то ихъ жизнь съ жизнью тѣхъ людей, и—подъ шумъ окружавшей насъ уличной суеты—прислушивались въ душѣ къ голосамъ тѣхъ, кого я не могъ слышать, и къ отзвукамъ тяжкой жизни и тяжкой смерти, снова приходившей передъ ихъ глазами.

Предки Джона Ингерфильда, владѣтеля салотопенныхъ заводовъ на берегу рѣки, ниже города, испоконъ вѣковъ отличались упрямствомъ, жестокостью и способностью наживать деньги. Лѣтопись, вглядываясь въ прошлое, упоминаетъ впервые о родѣ Ингерфильдовъ въ лицѣ сильнаго, загорѣлаго отъ морского вѣтра, длинноволосаго человѣка, фигура котораго просвѣчиваетъ сквозь густую мглу минувшихъ вѣковъ. Пришелъ онъ изъ-за далекаго Сѣвернаго моря. Зовутъ его Ингъ, или Унгеръ. Впервые является Ингъ въ лѣтописи на песчаномъ берегу Нортумберланда, въ числѣ нѣсколькихъ свирѣпыхъ на видъ людей. За плечами у него двухсторонняя боевая сѣкира—единственное его достояніе.

Но упрямствомъ и умѣньемъ человѣкъ этотъ превратилъ ничтожное достояніе въ богатство. Въ наше время, когда обогащеніе представляетъ долгую и кропотливую работу, кажется удивительнымъ, какъ боевой топоръ обратился въ рукахъ одного человѣка въ широкія нивы и многочисленныя стада

Потомки Инга, вѣроятно, наслѣдовали его талантъ къ наживѣ, потому что богатство рода разростается съ быстротой, какая не снится нашимъ дѣльцамъ. Всѣ представители рода Инговъ преслѣдуютъ одну цѣль въ жизни: сражаются ради денегъ, женятся ради денегъ, живутъ ради денегъ и готовы умереть за деньги.

Въ дни, когда на рынкахъ Европы цѣнилась выше всего физическая сила и смѣлость, всѣ Ингерфильды шли въ ряды наемныхъ войскъ и предлагали свою силу и смѣлость тѣмъ изъ предводителей, кто больше платилъ. Они требовали хорошаго вознагражденія и не шли безъ ручательства, что получатъ деньги; но, заключивъ условіе, отправлялись въ бой храбро и спокойно, потому что были стойкіе люди, вѣрные своимъ убѣжденіямъ, хотя держались не особенно возвышенныхъ взглядовъ.

Затѣмъ настали дни, когда богатства міра предстали алчнымъ глазамъ человѣчества за неизвѣданными морями; но доставались они только въ энергичныя, сильныя руки. Тутъ духъ древнихъ Норманновъ воспрянулъ въ родѣ Инговъ; въ душѣ ихъ возродились пѣсни морскихъ королей, и настроили они кораблей и поплыли въ открытыя испанскими мореплавателями богатыя золотомъ страны.

Богатства рода еще увеличились.

Затѣмъ цивилизація постепенно проложила новые пути къ обогащенію и установила опредѣленныя, спокойныя правила житейской игры. Мирный трудъ сталъ выгоднѣе грабежа и насилія, и Ингерфильды занялись торговлей. Какъ наживать деньги—имъ было все равно; различнаго рода дѣятельность была у нихъ не призваніемъ, а только средствомъ для достиженія богатства. Они требовали каждую копѣйку, на которую имѣли право, хотя въ то-же время были справедливы—насколько сами понимали справедливость—и помнили о своихъ обязанностяхъ; иногда эти обязанности выполнялись ими даже съ оттѣнкомъ героизма, присущаго всѣмъ сильнымъ характерамъ. Преданіе разсказываетъ, какъ капитанъ Ингерфильдъ, возвращаясь изъ Вестъ-Индіи на своемъ кораблѣ, нагруженномъ богатствами,—о происхожденіи которыхъ, можетъ быть, лучше не разспрашивать подробно,—былъ остановленъ въ открытомъ морѣ королевскимъ фрегатомъ.

Командиръ фрегата посылаетъ къ капитану Ингерфильду парламентера съ вѣжливой просьбой немедленно выдать ему одного изъ матросовъ, существованіе котораго, по нѣкоторымъ причинамъ, представляетъ неудобство для правительства; поэтому командиръ фрегата заявляетъ, что этотъ матросъ долженъ быть выданъ ему и немедленно повѣшенъ на реѣ.

Капитанъ Ингерфильдъ вѣжливо отвѣчаетъ, что онъ—Ингерфильдъ—охотно повѣситъ каждаго изъ своихъ матросовъ, который этого заслуживаетъ; но что ни самъ король Англіи и никто другой на моряхъ всемогущаго Бога не можетъ этого сдѣлать безъ его согласія.

Командиръ королевскаго фрегата отвѣчаетъ, что если указанный человѣкъ не будетъ выданъ ему головою тотчасъ-же, то онъ принужденъ будетъ съ величайшимъ сожалѣніемъ отправить капитана Ингерфильда и его судно на дно Атлантическаго океана.

— Это ему даже необходимо сдѣлать, прежде чѣмъ я выдамъ когонибудь изъ моихъ людей,—передаетъ черезъ посланнаго капитанъ Ингерфильдъ и нападаетъ на большой фрегатъ, нападаетъ такъ яростно, что послѣ трехъ-часового боя командиръ фрегата находитъ болѣе разумнымъ снова начать переговоры.

Онъ выражаетъ капитану Энгерфильду свое восхищеніе его искусствомъ и отвагой и замѣчаетъ, что, оправдавъ на дѣлѣ свою славу, капитанъ Ингерфильдъ поступилъ-бы вполнѣ политично, выдавъ ему, наконецъ, ничтожную причину раздора и скрывшись со всѣми своими сокровищами.

— Скажите вашему командиру,—громовымъ голосомъ кричитъ въ отвѣтъ на это Ингерфильдъ, который въ эту минуту почувствовалъ, вѣроятно, что есть въ мірѣ вещи болѣе заслуживающія борьбы, чѣмъ даже деньги,—скажите ему, что «Дикій Гусь» не разъ переплывалъ моря, нагруженный сокровищами, и если будетъ на то Божья воля, еще переплыветъ не разъ; но что на немъ капитанъ и матросы трудятся рядомъ, сражаются рядомъ и умрутъ рядомъ.

Послѣ этого королевскій фрегатъ яростно аттакуетъ разбойничье судно и случайно выполняетъ свою угрозу: «Дикій Гусь» съ плескомъ опускаетъ въ воду рѣзной носъ и идетъ ко дну съ развѣвающимся на мачтѣ флагомъ и со всѣми людьми, гордо стоящими на палубѣ. И на днѣ Антлантическаго океана по сей день лежатъ они рядомъ—капитанъ и матросы—охраняя свои сокровища.

Этотъ достовѣрный случай изъ исторіи Ингерфильдовъ доказываетъ, что хотя они были суровые, жадные люди, цѣнили деньги гораздо выше чувства и любили холодное прикосновеніе золота болѣе, чѣмъ ласку женщины или ребенка,—но въ глубинѣ души у нихъ таились сѣмена благородныхъ страстей человѣчества; только сѣмена эти не могли разростись на голой почвѣ честолюбія, дававшей имъ слишкомъ скудную пищу.

Джонъ Ингерфильдъ былъ типичный представитель своего рода. Живя во времена Георга III, когда Лондонъ началъ быстро разростаться, и для освѣщенія его понадобилось громадное количество матеріаловъ, Джонъ Ингерфильдъ рѣшилъ, что выгодно будетъ построить масляный и салотопленный заводъ; дѣло не представляло особеннаго удовольствія, но должно было принести большой доходъ.

И вотъ молодой Ингерфильдъ строитъ огромную салотопню и склады въ нарождающемся предмѣстьи Лондона, за рѣкой, гдѣ начинаются пустынныя поля. Онъ собираетъ вокругъ себя сначала сотни, потомъ ты-

сячи рабочихъ рукъ, вкладываетъ въ дѣло собственную настойчивость, заботливость, ловкость,—и дѣло успѣшно разростается. Всю молодость онъ трудится, откладываетъ прибыль, тратится—и зарабатываетъ вдвое. Наступаетъ средній возрастъ, и Джонъ Ингерфильдъ самъ признаетъ себя богатымъ человѣкомъ. Главная цѣль жизни достигнута; собраны груды золота, предпріятіе поставлено прочно и не требуетъ неотлучнаго надзора хозяина. Пора подумать о второмъ дѣлѣ въ жизни—о женитьбѣ и устройствѣ дома лично для себя, потому что Ингерфильды всегда были хорошими гражданами, достойными отцами и гостепріимными хозяевами, у которыхъ домъ блестѣлъ, какъ полная чаша, среди друзей и сосѣдей.

Джонъ Ингерфильдъ, сидя у себя въ строго меблированной столовой, устроенной надъ конторой завода, въ простомъ, но прочномъ креслѣ съ высокой спинкой, медленно пьетъ ежедневный стаканъ портвейна и мысленно совѣтуется самъ съ собою.

Какая она должна быть?

Онъ богатъ и можетъ представить выгодныя условія.

Она должна быть и хороша и молода, достойна украсить своимъ присутствіемъ роскошный домъ, который онъ устроитъ для семейной жизни въ аристократической части города, далеко отъ вида и запаха салотопни. Она должна быть прекрасно воспитана, съ благородными и изящными манерами, которыя очаровывали-бы его гостей и дѣлали честь ему самому. Кромѣ того, она должна быть изъ хорошей семьи, древняго рода, генеологическое дерево котораго достаточно развѣсисто, чтобы прикрыть отъ глазъ общества салотопленные заводы.

Прочія качества будущей жены мало интересуютъ Ингерфильда. Понятно, она будетъ добродѣтельна и въ достаточной мѣрѣ набожна, какъ полагается воспитанной женщинѣ. Недурно, если у нея будетъ мягкій и уступчивый характеръ, хотя это не представляетъ большой важности,—во всякомъ случаѣ, по отношенію къ нему: мужья изъ рода Ингерфильдовъ не такіе люди, чтобы жены могли высказывать передъ ними свою волю.

Рѣшивъ, *какая* у него будетъ жена, Джонъ Ингерфильдъ продолжаетъ мысленно обсуждать другую сторону вопроса: *кто* она будетъ. Онъ перебираетъ въ умѣ всѣхъ знакомыхъ дѣвушекъ и по пунктамъ разсматриваетъ ихъ достоинства. Нѣкоторыя изъ нихъ привлекательны, другія красивы, третьи богаты; но ни одна не подходитъ вполнѣ къ тщательно обдуманному идеалу. Тѣмъ не менѣе, онъ не оставляетъ мысли о женитьбѣ и возвращается къ ней въ промежутки между работой. Вспоминая имена знакомыхъ дѣвушекъ, онъ записываетъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ на отдѣльномъ листѣ бумаги, который нарочно приколотъ для этой цѣли на внутренней сторонѣ конторки. Когда списокъ полонъ, и въ памяти не находится больше ни одного знакомаго женскаго имени, онъ перечитываетъ его сверху до низу и дѣлаетъ отмѣтки карандашомъ

противъ каждой строчки. Результатомъ тщательнаго просмотра является рѣшеніе искать жену внѣ круга своихъ знакомыхъ.

У Джона Ингерфильда есть товарищъ, съ которымъ онъ былъ когда-то въ одной школѣ; теперь онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ свѣтскихъ мухъ, которыя, жужжа, вѣчно носятся въ самомъ избранномъ обществѣ и подъ часъ вызываютъ удивленіе посторонняго наблюдателя, непонимающаго какъ они туда попали, не отличаясь ни происхожденіемъ, ни особеннымъ умомъ, ни богатствомъ. Случайно встрѣтивъ этого знакомаго на улицѣ, Джонъ Ингерфильдъ беретъ его подъ руку и приглашаетъ къ себѣ отобѣдать.

Когда они остаются вдвоемъ въ столовой за виномъ и дессертомъ, хозяинъ, разбивая пальцами твердый грецкій орѣхъ, хладнокровно сообщаетъ прежнему товарищу:

— Вилли, я женюсь.

— Прекрасная мысль; очень радъ слышать,—отвѣчаетъ Вилли, менѣе интересуясь новостью, чѣмъ душистой мадерой, которую онъ съ наслажденіемъ потягиваетъ изъ дорогого стакана.—Кто она?

— Я еще не знаю.—отвѣчаетъ Ингерфильдъ.

Товарищъ съ недоумѣніемъ взглядываетъ на него, не понимая, шутка это, или нѣтъ.

— Я хочу, чтобы ты нашелъ мнѣ жену,—спокойно продолжаетъ Ингерфильдъ.

Вилли опускаетъ на столъ стаканъ съ мадерой и съ изумленіемъ смотритъ на хозяина.

— Съ удовольствіемъ помогъ-бы тебѣ, Джонъ, право помогъ-бы, только честное слово я не знаю ни одной женщины, которую могъ-бы посовѣтовать!.. Хоть повѣсь, не знаю.

— Ты видишь многихъ. Я хочу, чтобы ты нашелъ такую, какую могъ-бы посовѣтовать.

— Ну, хорошо, мой милый!—оживившись соглашается Вилли.—Я никогда не смотрѣлъ на женщинъ съ такой точки зрѣнія, но теперь мнѣ навѣрное удастся встрѣтить самую для тебя подходящую. Я буду слѣдить и сообщу тебѣ, когда найду.

— Буду тебѣ очень благодаренъ, когда найдешь,—спокойно отвѣчаетъ Джонъ Ингерфильдъ.—Теперь твоя очередь помочь мнѣ, Вилли: я тебѣ помогъ однажды, если помнишь.

— Никогда не забуду, милый Джонъ,—бормочетъ Вилли, слегка смутившись.—Это было крайне любезно съ твоей стороны, ты спасъ меня отъ раззоренія... Увѣряю тебя, я буду помнить это до самой смерти.

— Зачѣмъ такъ долго?—возражаетъ Джонъ Ингерфильдъ съ чуть замѣтной улыбкой на упрямо очерченныхъ губахъ.—Срокъ векселя въ концѣ слѣдующаго мѣсяца; можешь возвратить тогда долгъ, и дѣло съ плечъ долой.

Вилли чувствуетъ, что стулъ подъ нимъ дѣлается ужасно неудобнымъ, и мадера теряетъ тонкій ароматъ. Онъ смѣется отрывистымъ нервнымъ смѣхомъ:

— Такъ скоро?.. Ей-Богу, я совсѣмъ забылъ о срокѣ!

— Хорошо, что я тебѣ напомнилъ,—замѣчаетъ Джонъ, и улыбка замѣтнѣе выступаетъ въ складкахъ рта.

Вилли безпокойно вертится на стулѣ.

— Боюсь, мой милый, тебѣ придется возобновить вексель мѣсяца на два, на три... Чертовски непріятная штука, но у меня въ этомъ году денегъ, просто, въ обрѣзъ. Я самъ никакъ не могу собрать того, что другіе должны мнѣ.

— Очень непріятно,—соглашается его другъ,—потому что мнѣ невозможно возобновлять вексель.

Вилли смотритъ на него съ тревогой на поблѣднѣвшемъ лицѣ:

— Но что-же мнѣ дѣлать, если нѣтъ денегъ?..

Джонъ Ингерфильдъ пожимаетъ плечами.

— Не хочешь-же ты сказать, Джонъ голубчикъ, что посадишь меня въ тюрьму?..

— Отчего-же нѣтъ? Вѣдь другіе сидятъ въ тюрьмѣ, если не платятъ долговъ.

Тревога Вилли усиливается.

— Но наша дружба!—восклицаетъ онъ.—Наша.

— У меня, мой милый,—перебиваетъ его Джонъ Ингерфильдъ,—немного друзей, которымъ я одолжилъ-бы триста фунтовъ стерлинговъ безъ намѣренія получить ихъ обратно; и ты, конечно, не въ числѣ ихъ. Лучше сторгуемся,—продолжалъ онъ:—найди мнѣ невѣсту, и въ день свадьбы я возвращу тебѣ вексель, можетъ быть, еще съ прибавкой нѣсколькихъ сотъ фунтовъ. Но, если до конца слѣдующаго мѣсяца ты не познакомишь меня съ дѣвушкой, достойной и согласной быть женою Джона Ингерфильда, въ такомъ случаѣ я отказываюсь продолжить срокъ уплаты.

Джонъ Ингерфильдъ наполняетъ стаканъ виномъ и любезно подвигаетъ бутылку гостю, который, однако, вопреки своимъ обычаямъ, не обращаетъ на нее вниманія и сосредоточенно разсматриваетъ пряжки своихъ башмаковъ.

— Ты говоришь серьезно?—спрашиваетъ онъ, наконецъ.

— Совершенно серьезно. Я хочу жениться. Жена моя должна быть аристократка по рожденію и воспитанію, молода и обаятельно хороша. Я человѣкъ дѣловой; мнѣ нужна жена, способная управлять свѣтской стороной моей жизни. Я такой женщины не знаю и обращаюсь къ тебѣ, потому что ты вращаешься въ кругу людей, гдѣ ее можно найти.

— Женщина съ требуемыми качествами можетъ быть найдетъ затруднительнымъ согласиться на предложеніе!—замѣчаетъ Вилли съ оттѣнкомъ злорадства.

— Ты долженъ найти такую, которая не найдетъ этого затруднительнымъ,—говоритъ Джонъ Ингерфильдъ.

Вечеромъ Вилли прощается съ хозяиномъ, задумчивый и встревоженный; а Джонъ Ингерфильдъ, оставшись одинъ, отправляется на прогулку и долго шагаетъ изъ конца въ конецъ между постройками завода. Запахъ сала и масла давно уже доставляетъ ему удовольствіе, и пріятно смотрѣть на правильныя груды бочекъ, облитыхъ голубымъ свѣтомъ луны.

Проходитъ шесть недѣль. Въ первый день седьмой недѣли Джонъ Ингерфильдъ вынимаетъ вексель Вилли изъ большого шкапа и перекладываетъ его въ ящикъ, назначенный для очередныхъ и спѣшныхъ бумагъ.

Черезъ два дня Вилли пробирается по грязному, липкому двору, минуетъ контору, входитъ въ комнаты товарища и съ сіяющимъ видомъ хлопаетъ Джона Ингерфильда по плечу, не обращая вниманія на его важный видъ.

— Нашелъ, голубчикъ! Нашелъ!.. Ну, и трудное было дѣло, я тебѣ скажу: пришлось расспрашивать богатыхъ старухъ—а ты знаешь, какъ онѣ подозрительны,—подкупать преданныхъ слугъ, выпытывать подробности у друзей дома!.. Честное слово, я могу теперь занять мѣсто главнаго шпіона при дворѣ короля; увѣряю тебя.

— Какова она? спрашиваетъ Джонъ, не переставая писать.

— Какова? Милый мой, да ты по-уши влюбишься въ нее съ первой встрѣчи!.. Слегка холодна, быть можетъ, но это тѣмъ лучше, я думаю?

— Хорошаго рода?—спрашиваетъ снова Джонъ, подписывая и складывая письмо.

— Насчетъ этого скажу тебѣ, что сначала я боялся и думать объ успѣхѣ: это аристократы чистой крови, извѣстнаго стариннаго рода. Но она разумная дѣвушка, а семья теперь бѣдна, какъ церковная мышь. Знаешь, мы съ ней въ самомъ дѣлѣ подружились, и она откровенно призналась мнѣ, что выйдетъ замужъ только за богатаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ.

— Это хорошо звучитъ для начала,—замѣчаетъ Джонъ Ингерфильдъ съ сухой улыбкой.—Когда мнѣ предстоитъ удовольствіе познакомиться?

— Пойдемъ сегодня вечеромъ въ Ковенъ-Гарденскій театръ: она будетъ въ ложѣ у лэди Гидрингтонъ, и я тебя представлю.

И вотъ Джонъ Ингерфильдъ отправляется вечеромъ въ аристократическій театръ. Кровь немного быстрѣе обыкновеннаго обращается у него въ жилахъ,—хотя не быстрѣе тѣхъ случаевъ, когда онъ идетъ въ доки покупать новые запасы сала. Въ театрѣ онъ разсматриваетъ товаръ сначала издали и одобряетъ его; потомъ знакомится, одобряетъ при ближайшемъ разсмотрѣніи еще больше, получаетъ приглашеніе бывать, пользуется имъ, ходитъ въ домъ все чаще и чаще—и все больше одобряетъ рѣдкія качества и пригодность товара.

Если Джону Ингерфильду нужна прекрасная свѣтская машина, то онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ свой идеалъ. Анна Сингльтонъ, единственная дочь разорившагося, но очаровательнаго баронета (болѣе очаровательнаго въ обществѣ, чѣмъ дома, какъ ходитъ слухъ)—стройная, видная, изящная и прекрасно выдержанная дѣвушка. Ея портретъ работы Рейнгольда и теперь можно видѣть надъ рѣзной дубовой панелью въ одной изъ старинныхъ гильдейскихъ залъ. Лицо замѣчательно красивое и умное, но выраженіе удивительно гордое и безсердечное. Это лицо женщины, которая знаетъ въ жизни только тоску и относится къ міру съ презрѣніемъ. Въ старинныхъ фамильныхъ бумагахъ, совсѣмъ желтыхъ отъ времени; есть нѣсколько подробныхъ описаній портрета; но авторы описаній очень печалятся, что красавица такъ измѣнилась съ годами: въ дѣтствѣ они помнятъ у нея совсѣмъ другое выраженіе — счастливое и ласковое. Вѣроятно, оно вернулось у нея подъ конецъ жизни; потому что всѣ, знавшіе ее впослѣдствіи, не могутъ даже представить себѣ, что лицо, которое они видѣли склоненнымъ надъ собой, и лицо насмѣшливой, холодной красавицы на портретѣ—одно и то-же.

Но во время страннаго ухаживанія Джона Ингерфильда у Анны Сингльтонъ было именно то выраженіе, которое перенесла на полотно кисть сэра Рейнольда; и Джону Ингерфильду оно особенно нравилось. У него не было никакихъ нѣжныхъ чувствъ въ душѣ, и дѣло только упрощалось тѣмъ, что и дѣвушка была далека отъ всякой сентиментальности. Онъ предложилъ ей ясный и опредѣленный обмѣнъ товара и она вполнѣ сознательно согласилась на торгъ. Для обоихъ было лучше, что Анна Сингльтонъ прошла уже черезъ тотъ періодъ юности, когда воображеніе бываетъ наполнено мечтами о рыцаряхъ и романахъ.

— Нашъ союзъ будетъ основанъ на законахъ здраваго смысла,— говоритъ Джонъ Ингерфильдъ своей невѣстѣ.

— Да. Будемъ надѣяться, что опытъ удается.

ГЛАВА II.

Но опытъ не удался. Законы природы требуютъ, чтобы мущина бралъ себѣ жену и жена отдавалась мужу за иную монету, чѣмъ здравый смыслъ. Здравый смыслъ плохой помощникъ въ брачномъ союзѣ; если мущина и женщина заключаютъ союзъ, имѣя въ кошелькѣ только разумныя доказательства, то, придя домой, они не имѣютъ права жаловаться, когда условіе окажется невыгоднымъ.

Когда Джонъ Ингерфильдъ просилъ Анну Сингльтонъ быть его женой, она нравилась ему не болѣе остальныхъ предметовъ роскоши, которыми онъ обзаводился въ то-же время. Онъ и не скрывалъ этого, а если-бы представился влюбленнымъ, Анна все равно не повѣрила-бы ему: въ

свои двадцать-два года она научилась многому и считала, что любовь только пролетаетъ, подобно метеору, на житейскомъ небѣ, а истинная путеводная звѣзда—деньги. У нея въ свое время былъ романъ, который она схоронила глубоко въ душѣ, и, чтобы помѣшать духу прошлаго возстать изъ глубокой могилы, положила сверху тяжелые камни презрѣнія и равнодушія, какъ это дѣлали многія женщины и до и послѣ нея.

Когда-то Анна Синглытонъ сидѣла и размышляла о томъ, что вокругъ нея дѣлается, и удивлялась какъ это все странно и ново. Между тѣмъ оно было странно и ново только для нея; для міра-же—старо, какъ горы. Былъ въ этой исторіи юноша, и дѣвушка, и его жестокіе родители и ея богатая соперница, и ихъ любовь, достойная борьбы съ цѣлымъ свѣтомъ. Но вотъ въ ея новый міръ упало письмо, — настоящее, обыкновенное, жалостное письмо: «Ты знаешь, что я люблю одну тебя и буду любить вѣчно. Но отецъ угрожаетъ лишить меня всѣхъ средствъ, а ты знаешь, что кромѣ домовъ у меня нѣтъ ничего... *Она*, пожалуй, недурна, но развѣ могу я думать о ней, когда я люблю тебя?.. О, зачѣмъ, зачѣмъ на свѣтѣ деньги?» Много подобныхъ затруднительныхъ вопросовъ заключалось въ письмѣ, много проклятій на судьбу, небеса и прочія обстоятельства и много жалости къ самому себѣ.

Анна Синглытонъ прочла его до конца, потомъ медленно перечитала, выпрямилась во весь ростъ, смяла письмо и съ горькимъ смѣхомъ бросила его въ огонь. Письмо вспыхнуло и превратилось въ пепелъ, а она подумала, что такъ-же сгорѣла и ея жизнь. Она еще не знала, что раны сердца иногда залечиваются.

И когда послѣ этого появился Джонъ Ингельфильдъ со своеобразнымъ ухаживаньемъ, говоря только о деньгахъ и ни слова о любви, она почувствовала довѣріе къ этому гордому, спокойному человѣку. Кромѣ того, въ ней сохранилась еще привязанность къ матеріальной сторонѣ жизни; пріятно будетъ сдѣлаться богатой хозяйкой блестящаго дома, устраивать обѣды и вечера, перемѣнить затаенную бѣдность отцовскаго дома на видную, открытую роскошь. Все это предлагается ей на условіяхъ, какія она избрала-бы по собственному желанію. Если-бы вмѣстѣ съ роскошной жизнью ей предложили любовь,—она отказала-бы, зная, что не можетъ отвѣтить тѣмъ-же.

Но для женщины *не желать* ничьей любви, или *не испытать* ея— двѣ совершенно различныя вещи. День за днемъ холодѣетъ сердце Анны Ингерфильдъ, и холодѣетъ атмосфера богатаго дома. Гости иногда согрѣваютъ ее на нѣсколько часовъ, но послѣ ихъ ухода воздухъ кажется еще холоднѣе.

Къ мужу Анна старается быть вполнѣ равнодушной и безразличной. Но живыя существа, связанныя общимъ существованіемъ, не могутъ быть безразличны; даже двѣ собаки на сворѣ принуждены думать одна о дру-

гой. Мужъ и жена или ненавидятъ другъ друга или любятъ; испытываютъ или удовольствіе, когда бываютъ вмѣстѣ, или скуку. Сила-же добраго или злого чувства зависитъ отъ силы связывающей ихъ цѣпи. По обоюдному желанію, брачныя цѣпи въ данномъ случаѣ были прикрѣплены настолько слабо, какъ только позволяло приличіе, и благодатныя послѣдствія общей независимости въ домашней жизни выразились въ томъ, что отвращеніе жены къ мужу не разросталось за предѣлы холодной вѣжливости.

Анна добросовѣстно выполняетъ условія договора, потому что въ семьѣ Синглтоновъ тоже есть свои правила чести. Ея красота, тактъ, очарованіе, вліяніе на другихъ—все къ услугамъ мужа, все возвышаетъ его положеніе, удовлетворяетъ и льститъ честолюбію. Она открываетъ ему двери, которыя никогда не открылись-бы для него одного; за его столомъ собирается общество, которое прежде прошло-бы мимо съ усмѣшкой; его желанія и удовольствія для нея законъ. Во всемъ она уступаетъ съ покорностью жены, старается быть ему пріятной, и молча выноситъ его случайныя ласки. Все, что включено въ договоръ, будетъ исполнено ею буквально.

Джонъ Ингерфильдъ, со своей стороны, выполняетъ обязанности мужа крайне добросовѣстно, даже болѣе того—великодушно, потому что ему лично ея очаровательность не доставляетъ особеннаго удовольствія. Каждую минуту онъ выражаетъ заботливость, уваженіе и вѣжливость, которыя вполнѣ искренни, хотя основаны на убѣжденіи, а не на чувствѣ. Каждое ея желаніе исполняется, каждое неудовольствіе уважается. Сознавая, что его общество тяжело для жены, Джонъ Ингерфильдъ старается даже не досаждать ей своимъ присутствіемъ чаще, чѣмъ необходимо.

Но по временамъ онъ настойчиво спрашиваетъ себя, что онъ выигралъ женитьбой? Дѣйствительно-ли погоня за свѣтскимъ обществомъ самая интересная игра, какою онъ могъ заняться въ свободные часы? И не лучше-ли было ему въ своихъ комнатахъ на заводѣ, надъ конторой, чѣмъ въ этомъ блестящемъ домѣ, гдѣ онъ кажется другимъ и самъ чувствуетъ себя незванымъ гостемъ?..

Постепенно въ его сердцѣ складывается чувство снисходительнаго презрѣнія къ женѣ. Онъ видитъ, что женщина существо съ нимъ различное, и поэтому не можетъ уважать ее. Даже пользуясь ея красотой и свѣтскимъ тактомъ для своихъ цѣлей, онъ презираетъ въ ней эти качества, какъ орудія слабаго существа. И въ красивой, свѣтлой квартирѣ мужъ и жена живутъ, какъ чужіе, не желая даже узнать другъ друга поближе. Онъ никогда не говоритъ ей о своихъ намѣреніяхъ и заводскихъ дѣлахъ, она никогда не спрашиваетъ.

Чтобы вознаградить себя за потерю времени въ аристократическихъ

домахъ, Джонъ Ингерфильдъ дѣлается болѣе требовательнымъ на заводѣ; сурово обращается съ рабочими, становится жестокимъ кредиторомъ и жаднымъ дѣльцомъ, стараясь выжать изъ каждаго все, что можетъ, чтобы дѣлаться богаче и тратить больше на жизнь, которую онъ съ каждымъ днемъ находитъ все болѣе утомительной и скучной.

И штабели бочекъ на огромномъ дворѣ все увеличиваются; суда и баржи, нагруженныя саломъ, тянутся безконечными рядами по грязной рѣкѣ, а вокругъ фабричныхъ котловъ копошатся, потѣя, озаренныя огнемъ печей, словно фантастическія фигуры, тысячи рабочихъ, мѣшая кипящее сало и превращая его въ золото.

Такъ продолжается до одного жаркаго лѣта, когда на дальнемъ востокѣ вылетаетъ изъ своего гнѣзда что-то гадкое, черное, злое... Оно направляется на западъ, несется черезъ всю Европу, достигаетъ Англіи, Лондона... Пролетая надъ Темзой, замѣчаетъ застроенное, заселенное, неопрятное предмѣстье, одобряетъ насыщенный жиромъ, зловонный воздухъ и опускается здѣсь на жительство.

Имя его—Тифъ.

Сначала онъ прячется, незамѣченный, но скоро, отъѣвшись на подходящей пищѣ, которой вдоволь находитъ вокругъ себя, и, не желая болѣе скрываться, онъ смѣло подымаетъ отвратительную голову. При видѣ этого, бѣлая фигура Ужаса бросается вдоль дороги, какъ вѣтеръ огибаетъ закоулки, плачетъ, кричитъ, пролетаетъ по заводу, врывается въ контору Джона Ингерфильда и сообщаетъ страшную вѣсть.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ Ингерфильдъ молча, не трогаясь съ мѣста, обдумываетъ новость. Потомъ садится на лошадь и вихремъ скачетъ домой, на другой конецъ города.

Въ роскошныхъ сѣняхъ онъ встрѣчаетъ жену и, остановившись, издали обращается къ ней спокойнымъ голосомъ:

— Не подходите ко мнѣ близко. За рѣкой появился пятнистый тифъ, а заразу, говорятъ, можетъ перенести даже здоровый человѣкъ. Вы-бы лучше уѣхали изъ Лондона на нѣсколько недѣль къ отцу. Когда все кончится, я за вами пріѣду.

Онъ обходитъ далеко вокругъ Анны и быстро взбѣгаетъ по широкой лѣстницѣ. Поговоривъ наверху со своимъ слугой, снова спускается внизъ, вскакиваетъ на сѣдло и мчится обратно.

Черезъ минуту Анна Ингерфильдъ входитъ въ комнату мужа и видитъ, что слуга укладываетъ его чемоданъ.

— Куда вы это отвезете?—спрашиваетъ она.

— На заводъ, сударыня. Мистеръ Ингерфильдъ останется тамъ на нѣсколько недѣль.

Анна выходитъ въ огромную, пустую гостиную, опускается въ глубокое кресло и задумывается.

Вернувшись въ предмѣстье, Джонъ Ингерфильдъ находитъ, что несчастье значительно разрослось за время его короткаго отсутствія.

Подгоняемый невѣжествомъ и паникой, питаясь бѣдностью и грязью, какъ огонь несется бичъ по Зарѣчью. Тлѣя нѣсколько дней въ неизвѣстности, онъ прорвался теперь болѣе чѣмъ въ пятидесяти мѣстахъ сразу. За послѣдній часъ нѣсколько разбочихъ свалились замертво на самомъ заводѣ, стоя у котловъ,

Паника растетъ. Мужчины и женщины срываютъ съ себя одежду и съ трепетомъ ищутъ на тѣлѣ багровыхъ пятенъ; видя ихъ—или воображая, что видятъ—они полураздѣтые выбѣгаютъ изъ домовъ и съ воплями отчаянія бѣгутъ по улицѣ, не зная куда. Встрѣтившись въ узкомъ переулкѣ, люди отскакиваютъ другъ отъ друга, боясь пройти близко и заразиться. Мальчикъ наклоняется, чтобы почесать ногу,—поступокъ въ обыкновенное время не заслуживающій никакого вниманія,—но теперь въ одно мгновеніе всѣ бросаются отъ него прочь, сильные давятъ слабыхъ и малыхъ.

Дѣло происходитъ въ тѣ дни, когда не существуетъ еще правильно организованныхъ средствъ для борьбы съ болѣзнью. Есть въ городѣ добрые люди и смѣлые руки, но они не знаютъ другъ друга, а порознь слишкомъ слабы, чтобы бороться съ такимъ сильнымъ врагомъ. Есть даже больницы и общины милосердія, но онѣ сосредоточены въ центрѣ города, такъ-какъ устроены купцами и гражданами только для чиновъ своего общества. Зарѣчное предмѣстье, никому не принадлежащее, представляющее никому не интересный фабричный міръ, должно бороться само за себя.

Джонъ Ингерфильдъ пробуетъ возстановить хладнокровіе среди обезумѣвшаго населенія. Стоя на крыльцѣ своей конторы и обращаясь ко всей толпѣ рабочихъ, какую могъ собрать наскоро, онъ старается объяснить имъ опасность безумнаго страха и внушить необходимое спокойствіе.

— Мы должны мужественно встрѣтить несчастье, мы должны упорно бороться съ бѣдою! говоритъ онъ зычнымъ, все покрывающимъ голосомъ, который не разъ помогалъ Ингерфильдамъ на поляхъ сраженій и въ борьбѣ съ бушующими волнами.— Не должно быть среди насъ трусливаго себялюбія, нельзя отчаяваться до потери смысла и сознанія. Если намъ суждено умереть—умремъ; но съ Божьей помощью можемъ спасти многихъ. Во всякомъ случаѣ, будемъ держаться вмѣстѣ и помогать другъ другу. Я останусь съ вами и сдѣлаю все что могу. Никто изъ моихъ людей не пострадаетъ отъ недостатка помощи.

Джонъ Ингерфильдъ перестаетъ говорить, и пока переливы его могучаго голоса раскатываются и замираютъ надъ толпой, изъ-за его плеча раздается другой, мягкій и нѣжный, но увѣренный голосъ:

— Я тоже останусь съ вами и буду помогать моему мужу. Я буду ухаживать за вашими больными и постараюсь облегчить ихъ страданія. Мужъ мой и я чувствуемъ ваше горе. Можетъ быть, всѣ вмѣстѣ мы и побѣдимъ врага, если будемъ смѣлы и торопливы.

Джонъ Ингерфильдъ оборачивается, удивляясь своему бреду и думая увидѣть пустой воздухъ.

Она встрѣчаетъ его взглядъ и тихо кладетъ руку ему на плечо. Въ первый разъ въ жизни эти люди понимаютъ другъ друга. Они не говорятъ ни слова.—для словъ нѣтъ мѣста теперь. Надо приниматься за дѣло не теряя ни минуты.

Анна хватается за работу съ жадностью женщины, которая давно не испытывала наслажденія труда. Джонъ видитъ, какъ она быстро спускается съ крыльца, проходитъ въ толпу, спрашиваетъ, утѣшаетъ и тихо уговариваетъ пораженныхъ страхомъ и удивленіемъ людей,—и думаетъ: имѣетъ-ли онъ право оставить ее здѣсь, гдѣ она рискуетъ жизнью ради его людей? И можетъ-ли удержать ее отъ такого поступка, разъ она пришла сама?—потому что въ эту минуту у него рождается мысль, что Анна не собственность его; что онъ и она равные люди, пришедшіе сюда на зовъ общаго Учителя, и хотя имъ легче будетъ работать вмѣстѣ, но приказывать одинъ другому и останавливать другъ друга они не могутъ.

Все это еще неясно и безсознательно представляется его уму: положеніе слишкомъ ново и неожиданно. Онъ въ такомъ недоумѣніи, какъ мальчикъ въ сказкѣ, вокругъ котораго всѣ цвѣты и предметы, раньше нисколько не привлекавшіе его вниманія, вдругъ заговорили.

Разъ только онъ вполголоса предупреждаетъ Анну объ опасности, но она просто отвѣчаетъ: «Я буду помогать имъ, Джонъ, вѣдь они наши рабочіе»,—и онъ больше не останавливаетъ ее.

У Анны истинная женская способность ухаживать за больными, и умъ замѣняетъ ей опытность. Заглянувъ въ два-три грязныхъ логовища, гдѣ живутъ рабочіе, она видитъ, что для того, чтобы спасти людей, надо прежде всего извлечь ихъ оттуда, и она рѣшаетъ немедленно превратить большое свѣтлое зданіе конторы въ больницу. Выбравъ нѣсколько женщинъ для помощи, Анна немедленно принимается за устройство госпиталя. Толстыя конторскія книги и счеты вдругъ теряютъ все свое значеніе; съ ними обращаются какъ съ томиками заурядныхъ стихотвореній. Служащіе останавливаются, пораженные необъяснимымъ вмѣшательствомъ женщины, и растерянно глядятъ на нее, но она замѣчаетъ ихъ бездѣйствіе и сейчасъ-же заставляетъ работать, разрушая ими-же созданный храмъ. Анна отдаетъ приказаніе мягко и тихо, даже съ ласковой улыбкой, но почему-то никому не приходитъ въ голову ослушаться.

Джонъ—упрямый, властный чаловѣкъ, къ которому обращаются только съ робкой просьбой, который впродолженіе девятнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ оставилъ школьную скамью, не слышалъ приказанія и всякую попытку къ этому счелъ бы нарушеніемъ законовъ природы,—вдругъ замѣчаетъ, что бѣжитъ самъ по улицѣ въ аптеку; на секунду онъ замедляетъ шагъ, спрашиваетъ себя, почему онъ это дѣлаетъ?—вспоминаетъ, что ему такъ приказали и велѣли спѣшить обратно; удивляется, кто смѣлъ ему приказывать?—вспоминаетъ, что это Анна, и, не зная что думать, бѣжитъ дальше. Потомъ спѣшитъ обратно; слышитъ похвалу за быстро исполненное порученіе и испытываетъ неожиданное чувство довольства собой. Потомъ получаетъ новое порученіе въ другое мѣсто, съ приказаніемъ точно передать важное распоряженіе, и сейчасъ-же отправляется. На полъ-пути его вдругъ охватываетъ страшное безпокойство: онъ хотѣлъ повторить въ умѣ приказаніе, и оказывается, что забылъ его. Испуганный, онъ останавливается на дорогѣ и думаетъ—не отдать-ли собственное приказаніе, какое окажется нужнымъ на мѣстѣ? Но съ тревогой рѣшаетъ, что этого нельзя. Въ эту секунду, къ великому удивленію и радости, ему неожиданно приходитъ на память каждое слово, какое ему велѣли передать, и онъ бросается дальше, повторяя на ходу приказаніе много разъ, чтобы снова не забыть его.

И черезъ нѣсколько минутъ на бѣдной и опустѣвшей улицѣ происходитъ странное событіе, какого никогда и никто прежде не видалъ: Джонъ Ингерфильдъ смѣется.

Да, Джонъ Ингерфильдъ, владѣтель салотопенныхъ заводовъ въ зарѣчной части Лондона, спѣшно шагая по «кривому переулку», вдругъ останавливается, шепчетъ что-то, не отрывая глазъ отъ земли,—и смѣется.

Маленькій мальчишка, который впослѣдствіи разсказывалъ объ этомъ событіи до конца своей жизни, тоже останавливается въ изумленіи на улицѣ, видитъ Джона Ингерфильда, слышитъ какъ тотъ смѣется, бѣжитъ во всю прыть домой сообщить удивительную новость матери и получаетъ отъ нея добросовѣстную трепку, за то что «смѣетъ лгать».

Весь день Анна работаетъ безъ отдыха. Джонъ помогаетъ ей и только иногда, отъ усердія, мѣшаетъ. Къ вечеру временная больница устроена, приготовлены уже нѣсколько кроватей, и всѣ заняты. Когда наступаетъ ночь и сдѣлано все, что можетъ быть сдѣлано въ одинъ день, Анна и Джонъ идутъ въ его прежнія комнаты надъ конторой.

Джонъ вводитъ Анну съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, потому что эти комнаты нисколько не похожи на ихъ домъ въ аристократической улицѣ. Онъ подвигаетъ ей кресло къ камину и проситъ отдохнуть, а самъ помогаетъ экономкѣ накрыть столъ къ ужину, потому что старуха, никогда не отличавшаяся особеннымъ умомъ, окончательно растерялась послѣ всѣхъ событій тревожнаго дня.

Взглядъ Анны слѣдитъ за Джономъ, пока онъ хозяйничаетъ: можетъ быть здѣсь, гдѣ проходила его дѣйствительная жизнь, онъ больше похожъ на самого себя, чѣмъ среди непривычной свѣтской обстановки? Можетъ быть въ безъискусственной, простой жизни онъ совсѣмъ иной?.. И Анна удивляется, какъ она прежде не замѣчала, что онъ красивый и хорошо сложенный мужчина. Онъ далеко не старъ. Можетъ быть, это шутка мягкаго освѣщенія—но онъ почти молодъ!.. Однако, почему-же ему въ самомъ дѣлѣ, и не казаться молодымъ? Ему только тридцать шесть лѣтъ. И Анна удивляется, отчего она считала его всегда пожилымъ человѣкомъ.

Надъ каминомъ виситъ портретъ одного изъ предковъ, того Ингерфильда, который предпочелъ погибнуть въ борьбѣ съ королевскимъ фрегатомъ, чѣмъ выдать одного изъ своихъ людей. Анна сравниваетъ лицо погибшаго капитана съ лицомъ Джона и находитъ большое сходство. Положивъ голову на спинку кресла и глядя изъ подъ полу-опущенныхъ вѣкъ на портретъ, она словно слышитъ отвѣтъ капитана Ингерфильда командиру королевскаго фрегата, а затѣмъ слова, сказанныя нѣсколько часовъ тому назадъ. «Я останусь съ вами и сдѣлаю все, что могу. Никто изъ моихъ людей не пострадаетъ отъ недостатка въ помощи». Она видитъ, какъ Джонъ придвигаетъ къ столу два кресла, и свѣтъ падаетъ на его лицо. Анна осторожно разсматриваетъ черты... Лицо выразительное, увѣренное, красивое, почти благородное. Аннѣ приходитъ въ голову вопросъ,—смотрѣло-ли это лицо на кого-нибудь съ нѣжностью? При этой мысли у нея неожиданно сжимается сердце; она рѣшаетъ, что этого никогда не могло быть но тѣмъ не менѣе старается представить себѣ строгіе глаза и упрямый ротъ улыбающимися; признается въ душѣ, что желала-бы увидѣть на этомъ лицѣ ласку и улыбку — просто такъ, ради любопытства—и спрашиваетъ себя, увидитъ-ли когда-нибудь.

Она стряхиваетъ съ себя задумчивость, когда Джонъ, чуть улыбаясь, говоритъ ей, что ужинъ поданъ; они садятся другъ противъ друга, и ужинъ проходитъ въ странномъ смущеніи.

Съ каждымъ днемъ работа становится тяжелѣе; день за днемъ врагъ растетъ, усиливается, побѣждаетъ; и день за днемъ Джонъ Ингерфильдъ и Анна чувствуютъ себя ближе другъ къ другу. Ей пріятно, въ минуту усталости, поднять голову отъ работы и увидѣть его недалеко отъ себя; радостно среди тревоги и стоновъ различать его сильный, низкій голосъ. А Джонъ слѣдитъ за тонкой, красивой фигурой, подходящей то къ умирающимъ, то къ плачущимъ; глядитъ на бѣлыя руки, мелькающія за тяжелымъ трудомъ, и на чудные глаза, проникающіе въ душу несчастныхъ; слышитъ, какъ ея свѣтлый, мягкій голосъ радостно звучитъ съ выздоравливающими, утѣшаетъ безутѣшныхъ, ласково приказываетъ, умоляетъ.... И въ голову ему приходятъ странныя, новыя мысли относительно женщинъ, особенно относительно этой одной женщины.

Разбирая, какъ-то, въ ящикѣ старыя вещи, Джонъ Ингерфильдъ случайно находитъ библію съ раскрашенными картинками. Онъ тихо перелистываетъ страницы, невольно вспоминая давно прошедшіе вечера и самого себя мальчикомъ. Надъ одной картинкой онъ останавливается и долго смотритъ на группу ангеловъ; въ лицѣ одного изъ нихъ онъ находитъ сходстве съ нею. И неожиданно у него мелькаетъ мысль: какъ хорошо было-бы склониться къ ногамъ такой женщины и поцѣловать ихъ! И при этой мысли Джонъ Ингерфильдъ краснѣетъ какъ юноша.

Такъ на почвѣ человѣческихъ страданій распускаются цвѣты радости и любви и, въ свою очередь, роняютъ сѣмена безконечной жалости къ людямъ, потому что въ Божьемъ мірѣ все имѣетъ благую цѣль. Думая объ Аннѣ, Джонъ становится ласковѣе, добрѣе; чувствуя присутствіе друга, ея душа становится полнѣе и шире.

Каждое пригодное зданіе на заводѣ превращено въ больничную палату, и госпиталь открытъ для всѣхъ, потому что Джонъ и Анна всѣхъ людей считаютъ близкими. Штабели бочекъ сплавлены по рѣкѣ или убраны куда нибудь, словно видъ масла и сала слишкомъ ничтоженъ въ настоящее время, и мѣсто, занимаемое ими, важнѣе чѣмъ золото, въ которое они превратятся впослѣдствіи.

Дневная работа для нихъ легка: послѣ нея предстоитъ вечеръ, когда они будутъ отдыхать вдвоемъ въ простой столовой. Впрочемъ, посторонній зритель, увидѣвъ ихъ въ этой комнатѣ, могъ-бы подумать, что имъ скучно: они какъ-то стѣсняются другъ друга и очень мало говорятъ, боясь дать волю словамъ и высказать то, что у обоихъ на душѣ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Джонъ вспоминаетъ, что его старая кухарка хорошо приготовляла когда-то сладкія кольца къ чаю; говорится это не изъ любви къ самимъ кольцамъ, а только для того, чтобы вызвать какое нибудь замѣчаніе Анны и услышать ея голосъ.

А голосъ Анны слегка дрожитъ—какъ будто-бы сладкія кольца къ чаю представляютъ щепетильный вопросъ—когда она отвѣчаетъ, что пробовала ихъ и тоже одобряетъ.

Но Джону всегда говорили, сколько онъ помнитъ, что далеко не каждый умѣетъ печь эти кольца; что искусство это передается чуть-ли не изъ поколѣнія въ поколѣніе; онъ сомнѣвается — очень мягко и почтительно—о томъ-ли печеньи она говоритъ? Можетъ быть, она думаетъ о сдобныхъ шотландскихъ булочкахъ?

Но Анна съ негодованіемъ отвергаетъ подобное подозрѣніе; она прекрасно знаетъ разницу между шотландскими булочками и сладкими кольцами къ чаю; она можетъ даже сейчасъ доказать это, сойдя въ кухню и приготовивъ нѣсколько колецъ на его глазахъ. Онъ согласенъ показать ей, гдѣ кухня и гдѣ найти все что нужно?

Да, Джонъ согласенъ. Онъ беретъ со стола свѣчу и провожаетъ Анну

сначала въ сѣни, а потомъ свободною рукой неловко беретъ тонкую руку Анны и сводитъ ее внизъ по узкой лѣстницѣ въ кухню, освѣщая дорогу высоко поднятой свѣчей.

Уже поздній вечеръ, и старая экономка спитъ въ своей комнатѣ. При каждомъ скрипѣ ступенекъ Джонъ и Анна останавливаются и прислушиваются, не разбудили-ли старуху; но все тихо, и они пробираются дальше, улыбаясь и спрашивая другъ друга съ полупритворнымъ и полуискреннимъ страхомъ, что сказала-бы почтенная дама, если-бы проснулась и застала ихъ здѣсь.

Они находятъ кухню, слѣдуя скорѣе указаніямъ добродушнаго кота, чѣмъ благодаря знакомству Джона съ устройствомъ его собственнаго дома. Анна сгребаетъ въ кучу догорающіе въ печкѣ угли, прибавляетъ новыхъ и освобождаетъ столъ для работы. Она, пожалуй, не могла-бы объяснить хорошенько, для чего ей понадобилось присутствіе Джона и какую онъ можетъ принести пользу: онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія «гдѣ найти все что нужно»; муку онъ разыскиваетъ между посудой, въ шкапу, а когда его просятъ найти скалку, чтобы раскатать тѣсто, и точно описываютъ, какого она должна быть вида и для чего употребляется,—онъ возвращается послѣ долгихъ поисковъ съ мѣднымъ пестикомъ отъ ступки. Анна смѣется надъ нимъ, но, кажется, она и сама мало помнитъ по части кухоннаго хозяйства, потому что только тогда, когда ея руки покрыты слоемъ муки, ей приходитъ въ голову, что она не догадалась сдѣлать самаго главнаго: завернуть рукава.

Она спрашиваетъ Джона, не можетъ-ли онъ помочь ей, и протягиваетъ ему сначала одну, потомъ другую руку. Джонъ ужасно неловокъ, но она стоитъ терпѣливо и молча. Онъ очень медленно отгибаетъ черные рукава и заворачиваетъ ихъ дюймъ за дюймомъ, обнажая бѣлыя руки. Сотни разъ видалъ онъ прежде эти круглыя, бѣлыя руки, обнаженныя до плечъ и покрытыя сверкающими драгоцѣнностями, — но ни разу не замѣчалъ ихъ удивительной красоты. У него является страстное желаніе почувствовать эти руки вокругъ своей шеи, но онъ осторожно продолжаетъ заданную ему мучительную работу, боясь оскорбить Анну прикосновеніемъ своихъ дрожащихъ пальцевъ.

Она благодаритъ его и извиняется, что доставила ему столько хлопотъ; онъ бормочетъ въ отвѣтъ какія-то незначущія слова и продолжаетъ стоять рядомъ, какъ растерянный, въ глупомъ молчаніи, не сводя съ нея глазъ. Анна, повидимому, находитъ, что тѣсто для сладкихъ колецъ къ чаю можно вполнѣ удобно мѣсить одной рукой, потому что другая лежитъ у нея рядомъ на столѣ и ничего не дѣлаетъ; легла она случайнымъ образомъ недалеко отъ руки Джона, что Анна могла-бы замѣтить и сама, не будь ея вниманіе такъ приковано къ работѣ.

Неизвѣстно, откуда у важнаго, трезваго, дѣлового человѣка взялись

вдругъ манеры, какія описываютъ въ романахъ: но только онъ неожиданно опускается на колѣни и начинаетъ съ жаромъ цѣловать покрытую мукой тонкую руку. Въ слѣдующую минуту другая рука ложится вокругъ его шеи, и Джонъ чувствуетъ на губахъ поцѣлуй. Раздѣлявшая ихъ стѣна отчужденія рушится и уносится прорвавшимися волнами искренней любви.

Съ этимъ поцѣлуемъ они вступаютъ въ міръ, доступный не каждому. Жизнь въ этомъ мірѣ, полная самоотверженія и нравственной чистоты—странно-прекрасна; можетъ быть слишкомъ прекрасна и чиста, чтобы долго оставаться незатуманенной среди житейскаго мрака.

Кто зналъ ихъ въ эти дни, говоритъ о нихъ вполголоса, съ оттѣнкомъ благоговѣнія, будто при воспоминаніи ему чудится сіяніе вокругъ ихъ лицъ, будто слова ихъ звучатъ для него и понынѣ нѣжнѣе всѣхъ звуковъ земли.

Они никогда не устаютъ, никогда не отдыхаютъ. День и ночь ходятъ они въ пораженномъ страданіемъ уголкѣ міра и всюду приносятъ съ собой облегченіе, отдыхъ и покой.

Наконецъ, язва—какъ насытившійся дикій звѣрь — медленно уползаетъ въ свою берлогу. Люди могутъ поднять ослабѣвшую голову, осмотрѣться и вздохнуть.

Въ эти дни всеобщаго облегченія, возвращаясь однажды съ особенно продолжительнаго осмотра выздоравливающихъ, Джонъ чувствуетъ легкую усталость во всѣхъ членахъ и ускоряетъ шагъ, чтобы добраться поскорѣе домой и отдохнуть. Анна спитъ, пользуясь свободнымъ часомъ послѣ многихъ безсонныхъ ночей, и Джонъ, не желая ее тревожить, идетъ въ столовую и опускается въ кресло передъ каминомъ. Каминъ затопленъ, но въ комнатѣ, какъ будто, холодно. Джонъ прибавляетъ дровъ, и черезъ минуту полѣнья пылаютъ еще ярче, окруженные раскаленными угольями. Онъ садится вплотную передъ каминомъ, ставитъ ноги на рѣшетку и долго держитъ надъ огнемъ протянутыя руки. Все-таки холодно.

Приближается вечеръ, и сумракъ наполняетъ комнату. Джонъ машинально замѣчаетъ, какъ быстро идетъ время. Онъ ни о чемъ не думаетъ, но вдругъ слышитъ подлѣ себя чей-то голосъ... Однообразный, медленный голосъ, хорошо знакомый Джону, но онъ никакъ не можетъ припомнить, кто такъ говоритъ. Онъ не старается повернуть голову и посмотрѣть—ему лѣнь—но продолжаетъ въ дремотѣ прислушиваться къ звукамъ... Вотъ кто-то приказываетъ взять сто девяносто четыре бочки сала и поставить всѣ одна въ другую.—Но это невозможно! — жалобно возражаетъ монотонный голосъ.—Онѣ не войдутъ одна въ другую, незачѣмъ ихъ и вдавливать!.. Вотъ видите, всѣ разсыпались... катятся!.. Голосъ звучитъ капризнѣе, рѣзче: — Ахъ, зачѣмъ они приказываютъ,

когда это немыслимо? Развѣ можно настаивать на такой глупости?.. Это какіе-то сумасшедшіе!..

Вдругъ Джонъ узнаетъ: это его собственный голосъ. Онъ вскакиваетъ и дико осматривается, стараясь понять гдѣ онъ. Мучительнымъ усиліемъ воли удерживаетъ онъ сознаніе, готовое снова ускользнуть, и соображаетъ, въ чемъ дѣло. Лишь только къ нему является способность владѣть собой, онъ быстро крадется вонъ изъ комнаты и спускается по лѣстницѣ. Въ сѣняхъ онъ останавливается и прислушивается. Ни звука. Во всемъ домѣ тишина. Онъ подходитъ къ лѣстницѣ, ведущей въ кухню, и тихонько кличетъ экономку; старуха ворчитъ и тяжело взбирается на ступеньки. Держась отъ нея подальше, Джонъ шопотомъ спрашиваетъ гдѣ Анна. Женщина отвѣчаетъ, что Анна въ госпиталѣ.

— Скажите ей, когда она вернется, что меня неожиданно вызвали по дѣлу —быстрымъ и тихимъ голосомъ говоритъ Джонъ.—Я буду въ отсутствіи нѣсколько дней. Скажите ей, чтобы она немедленно оставила этотъ домъ и вернулась въ городъ; здѣсь теперь уже обойдутся безъ нея. Скажите непремѣнно, чтобы она сейчасъ-же вернулась домой. Я къ ней туда пріѣду, когда кончу дѣла.

Онъ направляется къ выходу, но останавливается и оглядывается еще разъ.

— Скажите ей, что я умоляю ее не оставаться здѣсь ни часу больше. Теперь уже незачѣмъ слѣдить, всѣ выздоравливаютъ, и оставшуюся работу каждый можетъ сдѣлать и безъ нея. Скажите ей, что она должна ѣхать домой сегодня-же вечеромъ.

Старуха, слегка удивленная его горячностью, обѣщаетъ все передать въ точности и скрывается въ кухню. Джонъ беретъ со стула пальто и шляпу и еще разъ подходитъ къ двери. Въ эту секунду она отворяется и входитъ Анна.

Онъ отскакиваетъ въ тѣнь и замираетъ, прижавшись къ стѣнѣ. Анна зоветъ его, сначала со смѣхомъ, потомъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ:

— Джонъ! Джонъ, дорогой... Развѣ это не ты? Отчего ты молчишь?.. Развѣ тебя тамъ нѣтъ?..

Онъ удерживаетъ дыханіе и еще глубже прижимается въ темный уголъ. Анна, думая, что ошиблась въ густыхъ сумеркахъ, проходитъ мимо и подымается по лѣстницѣ. Тогда онъ украдкой приближается къ двери и безшумно выходитъ на мокрую отъ дождя пустынную улицу.

Черезъ нѣсколько минутъ старая экономка взбирается во второй этажъ и передаетъ хозяйкѣ порученіе Джона. Анна находитъ его непонятнымъ и пристаетъ къ старухѣ съ разспросами, но ничего не можетъ добиться и отпускаетъ ее.

Что это значитъ? Какое «дѣло» могло вызвать Джона, когда онъ вотъ уже десять недѣль ни разу даже не произносилъ этого слова? И

ушелъ такъ неожиданно, оставивъ ее безъ объясненій, безъ поцѣлуя!.. Но вотъ она вспоминаетъ, какъ увидѣла его нѣсколько минутъ тому назадъ въ сѣняхъ, а онъ спрятался и не отозвался на ея зовъ...

Правда сильной волной врывается въ ея сознаніе, и сердце больно сжимается. Анна живо завязываетъ ленты шляпы, которую собиралась уже снять, спускается въ сѣни и выходитъ изъ дома. Она спѣшитъ къ единственному доктору, который живетъ здѣсь, за рѣкой, и былъ ихъ главнымъ помощникомъ въ самый разгаръ эпидеміи.

Не умѣя притворяться, старикъ-докторъ встрѣчаетъ Анну съ замѣшательствомъ, которое яснѣе словъ выдаетъ истину. Онъ начинаетъ шагать изъ угла въ уголъ и сурово выкрикиваетъ отрывистыя фразы.

Почемъ онъ знаетъ, гдѣ теперь Джонъ? Кто сказалъ ей, что Джонъ боленъ? Такой здоровый, сильный мужчина!.. Это она работала черезъ силу и начинаетъ бредить! Ей необходимо ѣхать сейчасъ-же домой, въ городъ, иначе она дѣйствительно заболѣетъ!..

Анна молча ждетъ, пока онъ кончитъ, и потомъ тихо говоритъ:

— Если вы мнѣ не скажете, я должна буду узнать черезъ другихъ, вотъ и все.

Она кладетъ свою маленькую руку на грубую лапу доктора и — не смотря на застѣнчивость глубоко любящей женщины—ловко заставляетъ его выдать все, что онъ обѣщалъ сохранить въ тайнѣ. Затѣмъ она быстро уходитъ, на обращая уже вниманія на слова старика, который умоляетъ ее «не тревожить больного и подождать хоть до завтра».

Джонъ лежитъ какъ пластъ, пересчитывая въ бреду безконечныя бочки сала; Анна сидитъ рядомъ, ухаживая за своимъ послѣднимъ больнымъ. Онъ часто зоветъ жену по имени, тогда она беретъ его пылающую руку, держитъ въ своихъ тонкихъ, бѣлыхъ рукахъ, и онъ засыпаетъ, хотя не приходитъ въ сознаніе. Докторъ осматриваетъ больного каждое утро и даетъ Аннѣ нѣсколько обычныхъ совѣтовъ, но не пробуетъ обмануть ее. Въ полутемной комнатѣ дни медленно проходятъ одинъ за другимъ. Анна слѣдитъ, какъ худѣютъ сильныя руки и расширяются помутившіеся, впавшіе глаза; но она спокойна—она почти довольна.

Незадолго передъ концомъ Джонъ просыпается отъ тяжкаго забытья и отчетливо вспоминаетъ все, что было. Онъ сознательно смотритъ на Анну, со смѣшаннымъ выраженіемъ благодарности и упрека.

— Зачѣмъ ты здѣсь?—спрашиваетъ онъ едва слышно.—Развѣ тебѣ не передавали моей просьбы?

Она смотритъ ему глубоко въ глаза и говоритъ:

— Джонъ, развѣ ты ушелъ-бы, еслибы я умирала?

Со свѣтлой улыбкой наклоняется она близко къ его лицу, такъ что мягкія пряди ея волосъ падаютъ на высокій, мертвенно-блѣдный лобъ.

— У насъ была одна жизнь... Богъ это знаетъ и не заставитъ меня жить безъ тебя. Мы всегда будемъ вмѣстѣ.

Она цѣлуетъ его долгимъ поцѣлуемъ въ губы, прижимаетъ его голову къ своей груди и ласкаетъ его, какъ ласкала-бы ребенка.

Слабыя руки поднимаются и обнимаютъ ее.

Черезъ нѣсколько времени Анна чувствуетъ, что руки похолодѣли. Она бережно снимаетъ ихъ со своей шеи, опускаетъ на постель, въ послѣдній разъ смотритъ въ сѣрые глаза и закрываетъ ихъ.

Рабочіе просятъ позволенія похоронить его на маленькомъ зарѣчномъ кладбищѣ. Анна соглашается, потому что знаетъ, что здѣсь все будетъ сдѣлано любящими руками. Люди опускаютъ въ землю тѣло Джона Ингерфильда у самаго входа въ церковь, гдѣ они, проходя, будутъ часто видѣть его могилу.

Одинъ изъ рабочихъ самъ обтесываетъ могильный камень. Наверху онъ вырѣзаетъ фигуру человѣка, склонившагося надъ страждущимъ братомъ, а подъ нею подпись: «Памяти Джона Ингерфильда». Еще ниже онъ хочетъ помѣстить текстъ изъ священнаго писанія, но старикъ докторъ сурово останавливаетъ его: «Лучше оставить на всякій случай пустое мѣсто для другого имени».

И могильный камень остается нѣсколько дней незаконченнымъ, пока рука того-же рабочаго прибавляетъ: «и его жены Анны».

Бѣлая ночь.

Земля не спитъ, напрасно ожидая
Объятій сумрака и нѣжной тишины.
Горитъ заря, полнеба обнимая,
Бѣгутъ толпой испуганные сны.

И все живетъ какой-то жизнью ложной,
Успокоенія напрасно ищетъ взоръ,
Какъ будто ангелъ блѣдный и тревожный
Надъ міромъ крылья бѣлыя простеръ.

---

* * *

День догорѣлъ. Въ изнеможеньѣ
Вздыхая вѣтеръ пролетѣлъ,
Пролепеталъ еще мгновенье—
И задремалъ, и онѣмѣлъ.

Все обнялъ ночи сумракъ мглистый,
И лишь блестятъ изъ темноты
Березы призракъ серебристый
И липы блѣдные цвѣты.

На столъ нашъ, ярко освѣщенный,
Толпы крылатыя летятъ,
И мотылекъ полусожженный
Предсмертнымъ трепетомъ объятъ.

Allegro.

ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТОЛСТОЙ.

ГЛАВА IV.

Положительные великосвѣтскіе типы.

I. Князь Андрей Болконскій.

I.

Во многихъ отношеніяхъ (и между прочимъ въ количественномъ) типы и картины *великосвѣтской жизни* занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ художественной дѣятельности Толстого.

Чтобы дать посильную оцѣнку и выяснить значеніе этого—аристократическаго—элемента въ творчествѣ Толстого, необходимо сперва разсмотрѣть важнѣйшіе образы, сюда относящіеся. Прежде всего обратимся къ *положительнымъ* типамъ «Войны и Мира» и начнемъ съ *князя Андрея Болконскаго.*

Здѣсь необходимо вспомнить, что передъ тѣмъ, какъ Толстой приступилъ къ созданію «Войны и Мира» (1864), онъ останавливался на другомъ художественномъ замыслѣ и даже набросалъ одинъ отрывокъ. Романъ былъ задуманъ на тему «Декабристы», о немъ находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ примѣчаніи, предпосланномъ упомянутому отрывку [1]): «печатаемыя здѣсь три главы романа подъ заглавіемъ «Декабристы» *были написаны еще прежде, чѣмъ авторъ принялся за «Войну и Миръ»*. Въ

---

[1]) Онъ написанъ былъ въ 1863 г. Какъ извѣстно, существуетъ и другой отрывокъ, написанный въ 70-хъ годахъ. Насъ интересуетъ здѣсь только первый.

то время онъ задумывалъ романъ, котораго главными дѣйствующими лицами должны быть декабристы, но не написалъ его, потому что, стараясь возсоздать время декабристовъ, онъ невольно переходилъ мыслью къ предыдущему времени, *къ прошлому своихъ героевъ*. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описать,—*семья, воспитаніе, общественныя условія и проч. избранныхъ имъ лицъ;* наконецъ, онъ остановился на времени войнъ съ Наполеономъ, которое и изобразилъ въ «Войнѣ и Мирѣ». Въ концѣ этого романа видны уже признаки того возбужденія, которое отразилось въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года».—(Сочиненія, ч. XII-я, стр. 229).

Не трудно догадаться, что, если-бы романъ «Декабристы» былъ написанъ, то въ немъ въ числѣ лицъ, причастныхъ движенію, закончившемуся событіемъ 14-го декабря, оказался-бы Пьеръ Безуховъ, а Наташа попала-бы въ число тѣхъ «русскихъ женщинъ», которыхъ воспѣлъ Некрасовъ. Такъ-же точно представляется очевиднымъ, что, если-бы рана, полученная кн. Андреемъ Болконскимъ въ Бородинскомъ сраженіи, не оказалась смертельною,—онъ явился-бы въ свое время однимъ изъ организаторовъ и вожаковъ движенія.

Я предполагаю, что сюжетъ «Декабристовъ» привлекалъ къ себѣ художническую пытливость Толстого не только своимъ историческимъ значеніемъ, своимъ драматизмомъ и выдающимися качествами дѣйствующихъ лицъ, *какъ характеровъ*, но также (а, быть можетъ, и въ особенности) тѣмъ, что это столь яркое и единственное въ своемъ родѣ явленіе въ нашей исторіи было въ значительной мѣрѣ продуктомъ великосвѣтской психологической формы, что въ немъ аристократія происхожденія, воспитанія, карьеры, общественнаго положенія проявилась въ то же время какъ аристократія ума, характера и нравственныхъ качествъ. Первенствующая роль въ движеніи принадлежала молодежи высшаго круга; тутъ были и представители старинныхъ аристократическихъ фамилій, и представители той искусственно-созданной, чиновной «разночинной» (если можно такъ выразиться) знати, которая такъ быстро сформировалась у насъ съ легкой руки Петра Великаго; всѣ они путемъ своеобразнаго воспитанія и образованія объединялись въ одну сословно-психологическую группу, гдѣ развѣ только очень опытный наблюдатель могъ уловить нѣкоторыя черты различія, которыми всетаки отличались другъ отъ друга съ одной стороны люди «крови и породы», а съ другой дѣти или внуки «случайныхъ» людей временъ Елисаветы и Екатерины,—тѣхъ, что «прыгали въ князья изъ хохловъ» или «пѣли на клиросѣ съ дьячками».—*Андрей Болконскій*—представитель первыхъ, *Пьеръ Безуховъ*—вторыхъ. Но эти различія не только не нарушали единства сословной психологіи,—они не вліяли также на составъ, характеръ и послѣдовательныя измѣ-

ненія того, что въ разное время составляло *содержаніе* этой психологической формы. И аристократы «крови», и аристократы разночиннаго происхожденія одинаково воспринимали вольтерьянство и другія освободительныя идеи «вѣка просвѣщенія», одинаково проникались патріотическими стремленіями и героическимъ духомъ эпохи 1812 года, одинаково жертвовали собою въ эпоху 1825 года,—воодушевленные идеями, ничего общаго неимѣющими съ сословными тенденціями и направленными въ сторону общегосударственныхъ и общенародныхъ интересовъ.

Есть два способа изучать и изображать *движенія умовъ* въ обществѣ, возникновеніе, ходъ и итоги извѣстныхъ общественныхъ стремленій, дѣятельность партій и т. д. Во-первыхъ, можно интересоваться исключительно *содержаніемъ* руководящихъ идей, *цѣлями*, къ которымъ стремятся лица, принимающія участіе въ движеніи, событіями и результатами, къ которымъ оно привело; при этомъ вопросъ объ интимномъ внутреннемъ мірѣ дѣятелей и о ихъ психологической формѣ остается въ сторонѣ; къ нему обращаются только въ томъ случаѣ, когда это представляется необходимымъ для объясненія самихъ идей, событій и т. д.—Другой способъ состоитъ въ томъ, что именно эта—психологическая сторона и выдвигается на первый планъ. Изслѣдователь прежде всего хочетъ уяснить себѣ, что это за люди, которыхъ стремленія, подвиги, судьбу онъ будетъ изучать,—каковъ ихъ внутренній міръ, взятый въ его будничномъ обиходѣ, независимо отъ воодушевляющихъ ихъ идей,—наконецъ, къ какой психологической формѣ (сословной и иной) принадлежатъ они,—вѣдь эта форма и составляетъ ихъ характерную «физіономію», ихъ душевную «складку». Толстой, какъ извѣстно, такъ именно и ставитъ вопросъ, и для него идеи, волновавшія умы, общественныя движенія, стремленія передовыхъ партій получаютъ весь свой интересъ только тогда, когда онѣ берутся не отвлеченно, а воплощаются въ живыхъ людей, которыхъ онъ и анализируетъ со свойственнымъ ему даромъ психологическаго прозрѣнія. Такъ, «Война и Миръ», можно сказать, изображаетъ намъ не событія, не идеи или руководящія стремленія эпохи, а живьемъ взятыхъ людей того времени; событія-же, идеи и пр.,—это только часть ихъ жизни или часть обстановки, среди которой она протекала. Если-бы Толстой написалъ «Декабристовъ», то—я увѣренъ—при первомъ чтеніи мы были-бы шокированы этимъ художественнымъ пріемомъ, который можно-бы назвать своего рода размѣномъ большихъ душевныхъ цѣнностей на мелкую, ходячую монету, на пятаки и гривенники повседневнаго душевнаго прихода и расхода. Въ отрывкѣ 1863 года, изображающемъ возвращеніе амнистированнаго престарѣлаго декабриста въ 1856 году, мы видимъ уже первый опытъ такого «размѣна»: замѣчательный человѣкъ, герой, сильный характеръ,—представленъ здѣсь со стороны разныхъ душевныхъ мелочей, пустяковъ, слабостей, иногда смѣшныхъ. Но вы чув-

ствуете, что это не есть развѣнчаніе героя, что тутъ не было желанія его унизить, умалить, опошлить: это только—размѣнъ душевныхъ цѣнностей, при чемъ, въ конечномъ итогѣ, эти цѣнности все-таки остаются цѣнностями,—онѣ отнюдь не *обезцѣниваются*. Размѣнъ же нуженъ для того, чтобы шаблонная фигура героя, которую всегда можно, зная его дѣянія, построить апріорно, какъ-бы вывести дедуктивнымъ путемъ, преобразилась въ живую человѣческую личность съ ясно-выраженной психологической формой (напр. сословной), со всею массою мелкихъ душевныхъ проявленій; со всѣми характерными чертами воспитанія, среды, эпохи. Въ данномъ случаѣ среди многихъ чертъ, сгруппированныхъ въ отрывкѣ, мы ясно различаемъ признаки великосвѣтской психологической формы, своеобразнаго барскаго воспитанія, той особой (нынѣ, кажется, уже не существующей) утонченности или, если можно такъ выразиться, душевной шлифовки, которая психологически была сродни гуманности и незамѣтно въ нее переходила [1]). Вотъ именно въ области этого рода художественныхъ изысканій Толстой даетъ намъ возможность уловить эти нити, которыми положительное содержаніе людей эпохи 1825 года (ихъ идеи, идеалы, стремленія) связывалось съ аристократическою формою ихъ психики. Въ «Войнѣ и Мирѣ» онъ и покажетъ намъ дѣйствіе этихъ связующихъ нитей, и мы убѣдимся въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ аристократическая форма психики заключаетъ въ себѣ элементы, силою которыхъ она гармонируетъ съ общегуманнымъ пошибомъ содержанія, съ воспріимчивостью мысли къ прогрессивнымъ и освободительнымъ идеямъ, съ аристократизмомъ ума и характера, съ развитіемъ чести. Семья Болконскихъ (Волконскихъ) является лучшей представительницею этого высшаго аристократизма, разными своими сторонами, какъ-бы по частямъ, типично-выраженнаго въ старомъ князѣ, у котораго онъ смѣшанъ съ деспотизмомъ и крѣпостничествомъ вельможи XVIII-го вѣка, въ княжнѣ Марьѣ, гдѣ онъ претворенъ въ утонченную гуманность тепличо воспитанной женской натуры, и—въ особенности—въ князѣ Андреѣ, психику котораго, очень сложную и очень любопытную, намъ предстоитъ теперь разобрать по возможности обстоятельно. Онъ этого заслуживаетъ, хотя-бы въ виду того, что, вмѣстѣ съ Пьеромъ Безуховымъ, онъ является центральною фигурою «Войны и Мира».

II.

Нѣкоторыя, очень ярко выраженныя, черты сословной аристократической психологіи князя Андрея служили иногда для читателей и кри-

[1]) Сюда относится указаніе на то, что «Петръ Ивановичъ (декабристъ) *имѣлъ привычку* говорить *вы* всѣмъ безъ исключенія, кромѣ членовъ своего семейства». Раздавая на чай ямщикамъ, онъ говоритъ: «вотъ вамъ, а вотъ вамъ».

тиковъ камнемъ преткновенія, мѣшавшимъ имъ отнестись къ нему съ должнымъ безпристрастіемъ и понять его такъ, какъ этого хотѣлъ-бы авторъ. Въ нѣкоторыхъ сценахъ кн. Андрей производитъ невыгодное впечатлѣніе—самомнящаго фата, надменнаго и ломающагося великосвѣтскаго льва. Если судить о немъ по этому впечатлѣнію, не принимая въ соображеніе многихъ другихъ чертъ, его парализующихъ, то получится характеристика князя Андрея, столь-же невѣрная и пристрастная, какъ та, которую сдѣлалъ въ своемъ родѣ остроумный военный критикъ «Войны и Мира»—генералъ Драгомировъ. «Кн. Андрей»—говоритъ онъ,—«принадлежитъ къ числу тѣхъ, нерѣдко встрѣчаемыхъ характеровъ, которые, по странному капризу природы, представляютъ соединеніе громадныхъ претензій съ недостаткомъ силъ для ихъ удовлетворенія... Просимъ припомнить появленіе кн. Андрея на сцену: въ свѣтѣ онъ щурится, едва отвѣчаетъ, всѣхъ и вся третируетъ съ высоты своего величія; предъ вами человѣкъ, который изо всѣхъ силъ бьется, чтобы *не быть*, а *казаться*, который играетъ роль, который не есть сила, а только претензія на силу...» (Разборъ романа «Война и Миръ». Кіевъ, 1895, стр. 38). На этомъ отзывѣ стоитъ остановиться: онъ принадлежитъ писателю, который умѣетъ не только зло и остроумно критиковать, но и хорошо понимать то, что критикуетъ (способности, не всегда, къ сожалѣнію, совмѣщающіяся),—тѣмъ любопытнѣе, стало быть, выяснить происхожденіе столь явно несправедливаго приговора.

Если не ошибаюсь, немилость знаменитаго стратега къ князю Андрею была порождена двумя причинами: во-первыхъ, аристократическая форма психики кн. Андрея, должно быть, глубоко-антипатична генералу Драгомирову, какъ носителю совсѣмъ другой психологической формы; во-вторыхъ, кн. Андрей—диллетантъ войны и слишкомъ самоувѣренно и развязно судитъ о военныхъ вопросахъ, не имѣя на это тѣхъ правъ «мастера», которыя пріобрѣтаются, по выраженію ген. Драгомирова, лишь «тяжелымъ и долгимъ пребываніемъ въ подмастерьяхъ»; не пройдя этой суровой школы, не видавъ «ни разу войны лицомъ къ лицу», онъ «является на нее съ готовыми и законченными военными взглядами» (стр. 39),—вотъ чего ген. Драгомировъ, мастеръ и авторитетъ въ практикѣ и теоріи войны, не можетъ простить князю Андрею. Въ довершеніе всего, послѣдній со свойственною ему, по мнѣнію ген. Драгомирова, опрометчивостью, совершилъ поступокъ, который долженъ былъ окончательно уронить его въ глазахъ генерала: онъ, «пользуясь привилегіями той среды, которую повидимому такъ презираетъ» (стр. 38—39), поступилъ адъютантомъ къ Кутузову,—отнынѣ онъ штабный аристократикъ, и ген. Драгомировъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что кн. Андрей въ этой должности «усвоилъ себѣ нравы передней главнокомандующихъ, примѣняя къ дѣлу «неписанную» субординацію не хуже любого Теркова» (стр. 39).—

Нижеслѣдующій анализъ натуры молодого Болконскаго, надѣюсь, покажетъ, какъ далека отъ правды эта характеристика [1]).

На всемъ протяженіи романа кн. Андрей Болконскій неизмѣнно проявляется какъ человѣкъ *очень умный*, *рѣдко-серьезный* и съ *большими запросами живой общественной и даже государственной дѣятельности*, при чемъ эти запросы—не пустыя претензіи, а основываются на соотвѣтствующихъ имъ способностяхъ. Это одна изъ тѣхъ натуръ, которыя смотрятъ на жизнь какъ на серьезное и отвѣтственное дѣло, а не времяпрепровожденіе, и понимаютъ это дѣло въ смыслѣ служенія общему благу, руководясь правиломъ «noblesse oblige». Въ связи съ этимъ у кн. Андрея мы видимъ проявленіе большого честолюбія и стремленіе къ власти, къ авторитарности. Но рядомъ съ этими мотивами у него въ душѣ властно, «категорически» заправляетъ «императивъ» долга, самоотверженія, безкорыстнаго подвига.

Таковъ нашъ взглядъ на князя Андрея, являющійся конечнымъ *итогомъ*, въ которомъ реализируется большая душевная *цѣнность*, представленная этимъ человѣкомъ. Разсмотримъ же теперь *слагаемыя*, мелкія монеты—результаты произведеннаго Толстымъ психологическаго *размѣна*.

Впервые личность кн. Андрея начинаетъ выясняться въ главахъ V-й и VI-й I-й части I-го тома, гдѣ въ бесѣдѣ съ Пьеромъ Безуховымъ онъ рѣзко высказываетъ свою неудовлетворенность жизнью и обнаруживаетъ крайне пессимистическое настроеніе, очевидно, вызванное недовольствомъ семейной жизнью (или точнѣе—женою, какъ существомъ пустымъ, не подъ пару ему, неспособнымъ его понять), а также—средою, свѣтскимъ обществомъ. Мы слышимъ изъ его устъ рѣзкую критику этого общества, въ особенности его «прекрасной» половины [2]). Въ минуты такихъ припадковъ пессимизма кн. Андрей не щадитъ и себя самого. «Я теперь отправляюсь на войну»—говоритъ онъ—«на величайшую войну, какая только бывала, *а я ничего не знаю и никуда не гожусь*». (Гл. VI).— Эти слова, хотя и сказанныя въ минуту раздраженія—плодъ явнаго преувеличенія, всетаки могутъ служить отчасти свидѣтельствомъ противъ ген. Драгомирова, такъ настойчиво выставляющаго на видъ необычайное

---

[1]) Укажу здѣсь лишь мелькомъ, что она фактически не вѣрна: кн. Андрей третируетъ не всѣхъ и вся, а только очень многихъ—кого не уважаетъ. Пьера Безухова, кап. Тушина, Тимохина—онъ не третируетъ, а относится къ нимъ сердечно и просто. Въ штабѣ онъ не остается служить и карьеры тамъ не дѣлаетъ, а всегда стремится участвовать въ «дѣлѣ», переходитъ въ полкъ, отъ опасностей не уклоняется, даже ищетъ ихъ. Усваивать нравы передней главнокомандующихъ не можетъ—по самой своей натурѣ и т. д. и т. д.

[2]) «Ежели бы ты только могъ знать, что это такое всѣ эти свѣтскія женщины! Отецъ мой правъ. Эгоизмъ, тщеславіе, тупоуміе, ничтожество во всемъ—вотъ женщины...» (Гл. VI-я).

якобы самомнѣніе кн. Андрея и въ то же время замалчивающаго его несомнѣнныя положительныя качества.

А между тѣмъ эти качества намѣчаются уже тутъ, въ этихъ первыхъ сценахъ, гдѣ выведенъ кн. Андрей. Правда, они именно только *намѣчаются*, а не проявляются въ дѣйствіяхъ, въ поступкахъ героя, но и этого пока достаточно,—подтвержденіе фактами явится въ свой чередъ. Пока мы, такъ сказать, со стороны (отъ автора) узнаемъ, что молодой Болконскій обладаетъ недюжинной *силой воли*, *большой способностью работать и учиться*, *начитанностью* (т. е. широкимъ образованіемъ: «онъ все читалъ, все зналъ») и, наконецъ, въ противуположность Пьеру, характеризуется отсутствіемъ способности къ «мечтательному философствованію». Толстой именно хочетъ внушить намъ взглядъ на князя Андрея, какъ на человѣка съ призваніемъ *къ практической живой дѣятельности*, съ которою такъ гармонируютъ только-что перечисленныя качества. И ужъ, конечно, не зря приписываетъ Толстой своему герою эти качества: такимъ онъ его задумалъ,—такимъ и является князь Андрей на различныхъ поприщахъ. Если-же, какъ указываетъ на это генералъ Драгомировъ, онъ оказывается въ концѣ-концовъ *неудачникомъ*, то это происходитъ не отъ «пустоты» [1]), не отъ недостатка выдержки и не отъ отсутствія настоящей «силы» (одну лишь «претензію на силу» усматриваетъ въ немъ критикъ), а совсѣмъ отъ другихъ причинъ, которыя выяснятся ниже.

Имѣя въ виду впослѣдствіи провести параллель между натурою кн. Андрея и натурою Пьера, запомнимъ здѣсь-же то, что говоритъ въ этой главѣ (VI) Толстой о различіи между ними. «Пьеръ считалъ князя Андрея образцомъ всѣхъ совершенствъ именно оттого, что кн. Андрей въ высшей степени соединялъ всѣ тѣ качества, которыхъ не было у Пьера и которыя ближе всего можно выразить понятіемъ *силы воли*... Ежели часто Пьера поражало въ Андреѣ отсутствіе способности мечтательнаго философствованія (къ чему особенно былъ склоненъ Пьеръ), то и въ этомъ онъ видѣлъ не недостатокъ, а силу».

Такимъ образомъ, коренное различіе между этими двумя натурами и съ тѣмъ вмѣстѣ сильныя стороны натуры Болконскаго указаны здѣсь съ достаточной опредѣленностью, и вся дальнѣйшая внутренняя и также мастерски согласованная съ нею внѣшняя исторія обоихъ главныхъ героевъ «Войны и Мира» является строго послѣдовательнымъ развитіемъ и фактическимъ подтвержденіемъ этой характеристики.

Встрѣчая вновь кн. Андрея въ концѣ I-й части I-го тома (главы XXIII—XXV), мы имѣемъ возможность наблюдать его дома, въ семьѣ,

[1]) Ген. Драгомировъ между прочимъ говоритъ о немъ: «жаль его, человѣкъ до извѣстной степени (?) пожалуй даже способный и съ характеромъ, но практически пустой» (!) (стр. 40).

въ общеніи съ близкими и самыми дорогими для него лицами (отцомъ и сестрою). Здѣсь прежде всего привлекаетъ наше вниманіе слѣдующая, не даромъ отмѣченная черта: кн. Андрей (пріѣхавшій къ отцу въ его имѣніе Лысыя горы) входитъ въ комнату старика «не съ тѣмъ брюзгливымъ выраженіемъ лица и манерами, *которыя онъ напускалъ на себя въ гостиныхъ* (и которыми, добавимъ отъ себя, онъ и ввелъ въ заблужденіе ген. Драгомирова), а съ тѣмъ оживленнымъ лицомъ, которое у него было, когда онъ разговаривалъ съ Пьеромъ» (гл. XXIII). Это—мелкая, но мѣткая черта, важная для пониманія натуры князя Андрея. Въ «гостиныхъ», въ «салонахъ» онъ «щурится», онъ преувеличенно вялъ и апатиченъ, вообще держится манерно и съ брезгливостью, которая кажется фатовствомъ, и все это потому, что тамъ онъ чувствуетъ себя, хотя и въ своей средѣ, но скверно, что тамъ все или многое ему претитъ, даже возмущаетъ его. Онъ не Чацкій, чтобы тутъ-же разразиться филиппиками. Взамѣнъ этого, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи ту способность или ту слабость утрированнаго, манернаго демонстрированія своего превосходства, которая есть одно изъ слагаемыхъ психологической сословной формы аристократизма. Ею-то онъ и пользуется, пожалуй даже—злоупотребляетъ. Почти также, только, конечно, уже безъ примѣси манерничанья и напускного фатовства, держится онъ съ женою: онъ почти не переноситъ ея женской пустоты, въ то же время цѣня ея качества, какъ вѣрной жены и хорошаго человѣка (все это ясно показано въ сценѣ съ женою въ главѣ VI-й). Но съ людьми, которыхъ онъ цѣнитъ и уважаетъ, *онъ совсѣмъ другой*: съ ними онъ простъ, искрененъ, откровененъ. Таковъ онъ съ отцомъ, сестрой, Пьеромъ. Ниже увидимъ, что таковъ-же онъ, напримѣръ, съ капитаномъ Тушинымъ, Тимохинымъ и друг. Князь Андрей уважаетъ и цѣнитъ тѣхъ, въ комъ онъ видитъ *серьезное душевное содержаніе*. Это человѣкъ, который менѣе всего руководится въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ мотивомъ, схваченнымъ въ поговоркѣ: «не похорошу милъ, а помилу хорошъ». Для него «милъ» тотъ, кто, по его понятію, «хорошъ», а хорошъ тотъ, кто уменъ, содержателенъ, незауряденъ, честенъ, правдивъ, или, при небольшихъ умственныхъ силахъ, обладаетъ извѣстнымъ запасомъ убѣжденій, хорошо направленныхъ мыслей и серьезныхъ чувствъ, хотя-бы нѣкоторыя черты ума или характера человѣка и вызывали въ немъ критическое или ироническое отношеніе. «Мечтательное философствованіе» Пьера и соотвѣтственныя мысли его (напримѣръ, о войнѣ съ Наполеономъ) кажутся Андрею вздоромъ,—деспотизмъ, родовая спѣсь и разныя причуды отца вызываютъ въ немъ иронію и даже болѣе серьезный протестъ, сентиментальная набожность княжны Марьи служитъ предметомъ его благодушныхъ, впрочемъ, насмѣшекъ, но все это не мѣшаетъ ему цѣнить этихъ лицъ, какъ они того заслуживаютъ, не потому,

что они его родные, близкіе, а потому, что они имѣютъ положительное душевное содержаніе, чего нѣтъ у его жены, у князя Василія, у многихъ лицъ «изъ общества». Для иллюстраціи сказаннаго укажу, напримѣръ, на сцены съ отцомъ, сестрой, отзывъ кн. Андрея объ отцѣ по поводу «генеалогическаго древа» и на превосходную сцену прощанія съ отцомъ (тѣ-же главы): здѣсь въ мелочахъ, тонѣ, манерѣ, разговорахъ ясно очерчивается то простое, задушевное и умное отношеніе князя Андрея къ отцу и сестрѣ, которое психологически-послѣдовательно вытекаетъ изъ только-что указанной мною основной черты его натуры.

Переходимъ ко II-й части I-го тома. Здѣсь, въ главѣ III-й, мы встрѣчаемъ кн. Андрея въ штабѣ Кутузова (кампанія 1805 г.). Какимъ онъ является здѣсь, какъ себя ведетъ и держитъ, объ этомъ сперва узнаемъ изъ прямого свидѣтельства Толстого. «Въ штабѣ Кутузова (читаемъ здѣсь), между товарищами сослуживцами и вообще въ арміи кн. Андрей, также какъ и въ петербургскомъ обществѣ, имѣлъ двѣ совершенно противуположныя репутаціи. Одни, меньшая часть, признавали кн. Андрея чѣмъ-то особеннымъ отъ себя и отъ всѣхъ другихъ людей, ожидали отъ него большихъ успѣховъ, слушали его, восхищались имъ и подражали ему; и съ этими людьми князь Андрей былъ простъ и пріятенъ. Другіе, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутымъ, холоднымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Но съ этими людьми кн. Андрей умѣлъ поставить себя такъ, что его уважали и даже боялись.» (Глава III).

Все это показано на дѣлѣ въ рядѣ штабныхъ, лагерныхъ, военныхъ сценъ (столкновеніе кн. Андрея съ Жарковымъ [1]), гл. III, съ Николаемъ Ростовымъ, часть III, гл. VII и др.). Изъ этихъ сценъ особенно важны для характеристики кн. Андрея тѣ, гдѣ онъ встрѣчается съ капитаномъ Тушинымъ, котораго онъ сразу понялъ и полюбилъ. Въ гл. XX-ой (II-ой части) онъ выступаетъ энергичнымъ защитникомъ храбраго на войнѣ и робкаго среди штабныхъ офицеровъ капитана передъ Багратіономъ, которому представили дѣйствія Тушина въ неблагопріятномъ видѣ. Здѣсь кн. Андрей является въ очень симпатичномъ свѣтѣ,— какъ и вообще все время его пребыванія въ отрядѣ Багратіона. Своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, стараніемъ во все вникнуть, исполнить свою обязанность какъ можно лучше, наконецъ, храбростью, онъ рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ штабныхъ офицеровъ,—и только въ силу явно предвзятаго и пристрастнаго къ нему отношенія ген. Драгомировъ могъ поставить его на одну доску съ этими послѣдними.

---

[1]) Толстой, гдѣ нужно, не щадитъ своего героя, и въ этой сценѣ съ Жарковымъ заставляетъ его ужъ очень «ломаться» и даже нарочно коверкать русскій языкъ, какъ это дѣлали зачастую въ ту эпоху наши аристократы, притворявшіеся плохо говорящими по-русски. Это была особая мода и особый «тонъ» и «шикъ».

Къ этому же періоду въ жизни Болконскаго, когда онъ участвовалъ въ кампаніи 1805 года, относится крайнее развитіе въ немъ одной изъ основныхъ чертъ его сложной натуры—*честолюбія*. Князь Андрей лелѣялъ честолюбивыя мечты—отличиться такъ, чтобы обрѣсти свой «Тулонъ», т.-е., иронически замѣчаетъ ген. Драгомировъ, «попасть въ Наполеоны». Когда онъ узналъ отъ дипломата Билибина (въ Брюннѣ, куда былъ посланъ съ рапортомъ къ австрійскому императору), «что русская армія находится въ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему-то именно и предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неизвѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ! Слушая Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, пріѣхавъ къ арміи, онъ на военномъ совѣтѣ подастъ мнѣніе, которое одно спасетъ армію, и какъ ему одному будетъ поручено исполненіе этого плана». (Ч. II, гл. XII). Сурово осуждая кн. Андрея за эти честолюбивыя мечты не по заслугамъ, ген. Драгомировъ упускаетъ изъ виду, что эти пылкія мечты, однако, отнюдь не побуждаютъ кн. Андрея оберегать себя отъ опасностей, держаться при штабѣ на безопасныхъ пунктахъ, вращаться исключительно среди сильныхъ міра сего, гдѣ при его связяхъ и положеніи въ свѣтѣ онъ всегда имѣлъ возможность выдвинуться. Напротивъ, кн. Андрей хочетъ быть при дѣлѣ, для чего и отпрашивается у Кутузова въ отрядъ Багратіона, и наконецъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, описанномъ въ гл. XVI-ой и XVII-ой, III-ей части, бросается впередъ со знаменемъ въ рукѣ, увлекая за собою разстроенный батальонъ, падаетъ раненый. Такъ не ведутъ себя пустые штабные карьеристы, какимъ выставляетъ князя Андрея ген. Драгомировъ.

Во *второмъ* томѣ мы впервые встрѣчаемъ кн. Андрея въ гл. VIII-ой I-ой части, гдѣ съ потрясающей простотою и удивительной пластикою изображенія разсказаны важныя событія изъ личной жизни героя. Это именно его внезапный пріѣздъ къ отцу, который считалъ его убитымъ, рожденіе ребенка и смерть жены. Здѣсь натура кн. Андрея ярко выступаетъ какъ бы сама собою изъ краткаго, почти лаконическаго изображенія того, какъ онъ себя держалъ въ это время. Все это воспроизведено безъ помощи психологическаго анализа, на который такъ щедръ Толстой и въ которомъ онъ такой мастеръ. Въ замѣнъ психологическаго анализа Толстой съ огромнымъ эффектомъ примѣняетъ здѣсь другой пріемъ,—такъ сказать, *скульптурный*, *пластическій*—тотъ самый, которымъ изображенъ (не только въ этихъ сценахъ, но и вообще) старый князь Болконскій. Фамильныя черты и родство натуръ у отца и у сына выступаютъ здѣсь, благодаря этому единству манеры письма, тѣмъ ярче и нагляднѣе.

Подъ вліяніемъ всего, что испыталъ кн. Андрей на войнѣ и дома,

онъ впалъ въ мрачное, угнетенное настроеніе, въ которомъ и засталъ его Пьеръ Безуховъ, пріѣхавшій навѣстить своего друга въ его богучаровскомъ уединеніи. Это свиданіе разсказано въ главѣ XI-ой II-ой части II-го тома. Здѣсь мы видимъ князя Андрея въ новомъ свѣтѣ и, между прочимъ, не можемъ не отмѣтить лишній разъ сходства его натуры съ натурою его отца, сходства, выступающаго въ данномъ мѣстѣ съ особливой наглядностью. Это обусловливалось отчасти тѣмъ, что теперь кн. Андрей, въ силу сложившихся обстоятельствъ, сталъ въ положеніе. отчасти аналогичное тому, въ какомъ находился по необходимости старикъ Болконскій,—положеніе не у дѣлъ, при полномъ разочарованіи какъ въ общемъ ходѣ событій и въ лицахъ, имъ заправлявшихъ, такъ и въ возможности осуществленія собственныхъ честолюбивыхъ плановъ. Князь Андрей переживалъ тяжелый душевный кризисъ, одно изъ тѣхъ состояній подавленности и раздраженія, которыя характеризуются рѣзкою перемѣною въ соотносительномъ расположеніи душевныхъ элементовъ и въ обостреніи нѣкоторыхъ чертъ натуры, въ обыкновенное время затушеванныхъ воздѣйствіемъ разныхъ внутреннихъ мотивовъ и внѣшнихъ вліяній, теперь отсутствующихъ. При такомъ кризисѣ человѣкъ ищетъ уединенія и замыкается въ себѣ. Онъ охладѣваетъ къ людямъ, даже близкимъ, устраняется отъ жизни, отъ общества и углубляется въ упорную внутреннюю работу надъ извѣстными мыслями, его осаждающими, и чувствами, большею частью горькими, во власти которыхъ онъ находится теперь. Тогда происходитъ нѣчто въ родѣ самоотравы ядомъ собственныхъ мыслей и чувствъ. И этотъ ядъ выдѣляется изъ разныхъ областей духа, какъ изъ положительнаго содержанія души, такъ и изъ ея формы. Извѣстные элементы перваго, являющіеся при нормальномъ состояніи качествами положительными (напр , сознаніе своего достоинства, гордость), становятся въ этомъ отравленномъ состояніи недостатками; мотивы (напр. честолюбіе), которые прежде направляли стремленія человѣка въ хорошую сторону и обѣщали сдѣлать изъ него величину съ большою общественною стоимостью, теперь даютъ или грозятъ дать результаты отрицательные. Съ тѣмъ вмѣстѣ черты, принадлежащія психологической формѣ (напр. сословной), прежде не вторгавшіяся въ положительное содержаніе души, а потому и не квалифицировавшіяся съ точки зрѣнія нравственной, теперь оживаютъ въ сознаніи, проникаютъ въ сферу чувства и воли и, окрашивая собою внутренній міръ человѣка, проявляются такъ, что даютъ поводъ къ нравственной оцѣнкѣ, зачастую по необходимости приводящей къ болѣе или менѣе неблагопріятному вердикту. Въ такомъ именно состояніи душевнаго упадка и самоотравы и находился кн. Андрей въ разсматриваемый моментъ. Пьера «поразила происшедшая въ немъ перемѣна. Слова были ласковы. улыбка была на губахъ и лицѣ князя Андрея, но взглядъ былъ потух-

шій, мертвый... взглядъ этотъ и морщинка на лбу, *выражавшіе долгое сосредоточеніе на чемъ то одномъ,* поражали и отчуждали Пьера...» (гл. XI).—Съ Пьеромъ, котораго онъ всегда такъ любилъ, съ которымъ всегда былъ такъ откровененъ, «онъ не чувствовалъ теперь ничего общаго» и они бесѣдуютъ—«какъ люди мало близкіе другъ къ другу» (ib).—Таковы внѣшніе симптомы перемѣны, происшедшей въ кн. Андреѣ,—сущность же ея ярко выражается въ слѣдующемъ.

Князь Андрей всегда былъ аристократъ, большой баринъ. Это прежде всего—сословная форма его психики. Раньше она, оставаясь формою, не приводила къ соотвѣтственнымъ чисто-сословнымъ идеямъ, къ аристократическимъ стремленіямъ. Согласно свойствамъ своей натуры, Болконскій стремился къ широкой дѣятельности и мечталъ о славѣ, но въ этихъ стремленіяхъ и мечтахъ онъ отнюдь не руководился чисто-сословными идеалами. Теперь же, въ моментъ постигшаго его душевнаго кризиса, въ состояніи замкнутости и отчужденности, классовая форма психики проявляется у него такъ, какъ будто она не только—форма, но и часть душевнаго содержанія. Презрѣніе къ обществу и къ мужику выступаетъ рѣзкими, рѣжущими ухо звуками и производитъ впечатлѣніе диссонанса.—«Я бы радъ ничего не дѣлать»—говоритъ онъ Пьеру,—«а вотъ съ одной стороны дворянство здѣшнее удостоило меня чести избранія въ предводители: я насилу отдѣлался. Они не могли понять, что во мнѣ нѣтъ того, что нужно, нѣтъ этой извѣстной добродушной и озабоченной пошлости, которая нужна для этого».—Для мужика, по его словамъ, единственное возможное счастье есть счастье животное. «... Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю (говоритъ онъ), что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведетъ онъ ту-же скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживаютъ, и онъ также счастливъ, какъ и былъ прежде» (гл. XI).—«Князь Андрей (говоритъ Толстой) высказывалъ свои мысли такъ ясно и отчетливо, что видно было:—*онъ не разъ думалъ объ этомъ,* и онъ говорилъ охотно и быстро, какъ человѣкъ, долго не говорившій. Взглядъ его оживлялся тѣмъ больше, чѣмъ безнадежнѣе были его сужденія».—Замѣчаніе это намекаетъ на то, что парадоксы и рѣзкія сужденія кн. Андрея не были случайными lapsus linguae, обмолвкою, желчной выходкой, что онъ много и упорно думалъ на эти темы въ своемъ одиночествѣ и какъ бы нарочито и злорадно растравлялъ въ себѣ душевную рану, пока накопившійся ядъ и вся боль души не вылились въ формѣ этихъ безотрадныхъ и недобрыхъ мыслей. Онъ доказываетъ Пьеру, что мужикъ счастливъ въ своемъ убожествѣ, въ своей темнотѣ, умственной и нравственной, и другого счастья онъ не хочетъ и не достоинъ, что даже нелѣпо лѣчить крестьянъ, заводить больницы. «Гораздо покойнѣй и проще ему умереть. *Другіе родятся, и такъ ихъ много»,*—продолжаетъ растравлять свою рану кн. Андрей.—

«Ежели бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ, *какъ я смотрю на него*», уже явно клевещетъ онъ на себя,—«а то ты изъ любви же къ нему его хочешь лѣчить...» Наконецъ, онъ договаривается до вывода, что освобожденіе крестьянъ нужно не для нихъ самихъ, а для успокоенія совѣсти рабовладѣльцевъ: «оно (говоритъ онъ) нужно для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе, подавляютъ это раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. *Вотъ кого мнѣ жалко и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ...*»

Эти жестокія слова, представляющіяся плодомъ изощреннаго сословнаго эгоизма, который хуже наивнаго, производятъ въ устахъ кн. Андрея впечатлѣніе какого-то крика отъ боли, какой-то клеветы на себя или жестокаго самобичеванія. Такъ, повидимому, чувствовалъ Пьеръ,—и не вѣрилъ, чтобы это были настоящія, подлинныя мысли кн. Андрея. Такъ чувствуемъ и мы и думаетъ, что князь Андрей только въ припадкѣ душевнаго угнетенія могъ ихъ высказывать, что они были выраженіемъ не подлинныхъ его убѣжденій, а только того самоотравленнаго, пессимистическаго состоянія, въ которомъ онъ находился въ данное время. Что даетъ намъ право такъ думать? Во-первыхъ, то общее представленіе о князѣ Андреѣ, которое возникаетъ изъ совокупности всего, что мы о немъ знаемъ, во-вторыхъ, его поступки во время самаго «кризиса»,—хронологически совпадающіе съ только-что приведенными взглядами, но явно имъ противорѣчащіе (о нихъ—ниже): это противорѣчіе недобрыхъ мыслей и добрыхъ дѣлъ показываетъ, что «взгляды» не шли далеко вглубь, не имѣли значенія императива, заправляющаго волею, что они были не болѣе какъ внѣшнею и болѣзненною накипью. Наконецъ, въ-третьихъ, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи слѣдующаго рода діагнозъ: если спорное душевное состояніе (*а*) связано узами тѣсной психической ассоціаціи съ другимъ проявленіемъ (*б*), а это послѣднее *очевидно и безспорно* оказывается ненормальнымъ, не вытекающемъ изъ натуры человѣка, а лишь временнымъ и преходящимъ, то и первое—*а*—должно быть таковымъ же, хотя бы по нѣкоторымъ пунктамъ оно могло казаться согласнымъ съ натурою субъекта, напр. съ его сословной психикой или наслѣдственными чертами. У кн. Андрея роль втораго проявленія,—*б*—играетъ слѣдующее: «я живу и въ этомъ не виноватъ, стало быть, надо какъ-нибудь получше, никому не мѣшая, дожить до смерти», говоритъ онъ Пьеру въ отвѣтъ на восклицаніе послѣдняго: «Ахъ это ужасно, ужасно. Я не понимаю, какъ можно жить съ такими мыслями!»—Нѣсколько выше онъ говоритъ: «я жилъ для славы (вѣдь что же слава?—та-же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что-нибудь, желаніе ихъ похвалы). Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ поръ сталъ спокой-

нѣе, *какъ живу для одного себя*». И еще (выше): «я знаю въ жизни только два дѣйствительныя несчастья: угрызеніе совѣсти и болѣзнь. И единственное благо есть отсутствіе этихъ двухъ золъ. Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ,—вотъ вся моя мудрость теперь».

Вотъ этой-то «мудрости» ни Пьеръ, ни мы ужъ рѣшительно повѣрить не можемъ, т.-е. не можемъ смотрѣть на нее, какъ на органическое стремленіе, вытекающее изъ самой натуры кн. Андрея въ ея нормальномъ состояніи. Это стремленіе замкнуться въ эгоистическомъ существованіи для себя и своей семьи, имѣя цѣлью только спокойствіе совѣсти, этотъ родъ воздержанія отъ жизни, родъ *недѣланія*—стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ натурою кн. Андрея, съ основными чертами его характера, темперамента, склада ума. Оно не вяжется прежде всего съ особенностями его волевого уклада. Человѣкъ съ сильной волею, съ жаждой власти, съ даромъ авторитарности, человѣкъ, такъ импонирующій другимъ, такъ умѣющій подчинять себѣ людей, какъ Болконскій, могъ питать и высказывать этотъ эгоистическій, лично-нравственный идеалъ «жизни для себя» только въ состояніи ненормальномъ. Ненормальность для него подобныхъ стремленій обнаруживается имъ самимъ путемъ своего рода reductio ad absurdum, путемъ предъявленія крайняго вывода изъ развиваемыхъ имъ взглядовъ,—вывода, который оказывается очевидно-невозможнымъ: это именно то, что говоритъ кн. Андрей о своемъ будто-бы безповоротномъ рѣшеніи не принимать участія въ войнѣ,—а это рѣшеніе, очевидно, невозможно для Болконскаго уже потому, что непремѣнно привело-бы къ «угрызеніямъ совѣсти», т.-е. тому «единственному» злу, о которомъ онъ только что говорилъ. На вопросъ Пьера: «отчего вы не служите въ арміи?»—кн. Андрей отвѣчаетъ: «Послѣ Аустерлица? Нѣтъ, покорно благодарю, я далъ себѣ слово, что служить въ дѣйствующей русской арміи не буду. И не буду, ежели-бы Бонапарте стоялъ тутъ, у Смоленска, угрожая Лысымъ Горамъ,—и тогда бы я не сталъ служить въ русской арміи...»—Вотъ это и есть очевидное reductio ad absurdum второго душевнаго проявленія (*б*), которое, впрочемъ, и само по себѣ представляется наноснымъ и временнымъ. Если-же это такъ, то и первое проявленіе (*а*,—презрѣніе и жестокое—на словахъ—отношеніе къ народу, утрированное барство, уже не какъ форма, а какъ содержаніе) должно быть признано таковымъ-же, ибо оба тѣсно связаны психологически, обнаруживаются и дѣйствуютъ вмѣстѣ, помогая другъ другу.

И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что дѣйствительное (фактическое) отношеніе кн. Андрея къ народу совсѣмъ не таково, какъ можно было-бы ожидать по высказаннымъ имъ взглядамъ. Оказывается, что къ мужикамъ кн. Андрей относится такъ-же гуманно, просвѣщенно и филантропически, какъ и Пьеръ, только безъ его «мечтательности» и съ большимъ умѣніемъ провести на дѣлѣ задуманныя на пользу народа новше-

ства. Въ теченіи своего двухлѣтняго угрюмаго затворничества въ деревнѣ, кн. Андрей осуществилъ цѣлый рядъ важныхъ и смѣлыхъ по тому времени мѣропріятій. «Всѣ тѣ предпріятія по имѣніямъ, которыя затѣялъ у себя Пьеръ и не довелъ ни до какого результата, безпрестанно переходя отъ одного дѣла къ другому, всѣ эти предпріятія, *безъ высказыванія ихъ кому бы то ни было* и безъ замѣтнаго труда, были исполнены княземъ Андреемъ. Онъ имѣлъ въ высшей степени ту недостававшую Пьеру практическую цѣпкость, которая, безъ размаховъ и усилій съ его стороны, давала движеніе дѣлу. *Одно имѣніе его въ триста душъ крестьянъ было перечислено въ вольные хлѣбопашцы* (*это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ въ Россіи*), *въ другихъ барщина замѣнена оброкомъ*. Въ Богучарово была выписана на его счетъ ученая бабка для помощи родильницамъ, и священникъ за жалованіе обучалъ дѣтей крестьянскихъ и дворовыхъ грамотѣ». (Ч. III-я, гл. I).

III.

Въ первыхъ трехъ главахъ III-й части этого (II-го) тома Толстой изображаетъ намъ съ обычнымъ мастерствомъ и на этотъ разъ съ примѣненіемъ психологическаго анализа процессъ постепеннаго возстановленія душевныхъ силъ князя Андрея. Рѣшительный поворотъ произошелъ во время поѣздки героя въ рязанскія имѣнія и оттуда къ Ростовымъ. Скорѣйшему возстановленію душевнаго равновѣсія содѣйствовали впечатлѣнія весны, картина пробуждающейся къ новой жизни природы и обаяніе женской натуры Наташи, этой жизнерадостной и страстной дѣвушки, полной заразительной жажды любви и счастья. Толстой слѣдитъ шагъ за шагомъ за всѣми моментами душевнаго возрожденія своего героя,— и эти страницы стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться. Дорогою видъ стараго дуба, казалось, не возрождающагося къ новой жизни, словно ее отрицающаго, навѣялъ—по ассоціаціи представленій—на кн. Андрея рядъ все еще «безнадежныхъ», но уже не озлобленныхъ, не мрачныхъ, а «грустно-пріятныхъ» мыслей.—«Да, онъ правъ, тысячу разъ правъ этотъ дубъ—думалъ кн. Андрей:—пускай другіе, молодые, вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь,—наша жизнь кончена!» (гл. I). Онъ повидимому укрѣпляется въ прежней душевной позиціи, но въ глубинѣ души ледъ ужъ растаялъ, и нуженъ былъ только какой-нибудь толчекъ извнѣ, чтобы процессъ возстановленія душевныхъ силъ быстро пошелъ впередъ.

Подъѣзжая къ Отрадненскому дому Ростовыхъ, Болконскій увидалъ бѣгущую наперерѣзъ его коляски толпу дѣвушекъ. Впереди другихъ ближе подбѣгала къ коляскѣ черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая дѣвушка...»—Рѣзкій контрастъ между этой эмблемой самодо-

влѣющей радости жизни и тѣмъ грустно-тихимъ состояніемъ духа, въ которомъ находился кн. Андрей, и которое уже не было летаргіею души, а было симптомомъ ея пробужденія,—этотъ контрастъ сразу отозвался въ душѣ князя Андрея: «ему вдругъ стало отчего-то больно». Эта боль была не что иное, какъ—уже не тихая,—а живая скорбь о томъ, что онъ ушелъ отъ жизни, отрекся отъ ея радостей, отъ все-завлекающихъ ея интересовъ и миражей, какъ-бы заживо похоронилъ себя,—а между тѣмъ эта жизнь, съ ея интересами, ея миражами, всетаки существуетъ и вѣчно будетъ существовать, дразня и маня куда-то вдаль, въ погоню за тѣмъ, что еще такъ недавно обезцѣнилось въ глазахъ кн. Андрея, теперь вотъ опять назойливо мелькаетъ передъ его умственнымъ взоромъ и шепчетъ неясныя рѣчи о счастьѣ, о любви, о стремленіяхъ, о трудѣ, о славѣ. Вотъ и сейчасъ *оно* яркимъ метеоромъ промелькнуло передъ нимъ въ образѣ этой черноволосой, «странно-тоненькой», точно молоденькое деревцо, дѣвушки, которая «такъ счастлива какою-то своею, отдѣльною, вѣрно глупою, но веселою и счастливою жизнью. «Чему она такъ рада, о чемъ она думаетъ?.. И чѣмъ она счастлива?—невольно съ любопытствомъ спрашивалъ себя князь Андрей».

Въ теченіи скучнаго дня, проведеннаго у Ростовыхъ, кн. Андрей, «нѣсколько разъ взглядывая на Наташу, чему-то смѣявшуюся, веселившуюся между другою молодою половиною общества, все спрашивалъ себя: О чемъ она думаетъ? Чему она такъ рада?»

Эти мысли и вся ихъ боль съ новою силою овладѣли душою кн. Андрея, когда ночью онъ открылъ ставни, и «лунный свѣтъ, какъ будто онъ насторожѣ, у окна давно ждалъ этого, ворвался въ комнату. Онъ отворилъ окно». Наверху, надъ его окномъ, слышны были женскіе голоса. Наташа и Соня изъ окна своей комнаты любовались ночью и луной. Эти дѣвичьи голоса, восторги Наташи, споръ съ Соней, которая тащила ее спать, возня и борьба, пропѣтая музыкальная фраза—все это взволновало и разбудило дремлющую душу кн. Андрея наплывомъ тѣхъ-же мыслей, тѣхъ-же вопросовъ,—неясной формулой неясныхъ чувствъ. «И дѣла нѣтъ до моего существованія! думалъ онъ, и въ душѣ его вновь поднялась неожиданная путаница молодыхъ мыслей и надеждъ, противорѣчащихъ всей его жизни...» (гл. II).

На обратномъ пути кн. Андрей опять увидѣлъ тотъ дубъ, который тогда своимъ угрюмымъ видомъ такъ гармонировалъ съ его пессимистическимъ настроеніемъ. Теперь онъ, «весь преображенный, раскинувшись шатромъ сочной, темной зелени, млѣлъ, чуть колыхаясь въ лучахъ вечерняго солнца». При видѣ возрожденія стараго дуба, на кн. Андрея «нашло безпричинное, весеннее чувство радости и обновленія. — Нѣтъ, жизнь не кончена въ 31 годъ,—вдругъ окончательно, безперемѣнно рѣшилъ кн. Андрей».

И какъ человѣкъ мыслящій, съ большой склонностью къ рефлексіи, съ потребностью разобраться въ томъ, что происходитъ въ его душѣ, кн. Андрей вникаетъ и на этотъ разъ въ броженіе души своей и, анализируетъ его, подводитъ ему такой итогъ: «Мало того, что я знаю все то, что есть во мнѣ, надо, чтобъ и всѣ знали это: и Пьеръ, и эта дѣвочка... надо, чтобы всѣ знали меня, чтобы не для меня одного шла моя жизнь, чтобы не жили они такъ независимо отъ моей жизни, чтобы на всѣхъ она отражалась и чтобы всѣ они жили со мной вмѣстѣ!»

Такъ темное, стихійное, нелогическое броженіе возростающей души кн. Андрея отразилось въ его сознаніи—тамъ, гдѣ верхній слой психики, называемый *мыслью*, организуется въ логическую, раціональную дѣятельность ума. Здѣсь, въ этой «свѣтлой» точкѣ, темныя движенія души переработались въ ясную формулу, которая, какъ вообще многія операціи сознательной мысли, приняла обличье извѣстной постановки и рѣшенія вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ должна была стать основаніемъ и движущимъ мотивомъ дальнѣйшаго движенія душевныхъ силъ. Но пока броженіе въ глубинѣ души все еще такъ смутно, такъ неопредѣлимо, такъ расплывчато,—и формула, ему отвѣчающая въ сознаніи, по необходимости остается общей, неопредѣленной, неиріуроченной и не приспособленной къ практическому рѣшенію задачи. Она гласитъ: хочу жить! Жить—вообще, вмѣстѣ съ другими, такъ чтобы другіе раздѣляли мою жизнь, а я—ихъ жизнь. Но какъ именно жить, что дѣлать, къ чему стремиться, въ какихъ отношеніяхъ другіе должны раздѣлять жизнь кн. Андрея и т. д.—всѣ эти вопросы остаются пока невыясненными и нерѣшенными. Но толчокъ данъ, мысль уже движется въ извѣстномъ направленіи и въ свое время придетъ къ постановкѣ и рѣшенію этихъ практическихъ задачъ.

Въ видахъ объясненія сложной натуры кн. Андрея, мы—въ связи съ разбираемымъ здѣсь его душевныхъ состояніемъ — поставимъ вопросъ, который можно формулировать такъ: будутъ-ли тѣ рѣшенія, тѣ практическіе выводы, къ которымъ онъ придетъ, прямымъ продуктомъ начавшейся сознательной работы мысли—безъ видимаго или сколько-нибудь значительнаго участія нелогическихъ душевныхъ состояній, или-же этимъ-то послѣднимъ и впредь, когда уже уляжется броженіе его души, будетъ принадлежать львиная доля въ постановкѣ, въ направленіи, въ рѣшеніи его жизненныхъ задачъ? Если судить по симптомамъ, которые обнаруживались во время вышеописаннаго кризиса, то придется сказать, что у князя Андрея сфера сознательной, логической мысли находится въ тѣсной зависимости отъ той, которую я называю нелогической, ирраціональной—отъ сферы чувствъ, настроеній, темныхъ броженій души; онъ развивалъ и высказывалъ тогда мысли—какъ-бы не свои, не своего ума, а внушенныя переживавшимся имъ настроеніемъ. Правда, онъ на-

ходился тогда въ состояніи ненормальномъ. Посмотрямъ-же, каково соотношеніе у него этихъ двухъ сферъ, раціональной и ирраціональной, во-первыхъ, въ періодъ возстановленія его душевнаго равновѣсія, и во-вторыхъ, въ нормальномъ состояніи. Что касается перваго, то Толстой въ гл. III-й даетъ намъ ясныя указанія, намѣчаетъ симптомы, по которымъ мы можемъ заключить, что въ этотъ періодъ, какъ и во время «кризиса», умъ кн. Андрея, работая съ лихорадочной напряженностью, находился подъ давленіемъ и внушеніемъ того, что происходило въ нелогической сферѣ. Тамъ броженіе идетъ crescendo; и все сильнѣе разгорается пламя неясныхъ чувствъ, непонятныхъ смущеній, тайной тревоги: это броженіе, не поддающееся логическому учету, скорѣе могло-бы (будь кн. Андрей натура художественная) найти себѣ исходъ въ поэтическихъ образахъ, примѣрно—на мотивъ Огарева:

Чего хочу, чего? О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь.
Что кажется порой, ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ. и разорвется грудь!..

Но князь Андрей—не поэтъ. Онъ человѣкъ анализа, логическихъ привычекъ и вкусовъ мысли. Онъ также человѣкъ практическаго дѣла. Оттого это броженіе разрѣшается у него напряженной работой самоанализа, попытками уяснить себѣ практическій вопросъ: «что дѣлать?» и соотвѣтственными волевыми актами. Въ результатѣ получается практическое рѣшеніе ѣхать въ Петербургъ и искать тамъ дѣятельности, подходящей къ его идеямъ и стремленіямъ. «Цѣлый рядъ *разумныхъ. логическихъ* доводовъ, почему ему необходимо ѣхать въ Петербургъ и даже служить, ежеминутно былъ готовъ къ его услугамъ... Ему казалось ясно, что всѣ его опыты жизни должны были пропасть даромъ и быть безсмыслицей, ежели-бы онъ не *приложилъ ихъ къ дѣлу* и не принялъ опять *дѣятельнаго участія въ жизни*». Въ такой постановкѣ вопроса и сказалась основная черта натуры кн. Андрея—его какъ-бы органическое стремленіе осуществить свою *общественную стоимость*, выразиться въ общественной жизни, какъ опредѣленная *величина*, какъ *сила*. Но уже тутъ мы догадываемся, а въ дальнѣйшемъ окончательно убѣдимся, что эта основная черта не есть единственная и задающая всему тонъ въ натурѣ кн. Андрея, что рядомъ съ нею столь-же властно звучатъ и другія струны, мѣшающія кн. Андрею быть законченнымъ типомъ общественнаго дѣятеля по преимуществу и по призванію. Для Пьера Безухова въ его стремленіяхъ къ *дѣлу*, къ работѣ для общаго блага, помимо разныхъ другихъ свойствъ его натуры, напр. слабости воли, является въ извѣстномъ смыслѣ помѣхою его склонность къ «мечтательному философствованію». Для Андрея Болконскаго, столь приспособленнаго, казалось, по основнымъ чертамъ натуры, къ общественной дѣятельности, помѣхою служитъ нѣчто

другое, нѣкоторый «иксъ», который намъ предстоитъ опредѣлить. Мы подойдемъ къ этому опредѣленію довольно близко нѣсколько ниже, разбирая отношенія кн. Андрея къ Сперанскому. Пока замѣтимъ тотъ фактъ, что, несмотря на принятое рѣшеніе, онъ все еще продолжалъ «переживать тѣ *неразумныя*, невыразимыя словомъ, тайныя какъ преступленіе мысли, связанныя съ Пьеромъ, съ славой, съ дѣвушкой на окнѣ, съ дубомъ, съ женской красотой и любовью, которыя измѣнили всю его жизнь». Неопредѣленные, тайные соблазны жизни, для которыхъ во время поѣздки раскрылась его душа, становятся теперь не то что яснѣе, а настойчивѣе,—и эта смута души, эта накипь хотѣній грозитъ отразиться въ сознаніи какимъ-то новымъ содержаніемъ, которое не уложится въ уже найденную формулу и станетъ новымъ вопросомъ. «Формула» (Петербургъ, служба, дѣятельность), поддержанная разсудкомъ и основной чертою натуры кн. Андрея, въ свою очередь сопротивляется натиску осложняющихъ элементовъ. Логическія привычки мысли и раціоналистическій складъ ума кн. Андрея съ своей стороны не хотятъ примириться съ самымъ фактомъ возникновенія всѣхъ этихъ запросовъ нелогической, ирраціональной сферы. Возникаетъ внутренній разладъ, возгорается борьба между двумя сферами души,—и вотъ «въ эти-то минуты» борьбы, «когда кто-нибудь входилъ къ нему, онъ бывалъ особенно сухъ, строго-рѣшителенъ и въ особенности *непріятно-логиченъ*... Онъ говорилъ (напр. съ княжной Марьей) *съ особенною логичностью, какъ-бы наказывая кого-то за всю эту тайную, нелогичную, происходившую въ немъ, внутреннюю работу*». «Княжна Марья думала въ этихъ случаяхъ о томъ, какъ сушитъ мужчинъ эта умственная работа» (гл. III).

IV.

Осенью князь Андрей переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ онъ съ обновленными силами принимается за дѣло, ища удовлетворенія своей жаждѣ дѣятельности на общую пользу и мечтая о видной роли въ обновлявшейся тогда государственной жизни Россіи. Во главѣ передового движенія стоялъ знаменитый Сперанскій. Князь Андрей, конечно, становится въ ряды сторонниковъ этого государственнаго дѣятеля. Главы IV—VI (III-я часть II-го тома), расказывающія о жизни и дѣятельности (или, лучше, попыткахъ дѣятельности) молодого Болконскаго въ Петербургѣ и объ отношеніяхъ его къ Сперанскому, принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ мѣстамъ «Войны и Мира» и являются весьма характерными для Толстого, какъ мыслителя, который уже тогда стоялъ—по нѣкоторымъ вопросамъ—на тѣхъ же точкахъ зрѣнія, дальнѣйшее развитіе которыхъ дало крайнюю тенденцію произведеній послѣдняго періода. Толстой явно не жалуетъ Сперанскаго, хотя, конечно, не можетъ отказать ему въ

своеобразномъ и выдающемся умѣ, энергіи и благихъ намѣреніяхъ. Но самый родъ умовъ и натуръ, къ которому Толстой причисляетъ Сперанскаго, глубоко антипатиченъ автору «Войны и Мира». Это именно тотъ холодный, разсудочный, силлогистическій умъ, который въ своей дѣятельности опирается на несокрушимую, но, какъ думаетъ Толстой, ни на чемъ не основанную вѣру въ непогрѣшимость разума. Это—натура схоластика или прямолинейнаго раціоналиста, въ душѣ котораго нѣтъ созвучныхъ струнъ для пониманія не поддающихся разсудочному учету ирраціональныхъ силъ духа и жизни человѣческой [1]). «Вообще (читаемъ въ гл. VI-ой) главная черта ума Сперанскаго, поразившая кн. Андрея, была несомнѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла прійти въ голову та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя всетаки выразить всего того, что думаешь, и никогда не приходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю?»—Въ этихъ словахъ уже данъ намекъ на коренное различіе между натурою Сперанскаго и натурою кн. Андрея. Оба—люди сильной воли, практическаго склада, оба призваны къ общественной роли. Оба—люди мыслящіе, съ большимъ умомъ, развитымъ широкимъ образованіемъ и воспитаннымъ въ духѣ раціоналистической философіи прошлаго вѣка. Но на этомъ и прекращается сходство. Огромное различіе между ними сводится къ тому, что у Сперанскаго (опять-таки—въ изображеніи Толстого) ирраціональная сфера души какъ-бы отдѣлена китайской стѣной отъ его ума, дѣйствующаго независимо отъ этой сферы, между тѣмъ какъ у Болконскаго именно въ послѣдней и сосредоточены могущественные импульсы, всегда вліяющіе на его умъ и опредѣляющіе то или другое направленіе его мысли. При этомъ наблюдается слѣдующее любопытное психологическое явленіе. Казалось бы, при независимости ума отъ ирраціональной сферы, отъ чувствъ, страстей, разныхъ стихійныхъ влеченій и броженій духа, у Сперанскаго, какъ онъ понятъ и нарисованъ Толстымъ, мы должны были бы встрѣтить большую свободу мысли, широту воззрѣнія, глубину пониманія вещей (хоть бы только въ сферѣ его дѣятельности, въ вопросахъ государственныхъ, въ вопросахъ реформъ, внутренней политики). Но этого-то мы и не видимъ, т. е. Толстой нарочито представляетъ намъ Сперанскаго человѣкомъ узкимъ, доктринеромъ. Мало того, эту узкость и доктринерство Толстой видимо приводитъ въ связь съ указанной независимостью ума Сперанскаго отъ его ирраціональной сферы. А эта независимость, въ свою очередь, обу-

[1]) Само собой разумѣется, я здѣсь характеризую Сперанскаго съ точки зрѣнія Толстого, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, правъ-ли, или неправъ Толстой въ оцѣнкѣ этого выдающагося государственнаго человѣка. Для нашей задачи важенъ не подлинный Сперанскій, а то, какъ понялъ его Толстой.

словлена—по мысли Толстого—тѣмъ, что натура Сперанскаго неглубока и несложна, что въ его ирраціональной сферѣ нѣтъ тѣхъ живыхъ силъ, дѣйствіе которыхъ порою можетъ нарушать безоблачность мысли, но зато даетъ широкую основу для ея творческой дѣятельности, или—лучше сказать—доставлять уму своего рода питаніе въ формѣ живыхъ чувствъ, отзывчивости на разнообразные импульсы извнѣ, воспріимчивости къ тонкимъ оттѣнкамъ духовной жизни, чутья дѣйствительности. Такой человѣкъ, въ сферѣ науки или философіи становится отрѣшеннымъ отъ жизни схоластикомъ, въ сферѣ практической дѣятельности—доктринеромъ и «бюрократомъ». Весьма возможно, что въ дѣйствительности Сперанскій (если не ошибаюсь,—лицо, не вполнѣ еще выясненное историками) не принадлежалъ къ этому типу, и Толстой въ данномъ случаѣ прегрѣшилъ передъ фактической истиной. Какъ бы то ни было, но въ фигурѣ Сперанскаго Толстой изобразилъ намъ россійскую бюрократическую разновидность того общеевропейскаго типа государственнаго дѣятеля—раціоналиста и доктринера, который въ прошломъ вѣкѣ былъ весьма распространенъ. Этотъ типъ глубоко антипатиченъ Толстому, твердо стоящему, какъ извѣстно, на той точкѣ зрѣнія, что жизнь людей, обществъ, государствъ и народовъ слагается и течетъ по своимъ таинственнымъ законамъ, столь-же ирраціональнымъ и столь-же независимымъ отъ воли человѣка, какъ и законы природы. Смѣшонъ и жалокъ былъ бы тотъ естествоиспытатель схоластикъ, который возымѣлъ бы дерзновенную мысль *предписывать* природѣ законы, выводя ихъ изъ собственнаго разума, изъ апріорныхъ и произвольныхъ общихъ положеній. Въ такомъ именно свѣтѣ и являются дѣятели-доктринеры XVIII-го вѣка, полагавшіе возможнымъ искусственно урегулировать и исправить жизнь народовъ, подгоняя ее подъ общія нормы, выведенныя разсудочнымъ путемъ изъ общихъ теоретическихъ посылокъ, даже изъ «общихъ мѣстъ» [1]).—Эта точка зрѣнія и соотвѣтственная ей концепція Сперанскаго наглядно проявляются во всемъ, что говоритъ Толстой объ умѣ, о натурѣ, даже внѣшности и манерахъ знаменитаго государственнаго человѣка, о томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на кн. Андрея, и въ особенности—въ изображеніи того, какъ и почему послѣдній въ концѣ концовъ разочаровался въ Сперанскомъ и пересталъ вѣрить въ плодотворность его дѣятельности.—Изъ сопоставленія натуры кн. Андрея съ натурою Сперанскаго съ особливой очевидностью обнаруживается, что, въ противо-

---

[1]) Я лично склоненъ думать, что этотъ взглядъ на дѣятелей вѣка просвященія и революціи, развитый такъ блистательно Тэномъ, не чуждъ преувеличенія. Допуская даже, что *въ теоріи* они всегда оставались доктринерами, мы въ правѣ думать, что *на практикѣ* они могли встать въ противорѣчіе съ своими теоріями и дѣйствовать руководясь чутьемъ дѣйствительности, повинуясь давленію этой самой дѣйствительности, наконецъ—подъ импульсомъ страстей.

положность Сперанскому, у кн. Андрея діапазонъ ирраціональной сферы весьма значителенъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ всегда на лицо давленіе этой сферы на мысль, и что, сообразно этому, изъ князя Андрея никогда не могъ выйти дѣятель-доктринеръ, реформаторъ-бюрократъ.

Прослѣдимъ съ нѣкоторыми подробностями отношенія кн. Андрея къ Сперанскому.

На первыхъ порахъ онъ былъ прямо очарованъ Сперанскимъ. И вотъ здѣсь-то, между прочимъ, мы и находимъ одно изъ бьющихъ въ глаза доказательствъ того, что кн. Андрей вовсе не пустой «аристократикъ», только умѣющій щуриться въ салонахъ и диллетантски ко всему относящійся. Его несомнѣнный аристократизмъ и родовая гордость отнюдь не внушаютъ ему, какъ внушали многимъ, презрительнаго и недоброжелательнаго чувства къ «parvenu» Сперанскому, «кутейнику» и «поповичу». Напротивъ, кн. Андрей, нисколько не смущаясь происхожденіемъ Сперанскаго и безконечно далекій отъ мелкихъ чувствъ по отношенію къ нему, обнаруживаетъ то восторженное обожаніе и поклоненіе, которыя такъ свойственны натурамъ высшаго порядка, ищущимъ своего «идеала». «Кн. Андрей (читаемъ въ гл. VI-ой) такое огромное количество людей считалъ презрѣнными и ничтожными существами, *такъ ему хотѣлось найти въ другомъ живой идеалъ того совершенства*, къ которому онъ стремился, что онъ легко повѣрилъ, что въ Сперанскомъ онъ нашелъ этотъ идеалъ разумнаго и добродѣтельнаго человѣка». Здѣсь-же Толстой мимоходомъ указываетъ другую любопытную черту изъ психологіи отношеній кн. Андрея къ Сперанскому: «ежели-бы Сперанскій былъ изъ того-же общества, изъ котораго былъ князь Андрей, того-же воспитанія и нравственныхъ привычекъ, то Болконскій скоро-бы нашелъ его слабыя, человѣческія, не геройскія стороны, но теперь *этотъ странный для него логическій складъ ума тѣмъ болѣе внушалъ ему уваженія, что онъ не вполнѣ понималъ его*». Отсюда, между прочимъ, мы видимъ, что кн. Андрей далеко не рабъ своей сословной формы; что принадлежность къ аристократіи крови и великосвѣтское воспитаніе нисколько не мѣшаютъ ему быть человѣкомъ внутренно-свободнымъ. — Отношеніе въ этотъ періодъ молодого аристократа къ полновластному «поповичу» и «семинаристу» кратко опредѣляются словами: «онъ видѣлъ въ немъ разумнаго, строгомыслящаго, огромнаго ума человѣка, энергіей и упорствомъ достигшаго власти и употребляющаго ее только для блага Россіи» [1]) (гл. VI).

Князь Андрей вошелъ въ лабиринтъ дѣловой петербургской жизни,—

[1]) Любопытно отмѣтить, что кн. Андрей, этотъ гордый, независимый, чуждый всякой робости, самоувѣренный человѣкъ, смутился при первой встрѣчѣ со Сперанскимъ: «... въ душѣ его что-то дрогнуло, какъ это бываетъ въ важныя минуты жизни. Было-ли это уваженіе, зависть, ожиданіе—онъ не зналъ». (Гл. V).

онъ сталъ въ ряды передовой (либеральной) партіи, предводимой Сперанскимъ, и былъ, казалось, на пути къ своимъ завѣтнымъ цѣлямъ, къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ мечтаній. Но уже заблаговременно Толстой даетъ намъ понять, что лихорадочная дѣятельность, которая захватила его героя, была въ сущности призрачной, и что вскорѣ онъ неминуемо долженъ былъ въ ней разочароваться. «Механизмъ жизни (читаемъ въ гл. VI), распоряженіе дня такое, чтобы вездѣ поспѣть вовремя, отнимали большую долю самой энергіи жизни. Онъ (князь Андрей) ничего не дѣлалъ, ни о чемъ даже не думалъ и не успѣвалъ думать, а только говорилъ, и съ успѣхомъ говорилъ, то, что онъ успѣлъ прежде обдумать въ деревнѣ». И кн. Андрей все глубже входилъ въ этотъ «механизмъ» петербургской жизни, и не успѣлъ онъ, какъ говорится, оглянуться, какъ уже, благодаря Сперанскому, очутился во главѣ какой-то «комиссіи» и уже составляетъ «Права людей» по кодексамъ Наполеона и Юстиніана, воображая, что отъ этой бумажной работы русскіе люди въ самомъ дѣлѣ станутъ обладателями «правъ». Но червь сомнѣнія вскорѣ зашевелился въ немъ. Въ гл. XVIII-ой (той-же II-ой части II-го тома) разсказано, какъ нѣкій Бицкій, «служившій въ различныхъ комиссіяхъ», «одинъ изъ тѣхъ людей, которые выбираютъ направленіе, какъ платье— по модѣ, но которые поэтому-то кажутся самыми горячими партизанами направленій»,—захлебываясь отъ дѣланнаго восторга, сообщилъ князю Андрею важную политическую новость, составляющую, по его словамъ, «величайшую эру въ нашей исторіи». «Эра» проявилась въ томъ, что государь сказалъ, что «совѣтъ и сенатъ суть государственныя *сословія*» и что «правленіе должно имѣть основаніемъ не произволъ, а *твердыя начала*», а «финансы должны быть преобразованы и отчеты быть публичны». Князь Андрей слушалъ и только удивлялся тому, что все это «не только не трогало его, но представлялось болѣе чѣмъ ничтожнымъ». И «самая простая мысль приходила ему въ голову: какое дѣло мнѣ и Бицкому, какое дѣло намъ до того, что государю угодно было сказать въ совѣтѣ? Развѣ все это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?»—Слѣдующее за симъ описаніе раута у Сперанскаго, гдѣ присутствовалъ и Болконскій, доводитъ до конца изображеніе этого переворота въ отношеніяхъ кн. Андрея къ знаменитому государственному человѣку и всей партіи прогресса. И самъ государственный человѣкъ, и его сподвижники (въ числѣ которыхъ, кромѣ разныхъ Бицкихъ, былъ напр. и столь печально-извѣстный впослѣдствіи обскурантъ и ретроградъ Магницкій) показались кн. Андрею смѣшными и мелкими. Въ Сперанскомъ, въ его рѣчахъ, жестахъ, манерахъ ему все представляется теперь почти фальшивымъ. Прощаясь съ нимъ, «кн. Андрей смотрѣлъ близко въ эти зеркальные, непропускающіе къ себѣ глаза, и ему стало смѣшно, какъ онъ могъ ждать чего-нибудь отъ Сперанскаго и отъ всей дѣятельности, связанной съ

нимъ. и какъ могъ онъ приписывать важность тому. что дѣлалъ Сперанскій».

Здѣсь съ необыкновенной мѣткостью схвачено слѣдующее явленіе, по опыту извѣстное всякому, кому приходилось разочаровываться въ людяхъ. Вы знали человѣка въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и имѣли основанія считать его величиною положительной. Вы его идеализировали, и у васъ годами создалось извѣстное, какъ вамъ казалось, вполнѣ обоснованное и согласное съ дѣйствительностью, представленіе о немъ и вдругъ въ нѣсколько минутъ это субъективное построеніе рушится,—пелена спадаетъ съ глазъ,—и вамъ остается только удивляться собственной слѣпотѣ.

Само собой разумѣется, крушеніе идеализированнаго образа подготовлялось постепенно; но вы не замѣчали этой подготовки или не придавали особеннаго значенія тѣмъ частичнымъ ущербамъ, которымъ онъ подвергался. Вамъ казалось, что представленіе всетаки останется нерушимымъ—quand même; недаромъ созидалось оно годами. И вотъ оно все еще держится—опираясь на внутреннее довѣріе, на интимное убѣжденіе въ томъ, что оно—не иллюзія. Его крушеніе неминуемо воспослѣдуетъ въ ту минуту, когда вдругъ это убѣжденіе потухнетъ, когда, въ силу какого-нибудь, повидимому, мелкаго наблюденія, случайно подвернувшейся чертѣ, процессъ разрушенія довершится однимъ рѣшительнымъ душевнымъ движеніемъ, моментально создающимъ полную увѣренность въ *иллюзорности* идеализированнаго представленія. И чѣмъ больше держалась иллюзія, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ ея паденіе, и тѣмъ невозможнѣе возвращеніе къ ней. Предшествующіе годы являются теперь отрицательной величиною, и чѣмъ ихъ было больше, тѣмъ хуже для развѣнчаннаго представленія о человѣкѣ. Если идеализація была недолговременной (напр. длилась не годы, а мѣсяцы), эту роль времени съ успѣхомъ можетъ съиграть сила (интензивность) идеализаціи: чѣмъ сильнѣе идеализировалъ кн. Андрей Сперанскаго, чѣмъ больше ожидалъ отъ него, чѣмъ больше вѣрилъ въ его значеніе и призваніе, тѣмъ рѣшительнѣе и безповоротнѣе будетъ разочарованіе.

Такъ въ душѣ князя Андрея разрушился идеализированный образъ Сперанскаго,—и съ тѣмъ вмѣстѣ разсѣялись его иллюзіи относительно возможности плодотворной прогрессивной дѣятельности въ сферѣ петербургскаго бюрократизма и придворныхъ партій. Вернувшись съ раута домой, онъ сталъ провѣрять всю свою жизнь въ Петербургѣ, свою дѣятельность въ коммиссіяхъ, въ засѣданіяхъ, гдѣ много говорилось о формѣ и мало о сущности дѣла и т. д.,—и полное разочарованіе овладѣло имъ. «Онъ вспомнилъ о своей законодательной работѣ, о томъ, какъ онъ озабочено переводилъ на русскій языкъ статьи римскаго и французскаго свода, *и ему стало совѣстно за себя*. Потомъ онъ живо представилъ себѣ Богучарово, свои занятія въ деревнѣ, свою поѣздку въ Рязань,

вспомнилъ мужиковъ, Дрона-старосту, и, приложивъ къ нимъ права лицъ, которыя онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, *какъ онъ могъ такъ долго заниматься такою праздною работой*». (Гл. XVIII).

Я не разъ уже указывалъ на призваніе къ практическому живому дѣлу (въ смыслѣ общественномъ и государственномъ), какъ на одну изъ основныхъ чертъ натуры князя Андрея. И вотъ, однако, оказывается, что для дѣятельности въ рядахъ передовой партіи, въ сотрудничествѣ съ Сперанскимъ, въ блестящее время царствованія Александра I, столь богатое многообѣщавшими начинаніями, князь Андрей рѣшительно не пригоденъ. Онъ съ жаромъ принялся за работу въ этой сферѣ, но скоро охладѣлъ, разочаровался и бросилъ ее. Мы знаемъ, что кн. Андрей даровитъ, трудолюбивъ, упоренъ въ преслѣдованіи поставленныхъ цѣлей, обладаетъ большой силой воли. Неужели-же не могъ онъ найти—въ эту эпоху—приложенія своимъ силамъ и дарованіямъ? Онъ разочаровался въ Сперанскомъ, но вѣдь онъ могъ пойти своей дорогой, могъ даже создать свою партію.

Вся натура кн. Андрея, какъ задумана она Толстымъ, такова, что для *такой* дѣятельности онъ не годится. И въ особенности, двѣ черты, органически-тѣсно связанныя съ его натурою, являются рѣшительнымъ, непреодолимымъ препятствіемъ, дѣлающимъ невозможнымъ приспособленіе кн. Андрея къ той сферѣ, гдѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать. Это, во-первыхъ, его органическая потребность *вѣрить* въ то дѣло, которому онъ служитъ, и въ плодотворность своей работы для него. Князь Андрей—изъ числа тѣхъ, которые безъ этой вѣры не могутъ работать. Мы видѣли, что эту вѣру онъ потерялъ.—Другая черта, это—его прямолинейность и неспособность къ компромиссамъ. *Князь Андрей меньше всего оппортюнистъ.* Да и могъ-ли онъ, при его нескрываемомъ презрѣніи къ людямъ душевно-мелкимъ и пошлымъ, дѣйствовать объ руку съ Бицкими и Магницкими?

Само собой разумѣется, встрѣча въ Петербургѣ съ Наташей Ростовой, быстро-развившееся чувство къ ней, обаяніе перспективы возможнаго личнаго счастья и наконецъ жажда жизни, богатой новыми захватывающими впечатлѣніями—ускорили и безъ того неизбѣжный разрывъ Андрея съ бюрократической сферою и партіей реформъ.—«Изъ чего я бьюсь, изъ чего хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ, когда жизнь, вся жизнь со всѣми ея радостями открыта мнѣ?»—говорилъ онъ себѣ, думая о Наташѣ,—и сталъ строить «счастливые планы на будущее».—«Мнѣ надо пользоваться своею свободой, пока такъ много въ себѣ чувствую силы и молодости...» (гл. XIX).

V.

Переходимъ къ III-му тому. Здѣсь кн. Андрей показанъ намъ въ иномъ освѣщеніи, въ новой роли. Послѣ постигшаго его удара (измѣна невѣсты) онъ ожесточился и снова замкнулся въ себѣ, но этотъ второй душевный кризисъ далеко не походилъ на первый. Теперь онъ не ищетъ забвенія въ одиночествѣ,—онъ его ищетъ въ кипучей дѣятельности; не безотрадно-горькія думы наполняютъ его душу,—онъ теперь во власти иного настроенія, въ которомъ видную роль играетъ злое чувство мести. Ему страстно хотѣлось встрѣтить, наконецъ, Курагина и дать волю накопившемуся запасу злобы. Всюду и постоянно отравляло его «сознаніе, что оскорбленіе еще не вымещено, что злоба не излита, а лежитъ на сердцѣ» (т. III, ч. I, гл. VIII). Онъ легко и по малѣйшему поводу раздражался, и однимъ изъ послѣдствій такого желчнаго состоянія была ссора съ отцомъ, разсказанная въ гл. VIII-ой. Не трудно видѣть, что въ другое время онъ былъ-бы сдержаннѣе со старикомъ, котораго онъ любилъ и чтилъ (это и была первая ссора съ нимъ), и съумѣлъ-бы своимъ тактичнымъ вмѣшательствомъ уладить возникшія недоразумѣнія въ домѣ стараго князя.

Та дѣятельность, которой съ удвоенной энергіей онъ предается теперь, ища въ ней забвенія, съ психологической стороны рѣзко, можно сказать—принципіально отличается отъ его прежней дѣятельности, какъ на войнѣ, такъ и въ бюрократіи. Тогда онъ мечталъ о широкихъ планахъ, о подвигахъ, о славѣ,—теперь этой перспективы ужъ нѣтъ у него; его дѣло скромнѣе и проще,—онъ взялся за черную работу усерднаго и добросовѣстнаго исполнителя, да еще—за дѣло умнаго и проницательнаго *наблюдателя* людей и вещей.—«Его интересовали теперь только самые ближайшіе (читаемъ въ гл. VIII-ой), не связанные съ прежними практическіе интересы, за которые онъ ухватывался съ тѣмъ большею жадностью, чѣмъ закрытѣе были отъ него прежніе. Какъ будто тотъ безконечный, удаляющійся сводъ неба, стоявшій прежде надъ нимъ, вдругъ превратился въ низкій, опредѣленный, давившій его сводъ, въ которомъ все было ясно, но ничего не было вѣчнаго и таинственнаго».—При такомъ направленіи лучшихъ силъ его ума и чувства, при такомъ *дѣловомъ* умонастроеніи, кн. Андрей и явился тѣмъ лицомъ въ эпопеѣ, которому Толстой могъ, съ увѣренностью въ точномъ и удачномъ исполненіи, ввѣрить роль наблюдателя и критика того, что происходитъ вокругъ,—событій, лицъ, характеровъ, партій. Въ этой именно роли и выступаетъ кн. Андрей въ главахъ IX—XI первой части этого

(III-го) тома [1]). Все, что мы читаемъ здѣсь, сказано въ одно и то же время и отъ лица автора, и отъ лица кн. Андрея. Оцѣнка лицъ и партій ведется здѣсь собственно отъ имени автора, но тутъ же указывается, что все это такъ наблюдалъ кн. Андрей. Наконецъ, излюбленныя мысли Л. Н. Толстого о войнѣ, о томъ, что не можетъ быть военной науки и военнаго генія, прямо приписаны кн. Андрею (за что послѣднему заодно съ Л. Н. Толстымъ такъ досталось отъ ген. Драгомирова).

И, конечно, Толстой могъ смѣло поручить это дѣло Болконскому: и по уму, и по образованію, и по серьезности своего отношенія къ жизни, и по высотѣ своихъ требованій отъ людей и партій,—это былъ отличный наблюдатель-критикъ,—въ особенности въ этотъ періодъ, когда честолюбивыя стремленія перебродили въ немъ, и онъ былъ внѣ искушенія вмѣшаться въ борьбу партій, стать членомъ одной изъ нихъ и въ силу этого потерять вѣрность взгляда и независимость сужденія. Мѣткія характеристики людей и партій, данныя здѣсь Толстымъ, легко могли быть сдѣланы въ свое время кн. Андреемъ.

Глава XI-ая оканчивается указаніемъ, важнымъ для характеристики нашего героя. Когда государь, милостиво отнесшійся къ Болконскому, спросилъ его: «гдѣ онъ желаетъ служить»,—кн. Андрей «не попросилъ остаться при особѣ государя, а попросилъ позволенія служить въ арміи», чѣмъ «навѣки потерялъ себя въ придворномъ мірѣ».

Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше кн. Андрей входитъ въ только-что указанную роль выразителя мыслей самого Толстого. Въ уже цитированномъ (въ предыдущей главѣ—о Кутузовѣ) мѣстѣ (т. III, ч. II, гл. XVI) онъ, съ точки зрѣнія автора, даетъ оцѣнку Кутузова. Здѣсь-же на предложеніе Кутузова остаться при немъ въ штабѣ, Болконскій отвѣчаетъ такъ: «Благодарю вашу свѣтлость, но я боюсь, что не гожусь больше для штабовъ...»—говоритъ онъ и остается въ полку, въ строю, напутствуемый словами стараго фельдмаршала: «Иди съ Богомъ своею дорогою. Я знаю, твоя дорога—это дорога чести».

Этими словами отлично опредѣляется одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ душевнаго склада кн. Андрея. Ей принадлежитъ исключительное значеніе въ томъ смыслѣ, что она замѣтно и постоянно влечетъ на другія стороны и даже является тѣмъ душевнымъ цементомъ, которымъ онѣ связываются въ одно компактное и согласное цѣлое.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая эти другія стороны, мы убѣждаемся, что, безъ «категорическаго императива» *чести*, онѣ, въ силу своихъ естественныхъ тенденцій, могли-бы привести психику кн. Андрея къ

[1]) Дѣйствіе происходитъ въ главной квартирѣ на берегу Дриссы, гдѣ находится и государь. Болконскій, прикомандированный къ главнокомандующему Барклаю-де-Толли, пріѣзжаетъ сюда послѣ ссоры съ отцомъ, руководимый между прочимъ стремленіемъ встрѣтить здѣсь Курагина.

извѣстной дезорганизаціи и къ упадку. Дѣло въ томъ, что Болконскій, будучи по призванію человѣкомъ практическаго дѣла, въ то-же время въ высокой степени надѣленъ *истинно-гамлетовскими* чертами, способными парализовать его энергію. Онъ легко поддается рефлексіи. Человѣкъ съ выдающимся умомъ, съ обширнымъ образованіемъ, съ вѣчно-работающей головой, кн. Андрей не принадлежитъ къ числу тѣхъ представителей *наивной* мысли, которые, не мудрствуя лукаво, берутъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и кругозоръ которыхъ ограниченъ видимымъ горизонтомъ, обрамляющимъ ту жизнь, ту среду, тѣ условія, тѣ ближайшія цѣли борьбы и дѣятельности, въ предѣлахъ и въ виду которыхъ эти люди живутъ, трудятся, стремятся, борятся, хлопочутъ. Для кн. Андрея всегда на-сторожѣ минуты, когда горизонтъ вдругъ широко раздвигается, уходитъ вдаль, когда взвивается завѣса, за которою таится возможность, а иногда и неминуемость иной точки зрѣнія на вещи, иной постановки вопросовъ. Его умъ осаждаютъ все чаще мысли, отрѣшенныя отъ текущихъ интересовъ созерцанія, почти всегда принимающія у него форму ѣдкой критики явленій окружающей дѣйствительности и нескрываемаго презрѣнія къ ней. Это—не спокойныя созерцанія мыслителя, это то, характерное для Гамлета, вторженіе нѣкоторыхъ высшихъ точекъ зрѣнія въ самую практику жизни, вторженіе, которое неизбѣжно превращаетъ каждый болѣе значительный волевой актъ въ психологическій вопросъ, преимущественно нравственнаго порядка. Не трудно видѣть, что, если, несмотря на эти гамлетовскія черты, кн. Андрей не теряетъ душевной энергіи, не обнаруживаетъ колебаній и сомнѣній, остается на своемъ посту, идетъ своей дорогой,—то этимъ онъ обязанъ прежде всего столь сильно-выраженному у него категорическому императиву *чести*.

Своеобразное сочетаніе различныхъ, иногда взаимно-противорѣчивыхъ душевныхъ тенденцій въ психикѣ Болконскаго и фактъ ихъ скрѣпленія въ одно цѣлое силою императива чести ярко обнаружены въ гл. XXIV-й и XXV-й той-же III-й части III-го тома.

Кн. Андрей размышляетъ о предстоящемъ рѣшительномъ сраженіи, о возможности смерти. Это предстоящее сраженіе было не какое нибудь иное, а *Бородинское*, и минута была историческая,—въ ней былъ завязанъ узелъ цѣлой эпохи европейской исторіи. Въ такую минуту для людей даже меньшаго душевнаго калибра, чѣмъ Болконскій, все личное отодвигается на второй планъ. Но мысль о смерти не такъ-то легко отогнать, а смерть—дѣло личное и человѣкъ, о ней думающій, невольно обращается мыслью—даже въ такую историческую минуту—къ самому себѣ. Князь Андрей въ первый разъ съ необыкновенной живостью представилъ себѣ свою смерть [1])—«И съ высоты этого представленія все, что

[1]) „Онъ живо представилъ себѣ отсутствіе себя въ этой жизни. И эти березы

прежде мучило и занимало его, вдругъ освѣтилось холоднымъ бѣлымъ свѣтомъ, безъ перспективы, безъ различія очертаній. И вся жизнь представилась ему волшебнымъ фонаремъ, въ который онъ долго смотрѣлъ сквозь стекло и при искусственномъ освѣщеніи. Теперь онъ увидѣлъ вдругъ безъ стекла, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, эти дурно намалеванныя картины» (гл. XXIV).—Какое душевное состояніе воспроизведено здѣсь? Мы только-что видѣли, что мысль о смерти ужаснула князя Андрея, что у него «морозъ пробѣжалъ по спинѣ» (см. примѣчаніе), когда онъ представилъ себѣ свое «отсутствіе въ этой жизни». Отсюда ясно, что онъ, несмотря на мрачное и ожесточенное состояніе духа, переживавшееся имъ въ это время, далеко не потерялъ *вкуса* къ жизни, желанія жить, дѣйствовать, стремиться. Да иначе онъ и не могъ-бы сохранить ни той ясности мысли, какую онъ проявляетъ, ни способности руководиться велѣніями *чести*,—одного изъ наиболѣе яркихъ и характерныхъ проявленій жизни. И жизнь далеко еще не утратила своей власти надъ нимъ,—онъ еще очень доступенъ, если можно такъ выразиться, гипнозу ея внушеній. Если все это такъ, то превращеніе въ его сознаніи этой жизни въ «дурно намалеванныя картины» указываетъ намъ не на преждевременную душевную смерть, а на что-то другое. Оно указываетъ на слѣдующее. Князь Андрей шелъ по пути критики и отрицанія. Для натуръ, живущихъ не однимъ умомъ, для людей жизни, а не отвлеченной, теоретической мысли, это путь трудный, сопряженный съ постепенной переработкой различныхъ сторонъ души сообразно требованіямъ и отрицаніямъ критической мысли. Этотъ путь ведетъ въ гору. Это подъемъ духа надъ дѣйствительностью, которая представляется критическому уму въ различномъ видѣ, смотря потому, какъ высоко этотъ умъ успѣлъ подняться. Есть и такая точка, съ высоты которой даже наиболѣе значительныя и внутренне-содержательныя проявленія дѣйствительности покажутся дурно-размалеванными картинами. Вотъ этой-то точки и достигъ кн. Андрей въ данную минуту, когда мысль о смерти какъ-бы окрылила его умъ и чувство. И результатомъ подъема были новые успѣхи отрицанія, выразившіеся въ слѣдующемъ размышленіи кн. Андрея: «*слава, общественное благо, любовь къ женщинѣ, само отечество*... какъ велики казались мнѣ всѣ эти картины, какого глубокаго смысла казались онѣ исполненными! И все это такъ просто, блѣдно и грубо при холодномъ, бѣломъ свѣтѣ того утра, которое, я чувствую, подымается для меня!»

Таково душевное состояніе Андрея въ данный моментъ. Разсматриваемое, какъ симптомъ или выраженіе самой натуры его, оно свидѣтельствуетъ о томъ, что князь Андрей принадлежитъ къ числу тѣхъ,

съ ихъ свѣтомъ и тѣнью, и эти курчавыя облака, и этотъ дымъ костровъ—все это вокругъ преобразилось для него и показалось чѣмъ-то страшнымъ и угрожающимъ. Морозъ пробѣжалъ по его спинѣ" (гл. XXIV).

кому присуща способность отвлечься отъ привычнаго—житейскаго—воззрѣнія на жизнь и всѣ блага ея и подняться на ту высоту—не только мысли, но чувства, съ которой все это—тлѣнъ и прахъ и кажется такимъ мелкимъ, жалкимъ, пошлымъ. Но здѣсь важно отмѣтить принципіальное отличіе этого уклада духа отъ повидимому столь сходнаго съ нимъ порядка мыслей и чувствъ, развитыхъ Тургеневымъ въ «Довольно» и «Призракахъ» [1]).

У Тургенева преобладающимъ мотивомъ является сознаніе человѣческаго ничтожества передъ стихіею природы, передъ всепожирающимъ Молохомъ смерти, унылое и безотрадное чувство, отвѣчающее этому сознанію, философскій пессимизмъ, способный подкосить всякую энергію жизни и дѣятельности. У кн. Андрея мы находимъ ясные признаки настроенія, ничего общаго неимѣющаго съ такимъ упадкомъ душевныхъ силъ. Напротивъ, мы видимъ, что всѣ силы его души встрепенулись, и съ психологической стороны—онъ вооруженъ для дѣйствія, для подвига такъ, какъ будто-бы въ тѣхъ мысляхъ о смерти, въ томъ «холодномъ бѣломъ свѣтѣ подымающагося для него утра» нѣтъ ровно ничего, способнаго парализовать энергію и сдѣлать всѣ дѣйствія, всѣ подвиги—ненужными. Это ясно обнаруживается въ бесѣдѣ съ Пьеромъ, пришедшемъ навѣстить его. Здѣсь опять выдѣляется рѣзкій, озлобленный тонъ его рѣчей, иногда напоминающій тотъ, въ которомъ онъ говорилъ съ Пьеромъ въ Богучаровѣ. Онъ утверждаетъ, напр., что «война должна быть война, а не забава», и что плѣнныхъ нужно убивать. Эта выходка, явно противорѣчащая гуманнымъ убѣжденіямъ кн. Андрея, есть одна изъ тѣхъ утрировокъ, къ которымъ такъ склоненъ кн. Андрей въ минуты приподнятаго и напряженнаго состоянія духа. Въ такія минуты ярко обнаруживается его прирожденный радикализмъ, его склонность къ рѣзкой постановкѣ вопросовъ, къ послѣдовательному отрицанію. И Толстой могъ, не рискуя нарушить художественную правду, приписать здѣсь князю Андрею свой отрицательный взглядъ на войну. Радикальная постановка вопроса, гласящая, что война должна быть война, а не игрушка, что, если ужь нужно воевать, то слѣдуетъ «принимать строго и серьезно эту страшную необходимость»,—такая постановка является лишь предисловіемъ къ рѣзкой, безпощадной филиппикѣ—въ духѣ идей Л. Н. Толстого — противъ войны и военнаго сословія («цѣль войны — убійство, орудія войны—шпіонство, измѣна и т. д...»).—Филиппика оканчивается невольно вырвавшимся признаніемъ, проливающимъ свѣтъ на то, что происходитъ въ душѣ кн. Андрея: «какъ Богъ только смотритъ и слушаетъ ихъ! Ахъ, душа моя, послѣднее время мнѣ стало тяжело жить. Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А негодится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла...»

[1]) Объ этомъ см. мои „Этюды о творчествѣ Тургенева, глава II“.

Человѣку, «вкусившему» отъ этого «древа», человѣку по-гамлетовски много понимающему и далеко видящему черезъ головы современниковъ,—смотря по его натурѣ, открыты три пути въ жизни: или уединеніе мыслителя, путь умственной активности и нравственной обломовщины, или проповѣдь чисто-нравственной реформы на почвѣ самосовершенствованія (какъ напр. новое ученіе Толстого), или наконецъ путь дѣйствія quand-même, рѣшительнаго, чуждаго всему, что пахнетъ компромиссомъ и оппортюнизмомъ. Князь Андрей, прежде всего, человѣкъ *чести* и сильной дѣйствующей воли, натура столь склонная къ радикальной постановкѣ вопросовъ и къ душевному ожесточенію въ борьбѣ,—пойдетъ, конечно, по третьему пути и—погибнетъ на своемъ посту.

VI.

Мы видѣли кн. Андрея въ различномъ освѣщеніи, въ разные моменты его жизни—и такимъ образомъ имѣли возможность всесторонне изучить его сложную натуру. Въ одномъ только душевномъ состояніи мы еще не наблюдали его, въ состояніи душевнаго размягченія, умиленія, всепрощенія, и даже не знаемъ, способенъ-ли онъ питать эти чувства. Оказывается однако, что способенъ.

Тяжело раненаго въ Бородинскомъ сраженіи, князя Андрея перенесли на перевязочный пунктъ, и здѣсь, послѣ операціи, онъ узналъ въ молодомъ офицерѣ, которому только-что отняли ногу, ненавистнаго ему Анатоля Курагина. Еще наканунѣ, вспомнивъ о немъ и объ измѣнѣ Наташи, онъ испыталъ приливъ злобныхъ чувствъ и жажду мести. Но теперь, передъ лицомъ смерти, всѣ злобныя чувства угасли въ немъ, и, потрясенный физически и нравственно, онъ «заплакалъ нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ и своими заблужденіями» (гл. XXXVII-ая III-го тома). И совсѣмъ новый порядокъ чувствъ и мыслей овладѣваетъ его душой. «Состраданіе, любовь къ людямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ,—да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и которой я не понималъ,—вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели-бы я былъ живъ...» (тамъ-же).

Такъ думалъ кн. Андрей въ эту минуту, когда онъ уже уходилъ отъ жизни и когда въ немъ произошло какъ-бы перемѣщеніе душевныхъ элементовъ: въ его душѣ вскрылся родникъ христіанскихъ, альтруистическихъ чувствъ, существованія котораго раньше мы и не подозрѣвали у него. Оказывается, что натура князя Андрея еще сложнѣе и богаче, чѣмъ мы думали. Теперь его лозунгъ—состраданіе, христіанское всепрощеніе, и онъ думаетъ, что только это и оставалось-бы ему въ жизни. Это была, конечно, иллюзія. Останься онъ въ живыхъ, этотъ порядокъ

чувствъ опять скрылся-бы гдѣ-то въ глубинѣ души, и заправляющимъ мотивомъ его жизни и дѣятельности явились-бы совсѣмъ иныя чувства и мысли, тѣ земныя, страстныя состоянія, которыя управляли имъ раньше и въ которыхъ найдется все, что угодно, только не всепрещеніе. Къ этому послѣднему онъ могъ-бы обратиться развѣ только послѣ какого-нибудь потрясающаго событія въ его жизни, которое-бы такъ или иначе отняло у него всякую возможность живой дѣятельности. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что, останься кн. Андрей въ живыхъ,—онъ явился бы однимъ изъ вождей движенія, окончившагося событіемъ 1825 года. И вотъ развѣ только послѣ катастрофы, гдѣ-нибудь въ казематѣ или «въ глубинѣ сибирскихъ рудъ», заживо-похороненный, онъ могъ-бы, «храня гордое молчаніе», найти послѣднее прибѣжище въ христіанскомъ всепрощеніи, въ евангельской любви.

Изображеніе того, какъ умиралъ кн. Андрей (главы XXXII-ая III-ей части III-го тома и XVI-ая I-ой части IV-го тома), принадлежитъ къ значительнѣйшимъ созданіямъ художественнаго генія Толстого. Но для выясненія натуры кн. Андрея, послѣ всего, что мы уже знаемъ о немъ, существеннаго значенія оно не имѣетъ.

Въ эпилогѣ, дѣйствіе котораго относится къ 1820-му году, и гдѣ, какъ сказано въ примѣчаніи къ «Декабристамъ», видны уже признаки того возбужденія, которое отразилось въ событіяхъ 14-го декабря 1825-го года»,—тѣнь князя Андрея промелькнетъ передъ нами, когда мы прочтемъ о томъ, какъ «радостно-восторженно» слушалъ его сынъ Николенька горячія рѣчи Пьера, какъ «всякое слово Пьера жгло его сердце», и онъ наконецъ спросилъ: «Ежели-бы папа былъ живъ... онъ-бы согласенъ былъ съ вами»? (гл. XIV). И еще разъ эта тѣнь промелькнетъ передъ нами—на послѣдней страницѣ великой эпопеи, въ описаніи сна Николеньки и въ заключительныхъ словахъ восторженнаго мальчика: «А дядя Пьеръ? О, какой чудный человѣкъ! А отецъ? Отецъ, отецъ! Да, я сдѣлаю то, чѣмъ-бы даже *онъ* былъ доволенъ...»

Въ психологіи движенія 20-хъ годовъ весьма видное мѣсто, можетъ быть даже первенствующая роль принадлежала тому укладу натуръ и умовъ, который изображенъ въ *Андреѣ Болконскомъ*. Но рядомъ съ натурами и умами этого типа выдвигались и дѣйствовали и другіе, между прочимъ—тѣ, которые находятъ свое обобщеніе въ образѣ *Пьера Безухова*. Въ слѣдующей главѣ, анализируя этотъ типъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ вспоминать и князя Андрея, чтобы, путемъ сравненія обѣихъ натуръ, подвести имъ итогъ—съ точекъ зрѣнія психологической, исторической и художественной.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Дневникъ братьевъ Гонкуръ.

Записки литературной жизни. Переводъ Е. К.

(*Продолженіе* [1]).

24-го іюля. Грецъ близъ Фонтенебло.

Мы здѣсь въ деревенской гостинницѣ для художниковъ, по 3 фр. 50 с. въ день; живемъ въ комнатахъ, выбѣленныхъ известью, спимъ на перинахъ, пьемъ здѣшнее вино, ѣдимъ яичницы.

Товарищи наши—одинъ изъ братьевъ Палици и одинъ молодой вельможа изъ Сентъ-Омеръ, занимающійся живописью по-любительски.

29-го іюля. Здѣсь съ каждымъ днемъ возростаетъ во мнѣ дурацкая веселость, въ которой какъ будто радуются всѣ органы и функціи. Я чувствую солнце внутри меня, и въ саду, подъ сѣнью яблонь, лежа на соломѣ, испытываю сладкое и счастливое одуреніе, какъ при шумѣ воды, падающей изъ шлюза, шумѣ, долетающемъ до лодки, въ которой плывешь. Это прелестное состояніе оцѣпенѣлой мысли, блуждающаго взгляда, безпредѣльной мечты, утекающихъ дней, грёзъ, слѣдящихъ за полетомъ бѣлыхъ бабочекъ по капустѣ.

4-го августа. Семь часовъ вечера. Небо блѣдно-голубое, почти зеленое, какъ будто въ немъ расплавлена бирюза. По этому фону ходятъ тихо, гармоническимъ и медленнымъ шествіемъ, массы маленькихъ облаковъ, сметенныхъ, мягкихъ и изорванныхъ, нѣжно фіолетоваго цвѣта, какъ дымокъ, освѣщенный закатомъ, а сверху они розовыя, какъ вершины глетчеровъ, ярко и прозрачно розовыя.

Передо мной, на противоположномъ берегу, линіи деревьевъ въ листвѣ желтѣющей и теплой еще отъ солнца, мягко рисуются въ томъ

---

[1]) См. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1897 г., № 5.

блескѣ умирающихъ дней, въ тѣхъ золотистыхъ тонахъ, которые одѣваютъ землю передъ сумерками.

14-го сентября. Обѣдъ у Маньи.

Сегодня битва изъ-за исторіи Тьера, и по правдѣ сказать, его почти единодушно объявляютъ бездарнымъ историкомъ. Одинъ Сентъ-Бёвъ его защищаетъ. Такой милый человѣкъ! Такой остроумный! Такъ много у него вліянія. Онъ вамъ описываетъ, какимъ образомъ онъ очаровываетъ палату, какъ соблазняетъ депутата. Таковы пріемы у Сентъ-Бёва, на сколько я могъ замѣтить.

Сентъ-Бёвъ ушелъ. Мы сидимъ за ликёромъ, который онъ всегда готовитъ: смѣсь кюрасо съ ромомъ.

— А propos, Готье, вы были въ Ноанѣ, у г-жи Зандъ? Весело тамъ?

— Какъ въ монастырѣ Моравскихъ Братьевъ. Я пріѣхалъ вечеромъ. Отъ желѣзной дороги далеко. Чемоданъ мой спрятали въ кусты. Я прошелъ фермой среди собакъ, которыя меня страшно пугали. Накормили меня обѣдомъ. Пища хороша, но слишкомъ много дичи и цыплятъ...—не по-моему. Тутъ были Маршаль, живописецъ, m-me Каламетта, Александръ Дюма-сынъ...

— А какова жизнь въ Ноанѣ?

— Завтракаютъ въ десять часовъ. Какъ только пробьютъ часы и стрѣлка показываетъ десять, каждый садится за столъ. Г-жа Зандъ выходитъ съ видомъ сонамбулы и дремлетъ все время за завтракомъ. Потомъ выходятъ въ садъ. Играютъ въ кошонѐ, это ее оживляетъ. Садится и начинаетъ разговаривать. Въ это время, обыкновенно, говорятъ о вопросахъ произношенія: напримѣръ, какъ выговариваютъ ailleurs и meilleur. Когда-же болтовня становится шаловливою, предметомъ шутокъ служитъ навозъ.—Ба!—Но за то уже ни словечка о половыхъ отношеніяхъ. Я думаю, что при малѣйшемъ намекѣ васъ-бы спровадили... Въ три часа г-жа Зандъ возвращается наверхъ и работаетъ до шести. Обѣдаютъ, но обѣдаютъ довольно скоро, чтобы дать пообѣдать и Мари Кальо. Это служанка дома, взятая г-жей Зандъ въ окрестностяхъ, чтобы участвовать въ пьесахъ ея театра, и которая, вечеромъ, приходитъ въ гостиную. Послѣ обѣда г-жа Зандъ молча раскладываетъ пасьянсъ до полночи... На второй день, не прогнѣвайтесь, я сказалъ, что если не будутъ говорить о литературѣ, я уѣду. Литература! Они всѣ какъ будто вернулись съ того свѣта!.. Надо вамъ сказать, что въ настоящее время они тамъ всѣ заняты однимъ единственнымъ дѣломъ, а именно—минералогіей. У каждаго свой молотокъ, безъ молотка не выходятъ. Итакъ, я объявилъ, что Руссо самый плохой изъ французскихъ писателей, что возбудило споръ съ г-жей Зандъ до часа ночи... Однако Мансо недурно приспособилъ ей Ноанъ для писательства. Она не можетъ присѣсть ни въ какой комнатѣ, чтобы тамъ не появились немедленно перья, синія чер-

нила, папиросная бумага, турецкій табакъ и разлинованная почтовая бумага. И она ими пользуется. Вѣдь вамъ не безъизвѣстно, что она въ полночь вновь принимается за работу и просиживаетъ до четырехъ. Наконецъ, — знаете, что однажды случилось съ нею? Нѣчто чудовищное! Она однажды кончила романъ въ часъ ночи—и принялась за другой, въ ту же ночь! Писать—это для г-жи Зандъ органическая функція. Впрочемъ, у нея очень удобно. Прислуга, напримѣръ, безсловесная. Въ корридорѣ находится ящикъ въ два отдѣленія: одно для писемъ, предназначенныхъ для почты, другой для писемъ въ самомъ домѣ. Въ послѣдній вы пишете все, что вамъ нужно, съ обозначеніемъ фамиліи и комнаты. Мнѣ понадобился гребень. Я написалъ: Готье, такая-то комната, и просьбу. Въ слѣдующій день, въ шесть часовъ мнѣ подали тридцать гребней на выборъ.

27-го сентября. Мы возвращаемся изъ деревни къ обѣду Маньи. Говорятъ о Виньи [1]), сегодняшнемъ покойникѣ.

И вотъ Сентъ-Бёвъ закидываетъ его могилу анекдотами.

Когда я слышу, какъ Сентъ-Бёвъ своими фразочками дотрогивается до покойника, мнѣ кажется, будто я вижу, какъ муравьи завладѣваютъ трупомъ: въ десять минутъ онъ вамъ обчиститъ всю славу и отъ знаменитаго господина остается чистенькій скелетъ.

«Боже мой! — произноситъ онъ съ умилительнымъ жестомъ, — кто знаетъ, принадлежалъ-ли онъ дѣйствительно къ дворянству. . Родни его никто не видалъ... Это былъ дворянинъ 1814 года, въ то время не особенно разбирали. Въ перепискѣ Гаррика встрѣчается нѣкій де-Виньи, который проситъ у него денегъ, очень благородно. Любопытно узнать, не отъ него-ли онъ происходилъ. Онъ былъ, прежде всего, ангелъ, Виньи всегда былъ ангеломъ. Никто никогда не видѣлъ у него бифштекса. Когда вы отъ него уходили въ семь часовъ вечера, чтобы пообѣдать, онъ говорилъ: «какъ уже?» Онъ не понималъ дѣйствительности, она для него не существовала. У него бывали славныя словечки. Когда онъ кончилъ свою рѣчь въ академіи, одинъ пріятель замѣтилъ ему, что рѣчь была немного длинна. «А вѣдь я не усталъ!»—воскликнулъ де-Виньи. Если-же онъ кого-нибудь представлялъ къ наградѣ, то губилъ... его...

Отъ умершаго поэта Сентъ-Бёвъ переходитъ къ парижскимъ салонамъ.

Четвергъ 29-го октября. Флоберъ встрѣчаетъ насъ на Руанскомъ вокзалѣ. Съ нимъ братъ его, главный хирургъ при Руанскомъ госпиталѣ, высокій, худой брюнетъ, съ профилемъ, вырѣзаннымъ на подобіе луннаго серпа, съ длиннымъ туловищемъ, высохшимъ и вмѣстѣ гибкимъ, какъ ліана.

---

[1]) Альфредъ де-Виньи, знаменитый французскій писатель романтической школы, авторъ поэмы «Элоа», историческаго романа «Cinq-Mars», драмы «Чаттертонъ» и мн. др., переводчикъ Шекспира во Франціи («Отелло»). *Примѣч. ред.*

Фіакръ увозитъ насъ въ Кроассе, хорошенькое зданіе съ фасадомъ empire, возвышающимся на косогорѣ, на берегу Сены, имѣющей здѣсь размѣры озера, и волнуемой, сегодня, морской зыбью.

Вотъ мы въ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ царитъ трудъ настойчивый и безпрерывный,—свидѣтелѣ столь многихъ и большихъ работъ, изъ котораго вышли Бовари и Саламбо.

Два окна выходятъ на Сену, открывая видъ на широкую рѣку съ движущимися по ней суднами. Три окна выходятъ въ садъ, гдѣ великолѣпная аллея изъ грабовъ какъ будто подпираетъ холмъ, круто возвышающійся за домомъ. Дубовые книжные шкапы съ витыми колонками, помѣщенные между этими тремя окнами, соединяются съ большой библіотекой, занимающей всю глубину комнаты. Бѣлые панели, и на каминѣ отцовскіе часы изъ желтаго мрамора, увѣнчанные бронзовымъ бюстомъ Иппократа. Около камина—плохая акварель, портретъ темной и болѣзненной англичанки, съ которой Флоберъ былъ знакомъ въ молодости, въ Парижѣ, да еще крышки отъ ящиковъ, съ индійскими рисунками, въ рамкахъ какъ для гуаши, и офортъ Калло—искушеніе святаго Антонія; эти образы—совѣтники его таланта.

Между двумя окнами, выходящими на Сену, стоитъ квадратный цоколь, на немъ бѣлый мраморный бюстъ работы Прадье, бюстъ сестры Флобера, умершей совсѣмъ молоденькой, которая своими чистыми, правильными чертами, обрамленными двумя большими локонами, похожа на гречанку, очутившуюся въ кипсекѣ.

Веселый ситецъ, стариннаго и нѣсколько восточнаго рисунка, крупными, красными цвѣтами, завѣшиваетъ двери и окна. Въ одномъ углу тахта, обитая турецкой матеріей и заваленными подушками. Въ серединѣ комнаты рабочій столъ, большой круглый столъ подъ зеленой скатертью, и на немъ писатель опускаетъ перо въ чернильницу—жабу.

И тамъ и сямъ, на каминѣ, на столѣ, на полкахъ, и на вѣшалкахъ и просто на стѣнахъ, брикъ-а-бракъ восточныхъ вещей: амулеты, покрытые зеленой ржавчиной Египта, стрѣлы дикарей, музыкальные инструменты первобытныхъ народовъ, мѣдныя блюда, стеклянныя ожерелья, деревянная скамеечка, на которую африканскіе негры кладутъ голову во время сна, и на которой они сидятъ, рѣжутъ мясо, наконецъ двѣ ноги муміи, вытащенныя Флоберомъ изъ гротъ Самуна, странные пресъ папье, выдѣляющіеся среди брошюръ своей темной бронзой и застывшей жизнью человѣческихъ мускуловъ.

Этотъ intérieur—самъ человѣкъ, его вкусы и его таланты. Intérieur на половину восточный, гдѣ остатокъ варварства отражается въ артистической натурѣ.

30-го октября. Флоберъ живетъ здѣсь съ племянницей, дочерью той дамы, бюстъ которой былъ высѣченъ рукой Прадье. Мать его, рожденная

въ 1794 году и одаренная живучестью людей того времени, сохраняетъ. подъ чертами старухи, остатки прежней красоты, въ соединеніи съ строгой важностью. Суровый провинціальный домъ,—и молодая дѣвушка, живя между трудами дяди и молчаливостью бабки, даритъ гостей ласковыми словами, веселыми голубыми взглядами и даже милой гримаской сожалѣнія, когда около восьми часовъ бабушка уводитъ внучку къ себѣ, чтобы лечь спать.

1-го ноября. Мы весь день просидѣли дома. Это нравится ненавидящему моціонъ Флоберу, котораго мать усиленно упрашиваетъ, сойти въ садъ. Она намъ говорила, что ей случалось послѣ того, какъ она отлучалась въ Руанъ на нѣсколько часовъ, заставать, при возвращеніи, сына на томъ же мѣстѣ, въ одномъ и томъ же положеніи, такъ что она почти пугалась его неподвижности. Никогда онъ не выѣзжаетъ. Онъ живетъ въ своемъ трудѣ и въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Ни лошади, ни лодки... Цѣлый день, громовымъ голосомъ и съ мелодраматическими эффектами, онъ намъ читалъ свой первый романъ, написанный въ 1842 году и не носящій другого заглавія на оберткѣ, какъ только: «Отрывокъ въ какомъ-то стилѣ».

Предметы: утрата непорочности молодого человѣка съ идеальною блудницей. Въ молодомъ человѣкѣ много флоберовскаго, и его разочарованій, и его невозможныхъ стремленій, и его меланхоліи, и его мизантропіи, и его ненависти къ толпѣ... Вся композиція, исключая разговора, очень дѣтскаго, необыкновенно сильная, если вспомнить тогдашній возрастъ Флобера. Въ мелкихъ подробностяхъ пейзажа уже чувствуется артистическое и любовное наблюденіе природы автора «M-me Bovary». Подъ первымъ описаніемъ: «Осенняя грусть» онъ могъ бы хоть сейчасъ подписаться.

Для отдыха онъ передъ обѣдомъ порылся въ своихъ костюмахъ: старье и сувениры, привезенные издалека. Онъ съ наслажденіемъ перебираетъ всѣ принадлежности восточнаго маскарада. Вотъ онъ переодѣвается и показываетъ подъ чалмой великолѣпную голову турка, съ энергичными чертами, оживленнымъ цвѣтомъ лица, длинными висячими усами... А изъ глубины своихъ пестрыхъ лохмотьевъ онъ, наконецъ, вытаскиваетъ, вздыхая, старые кожаные, сморщенные рейтузы, и разглядываетъ ихъ съ умиленіемъ змѣи, созерцающей свою старую кожу!

Разыскивая свой старый романъ, онъ открылъ цѣлую кучу бумагъ, любопытныхъ какъ документы, изъ которыхъ онъ началъ составляетъ коллекцію! Тутъ собственноручная исповѣдь мужеложника Шолле, убившаго своего любовника изъ ревности и гильотинированнаго въ Гаврѣ: исповѣдь, исполненная интимныхъ и неистово страстныхъ подробностей. Тутъ письмо проститутки, предлагающей содержателю всю мерзость своей нѣжности. Тутъ автобіографія несчастнаго, который трехъ лѣтъ дѣлается

горбатымъ сзади и спереди, потомъ заболѣваетъ разъѣдающимъ лишаемъ, который шарлатаны прижигаютъ крѣпкой водкой; потомъ становится хромымъ, потомъ калѣкой,—незлобивая и потому еще болѣе скорбная повѣсть мученика рока.

И погружаясь въ эту бездну жестокихъ истинъ, мы говоримъ о прекрасномъ изданіи, которое можно было бы извлечь отсюда для философовъ и моралистовъ: выборъ подобныхъ документовъ подъ заглавіемъ: *Секретный архивъ человѣчества*.

Мы только на минуточку вышли въ садъ, ночью, передъ сномъ.

2-го ноября. Мы просили Флобера почитать кое-что изъ его путевыхъ записокъ.

Онъ развертываетъ передъ нами свои труды, свои форсированные переходы по восемнадцати часовъ верхомъ, дни, проведенные безъ воды, ночи, отравленныя насѣкомыми, безпрерывныя лишенія, еще болѣе мучительныя, чѣмъ ежедневно угрожающая гибель; а сверхъ всего, страшная диссентерія... Цѣлый день онъ намъ читаетъ свои записки, и къ концу этого дня, проведеннаго въ одной и той же комнатѣ, мы чувствуемъ себя утомлеными всѣми этими далекими странствованіями и описанными пейзажами.

Для отдыха—трубочки, которыя у Флобера быстро сгораютъ, и литературные споры, и тезисы, вполнѣ противоположные характеру его таланта, и мнѣнія, высказанныя только для рисовки, для шику и теоріи, довольно сложныя и довольно темныя, о прекрасномъ, не мѣстномъ и не спеціальномъ, но о *чисто прекрасномъ*, вѣчно прекрасномъ, въ опредѣленіи котораго онъ теряется и путается, но отъ котораго онъ довольно остроумно отдѣлывается этой фразой: «Прекрасное, прекрасное... это то, чѣмъ я смутно восторгаюсь!»

Пробило двѣнадцать. Флоберъ, кончивъ намъ свое путешествіе и возвращеніе черезъ Грецію, хочетъ еще читать, хочетъ еще разговаривать, и говоритъ намъ, что въ это время онъ только начинаетъ просыпаться, и что не легъ бы до шести часовъ утра, если бы намъ не захотѣлось спать.

1864.

9-го апрѣля. За столомъ еще, кончая обѣдъ, мы послѣ нѣсколькихъ дней сосредоточенной тоски, начинаемъ говорить, и мысли у насъ смѣняются одна другою, и срываются съ губъ въ одно и то-же мгновеніе.

Въ сущности, язва нашей жизни ни что иное, какъ литературное честолюбіе, ненасытное и изъязвленное, горечь писательскаго тщеславія: газета, неупоминающая насъ, оскорбляетъ, а газета, упоминающая другихъ, приводитъ въ отчаяніе.

Пустоту, которая оставляетъ такое существованіе, цѣликомъ отданное

литературѣ, антракты въ нашей работѣ мы наполняемъ кое-какъ, недостаточно наполняемъ, холоднымъ, добродушнымъ развлеченіемъ: составленіемъ коллекцій. Это насъ занимаетъ, но не заполняетъ собою. Есть у насъ нѣжность, но она не находитъ себѣ исхода, удовлетворенія. Намъ недостаетъ двухъ трехъ буржуазныхъ домовъ, изящныхъ и привѣтливыхъ, гдѣ бы мы могли изливать, отдавать избытокъ всего того, что мы не отдаемъ любовницѣ, а мы ей ничего не отдаемъ, кромѣ привычки. Насъ въ дѣйствительности не двое, мы не можемъ другъ другу «составить компанію», мы страдаемъ въ одно и то-же время однѣми и тѣми же слабостями, одними и тѣми-же недомоганіями и нравственными болѣзнями: мы вдоемъ составляемъ одного одинокаго человѣка, одержимаго сплиномъ, одного невропата. Оттого мы находимъ и жизнь безвкусною, чувствуемъ постоянно тошноту отъ скуки существованія. Мы похожи на людей, отдѣленныхъ отъ самоубійства только трудами, требующими окончанія.

Въ заключеніе этого изысканія, этой переписи инвентаря въ насъ самихъ, у насъ въ мозгу является фантазія съѣздить въ Лондонъ—завтра—послѣ завтра, на дняхъ, поскорѣе—окунуться въ англійскій развратъ...

20-го апрѣля. Въ сущности на что намъ жаловаться? Огорченій нѣтъ. Средства есть! Кое-какіе недомоганія, которыя не угрожаютъ еще жизни! Есть даже что-то въ родѣ литературной репутаціи! Почему же отчаяваться? Потому что у насъ чувства слишкомъ утонченны, чтобы мы могли быть счастливы, и есть удивительная способность отравлять себѣ счастье, какъ только у насъ покажется нѣчто, на него похожее.

23-го мая. У Маньи. Сенъ Бевъ упрекаетъ Тэна въ томъ, что онъ далъ свою «Исторію англійской литературы» на разсмотрѣніе своимъ врагамъ, людямъ ниже его, которые обрадовались возможности показать ему свою власть, дѣлать ему замѣчанія. Говоръ поднялся со всѣхъ сторонъ... Тэнъ объявилъ, что Шекспиръ, Данте, Микель Анджело, Бетховенъ—великіе изъ великихъ людей; онъ называетъ ихъ «четырьмя каріатидами человѣчества». «Но все это сила, а гдѣ же грація», говоритъ Сенъ Бевъ. «А Рафаель?» вставляетъ одинъ изъ общества, который не сумѣлъ бы отличить картину Рафаэля отъ картины Рембрандта.

Потомъ говорятъ о здоровьи древнихъ, о равновѣсіи античнаго организма, о нравственной гигіенѣ нашего времени, о физіологическихъ условіяхъ жизни черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Это даетъ Тэну поводъ утверждать, что уменьшеніе чувствительности и возрастаніе дѣятельности—вотъ что должно дать намъ будущее.

На это я отвѣчаю: «Вы думаете, вы это думаете, Тэнъ! Но противъ вашего тезиса имѣется сильное возраженіе. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество двигается впередъ, всѣ его успѣхи, всѣ пріобрѣтенія дѣйствуютъ на его чувствительность. Человѣчество съ каждымъ днемъ увеличиваетъ

свою нервность, свою истерію, а что касается той дѣятельности, развитія которой вы желаете, такъ вы еще не знаете, не отъ нея-ли и современная меланхолія. Вы еще не знаете, не происходитъ-ли малокровная тоска нашего вѣка именно отъ избытка дѣятельности, отъ его бѣшенной работы, отъ необычайнаго усилія его мозговыхъ силъ, напряженныхъ до крайней степени, отъ распутства его творчества и мысли во всѣхъ областяхъ?»

28-го мая. Чтобы примирить насъ съ жизнью, Провидѣніе должно было отнять у насъ цѣлую половину ея. Не будь сна, этой временной смерти для горя и страданія, человѣкъ не дотерпѣлъ-бы до конца.

30-го мая. Очень странно, что мы, именно мы, окруженные всѣмъ изяществомъ 18-го вѣка, отдаемся самому суровому, самому строгому, самому отталкивающему изученію народа; и что опять-таки мы, къ которымъ женщина имѣетъ такъ мало доступа, такъ тщательно, такъ серьезно разрабатываемъ психологіи современной женщины.

19-го Іюля. Сегодня вечеромъ солнце похоже на облатку вишневаго цвѣта на небѣ, на морѣ цвѣта gris-perle. Только японцы, печатая красками, имѣли смѣлость передавать такіе эффекты.

13-го сентября. Видать мужчинъ и женщинъ, гостиныя, улицы, всегда изучать жизнь людей и вещей—вдали отъ печатнаго слова—вотъ настоящее чтеніе для современнаго писателя.

25-го октября. Всѣ эти дни—скука, что-то сѣрое на душѣ, отвращеніе къ вещамъ и людямъ, обезсиленіе воли, неохота жить. Послѣ книги всегда является какой-то ущербъ, отливъ въ энергіи мысли и дѣйствія. Вы чувствуете себя, какъ будто вы бросили передъ собою часть вашей души, вашего мозга. Это нѣчто въ родѣ того утомленія, той истощенности, которыя должны наступать за совершеніемъ преступленія.

Чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ несноснѣе и невыносимѣе становится плоскость жизни. Нелѣпыя, надоѣдливыя заботы повторяются въ ней регулярно, глупо, буржуазно; огорченія, даже обиды существованія—и тѣ не имѣютъ въ себѣ ничего удивительнаго. Отъ утра до вечера—никакой неожиданности. Спрашиваешь себя, къ чему продолжать быть, и на что завтрашній день?

Все насъ оскорбляетъ, все дразнитъ намъ нервы: то, что мы видимъ, что читаемъ, что слышимъ. Былъ, въ средніе вѣка, міръ «глупцовъ». Намъ кажется, что мы живемъ въ мірѣ шутовъ и подписчиковъ... Чтобы насъ развлечь, нужно было-бы, чтобы, не знаю какъ, все встало верхъ дномъ... чтобы весь свѣтъ нѣсколько дней плясалъ на головѣ...

Притомъ ясное пониманіе этого неблагодарнаго, противнаго, обожаемаго поприща литературы; это поприще мучитъ васъ, какъ любовница, про которую вы знаете, что она способна отдаваться лакеямъ.

— Нужда не создаетъ горькаго отчаянія. Она ломаетъ пружину,

она сламываетъ независимость, она приручаетъ, а не вызываетъ на сопротивленіе.

5-го ноября. Прелесть книгъ Мишлэ въ томъ, что онѣ похожи на рукописныя. Онѣ не имѣютъ банальности и безличности печатнаго слова; онѣ какъ-бы автографъ мысли.

25-го декабря. Замокъ Осмуа.

Въ сторожкѣ въ паркѣ. Рыжія деревья на фонѣ неба, какъ-будто окрашеннаго горячимъ дымомъ пожара; опушка лѣса, обращенная на западъ, вся будто съ огневыми прорѣзами, и вся щебечущая, вся воркующая въ веселомъ вечернемъ привѣтѣ птицъ солнцу.

Потомъ рядъ умирающихъ измѣненій въ оттѣнкахъ, рядъ блѣднѣющихъ агоній красокъ, подъ которыми деревья переходятъ отъ тона корицы къ тонамъ жженой сангвины, въ то время, какъ небо, въ тѣни спускающейся ночи, изъ краснаго понемногу переходитъ въ блѣдное и холодно-бѣлое. Въ послѣдній разъ птицы принимаются пѣть: зажигается какъ-бы ракета слабенькихъ, крикливыхъ голосовъ, поднимается, бѣжитъ вдоль всей рощи и потухаетъ. Еще одинъ слабый крикъ, и все молчитъ.

Тогда, въ глубокомъ туманѣ сумерокъ, погружается во тьму все неизвѣстное, таинственное, вся волнующая неопредѣленность формъ. Накопляется молчаніе. Хищныя птицы глухимъ полетомъ опускаются на сучья большихъ деревьевъ, съ звукомъ густыхъ хлопьевъ снѣга... На небѣ нѣтъ уже ни свѣта, ни тѣни, и на этомъ неопредѣленномъ фонѣ деревья, съ безчисленными своими вѣтвями вытягиваются, какъ громадные змѣи Горгоны.

1865.

13-го января. Сколько часовъ, десять лѣтъ тому назадъ, сколько часовъ въ Уффиціяхъ смотрѣли мы Примитивовъ; созерцали этихъ женщинъ, эти длинныя шеи, эти невинные, выпуклые лбы, эти глаза въ темныхъ кругахъ, съ узкими, длинными прорѣзами, эти ангельскіе и змѣиные взгляды изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ, эти черточки мученій и худобы, эту тонкую заостренность подбородка, эти огненно-рыжіе волосы, по которымъ кисть протянула нити золота, эти блѣдныя краски кожи, разцвѣтшей въ тѣни, эти полутѣни, слегка затемненныя зеленоватымъ и какъ-бы окунутые въ прозрачность воды, эти тонкія, страдальческія руки, на которыхъ играютъ восковые огоньки: весь этотъ музей дѣвственныхъ болѣзненныхъ ликовъ, который подъ наивностью искусства показываетъ рожденіе Граціи.

Упиваться этими улыбками, этими взглядами, этими томленіями, этими красками, сдѣланными для того, чтобы писать идеальное—было очарованіемъ тѣхъ дней... Насъ каждый день тянуло къ этимъ розовымъ и голубымъ одеждамъ, къ этимъ небеснымъ одеждамъ.

Великая и совершенная живопись, зрѣлые шедевры не оставляютъ въ васъ такой отчетливой памяти о лицахъ: только эти женщины Примитивовъ привязываются къ вамъ, какъ память о людяхъ, встрѣченныхъ въ жизни.

Онѣ вновь являются къ вамъ, какъ голова покойницы, которую вы разъ увидѣли-бы, утромъ, освѣщенную и озолоченную умирающимъ пламенемъ восковой свѣчи.

Среда, 1-го февраля. Сегодня вечеромъ у принцессы полонъ столъ писателей, между ними и Дюма отецъ.

Это какой-то великанъ съ курчавыми волосами негра, цвѣта «перца съ солью», съ маленькими глазками бегемота, свѣтлыми, хитрыми и неусыпными, даже когда они полузакрыты: черты огромнаго лица похожи на тѣ неопредѣленно округленныя черты, которыми карикатуристы придаютъ лунѣ человѣческое лицо. Рѣчь обильная, но безъ большаго блеска, безъ ѣдкости ума, безъ колоритности слова; все только факты, которые онъ своимъ хриплымъ голосомъ добываетъ изъ глубины чудовищной памяти. И всегда, всегда, онъ говоритъ о себѣ, но съ тѣмъ тщеславіемъ добродушнаго ребенка, которое не имѣетъ въ себѣ ничего раздражающаго. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ, что его статья о Горѣ Кармель дала монахамъ 700,000 франковъ.

...Онъ не пьетъ ни вина, ни кофе; не куритъ: это воздержанный атлетъ фельетона и писательства...

«Прокалыватель» перешейка, Лессепсъ, съ черными глазами подъ серебристыми волосами, только-что прибылъ изъ Египта и обѣдаетъ съ нами; онъ сознается,—онъ человѣкъ такой неукротимой воли,—что много разъ въ жизни отступалъ отъ разныхъ дѣлъ, слѣдуя совѣту одной гадалки изъ улицы Турнонъ, преемницы дѣвицы Ленорманъ.

— Слѣдовало-бы изучать въ ребенкѣ происхожденіе обществъ. Ребенокъ—это начинающее человѣчество, дѣти—первые люди.

8-го февраля. Обѣдъ у Шарль Эдмонъ съ Герценомъ.

Маска Сократа, теплый, прозрачный цвѣтъ кожи, какъ на портретахъ Рубенса; между бровями красная мѣтина въ видѣ клейма, борода и волоса сѣдѣющіе. Онъ говоритъ и отъ времени до времени ироническій смѣшокъ падаетъ, поднимается и снова падаетъ у него въ горлѣ. Голосъ у него мягкій, меланхолически-музыкальный, но не имѣетъ той грубой звучности, которой можно было-бы ожидать при массивномъ сложеніи этого мужчины. Мысль тонкая, нѣжная, заостренная, иногда утонченная, но всегда объяснена, освѣщена словечками, которыя не скоро являются, но всегда нравятся, какъ вообще нравятся выраженія изящнаго ума иностранца, говорящаго по-французски.

Онъ говоритъ о Бакунинѣ, о томъ, какъ онъ просидѣлъ одиннадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, объ его бѣгствѣ изъ Сибири по Амуру, объ его

странствованіи черезъ Калифорнію, о пріѣздѣ въ Лондонъ, где онъ, проплакавши нѣсколько мгновеній въ его объятіяхъ, спросилъ: «есть-ли тутъ устрицы?»

Онъ намъ приводитъ черты, рисующія государя Николая I воплощеніемъ военной дисциплины. Онъ разсказываетъ намъ, какъ послѣ взятія Евпаторіи государь прохаживался разъ по дворцу своими каменными шагами, шагами статуи Командора и вдругъ подошелъ къ солдату на караулѣ, вырвалъ у него ружье, бросился противъ него на колѣни и крикнулъ: «На колѣни! Помолимся о побѣдѣ!»

Потомъ онъ говорилъ о нравахъ Англіи, которую онъ любитъ, какъ страну свободы, и приводитъ любопытные анекдоты. Слуга, котораго Тургеневъ помѣстилъ въ семействѣ Віардо, на вопросъ, отчего онъ ушелъ отъ нихъ, далъ слѣдующій прекрасный отвѣтъ: «они люди не комильфотные: не только жена, но даже мужъ разговариваютъ со мной за столомъ».

Пока мы стараемся разобраться въ характерахъ двухъ народовъ, англичанъ и французовъ, Герценъ говоритъ: «Знаете, одинъ англичанинъ недурно распредѣлилъ оба характера: «Французъ съ жаромъ ѣстъ холодную телятину, а мы горячій ростбифъ ѣдимъ холодно».

17-го февраля. Прошлый годъ, когда у Флобера были чирьи, Мишлэ говорилъ одному изъ его друзей: «пусть онъ не лѣчится, а то пропадетъ талантъ». Это, можетъ быть, великая мысль. Не знаю, кто сказалъ, что Наполеонъ, послѣ того, какъ вылѣчился отъ чесотки, не выигралъ уже ни одного сраженія. Острота крови у Шамфора вѣрно была причиной остроты его ума. Фреміе (Frémiet) разсказывалъ мнѣ, что Рюдъ (Rude) иногда въ шутку ставилъ рядомъ съ прекрасной конской головой Фидія голову извощичьей лошади, и доказывалъ, что это одно и то-же, но что только голова извозщичьей лошади красивѣе. И Рюдъ утверждаетъ, что греки, съ ихъ темпераментомъ великихъ художниковъ, прямо подражали природѣ, но нисколько не заботились объ идеальномъ, не гонялись за нимъ.

— Женщина, которая сознаетъ свою вину и не сердится — гдѣ вы ее найдете?

16-го марта. Сердце вмѣстѣ съ человѣкомъ не родится. Ребенокъ не знаетъ, что такое сердце. Этимъ органомъ человѣкъ обязанъ жизни. Ребенокъ, кромѣ себя, не видитъ, не любитъ никого: онъ самый чудовищный, самый невинный, самый ангельскій эгоистъ.

20-го мая. Сегодня вечеромъ, черезъ калитку въ деревянной изгороди, обвитой зеленью, мы входимъ въ большой домъ, на улицѣ Вожираръ. Мы у Турнминъ.

Веселый нижній этажъ дома полонъ нарядныхъ акварелей небольшихъ картинъ, писанныхъ друзьями, восточнаго оружія. Въ маленькихъ

витринахъ—переливы шелковыхъ тканей чудныхъ красокъ, кофтъ и жилетовъ турецкихъ женщинъ, съ рядами золотыхъ пуговицъ, въ которыя вставлены жемчужины: цѣлый маленькій музей восточныхъ сувенировъ.

Живописецъ Азіатской Турціи согласенъ сообщить намъ, для нашего будущаго романа (Manette Salomon), письма, писанныя имъ женѣ, и она приноситъ связку этихъ длинныхъ большихъ писемъ, которыя имѣютъ такой почтенный видъ, благодаря десятку наклеенныхъ на нихъ марокъ. Она перечитываетъ ихъ и счастлива тѣмъ, что вспоминаетъ радости ихъ полученія: выпуклый ея лобъ, жирненькія щечки, кроткіе глаза, доброе, привѣтливое лицо—освѣщаются двумя лампами. На нѣкоторыхъ мѣстахъ воспоминанія заставляютъ сердце художника биться сильнѣе: онъ ударяетъ кулакомъ по дивану, мысленно видитъ прошлое, на лицѣ его отражается что-то райское, онъ восклицаетъ: «Какъ было прекрасно!»

Среди чтенія, гдѣ дышешь Востокомъ, на середину комнаты выдвигается табуретъ съ перламутровой инкрустаціей, на него, въ серебряныхъ, филигранныхъ подставочкахъ ставятся голубыя чашечки, въ которыя наливается кофе, приготовленный по-турецки, въ константинопольскомъ кофейникѣ.

И придерживая юбки, чтобы не задѣть столикъ, проходитъ черезъ комнату въ глубь кабинета высокая молодая дѣвушка; она садится поодаль, весь вечеръ слушаетъ чтеніе и любовно запрокинувъ головку, улыбается отцу каждый разъ, какъ слышитъ про опасности, которымъ онъ подвергался, или про борьбу его съ клопами.

Потомъ кофе замѣняется, на табуретѣ столикѣ, четырьмя большими банками константинопольскаго варенья, изъ бергамота, флёръ д'оранжа, розъ и какой-то бѣлой мастики, вызывающей и во рту представленіе о той странѣ, которой занятъ слухъ.

Прелестный вечеръ этотъ продлился до двухъ часовъ ночи. Въ немъ мы нашли всю сладость семейной жизни, вмѣстѣ съ щекочущими впечатлѣніями экзотизма.

22-го мая. Теперь у насъ одинъ только крупный интересъ и волненіе: изученіе жизненной правды. Внѣ этого—скука и пустота.

Конечно, мы гальванизировали исторію, насколько это возможно, гальванизировали ее «правдой» болѣе правдивой, чѣмъ другіе, мы вновь открыли ея жизненную «реальность» и вотъ теперь правда прошлаго намъ уже ничего больше не говоритъ. Мы производимъ на себя впечатлѣніе человѣка, привыкшаго рисовать съ восковой фигуры, которому вдругъ открылась живая «натура» или вѣрнѣе сама жизнь съ ея горячимъ, трепещущимъ нутромъ.

25-го мая. Мы ѣдемъ цѣлой компаніей завтракать въ Тріанонъ съ принцессой Матильдой. Жизнь изумительна! Когда мы пріѣхали сюда искать слѣдовъ Маріи Антуанетты, мы не думали, что будемъ завтракать

здѣсь съ одной изъ родственницъ Наполеона,—въ декоративной хижинѣ, которую ей нарисовали Г. Роберъ (Hubert Robert).

Конецъ трапезы, гдѣ присутствуютъ женщины, всегда ведетъ къ разговорамъ про чувства и про любовь. Принцесса спросила у каждаго изъ насъ, что-бы онъ всего больше желалъ получить на память отъ женщины. Каждый назвалъ то, что ему казалось всего дороже: одинъ — письмо, другой—прядь волосъ, третій—цвѣты, я сказалъ: ребенка! за это меня чуть не выгнали. Тутъ Дюваль, съ тѣмъ улыбающимся и вызывающимъ взглядомъ, который у него всегда бываетъ, когда рѣчь идетъ о любви, говоритъ намъ, что больше всего онъ желалъ-бы получить отъ женщины перчатку,—отпечатокъ и форму ея руки, вещицу, рисующую ея пальцы. «Вы не знаете,—прибавилъ онъ,—попросить, во время танцевъ, перчатку у дамы, и получить отказъ. Потомъ, черезъ часъ, вы видите ее за роялемъ, она снимаетъ перчатки, чтобы сыграть что-нибудь. Вы уставляетесь глазами въ эти перчатки... Она встаетъ и оставляетъ обѣ... Вы ихъ не берете; вѣдь пара перчатокъ, это не перчатка. Начинаютъ разъѣзжаться. Она возвращается и беретъ только одну... При этомъ знакѣ, который она вамъ подаетъ, вы такъ счастливы, такъ счастливы.

Онъ сказалъ это очень мило.

29-го августа. За столомъ, послѣ обѣда, мы опять говоримъ о самихъ себѣ. У меня съ братомъ стремленія не одинаковыя. Если бы онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ, его тянуло-бы къ семьѣ, къ буржуазной мечтѣ о жизни вдвоемъ съ чувствительной женщиной. Онъ человѣкъ нѣжный, меланхолической страстности, тогда какъ я матеріалистъ-меланхоликъ. Я чувствую въ себѣ нѣчто сродное аббату XVIII вѣка вмѣстѣ съ мелкими чертами жестокости итальянца XVI-го в., жестокости, не склонной, однако, къ крови, къ физическому страданію ближняго, а только къ злобности ума. У Эдмона, напротивъ,—есть какъ-бы простодушіе. Онъ родился въ Лотарингіи; онъ—умъ германскій. Его можно представить себѣ военнымъ человѣкомъ. А я парижанинъ, латинской расы. Себя я скорѣе воображаю въ дѣлахъ капитула, въ сношеніяхъ съ общинами, съ большимъ тщеславнымъ желаніемъ играть судьбою мужчинъ и женщинъ, ради ироническаго созерцанія такого зрѣлища. Не есть-ли это у насъ отъ природы такое расположеніе къ роли старшаго и младшаго въ семьѣ (военнаго и духовнаго), которое въ старину было явленіемъ соціальнымъ? Мы въ первый разъ дѣлаемъ это открытіе. Въ общемъ, странная вещь: у насъ рѣшительная разница въ темпераментахъ [1]).

---

[1]) Сообщаю замѣтку въ томъ видѣ, въ какомъ братъ ее записалъ послѣ разговора: но долженъ заявить, что имъ многое преувеличено изъ желанія себя выставить въ дурномъ, а меня въ хорошемъ свѣтѣ

Эдмонъ Гонкуръ

15-го сентября.—Ну что, старый другъ, говорятъ, ты не такъ здоровъ?

— Ахъ да, вы знаете, бываютъ глупости...

И множество запутанныхъ фразъ, спѣша, пробивается у старика сквозь одышку, сквозь возрастающее волненіе, которое наполняетъ слезами глаза и дѣлаетъ голосъ его влажнымъ и неувѣреннымъ. Потомъ, стараясь какъ-бы посмѣяться надъ собою: «вѣдь я-же ей говорилъ: человѣка можно убить и не выстрѣломъ изъ пистолета... Каждый разъ, какъ вспомню, вотъ уже два мѣсяца... какъ будто вязальная спица пронизываетъ здѣсь...» и онъ показываетъ на сердце. «У меня сейчасъ былъ докторъ... я ему все сказалъ... Въ такихъ дѣлахъ, вы знаете, ничего не надо скрывать... Ахъ, что за ударъ это былъ для меня! Вѣдь такъ быстро... Мы разстались во вторникъ, а въ воскресенье ее оглашали въ церкви въ послѣдній разъ. Ничего между нами не было... Только уходя, она мнѣ показала шляпку... вѣрно это шляпку она себѣ сдѣлала къ свадьбѣ... Боже мой, когда, бывало, она мнѣ говорила, что собирается замужъ, я ей всегда совѣтовалъ выйти. Но ужъ случилось это слишкомъ скоро... И потомъ, на дняхъ тоже,—это меня поразило,—она мнѣ сказала: «Я думала, что мнѣ столько-то, а я старше». — Она года свои узнала изъ метрическаго свидѣтельства, которое выписала для вѣнчанія.

Такъ онъ цѣпляется за каждое мелкое воспоминаніе, смакуя его горечь, а голосъ безпрестанно тонетъ въ слезахъ, и цвѣтъ лица мѣняется, желтѣетъ. Вечеромъ, послѣ обѣда, онъ говоритъ: *** вернулись изъ Италіи. Никого у меня не осталось. Сынъ былъ въ пансіонѣ. Въ безнадежныхъ мечтахъ я молилъ Бога послать мнѣ женщину, которой я могъ-бы покровительствовать, которою могъ-бы заинтересоваться... Когда я получилъ ея письмо, мои желанія исполнились... Я видался съ нею два раза въ мѣсяцъ, въ гостинницѣ, никогда на дому, ни у меня, ни у нея. Я самъ себѣ запретилъ бывать у нея, боялся быть ревнивымъ... лучше ничего не знать. Я каждый разъ приходилъ первый, дамы, знаете, всегда заставляютъ себя ждать. Подадутъ мнѣ газету: въ каминѣ огонь... Я сяду читать въ ожиданіи ея. Она придетъ, сниметъ шляпку... Я скажу: что вы подѣлывали съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ?.. Скажите мнѣ все... Она мнѣ все разсказывала... Потомъ она разспрашивала меня о такихъ вещахъ, о которыхъ ей неловко было говорить съ другими. Я давалъ ей книги... Мы говорили о томъ, что она читала. Она часто говорила мнѣ: «вы не знаете, какую—не скажу любовь, но привязанность я къ вамъ чувствую». Мы завтракали. Такъ я проводилъ часовъ пять... Она уходила и я глазами слѣдилъ за нею по лѣстницѣ... Куда все это дѣвалось? Два мѣсяца я не получалъ отъ нея ни письма...

Онъ шаритъ на себѣ, находитъ письма и перелистываетъ ихъ: «вотъ, говоритъ, телеграмма сыну, чтобы извѣстить его о моей смерти».

— Ахъ, старый другъ!

— Меня душитъ, я не переживу этого.

Такъ говоритъ старый другъ нашего семейства, 76-лѣтній старикъ, тономъ разбитой жизни, тономъ человѣка раненаго на смерть, потерявшаго разомъ и пятнадцатилѣтнюю привычку, и семью, и дочь, и любовницу. Чѣмъ-то трагическимъ, похороннымъ и умилительнымъ дышитъ страстное уныніе этого старика, который какъ будто уже не въ силахъ больше жить, у котораго сердце поражено разлукой, какъ мечемъ.

Я заговорилъ съ нимъ о путешествіи, въ сопровожденіи стараго слуги, котораго мы называли Лепорелло; старикъ полугрустно, полуиронически пробормоталъ: «хорошъ будетъ Донъ-Жуанъ!»

28-го сентября.—Намъ пришли сказать, что старый другъ умираетъ. Уже!

Мы въ большой гостиной, гдѣ царитъ пустота и безпорядокъ готовящагося переѣзда. Въ зеркальное окно мы видимъ на комодѣ рядъ стклянокъ и лѣкарствъ, и въ постелѣ кого-то, кто лежитъ за взбитыми подушками: и въ этой прозрачной рамѣ, открывающей видъ на Смерть, двигается дѣятельная и тихая сестра милосердія, черная подъ бѣлымъ чепцомъ.

Онъ умираетъ. Онъ пожелалъ собороваться. Позвали священника отъ св. Августина, а когда тотъ явился, онъ не принялъ его. Это былъ тотъ самый священникъ, который вѣнчалъ любимую имъ женщину. Не любопытно-ли это и не похожи-ли на авторскія выдумки тѣ драматическія комбинаціи, которыя вызываются событіями жизни?

Мы вошли къ нему въ комнату. Онъ насъ узналъ. Онъ намъ пожалъ руки,—рукой почти еще живой и, снова закрывая глаза, сказалъ намъ, какъ-бы испуская послѣдній вздохъ прежней веселости: «Касторъ и Поллуксъ». Нѣтъ ничего болѣе раздирающаго, чѣмъ эта послѣдняя улыбка человѣка, который уже начинаетъ быть покойникомъ.

10-го ноября. А какъ несправедливо, право, что тѣло у насъ устроено не такъ, какъ характеръ. Вотъ теперь мы оба въ припадкахъ желудка и печени, которые появляются и повторяются отъ взаимныхъ разстройствъ. Вотъ опять эти мучительныя ночи; въ домѣ у насъ никого нѣтъ, и тотъ изъ насъ, кто покрѣпче, бѣжитъ въ аптеку, разыскиваетъ врача, старается неуклюже, лихорадочно развести огонь на угольяхъ въ печи. И притомъ смутный страхъ, который мы скрываемъ другъ отъ друга, — страхъ холеры!

— Безъ искусства все гніетъ и гибнетъ. Искусство бальзамируетъ умершую жизнь: небольшую долю безсмертія имѣетъ только то, что было имъ тронуто, описано, изображено кистью или рѣзцомъ.

30-го ноября. Наша пьеса (Henriette Maréchal) такъ близка къ представленію въ Théâtre français, что я начинаю вѣрить: есть, пожалуй, и провидѣніе для постоянства напряженія, для мужества воли.

2-го декабря. Исчезло, наконецъ, глухое безпокойство послѣднихъ дней. Цензура прислала своего забавнаго старика, цензора Планше, и дала позволеніе.

Нетерпѣніе этихъ дней уступило мѣсто полному, спокойному удовлетворенію, дальше котораго не хочется идти. Намъ очень пріятно было остановиться подольше, подольше на этой точкѣ. Мы почти жалѣемъ, что такъ скоро кончилось время репетицій, этотъ сладкій перерывъ дѣйствительной жизни, эти восхитительные порывы гордости, которую вы вдыхаете въ удачные моменты вашей пьесы, въ лучшихъ мѣстахъ вашихъ излюбленныхъ тирадъ; наконецъ, это постоянное, вѣчно новое ожиданіе слова, которое вотъ вотъ скажутъ и которое ваши губы шепчутъ уже заранѣе.

3-го декабря. Сегодня репетиція въ костюмахъ. Вхожу въ фойе. Тамъ Роза Дидье, въ костюмѣ бэбэ, съ бѣлокурымъ парикомъ надъ чудными глазами, въ облакѣ легкой кисеи, игривая, веселая и прелестная. Мнѣ показалось, что всѣ старинные портреты этого строгаго фойе, предки благородной трагедіи и серьезной комедіи, Оросманы въ чалмахъ и королевы съ кинжалами насупили брови при видѣ шалуньи опернаго карнавала. Въ корридорѣ я встрѣтилъ Делоне, котораго сначала не узналъ, до того онъ смотритъ дѣйствительно семнадцатилѣтнимъ Поль де-Бревиль.

Глядя на весь этотъ людъ, слѣдя за его движеніями, слушая, какъ они говорятъ вашу прозу, какъ играютъ ваше произведеніе, видя эту сцену, которая теперь ваша, чувствуя, что все здѣсь ваше: и шумъ, и движеніе, и музыка, и актеры, и фигуранты, все, не исключая машинистовъ и пожарныхъ. Какая-то гордая радость наполняетъ грудь при мысли, что вы тутъ хозяинъ. Публика была странная. Во-первыхъ, Вортъ съ женою. Г-жа Плесси не играетъ иначе, какъ подъ ихъ инспекціей; съ ними все общество знаменитыхъ модистокъ и портнихъ.

Эффектъ пьесы растетъ съ каждой репетиціей. Актеры изумляются и любуются другъ другомъ. Весь театръ вѣритъ въ громадный успѣхъ и общее мнѣніе то, что за двадцать лѣтъ не было пьесы, такъ поставленной и разыгранной, какъ эта!

5-го декабря. Ночь прошла спокойно. Оставляемъ карточки у критиковъ. Визитъ у Рокпланшъ. Мы застали его за завтракомъ. Онъ весь въ красномъ, обутъ въ какіе-то большіе мокассины, похожъ не то на палача, не то на краснокожаго. Онъ говоритъ о гигіенѣ писателя. «Въ нашемъ ремеслѣ необходимо бороться съ нервнымъ истощеніемъ». Самъ онъ только что съѣлъ два бифтекса,—онъ умѣетъ слѣдить за своимъ желудкомъ, тренировать его. Мы хвалимъ его здоровье, его умѣнье сохраняться.

Оттуда—къ отцу Жанену, который теперь не выходитъ изъ дома и, при подагрѣ, ведетъ театральную критику у себя на квартирѣ. Онъ

говоритъ, что жена его одѣвается, чтобы ѣхать смотрѣть нашу пьесу. Несмотря на это, несмотря на свирѣпую критику нашихъ «Литераторовъ», мы вспоминаемъ первое наше посѣщеніе, послѣ его первой статьи.

Наконецъ, мы дожили до обѣда. Мы садимся за столъ у Биньона и проѣдаемъ, пропиваемъ около тридцати франковъ, точь въ точь, какъ люди, разсчитывающіе на сто представленій. Ни малѣйшей тревоги. Абсолютное спокойствіе, убѣжденіе, что если даже наша пьеса не покажется публикѣ безподобной, то она такъ замѣчательно сыграна, что игра актеровъ создастъ успѣхъ. Мы требуемъ театральную газету, (L'entreacte), читаемъ и перечитываемъ фамиліи нашихъ актеровъ. Потомъ куримъ сигары, толкаемся по Парижу, гдѣ уже слышится наше имя, гдѣ завтра все будетъ полно имъ; мы, какъ будто вдыхаемъ первый порывъ того большого шума, который скоро поднимется вокругъ насъ.

Мы въ Théatre-Français. У входа намъ кажется не мало жизни, не мало движенія. Мы побѣдителями подымаемся по лѣстницѣ, той самой, по которой мы столько разъ входили въ совершенно иномъ настроеніи. Еще днемъ мы твердо рѣшили, что если къ концу представленія восторгъ зайдетъ очень далеко, мы убѣжимъ потихоньку, чтобы насъ не потащили на сцену для овацій.

Корридоры полны. Чувствуется какое-то сильное болтливое волненіе въ публикѣ. Мы ловимъ на лету слухи о шумѣ, о безпорядкахъ, сломали барьеръ у кассы! Гишаръ, все еще въ римскомъ костюмѣ, немного озадаченный, входитъ въ фойе: его освистали въ «Horace et Lydie». Понемногу намъ становится трудно дышать, какъ передъ грозой. Встрѣчаемся съ Го (Got) и онъ съ странной улыбкой говоритъ намъ про зрителей: «Они не ласковы».

Мы подходимъ къ занавѣсу, стараемся разглядѣть залу, но въ какомъ-то ослѣпленіи видимъ только ярко освѣщенную толпу. Вдругъ слышимъ, что играютъ. Поднятіе занавѣса послѣ трехъ ударовъ—и эта торжественность, которой мы ожидали съ сердцебіеніемъ, пропала. Мы ничего не замѣтили. Потомъ, очень удивленные, мы слышимъ свистокъ, одинъ, два, три свистка, бурю криковъ, вызывающую ураганъ рукоплесканій... Мы въ уголкѣ за кулисами, прислонились къ декораціи, среди масокъ; намъ кажется, что статисты, проходя мимо, кидаютъ на насъ жалостливые взгляды. И все свистки, и все аплодисменты.

Занавѣсъ опускается. Мы выходимъ безъ пальто; у насъ горятъ уши. Начинается второй актъ. Опять неистовые свистки, въ перемежку съ звѣриными криками и передразниваніемъ актеровъ. Освистано рѣшительно все: даже нѣмая сцена m-me Плесси. Борьба продолжается и у актеровъ, которыхъ поддерживаетъ часть партера; почти всѣ ложи съ остальнымъ партеромъ и галлереей, гдѣ хотятъ, во что бы то ни стало

крикомъ, стукомъ, перерывами, злобными глупыми выходками, добиться, чтобы опустили занавѣсъ.

— Немножко-таки сильно!—говоритъ намъ Го два или три раза. А мы все время стоимъ, прислонившись все тамъ-же, встрѣчаемъ въ упоръ свистки, блѣдные, нервные, но стоимъ твердо, не отступая ни на шагъ и нашимъ упрямымъ присутствіемъ заставляемъ актеровъ доиграть пьесу до конца.

Выстрѣлъ раздался. Занавѣсъ падаетъ среди общаго бунта.

Вижу m-me Плесси, которая уходитъ со сцены съ яростью львицы, извергая ругательства на оскорбившую ее публику. А за вторымъ занавѣсомъ слышится, въ продолженіи четверти часа, свирѣпые вопли, которые не даютъ Го выговорить нашего имени. Мы пробираемся сквозь безпокойныя группы, наполняющія корридоры театра, и идемъ ужинать въ Maison-d'or съ графомъ д'Осмуа (D'Osmoy), Булье и Флоберомъ. Мы вполнѣ сохраняемъ спокойствіе, несмотря на нервную судорогу, которая вызываетъ у насъ тошноту при каждомъ кускѣ. Флоберъ не можетъ не сказать, что находитъ насъ великолѣпными; мы возвращаемся домой въ пять часовъ утра, разбитые, утомленные, какъ никогда въ жизни.

6-го декабря. Завѣдующій «клакою» утверждаетъ, что со временъ «Эрнани» и «Бургграфовъ» въ театрѣ никогда не было подобнаго волненія [1]).

Обѣдъ у принцессы. Она вчера пріѣхала изъ театра съ разорванными перчатками и съ разгорѣвшимися руками отъ хлопанія.

Моя дура любовница вчера была въ театрѣ и говоритъ мнѣ сегодня, что не смѣетъ показаться на улицу, что ей кажется, будто у нея на лицѣ написано, что съ нами случилось.

27-го декабря. Гавръ. Намъ легче послѣ того, какъ мы выбрались изъ этого ада славы. Съѣли чуднаго бекаса, подышали солснымъ воздухомъ: немного животнаго счастья.

1866.

6-го января. Мы обѣдали у Флобера въ Кроассе. Онъ въ самомъ дѣлѣ работаетъ четырнадцать часовъ въ сутки. Это уже не трудъ, это

[1]) Волненіе это и снятіе пьесы съ репертуара послѣ 6 представленій вызваны были политической интригой. Республиканская оппозиція подбила молодежь латинскаго квартала избрать Henriette Maréchal поводомъ для политической демонстраціи противъ правительства имперіи подъ предлогомъ нарушенія традиціи французскаго театра, классической Comedie Française. Распространенъ былъ слухъ, что пьеса Гонкуровъ принята только по протекціи принцессы Матильды (двоюродной сестры Наполеона III, племянницы Наполеона I, бывшей замужемъ за Анатоліемъ Демидовымъ, разведенной при благосклонномъ участіи императора Николая I). Молодежь освистала пьесу и ея реалистическія новшества, т.-е. со-слѣпу демонстрировала *противъ* молодого, новаго и сильнаго—въ угоду политикѣ и старому литературному консерватизму.

монастырь Траппистовъ. Принцесса написала ему про насъ, по поводу нашего предисловія: (къ Henriette Marèchal): «Они сказали правду—это преступленіе!»

8-го января. Я такъ разбитъ нравственно. Нами слишкомъ ужъ занимались. Подъ конецъ шумъ сталъ уже слишкомъ шуменъ. Хочется молчанія вокругъ себя.

Представленіе чудовищнаго, химерически животнаго; искусство рисовать страхъ, подступающій къ человѣку днемъ, въ видѣ смутныхъ призраковъ: способность изображать и воплощать эти панику глаза и иллюзіи, въ существахъ одаренныхъ членами и суставами, явныхъ осязаемыхъ, почти что жизнеспособныхъ—вотъ геній Японіи. Японія создала и оживила зоологію галлюцинаціи. Вамъ кажется, что изъ мозга ея искусства, какъ изъ пещеры кошмара прорывается и бьетъ ключомъ цѣлый міръ звѣрей и демоновъ, высѣченный изъ вздутаго уродства; звѣри въ судорогахъ и конвульсіяхъ корней мандрагоры; наросты сучьевъ въ которыхъ застылъ сокъ; звѣри—помѣсь ящерицы съ млекопитающимъ, жаба, привитая ко льву, сфинксъ, приросшій къ церберу, кишащія личинки, жидкія и липкія, буравящія себѣ путь, какъ дождевые черви, звѣри съ гребнемъ изъ колючей гривы, жующіе шаръ съ двумя круглыми глазами на концѣ палки; страшилища лохматыя, угрожающія, сверкающія ужасомъ, драконы и химеры апокалипсиса отдаленнаго востока.

Мы, европейцы и французы, мы не такъ богаты изобрѣтательностью. Наше искусство узнаетъ только дракона: это все то-же чудовище изъ разсказа Терамена, которое на картинахъ г-на Энгръ (Jngres) высовываетъ свой красный суконный языкъ.

Въ Японіи чудовище—повсюду. Оно украшеніе и чуть ни домашняя утварь. Оно и жардиньерка, и курильница. Гончаръ, мѣдникъ, рисовальщикъ, вышивальникъ сѣютъ его въ жизни каждаго. Оно корчится и выставляетъ когти на платьѣ всѣхъ временъ года. Для этого міра бѣдныхъ женщинъ, съ накрашенными вѣками, чудовище—изображеніе самое обыденное, привычное, любимое, почти ласкательное, то, что для насъ—художественная статуэтка на каминѣ. И кто знаетъ, не тутъ ли кроется идеалъ этого артистическаго народа?

15-го января. Обѣдъ у Маньи. Тэнъ изъявляетъ, что всѣ талантливые люди—продуктъ своей среды. Мы утверждаемъ обратное. Гдѣ вы найдете, спрашиваемъ мы, «корень экзотизма Шатобріана? Это ананасъ, выросшій въ казармахъ!» Готье насъ поддерживаетъ: онъ со своей стороны считаетъ, что мозгъ художника и нынче тотъ же, какимъ былъ во времена фараоновъ. Быть можетъ у буржуа, которыхъ онъ называетъ «жидкимъ ничтожествомъ», мозгъ и измѣнился, по его мнѣнію не важно.

— Находиться зимой, въ любимомъ уголкѣ, между привычныхъ стѣнъ, среди предметовъ, привыкшихъ къ небрежному прикосновенію вашихъ пальцевъ, въ креслѣ удобномъ для вашей особы, подъ смягченнымъ свѣтомъ лампы, вблизи тихаго тепла камина, топившагося цѣлый день, и тамъ разговаривать въ часы, когда умъ бѣжитъ отъ работы, спасается отъ заботъ дня; разговаривать съ людьми симпатичными, съ мужчинами, съ женщинами, улыбающимися на ваши слова; открывать душу, давать себѣ волю; слушать и отвѣчать: отдавать свое вниманіе другимъ или требовать его себѣ; исповѣдывать другихъ или высказываться самому; затрогивать все, что доступно слову, смѣяться надъ настоящимъ днемъ; судить о газетѣ, шевелить прошедшее, какъ бы вороча уголья на очагѣ исторіи; пошалить парадоксомъ, поиграть разсудкомъ, дать порѣзвиться мозгу; наблюдать, какъ въ спорахъ сходятся и расходятся характеры и темпераменты; видѣть на чужомъ лицѣ отраженіе вашего слова, замѣчать головку одной изъ дамъ, приподнимающуюся надъ вышиваніемъ, чувствовать, какъ пульсъ бьется сильнѣе, возбужденный небольшой лихорадкой и въ легкомъ оживленіи отъ опьяняющаго чувства удовольствія; уходить отъ самого себя, отдаваться, изливаться всѣмъ, что есть въ васъ остроумнаго, убѣжденнаго, нѣжнаго, ласкающаго или негодующаго; ощущать то электрическое общеніе, которое заставляетъ ваши мысли переходить въ мысли слушающихъ васъ; наслаждаться симпатіями, которыя какъ бы обнимаютъ ваши слова и жмутъ ваши мысли, какъ горячее рукопожатіе; разцвѣтать душой въ общей откровенности, когда всякій открывается весь до дна; испытывать опьяняющее наслажденіе слiянія и смѣшенія душъ въ общеніи умовъ: разговоръ—вотъ одно изъ настоящихъ благъ жизни, которое своимъ чистымъ и отрадно волнующимъ очарованіемъ останавливаетъ время, часы ночи! И можетъ ли природа дать человѣку радость, равную той, какую онъ самъ даетъ себѣ въ обществѣ!

— Всѣ наблюдатели грустны и должны быть таковыми.

Они не дѣятели, а свидѣтели жизни. Они ничѣмъ не пользуются изъ того, что обманываетъ, что опьяняетъ. Нормальное ихъ состояніе—меланхолическая ясность души.

Тэнъ прислалъ мнѣ свою книгу. Онъ въ три мѣсяца собралъ всю Италію: картины, ландшафты, общество — общество, въ которое такъ трудно проникнуть!—словомъ, прошедшее, настоящее и будущее.

— Быстрый способъ дѣлать карьеру, это ѣхать на запяткахъ успѣха. Такимъ образомъ васъ, пожалуй, забрызгаютъ грязью, вы рискуете налетѣть на удары хлыста, но вы доѣдете—какъ лакей—до передней.

10-го марта. Общества, собранія, товарищества менѣе способны, чѣмъ отдѣльный человѣкъ. Все великое въ мысли и трудѣ совершается индивидуальнымъ усиліемъ, равно какъ и всякій подвигъ воли. Путешественнику удается то, что не удается экспедиціи, и только одинокіе

изслѣдователи, какъ Калье, Бартъ, Ливингстонъ овладѣли неизвѣстнымъ на землѣ.

6-го августа. Трувиль. Странную ведемъ мы тутъ трудовую жизнь, какой никогда не видывалъ Трувиль. Встаемъ въ десять часовъ. Часъ—плотно завтракаемъ за общимъ столомъ. Часъ куримъ на террассѣ казино. Цѣлый день работа, до пяти или шести часовъ. Отъ шести до семи—плотный обѣдъ. Сигара на террассѣ, прогулка у моря и опять за работу до полночи, до двухъ часовъ.

Мы хотимъ кончить «Манетъ Саломонъ». Работы еще много.

21-го августа. Кончили Манетъ Соломонъ.

23-го августа. Я здѣсь встрѣчаю студента юриста, типъ нашей либеральной, республиканской серьезной и немного старообразной молодежи, съ острой жаждой будущаго и внутреннимъ убѣжденіемъ, что всѣмъ овладѣетъ. Онъ подтверждаетъ мою мысль, что нынѣшняя молодежь дѣлится на два совершенно различныхъ міра, которые никакъ не могутъ ни сблизиться, ни слиться: чистые шалопаи, съ безпримѣрной пустотой головы, и лагерь работниковъ, бѣшено упорныхъ въ трудѣ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, поколѣніе отрѣзанное отъ міра, ожесточенное одиночествомъ, озлобленное и почти угрожающее.

30-го августа. Отчего у насъ обоихъ постоянное ощущеніе, какъ будто намъ не хватаетъ внутренняго тепла, физическаго подъема, не для умственнаго труда и не для книги, а для общественности, для столкновенія съ людьми, съ женщинами, съ событіями? Да, намъ нужно, отъ времени до времени, влить тазикъ молодой крови или бутылку стараго вина, чтобы быть въ уровень съ парижской жизнью. Мы въ самомъ дѣлѣ слишкомъ похожи на людей, которые попали на балъ въ оперу, не будучи навеселѣ. Это—размышленія послѣ обѣда, когда мы выпили по бутылкѣ Сенъ-Жюльена;—излишекъ намъ уже не дозволенный нашимъ здоровьемъ.

24-го сентября. Обѣдъ у Маньи.

Нефцеръ разсказалъ сегодня анекдотъ, который ему передалъ кто-то, обѣдавшій, послѣ Садова, съ прусскимъ королемъ. Послѣ обѣда король, полуслезливый, полупьяный, сказалъ: «Какъ это Богъ выбралъ такую свинью, какъ я, чтобы сосвинствовать такую великую славу для Пруссіи!»

1-го октября. Прогулка послѣ завтрака въ паркѣ, гдѣ принцесса говоритъ о всякой всячинѣ, вспылила вдругъ противъ дѣтей: «Ахъ, оставьте!.. до дѣтей надо спускаться, надо глупѣть съ ними. Они сокращаютъ ваши умственныя способности. Къ тому-же на воспитаніе у меня взгляды философскіе. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, какъ я была воспитана. Да, меня мать не баловала!.. Добрая старушка, баронесса Редингъ, бывало, возмущалась на слова матери: «я бы всѣхъ дѣтей отдала за одинъ пальчикъ Фифи». Фифи, это мой отецъ... Мнѣ бывало

по себѣ только въ обществѣ двухъ старыхъ тетокъ. Одной было восемьдесятъ лѣтъ, она была маленькая, маленькая — болѣла около тридцати лѣтъ, все лежала на диванѣ, все собиралась купить себѣ новый, когда поѣдетъ въ Парижъ; мнѣ было смѣшно ее слушать; вся сморщенная, шея черная, жилы на шеѣ какъ веревки, отчаянная вольтерьянка, я никогда не видывала такой атеистки. Она никогда не была замужемъ, а съ Жозефомъ обвѣнчана была въ 93 году. Другая была еще старше, съ круглымъ чепцомъ на головѣ, какъ у кормилицы, корсета не носила и ругалась какъ дьяволъ... Все это воспоминаніе, живописное и отчеканенное, принцесса кидаетъ, идя впереди насъ, оборачиваясь, жестикулируя и сзывая безпрестанными окликами свору своихъ маленькихъ собачекъ.

15-го октября. Сегодня вечеромъ мы почти одни въ гостиной. У принцессы немного утомлены глаза, ей не хочется работать, она отдается прошедшему, возвращается къ нему, снова видитъ его. Она говоритъ о своей свадьбѣ, о Россіи, объ императорѣ Николаѣ. «Никогда я вамъ этого не прощу!» съ этими словами встрѣтилъ ее царь, когда она пріѣхала, обвѣнчавшись съ Демидовымъ. Мечтою царя было женить сына на родственницѣ Наполеона. И такъ женщина, которая говоритъ съ нами, упустила двѣ императорскихъ короны. Понятно, что иногда, въ минуты грусти, она видитъ передъ собой воспоминанія и призраки вѣнцовъ, нѣкогда близко коснувшихся ея головы.

«Николай I, продолжаетъ она, прекрасный отецъ и семьянинъ. Онъ каждый день бывалъ у великихъ князей и княгинь, сидѣлъ съ ними за столомъ, присутствовалъ, когда сѣкли дѣтей, интересовался, чѣмъ ихъ кормили въ отсутствіе родителей, бывалъ на родахъ у великихъ княгинь. Да, онъ былъ отечески добръ ко всѣмъ своимъ въ семьѣ. У него были друзья, напримѣръ, Киселевъ, который во всякое время входилъ къ государынѣ. Его суровость отчасти зависѣла отъ мошенничества, отъ вороватости тѣхъ, кто его окружалъ. Онъ говорилъ сыну: «мы съ тобой единственные честные люди въ Россіи». Онъ зналъ, что всѣ мѣста продажны. Не удивительно, поэтому, что онъ нѣсколько театрально притворялся безпощаднымъ. Принцесса описываетъ намъ, какъ онъ распоряжался по городу, разъѣзжалъ въ маленькой коляскѣ, будучи на голову выше всѣхъ своихъ подданныхъ. И красивъ, какъ камея, прибавляетъ она, онъ напоминаетъ римскаго императора».

«Однажды великая княгиня сказала мнѣ, что онъ сердится, оттого что прочелъ у Кюстина, что онъ толстѣетъ. Она ошиблась. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ и началъ: вы меня не спрашиваете, отчего я сердитъ? И разсказалъ, что онъ только что былъ на смотру. Дѣло было зимою, холодъ дьявольскій, а онъ видѣлъ какъ полковникъ, послѣ смотра, заставилъ людей снять штаны и нести ихъ на спинѣ, ради экономіи! Ко мнѣ онъ

былъ отечески добръ. Онъ увлекался мыслью объ освобожденіи Сибири, повторяя, что это освобожденіе будетъ любопытнымъ историческимъ фактомъ, совершеннымъ во имя принцессы наполеоновской крови. Что касается г. Демидова, то онъ даже имени его не хотѣлъ произносить, никогда и не произносилъ. Онъ внезапно являлся къ намъ обѣдать, одинъ, безъ свиты. Ужасные обѣды, гдѣ онъ даже и не глядѣлъ на него. Наконецъ, насталъ день, когда государь сказалъ мнѣ: «что-же вы сегодня со мной не откровенны?» А такъ какъ я не хотѣла говорить, онъ прибавилъ: «Когда я вамъ буду нуженъ, всегда буду радъ, обратитесь прямо ко мнѣ черезъ графа Орлова».

Все это принцесса роняетъ, слово за словомъ, задумчиво, съ перерывами молчанія, когда думаешь—вотъ-вотъ оборвутся ея изліянія. Рука ея разсѣянно перебираетъ вещи на столѣ, а взглядъ блуждаетъ на коврахъ. Она не замѣчаетъ времени, она привыкла ложиться рано и вдругъ удивляется, что уже четверть перваго.

О исторія, исторія! Я думалъ о портретѣ, нарисованномъ Герценомъ. И возможно, что оба портрета похожи!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переселенческое движеніе въ Сибирь въ 1896 году.

Переселенческое движеніе изъ Европейской Россіи въ Сибирь за последнее десятилѣтіе, какъ извѣстно, ежегодно возрастало. Въ 1896 году оно оказалось по своимъ размѣрамъ, сравнительно съ предшествующими годами, еще значительнѣе, а именно: въ теченіе этого года прошедшихъ въ Сибирь переселенцевъ было болѣе 200 тысячъ душъ. Прошлогодніе переселенцы были выходцами изъ губерній: Полтавской, Курской, Черниговской, Харьковской, Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Могилевской, Херсонской, Пензенской, Кіевской, Тамбовской, Саратовской, Самарской и еще многихъ другихъ. Подавляющее большинство изъ нихъ не имѣло на переселеніе оффиціальнаго разрѣшенія и шло на «новыя мѣста» самовольно.

Движеніе переселенцевъ въ Сибирь въ 1896 году началось очень рано. Въ Челябинскѣ уже въ январѣ прибыла партія въ 560 душъ. Съ этого времени цифра прибывавшихъ постепенно возрастала. Такъ, въ Челябинскѣ, въ февралѣ пришло 1982 переселенца (въ томъ числѣ 402 малолѣтнихъ); въ мартѣ—17,363 (въ томъ числѣ 4,301 малолѣтній); всего-же съ 1-го января по 15-е мая 1896 г. черезъ Челябинскъ прошло 11,000 семействъ, т.-е. приблизительно 66,000 душъ обоего пола и 6,504 ходока. Но главная масса переселенцевъ прошла въ послѣдующіе полтора мѣсяца. Въ іюлѣ переселенческій потокъ затихъ затѣмъ, снова нѣсколько оживился.

Переселенцы 1896 года шли, главнымъ образомъ, въ Степное генералъ-губернаторство; затѣмъ, въ губерніи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и, наконецъ, въ Забайкальскую область и на Амуръ. Движеніе переселенцевъ въ эти районы совершалось тремя путями: черезъ Челябинскъ по сибирской желѣзной дорогѣ; черезъ Тюмень по рѣкамъ Западной Сибири и черезъ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота.

Движеніе переселенцевъ въ Сибирь весной 1896 года по сибирской желѣзной дорогѣ прошло при крайне неблагопріятной обстановкѣ и не вполнѣ благополучно. Во-первыхъ, для перевозки переселенцевъ, прибывавшихъ въ Челябинскъ весной ежедневно по 5,000 человѣкъ, не было заготовлено достаточнаго числа вагоновъ. Вслѣдствіе этого, въ имѣвшіеся вагоны, переселенцевъ набивали, какъ сельдей въ бочки. Мало того, случалось, что въ переполненные переселенцами вагоны еще грузили посторонній багажъ. При этомъ на протесты переселенцевъ не обращалось никакого вниманія. Однажды, напримѣръ, по поводу такихъ протестовъ на переполненіе вагоновъ лишними пассажирами и багажемъ, какой-то очень маленькій администраторъ возразилъ: «а ты развѣ ослѣпъ? не видишь—на вагонѣ написано 40 человѣкъ и 8 лошадей». («Степной Край», № 51, 1896 г.). Переселенцы перевозились въ товарныхъ вагонахъ IV-го класса. Эти вагоны были достаточно приспособлены для перевозки товаровъ и животныхъ, но ни въ какомъ случаѣ для людей. Въ вагонахъ почти не было никакихъ приспособленій для сидѣнія, а тѣмъ болѣе—сна. Большую часть пути переселенцамъ приходилось стоять на ногахъ или сидѣть на своемъ багажѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Вагоны не отапливались и имѣли крайне слабое освѣщеніе. Въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, было холодно, темно, грязно и душно. Ретирадовъ совсѣмъ не было. Такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, переселенцамъ приходилось отправлять свои естественныя надобности тутъ-же, въ вагонахъ. Черезъ это и такъ уже испорченный воздухъ сдѣлался совершенно невозможнымъ. Для очищенія-же его не было никакихъ соотвѣтствующихъ приспособленій. Вслѣдствіе этого, приходилось отворять небольшія оконца и двери вагоновъ и подвергаться сильному сквозняку. Въ переселенческихъ вагонахъ для входа и выхода также не было устроено болѣе или менѣе удовлетворительныхъ лѣстницъ, а имѣлись только простыя, длинныя доски, которыя во время остановки поѣзда обыкновенно спускались на землю. Хожденіе по этимъ импровизированнымъ лѣстницамъ было, конечно, крайне неудобно и рискованно. И дѣйствительно, случаи паденія съ этихъ досокъ бывали не рѣдки, причемъ, иногда съ тяжелыми ушибами. Мало того, благодаря этимъ доскамъ-сходнямъ, однажды произошелъ даже смертельный случай. Это было на станціи Пѣтухово, западно-сибирской желѣзной дороги, 24-го іюня 1896 года. Переселенческій поѣздъ № 22 тихо подходилъ къ станціи и проходилъ мимо полѣнницы дровъ, наложенныхъ въ клѣтку у самыхъ рельсовъ. Въ это время изъ одного переселенческаго вагона выдался наружу конецъ доски-сходни. Когда поѣздъ проходилъ мимо полѣнницы съ дровами, то, выдавшаяся изъ вагона, доска-сходня однимъ своимъ концомъ задѣла за дрова и при этомъ выбросила изъ вагона стоявшаго у двери переселенца Ларіона Шмура, а другимъ концомъ ударила шестилѣтнюю дѣвочку, стоявшую

у верхняго окошечка вагона. Выброшенный изъ вагона переселенецъ получилъ рану въ голову такъ, что кожа съ нея оказалась совершенно снятой, попалъ подъ поѣздъ и ему колесомъ тотчасъ-же отрѣзало ногу. Дѣвочку-же постигла еще худшая участь. Ударъ конца доски по ея головѣ былъ такъ силенъ, что разсѣкъ ее въ продольномъ направленіи носа совершенно пополамъ и одна половина головы вмѣстѣ съ мозгами выпала черезъ окошечко на полотно дороги («Степн. Край» 51, 1896 г.). Данный прискорбный случай достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько были хорошо приспособлены переселенческіе вагоны. Но будемъ продолжать наше описаніе далѣе. Переселенческіе поѣзда двигались очень тихо. Въ то время какъ пассажирскіе поѣзда совершали свой переѣздъ отъ Челябинска до Кривощекова въ 3-е сутокъ, переселенческіе въ 6, 7 и даже болѣе. Притомъ часто случалось такъ, что переселенцевъ не довозили до извѣстной, намѣченной ими станціи, а высаживали на какой-нибудь изъ промежуточныхъ. Вслѣдствіе такихъ неожиданныхъ высадокъ на станціяхъ, лежащихъ вдоль сибирской желѣзной дороги, весной скопились цѣлыя массы переселенцевъ. Такъ, въ Челябинскѣ скопленіе ихъ нерѣдко достигало до 17 и болѣе тысячъ; въ Омскѣ отъ 3 до 6 тысячъ; въ Кривощековой отъ 7 и до 8 тысячъ. Между тѣмъ, на большинствѣ переселенческихъ пунктовъ къ пріему переселенцевъ почти ничего не было организовано. Такъ въ Челябинскѣ, въ самый разгаръ переселенческаго движенія, имѣлся только одинъ баракъ на 300 чел., и 8 юртъ на 200—250 чел., въ Петропавловскѣ 2 барака и 16 юртъ на 1000 чел., въ Омскѣ 2 барака и 11 юртъ на 600 чел., въ Курганѣ—10 юртъ на 300 чел., въ Каинскѣ-же не было никакихъ помѣщеній. Разумѣется, въ баракахъ и юртахъ помѣщались только немногіе изъ переселенцевъ. Подавляющее-же большинство изъ нихъ располагалось въ самодѣльныхъ шалашахъ, землянкахъ, подъ навѣсами, платформами, заборами, словомъ, всюду, гдѣ представлялась хотя какая-нибудь возможность найти пріютъ отъ дождя и холода. Но многіе изъ переселенцевъ не имѣли даже и этого и вынуждены бывали располагаться прямо на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Положеніе переселенцевъ, въ особенности безпріютныхъ, было самое ужасное. Бараки, юрты и самодѣльные шалаши, а тѣмъ болѣе заборы и навѣсы служили крайне плохой защитой отъ непогоды. Переселенцы мокли и мерзли, тщетно прикрываясь всѣмъ, чѣмъ только могли. Чтобы согрѣться, они не имѣли возможности даже развести костровъ, такъ какъ для нихъ не было заготовлено дровъ и достать ихъ было негдѣ. Въ санитарномъ отношеніи переселенческіе лагери представляли собою авгіевы конюшни. Вся поверхность ихъ была загрязнена и издавала страшное зловоніе, распространявшееся далеко по окрестностямъ. Зараженіе лагерей происходило, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ отхожихъ мѣстъ. Не въ лучшемъ положеніи находились переселенцы и въ отношеніи питанія.

Открытыя на нѣкоторыхъ переселенческихъ пунктахъ столовыя, располагая крайне ограниченными средствами, могли довольствовать только незначительную часть переселенцевъ. Такъ, напримѣръ, на челябинскомъ и петропавловскомъ переселенческихъ пунктахъ ежедневно выдавалось только по 800 порцій. На другихъ-же пунктахъ — и того менѣе. При этомъ, выдача хлѣба и порцій переселенцамъ по приказанію переселенческой администраціи должна была производиться за плату. Въ этомъ отношеніи исключеніе допускалось только для больныхъ. Но на практикѣ вышло совершенно иначе — безплатно пришлось довольствовать большую часть переселенцевъ, не могущую, по своей матеріальной необезпеченности, платить даже 2 коп. (стоимость каждой порціи). Такъ, напримѣръ, на омскомъ переселенческомъ пунктѣ за мартъ, апрѣль и май было роздано: 47,629 *безплатныхъ* порцій щей и кулеша и 746 пуд. 30 фунтовъ хлѣба и 1,614 порцій щей и 269 пуб. хлѣба *за плату*. («Степн. Край» № 48, 1896 г.). Въ переселенческихъ столовыхъ, какъ мы уже сказали выше, питалась только незначительная часть переселенцевъ, другая-же, притомъ большая, вынуждена бывала сама заботиться о своемъ питаніи. Между тѣмъ, доставать продукты, помимо переселенческой столовой, было крайне трудно, такъ какъ мѣстные жители пользовались случаемъ и за все драли самыя дикія цѣны, совершенно недоступныя для большинства переселенцевъ. Въ результатѣ всего этого, переселенцамъ, матеріально необезпеченнымъ и почему-либо не получившимъ въ столовыхъ безплатныхъ порцій пищи и хлѣба, приходилось довольствоваться захваченными изъ дому сухарями. Послѣдніе, конечно, представляли собою крайне малопитательную и неудобоваримую пищу, и переселенцамъ, питавшимся только ими и водой, буквально приходилось хронически голодать. Но среди переселенцевъ было много и такихъ, которые уже не имѣли своихъ сухарей, а также денегъ и подходящихъ вещей для продажи. Положеніе данной группы переселенцевъ было самое ужасное. Имъ приходилось вымаливать себѣ кусокъ хлѣба въ переселенческихъ столовыхъ или у мѣстныхъ жителей. Но въ столовыхъ, какъ мы уже сказали, не всегда можно было безплатно получить пищу и хлѣбъ; мѣстные-же жители неохотно подавали милостыню переселенцамъ и нерѣдко грубо отгоняли ихъ отъ оконъ своихъ домовъ. Хронически голодая, переселенцы на нѣкоторыхъ переселенческихъ пунктахъ еще испытывали сильный недостатокъ въ питьевой водѣ, которой также не было заготовлено въ достаточныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе этого, переселенцамъ приходилось сильно страдать отъ жажды или-же пить грязную, испорченную воду, что, напр., наблюдалось на каинскомъ переселенческомъ пунктѣ.

Невозможныя условія перевозки по сибирской желѣзной дорогѣ; затѣмъ, антисанитарная обстановка жизни на переселенческихъ пунктахъ

и продолжительныя задержки на нихъ; наконецъ, хроническое голоданіе и частый недостатокъ въ хорошей питьевой водѣ—вызвали среди переселенцевъ значительную заболѣваемость. Послѣдняя на многихъ переселенческихъ пунктахъ ежедневно достигала 150—200. Но многіе изъ заболѣвшихъ переселенцевъ, не желая отставать отъ своей партіи, еще не заявляли о своихъ болѣзняхъ. Если принять во вниманіе и этихъ больныхъ, то ежедневный % заболѣваній долженъ удвоиться. Переселенцы подвергались, главнымъ образомъ, простуднымъ и кишечно-желудочнымъ заболѣваніямъ. Особенно сильная заболѣваемость наблюдалась среди дѣтей. Такъ, напримѣръ, на обскомъ переселенческомъ пунктѣ она достигала до 41% всего числа больныхъ. Въ виду столь значительной заболѣваемости, необходимо было организовать медицинскую помощь на самыхъ широкихъ началахъ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности наблюдалось нѣчто иное. Существовавшія на переселенческихъ пунктахъ больницы были крайне незначительны по своимъ размѣрамъ и жалки—по обстановкѣ. Такъ, въ такомъ переселенческомъ центрѣ, какъ Челябинскъ, имѣлась всего одна небольшая больница на 8 кроватей. Въ Петропавловскѣ также была одна небольшая больница на 10 кроватей и одинъ инфекціонный баракъ. На обскомъ переселенческомъ пунктѣ роль больницы изображала изъ себя небольшая кухня на 6 кроватей съ соломенными тюфяками безъ всякаго бѣлья. На каинскомъ-же переселенческомъ пунктѣ совсѣмъ не было никакой больницы, вслѣдствіе чего, на первыхъ порахъ, около двухъ недѣль медицинскому персоналу приходилось принимать и помѣщать больныхъ въ двухъ товарныхъ вагонахъ, обращенныхъ въ санитарные. Конечно, вагоны эти не представляли ровно никакихъ удобствъ для временного помѣщенія въ нихъ больныхъ аптеки, медицинскаго персонала и пріема амбулаторныхъ. Такъ, напримѣръ, чтобы проникнуть въ нихъ больнымъ, среди которыхъ было много дѣтей, приходилось подниматься по крутой лѣстницѣ и каждый разъ рисковать упасть съ нея. Черезъ двѣ недѣли больницу перевели въ сторожку, въ которой она находилась въ теченіе двухъ слѣдующихъ мѣсяцевъ. При столь незначительномъ числѣ кроватей переселенческія больницы, конечно, бывали страшно переполнены больными. Случалось, что на одной кровати помѣщалось по два и по три больныхъ ребенка. Полъ больницъ также всегда былъ заваленъ больными, притомъ такъ, что къ каждому изъ нихъ даже не было никакой возможности подойти. Объ изоляціи заразныхъ больныхъ не могло быть и рѣчи — всѣ, выздоравливающіе отъ брюшного тифа, больные скарлатиной, корью, воспаленіемъ легкихъ и дизентеріей, обыкновенно, помѣщались въ одной комнатѣ. Въ результатѣ бывало такъ, что скарлатина осложнялась дифтеритомъ, дифтеритъ—корью или тифомъ и т. д. и т. д. Лѣченіе больныхъ, при столь неблагопріятной обстановкѣ, безъ сомнѣнія, не могло быть

успѣшнымъ и теряло всякій смыслъ. Однако, медицинскій персоналъ работалъ энергично, не покладая рукъ. Многихъ изъ заболѣвшихъ переселенцевъ ему удавалось вылѣчивать, но не мало изъ нихъ также и умирало. Такъ, на обскомъ переселенческомъ пунктѣ, въ маѣ 1896 года умерло 52 переселенца; въ іюнѣ—121; вообще 10% изъ общаго числа лѣчившихся въ больницѣ. На петропавловскомъ пунктѣ, въ апрѣлѣ 1896 г., ежедневно умирало отъ кори по 4—7 ребятъ; общая-же смертность доходила до 50% («Степн. Край», № 44, 1896).

Таковы были условія переселенческаго движенія въ Сибирь весной 1896 года черезъ Челябинскъ по сибирской желѣзной дорогѣ.

Лѣтнее и, главнымъ образомъ, осеннее движеніе переселенцевъ по сибирской желѣзной дорогѣ было не столь значительно по своимъ размѣрамъ и происходило при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Недостатка въ вагонахъ уже почти не было. Переселенцы перевозились, сравнительно, быстрѣе и не такъ часто и долго задерживались на станціяхъ. Переселенческіе вагоны, къ сожалѣнію, были прежніе—товарные IV класса. На переселенческихъ пунктахъ для временнаго помѣщенія переселенцевъ были построены бараки, сараи и юрты. Всѣ эти помѣщенія были, сравнительно, сносны и вмѣщали въ себя значительное число переселенцевъ. Для больныхъ также были выстроены больницы, уже болѣе или менѣе приспособленныя къ раціональному лѣченію. Такъ, напримѣръ, въ Челябинскѣ, кромѣ новой больницы, имѣлось еще нѣсколько отдѣльныхъ заразныхъ барачковъ и помѣщеніе для персонала. Тамъ-же, кромѣ нѣсколькихъ громадныхъ сараевъ, для переселенцевъ имѣлась прачешная и сушильня. На обскомъ переселенческомъ пунктѣ дѣло врачебной помощи было поставлено еще лучше. На этомъ пунктѣ имѣлось 13 теплыхъ деревянныхъ зданій, спеціально приспособленныхъ для больныхъ. Въ трехъ зданіяхъ помѣщалось: хирургическое отдѣленіе и глазное на 12 кроватей съ хорошо обставленной операціонной комнатой, терапевтическое на 15 кроватей, инфекціонное также на 15 и родильное на 3 кровати. Такимъ образомъ, эта больница могла вмѣщать въ себѣ 45 человѣкъ стаціонарныхъ больныхъ. Кромѣ того, еще существовало отдѣльное помѣщеніе для пріема приходящихъ больныхъ, состоявшее изъ четырехъ комнатъ. Въ лучшихъ, сравнительно, условіяхъ находилось и питаніе переселенцевъ. На всѣхъ почти пунктахъ существовали столовыя, въ которыхъ переселенцы уже легче получали себѣ хлѣбъ и пищу, при томъ въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ. Такъ, на обскомъ переселенческомъ пунктѣ выдавалась порція жидкости вѣсомъ въ 3 фунта, приправленной капустой, крупой и т. п., 1/4 фунта мяса въ скоромные дни или рыбы въ постные дни и 1 фунтъ чернаго хлѣба; на прочихъ пунктахъ пища и хлѣбъ выдавались приблизительно въ такихъ же размѣрахъ. И въ осеннее время продовольствіе переселенцевъ,

большею частію, производилось безплатно. Такъ, на обскомъ переселенческомъ пунктѣ было выдано до 85,000 безплатныхъ обѣдовъ; хлѣба-же продано за все лѣто лишь на 50 рубл. Изъ двухъ столовыхъ каинскаго переселенческаго пункта за все время ихъ существованія было выдано всего 25,829 порцій безплатно и 431 порція за плату. Кромѣ того, на многихъ переселенческихъ пунктахъ еще были открыты дѣтскія столовыя. Изъ этихъ столовыхъ дѣти. начиная отъ грудного и до 2-хъ лѣтняго возраста, получали по стакану молока и приблизительно такое-же количество манной каши. 2-хъ лѣтнія-же дѣти и болѣе старшаго возраста до 5 лѣтъ получали гречневую, пшенную или какую-нибудь другую кашу. Заболѣваемость среди переселенцевъ была менѣе значительна. Такъ, напримѣръ, на обскомъ переселенческомъ пунктѣ въ іюлѣ 96 года было 185 больныхъ, въ августѣ—236, въ сентябрѣ 155; тогда какъ тамъ-же въ маѣ было—1,573; въ іюнѣ—3,607 человѣкъ. («Степной край» № 10, 1897 года). Лѣченіе больныхъ, благодаря болѣе сносной больничной обстановкѣ, производилось успѣшнѣе. Смертность, конечно, была, но не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о переселенческомъ движенія въ Сибирь черезъ Тюмень по рѣкамъ Западной Сибири и черезъ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота.

Движеніе переселенцевъ въ Сибирь вышеуказанными путями въ 1896 году было незначительно и прошло болѣе или менѣе благополучно. Въ Тюмени и въ другихъ мѣстахъ Тобольской и Томской губерній для временнаго помѣщенія переселенцевъ существовали болѣе или менѣе хорошо организованные пункты, заключавшіе въ себѣ достаточное количество бараковъ и другихъ необходимыхъ приспособленій. Особеннаго скопленія переселенцевъ на тюменскомъ и другихъ пунктахъ въ 1896 году почти не было. Для передвиженія переселенцевъ своевременно были законтрактованы пароходы и баржи. Перевозка переселенцевъ по рѣкамъ Западной Сибири, а также моремъ на пароходахъ Добровольнаго флота была, сравнительно съ прошлыми годами, болѣе или менѣе сносна, хотя и далеко не удовлетворяла всѣмъ требованіямъ.

Водвореніе прибывшихъ въ Сибирь въ 1896 году переселенцевъ на отведенные имъ участки производилось, въ большинствѣ случаевъ, крайне неудовлетворительно. Во-первыхъ, переселенческихъ участковъ, предназначенныхъ для раздачи въ 1896 году, было крайне недостаточно. Во-вторыхъ, на переселенческихъ пунктахъ о нихъ часто не имѣлось точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Самые переселенческіе участки, хотя уже были и разрѣшены, но не рѣдко не были еще вполнѣ размежеваны. Данное обстоятельство еще болѣе затрудняло ихъ разыскиваніе и осмотръ. Насколько, дѣйствительно, было трудно разыскать переселенцамъ участокъ и водвориться на немъ, можно видѣть изъ слѣдующей характер-

ной исторіи одной переселенческой партіи орловцевъ. Партія орловцевъ въ 60 семей, вся изъ Трубчевскаго уѣзда,—сообщаетъ корреспондентъ «Степн. края»,—переселялась по проходнымъ свидѣтельствамъ, т.-е., съ разрѣшенія начальства. Послѣднимъ-же ей было указано и новое мѣсто поселенія—Акмолинская область. Изъ этой партіи 8 семей пріѣхали раньше и остановились въ Курганѣ 18-го мая, чтобы дождаться разрѣшенія селиться на участкахъ Прѣсногорьковской волости, котораго они въ то время еще не имѣли. Остальная партія пріѣхала нѣсколькими днями позже и остановилась въ Челябинскѣ. Тамъ она встрѣтилась съ переселенческимъ чиновникомъ, который, зная, что прѣсногорьковскіе участки еще не разрѣшены,—посовѣтовалъ ей ѣхать въ Токуши и поселиться тамъ на тѣхъ участкахъ, на которыхъ прошлый годъ селились орловцы. Переселенцы охотно послушались чиновника и поѣхали туда, но участки эти уже оказались сполна занятыми. Тогда они обратились за помощью на петропавловскій переселенческій пунктъ. Но тамъ орловцамъ сурово отвѣтили, что у нихъ своего народа такъ много, что для него не хватаетъ участковъ, а потому имъ, какъ присланнымъ въ Курганъ, всего лучше ѣхать туда обратно и тамъ искать участковъ. Дѣлать было нечего и они вернулись въ Курганъ, гдѣ, наконецъ, дождались разрѣшенія селиться на прѣсногорьковскихъ участкахъ, о которомъ они узнали въ первыхъ числахъ іюня. Туда тотчасъ-же были посланы ходоки. Послѣдніе выбрали для своей партіи участокъ № 2. Для окончательной приписки къ этому участку ходокамъ еще оставалось съѣздить въ Петропавловскъ къ уѣздному начальнику. Они поѣхали въ Петропавловскъ, но тамъ у нихъ опять вышло новое недоразумѣніе—имъ объявили, что участокъ этотъ также уже занятъ. Чтобы выяснить возникшее недоразумѣніе ходокамъ пришлось еще разъ вернуться въ Курганъ и еще разъ съѣздить въ Прѣсногорьковскую волость. Наконецъ, выяснилось, что этотъ участокъ свободенъ и его записали за партіей орловцевъ. Однако, неудачи этимъ не кончились. Къ общему изумленію, оказалось, что земли, понравившіяся ходокамъ, при размежеваніи не вошли въ границы участка, что единственное озеро съ прѣсной водой значительно поусохло, а лѣсъ такъ невеликъ, что его не хватитъ даже и на шалаши для всей партіи, хотя въ описаніи участка числилось 164 лѣсныхъ десятины. Вслѣдствіе всего этого, произошло то, что на третій-же день шесть семей вернулись обратно въ Курганъ, а оттуда отправились на родину; недѣлю спустя вернулись оттуда на родину еще четыре семьи. Остальныя семьи, по словамъ вернувшихся, также уже думаютъ бросить этотъ участокъ и ищутъ себѣ новый. Такая неудача орловцевъ, по словамъ «Степн. Края», не прошла безъ слѣда и для другихъ переселенцевъ, бывшихъ въ то-же время на пунктѣ. Такъ, напримѣръ, 6 семей черниговцевъ, бывшихъ свидѣтелями неудачъ орловцевъ, не рѣшились больше пытать свое счастье и также вернулись на родину.

Данная исторія орловцевъ—далеко не исключительная. Мы могли-бы привести здѣсь еще нѣсколько не менѣе характерныхъ исторій переселенческихъ мытарствъ при водвореніи на участки.

Многіе изъ участковъ, отведенныхъ для переселенцевъ въ 1896 г., оказались неудовлетворительными и совершенно непригодными для поселенія. На однихъ изъ нихъ была крайне плохая земля, на другихъ — недостатокъ въ водѣ, на третьихъ—совершенное отсутствіе лѣса и т. д. и т. д. Однако, за неимѣніемъ лучшихъ участковъ, многимъ изъ переселенцевъ приходилось селиться и на нихъ. Но недостатокъ въ прѣсной водѣ или строевомъ лѣсѣ и пахотной землѣ не позволялъ долго оставаться на такихъ участкахъ. Обыкновенно, поселившіеся на нихъ переселенцы, промучившись нѣкоторое время, бросали ихъ и шли искать себѣ болѣе удобныхъ участковъ. Найти-же послѣдніе было не легко. Вслѣдствіе этого, переселенцамъ оставалось возвратиться обратно на отведенные имъ участки или-же—на родину. Въ большинствѣ случаевъ, они прибѣгали къ послѣднему исходу.

Въ 1896 году обратное переселенческое движеніе достигло громадныхъ размѣровъ. Черезъ Челябинскъ до половины іюля прошло болѣе 10,000 душъ обратныхъ переселенцевъ и, кромѣ того, болѣе 2,500 обратныхъ переселенцевъ прежнихъ лѣтъ. Изъ всего-же числа 200 тысячъ переселенцевъ, прошедшихъ въ Сибирь въ 1896 году, вернулось обратно на родину болѣе 12%, т. е. болѣе 24,000 человѣкъ. Обратные переселенцы были выходцами изъ Степного генералъ-губернаторства, изъ Тобольской, Томской и Енисейской губерній и наконецъ, съ Амура и Забайкальской области. Въ особенности было сильно обратное переселенческое движеніе на Амурѣ, гдѣ оно положительно оставляло въ тѣни движеніе впередъ. Обратное движеніе переселенцевъ изъ Сибири въ Европейскую Россію, какъ мы уже отчасти замѣтили выше, было вызвано недостаткомъ переселенческихъ участковъ, заготовленныхъ къ 1896 году въ незначительномъ количествѣ, полной непригодности для заселенія значительной части изъ нихъ, вообще земельнымъ оскудѣніемъ въ Сибири, и, наконецъ, полной истощенностью матеріальныхъ средствъ и физическихъ и духовныхъ силъ переселенцевъ.

Положеніе обратныхъ переселенцевъ было ужаснѣйшее. Истративъ всѣ свои деньги на дорогу и жизнь въ Сибири, переселенцы, въ большинствѣ случаевъ, возвращались въ Россію нищими. Ихъ лица были исхудалыя, апатичныя, убитыя. Одежда ихъ состояла изъ рваныхъ зипуновъ или однѣхъ рубашекъ и портовъ. Нѣкоторые изъ переселенцевъ даже были совсѣмъ босые. Дорогой, за неимѣніемъ хлѣба и денегъ, имъ приходилось питаться подаяніемъ, а въ случаѣ отказа, нерѣдко и голодать. Обратное переселеніе совершалось, обыкновенно, очень медленно, такъ какъ переселенцамъ часто приходилось идти пѣшкомъ и задерживаться

на работахъ. Достигнувъ переселенческихъ пунктовъ, обратные переселенцы боязливо пробирались къ баракамъ, гдѣ жили нерѣдко по недѣлямъ, выжидая благопріятнаго случая, чтобы ѣхать или идти дальше, на родину. Не зная, что ожидаетъ ихъ въ Россіи, переселенцы всетаки возвращались туда. «Пропадать, такъ ужъ пропадать въ Расеѣ!»—говорили они, безпомощно махнувъ рукою.

Но не лучше, впрочемъ, было и положеніе переселенцевъ, оставшихся въ Сибири на неудобныхъ участкахъ и, въ особенности, совершенно не получившихъ земли. Имъ, въ большинствѣ случаевъ, приходилось влачить въ Сибири самое жалкое существованіе и терпѣть сильнѣйшій недостатокъ въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и жилищахъ. Обычная пища переселенцевъ-новоселовъ состояла изъ хлѣба и чая, нерѣдко-же простой воды. Ихъ обычныя жилища—землянки, сырыя, грязныя, темныя. Большинство переселенцевъ-новоселовъ, по пріѣздѣ на участки, сразу не въ состояніи были обзавестись хозяйствомъ, такъ какъ для этого у нихъ не было необходимыхъ средствъ. Что-же касается правительственныхъ субсидій, то въ апрѣлѣ и маѣ 1896 года онѣ почти совершенно не выдавались — выдача ихъ производилась уже въ болѣе позднее время. Но правительственныя субсидіи, въ большинствѣ случаевъ, мало помогали переселенцамъ, такъ какъ онѣ были крайне незначительны по своимъ размѣрамъ (обыкновенно 15 руб. на семью). Кромѣ того, онѣ не всегда выдавались переселенцамъ полностью, а по частямъ. Само собою разумѣется, что переселенецъ, получивъ часть изъ ассигнованнаго ему пособія, не могъ употреблять ее на хозяйство, требовавшее болѣе значительныхъ средствъ. Обыкновенно, получаемыя по частямъ пособія быстро проѣдались переселенцами или-же уходили на уплату уже сдѣланныхъ ими долговъ.

Антисанитарная обстановка жизни переселенцевъ-новоселовъ 1896 года и хроническое недоѣданіе вызвали среди многихъ изъ нихъ значительную заболѣваемость—цынгой, кишечно-желудочными и простудными болѣзнями. Смертность среди переселенцевъ-новоселовъ также была значительна. Въ нѣкоторыхъ же переселенческихъ поселкахъ она достигала поразительныхъ размѣровъ. Такъ напримѣръ, въ одномъ поселкѣ Ачинскаго округа, Енисейской губерніи, изъ 123 семей, пришедшихъ въ него въ іюнѣ 1896 года, къ сентябрю умерло 72 человѣка.

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: движеніе переселенцевъ въ Сибирь и водвореніе ихъ тамъ въ 1896 году носило крайне неудовлетворительный и хаотическій характеръ; самое переселеніе же въ Сибирь для значительнаго числа крестьянъ повлекло за собой только одни плачевныя практическія послѣдствія, а именно: полное и окончательное раззореніе.

Прежнія и въ частности прошлогоднія условія движенія переселен-

цевъ въ Сибирь и водворенія ихъ тамъ безъ сомнѣнія должны быть немедленно и радикально измѣнены. Во-первыхъ, перевозка переселенцевъ по Сибирской желѣзной дорогѣ должна производиться безъ прежнихъ обычныхъ замедленій, притомъ, не иначе, какъ въ пассажирскихъ вагонахъ, вполнѣ хорошо приспособленныхъ для продолжительнаго переѣзда. Во-вторыхъ, на всѣхъ переселенческихъ пунктахъ для временнаго проживанія переселенцевъ должны быть устроены въ достаточномъ количествѣ всѣ соотвѣтствующія приспособленія: теплые бараки, бани, прачешныя, отхожія мѣста и т. д. На пунктахъ также необходимо организовать на самыхъ широкихъ началахъ питаніе и лѣченіе переселенцевъ. Водвореніе переселенцевъ на «новыя мѣста» должно производиться съ крайней внимательностью и осторожностью. Переселенческимъ ходокамъ необходимо давать о свободныхъ участкахъ самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія. Отъѣздъ переселенцевъ съ конечныхъ пунктовъ на участки долженъ допускаться не иначе, какъ только при условіи тщательнаго ознакомленія ходоковъ съ послѣдними и послѣ окончательнаго размежеванія ихъ. Затѣмъ, при водвореніи переселенцевъ на участки, необходимо справляться съ ихъ матеріальными средствами, причемъ необезпеченнымъ немедленно должны быть выдаваемы пособія. Послѣднія должны выдаваться въ достаточныхъ размѣрахъ и сразу, а не по частямъ, какъ это наблюдалось въ прошломъ году. Кромѣ пособій, для переселенцевъ долженъ быть организованъ кредитъ. Выдаваемыя переселенцамъ ссуды обязательно должны быть долгосрочныя. Необходимо также позаботиться и о хозяйственномъ обзаведеніи переселенцевъ. Чтобы облегчить послѣднее, на переселенческихъ пунктахъ и вообще въ центральныхъ мѣстахъ водворенія переселенцевъ слѣдуетъ устроить лѣсные, сельско-хозяйственные и т. п. склады и выдать изъ нихъ переселенцамъ болѣе или менѣе на льготныхъ условіяхъ все необходимое. Наконецъ, въ такой-же сильной мѣрѣ необходимо позаботиться и о духовныхъ нуждахъ переселенцевъ и въ ихъ поселкахъ поспѣшить организовать школы, библіотеки и читальни. При настоящихъ же условіяхъ переселенческое движеніе носитъ слишкомъ хаотическій и нецѣлесообразный характеръ.

Н. Арефьевъ.

Вопросы самообразованія.

X. Астрономія.

«Займитесь наукой, преслѣдующей высокія и важныя цѣли: она учитъ насъ, что человѣкъ и эта земля не стоятъ одиноко во вселенной, а связаны съ великимъ цѣлымъ единствомъ матеріи и физическихъ законовъ, она учитъ, что вселенная, какъ и родъ людской, развиваются по незыблемымъ законамъ! Тотъ, кто будетъ заниматься этой наукой, только возвысится и станетъ чище.

Глядите на звѣзды!»

I.

Если мы пересмотримъ біографіи астрономовъ, то должны будемъ съ удивленіемъ констатировать фактъ, что многіе изъ нихъ принадлежали къ мало интеллигентнымъ семьямъ, которыя сами по себѣ не могли имъ обезпечить научной подготовки. Мы найдемъ среди астрономовъ не мало и самоучекъ, не слушавшихъ никогда никакихъ систематическихъ университетскихъ курсовъ по астрономіи—или потому, что не имѣли случая къ этому въ юности или потому, что не поняли сначала своего призванія и только впослѣдствіи заинтересовались астрономическими вопросами. Такъ, напримѣръ, знаменитый астрономъ Вильямъ Гершель, которому наука обязана массой грандіозныхъ открытій и великими идеями о строеніи вселенной, былъ сначала музыкантомъ: онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ уроками музыки и игрой на органѣ въ капеллѣ, астрономіи ни у кого не штудировалъ, но занимался ею съ увлеченіемъ въ часы досуга. Великій Бессель, выработавшій строгіе пріемы точныхъ наблюденій и обогатившій науку огромнымъ числомъ важныхъ изслѣдованій во

всѣхъ областяхъ современной ему астрономіи, провелъ свои юношескіе годы въ конторѣ большого торговаго дома въ Бременѣ. Его старшій современникъ Ольберсъ, предложившій простой сравнительно способъ для опредѣленія кометныхъ орбитъ и открывшій двѣ малыя планеты—Палладу и Весту—былъ по профессіи врачъ. Генке, открывшій планеты Астрею и Гебу—почтовый чиновникъ. Гольдшмидтъ, такъ-же успѣшно работавшій въ этой области астрономіи,—художникъ. Швабе, доказавшій длиннымъ рядомъ своихъ наблюденій надъ солнцемъ періодичность солнечныхъ пятенъ—аптекарь, а нашъ современникъ, знаменитый американскій астрономъ Бёрнгамъ, былъ прежде журналистомъ.

Это все только примѣры и при томъ взятые безъ особаго выбора. Еслибы мы задались цѣлью составить полный списокъ людей, обязанныхъ въ своемъ астрономическомъ развитіи самимъ себѣ, то мы исписали-бы много страницъ и у насъ невольно могло-бы возникнуть подозрѣніе, дѣйствительно-ли такъ спеціальны и сложны астрономическія изслѣдованія, какъ это считается въ обществѣ, разъ такъ много лицъ съумѣли сами, безъ посторонней помощи, овладѣть предметомъ и сдѣлались даже извѣстными.

Но спеціальность методовъ и сложность астрономическихъ изслѣдованій остаются въ общемъ безспорными — нужны инструменты, нужно знакомство съ высшей математикой, физикой, механикой—и то обстоятельство, что во всѣ времена и во всѣхъ націяхъ являлись люди, стремящіеся самостоятельно работать въ области астрономіи, не получивъ къ тому раньше никакой подготовки, показываетъ только намъ, что астрономія — наука живая, отвѣчающая насущнымъ потребностямъ нашего духа, который не можетъ удовлетвориться интересами практической жизни, которому тѣсно на землѣ, который стремится выйти изъ ея предѣловъ и проникнуть въ глубины вселенной, чтобы узнать хоть что-нибудь о безчисленныхъ мірахъ, разбросанныхъ въ безконечномъ пространствѣ.

Мы не можемъ ни привести здѣсь еще одного яркаго примѣра изъ нашей русской жизни въ доказательство того, что астрономія вербуетъ себѣ адептовъ не только изъ всѣхъ народовъ, но и изъ всѣхъ сословій. Въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской губерніи, живетъ крестьянинъ К. Т., главное занятіе котораго выдѣлка и продажа рукавицъ. Одно торговое дѣло, отвѣчающее лишь матеріальнымъ потребностямъ, не могло удовлетворить этого человѣка. Его пытливый и любознательный умъ заинтересовывается астрономическими явленіями, и онъ обращается къ книжкамъ для того, чтобы получить какія-нибудь свѣдѣнія о небесныхъ свѣтилахъ. Однако, на русскомъ языкѣ онъ не нашелъ ничего подходящаго. Кто-то сказалъ ему, что во французскихъ изданіяхъ объясненія астрономическихъ явленій и способы ихъ наблюденія изложены лучше—и вотъ

К. Т. рѣшается выучиться французскому языку. Впослѣдствіи онъ заводитъ сношенія съ Фламмаріономъ, читаетъ его сочиненія, копитъ деньги и покупаетъ небольшую трубу, наблюдаетъ самъ, показываетъ и своимъ односельчанамъ, разсказывая имъ о «*революціи*» Юпитера [1]) и другихъ чудесахъ неба.

Этотъ случай, конечно, исключительный, но далеко не единственный. Если даже игнорировать единичныхъ любителей астрономіи, которые то здѣсь, то тамъ чѣмъ-либо заявляютъ о себѣ, то существованіе Русскаго Астрономическаго Общества въ С.-Петербургѣ, Кружка Любителей Физики и Астрономіи въ Нижнемъ-Новгородѣ, частной обсерваторіи Ѳ. Швабе въ Москвѣ подскажетъ намъ опредѣленно, что мы всегда и вездѣ можемъ встрѣтить проявленіе интереса къ астрономіи въ публикѣ. Вотъ почему статья съ указаніемъ руководствъ для самостоятельнаго знакомства съ астрономіей является вполнѣ умѣстной въ ряду подобныхъ статей по другимъ отраслямъ знанія. Мы съ большой охотой приняли предложеніе редакціи, и, не мечтая, конечно, вполнѣ разрѣшить трудную задачу—дать законченное систематическое руководство для самостоятельныхъ занятій по астрономіи — попытаемся сдѣлать все, что будетъ въ нашихъ силахъ.

II.

Приступая къ рѣшенію нашей задачи, мы имѣемъ въ виду двѣ категоріи лицъ. Къ первой мы относимъ желающихъ составить себѣ возможно полное представленіе о всѣхъ главнѣйшихъ результатахъ, добытыхъ астрономіей,—быть, такъ сказать, au courant современнаго состоянія этой отрасли знанія, ко второй—тѣхъ, которые идутъ нѣсколько дальше, и желая познакомиться съ методами астрономическихъ изслѣдованій, въ то-же время не прочь сами попробовать свои силы на практикѣ. Какъ далеко можетъ идти каждый въ своемъ астрономическомъ развитіи при самостоятельной работѣ, этого, конечно, опредѣлить впередъ никогда нельзя, но указать элементарныя руководства по всѣмъ главнѣйшимъ отдѣламъ астрономіи, которыя могутъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ спеціальныхъ работъ, мы считаемъ своей обязанностью. Какъ ни трудны и ни сложны астрономическія изслѣдованія, бояться ихъ нѣтъ основанія—вѣдь въ человѣкѣ, рѣшающемся на самостоятельныя занятія по какому-нибудь предмету, очевидно, есть склонность къ нему, непосредственный и глубокій интересъ, а это уже имѣетъ большое вліяніе на успѣхъ занятій.

Пусть не подумаютъ здѣсь, что мы предлагаемъ читателю созидать теоріи міра: тѣ смѣлые (или чаще несчастные) люди, которые способны

[1]) Révolution—вращеніе.

на это, конечно, и безъ нашего совѣта не замедлятъ заявить о себѣ, если не въ области астрономіи, то въ чемъ-либо другомъ, грандіозными проектами и планами. Мы обращаемся къ болѣе скромнымъ людямъ, умѣющимъ соразмѣрять свои силы, имъ мы указываемъ, что они могутъ попробовать и какъ поработать въ области астрономіи, а какъ далеко они пойдутъ, это будетъ зависѣть уже отъ ихъ способностей, ихъ досуга и наличныхъ средствъ. Мы подчеркиваемъ только одно, что занятія астрономіей болѣе живы и пріятны, если есть возможность самому получать какіе-нибудь результаты. Пріятно и интересно узнать о всѣхъ чудесахъ неба, но еще пріятнѣе познакомиться съ нимъ непосредственно, слѣдить за его движеніемъ, видѣть тѣ разнообразныя туманности, звѣздныя кучи, кратныя звѣзды, планеты, о которыхъ приходилось читать, самому пронаблюдать измѣненіе блеска перемѣнной звѣзды, самому подсчитать пятна на солнцѣ и прослѣдить ихъ возникновеніе и разрушеніе.

Но для этого нужна труба, а она стоитъ дорого, скажутъ намъ. Да, конечно, отвѣтимъ мы, жаль, если трубы нѣтъ, но если есть интересъ и терпѣніе, то, быть можетъ, помогутъ сбереженія; въ крайнемъ случаѣ можно удовлетвориться и биноклемъ, котораго совершенно достаточно для изслѣдованія блеска яркихъ перемѣнныхъ звѣздъ, млечнаго пути, хвоста большой кометы и пр. Можно, наконецъ, сосредоточить свое вниманіе на астрономическихъ вычисленіяхъ. Интересно самому подсчитать восходъ и заходъ луны, вычислить, хотя-бы упрощеннымъ графическимъ способомъ, покрытіе звѣзды луной, солнечное затменіе для даннаго мѣста земной поверхности, а если кто успѣетъ познакомиться достаточно съ математикой, то опредѣлить даже орбиту какой-нибудь кометы или спутника въ такъ называемой двойной системѣ, что можетъ имѣть уже нѣкоторое научное значеніе. Предупреждая читателя противъ дилетантскаго, поверхностнаго и неполнаго знакомства съ предметомъ, мы поставимъ ему въ примѣръ занятія астронома Бесселя. «Я читалъ только то, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что сейчасъ-же можно было приложить къ дѣлу и *ничего не училъ.* Я хотѣлъ знать предметъ не для экзамена, и для того, чтобы владѣть имъ и получать результаты». Такъже работалъ В. Гершель, такъ работаютъ всѣ люди, занимающіеся по своей охотѣ, не будучи связаны ни передъ кѣмъ никакими обязательствами, если только они умѣютъ экономить время. Но для того, чтобы достигнуть чего-либо, нужно работать очень много.

III.

Для лицъ, которыхъ мы относимъ къ первой категоріи, укажемъ слѣдующія книги:

Newcomb-Engelmann's. Papuläre Astronomie, herausgegeben von Dr. H. C. Vogel. Ц. 13 марокъ—прекрасное сочиненіе, дающее полное и

ясное представленіе о всѣхъ отдѣлахъ астрономіи. настольная книга профессора и всякаго студента. Изложеніе вполнѣ общедоступное, красивое, но безъ всякихъ постороннихъ украшеній. Масса рисунковъ въ текстѣ, таблицы для справокъ и краткія біографическія свѣдѣнія о многихъ астрономахъ въ приложеніи.

На русскомъ языкѣ имѣется хорошій переводъ Дрентельна подъ заглавіемъ: «Астрономія въ общепонятномъ изложеніи С. Ньюкомба и Р. Энгельмана, дополненная Г. Фогелемъ»,—изящное изданіе Риккера. Цѣна 6 руб.

Г. Клейнъ. Астрономическіе вечера, изданіе журнала «Міръ Божій». Спб. 1895. Ц. 2 рубля—талантливое изложеніе успѣховъ астрономіи съ интересными выдержками изъ біографій многихъ астрономовъ. Глава о кометахъ и падающихъ звѣздахъ принадлежитъ, впрочемъ, къ слабымъ. Переводъ (съ нѣмецкаго) съ внѣшней стороны удовлетворительный, но сдѣланъ, повидимому, не спеціалистомъ, какъ какъ встрѣчаются иногда промахи, которые, впрочемъ, не вредятъ цѣлости впечатлѣнія.

Хандриковъ. Описательная астрономія. 1-е изд. 1886. Ц. 3 руб. 2-е 1896. Ц. 3 р. 50 к.—очень почтенный трудъ, приблизительно такого-же содержанія, какъ и вышеназванное сочиненіе Ньюкомба, но къ сожалѣнію безъ таблицъ, съ малымъ числомъ рисунковъ и безъ алфавитнаго указателя, который такъ удобенъ въ подобнаго рода книжкахъ [1]).

Alexander von Humboldt. Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung. 1845—1862 г. 5 томовъ—классическое сочиненіе знаменитаго естествоиспытателя, поставившаго себѣ задачей соединить въ Космосѣ всѣ наши свѣдѣнія по естествознанію въ одно органическое цѣлое, въ чемъ и заключается главное значеніе этого сочиненія. Астрономіи посвящены часть перваго тома и весь третій, гдѣ найдемъ массу историческихъ и литературныхъ указаній, а также интересныя описанія южнаго неба и многихъ рѣдкихъ астрономическихъ явленій, которыхъ очевидцемъ посчастливилось быть автору.

Переводъ на русскій языкъ былъ изданъ нѣсколько разъ въ шестидесятыхъ годахъ по частямъ братьями Салаевыми и П. Фроловымъ въ Москвѣ. Ц. I—2 р., II—2 р., III—3 р., IV и V—2 рубля.

Араго Ф. Общепонятная астрономія, пер. Хотинскаго. 4 тома. Спб. 1861 г. Значительно устарѣвшее, но въ общемъ очень хорошее и полное руководство. Номинальная цѣна 12 рублей, но обыкновенно у букинистовъ втрое дешевле.

— Біографіи знаменитыхъ астрономовъ и геометровъ, пер. Перевощикова, уже рѣдкое сочиненіе, въ которомъ мы найдемъ прекрасныя жизнеописанія многихъ астрономовъ, начиная съ Гиппарха и кончая В. Гершелемъ и Лапласомъ.

---

[1]) Наше замѣчаніе относится къ первому изданію, второго мы еще не видали.

Secchi A. Les étoiles. Ц. 12 фр.

— Нѣмецкое изданіе Die Sternl. Ц. 8 марокъ—очень красивые разсказы о чудесахъ звѣзднаго неба.

Митчель. Небесныя свѣтила или планетные и звѣздные міры. 1868 г. (3 изд.). Ц. 1 р. 50 к.—книжка имѣла въ свое время большой успѣхъ, но теперь уже нѣсколько устарѣла.

Предтеченскій Е. Звѣздный міръ—общедоступное изложеніе главнѣйшихъ свѣдѣній по звѣздной астрономіи. Дешевое изданіе Павленкова. 1894 г. 30 к. Читается легко.

Парвиль. Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ, переводъ подъ редакціей проф. С. П. фонъ-Глазенаппа, Ц. 50 к.—маленькая книжка, которая можетъ служить для разнаго рода справокъ, но никакого другого значенія мы лично не можемъ признать за ней, такъ какъ *вопросы*, на которые слѣдуютъ *отвѣты*, по большей части формулированы очень неудачно и разставлены безъ всякой системы.

Брошюрка *Щербакова.* Историческій очеркъ развитія ученія о движеніи небесныхъ тѣлъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.—полезна для общаго ознакомленія съ задачами теоретической астрономіи и небесной механики.

J. Norman Lockyer. Die Beobachtung der Sterne sonst und jetzt. Uebersetzt von Siebert G. 1880. Ц. 10 мар. 80 пф.—Прекрасное изложеніе способовъ наблюденій съ древнѣйшихъ временъ; кончается примѣненіями спектроскопа и фотографіи съ указаніемъ на тѣ результаты, которые были получены до начала прошлаго десятилѣтія.

Популярныя статьи извѣстныхъ русскихъ ученыхъ въ различныхъ *журналахъ*, какъ напримѣръ:

Бредихинъ, Ѳ. Публичныя лекціи по астрономіи. «Природа» 1873 г. книг. 1 и 2.

— Кометы. «Русскій Вѣстникъ». 1872. Май.

— Труды Московской Астрономической Обсерваторіи. «Русскій Вѣстникъ» 1887. Апрѣль.

Статьи, сохранившія вполнѣ интересъ и до настоящаго времени.

— О физическихъ перемѣнахъ въ небесныхъ тѣлахъ. Рѣчь въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря 1893 г. Записки Имп. Академіи Наукъ. Томъ 74 стр. (112—153).

Цераскій В. Очеркъ современнаго состоянія астрономіи. «Русская Мысль». 1894. Январь.

— Нѣсколько соображеній о температурѣ солнца на основаніи опытовъ съ большимъ зажигательнымъ зеркаломъ. «Міръ Божій», 1895 г. Мартъ.

— Астро-фотографія на Московской Обсерваторіи. «Міръ Божій». 1896 г. Февраль.

С. фонъ-Глазенаппъ. Успѣхи въ изготовленіи астрономическихъ стеколъ. «Мысль». 1881, стр. 283.

— Кометы и падающія звѣзды. «Русское Богатство». 1883.—I, II и III.

— О появленіи новой звѣзды. «Русское Богатство». 1885. № 10.

І. Клейберъ. Фотографія неба. «Русское Богатство». 1887. II.

— Суточная нутація земли. «Русск. Бог.» 1887, № 5—6.

— О химическомъ составѣ небесныхъ тѣлъ. Журналъ «Русск. Хим. Общ.» 1885 г., т. XVII, часть хим., отд.—1, стр. 147 и пр.

Намъ приходится удѣлить особенное вниманіе сочиненіямъ извѣстнаго французскаго популяризатора Фламмаріона, расходящимся повсюду въ огромномъ числѣ экземпляровъ. У насъ въ Россіи ихъ тоже обращается не мало и въ переводахъ, и въ оригиналахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ очень интересные, живые разсказы о чудесахъ вселенной, съ красивыми образными поясненіями, но многія—и именно тѣ какъ разъ, которыя наиболѣе распространены въ публикѣ,—не могутъ быть рекомендованы. По крайней мѣрѣ, мы не сочувствуемъ широкимъ полетамъ фантазіи французскаго астронома-поэта и философа, и думаемъ, что сочиненія его только-бы выиграли, если-бы были освобождены отъ длинныхъ разсужденій философскаго характера, о маломъ и великомъ, о жизни загробной съ перелетами на другія планеты, о жизни настоящей различныхъ планетъ, о концѣ міра и пр. Это не значитъ, что мы сами допускаемъ жизнь только на землѣ и тѣмъ отводимъ этой песчинкѣ первенствующее мѣсто среди безчисленныхъ міровъ; но мы считаемъ слишкомъ смѣлымъ воплощать въ какую-нибудь форму наши допущенія. Фламмаріонъ-же не можетъ удержать своей фантазіи и преподноситъ намъ разсказы, которые могутъ поспорить съ перлами богатой восточной поэзіи. Такъ какъ онъ при этомъ перемѣшиваетъ свои произведенія съ научными фактами, то очень часто неопытный читатель совсѣмъ запутывается и не можетъ разграничить, гдѣ-же правда и откуда начинаются плоды фантазіи автора. Его красивое разсужденіе: *Многочисленность обитаемыхъ міровъ* можетъ быть указано тѣмъ, кто хочетъ познакомиться съ общей постановкой идеи о жизни во вселенной, но всѣ сочиненія, гдѣ онъ, развивая эту идею, даетъ различные образы жизни на небесныхъ тѣлахъ, совершенно не заслуживаютъ вниманія.

Мы не имѣемъ возможности разбирать здѣсь каждое произведеніе Фламмаріона, и предупреждаемъ читателей, ищущихъ *серьезнаго* чтенія, главнымъ образомъ, только противъ его астрономическихъ романовъ: *Уранія* (Въ небесахъ), *По волнамъ безконечности*, *Конецъ міра*, а также противъ книжки, которая носитъ названіе *Жители небесныхъ міровъ*, напоминающей намъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ путешествія Гуливера. Наоборотъ, мы рекомендуемъ его:

Astronomie populaire. Ц. 12 фр.

Les étoiles et curiosités du ciel. Ц. 12 фр.

Различныя статьи въ прекратившемся журналѣ *L'Astronomie* и нѣкоторыя спеціальныя книги, указанныя ниже.

Изъ маленькихъ книжекъ Фламмаріона, обращающихся въ русской публикѣ, можно назвать:

Общедоступную Астрономію, пер. Черкасова. Ц. 1 руб.

Разсказы о небѣ, пер. Предтеченскаго. Ц. 60 коп.. содержащія въ элементарномъ изложеніи все существенное.

IV.

Для лицъ второй категоріи мы укажемъ, кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, еще слѣдующіе **атласы и руководства къ общимъ наблюденіямъ:**

Я. Мессеръ. Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій. Спб. Ц. 5 р.— прекрасное, изящное изданіе, заключающее въ себѣ звѣзды, видимыя невооруженнымъ глазомъ. Въ текстѣ, приложенномъ къ атласу, найдемъ много различныхъ рисунковъ, таблицы, списки перемѣнныхъ и двойныхъ звѣздъ, звѣздныхъ кучъ, туманностей и пр.

— Подвижная карта звѣзднаго неба. Ц. 2 р. 50 коп.—хорошее, но нѣсколько дорогое пособіе для начинающаго.

Подобную карту найдемъ также въ «Русскомъ астрономич. календарѣ», Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи (см. ниже: *Календари*).

Schurig. Tabulae coelestes (Himmels-Atlas) Leipzig 3 мар.—недорогой и въ общемъ удовлетворительный атласъ, но безъ текста.

Klein, H. Stern-Atlas für Freunde der Himmelsbeobachtung—много полнѣе предыдущихъ. 1887. Ц. 16 мар.

Bruhns'a атласъ, русское изданіе Сысоевой—состоитъ изъ двухъ небольшихъ общихъ картъ звѣзднаго неба, карты луны и нѣсколькихъ таблицъ съ рисунками астрономическихъ инструментовъ, обсерваторій, планетъ и пр. Ц. 3 руб.;—лучше нѣмецкое изданіе, которое стоитъ всего 3 марки.

Klein, H. Anleitung zur Durchmusterung des Himmels. Ц. 24 марки.

— Führer am Sternenhimmel. Ц. 9 марокъ.

— Два прекрасныя руководства, дополняющія другъ друга, въ которыхъ читатель найдетъ необходимыя указанія для наблюденій, а также перечисленіе объектовъ, доступныхъ небольшимъ трубамъ. Въ первомъ приложены карты звѣзднаго неба, несовсѣмъ, впрочемъ, удовлетворительно отпечатанныя, во-второмъ интересны прекрасныя таблицы планетъ, лунной поверхности и туманностей. Распредѣленіе матеріала также различно: въ *Anleitung*—дѣлается обзоръ неба по созвѣздіямъ, а въ

Führer—предметы наблюденій перечислены по группамъ, такъ что здѣсь мы имѣемъ главы: двойныя звѣзды, перемѣнныя звѣзды, звѣздныя кучи, туманности и пр. Интересны въ обѣихъ книжкахъ оригинальные трактаты о лунной поверхности.

Вышеуказанная книга Фламмаріона *Les étoiles*, благодаря тому приложенію, которое мы найдемъ въ концѣ, также можетъ служить практическимъ руководствомъ при наблюденіяхъ, хотя по преимуществу одного звѣзднаго неба.

Что касается подобныхъ пособій на русскомъ языкѣ, то въ этомъ отношеніи наша литература очень бѣдна. Изъ новыхъ изданій намъ извѣстны:

Астрономъ-любитель Е. Предтеченскаго—небольшая дешевая (50 к.) книжка, въ которой авторъ даетъ способы пріобрѣсти познанія о небѣ каждому желающему, не предполагая въ немъ никакихъ познаній по астрономіи. Такъ какъ задача, которую предложилъ себѣ авторъ, слишкомъ трудна и сложна, то немудрено, что разрѣшена она невполнѣ удовлетворительно. Особенно невыгодной является растянутость изложенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, обусловливаемая, вѣроятно, необходимостью объяснять элементы. Содержаніе разбито на главы: календарь, часы, мѣсто наблюденія, луна, звѣздное небо, астрономическая труба, таблицы, но, конечно, обо всемъ дано только самое общее понятіе.

Уэббъ. Астрономическіе объекты для обыкновенныхъ телескоповъ—переводъ пока нѣсколькихъ главъ извѣстной книжки *Webb'a Th. W. Celestial objects for common Telescopes* въ журналѣ «*Научное Обозрѣніе*»: 1895 г., № 16 и 17. (Солнце); № 45 (Меркурій), № 47 и 48 (Венера)—почтенное сочиненіе, но не вполнѣ оправдывающее свое заглавіе, такъ какъ тѣ астрономическія наблюденія, интересныя описанія которыхъ составляютъ главное содержаніе руководства, въ большинствѣ случаевъ были сдѣланы большими трубами, вслѣдствіе чего оно и не всегда, по нашему мнѣнію, можетъ быть полезнымъ любителю въ качествѣ практическаго пособія при наблюденіяхъ.

С. фонъ-Глазенаппъ. О наблюденіи перемѣнныхъ звѣздъ—въ «Извѣстіяхъ Русскаго Астрономическаго Общества». Вып. I.

— Правила для приближенной установки экваторіаловъ. «Изв. Русскаго Астроном. Общества». Вып. IV.

Укажемъ также свою книжку:

К. Покровскій. Путеводитель по небу—практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой—съ 4-мя картами звѣзднаго неба, картой луны, съ 64 рисунками. Москва, 1894 г. Ц. 2 руб., содержаніе которой состоитъ изъ главъ: астрономическая труба и общіе пріемы наблюденій; наблюденія невооруженнымъ глазомъ; Солнце; Планеты; Меркурій; Венера; Марсъ; Малыя

планеты; Юпитеръ; Сатурнъ; Уранъ и Нептунъ; Луна; затменія; зодіакальный свѣтъ; кометы; падающія звѣзды; звѣздное небо; двойныя звѣзды; перемѣнныя звѣзды; цвѣтныя звѣзды; звѣздныя скопленія; туманности; млечный путь; таблицы.

Насколько полезно это изданіе, судить, конечно, не намъ.

Календари. Такъ какъ ни въ какомъ руководствѣ нельзя перечислить и описать всѣхъ астрономическихъ явленій, изъ года въ годъ мѣняющихся и по времени и по виду, то астрономическій календарь является непремѣннымъ спутникомъ всякаго, кто слѣдитъ за небомъ и его жизнью.

Благодаря удачной въ общемъ попыткѣ Нижегородскаго Кружка Любителей Физики и Астрономіи, мы можемъ теперь обойтись въ бо́льшей части случаевъ безъ иностранныхъ изданій. Въ Русскомъ Астрономическомъ Календарѣ Нижегородскаго Кружка (изданіе Тихомирова, Москва 1896 г. Ц. 75 к.) мы найдемъ указанія на всѣ явленія, наблюденіе которыхъ доступно со скромными средствами любителя астрономіи. Здѣсь даны таблицы восхода и захода солнца, луны и большихъ планетъ, указаны явленія въ системѣ Юпитера, главнѣйшія покрытія звѣздъ луною, затменія, перечислены также всѣ предметы, которые можно наблюдать въ каждомъ мѣсяцѣ. Кромѣ всего этого, въ календарѣ масса приложеній въ видѣ статей практическаго и теоретическаго характера, различныхъ таблицъ и подвижной карты, на которой можно получить видъ неба для каждаго часа каждаго дня въ году.

Для лицъ, интересующихся наблюденіями перемѣнныхъ звѣздъ, необходимо имѣть подъ руками: *Annuaire pour l'an... publié par le bureau des longitudes*. Prix. 1 fr. 50 c.—изданіе очень полезное и въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ, несмотря на свою дешевизну, удивительно богато содержаніемъ—съ массой астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и статистическихъ таблицъ, съ популярно-научными статьями въ приложеніи.

Изъ болѣе спеціальныхъ эфемеридъ, которыя могутъ понадобиться читателю при рѣшеніи задачъ сферической и теоретической астрономіи, укажемъ:

The Nautical Almanac. Ц. 2½ шиллинга.

Connaissance des Temps, publiée par le bureau des longitudes pour l'an. Prix 4 francs.

Для изученія **сферической астрономіи**, т. е. той части астрономіи, гдѣ разсматривается вліяніе на положеніе свѣтила параллакса, аберраціи, прецессіи, нутаціи, рефракціи, могутъ служить:

Хандриковъ. Курсъ сферической астрономіи. Изд. 2. 1889. Ц. 3 р. 75 коп.

Brünow. Lehrbuch der sphärischen Astronomie; есть русскій переводъ полковника Буцкого, но нѣсколько тяжеловатый. Ц. 3 руб.—очень по-

чтенное руководство, въ которомъ найдемъ, кромѣ обычныхъ задачъ сферической астрономіи, также теорію интерполированія, способъ наименьшихъ квадратовъ, теорію астрономическихъ инструментовъ и общія задачи такъ называемой практической астрономіи.

Ковальскій. О затменіяхъ 1852 г. Казань. Ц. 1 руб.—очень рѣдкая, но интересная книжка. Графическій способъ почтеннаго ученаго для вычисленія покрытій звѣздъ луною изложенъ между прочимъ, въ Русскомъ Астрономическомъ Календарѣ Нижегородскаго Кружка Любителей Физики и Астрономіи на 1896 г.

Láska. Lehrbuch der sphärischen und theoretischen Astronomie und mathematischen Geographie. Nebst einer Sammlung gelöster und ungelöster Aufgaben... Preis 6. Mark. [Kleyers Encyklopädie].

По теоретической астрономіи, занимающейся опредѣленіемъ орбитъ небесныхъ тѣлъ (безъ возмущеній):

Цингеръ В. Я. Элементарное изложеніе теоріи эллиптическаго движенія. Москва, 1891. Ц. 60 коп.—оттискъ изъ IV тома Трудовъ Отдѣленія Физическихъ Наукъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Klinkerfues. Theoretische Astronomie. Ц. 12 марокъ.—полный, оригинальный въ нѣкоторыхъ частяхъ курсъ теоретической астрономіи.

Gauss. Theoria motus corporum 1809 г.—классическое основное сочиненіе, читается не легко.

— Нѣмецкій переводъ, von C. Haase. Theorie der Bewegung der Himmelskörper. 1865 г. съ интереснымъ приложеніемъ. Цѣна 14 марокъ 50 пф.

— Французское изданіе Dubois. Paris. 1864 г. Ц. 15 фр.

— На русскомъ—въ переводѣ студента Догеля. Москва, 1861 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Ганзенъ. Опредѣленіе планетныхъ орбитъ по тремъ наблюденіямъ. Перев. Бика. Москва. 1867. Ц. 50 к.

Oppolzer. Lehrbuch zur Bahnbestimmung der Kometen und Planeten. Первый изъ двухъ большихъ томовъ, 2-ое изданіе. Ц. 40 марокъ.—*Спеціальное* руководство для вычислителя, отличающееся полнотой изложенія съ подробными вычисленіями выбранныхъ примѣровъ и массой вспомогательныхъ таблицъ.

Souchon. Traité d'astronomie pratique. Paris. 1883 г. Ц. 15 фр.—изложеніе способовъ вычисленія, принятыхъ редакціями эфемеридъ Connaissance des Temps и The Nautical Almanac.

По небесной механикѣ:

Дж. Гершель. Очерки Астрономіи, пер. Драшусова, два тома, 3 р. 50 коп.—нѣсколько главъ II-го тома представляютъ прекрасное геометри-

ческое изслѣдованіе всѣхъ главныхъ неравенствъ въ движеніи планетъ и луны. обусловливаемыхъ взаимнымъ притяженіемъ небесныхъ тѣлъ.

Airy. Gravitation an elementary explanation of the principal perturbations in the solar system. London. 1834.

— На нѣмецкомъ два перевода: 1) Populäre physische Astronomie übers. von Littrow. 1839. Ц. 1 марка 20 пф 2) Die Gravitation—eine elementare Erklärung der hauptsächlichsten Störungen im Sonnensystem von... Airy. übersetzt von Prof. Dr. Rud. Hoffman. 1891 г. Ц. 3 марки.

— На русскомъ, переводъ съ перваго нѣмецкаго изданія Федорова. Популярная физическая астрономія. Сочиненіе Эри. Спб. 1847. Ц. 1 р. (антикварная рѣдкость).

Сочиненіе, подобное изслѣдованіямъ Гершеля, хотя менѣе блестящее, но болѣе полное; здѣсь мы найдемъ, между прочимъ, теорію спутниковъ Юпитера.

Лапласъ. Изложеніе системы міра, пер. Хотинскаго 1861 г. 3 р. 50 к. Книга 4-ая.

Всѣ три эти сочиненія полезны, а пожалуй и необходимы при изученіи спеціальныхъ аналитическихъ курсовъ по Небесной Механикѣ.

Изъ послѣднихъ укажемъ:

Cheyne. An elementary Treatise on the planetary Theory. London. 3 Ed. 1883. —Небольшая книжка, содержащая въ себѣ общую теорію возмущеній, *съ задачами*.

Хандриковъ. Очеркъ теоретической астрономіи. 1883. Ц. 3 р. 50 к.

Tisserand. Traité de Mécanique Céleste.

Tome I. Perturbations des planètes d'après la méthode de la variation des constantes arbitraires (Общая теорія возмущеній). 1889. Ц. 25 фр.

Tome II. Théorie de la figure des corps célestes et de leur mouvement de rotation. (Сюда, между прочимъ, входятъ изслѣдованія о либраціи луны, процессіи и нутаціи. 1891). Ц. 28 фр.

Tome III. Exposé de l'ensemble des théories relatives au mouvement de la Lune. 1894. Ц. 22 фр.

Tome IV. Perturbations des petites planètes d'après les méthodes de Cauchy, Hansen et Gylden.—Théorie des mouvements des satellites.— Ц. 28 фр.

Resal. Traité élémentaire de Mécanique Céleste. 2-ое изд. in 4°. 1884. Ц. 25 фр. полный курсъ, но много короче Tisserand'a.

Titjen. Specielle Störungen in Bezug auf Polarcoordinaten. Приложенія къ Astronomisches Berliner Jahrbuch 1877 года. Небольшая, но очень содержательная статейка, въ которой сопоставлены способы Брюнова, Ганзена и самого Титьена для вычисленія возмущеній кометъ и малыхъ планетъ.

Савичъ. О вычисленіи частныхъ возмущеній въ движеніи планетъ и

малыхъ планетъ. Замѣчанія и объясненія, относящіяся къ способу Ганзена и Титьена. Записки Импер. Академіи Наукъ. Томъ 47, стр. 1.— Интересная статья съ цѣнными замѣчаніями и указаніями.

Poinsot. Précession des Équinoxes — приложеніе къ Connaissance des Temps, 1858 года. Прекрасное геометрическое изслѣдованіе, требующее, однако, знанія высшей математики и аналитической механики. Предварительно слѣдуетъ также прочитать статью *Poinsot.* Théorie des cônes circulaires roulants. Journal de Mathématique de M. Liouville. Tome XVIII, pag. 41.

По практической астрономіи самостоятельныя занятія трудно осуществимы, такъ какъ точные [1]) астрономическіе инструменты стоятъ очень дорого. Но для тѣхъ, кто почему-либо хотѣлъ разобраться въ теоріи инструментовъ и составить себѣ представленіе о главныхъ задачахъ практической астрономіи, назовемъ:

Савичъ. Приложенія практической астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ. 2-е изд. 1868—71 г. Спб. Ц. 4 р. 75 к. Прекрасное руководство, переведенное два раза на нѣмецкій языкъ и, къ сожалѣнію, почти не встрѣчающееся въ продажѣ на русскомъ языкѣ. Въ немъ найдемъ теорію малыхъ инструментовъ: секстанта, универсальнаго и пассажнаго инструментовъ, а также способы наблюденій ими *съ массой цѣнныхъ практическихъ замѣчаній.*

Хандриковъ. Практическая астрономія. Кіевъ. Ц. 3 руб.—здѣсь, кромѣ малыхъ инструментовъ, разобранъ меридіанный кругъ и экваторіалъ.

Brünow. Указанная выше книга Lehrbuch der sphärischen Astronomie—полное, но *сжатое* изложеніе теоріи всѣхъ главнѣйшихъ астрономическихъ инструментовъ, кромѣ астрофизическихъ, *безъ рисунковъ.*

По геодезіи:

Болотовъ А. Геодезія или руководство къ изслѣдованію общаго вида земли, построенію картъ и производству тригонометрическихъ съемокъ и нивелировокъ. 2. Спб. 1845—49. Ц. 7 руб. 50 коп.—рѣдкое и хорошее руководство.

Бикъ. Курсъ низшей геодезіи—подробное руководство, три большихъ тома. Ц. I—2 р. 50 к., II—2 р. 50 к. и III—3 р.

Слуцкій Ѳ. Лекціи по высшей геодезіи 1894 г. Москва. Ц. 1 руб. 50 коп. — прекрасный теоретическій курсъ, проштудировавши который можно получить ясное представленіе о задачахъ высшей геодезіи и научномъ обоснованіи ихъ практическаго разрѣшенія.

Кларкъ А. Геодезія, пер. съ анг. Витковскаго. Спб. 1890. Ц. 2 р.— Обстоятельное, но сжатое по изложенію, оригинальное сочиненіе знаме-

---

[1]) Практическія руководства къ общимъ обозрѣніямъ неба указаны въ началѣ главы.

нитаго геодезиста. Содержаніе: I. Геодезическія работы (историческій очеркъ). II. Сферическая тригонометрія. III. Способъ наименьшихъ квадратовъ. IV. Теорія фигуры земли. V. Разстоянія, азимуты и треугольники на сфероидѣ. VI. Геодезическая линія. VII. Измѣреніе базисовъ. VIII. Инструменты и наблюденія. IX. Вычисленія тріангуляціи. X. Вычисленія широтъ и долготъ. XI. Высоты тригонометрическихъ пунктовъ. XII. Связь между геодезическими и астрономическими работами. XIII. Фигура земли—собственное изслѣдованіе автора съ результатами, считающимися въ настоящее время наилучшими. XIV. Маятники. Наконецъ, формулы для вычисленія широтъ, долготъ и азимутовъ и геодезическія таблицы.

По космогоніи.

Faye. Sur l'origine du Monde. Théories cosmogoniques des anciens et des modernes. 3. Edition. 1896. Ц. 6 фр.

— Русскій переводъ *Фэйе.* Происхожденіе міра. Изд. 2. 1895 г. Спб. Ц. 1 р. 35 к. съ добавленіемъ космогонической гипотезы К. Вольфа.

По исторіи астрономіи.

Wolf Rud. Geschichte der Astronomie Ц. 12 марокъ—полное.

Clerke A. Popular History of Astronomy during the nineteenth Century.

— Нѣмецкое изданіе *Maser.* Geschichte der Astronomie während des neunzehnten Jahrhunderts. Gemeinfasslich dargestellt von Clerke. Ц. 10 мар.

Изъ **журналовъ** можно указать:

Извѣстія Русскаго Астрономическаго Общества, обратившіяся съ 1896 года въ ежемѣсячное изданіе (исключаются только лѣтніе мѣсяцы іюнь, іюль и августъ). Цѣна 6 рублей.—Въ этомъ органѣ предполагаются какъ спеціальныя, такъ и общедоступныя статьи.

Himmel und Erde—прекрасный общедоступный журналъ, издаваемый берлинскимъ обществомъ популяризаціи естественныхъ наукъ (Urania), въ которомъ принимаютъ участіе извѣстные ученые. Кромѣ астрономіи, въ журналѣ встрѣчаются статьи по метеорологіи, физикѣ земного шара и иногда даже по біологіи. Не мало иллюстрацій и всѣ онѣ исполнены превосходно. 12 тетрадей. Цѣна за $^1/_4$ года 3 марки 60 пф.

Sirius. Серьезный популярный журналъ, почти исключительно посвященъ астрономіи. Изложеніе всегда сжатое, ясное и толковое. Много вниманія обыкновенно отдается лунѣ и вопросу объ измѣненіи на ея поверхности, благодаря тому, что редакторъ журнала Klein—извѣстный селенографъ. 12 тетрадей въ годъ. Цѣна 12 марокъ.

Mittheilungen der Vereinigung von Freunden der Astronomie und Kosmischen Physik. Redigiert von Prof. Dr. W. Foerster zu Berlin unter Mitwirkung von Herrn Oberlehrer Plassmann in Warendorf und Herrn Prof. Schleyer in Hannover. Preis für Jahrgang 6 mark. 10—12 не-

большихъ тетрадей въ годъ, въ которыхъ, между прочимъ, указываются впередъ на мѣсяцъ или на два астрономическія явленія для наблюденій.

Naturwissenschaftliche Rundschau. Wöchentliche Berichte über die Forschrifte auf dem Gesammtgebiete der Naturwissenschaften. Preis vierteljährlich 4 mark.—Всѣ только что появившіяся и сколько-нибудь интересныя астрономическія новости можно встрѣтить на страницахъ этого журнала. Кромѣ различныхъ отдѣльныхъ статей по астрономіи имѣется постоянный отдѣлъ: Astronomische Mitheilungen, которымъ завѣдуетъ извѣстный астрономъ Berberich.

Bulletin de la Societé Astronomique de France. Rev. mens. d'Astronomie de Met. et de Physik du globe—общедоступный журналъ, замѣнившій прекратившійся журналъ Фламмаріона L'Astronomie.

The Observatory a Monthly Review of Astronomy — 12 небольшихъ тетрадей съ дополнительнымъ номеромъ *Companion*, въ которомъ дается списокъ астрономическихъ явленій на годъ. Ц. 13 шиллинговъ—прекрасное, серьезное, но общедоступное изданіе.

V.

Для **спеціальнаго** знакомства съ различными отдѣльными болѣе крупными, но въ то-же время болѣе доступными для самостоятельнаго изученія вопросами астрономіи могутъ служить книги:

Secchi. Le Soleil 2-e edit. deux beaux volumes grand in 8° avec Atlas 1875—77. Ц. 30 фр.—прекрасное сочиненіе съ массой отличныхъ иллюстрацій, необычайно простое и ясное по изложенію, необходимое всякому, кто желаетъ познакомиться съ методами астрофизическихъ изслѣдованій.

— На нѣмецкомъ: Die Sonne—4 небольшихъ тома.

Joung. Le Soleil. Paris. 1883. Ц. 6 фр. — отличная общедоступная книжка.

Бѣлопольскій. Пятна на солнцѣ и ихъ движеніе, магистерская диссертація.

Г. Левицкій. О наблюденіи солнечныхъ пятенъ, способы наблюденій и вычисленій.

Изв. Р. Астр. Общ. В. V.

Koncoly. Handbuch fur Spectroscopiker im Cabinet und am Fernrohr. 1890 г. Ц. 18 марокъ—практическое руководство.

Sheiner. Die Spectralanalyse der Gestirne. Leipzig. 1890. Ц. 16 марокъ—основное руководство для желающихъ познакомиться съ теоріей и практикой спектроскопіи, а также съ тѣми результатами, которые добыты въ этой области до начала текущаго десятилѣтія.

Janssen. Discours sur les méthodes en Astronomie physique. (Les

Lunettes, l'Analyse spectrale et la Photographie). Annuaire pour l'an 1883 publié par Bureau des longitudes.

Moucher. La Photographie astronomique à l'observatoire de Paris et la Carte de Ciel. Ann. pour l'an 1887 p. par le b. d. long.

Cornu. Sur la méthode Doppler-Fizeau, permettant la détermination par l'analyse spectrale de la vitesse des astres dans la direction du rayon visuel. Ann. p. l'an 1891. p. par le bur. d. long.

Витковскій. Успѣхи астрофотографіи. Изв. Русскаго Астр. Общества Вып. III,—очень содержательная и интересная статья, въ которой авторъ знакомитъ насъ съ удивительными открытіями послѣднихъ лѣтъ въ области физической астрономіи (по преимуществу съ трудами обсерваторіи Гарвардской коллегіи въ Америкѣ).

Neison E. Der Mond und die Beschaffenheit und Gestaltung seiner Oberfläche. Deutsche Ausgabe. Zweite Auflage. Nebst einem Atlas um 26 Karten und 5 Tafeln in Farben-druck. 1881. Ц. 18 марокъ.

J. Nasmyth und J. Carpenter. Der Mond, betrachtet als Planet, Welt und Trabant. Autorisirte deutsche Ausgabe mit Erläuterungen und Zusätzen von Dr. H. J. Klein. 3 Aufl. Hamburg 1883. 10 марокъ — съ красивыми таблицами лунныхъ ландшафтовъ, которыя представляютъ собой фотографическіе снимки съ точной модели лунной поверхности, исполненной на основаніи тщательныхъ наблюденій въ большія трубы. Пока не издано еще достаточнаго числа настоящихъ фотографій луны, эти таблицы являются лучшими иллюстраціями къ трактату о лунѣ.

Klein H. Этюды о лунной поверхности въ вышеуказанныхъ изданіяхъ: 1) Anleitung zur Durchmusterung des Himmels и 2) Führer am Sternenhimmel.

Flammarion. La planète Mars et ses conditions d'habitabilite. Synthése générale de toutes les observations avec 580 dessins télescopiques et 23 cartes. 1892 г. Ц. 12 фр.

Schiaparelli. Entwurf einer astronomishen Theorie der Sternschnuppen. Deutsche Ausgabe von. G. v. Boguslawski. Stettin 1881. Ц 7 мар.

I. Клейберъ. Астрономическая теорія падающихъ звѣздъ. Спб. 1884. Ц. 1 р. 50 коп.

— Опредѣленіе орбитъ метеорныхъ потоковъ. 1891.

Длинный рядъ изслѣдованій *о падающихъ звѣздахъ и періодическихъ кометахъ Θ. Бредихина*, разработавшаго въ деталяхъ теорію этихъ явленій—Annales de l'observatoire de Moscou, Bulletin de la Societé Impériale des Naturalistes do Moscou, различныя изданія Императорской Петербургской Академіи Наукъ и болѣе общая статья «Теорія выдѣленія метеоровъ изъ кометъ» въ «Изв. Русскаго Астр. Общества». Вып. I.

Интересны и важны изслѣдованія Бредихина *о кометахъ* вообще и развитіи кометныхъ хвостовъ, доставившія автору громкую извѣстность.

Кромѣ указанныхъ изданій, см. также Astronomische Nachrichten, Московскій Математическій Сборникъ, Memoire della Societa degli Spettroscopisti Italiani, и отдѣльныя разсужденія.

Crossley, Gledhill and Wilson A. Handbook of double Stars. London. 1879. Ц. 21 шиллингъ съ каталогомъ двойныхъ звѣздъ, массой измѣреній, собранныхъ изъ различныхъ источниковъ и съ указателемъ литературы о двойныхъ звѣздахъ.

Flammarion. Catalogue des étoiles doubles et multiples en mouvement relatif certain comprenant toutes les observations faites sur chaque couple depuis sa découverte et ses résultats conclus de l'étude des mouvements. 1878. Ц. 8 фр.

Это два изданія, нѣсколько устарѣвшія, но въ общемъ полезныя, читателю который не имѣетъ въ распоряженіи спеціальной библіотеки, но желаетъ тѣмъ не менѣе практически познакомиться съ вычисленіями орбитъ двойныхъ звѣздъ.

Виноградскій. Объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ.— Изъ Извѣстій Казанскаго университета. 1872 г. Т. VIII, стр. 117 — Подробное изложеніе способа Гершеля и вычисленіе одной орбиты.

Ковальскій. Отзывъ о вышеназванной диссертаціи Виноградскаго.— Изъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго университета. 1873 г. XL. Отд. II, стр. 329. Небольшая, но очень цѣнная статейка, въ которой авторъ публиковалъ свои знаменитыя формулы для вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ.

Glasenapp. Orbites des étoiles doubles du Catalog de Poulkowa. St.-Petersbourg. 1889.—Здѣсь авторъ предлагаетъ свой изящный способъ, представляющій собой комбинацію графическаго метода съ формулами Ковальскаго.

Г. Левицкій. Объ опредѣленіи орбитъ двойныхъ звѣздъ. Спб. 1879.— Авторъ задался спеціальной цѣлью *сравнить* различные способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ и дѣлаетъ строго критическій обзоръ многихъ изъ нихъ (Савари, Энке, Зеелигера, Клинкерфюса, Гершеля). Интересны замѣчанія автора относительно изслѣдованія личныхъ ошибокъ наблюдателей и тѣ практическіе совѣты, которые онъ предлагаетъ вычислителямъ.

Кононовичъ. Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. Одесса. 1876 г.—Одно простое изложеніе безъ всякихъ критическихъ замѣчаній способовъ Энке и сущности способовъ Савари, Виллярсо и Клинкерфюса.

Шевелевъ. О двойныхъ звѣздахъ. Москва. 1894 г. Ц. 30 к.—Историческій очеркъ, общія понятія и изложеніе сущности изслѣдованія двойныхъ звѣздъ, какъ со стороны наблюдательной, такъ и со стороны вычисленій. Между прочимъ, здѣсь найдемъ указанія на изслѣдованія личныхъ ошибокъ, имѣющихъ большое значеніе при наблюденіяхъ двой-

ныхъ звѣздъ, но значеніе, приписываемое авторомъ результату О. Струве, полученному по измѣреніямъ искусственныхъ звѣздъ, не заслуживаетъ довѣрія.

W. Wislicenus. Astronomische Chronologie. Ein Hülfsbuch für Historiker, Archäologen und Astronomen. Leipzig. 1895 г., небольшая книжка, въ которой изложены простые способы для вычисленій по спеціальнымъ астрономическимъ таблицамъ положеній небесныхъ тѣлъ и различныхъ астрономическихъ явленій для каждой даты какого угодно календаря.

Наконецъ изъ справочныхъ книгъ полезно имѣть подъ руками:

Rud. Wolf'a. Handbuch der Astronomie, ihrer Geschichte und Litteratur. 2 тома Zurich. 1891—93. Ц. 32 марки.—Очень почтенное изданіе, въ которомъ по каждому астрономическому вопросу найдемъ краткое изложеніе современнаго его состоянія, историческій очеркъ и массу библіографическихъ указаній.

Пособіемъ при большихъ вычисленіяхъ по способу наименьшихъ квадратовъ можетъ служить:

Маевскій. Изложеніе способа наименьшихъ квадратовъ, гдѣ мы найдемъ подробныя схемы вычисленій.

Вотъ списокъ руководствъ, который мы рѣшаемся предложить лицамъ, занимающимся самостоятельно астрономіей. Въ поясненіе къ нему скажемъ еще только нѣсколько словъ.

Такъ-какъ нѣтъ никакой возможности сдѣлать оцѣнку всѣмъ астрономическимъ книжкахъ, обращающимся въ публикѣ, то мы заботились главнымъ образомъ только о томъ, чтобы указать пособія по всѣмъ главнѣйшимъ отдѣламъ астрономіи, и выбрали изъ пособій наиболѣе пригодныя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы называли нѣсколько книгъ приблизительно одного содержанія, мы старались отмѣтить также преимущества и недостатки каждой. При сравнительной бѣдности русской астрономической литературы намъ часто приходилось рекомендовать иностранныя изданія, но всякій разъ, когда на русскомъ языкѣ оказывался соотвѣтственный переводъ, мы указывали и его, дѣлая оцѣнку его достоинствъ.

Больше книгъ указано по такъ называемой описательной астрономіи, что обусловливается двумя причинами. Во-первыхъ, самъ предметъ описательной астрономіи очень обширенъ—описательная астрономія обнимаетъ собственно всѣ отдѣлы астрономіи, а во-вторыхъ, характеръ изложенія въ этомъ случаѣ можетъ быть болѣе разнообразенъ, и мы обязаны были обезпечить читателю болѣе широкій выборъ въ зависимости отъ его вкусовъ и тѣхъ внѣшнихъ условій, при которыхъ ему приходится заниматься. Что касается рѣдкихъ книгъ, то мы называли ихъ ради ихъ особеннаго достоинства на той случай, если-бы кто-нибудь изъ читателей имѣлъ доступъ въ хорошую спеціальную библіотеку.

Въ нашъ списокъ вошло нѣсколько большихъ университетскихъ курсовъ и нѣсколько спеціальныхъ сочиненій. Такъ-какъ каждый разъ мы присоединяли соотвѣтственныя примѣчанія, то надѣемся, что читатель не будетъ вовлеченъ въ ошибки относительно ихъ содержанія, а быть можетъ кому-нибудь они и пригодятся.

К. Покровскій.

Юрьевъ.
Астрономическая обсерваторія.

---

* * *

Цвѣты пестрѣли надъ водою,
Цвѣты смотрѣли въ ручеекъ,
А я безжалостной рукою
Сорвалъ ихъ влажный стебелекъ.

Теперь они, въ мечтахъ о дикой
Свободѣ, рощѣ и веснѣ,
Склоняя вѣнчикъ златоликій
Въ стаканѣ вянутъ на окнѣ.

Цвѣты,—и я печалюсь съ вами,
И мнѣ доступны ваши сны,—
И мнѣ не возвратить съ годами
Моей свободы и весны.

К. Фофановъ.

Молодые годы П. И. Чайковскаго *)

Начало музыкальной дѣятельности.

Характернѣйшая черта перерожденія Чайковскаго изъ элегантнаго чиновника и свѣтскаго повѣсы въ труженика музыкальнаго искусства, заключается въ томъ, что при всей своей быстротѣ и безповоротности, оно не носитъ никакихъ признаковъ увлеченія, ничего бурнаго и порывистаго; ни въ одномъ поступкѣ его не видно упоенія мечтой о будущей славѣ, онъ не дѣлаетъ ни одного рѣзкаго движенія, не совершаетъ никакого насилія надъ существующимъ порядкомъ вещей; всякій шагъ его на новомъ поприщѣ имѣетъ отпечатокъ чего-то давно обдуманнаго и непреклонно рѣшеннаго, чего-то сдержаннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь непоколебимаго, что окружающимъ невольно сообщается его спокойная увѣренность, и всѣ препятствія, которыя онъ могъ встрѣтить на пути, точно сами собой расходятся и все шире и шире разступаются, все менѣе и менѣе давая поводъ для борьбы и насилія.

Вся патетическая сторона этихъ двухъ лѣтъ жизни Петра Ильича, исторія его внутренней борьбы, смѣна сомнѣній восторженной вѣрой въ свои силы, періоды отчаянія и бодрости духа навсегда останутся для насъ скрыты, не потому, что письменный матеріалъ этого времени весьма скуденъ, а потому, что самъ Петръ Ильичъ, ревниво оберегая свою самостоятельность въ этомъ дѣлѣ, никому не повѣряя ничего, не нуждался ни въ чьей поддержкѣ, ни въ чьемъ совѣтѣ, все переживалъ одинъ въ себѣ и выступалъ передъ окружающими простой и ясный, какъ прежде, съ рѣшеніемъ тѣмъ болѣе непоколебимымъ, чѣмъ труднѣе оно ему досталось. Въ воспоминаніяхъ близкихъ къ нему въ эту эпоху людей врядъ-ли найдется хоть одно, которое давало-бы поводъ драматизировать его положеніе. Но чѣмъ будничнѣе, трезвѣе и постепеннѣе былъ процессъ перерожденія, тѣмъ онъ былъ безповоротнѣе, радикальнѣе и прочнѣе.

*) См. «Сѣверный Вѣстн.». 1897 г., №№ 1, 2, 4, 5.

Документальныя свидѣтельства этого перелома жизни Петра Ильича сводятся къ четыремъ письмамъ къ сестрѣ, соотвѣтствующимъ четыремъ стадіямъ происшедшей метаморфозы. Они рѣзко и ярко отмѣчаютъ четыре момента того, что въ дѣйствительности на протяженіи двухъ лѣтъ происходило съ неуловимой постепенностью и послѣдовательностью.

Въ первомъ изъ этихъ писемъ, отъ 23 октября 1861 года, въ отрывкахъ уже извѣстномъ читателю, Петръ Ильичъ, даже не въ текстѣ, а въ постскриптумѣ, послѣ перечисленія новыхъ знакомствъ и свѣтскихъ новостей, возвѣщаетъ сестрѣ о началѣ серьезныхъ занятій музыкою. Соотвѣтственно съ этимъ, въ данный моментъ, въ дѣйствительности, они только мелкій придатокъ въ существованіи этого свѣтскаго молодого человѣка и чиновника. Одновременно съ теоріей музыки, Чайковскій беретъ уроки итальянскаго языка у нѣкоего Дизени [1]), и также какъ эти уроки, хожденіе на лекціи Зарембы, во дворецъ кн. Елены Павловны, только мелкія подробности его жизни, не болѣе. Существенный, серьезный интересъ сосредоточенъ въ департаментѣ, а большая часть времени принадлежитъ свѣту.

Второе письмо, всего черезъ мѣсяцъ съ лишнимъ послѣ перваго, отмѣчаетъ уже перемѣну положенія. Музыкальныя занятія утрачиваютъ характеръ чего-то случайнаго и неважнаго. Хотя служебныя дѣла все-таки на первомъ планѣ, но музыка становится помѣхой для вполнѣ нормальной карьеры. Ради послѣдней самое правильное и выгодное было-бы принять теперь мѣсто въ провинціи, но уроки Зарембы *мѣшаютъ* этому: приходится уже чѣмъ-то жертвовать для музыки. 4 декабря 1861 г. Петръ Ильичъ пишетъ: «Дѣла мои идутъ по старому. На службѣ надѣюсь получить въ скоромъ времени мѣсто чиновника особыхъ порученій при министерствѣ. Жалованья на двадцать рублей сер. больше и немного дѣла. Дай Богъ, чтобы это устроилось! Что касается до провинціи, то едвали я изъ Петербурга могу теперь выбраться; я писалъ тебѣ, кажется, что началъ заниматься теоріей музыки и очень успѣшно; согласись, что съ моимъ изряднымъ талантомъ (надѣюсь, что ты это не примешь за хвастовство) было-бы неблаговидно не попробовать счастья на этомъ поприщѣ. Я боюсь только за безхарактерность; пожалуй лѣнь возьметъ свое и я не выдержу; если-же напротивъ, то обѣщаюсь тебѣ сдѣлаться *чѣмъ-нибудь*. Ты знаешь, что во мнѣ есть силы и способности, но я боленъ тою болѣзнью, которая называется *обломовщиной* и если не восторжествую надъ нею, то конечно, легко могу погибнуть. Къ счастью время еще не совсѣмъ ушло!» Затѣмъ, какъ и въ предъидущемъ письмѣ отводится значительная часть его на сообщеніе салонныхъ извѣстій [2]).

[1]) Впослѣдствіи режиссера Императорской балетной труппы въ Петербургѣ.

[2]) Ниже Г. А. Ларошъ говоритъ о переломѣ, происшедшемъ въ характерѣ за-

Восемь мѣсяцевъ, отдѣляющихъ это письмо отъ слѣдующаго, Петръ Ильичъ посвятилъ на то, чтобы опровергнуть на дѣлѣ самообвиненіе въ «обломовщинѣ» и доказать «что время еще не ушло».

Обращаясь къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ, я могу отнести къ этой эпохѣ два поразившія меня открытія. Во-первыхъ, что братъ Петръ и трудъ—два понятія вполнѣ уживающіяся, и во-вторыхъ, что, кромѣ музыки пріятной и интересной, существуетъ еще какая-то необычайно непріятная и скучная, которая гораздо важнѣе первой. Отлично помню я упорное, по нѣсколько часовъ подрядъ, играніе братомъ не оперъ и не благозвучныхъ пьесъ, что я такъ любилъ, а какихъ-то отвратительныхъ, недоступныхъ моему пониманію фугъ и прелюдій. Настойчивость его въ этомъ случаѣ повергала меня въ такое-же недоумѣніе, причиняло такую-же досаду, какъ и корпѣніе его надъ нотной бумагой долгими часами, которые по моимъ тогдашнимъ понятіямъ можно было провести гораздо пріятнѣе въ болтовнѣ и гуляньѣ. Удивленію моему не было границъ, когда онъ объяснилъ мнѣ, что «рѣшаетъ задачи». Странно и дико мнѣ показалось, что такая милая забава, какъ музыка, имѣетъ что-то общее съ постылой математикой. Одновременно съ этимъ узналъ я, что Бетховенъ совсѣмъ не такой скучнякъ, какъ я думалъ, потому что симфоніи его, которыя Петя сталъ разыгрывать въ четыре руки съ разными товарищами [1]) по курсамъ Михайловскаго дворца, не только нравились, но одна изъ нихъ, пятая, прямо восхищала меня. Въ образѣ жизни Петра Ильича тоже начала чувствоваться перемѣна. Изъ свѣтскихъ знакомыхъ онъ остался вѣренъ только старымъ друзьямъ, Апухтину и Адамову, изъ остальныхъ-же сталъ ходить только къ такимъ, которые имѣли какое-нибудь отношеніе къ музыкѣ. Словомъ, послѣдняя замѣтно все болѣе и болѣе заполняла его времяпровожденіе. Кромѣ уроковъ и приготовленія къ нимъ, онъ началъ тратить много часовъ на знакомство съ твореніями классиковъ, но служба всетаки оставалась главнымъ серьезнымъ интересомъ существованія. Мало того, лѣтомъ 1862 года, по его собственнымъ неоднократнымъ поминаніямъ, вызвала, какъ-бы на прощаніе, совершенно исключительное рвеніе. Никогда онъ не работалъ такъ усердно и ретиво какъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ 1862 года. Объясняется это тѣмъ, что въ Департаментѣ предстояла вакансія столоначальника и Петръ Ильичъ имѣлъ всѣ права на полученіе этого мѣста.

нятій музыкой въ 1861—62 году у Зарембы, подъ вліяніемъ ласковыхъ увѣщаній послѣдняго. До этого лѣнивый и небрежный Петръ Ильичъ началъ усердно работать до конца. Увѣренность, съ которой онъ въ вышеприведенной выдержкѣ говоритъ о своихъ способностяхъ и жалуется на лѣнь, заставляетъ меня предположить, что разговоръ съ Зарембой произошелъ около этого времени.

[1]) Изъ нихъ я могу назвать только Боронецкаго, тоже правовѣда бывшаго. Онъ былъ скрипачъ, ученикъ Венявскаго, но тоже могъ хорошо разбирать на фортепіано.

оставалось только проявить передъ начальствомъ свою годность—и вотъ вмѣсто того, чтобы по примѣру прошлыхъ лѣтъ почти каждый день ѣздить на дачу, честолюбивый помощникъ столоначальника сталъ позволять себѣ дѣлать это только по праздникамъ; по буднямъ-же онъ не только усердствовалъ на Малой Садовой, но приносилъ работу на домъ и писалъ доклады по ночамъ. Но все это оказалось ни къ чему. Петра Ильича «обошли» назначеніемъ и вакансія выпала на долю другому. Обидѣ и досадѣ его не было предѣловъ и я не боюсь высказать предположеніе, что эта неудача могла способствовать рѣзкому повороту его въ сторону музыкальной карьеры; послѣднія нити, привязывавшія его къ чиновничеству, порвались съ охлажденіемъ его рвенія по случаю оказанной несправедливости. Здѣсь-же слѣдуетъ отмѣтить семейныя событія, оказавшіяся не безъ вліянія на складъ жизни Петра Ильича: Елизавета Андреевна Шобертъ пріобрѣла частный пансіонъ (нѣкой г-жи Дюливье) и разъѣхалась съ Ильей Петровичемъ; кромѣ того, Николай Ильичъ служилъ въ провинціи, Ипполитъ-же находился въ плаваніи, — такъ что семья Чайковскихъ въ 1862—63 году свелась къ четыремъ членамъ: отцу, сыну Петру и двумъ близнецамъ. Слѣдствіемъ того было еще тѣснѣйшее сближеніе трехъ послѣднихъ. Нѣкоторыя заботы о младшихъ братьяхъ, лежавшія на обязанности тетушки, теперь окончательно перешли къ Петру Ильичу и онъ сталъ главнымъ и единственнымъ ихъ руководителемъ и попечителемъ.

Въ третьей стадіи, соотвѣтствующей третьему письму къ сестрѣ отъ 10 сентября 1862 года, Чайковскій является поэтому уже совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ восемь мѣсяцевъ до этого. Служба окончательно отошла на задній планъ; музыка, какъ его главная спеціальность и главный интересъ жизни, была признана и имъ, и окружающими.

«Я поступилъ во вновь открывшуюся консерваторію,—говоритъ онъ,— и курсъ въ ней начинается надняхъ. Въ прошломъ году, какъ тебѣ извѣстно, я очень много занимался теоріею музыки и теперь рѣшительно убѣдился, что рано или поздно промѣняю службу на музыку. Не подумай, что я воображаю сдѣлаться великимъ артистомъ — я просто хочу только дѣлать то, къ чему меня влечетъ призваніе. Буду-ли я знаменитый композиторъ или бѣдный учитель, но совѣсть моя будетъ покойна и я не буду имѣть тяжкаго права роптать на судьбу и людей. Службу я конечно не брошу до тѣхъ поръ, пока не буду окончательно увѣренъ въ томъ, что я артистъ, а не чиновникъ».

О свѣтскихъ знакомствахъ и новостяхъ въ этомъ большомъ письмѣ нѣтъ ужъ ни слова. «Обѣдаю каждый день дома, по вечерамъ довольно часто бываемъ въ театрѣ (русскомъ) или играемъ въ карты». Но вскорѣ и на театръ и на карты уже нѣтъ времени. Занятія музыкой не ограничиваются уроками два раза въ недѣлю и отбираютъ почти всѣ будни.

По праздникамъ-же и канунамъ праздниковъ Петръ Ильичъ весь отдаетъ себя обществу близнецовъ, приходящихъ въ отпускъ изъ Училища правовѣдѣнія, такъ-что, не имѣя времени на визиты, званые обѣды и вечера, онъ мало-по-малу совсѣмъ отстаетъ отъ салонной жизни. Къ тому-же, вмѣсто свѣтскихъ людей консерваторія знакомитъ его съ новымъ міромъ музыкантовъ-спеціалистовъ и если у него оказывается свободное время, онъ отдаетъ его уже имъ.

Предоставляя ниже Г. А. Ларошу говорить объ отношеніяхъ Петра Ильича въ этой средѣ, я долженъ отмѣтить здѣсь событіе, имѣвшее огромное значеніе въ его музыкальной жизни, а именно—знакомство съ авторомъ слѣдующей главы.

Германъ Августовичъ Ларошъ родился въ Петербургѣ 13-го мая 1845 года. Отецъ его, гановерецъ по происхожденію, былъ преподавателемъ французскаго языка въ теченіи долгихъ лѣтъ сначала въ школѣ Анненской церкви, а потомъ въ третьей петербургской гимназіи. Мать его, Софья Федоровна, рожденная Фредерици, тоже всю жизнь была педагогомъ, то въ качествѣ содержательницы пансіона, то учительницы, то гувернантки. Чтобы судить, въ какой степени хорошо она была подготовлена къ этой дѣятельности, достаточно сказать, что сынъ ея своимъ основательнымъ знаніемъ четырехъ языковъ (русскаго, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго) и всѣмъ первоначальнымъ образованіемъ обязанъ исключительно ей одной. Никакихъ другихъ наставниковъ и учителей (за единственнымъ исключеніемъ математики) Германъ Августовичъ не имѣлъ никогда и составляетъ рѣдкое явленіе человѣка не бывшаго и дня въ какомъ-либо учебномъ заведеніи до поступленія въ консерваторію для спеціальнаго изученія музыки. Ребенокъ онъ былъ слабый, болѣзненный, нуждающійся въ постоянномъ уходѣ. Недостатка въ таковомъ не было. Съ самаго ранняго дѣтства онъ всецѣло принадлежалъ одной матери и до пятнадцати-лѣтняго возраста былъ съ ней не разлученъ, сопровождая ее повсюду въ многотрудной, скитальческой и неблагодарной дѣятельности частнаго педагога. Умственныя способности мальчика, главнымъ-же образомъ память, заботами Софьи Θеодоровны и вслѣдствіе исключительныхъ условій жизни, о которыхъ рѣчь впереди, развивались быстро и роскошно, нѣсколько въ ущербъ физическому состоянію. Музыкальный талантъ Германа Августовича сказался и обратилъ на себя вниманіе окружающихъ чрезвычайно рано. Десяти лѣтъ уже маленькій Ларошъ имѣлъ случай слышать увертюру и маршъ своего сочиненія, исполненными хотя небольшимъ (всего 20 человѣкъ), но все-же оркестромъ, состоявшимъ изъ дворовыхъ князя Волконскаго въ г. Зарайскѣ. Въ этомъ-же возрастѣ онъ получилъ въ подарокъ «Элементарную теорію музыки» Маркса въ переводѣ Лемоха и «Учебникъ гармоніи» Арнольда. Вскорѣ обѣ эти книжки онъ выучилъ

чуть ни наизусть, но конечно, основательныхъ знаній отъ этого не пріобрѣлъ потому-что изучалъ ихъ безъ всякой посторонней помощи. Здѣсь надо сказать, что Германъ Августовичъ, обязанный общеобразовательными знаніями матери, во всѣхъ остальныхъ своихъ знаніяхъ, давшихъ ему репутацію одного изъ образованнѣйшихъ людей, также какъ и въ музыкальной подготовкѣ до 1860 года, былъ обязанъ самому себѣ. Дѣло въ томъ, что Софья Өеодоровна могла удѣлять на занятія съ сыномъ только досугъ отъ обязательныхъ, ради насущнаго хлѣба уроковъ съ другими учениками, поэтому въ теченіи дня малое количество часовъ дѣлила съ сыномъ; большую-же часть времени мальчикъ, а потомъ юноша былъ предоставленъ самъ себѣ со строгимъ запретомъ не выходить изъ дому безъ провожатаго. Вслѣдствіе этого знакомствъ со сверстниками Ларошъ не имѣлъ и долгими часами, оставаясь одинъ, предавался усердно занятіямъ музыкой, композиціи и чтенію, какъ музыкальному такъ и словесному. Послѣднее благодаря знанію языковъ было очень разнообразно и обширно. Только въ 1860 году началъ онъ систематическое изученіе музыки у Дюбюка, въ Москвѣ. Первоначально Германъ Августовичъ надѣялся сдѣлаться виртуозомъ, но профессоръ разочаровалъ его въ этомъ отношеніи: призналъ его руки негодными для фортепіанной игры и обратилъ главное вниманіе на его композиторскій талантъ, заставляя по образцамъ Гайдна, Моцарта и Баха писать сонаты, квартеты и фуги. Одновременно съ этимъ въ теченіи 1860—61 года до осени 1862 г. знакомство съ музыкальной литературой расширялось во-первыхъ, благодаря болѣе частому чѣмъ прежде посѣщенію концертовъ, а во-вторыхъ, благодаря просвѣщенному любителю Ф. В. Перлову, съ которымъ Ларошъ переигралъ множество классическихъ произведеній Моцарта и Гайдна. Такимъ образомъ въ одинъ сезонъ музыкальная подготовка молодого человѣка сдѣлала огромные шаги впередъ и лѣтомъ 1861 года онъ могъ свободно одинъ изучать «Traité de contrepoint et de fugue» Керубини, причемъ писать двухъ и трехголосные контрапункты составляло для него большое удовольствіе. Въ это-же лѣто онъ сочинилъ уже безъ всякаго образца квартетъ. Съ этимъ квартетомъ познакомился главный помощникъ А. Г. Рубинштейна въ дѣлѣ созданія петербургской консерваторіи, В. А. Кологривовъ. Ему очень понравилось это сочиненіе и черезъ третье лицо онъ далъ знать Ларошу, что поступленіе такого ученика, какъ онъ, въ консерваторію очень желательно. Такъ что осенью 1862 г., когда Ларошъ поступилъ въ консерваторію, онъ былъ уже готовый музыкантъ, стоявшій головой выше большинства своихъ товарищей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ молодой человѣкъ, свободно владѣвшій четырьмя языками и необычайной для его лѣтъ начитанностью. Образованіе его можетъ быть отчасти страдало не систематичностью, но то многое, что онъ зналъ, зналъ онъ солидно.

Первая встрѣча Чайковскаго и Лароша произошла въ началѣ октября 1862 г., въ консерваторіи, во время класса профессора фортепіанной игры Герке. Они сейчасъ-же разговорились; Герману Августовичу было тогда всего 17 лѣтъ; наружность его пожалуй не отличалась моложавостью, но во всей фигурѣ и въ пріемахъ проглядывала неопытность и наивность юноши, до шестнадцати-лѣтняго возраста незнавшаго никакой тѣни самостоятельности и это очень молодило его. Сочетаніе манеръ робкаго, неловкаго и хорошо воспитаннаго папеньки-мальчика съ проявленіемъ серьезности направленія, солидности подготовки и учености неотразимо подѣйствовала на Петра Ильича. Онъ сразу почувствовалъ и интересъ, и уваженіе, и необыкновенную симпатію къ этому оригинальному молодому человѣку, а когда послѣдній въ первой-же бесѣдѣ обнаружилъ кромѣ зрѣлости убѣжденій въ искусствѣ и рѣдкое остроуміе, то Петръ Ильичъ сразу былъ очарованъ и съ этого дня сдружился съ нимъ на всю жизнь. Значеніе этого сближенія въ существованіи обоихъ друзей было очень велико. Ниже изъ разсказа самого Германа Августовича читатель увидитъ, какую роль игралъ Чайковскій хотя-бы въ избраніи имъ поприща музыкальнаго критика, что-же касается до роли Лароша въ жизни нашего композитора, то далѣе она выяснится и много разъ еще будетъ возвращаться къ его личности. Въ занимающую-же насъ теперь эпоху результатъ этой новой дружбы былъ троякій. Во-первыхъ, Ларошъ несравненно болѣе начитанный въ музыкальномъ отношеніи, сдѣлался какъ-бы неофиціальнымъ руководителемъ Петра Ильича въ ознакомленіи съ музыкальной литературой; во-вторыхъ, первымъ и по хронологіи, и по довѣрію, которое съумѣлъ внушить,—критикомъ ученическихъ произведеній Чайковскаго, и, въ третьихъ, самымъ любимымъ собесѣдникомъ и товарищемъ досуговъ отъ занятій музыкой. Многосторонность интересовъ, знаній, чуткость воспріятія, веселость и остроуміе Лароша дѣлали его общество и поучительнымъ и пріятнымъ, а житейская неопытность его и наивность въ обращеніи съ людьми и веселили, и трогали Петра Ильича, вызывая покровительственное отношеніе къ новому другу во всемъ, что касалось практическихъ вопросовъ существованія.

Можно сказать, что это сближеніе разжаловало всѣ прежнія «дружественныя» связи Петра Ильича въ «пріятельскія». Настоящимъ повѣреннымъ самыхъ глубокихъ и сильныхъ интересовъ жизни его какъ музыкальнаго художника, а потомъ и человѣка сдѣлался Ларошъ. Петръ Ильичъ попрежнему любилъ общество и Адамова, и Апухтина и Пиччіоли, но выборъ музыкальной спеціальности положилъ между ними цѣлую гору интересовъ, которые у нихъ уже не могли быть общи. Настоящимъ другомъ могъ быть въ эту пору только музыкантъ. Ларошъ и сдѣлался имъ.

Не смотря на музыкальныя занятія, хожденіе на службу все еще родолжалось, но постепенно возраставшая серьезность первыхъ отодви-

гала все далѣе и далѣе на задній планъ интересы департамента, пока, наконецъ, въ началѣ 1863 года Петръ Ильичъ не рѣшилъ окончательно и безвозвратно посвятить себя музыкѣ [1]).

До какой степени твердо и непоколебимо было тогда рѣшеніе Петра Ильича покончить съ прошлымъ и идти на встрѣчу всякимъ матеріальнымъ невзгодамъ ради служенія своему искусству, видно изъ того, съ какимъ спокойствіемъ онъ отнесся къ перемѣнамъ, ухудшившимъ, какъ разъ въ это время, денежное положеніе Ильи Петровича.

Потерявъ свой капиталъ въ 1858 году, Илья Петровичъ не хотѣлъ помириться съ этимъ грустнымъ фактомъ безъ борьбы. Съ г-жи Я. получить было нечего: она была несостоятельна. Но у нея, въ свою очередь, былъ процессъ съ г-жею Б. и возстановленіе средствъ Ильи Петровича зависѣло отъ выигрыша этого процесса. Въ немъ было много шансовъ на сторонѣ г-жи Я. и потому Илья Петровичъ со свойственнымъ ему оптимизмомъ съ 1858 г. по 1862 г. не переставалъ надѣяться на возвращеніе утраченнаго капитала и въ виду этого позволялъ себѣ дѣлать небольшіе долги. Но осенью 1862 года дѣла г-жи Я. и г-жи Б. въ гражданской палатѣ было проиграно первой; хотя оставалась еще надежда на сенатъ, но Илья Петровичъ понялъ, что попрежнему жить нельзя и надо, остановивъ увеличеніе долговъ, подумать объ ихъ уплатѣ. Кромѣ того, служба начала тяготить его вслѣдствіе неладовъ съ непосредственнымъ начальствомъ, и въ началѣ 1863 года онъ сталъ хлопотать объ отставкѣ. Перспектива въ матеріальномъ отношеніи была очень мрачная; приходилось начать расплату долговъ не изъ капитала, какъ онъ надѣялся прежде, а изъ пенсіи, которую получитъ, и поэтому сократить траты до послѣдней крайности. Случись это годомъ ранѣе, очень вѣроятно, что въ будущемъ композиторѣ избраніе новой дѣятельности пробудило-бы колебаніе и борьбу. Хотя богатъ онъ никогда не былъ, но все-же отецъ имѣлъ возможность дѣлать его существованіе обезпеченнымъ. Петръ Ильичъ имѣлъ квартиру, столъ, платье—даровые и жалованье изъ министерства могъ употреблять на прихоти, (но даже и здѣсь какъ мы это видѣли съ поѣздкой заграницу, Илья Петровичъ былъ въ

---

[1]) Хотя офиціальное отчисленіе отъ штатнаго мѣста и причисленіе къ министерству состоялось 1 мая 1863 г., сестрѣ-же онъ излагаетъ свое рѣшеніе 15 апрѣля того-же года, но что оно значительно предшествовало этому явствуетъ изъ того, что по его собственнымъ словамъ въ этомъ-же письмѣ—въ теченіи великаго поста его постоянно просили аккомпанировать въ различныхъ концертахъ, что два раза онъ даже появлялся на сценахъ Большого и Маріинскаго театра и что разъ былъ на музыкальномъ вечерѣ у В. К. Елены Павловны въ качествѣ аккомпаніатора, за что получилъ 20 р. Все это было-бы совершенно невозможно, если-бы онъ въ это время продолжалъ упорствовать въ чиновнической карьерѣ: какъ извѣстно, лицамъ служащимъ въ казенныхъ вѣдомствахъ появляться публично на подмосткахъ, да еще за деньги, было предосудительно.

состоянiи изрѣдка приходить ему на помощь). Теперь-же предстояло отказаться отъ жалованья и не ожидать отъ отца ничего, кромѣ крова и харчей; и это на долгое и неопредѣленное время при совершенной неподготовленности бороться съ нищетой. И, не смотря на это, безъ тѣни сомнѣнiй, спокойно и твердо онъ предпочелъ перспективу нужды и лишенiй обезпеченности, до такой степени вѣра въ свое призванiе и любовь къ своему искусству за годъ времени глубоко и прочно пустили ростки въ его душѣ.

Послѣднее, четвертое письмо, въ которомъ онъ излагаетъ мотивы своего рѣшенiя бросить службу, поэтому являетъ намъ уже вполнѣ переродившагося человѣка. Это уже музыкантъ—до конца дней своихъ.

15 апрѣля 1861 г.

«Милый другъ Саша! Изъ полученнаго отъ тебя сегодня письма къ папашѣ я вижу, что ты принимаешь живое участiе въ моемъ положенiи и съ недовѣрiемъ смотришь на рѣшительный шагъ, сдѣланный мною на пути жизни. Поэтому-то я и хочу подробно объяснить тебѣ, что я намѣренъ дѣлать и на что я надѣюсь. Ты вѣроятно не будешь отрицать во мнѣ способностей къ музыкѣ, а также и того, что это единственное, къ чему я способенъ. Если такъ, то понятно, что я долженъ пожертвовать всѣмъ, чтобы развить и образовать то, что мнѣ дано Богомъ въ зародышѣ. Съ этою цѣлью я началъ серьезно заниматься теорiей музыки. Пока это мнѣ не мѣшало кое-какъ заниматься и службою, я оставался въ министерствѣ, но такъ какъ занятiя мои дѣлаются все серьезнѣе и труднѣе, то я конечно долженъ выбрать что-нибудь одно: добросовѣстно служить при моихъ занятiяхъ музыкою невозможно; получать даромъ жалованье цѣлую жизнь нельзя, да и не позволятъ, слѣдовательно остается одно: оставить службу (тѣмъ болѣе, что я къ ней всегда могу возвратиться). Однимъ словомъ, послѣ долгихъ размышленiй я рѣшился причислиться къ министерству, оставивъ штатное мѣсто и лишившись жалованья. Не заключи изъ этого, что я намѣренъ дѣлать долги или вмѣсто жалованья выпрашивать деньги у папаши, котораго положенiе теперь далеко не блистательно. Конечно, я немного выигралъ въ матерiальномъ положенiи, но во-первыхъ, надѣюсь въ будущемъ сезонѣ получить мѣсто въ консерваторiи (помощникъ профессора); во-вторыхъ, я уже досталъ себѣ на будущiй годъ нѣсколько уроковъ, въ третьихъ — это самое главное—такъ какъ я совершенно отказался отъ свѣтскихъ удовольствiй, отъ изящнаго туалета и т. д. расходы мои сократились до весьма малыхъ размѣровъ. Послѣ этого ты вѣроятно спросишь, что изъ меня выйдетъ окончательно, когда я кончу учиться. Въ одномъ только я увѣренъ, что изъ меня выйдетъ хорошiй музыкантъ и что я всегда буду имѣть насущный хлѣбъ. Всѣ профессора въ консерваторiи мною довольны и говорятъ, что при усердiи изъ меня можетъ выйти многое.

Все вышесказанное я пишу не изъ хвастовства (кажется это не въ моемъ характерѣ), а говорю съ тобой откровенно и безъ всякой ложной скромности. Когда кончу курсъ консерваторіи, мечтаю на цѣлый годъ пріѣхать къ тебѣ, чтобы среди тишины и покоя написать что-нибудь большое, а потомъ пойду мытарствовать по свѣту!»

Обѣщаніе, данное сестрѣ, бросить свѣтскія удовольствія, жить уроками, ограничить свои траты до минимума, Петръ Ильичъ привелъ въ исполненіе такъ-же трезво, спокойно и просто, какъ и высказывалъ это.

Илья Петровичъ покинулъ технологическій институтъ весною 1863 г. и вмѣстѣ съ близнецами уѣхалъ на лѣтніе мѣсяцы къ дочери Александрѣ Ильинишнѣ—въ мѣстечко Каменку, Кіевской губерніи. Петръ Ильичъ такимъ образомъ остался одинъ и, воспользовавшись приглашеніемъ Апухтина, отправился на лѣто къ нему въ дер. Павлодаръ, Калужской губ., Козельскаго уѣзда. Алексѣй Николаевичъ, очень скоро соскучившись однообразіемъ жизни, поѣхалъ гостить къ разнымъ знакомымъ, оставивъ Петра Ильича съ отцомъ своимъ и братьями Николаемъ и Андреемъ. За исключеніемъ того, что жизнь въ Павлодарѣ Петру Ильичу не понравилась, я сказать рѣшительно ничего не имѣю, ибо писемъ его оттуда нѣтъ, всѣ взрослые сожители его давно уже умерли, а съ ними исчезли и всѣ могущія насъ интересовать подробности этого пребыванія.

Осенью 1863 года Петръ Ильичъ вернулся въ Петербургъ уже совершенно преобразившійся. Отъ свѣтскаго молодого человѣка не осталось и слѣда. Съ длинными волосами, одѣтый въ собственные обноски прежняго франтовства, онъ внѣшнимъ образомъ перемѣнился также радикально, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь надо оговориться. Я нѣсколько разъ уже упоминалъ о необычайной простотѣ, отсутствіи всякой позы во всѣхъ поступкахъ Петра Ильича этого періода, но правдивость требуетъ сказать однако, что въ рѣзкой перемѣнѣ внѣшности нѣкоторая доза преднамѣренности, стремленіе обратить вниманіе на нее была. Всякій, кто зналъ Петра Ильича, скажетъ, что это отнюдь не могло происходить по мотивамъ пустого желанія рисоваться. Происходило это исключительно изъ гордости: легкой утрировкой небрежности и бѣдности своего вида онъ хотѣлъ пойти на встрѣчу возможнаго въ той средѣ, въ которой онъ вращался, отказа отъ знакомства;—первымъ показать, что отнынѣ не имѣетъ съ этими людьми ничего общаго, открыто и рѣзко заявляя безповоротность и рѣшительность отреченія отъ всего, что его занимало прежде. Цѣль эта отчасти была достигнута; нашлось не мало лицъ, которые перестали кланяться ему, но всетаки большинство друзей и пріятелей признали и въ убогомъ видѣ своего прежняго любимца. Если бы Петръ Ильичъ захотѣлъ, онъ опять бы нашелъ гдѣ провести время въ праздности. Но онъ хотѣлъ одного—учиться.

Матеріальное положеніе его было таково: Илья Петровичъ, поселившійся въ скромной квартиркѣ на Загородномъ проспектѣ (уголъ Лештукова переулка, д. Θедорова), могъ ему давать даровое помѣщеніе, столъ и ничего болѣе, такъ какъ изъ 2000 р. пенсіи долженъ былъ содержать себя, близнецовъ и по немногу выплачивать (рублей по 800 въ годъ) долги. Поэтому для пріобрѣтенія карманныхъ денегъ на всѣ остальныя потребности Петру Ильичу приходилось давать уроки. Рекомендовали ихъ ему разныя лица, между другими А. Г. Рубинштейнъ. Назвать учениковъ его этого періода я могу только четырехъ: пѣвицу Бонне, г жу Теляковскую, пажа Троскина и дѣвицу В. А. Желябужскую, тетку А. Н. Апухтина. Нѣкоторымъ изъ нихъ преподавалась Петромъ Ильичемъ теорія музыки, другимъ—фортепіанная игра. Самый дальній изъ уроковъ былъ Желябужской, жившей на Выборгской сторонѣ. Заработокъ отъ нихъ не превышалъ 50 рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, ему приносило доходъ аккомпаніаторство.

Отреченіе отъ всего прежняго и сопряженныя съ нимъ лишенія не внесли никакой горечи въ настроеніе Петра Ильича. Напротивъ, онъ только весело подшучивалъ надъ своей нищетой и рѣдко въ жизни былъ такъ бодръ и ясенъ. Въ маленькой, узкой комнатѣ домѣ Θедорова, вмѣщавшей лишь постель да письменный столъ, начиналъ онъ радостно новую, многотрудную жизнь и, просиживая ночи надъ музыкальными задачами, былъ совершенно счастливъ и покоенъ отъ увѣренности, что теперь онъ стоитъ на вѣрномъ пути.

М. Чайковскій.

Демонъ.

Полны славою Господней,
Распахнулись небеса,
Донеслись до преисподней
Херувимовъ голоса.

У престола дерзновеннаго
Вижу демона прекраснаго,
Надъ могилами согбеннаго,
Какъ забвеніе, безгласнаго.

Онъ внимаетъ славословью,
Пѣснѣ ангеловъ святой,
Окрыляемыхъ любовью,
Озаренныхъ красотой.

Но, окованъ преисподнею,
У порога Божьей скиніи
Передъ славою Господнею
Онъ слѣпотствуетъ въ уныніи.

Онъ внимаетъ—и не слышитъ,
Взоромъ сердце леденитъ,
Сѣетъ злобу, смутой дышитъ,
Соблазняетъ и казнитъ.

К. Льдовъ.

Хлѣбъ и трудъ.

Министерство финансовъ издало, подъ редакціей профессоровъ Постникова и Чупрова, двухтомный сборникъ статей разныхъ авторовъ подъ общимъ заглавіемъ: «*Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства*». Мы отказываемся отъ разныхъ гаданій на счетъ тѣхъ мотивовъ, которые министерство финансовъ побудили приступить къ изданію этого сборника, а гг. Чупрова и Посникова—поступить въ ряды сотрудниковъ этого сборника. Однако, самъ проф. Чупровъ признаетъ, что этотъ фактъ его дѣятельности нужно пояснить обществу, которое затруднялось установить тутъ ясную связь со всей его прошлой вполнѣ опредѣленной общественной и публицистической дѣятельностью. Мы приведемъ эти разъясненія А. И. Чупрова, на основаніи которыхъ читатели одновременно ознакомятся и съ ближайшими обстоятельствами, вызвавшими появленіе въ печати интересующаго насъ сборника. «Въ 1894 г.,—говоритъ А. И. Чупровъ,—директоръ департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскій обратился ко мнѣ отъ имени министра финансовъ съ предложеніемъ принять на себя трудъ разработать имѣющій особенное значеніе въ томъ году вопросъ о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на русское народное хозяйство. Поставленный вопросъ былъ весьма широкъ; мнѣ одному разрѣшеніе это было не по силамъ; поэтому я обратился къ лицамъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, напр., проф. Посникову и цѣлому ряду земскихъ статистиковъ, которые хорошо знакомы съ народною жизнью. Я охотно отозвался на предложеніе правительства, потому что считаю, что всякій человѣкъ долженъ отвѣтить на вопросъ, предложенный правительствомъ, если только онъ можетъ дать отвѣтъ. Такъ какъ въ данномъ случаѣ подлежали разсмотрѣнію многочисленныя стороны предмета, то и пришлось подвергнуть обсужденію самую программу работъ. Нужно было сдѣлать возможно скоро. Представленная вскорѣ-же

мною записка о выясненіи роли урожая и хлѣбныхъ цѣнъ въ экономической жизни Россіи вошла нѣкоторою частью во всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1895 годъ.

«Задача наша была строго опредѣленною: мы должны были дать отвѣтъ въ узкихъ рамкахъ намѣченной программы, т.-е. изучить вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Задача наша не касалась народнаго благосостоянія; увеличилось-ли оно теперь или нѣтъ — этого вопроса мы не затрогивали и не предрѣшали, въ хорошемъ или дурномъ состояніи находится народное хозяйство» [1]).

Мыслящая часть общества имѣетъ весьма опредѣленный взглядъ на нашу финансово-экономическую политику, которая до 1895 г., въ 1895 году и въ наши дни сохраняетъ и сохранила свои специфическія особенности. Въ редакціонной статьѣ журнала «Хозяинъ» (№ 10) между прочимъ сказано, что «яркая и послѣдовательно проводимая экономическая политика С. Ю. Витте настолько, казалось-бы, не согласна съ направленіемъ «Русскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Богатства», что въ появившемся двухтомномъ изслѣдованіи мы ожидали встрѣтить имена экономистовъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Гражданина» и другихъ органовъ печати того же направленія, а не имена А. И. Чупрова, А. С. Посникова, Н. Ф. Анненскаго и друг., которымъ мы до сихъ поръ неразрывно связывали съ направленіемъ тѣхъ органовъ печати, въ которыхъ они работаютъ». Мало того, наша финансово-экономическая политика является въ нѣкоторомъ смыслѣ враждебною требованіямъ науки. Самъ г. министръ финансовъ, какъ уже говорилось на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника», выражаетъ весьма характерно свое не особенно внимательное отношеніе къ требованіямъ теоріи и указаніямъ науки. Гг. Чупровъ и Постниковъ вызывались экспертами для разрѣшенія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ денежной реформой. Однако, относительно этой реформы въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1896 годъ было сказано, что «государственная мудрость при подобныхъ преобразованіяхъ заключается въ томъ, чтобы не считаться съ доктринами и мечтаніями, но единственно съ реально существующими фактами». Такое заявленіе станетъ вполнѣ понятнымъ, если наши читатели вспомнятъ уже извѣстную имъ рѣчь, сказанную г. министромъ финансовъ при закрытіи торговопромышленнаго съѣзда. Въ этой рѣчи, оффиціально опубликованной и своевременно перепечатанной на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника», г. министръ, между прочимъ, сказалъ: «теоріей я никогда не занимался

---

[1]) См. въ «Нов. Времени» отъ 4 марта рѣчь А. И. Чупрова въ Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

и не имѣю на это претензій». Никто не имѣетъ никакихъ поводовъ относиться съ недовѣріемъ съ такимъ прямымъ заявленіямъ и всѣ должны вѣрить, что при разработкѣ разныхъ текущихъ вопросовъ финансовой и экономической политики требованія науки и указанія теоріи признаются самымъ неподходящимъ матеріаломъ. Какимъ образомъ люди науки могли оказаться сотрудниками въ дѣлахъ политики, явно отрицающей науку, это, во всякомъ случаѣ, загадка. Ихъ не могла соблазнять мысль о томъ, что они скажутъ трезвое слово во имя науки. Наоборотъ, ихъ должна была безпокоить мысль о томъ, что ихъ трезвымъ словомъ во имя науки воспользуются для подкрѣпленія такихъ началъ «здравой политики», которая съ легкимъ презрѣніемъ относится «къ доктринамъ и мечтаніямъ».

Конечно, каждый имѣетъ свое опредѣленное мнѣніе о своемъ достоинствѣ и своемъ призваніи. Гг. Посниковъ и Чупровъ могли ими распорядиться по своему усмотрѣнію, и мы не думаемъ, чтобы они въ данномъ случаѣ распорядились своимъ личнымъ достоинствомъ съ тѣмъ самоотрѣченіемъ, которое граничило-бы съ желаніемъ стушовать истину во имя преклоненія предъ сильнымъ міра сего. Такія подозрѣнія, высказывавшіяся по адресу А. И. Чупрова, мы признаемъ, по меньшей мѣрѣ, неподходящими. Однако, мы не думаемъ утверждать, что проф. Ходскій ошибся, пытаясь найти ключъ къ разрѣшенію вопроса о совмѣстной творческой дѣятельности С. Ю. Витте и А. И. Чупрова. Во время преній въ Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, проф. Ходскій, между прочимъ, сказалъ: «въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ отношеніе къ оцѣнкѣ разбираемаго труда переносилось на личность А. И. Чупрова и слышались какъ-бы намеки на мотивы, которые, по моему убѣжденію, совершенно не допустимы по ихъ полному несоотвѣтствію тому представленію о личности А. И., которое сложилось въ результатѣ десятковъ лѣтъ его научной и общественной дѣятельности. Что касается характера разбираемаго изданія, вызвавшаго по справедливости, какъ мнѣ кажется, столь рѣзкую критику, то я этотъ фактъ объясняю психологически добротою, мягкостью и большимъ довѣріемъ къ людямъ, качествами, такъ сильно отличающими А. И., которыя помѣшали ему противостоять своего рода гипнозу со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ извѣстномъ освѣщеніи вопроса. Еще два слова: въ своемъ возраженіи А. И. вчера, между прочимъ, сказалъ, что если администрація обращается за помощью къ представителямъ науки, то онъ считаетъ своимъ долгомъ не уклоняться отъ этого. Я вполнѣ присоединяюсь принципіально къ этому взгляду, такъ какъ чѣмъ больше наука будетъ воздѣйствовать на администрацію, тѣмъ лучше для страны, но избави Богъ, если администрація будетъ подчинять себѣ науку [1])».

[1]) «Нов. Время», 5 марта.

Выраженія проф. Ходскаго «гипнозъ» мы не понимаемъ, но отъ души раздѣляемъ его опасеніе на счетъ подчиненія науки цѣлямъ и видамъ администраціи. Министерство финансовъ издало сборникъ статей подъ редакціей проф. Чупрова и Посникова и можетъ узнать и принять къ свѣдѣнію и руководству много весьма правдивыхъ данныхъ и положеній. Проф. Чупровъ и Посниковъ и ихъ сотрудники правдиво изобразили намъ положеніе массъ населенія. Въ какомъ-либо оффиціальномъ сборникѣ такой правдивой характеристики положенія массъ населенія мы до сихъ поръ не встрѣчали. Во введеніи къ сборнику, написанномъ гг. Чупровымъ и Посниковымъ и представляющемъ краткое изложеніе тѣхъ положеній, которыя развиваются въ разныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, сказано, что «надѣльныя земли въ настоящее время въ громадномъ большинствѣ случаевъ не покрываютъ даже продовольственныхъ нуждъ населенія, считая послѣднія по нормѣ 19 пудовъ на душу (18 пудовъ на продовольствіе и одинъ пудъ на помолъ). Въ черноземной полосѣ—64,3%, въ нечерноземной 81,7%, а въ 46 губерніяхъ Ев. Россіи—70.7% всѣхъ крестьянъ не находятъ на надѣльной землѣ источника, достаточнаго для покрытія своихъ продовольственныхъ потребностей въ указанномъ выше размѣрѣ... Правда, недостача хлѣба, получаемаго съ надѣльныхъ земель, отчасти восполняется сборомъ съ земель, купленныхъ и арендуемыхъ крестьянами; но этотъ дополнительный источникъ имѣетъ серьезное значеніе только въ 9 черноземныхъ губерніяхъ. Изъ всѣхъ 50 губерній крестьянство имѣетъ дѣйствительные излишки для сбыта только въ 6 губерніяхъ». Послѣ этихъ правдивыхъ словъ, вы невольно забываете о спеціальномъ предназначеніи сборника выяснить вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ. Вопросъ о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ вамъ кажется просто мелочнымъ вопросомъ для народныхъ массъ при данномъ ихъ положеніи. Вчитываясь въ статьи сборника, вы видите предъ собой массы крестьянства въ своемъ историческомъ развитіи дошедшими до пункта, охарактеризованнаго въ приведенныхъ словахъ введенія къ сборнику. Г. министръ финансовъ еще два года тому назадъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ къ росписи на 1895 г., говорилъ: «сельскохозяйственный промыселъ, представляя для громадной массы русскаго населенія основной источникъ существованія, всего менѣе поддается быстрому воздѣйствію, будучи связанъ въ основахъ своихъ съ самыми разнообразными условіями исторически сложившагося народнаго быта». Теперь изъ сборника вы видите, что несомнѣнно. тутъ наслоилась масса разныхъ условій и обстоятельствъ, скованныхъ государствомъ. Историки намъ ихъ распутываютъ и выясняютъ происхожденіе терминовъ «крестьянство» и «крестьяне». Усвоеніе ихъ объясненій, однако, не даетъ намъ надлежащаго ключа къ разрѣшенію той загадки, почему въ Россіи даже de jure нѣтъ народа, а имѣются «крестьянство и крестьяне».

массы населенія до сихъ поръ у насъ выступаютъ подъ безличнымъ терминомъ «крестьянство».

Крестьянство это есть настоящее служилое сословіе. Такимъ оно было при крѣпостномъ правѣ, такимъ оно остается и теперь. При крѣпостномъ правѣ оно служило интересамъ помѣщиковъ, казнѣ и государству, для чего многомилліонныя массы населенія были приписаны къ землѣ и сданы въ опеку по имѣніямъ. Теперь эти многомилліонныя массы разрослись въ добрую сотню милліоновъ. Сто милліоновъ живого народа теперь состоятъ подъ опекой не по имѣніямъ, а по участкамъ. Онѣ также почти полностью приписаны и прикрѣплены къ землѣ для служенія интересамъ государства и казнѣ. Напомнимъ, что еще г. Щепотьевъ говорилъ: «Читая анализъ ирландской арендной системы, напр. Лоренца Штейна, просто можно удивляться сходству общихъ условій нашей аренды и ирландской» [1]). Быть можетъ именно это обстоятельство и побудило молодого экономиста г. Мануилова посвятить спеціальное изслѣдованіе ирландской арендѣ, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «можно безъ преувеличенія сказать, что при недостаточности надѣловъ, скудныхъ лугахъ и почти полномъ отсутствіи лѣса наше земледѣльческое населеніе, за рѣдкими исключеніями, совершенно не можетъ обойтись безъ найма чужой земли и вынуждено бываетъ платить очень высокую и быстро повышающуюся плату за наемъ необходимыхъ угодій. Благодаря насущнѣйшей потребности крестьянскаго населенія въ арендѣ, возникла система сдачи при условіи за отработокъ—система весьма выгодная для помѣщичьяго хозяйства, но, по словамъ доклада Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, *грозящей своимъ закрѣпощеніемъ крестьянъ*» [2]).

Такое заявленіе коммиссіи, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ помѣщиковъ, не можетъ вызывать никакихъ споровъ. Оно относится къ 70-мъ годамъ и потому редактировано въ будущемъ времени. Земская статистика нарисовала намъ точную картину установившихся крѣпостныхъ отношеній по землѣ. Самый трудъ крестьянъ, въ существенныхъ особенностяхъ теперь ни чѣмъ не отличается отъ работъ на господскомъ полѣ въ «доброе старое время». «Занятые въ сентябрѣ посѣвомъ своихъ и помѣщичьихъ земель, уборкой гречихи, молотьбой и пахатью для помѣщиковъ подъ овесъ и ячмень, крестьяне никогда не успѣваютъ къ осени подготовить почву для весенняго посѣва своего овса. Весною у нихъ также незначительный промежутокъ времени между оттепелью и посѣвами овса уходитъ на *обязательныя* работы для помѣщиковъ, а потому большинство крестьянъ вынуждены сѣять овесъ по непаханному полю, закрывая сѣ-

---

[1]) Щепотьевъ, «Очерки крестьянской аренды въ черноземной полосѣ», «Юрид. Вѣстн.». 1884 г., ноябрь.

[2]) Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи, 40—41 стр.

мена сохою. Послѣ овса начинается хлопотливый періодъ пахать подъ свеклу, гречиху, горохъ и т. д. и посѣвъ этихъ растеній; здѣсь крестьянинъ опять-таки *урывками можетъ заняться своимъ полемъ*, а потому о тщательной обработкѣ послѣдняго не можетъ быть и помину. Періодъ этотъ тянется вплоть до начала сѣнокоса... Если-же здѣсь и остается свободное время—оно употребляется на вывозку экономическаго навоза. Послѣ 1-го іюля начинается уборка озимыхъ хлѣбовъ и взметъ экономическаго пара, а потому, не всѣ крестьяне успѣваютъ вспахать свой паровой клинъ: наиболѣе заваленные отработками домохозяева принуждены разсѣвать рожь по непаханному полю подъ соху; большинство крестьянъ, впрочемъ, успѣваетъ кое-какъ вспахать землю одинъ разъ» [1]).

При такой личной свободѣ и при такомъ «свободномъ трудѣ» трудно разсчитывать на производительность послѣдняго, носящаго старый крѣпостной характеръ. Въ «Вѣстн. рус. сельск. хозяйства» за 1891 г. 273 стр.) скопинскій помѣщикъ Ивановъ обрисовалъ положеніе дѣла съ откровенностью, достойной всяческой похвалы. «Вся громадная разница въ урожаѣ минувшаго лѣта на моемъ и крестьянскомъ полѣ, говоритъ онъ—объясняется той суровой необходимостью, которая толкаетъ крестьянъ за 5 р. (а иногда и менѣе), полученныхъ осенью, *продавать свой трудъ* въ самое горячее для него самого время для обработки цѣлой тридцатки. Нужно признаться, что тѣ немногія погрѣшности, какія замѣчаемъ мы, землевладѣльцы, при обработкѣ крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ нашихъ полей, объясняются именно тѣмъ недостаткомъ времени, который отлично сознаетъ каждый крестьянинъ, вынужденный крайней нуждой ради своевременнаго засѣва чужой десятины пересушить свою собственную и ради своевременной уборки господскаго поля дать перестоять и остаться своему и въ результатѣ потерпѣть убытокъ, значительно превышающій плату за обработку круга» [2]).

Въ параллель съ этой характеристикой крестьянскаго свободнаго труда нѣтъ надобности воспроизводить всѣмъ извѣстныя условія работы крѣпостныхъ на своихъ полосахъ. Г. Ивановъ въ своихъ правдивыхъ объясненіяхъ забылъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, удаляющемъ крестьянъ отъ свободнаго труда на своихъ нищенскихъ полоскахъ земли. Мы имѣемъ въ виду потребность для массы народа идти искать лѣтомъ земледѣльческихъ работъ за предѣлами родины, въ далекихъ краяхъ. Какъ ни безотрадно положеніе крестьянъ, могущихъ работать на крѣпостныхъ условіяхъ вблизи своей деревни, но еще хуже положеніе тѣхъ массъ народа, которыя, по отсутствію работы въ сосѣднихъ мѣстахъ, вынуждены идти за 1,000 верстъ продавать свой трудъ помѣ-

---

[1]) Курская губернія, 152—153 стр.

[2]) См. у В. В. Прогрессивныя теченія въ крест. хозяйствѣ, 25 стр.

щикамъ южныхъ губерній, Кубани, Кавказа и т. д. Положеніе бродячей арміи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ описано съ такими детальными подробностями, что намъ нѣтъ надобности характеризовать «свободный трудъ» по вольному найму этой категоріи крестьянъ «землевладѣльцевъ»

Конечно, не жажда наживы, а тяжелая нужда оставляетъ въ распоряженіи крестьянъ жалкіе призраки личной свободы. Эта тяжелая нужда вызвана вѣковымъ служилымъ предназначеніемъ крестьянства на пользу казны и государства. Мы не замѣчаемъ особенностей и послѣдствій этого служилаго предназначенія только потому, что мы къ нимъ приглядѣлись. Мы читаемъ описанія какой-либо стороны многосложной службы крестьянства казнѣ и государству и мало вникаетъ въ ихъ смыслъ, потому что они намъ говорятъ о вещахъ намъ знакомыхъ, о нашихъ домашнихъ будничныхъ дѣлахъ. Мы возьмемъ одну сторону въ исторіи тѣхъ послѣдствій, которыя уже давно обнаружились, благодаря напряженію служилаго предназначенія крестьянства на пользу казны и государства.

Закрѣпощеніе крестьянства на службу казнѣ и государству сказалось въ исторіи надоѣдливаго вопроса, который называется вопросомъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Въ «Историческомъ Обзорѣ», изданномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, исторія этого вопроса разбита на два періода. Періодъ первый обнимаетъ время до XVII вѣка, а второй—съ XVII в. до нашихъ дней.

«Въ первомъ періодѣ развитія продовольственнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, обнимающемъ собою время съ XI до XVII вѣка, населенію предоставлялось собственными средствами бороться съ продовольственными затрудненіями... Въ общемъ такая борьба велась населеніемъ довольно успѣшно... Несмотря на значительное количество неурожайныхъ годовъ въ упомянутомъ періодѣ, описанія случаевъ крайняго голода, который сопровождался бы эпидемическими болѣзнями и чрезвычайной смертностью бѣднаго люда, попадаются гораздо рѣже, чѣмъ можно было ожидать, судя по низкому уровню развитія экономической жизни народа». Потомъ времена измѣнились и «съ начала XVII вѣка вопросъ о средствахъ для обезпеченія народнаго продовольствія постепенно переходитъ въ сферу обязательныхъ предметовъ государственнаго управленія [1]).

Въ итогѣ получается смѣна періодовъ, какъ мы уже говорили на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника», по меньшей мѣрѣ, несовпадающая съ интересами народа. [2])

Въ началѣ государственной жизни русскій народъ «довольно успѣшно» «собственными средствами» боролся съ продовольственными затрудненіями въ неурожайные годы. Слѣдовало ожидать, что упроченіе порядка, въ

[1]) Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по народному продовольствію въ Россіи. Изд. м-ва внут. дѣлъ, т. 1-й, стр. 4—6.

[2]) См. статью «Вѣковой вопросъ» въ «Сѣв. Вѣстн.», № 5, 1894 г.

связи съ укрѣпленіемъ государства, будетъ способствовать еще большему накопленію силъ и средствъ въ народѣ для успѣшнаго переживанія неурожайныхъ годовъ. Государство стало сплачиваться и крѣпнуть, но на счетъ способности населенія собственными силами и средствами преодолѣвать продовольственныя затрудненія въ неурожайные годы. Государство окрѣпло и сплотилось, а собственныя силы и средства населенія такъ ослабѣли, что ему, государству, пришлось, волей-неволей, включить въ число своихъ задачъ заботу о продовольствіи народа въ годы недорода. Куда-же стали уходить собственныя силы и средства народа? Главнымъ образомъ, на укрѣпленіе государства въ финансовомъ отношеніи. Такимъ образомъ, прокормленіе народа государствомъ въ годы недорода вызвано самимъ-же государствомъ, и конфликтъ между финансовыми интересами государства и интересами накопленія силъ и средствъ въ народѣ обострился даже раньше податныхъ тягостей петровскаго времени.

При Петрѣ І-мъ «ограниченіе свободы передвиженія перешло въ строжайшее ея запрещеніе. Вся наша паспортная система, по словамъ покойнаго проф. Градовскаго, «была естественнымъ дополненіемъ и орудіемъ всеобщаго закрѣпощенія, т.-е., коротко говоря, крѣпостного права частнаго и государственнаго. Она установилась въ то время, когда Петръ Великій, по великой нуждѣ своего времени, налагалъ новыя тягости на всѣ сословія вообще и на податныя въ особенности. Подушная подать, рекрутчина, постои, всякія натуральныя повинности тяжелымъ бременемъ ложились на народъ». Въ концѣ концовъ, «политическій ростъ государства опять опредѣлилъ его экономическое развитіе» и «цѣной разоренія страны, Россія возведена была въ рангъ европейской державы» [1]).

Мы не будемъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ конфликта между государственнымъ крѣпостнымъ правомъ и силами массъ народа. Вѣдь и само частное крѣпостное право было установлено, главнымъ образомъ, въ интересахъ государственнаго крѣпостного права. Государство, приступивъ въ юридической отмѣнѣ частнаго крѣпостного права, оказалось въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ полная отмѣна частнаго крѣпостного право нанесла бы ущербъ и государственному крѣпостному праву. Современники чувствовали, что дѣло кончится печальнымъ компромиссомъ.

Теперь мы пригляделись и уже безъ особаго волненія можемъ читать описанія развитія того-же конфликта между силами массъ, ихъ кормленіемъ и напряженной службой государству и казнѣ. Для всѣхъ покажутся скучными и избитыми слѣдующія слова г. Николая—онъ.

---

[1]) Милюковъ Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія. 364 стр.

«На основаніи данныхъ, собранныхъ въ XXII т.т. трудовъ податной комиссіи, а отчасти и въ *Синихъ книгахъ* сельско-хозяйственной комиссіи, говоритъ онъ, могутъ составить понятіе объ отношеніи всѣхъ прямыхъ платежей къ доходности земель бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а также государственныхъ вмѣстѣ съ удѣльными. Оказывается, что государственные и удѣльные крестьяне въ 37 губерніяхъ (не считая слѣд. западныхъ) Европейской Россіи платили изъ чистаго дохода, даваемаго землею, 92,75%, т.-е. на всякія нужды изъ земельнаго дохода имъ оставалось 7,25% Платежи же бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли выражались 198.25%, т.-е. они не только отдавали весь свой доходъ съ земли, но должны были еще приплачивать столько-же изъ постороннихъ заработковъ. Съ тѣхъ поръ, когда это происходило, прошло еще десятилѣтіе. Народное хозяйство достигло такого состоянія, что дальнѣйшее ухудшеніе можетъ вести только къ вырожденію» [1]).

«Съ тѣхъ поръ» теперь, однако, уже прошло еще одно десятилѣтіе... Крестьянство еще больше всосано въ ходъ нашей государственной машины не въ одномъ податномъ отношеніи. Происходитъ что-то неудобопонятное и не поддающееся точному обозначенію. Наше государство, говорятъ, жить не можетъ безъ «благопріятнаго», активнаго баланса. Желая доказать, что наше государство обладаетъ жизненностью, т.-е. активнымъ торговымъ балансомъ, членъ ученаго комитета министерства финансовъ разбиваетъ всѣ доводы въ пользу пассивности нашего баланса съ крайней смѣлостью, мѣшающей ему вникнуть въ смыслъ того, что онъ самъ пишетъ. «Наконецъ, говоритъ г. А. Гурьевъ, намъ остается коснуться еще одного довольно распространеннаго мотива опороченія нашего торговаго баланса. Говорятъ, что нашъ торговый балансъ покоится на вывозѣ предметовъ потребленія, необходимыхъ для самой страны. Говорятъ, что мы вывозимъ не избытки производства, но просто-таки сами не доѣдаемъ, а отдаемъ иностранцамъ. *Охотно соглашаемся, что это дѣйствительно такъ*; охотно соглашаемся, что это весьма серьезная тема для размышленія; но что-же изъ этого слѣдуетъ для будущности нашего торговаго баланса? Поврежденіе торговаго баланса могло-бы явиться слѣдствіемъ такого факта только въ томъ единственно случаѣ, если-бы это «недоѣданіе» угрожало дальнѣйшему производству нашего отпускного товара. Однако, всѣмъ извѣстно, что мы «недоѣдая» плодимся гораздо быстрѣе націй, наѣдающихся досыта. Очевидно, что мы приспособились къ «недоѣданію» въ такой степени, что о вымираніи населенія и сокращеніи, вслѣдствіи этого, производства не можетъ быть и рѣчи. Недоѣданіе можетъ быть вреднымъ для многихъ сторонъ нашего

---

[1]) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. 2 стр.

быта, но для торговаго баланса никакого ущерба отсюда произойти не можетъ. Если мы вывозимъ весьма большое количество хлѣба, то единственно по той простой причинѣ, что не можемъ продать его внутри страны. Допустимъ, что намъ закрылась-бы возможность вывоза; развѣ мы стали-бы тогда «доѣдать»? Нисколько; сократилось-бы производство, а населеніе все-таки не имѣло-бы «покупной способности» для потребленія усиленной порціи хлѣба, какъ нѣтъ этой способности теперь... Пока населеніе недоѣдаетъ лишь въ такомъ размѣрѣ, который не угрожаетъ вымираніемъ населенія и сокращеніемъ даннаго производства—до тѣхъ поръ торговый балансъ страны оказывается совершенно не чувствительвымъ къ вопросу—хорошо или худо, что страна вывозитъ данный товаръ въ такихъ значительныхъ размѣрахъ. Пока мы будемъ производить огромное количество хлѣба, пока населеніе не будетъ имѣть средствъ оставлять себѣ или покупать усиленную порцію хлѣбнаго продовольствія, до тѣхъ поръ мы будемъ вывозить хлѣбъ, если не будемъ вымирать» [1]).

Читатели навѣрно еще не встрѣчались съ такими своеобразными оптимистическими взглядами. Нужно имѣть особые нервы, особое сердце и чрезвычайно трезвый умъ для того, чтобы перо не дрожало въ рукѣ при писаніи приведенныхъ строкъ. Кажется, тутъ должна была дрогнуть рука при изображеніи того по истинѣ трагическаго положенія, въ которое втянуто крестьянство. Вѣдь хлѣбный экспортъ составляетъ 57 проц. (въ 1894 г.) всей нашей отпускной торговли, слѣдовательно на крестьянскомъ недоѣданіи покоится болѣе половины нашего торговаго баланса. Вотъ изъ какого «свободнаго состоянія» приходится вытягивать служилое сословіе нашего государства. Приведенная цифра ясно говоритъ, что нити натянуты до послѣднихъ предѣловъ и что, при любой точкѣ зрѣнія, о свободѣ и свободномъ трудѣ не можетъ быть и рѣчи. Обращеніе крестьянства на служеніе, путемъ недоѣданія, интересамъ торговаго баланса обратило на себя вниманіе и нашего министра земледѣлія А. С. Ермолова. Онъ смотритъ иначе, чѣмъ г. А. Гурьевъ. А. С. Ермоловъ въ своей книгѣ «*Современные сельскохозяйственные вопросы*», говоритъ: «Мы до сихъ поръ думаемъ строить все свое благополучіе на отправкѣ громадныхъ количествъ нашего хлѣба заграницу и заботимся объ увеличеніи нашего вывоза гораздо болѣе, нежели о поднятіи потребленія внутри страны. Между тѣмъ, американцы въ этомъ отношеніи благоразумнѣе насъ; «американскій хозяинъ хорошо понимаетъ,—говорится въ отчетѣ вашингтонскаго департамента земледѣлія (Report of the agricultural departement) за 1883 г.,—что внутреннее потребленіе имѣетъ несравненно большую важность, нежели вывозъ заграницу». Между тѣмъ, по-

---

[1]) А. Гурьевъ. Реформа денежнаго обращенія. Ч. II, вып. III, стр. 625—627.

вышеніе внутренняго потребленія можетъ явиться только результатомъ повышенія народнаго благосостоянія внутри страны... Въ этомъ именно и должно, какъ намъ кажется, заключаться основаніе всей нашей сельско-хозяйственной политики на будущее время. Вся исторія послѣднихъ лѣтъ, примѣры многихъ въ высокой степени урожайныхъ годовъ, когда мы ставили на рынокъ громадныя массы хлѣба, сами отъ того нисколько не богатѣя, наконецъ, всѣ условія международнаго рынка, на которомъ мы занимаемъ все болѣе и болѣе печальное подчиненное положеніе, безъ малѣйшихъ видовъ на улучшеніе этого положенія въ будущемъ, служатъ нагляднымъ доказательствомъ справедливости этого заключенія... При такомъ положеніи этотъ усиленный до громадныхъ размѣровъ вывозъ можетъ не обогащать насъ, а напротивъ ослаблять, вытягивая послѣдніе жизненные соки изъ страны. Вспомнимъ, что даже въ годы наибольшаго нашего вывоза у насъ были мѣстности, страдавшія отъ недостатка хлѣба, причемъ и въ цѣлой Россіи потребленіе еще далеко не достигло того предѣла, за которымъ является дѣйствительный свободный избытокъ. Вывозя хлѣбъ заграницу, мы нерѣдко отнимали его у своего собственнаго населенія. Слѣдовательно, этотъ вывозъ не отъ своего богатства, но отъ своей бѣдности; спрашивается, возможно-ли ожидать, чтобы при такомъ положеніи увеличивалось благосостояніе русскаго народа и возростало народное богатство? Очевидно нѣтъ... Очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобное положеніе ненормально, убыточно, пагубно для Россіи и не сулитъ намъ никакихъ благопріятныхъ результатовъ и въ будущемъ. Поэтому нужно, во что-бы то ни стало, найти изъ него исходъ» [1]).

Дѣйствительно такое пониженіе дѣла ненормально и пагубно для Россіи, но подъ «такимъ положеніемъ» слѣдуетъ разумѣть все, сказанное выше о свободномъ состояніи крестьянства. Безспорно, изъ такого положенія нужно найти исходъ во что-бы то ни стало. Но можно-ли изъ этого положенія найти исходъ при помощи пересмотра законоположеній спеціально относящихся къ крестьянству? Можно-ли при охарактеризованномъ выше «пагубномъ» положеніи помочь дѣлу новыми законами о крестьянскомъ банкѣ, о пріемѣ новыхъ членовъ, объ устройствѣ сходовъ, судовъ и т. д. Всѣ эти новые законы, будучи редактированы самымъ наилучшимъ образомъ, потонутъ въ волнахъ такого положенія, что, обративъ вниманіе только на одну его часть, А. С. Ермоловъ не могъ не признать его весьма «пагубнымъ». Крестьянамъ при ихъ настоящемъ положеніи не до устроенія своихъ общественныхъ дѣлъ. Ихъ нужно сначала освободить, дать имъ возможность жить и работать для себя, а не для недоѣданія въ интересахъ отбыванія своей службы предъ казной и государствомъ. Нельзя крестьянамъ жить общественной жизнью и своимъ

[1]) Ермоловъ. Современные сельскохозяйственные вопросы, стр. 142—144.

недоѣданіемъ поддерживать государственный бюджетъ и 57 проц. торговаго баланса.

Нужно вспомнить, что Положеніемъ 19 февраля былъ сдѣланъ приступъ къ освобожденію крестьянъ и къ предоставленію имъ человѣческихъ правъ. Тогда былъ сдѣланъ первый шагъ, да и то съ разными зигзагами то въ пользу свободы, то въ пользу стараго времени. Настали скоро иныя времена, когда мы уже начали отступать гигантскими шагами назадъ къ доброму старому времени. Если можно еще говорить о возможныхъ положительныхъ результатахъ пересмотра законоположенія о крестьянахъ, то они могли-бы обнаружиться только при возвратѣ къ тому строю отношеній, который существовалъ до изданія положеній 19 іюня 1889 года. Въ виду начатаго пересмотра этихъ положеній о крестьянахъ, нельзя не признать, что министерство финансовъ своевременно выпустило свой *Сборникъ* статей подъ редакціей проф. Чупрова и Посникова. Нашъ народъ посвящаетъ почти весь свой трудъ занятію сельскимъ хозяйствомъ и г. министръ финансовъ уже указывалъ на тѣсную связь между производительностью народнаго труда и общими административными порядками. Относительно сельскаго хозяйства г. министръ финансовъ во всеподданѣйшемъ докладѣ о росписи на 1895 годъ говорилъ, что «постепенному усовершенствованію этой отрасли народнаго хозяйства въ одинаковой степени служатъ какъ общія мѣропріятія, направленныя на развитіе производительныхъ силъ страны и *улучшеніе административнаго устройства*, такъ и мѣропріятія спеціальныя—въ цѣляхъ улучшенія внутреннихъ условій сельскохозяйственнаго промысла» [1]. Улучшеніе административнаго устройства, въ принципѣ, всегда должно совпадать съ освобожденіемъ труда, совѣсти и мысли. Несвободный трудъ вездѣ и всегда служитъ источникомъ и причиной удрученнаго экономическаго положенія страны. Думаемъ, что все вышесказанное даетъ читателямъ ясное представленіе о свободѣ и свободномъ трудѣ нашихъ деревенскихъ массъ населенія. Авторы и редакторы *Сборника* изобразили и воспроизвели почти точную картину установившихся отношеній. Къ сожалѣнію, они не всегда держатъ въ памяти нарисованную ими картину и ярко разошлись съ своими собственными рѣчами и словами. Этотъ грѣхъ долженъ особенно тяготить душу самихъ редакторовъ *Сборника*.

Редакторы *Сборника* утверждаютъ, будто-бы вліяніе сельскохозяйственнаго кризиса было до извѣстной степени парализовано разными мѣропріятіями. Это невѣрно. Нашъ кризисъ парализовать невозможно и если на землевладѣльцахъ онъ отражается не такъ тяжело, какъ на крестьянахъ, то отсюда не слѣдуетъ, что послѣдствія кризиса могли быть парализо-

---

[1]) Вѣс. Финансовъ за 1895 г., № 1, стр. 13-я.

ваны разными мѣропріятіями хотя-бы то только до извѣстной степени. Среди самихъ землевладѣльцевъ въ послѣднее время находятся такіе благоразумные люди, которые держатъ на дворянскихъ собраніяхъ трезвыя рѣчи. Они убѣждаютъ своихъ собратьевъ повѣрить горькому опыту и дольше себя не разорять своими собственными руками, домогаясь разныхъ льготныхъ мѣропріятій. Ихъ голосъ теперь ослабнетъ. Ихъ собратья имъ будутъ противопоставлять авторитетъ ученыхъ редакторовъ *Сборника*. Представимъ себѣ, что дворяне Тамбовской губерніи, отправляясь на губернское собраніе, запаслись-бы *Сборникомъ* и прочли въ немъ введеніе гг. Чупрова и Посникова. Они слушаютъ рѣчи своего губернскаго предводителя Петрова-Соловово, Кн. Челокаева и г. Измаилова, которые доказываютъ безполезность и даже вредъ особыхъ мѣръ спеціально для облегченія дворянъ въ данное время отъ угнетающаго сельско-хозяйственнаго кризиса. Кн. Церетелевъ, сторонникъ облегченій, приглашаетъ собраніе послушать рѣчи болѣе авторитетныхъ людей и читаетъ изъ введенія къ Сборнику то мѣсто, въ которомъ гг. Чупровъ и Посниковъ утверждаютъ, что разными мѣропріятіями для дворянъ послѣдствія сельско-хозяйственнаго кризиса до извѣстной степени были парализованы. Кн. Церетелевъ основательно будетъ утверждать, что люди науки осмыслили произведенные опыты съ льготами и пришли къ тому заключенію, что они до извѣстной степени парализовали вліяніе сельско-хозяйственнаго кризиса. Почему-же не идти въ этомъ направленіи дальше, разъ уже «до извѣстной степени» обнаружились благотворныя послѣдствія? Такимъ вопросомъ закончитъ свою рѣчь кн. Церетелевъ и пригласитъ всѣхъ дворянъ вѣрить гг. Чупрову и Посникову и посылать ходатайство о льготахъ [1]).

Гг. Чупровъ и Посниковъ рискуютъ украшать своими именами такія дворянскія ходатайства, которымъ они едвали могутъ сочувствовать. Мало того, они рискуютъ, что ихъ именами будутъ санкціонироваться такія мѣропріятія, которыя едвали будутъ отвѣчать интересамъ массъ населенія. Они изобразили правдиво положеніе этихъ массъ, но допустили мысль о томъ, что оно могло улучшиться въ 2—3 года и притомъ улучшиться весьма замѣтно. Выясняя тотъ методъ, котораго они придерживались въ своихъ частныхъ изслѣдованіяхъ по вопросу о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ, гг. Чупровъ и Посниковъ говорятъ, что «всѣ эти частныя изслѣдованія показали, что для большинства крестьянскихъ хозяйствъ высокіе урожаи приносятъ благополучіе, если даже они и сопровождаются низкими цѣнами хлѣба. Выводъ, полученный при помощи такого метода, можетъ быть подтвержденъ прямымъ наблюденіями

---

[1]) Подробности о преніяхъ въ Тамбовскомъ губ. дворянскомъ собраніи были изложены въ корреспонденціи «Новаго Времени» отъ 4 марта.

надъ крестьянскимъ хозяйствомъ въ зиму 1894—1885 года, слѣдовавшую за превосходными урожаями 1893 и 1894 годовъ. По отзывамъ многихъ корреспондентовъ министерства земледѣлія, въ годичномъ обзорѣ за 1894 г., крестьяне въ этомъ году *оправились*, обзавелись продовольствіемъ и кормомъ, многимъ хватитъ запасовъ на два, на три года; повинности отбываются и оклады выплачиваются исправно; пополняется мертвый инвентарь; скотъ въ хорошемъ состояніи, замѣтно улучшеніе въ пищѣ и одеждѣ»... Народъ сталъ жирѣть и «не идетъ на дешевые заработки», а въ Ливенскомъ уѣздѣ такъ даже сталъ много ѣсть... Неужели гг. Чупровъ и Посниковъ могли допустить мысль о томъ, что наше крестьянство въ 2—3 года могло такъ оправиться? Я думаю, что они не вѣрятъ и не могутъ вѣрить въ наступленіе такого неслыханнаго благоденствія. Мы не отрицаемъ, что ихъ сотрудники и они сами старательно выписывали отзывы корреспондентовъ министерства земледѣлія. Но мы не понимаемъ, почему они не отвели этимъ жизнерадостнымъ сообщеніямъ должнаго мѣста и не указали на истинной ихъ смыслъ и значеніе. Въ этомъ отношеніи мы признаемъ замѣчанія проф. Исаева правильными и вполнѣ выясняющими смыслъ тѣхъ оптимическихъ указаній, которыми такъ неразборчиво воспользовались гг. Чупровъ и Посниковъ. «Авторы «Введенія» стараются яркими красками изобразить благосостояніе крестьянъ, послѣдовавшее за урожаями 1893 и 1894 годовъ. Они приводятъ выдержки изъ отзывовъ мѣстныхъ корреспондентовъ разныхъ губерній (стр. XXI), что крестьяне замѣтно поправились, сдѣлали новыя соломенныя крыши, ѣдятъ чистый хлѣбъ, не распродаютъ молодого скота и пр. Можно повѣрить всѣмъ этимъ заявленіямъ, но нельзя не отмѣтить, что они очень мало убѣдительны, такъ какъ относятся ко времени, непосредственно слѣдующему за тяжелыми 1891—1892 годами. Упадокъ благосостоянія былъ за два голодные года такъ разителенъ, потрясеніе милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ такъ глубоко, что корреспонденты видѣли серьезное улучшеніе въ каждой лишней телкѣ, которой крестьянинъ не продалъ за безцѣнокъ, и въ каждой новой соломенной крышѣ, которою онъ замѣнялъ черную и на половину съѣденную скотомъ въ весну неурожайныхъ годовъ» [1]).

Никакого улучшенія, конечно, не могло послѣдовать, и пр. Чупровъ и Посниковъ забыли, что они могутъ содѣйствовать преслѣдованію призрака самыми неподходящими способами, вродѣ новыхъ налоговъ и усиленнаго взысканія старыхъ. Напрасно они погнались за призракомъ и не остановились на чисто практическомъ вопросѣ о томъ, что дальше дѣлать? Положимъ, что дешевый хлѣбъ, безспорно, полезенъ какъ для Германіи, такъ и для Россіи. Мы не понимаемъ новой школы «отече-

---

[1]) «Хозяинъ». № 10 1897 г.

ственныхъ» экономистовъ, которые выступаютъ въ роли любителей дороговизны хлѣба. Это «отечественное» направленіе доведетъ до очарованія дороговизною соли, хлѣба, керосина и т. д. Но и не всякая дешевизна, при данныхъ условіяхъ производства, можетъ быть признаваема желательной. Хлѣбъ нужно производить, т. е. необходимо *покрывать издержки производства.* Хлѣбныя цѣны на міровомъ рынкѣ могутъ опуститься до такого уровня, что та или другая страна окажется въ безвыходномъ положеніи, если цѣны на хлѣбъ падутъ ниже тѣхъ издержекъ производства хлѣбовъ, которыя несетъ эта страна. Въ Россіи издержки по производству хлѣба не особенно высоки, однако, онѣ уже не покрываются въ цѣнѣ продукта. Вотъ на это обстоятельство гг. Чупровъ и Посниковъ должны были обратить вниманіе, отстаивая элементарную истину на счетъ благодѣтельности низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ сборникѣ имѣется нѣсколько указаній на то, что въ данное время въ цѣнахъ на хлѣбъ не возвращаются издержки производства. Въ статьѣ г. Анненскаго приводится подробный разсчетъ стоимости производства въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. На основаніи этихъ данныхъ, необходимо придти къ тому заключенію, что при самыхъ выгодныхъ условіяхъ оплаты труда частные землевладѣльцы при продажѣ хлѣба въ его цѣнѣ не возвращаютъ сдѣланныхъ ими затратъ. Если же къ издержкамъ производства присоединить платежи процентовъ и погашенія по долгамъ, то критическое положеніе землевладѣльцевъ, по мнѣнію г. Анненскаго, является безспорнымъ фактомъ. Конечно, платежи процентовъ и погашенія по займамъ, не затраченнымъ въ хозяйствѣ, у насъ сдвали могутъ быть отнесены къ издержкамъ производства, но они всетаки должны быть покрываемы изъ доходовъ, доставляемыхъ землею.

Было-бы трудно доказать, что существующія хлѣбныя цѣны совершенно иначе отзываются на крестьянскомъ хозяйствѣ, чѣмъ на помѣщичьемъ. Нѣтъ надобности говорить о такихъ своеобразно трезвыхъ взглядахъ, согласно съ которыми проводится существенное различіе въ издержкахъ производства крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства. Сторонники этихъ своеобразныхъ взглядовъ утверждаютъ, будто-бы производство хлѣба обходится очень дорого помѣщику и ровно ничего не стоитъ крестьянину. Выше были приведены указанія на то, какъ «дешево», но весьма солоно обходится крестьянину добыча хлѣба на своихъ и на помѣщичьихъ земляхъ. Если мы не знаемъ того минимума, ниже котораго не можетъ опускаться рыночная стоимость земледѣльческаго труда, то отсюда еще не слѣдуетъ, что крестьянинъ, работая при самой низкой рыночной стоимости земледѣльческаго труда, на своемъ собственномъ полѣ, не долженъ въ число издержекъ производства включать стоимость своего труда или что онъ долженъ включить ее по той минимальной рыночной расцѣнкѣ, которая господствовала втеченіе дан-

наго лѣта. Если эта минимальная цѣна земледѣльческаго труда является выгодной для помѣщиковъ, то крестьянинъ, усчитывая по этой цѣнѣ свой собственный трудъ на своей или арендованной землѣ, хотя и могъ бы вычитать изъ цѣнъ хлѣба меньшую сумму издержекъ производства, но по существу дѣла онъ всетаки несъ-бы убытки, не получая должнаго вознагражденія за свой трудъ въ оцѣнкѣ издержекъ производства. Въ виду этого, насколько дешевая разцѣнка земледѣльческаго труда позволяетъ помѣщику понижать цѣны на хлѣбъ, настолько она является невыгодной для крестьянина, работающаго и прямо на помѣщика и якобы для себя на своемъ полѣ. И если принять во вниманіе условія крестьянскаго производства хлѣбовъ на собственной или арендованной землѣ, то издержки производства крестьянскихъ хлѣбовъ по божеской оцѣнкѣ скорѣе должны быть признаны болѣе высокими, чѣмъ издержки производства въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Въ виду этого, выводы г. Анненскаго насчетъ того, что въ существующихъ хлѣбныхъ цѣнахъ не возстанавливаются издержки производства, всецѣло могутъ быть примѣнены и къ крестьянскому хозяйству. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что на крестьяской землѣ лежатъ болѣе высокіе сборы, чѣмъ на помѣщичьей. Что-же касается задолженности казнѣ и частнымъ лицамъ, то она у крестьянъ не ниже, чѣмъ у помѣщиковъ. Недоимки и разные долги въ переводѣ на десятину земли у крестьянъ, во всякомъ случаѣ, превышаютъ платежи въ банки, падающіе на десятину помѣщечьей земли.

Такимъ образомъ и крестьянское, и помѣщичье хозяйство въ данное время стоятъ предъ однимъ и тѣмъ-же вопросомъ: что дальше дѣлать въ виду того, что въ продуктахъ сельскаго хозяйства не возвращаются издержки производства, не говоря уже о платежахъ, лежащихъ на землѣ? Вопросъ, мы думаемъ, весьма существенный для страны, живущей земледѣліемъ и вынужденной покрывать всѣ свои расходы доходами отъ земледѣлія и сельскаго хозяйства вообще.

Тутъ создается такое положеніе вещей, которое не нуждается въ домашнихъ комментаріяхъ. Пониженіе цѣнъ на хлѣбъ ниже издержекъ производства хлѣба требуетъ существенныхъ поправокъ и въ общемъ правильномъ положеніи насчетъ благодѣтельности обильныхъ урожаевъ. Говоря объ этой благодѣтельности, редакторы Сборника и ихъ сотрудники забываютъ вспомнить, что эта самая благодѣтельность, по ихъ собственнымъ словамъ, есть журавль въ небѣ. Вѣдь, при самомъ обильномъ урожаѣ, по даннымъ Сборника, Россія своимъ хлѣбомъ теперь не покрыла-бы всѣхъ своихъ потребностей. Слѣдовательно, говоря о благодѣтельности обильныхъ урожаевъ, нужно всегда добавлять: еслибы они могли быть въ Россіи. Далѣе, еслибы въ Россіи и были урожаи обильные, по сравненію съ ея обильными и непокрываемыми потребностями

въ хлѣбѣ, то тутъ еще слѣдовало-бы свести счеты съ тѣми-же хлѣбными цѣнами, непокрывающими издержекъ производства. Вѣдь пользы будетъ немного, если вы продадите 40 пудовъ, вмѣсто 20, и на каждомъ изъ 40 проданныхъ пудовъ не возвратите издержекъ его производства. Очевидно, что на 20 пудахъ вы понесете, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, на половину меньше убытковъ. Но допустимъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о такой затратѣ труда и капитала на данномъ участкѣ, которая подняла-бы его урожайность вдвое. Представимъ себѣ, что при данныхъ условіяхъ хозяйства, признанныхъ невозможными для продолженія земледѣльческаго промысла, данный участокъ земли даетъ 20 п. и въ цѣнѣ этихъ 20 не возвращаются всѣ платежи и даннаго участка и издержки производства. Въ интересахъ улучшенія хозяйства на томъ-же участкѣ затрачивается такое количество труда и капитала, что онъ начинаетъ давать не 20, а 40 пудовъ. Если при производствѣ прежнихъ 20 пудовъ ничего кромѣ убытка не получалось, то увеличеніе производства на 20 пудовъ будетъ сдѣлано въ интересахъ полученія новыхъ убытковъ, увеличивающихся вслѣдствіе необходимости возвратить въ цѣнѣ продуктовъ произведенную затрату труда и капитала.

Такимъ образомъ, если данныя условія хозяйства признаются невозможными для веденія сельскаго хозяйства, то улучшить эти условія невозможно по многимъ причинамъ, а въ томъ числѣ въ силу пониженія хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ до такого уровня, что производство хлѣба въ Россіи является дѣломъ весьма убыточномъ. Мы констатируемъ фактъ, изъ котораго вытекали-бы иные выводы для финансовой политики по сравненію съ тѣми выводами, которые естественно вытекаютъ изъ описаннаго гг. Чупровымъ и Посниковымъ быстраго поправленія и даже неслыханнаго благоденствія деревенскихъ массъ населенія.

М. Петропавловскій.

Джудъ неудачникъ.

Романъ Томаса Гарди.

Переводъ съ англійскаго **И. Майнова.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Мельчестеръ.

«И не было, женихъ, другой, подобной ей!»
Сафо.

I.

Новое настроеніе овладѣло теперь душою нашего героя: его поглощала идея служенія церкви и людямъ, въ противуположность той эгоистически замкнутой и отвлеченной жизни, которую онъ велъ до сихъ поръ. Человѣкъ можетъ проповѣдывать и дѣлать добро ближнимъ безъ похвальныхъ листовъ кристминстерскихъ школъ, съ однимъ общимъ образованіемъ. Но вступленіе на духовное поприще съ такимъ скромнымъ образовательнымъ цензомъ заставляло пылкаго Джуда мириться съ должностью пастора въ какомъ-нибудь глухомъ селѣ или захолустномъ городишкѣ, безъ всякой надежды на болѣе лестное положеніе. Съ другой стороны, при такихъ обстоятельствахъ онъ не рисковалъ сдѣлаться карьеристомъ; изъ него могъ выйти почтенный служитель алтаря, обладающій всѣми средствами къ спасенію другихъ и собственному нравственному возрожденію.

Это рѣшеніе было подкрѣплено послѣднимъ письмомъ отъ Сусанны. Она писала очевидно второпяхъ, мало распространяясь о своихъ дѣлахъ, и сообщала только, что сдала экзаменъ на учительницу, и намѣревалась вступить въ высшую школу въ Мельчестерѣ для подготовки къ

профессіи избранной отчасти подъ его вліяніемъ. Въ Мельчестерѣ есть и богословская академія; городъ тихій и мирный, съ преобладаніемъ клерикальнаго характера. Для свѣтскаго и научнаго образованія заведеній не имѣлось, но за то свойственныя ему духовныя стремленія могли найти себѣ тамъ лучшую оцѣнку. Такъ разсуждала Сусанна.

Въ самомъ дѣлѣ, для него не могло быть ничего лучшаго, какъ получить мѣсто въ этомъ городѣ и посвятить себя богословскимъ занятіямъ, не оставляя при этомъ и своего ремесла. Его усиленный интересъ къ этому новому мѣсту жительства былъ всецѣло созданъ Сусанною, вовсе не раздѣлявшей его настоящихъ стремленій, и Джудъ сознавалъ въ ней нравственное противорѣчіе, но мирился съ этой слабостью. Онъ разсчитывалъ на полученіе званія пастора годамъ къ тридцати,—поэтому у него будетъ достаточно времени для всесторонней подготовки, а также для скопленія своимъ ремесломъ извѣстнаго капитала, который дастъ ему впослѣдствіи возможность оплачивать академическій курсъ.

На Рождествѣ Сусанна отправилась въ высшую школу въ Мельчестеръ. Для переселенія Джуда это было самое неудобное время въ году, и онъ писалъ ей, что долженъ отложить свой пріѣздъ на мѣсяцъ или два, пока дни не станутъ длиннѣе. Она согласилась съ этимъ такъ охотно, что онъ пожалѣлъ даже, что сообщилъ ей объ отсрочкѣ—она, очевидно, не особенно безпокоилась о немъ, хотя никогда не упрекала его за странное поведеніе и за таинственное исчезновеніе въ ту ночь. Точно также никогда не говорила ни слова о своихъ отношеніяхъ къ м-ру Филлотсону.

Но вдругъ пришло отъ нея тревожное письмо. Сусанна жаловалась на свое одиночество и несчастную долю. Ей противно заведеніе, въ которое она поступила; здѣсь ей хуже, чѣмъ въ иконописной мастерской; хуже чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Она чувствуетъ себя совершенно безпомощной и умоляетъ его пріѣхать немедленно—хотя она стѣснена въ своихъ пріемахъ строгими правилами заведенія, но это ничего не значитъ. Это м-ръ Филлотсонъ посовѣтывалъ ей пріѣхать сюда, и она жалѣетъ, что послушалась его.

«Значитъ, выборъ Филлотсона оказался не особенно удачнымъ», рѣшилъ Джудъ, и это доставляло ему неописанную радость. Онъ забралъ свои вещи и прибылъ въ Мельчестеръ съ такимъ легкимъ сердцемъ, какого давно уже не ощущалъ въ своей груди.

Подыскавъ себѣ недорогой номеръ и закусивъ съ дороги, нашъ путникъ вышелъ въ тусклыя зимнія сумерки на улицу, и миновавъ городской мостъ, повернулъ за уголъ къ монастырю. День былъ пасмурный, и еще издали увидѣвъ сквозь туманъ эту чудную архитектурную громаду, онъ невольно остановился и засмотрѣлся какъ очарованный.

На улицахъ начали зажигать фонари. Онъ съ удовольствіемъ различилъ множество каменныхъ плитъ вокругъ собора, которому видимо предстоялъ значительный ремонтъ. Казалось, само провидѣніе приготовило ему массу привычной работы, на время пока онъ не дождется возможности отдаться другому высшему призванію.

Онъ пошелъ по утрамбованной щебнемъ дорожкѣ къ школѣ. Это было старинное зданіе, занятое теперь высшею школой, съ окнами въ переплетахъ и съ большимъ палисадникомъ, окруженнымъ стѣною. Джудъ отворилъ калитку и прошелъ къ двери, черезъ которую, послѣ заявленія о желаніи видѣть кузину, онъ былъ введенъ въ гостиную, куда черезъ нѣсколько минутъ вошла и Сусанна.

Джудъ замѣтилъ въ ней рѣзкую перемѣну. Живость ея движеній и невозмутимая веселость исчезли. Совсѣмъ не такою ожидалъ онъ встрѣтить ее послѣ симпатичнаго письма, ускорившаго его пріѣздъ. Или оно было написано подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, и, одумавшись, она, быть можетъ, жалѣла, что его послала? Джудъ былъ взволнованъ ужасно.

— Скажите, ради Бога, Сусанна, вы не считаете меня отъявленнымъ негодяемъ, послѣ моего появленія у васъ тогда въ безобразномъ видѣ и послѣ моего позорнаго исчезновенія?

— О, нисколько! Вы достаточно объяснили причины... Я увѣрена, что мнѣ никогда не придется усомниться въ вашей порядочности, мой бѣдный Джудъ! И я очень рада, что вы пришли!

На ней было темнокрасное платье съ небольшимъ кружевнымъ воротничкомъ. Сшитое совершенно просто, оно сидѣло очень изящно на ея худенькой фигурѣ. Волосы, противъ обыкновенія, теперь были собраны туго въ пучокъ, и она имѣла видъ дѣвушки, подчиняющейся самой строгой дисциплинѣ, и прежняя веселость ея свѣтилась только со дна души, куда эта дисциплина еще не могла проникнуть. Она подошла къ нему непринужденно, и такъ-же просто позволила ему поцѣловать себя по праву кузена. Джудъ ясно понималъ, что она вовсе не считаетъ его своимъ поклонникомъ, разъ она узнала его съ такой некрасивой стороны. Эта догадка подкрѣпляла еще болѣе назрѣвавшую въ немъ рѣшимость разсказать ей о своемъ семейномъ крушеніи, но онъ все еще не находилъ въ себѣ силъ для этого признанія въ наивномъ страхѣ утратить блаженство ея расположенія.

Сусанна вмѣстѣ съ нимъ вышла въ городъ, и они гуляли, и разговоръ ихъ вертѣлся на впечатлѣніяхъ недавняго прошлаго. Джудъ хотѣлъ было преподнести ей какой-нибудь подарокъ, но она съ нѣкоторой нерѣшительностью призналась, что чувствуетъ страшный голодъ. Ихъ содержали въ колледжѣ очень скудно; обѣдъ, чай и ужинъ—все это было-бы теперь самымъ желаннымъ для нея подношеніемъ. Въ виду этого они зашли въ ресторанъ и Джудъ велѣлъ подать все, что

только можно было получить въ буфетѣ; однако, выборъ оказался болѣе чѣмъ скромнымъ. Но за то это убѣжище дало имъ прелестный случай для tête-à-tête, такъ какъ въ залѣ, кромѣ нихъ, не было ни души, и они говорили совершенно свободно.

Она разсказывала ему о своей школѣ, о суровой жизни въ ней, о своихъ подругахъ—курсисткахъ, о томъ, какъ ей приходится вставать и работать по утрамъ съ огнемъ, и все это она передавала съ горечью молодой дѣвушки, не привыкшей къ стѣсненію. Джудъ слушалъ; его занимала не монастырская жизнь Сусанны, а ея отношенія къ Филлотсону. Но этого вопроса она не касалась. За столомъ Джудъ съ увлеченіемъ взялъ ее за руку; она взглянула на него и улыбнулась, причемъ такъ-же свободно взяла въ свою маленькую нѣжную ручку его руку, перебирая его пальцы и равнодушно разсматривая ихъ, точно на перчаткахъ, выбираемыхъ въ магазинѣ.

— Однако, какія у васъ жесткія руки, Джудъ, отчего это?

— Ахъ, Сусанна, да и ваши были-бы такими-же, еслибъ вы съ утра до вечера имѣли дѣло съ молоткомъ и долотомъ.

— А вы знаете, мнѣ это даже нравится. Я съ уваженіемъ смотрю на руки человѣка со слѣдами его обычной работы. Если хотите, я рада и за себя, что поступила въ этотъ суровый интернатъ. Посмотрите, какой независимой буду я по окончаніи своего двухлѣтняго курса! И надѣюсь кончить его съ отличіемъ,—тогда и м-ръ Филлотсонъ окажетъ свое вліяніе для предоставленія мнѣ большой школы.

Она затронула, наконецъ, роковой вопросъ. — Меня тревожила догадка—не вытерпѣлъ Джудъ,—что онъ заботится о васъ съ особенной симпатіей, и, быть можетъ, хочетъ жениться на васъ.

— Будетъ вамъ говорить глупости!

— Однако, вѣдь онъ же говорилъ вамъ что-нибудь объ этомъ.

— Ну если и говорилъ, такъ чтожъ изъ этого? Онъ же старикъ, наконецъ!

— Извините Сусанна; онъ вовсе не такой старикъ. Я помню, что онъ разъ позволилъ себѣ...

— Только не поцѣловать меня, конечно!

— Нѣтъ. Но онъ обнялъ васъ...

— Ахъ да—припоминаю. Но ему это не удалось.

— Вы увернулись отъ его объятій, Сусанна, а это не совсѣмъ любезно!

Ея всегда подвижныя губы дрожали. Она видимо смутилась.

— Я знаю, вы будете сердиться, если я скажу вамъ одну вещь, и это мѣшаетъ мнѣ быть откровенной...

— Ну, какъ хотите, дорогая моя,—сказалъ онъ нѣжно. — Я не имѣю никакого права спрашивать у васъ, да и не желаю знать вашей тайны.

— Ну такъ я же скажу вамъ!—перебила она съ свойственнымъ ей упрямствомъ.—Вотъ что я сдѣлала: дала ему слово — слышите-ли? дала ему слово, что выйду замужъ за него, когда кончу чрезъ два года курсъ и получу дипломъ. Онъ рѣшилъ, что мы можемъ взять тогда значительную школу для дѣтей обоего пола въ большомъ городѣ, онъ будетъ завѣдывать мальчиками, а я дѣвочками, какъ это часто дѣлаютъ женатые учителя. Это дастъ намъ хорошій заработокъ.

— Ахъ, Сусанна!.. Да вѣдь это же прекрасно — лучше и придумать нельзя!

Джудъ взглянулъ на нее и ихъ взоры встрѣтились, при чемъ упрекъ, свѣтившійся въ его взглядѣ, противорѣчилъ его словамъ. Затѣмъ, онъ рѣзко принялъ свою руку и холодно отвернулся отъ Сусанны къ окну. Она равнодушно смотрѣла на него.

— Я знала что вы разсердитесь! — сказала она безъ малѣйшаго волненія.—Ну чтожь—значитъ я ошиблась! Мнѣ не слѣдовало вызывать васъ на свиданіе! Намъ лучше болѣе не встрѣчаться, и мы будемъ переписываться черезъ долгіе промежутки, и то исключительно о дѣловой сторонѣ нашей жизни!

Послѣднею фразой Сусанна попала, быть можетъ и намѣренно, въ самое больное мѣсто своего кузена, и онъ вспыхнулъ сразу.

— Конечно, будемъ,—проговорилъ онъ быстро.—Обѣщаніе, данное вами м-ру Филлотсону, не можетъ ничего измѣнить для меня. Я имѣю неотъемлемое право видѣть васъ, когда захочу, и буду видѣть!

— Такъ перестанемъ же говорить объ этомъ. А то подобный разговоръ совершенно портитъ вечеръ, который мы можемъ провести вмѣстѣ. И что кому за дѣло до того, что человѣкъ намѣренъ сдѣлать черезъ два года.

Въ этомъ признаніи Сусанна казалась ему загадкой и онъ прекратилъ разговоръ.

— Не пойдемъ-ли мы посмотрѣть соборъ? — предложилъ Джудъ, когда обѣдъ былъ конченъ.

— Соборъ? Пожалуй. Хотя признаться мнѣ было-бы пріятнѣй посидѣть на вокзалѣ и посмотрѣть на поѣздъ,—отвѣтила она, все еще съ нѣкоторымъ волненіемъ въ голосѣ.—Теперь это центръ городской жизни. Соборъ пережилъ свое время...

— Однако, какая вы—современная!

— И вы были-бы такой же, еслибъ жили такъ много средними вѣками, какъ я жила въ послѣдніе годы. Соборъ былъ любимымъ мѣстомъ четыре - пять столѣтій тому назадъ; но теперь его пѣсенка спѣта... Я натура не современная нисколько; я болѣе стариннаго склада, чѣмъ само средневѣковье, если ужъ хотите знать.

Джудъ смотрѣлъ какъ-то хмуро въ пространство.

— Ну больше я не стану объ этомъ говорить! — воскликнула она. — Вы только не знаете, какая я дурная съ вашей точки зрѣнія, иначе не заботились бы обо мнѣ такъ много, и не интересовались бы тѣмъ, дала ли я кому-нибудь слово или нѣтъ. Теперь мы можемъ погулять кругомъ нашей школы, а тамъ мнѣ надо будетъ возвратиться домой, а то скоро ворота запрутъ на ночь.

Джудъ проводилъ кузину до калитки и они разстались. Онъ былъ убѣжденъ, что его неумѣстный визитъ къ ней въ ту злополучную ночь ускорилъ ихъ брачный сговоръ, и скорѣе повредилъ ему, нежели прибавилъ что-либо къ его счастью. Значитъ ея протестъ вылился въ эту форму, вмѣсто всякихъ упрековъ и фразъ. Однако, на слѣдующій день онъ пустился на поиски работы, добыть которую оказалось не такъ легко, какъ въ Кристминстерѣ, ибо въ тихомъ Мельчестерѣ менѣе возводилось большихъ зданій, да и рабочіе были по большей части свои, постоянные. Но мало по малу ему удалось-таки заручиться работой настолько, что она могла обезпечить его на все время пребыванія въ этомъ городѣ.

Квартира, которую Джудъ нанялъ близъ школы, годилась бы хоть для пастора; плата за нее превышала ту скромную норму, какую мастеровые обыкновенно платятъ за свои помѣщенія. Его комната, составлявшая вмѣстѣ и спальную и гостинную, и все что угодно, была украшена вставленными въ красивыя рамки фотографіями ректоровъ и и другихъ духовныхъ особъ, у которыхъ хозяйка его когда-то служила. Джудъ прибавилъ къ убранству комнаты еще свои фотографіи съ изображеніемъ разныхъ лѣпныхъ работъ и монументовъ, имъ исполненныхъ, и ему очень нравилось и льстило его самолюбію это новое помѣщеніе.

Въ мѣстныхъ книжныхъ лавкахъ онъ нашелъ большой выборъ богословскихъ сочиненій и, заручившись ими, возобновилъ свои занятія уже въ совершенно другомъ направленіи. Вмѣсто отдыха отъ твореній св. отцовъ, онъ принялся за изученіе современныхъ богословскихъ свѣтилъ. Въ дополненіе къ своей комфортабельной обстановкѣ, онъ взялъ на прокатъ фисгармонію и распѣвалъ за нею разные церковные гимны.

II.

— Завтра вѣдь у насъ праздникъ. Куда-бы намъ отправиться? спросилъ Джудъ кузину.

— Я свободна отъ трехъ до девяти. За это время мы успѣемъ побывать гдѣ угодно. Только не у развалинъ, Джудъ, — меня онѣ не занимаютъ.

— Ну хорошо, въ Вардауръ-Кэстль; оттуда, если захотимъ, можемъ пройти и въ Фонтгиль.

— Вардауръ —это готическая руина, а я ненавижу все готическое!

— Вовсе нѣтъ. Это зданіе классическое, коринѳскаго стиля, кажется, съ небольшимъ собраніемъ картинъ.

— А, ну это другое дѣло. Мнѣ нравится слово «коринѳское». Отправимся туда.

Этотъ разговоръ происходилъ между ними нѣсколько недѣль спустя, и на слѣдующее утро они приготовились къ задуманной экскурсіи. Джудъ былъ въ восторгѣ отъ всѣхъ мелочей, касавшихся этой прогулки, и не смѣлъ долго раздумывать о противорѣчіяхъ своего образа жизни... Поведеніе Сусанны было для него какою-то чарующей загадкой; больше онъ ничего не могъ сказать.

Наконецъ, настала для Джуда желанная минута и онъ звонился у подъѣзда колледжа, въ которомъ жила Сусанна. Ея появленіе въ монашески простомъ костюмѣ, прогулка къ вокзалу, услужливыя приставанья носильщиковъ, грохотъ поѣздовъ — все это служило фономъ прелестной картины. На Сусанну, въ ея скромномъ нарядѣ, никто не обращалъ вниманія, и это вызывало въ Джудѣ пріятное сознаніе, что только ему была извѣстна юная прелесть ея лица, скрытаго подъ густою вуалью. Кондукторъ принялъ ихъ за влюбленную парочку и предупредительно помѣстилъ въ отдѣльное купэ.

Они пріѣхали въ паркъ съ его замкомъ и сначала прошлись по картинной галлереѣ, при чемъ Джудъ останавливался предпочтительно предъ полотнами Гвидо Рени, Спаньолетто и Карло Дольчи. Сусанна терпѣливо стояла подлѣ него, пристально всматриваясь въ его лицо, когда онъ благоговѣйно созерцалъ изображенія Мадоннъ, св. Семейства и святыхъ. Кузенъ сильно интересовалъ ее, какъ можетъ интересовать человѣкъ, пробирающійся лабиринтомъ, изъ котораго этотъ уже выбрался.

Когда они покинули, наконецъ, галлерею, времени впереди оставалось еще много, и Джудъ предложилъ зайти куда-нибудь перекусить и затѣмъ пройти на станцію миль за семь и сѣсть въ поѣздъ другой линіи, ведущей тоже къ Мельчестеру. Сусанна была рада случаю вполнѣ воспользоваться свободнымъ днемъ и охотно согласилась.

Мѣстность была открытая на всѣ стороны и гористая. Друзья весело болтали, карабкаясь по склонамъ, и Джудъ срѣзалъ для Сусанны длинную трость, стройную какъ она сама, съ большимъ крюкомъ на верху, какъ у пастушекъ. Вскорѣ, однако, Сусанна стала замѣтно уставать, что не мало безпокоило Джуда. Они прошли уже порядочное разстояніе, и было-бы досадно не поспѣть къ поѣзду въ городъ. Долгое время не было въ виду никакого жилья на всемъ пространствѣ дюны и поля засѣяннаго рѣпой; наконецъ, они добрались до какой-то овчарни и увидали пастуха, занятаго плетеніемъ корзинъ. Онъ сообщилъ

нмъ, что по близости только и есть его домикъ, въ которомъ онъ живетъ съ матерью, и, указавъ на небольшую низину, откуда виднѣлась струйка синяго дыма, пригласилъ ихъ зайти туда отдохнуть.

Они воспользовались его гостепріимствомъ и вскорѣ дошли до избушки. Тамъ ихъ встрѣтила дряхлая беззубая старушка. Слѣдомъ за ними вошелъ и пастухъ.

— Отдыхайте здѣсь,—сказалъ онъ,—сколько вамъ будетъ угодно. Только не думайте вернуться въ Мельчестеръ съ ночнымъ поѣздомъ; потому что, не зная хорошо дороги, вамъ не попасть на станцію ни за что на свѣтѣ. Я бы не прочь и проводить васъ часть дороги, но и тогда вамъ не захватить поѣзда.

Наши путники тревожно вскочили.

— Вы можете переночевать здѣсь, господа,—тебѣ ничего, матушка? спросилъ онъ старушку.—Ночлегъ къ вашимъ услугамъ. Вотъ только жестковато вамъ спать будетъ, ну, да что дѣлать — въ дорогѣ бываетъ и хуже.

Тутъ хозяинъ обернулся къ Джуду съ отдѣльнымъ вопросомъ: — а. вы женатая парочка?

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы не парочка,—поспѣшилъ отвѣтить Джудъ.

— Я вѣдь не подумалъ ничего дурного, господа, — Боже меня избави! Значитъ будетъ такъ: барышня можетъ лечь въ комнату матушки, а мы съ вами вмѣстѣ въ отдѣльной комнаткѣ. Я разбужу васъ къ слѣдующему поѣзду заблаговременно, а свой поѣздъ вы ужъ теперь упустили.

Послѣ нѣкотораго раздумья, они рѣшились принять это предложеніе, и вскорѣ затѣмъ раздѣлили съ овчаромъ и его матерью скудный ужинъ изъ копченаго сала и овощей.

На утро овчаръ разбудилъ ихъ рано, какъ обѣщалъ. День начинался ясный, солнечный, и они прошли четыре мили до станціи легко и пріятно. Когда, по возвращеніи въ Мельчестеръ, они пришли къ монастырю, то остроконечная крыша стариннаго зданія, въ которомъ Сусанна опять должна была замуроваться, встала предъ ея глазами, и она смотрѣла на мѣсто своего заключенія съ невольнымъ страхомъ.

Они позвонили.

— Ахъ, постойте, я захватила для васъ одну штучку и чуть не забыла, проговорила Сусанна быстро опустивъ руку въ карманъ.—Это моя новая карточка. Желаете?

— Желаю-ли? вотъ вопросъ—конечно!—И онъ радостно выхватилъ фотографію. Между тѣмъ вышелъ привратникъ. Зловѣщее выраженіе его лица смутило бѣдную Сусанну. Однако она вошла въ отворенную калитку, оглянувшись на Джуда, и сдѣлавъ ему прощальный жестъ рукою.

III.

Семьдесятъ молодыхъ дѣвушекъ, въ возрастѣ отъ девятнадцати до двадцати одного года, — хотя нѣкоторые были и старше,—наполнявшихъ въ это время родъ женскаго монастыря, извѣстнаго подъ именемъ высшей школы въ Мельчестерѣ, составляли очень пеструю общину. Заведеніе заключало въ своихъ стѣнахъ дочерей механиковъ, пасторовъ, врачей, лавочниковъ, фермеровъ, молочныхъ торговцевъ, солдатъ, моряковъ и сельскихъ обывателей. Въ этотъ вечеръ между воспитанницами прошла молва, что Сусанна Брайдхэдъ не пришла вчера ко времени, когда запираютъ ворота.

— Она уходила съ знакомымъ молодымъ человѣкомъ, — сказала одна изъ старшихъ курсистокъ, знавшая толкъ въ молодыхъ людяхъ;— и миссъ Трэсли видѣла ее съ нимъ на станціи. Посмотрите, какъ ей влетитъ за это, когда она возвратится.

— Сусанна говорила, что онъ ея кузенъ,—замѣтила молоденькая подруга.

— Такое объясненіе слишкомъ часто давалось въ нашей школѣ, чтобы оно могло вліять на спасеніе нашихъ душъ,—ехидно вставила старшая.

Дѣло въ томъ, что всего годъ тому назадъ былъ прискорбный случай обольщенія одной изъ воспитанницъ, прикрывшейся такой-же отговоркой, чтобы получить право на свиданіе съ своимъ любовникомъ. Случай этотъ вызвалъ цѣлый скандалъ, и начальство стало относиться недовѣрчиво и строго къ кузенамъ вообще.

Въ девять часовъ была перекличка, за которой миссъ Трэсли три раза громко вызывала Сусанну, но отвѣта не послѣдовало.

Когда воспитанницы улеглись спать, огни въ дортуарахъ были тотчасъ-же погашены, но дѣвицы долго еще изощрялись въ разныхъ предположеніяхъ и догадкахъ по поводу исчезновенія Сусанны, въ родство которой съ Джудомъ ни одна изъ нихъ не вѣрила; болѣе любопытныя изъ нихъ вскакивали съ постелей и подолгу глядѣли изъ оконъ на улицу.

Проснувшись по утру, воспитанницы прежде всего полюбопытствовали взглянуть на постель Сусанны, но она оказалась и теперь не занятой. Послѣ раннихъ уроковъ при лампахъ, въ утреннемъ дезабилье, въ то-время, какъ онѣ пришли одѣваться къ завтраку, у входныхъ воротъ раздался рѣзкій звонокъ. Классная дама вышла и тотчасъ же вернулась сказать, что по распоряженію начальницы, никто изъ нихъ не долженъ говорить съ Брайдхэдъ безъ особаго разрѣшенія.

Вслѣдъ затѣмъ и Сусанна явилась въ дортуаръ, чтобъ поскорѣй умыться и почиститься, съ раскраснѣвшимся и утомленнымъ лицомъ;

она молча прошла къ своей койкѣ, при чемъ никто изъ подругъ не поздоровался съ нею и не позволилъ себѣ никакихъ разспросовъ. Когда-же сошли внизъ, то подруги Сусанны замѣтили, что она не пошла съ ними въ столовую къ завтраку, и вскорѣ узнали, что ей былъ сдѣланъ строгій выговоръ и назначенъ одиночный карцеръ, гдѣ она будетъ завтракать, обѣдать и вообще проводить цѣлый день.

На эту мѣру всѣ воспитанницы возроптали, находя приговоръ слишкомъ суровымъ. Къ начальницѣ была отправлена депутація, съ ходатайствомъ о смягченіи наказанія. Но просьба осталась безъ вниманія. За вечернимъ урокомъ, когда учительница географіи начала диктовать свой предметъ, воспитанницы сидѣли въ классѣ со сложенными руками.

— Вы что-же это, не хотите заниматься?—спросила наконецъ учительница.—Такъ на это я могу вамъ преспокойно сказать, что молодой человѣкъ, съ которымъ прогуливалась ваша подруга, Брайдхэдъ, оказался вовсе не ея кузеномъ по той простой причинѣ, что у нея нѣтъ такого родственника. Мы обращались за справкой въ Кристминстеръ...

— Мы желаемъ слышать объясненія отъ нея самой, — заявила старшая дѣвица.

— Этотъ господинъ былъ уволенъ отъ работы въ Кристминстерѣ за пьянство и другія безобразія и пришелъ сюда жить, чтобы быть подлѣ своей возлюбленной...

Но дѣвицы стояли на своемъ и неподвижно сидѣли передъ столами, такъ что учительница вышла изъ класса спросить у начальства, что дѣлать.

Въ сумерки, сидѣвшія за уроками старшія ученицы вдругъ услыхали крикъ изъ сосѣдняго младшаго класса, откуда одна изъ подругъ тотчасъ-же вбѣжала сказать, что Сусанна Брайдхэдъ, выскочивъ изъ задняго окна карцера, убѣжала въ потемкахъ черезъ лужайку и исчезла. Никто не могъ понять, какъ она ухитрилась уйти изъ сада, съ запертой калиткой и ограниченнаго съ задней стороны рѣкою. Всѣ побѣжали смотрѣть на пустой карцеръ съ отворeннымъ настежъ окномъ. Обыскали лужайку съ фонаремъ, заглядывали подъ каждое деревцо и кустъ, но бѣглянки и слѣдъ простылъ. Затѣмъ опросили привратника, отвѣтившаго послѣ нѣкотораго раздумья, что онъ припоминаетъ какой-то всплескъ въ рѣкѣ, на который не обратилъ тогда вниманія, подумавъ, что это просто плещутся утки.

— Она вѣроятно перебралась въ бродъ!—рѣшила классная дама.

— А то утопилась,—вставилъ привратникъ.

Начальница всполошилась ужасно, — не столько отъ возможной гибели Сусанны, сколько отъ опасенія, какъ бы это происшествіе не попало на столбцы газетъ, что, въ добавокъ къ прошлогоднему скандалу, надолго оставитъ за колледжемъ незавидную репутацію.

Принесли еще фонарей и осмотрѣли рѣку; и вотъ, наконецъ, на противоположномъ, открытомъ къ полю берегу, въ тинѣ были замѣчены слѣды маленькихъ ногъ, не оставлявшія сомнѣнія, что экзальтированная дѣвушка перешла рѣку въ бродъ, погрузившись почти до плечъ. Такъ какъ Сусанна не набросила тѣни на заведеніе своей гибелью, то начальница начала говорить объ ней надменно, выражая даже радость, что она ушла.

Въ этотъ самый вечеръ Джудъ сидѣлъ въ своей квартиркѣ близъ монастырскихъ воротъ. Часто въ это время послѣ сумерокъ, онъ заходилъ на мирный монастырскій дворъ, стоялъ противъ дома, въ которомъ находилась Сусанна, и слѣдилъ за тѣнями женскихъ головокъ, мелькавшими на шторахъ. О, какъ охотно онъ сталъ бы читать и учиться по цѣлымъ днямъ, какъ эти воспитанницы, а между тѣмъ для большинства этихъ легкомысленныхъ дѣвицъ эти занятія были предметомъ нескрываемаго отвращенія. Но сегодня, окончивъ вечерній чай и почистившись, Джудъ дольше обыкновеннаго засидѣлся надъ своими книгами. Вдругъ ему показалось, будто что-то стукнуло въ окно; потомъ опять. Вѣрно кто-нибудь бросилъ камешкомъ. Онъ всталъ и осторожно отворилъ окно.

— Джудъ! послышался голосъ снизу.

— Сусанна?

— Да—это я! Можно войти къ вамъ такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ?

— О, конечно!

— Такъ вы не сходите; затворите окно.

Джудъ остался наверху, зная что она можетъ войти свободно, такъ какъ парадная дверь не запиралась. Онъ волновался при мысли, что она прибѣжала къ нему въ своемъ горѣ, какъ онъ недавно прибѣжалъ къ ней въ своемъ. Какіе они были двойники! Отодвинувъ щеколду своей двери, онъ услыхалъ осторожный шорохъ на темной лѣстницѣ и вслѣдъ затѣмъ она предстала въ свѣтѣ его лампы. Онъ всталъ пожать ей руку, и увидалъ, что гостья его была вся мокрая, какъ морская богиня, и платье обвисло на ней подобно одеждѣ на фигурахъ Парѳенонскаго фриза.

— Какъ я прозябла!—проговорила Сусанна.—Могу я присѣсть къ вашему камельку, Джудъ?

Она подошла къ догоравшему въ каминѣ огню, но вода текла съ нея ручьями и нечего было думать обсушиться такимъ образомъ.

— Что вы сдѣлали съ собой, радость моя? — спрашивалъ Джудъ съ безпокойствѣ, обронивъ неожиданно нѣжное словечко.

— Прошла въ бродъ черезъ широкую рѣку—вотъ что я сдѣлала! Представьте, мое начальство вздумало запереть меня за прогулку съ

вами, и это показалось мнѣ такъ обидно, что я не стерпѣла, взяла да и вылѣзла въ окно и маршъ черезъ рѣку!

— Послушайте, Сусанна!—ухаживалъ Джудъ,—вамъ надо снять платье! Да постойте—я пойду достану вамъ что-нибудь у хозяйки.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога, не посвящайте ее въ эту исторію! Школа отъ насъ такъ близко, что оттуда еще пожалуй придутъ за мной!

— Въ такомъ случаѣ, переодѣньтесь въ мое платье. Не протестуете?

— Нисколько.

— Знаете мою воскресную пару; она здѣсь подъ рукою.

Джудъ досталъ изъ комода самую нарядную черную пару, и, встряхнувъ предварительно, передалъ ее Сусаннѣ.

Изъ скромности нашъ кавалеръ вышелъ на нѣкоторое время изъ комнаты. Вернувшись, онъ увидалъ въ своемъ единственномъ креслѣ слабое и хрупкое существо въ мужскомъ костюмѣ, такое жалкое въ своей безпомощности, что у него сердце дрогнуло. На стульяхъ предъ каминомъ висѣло ея мокрое платье. Она было смутилась, когда онъ сѣлъ рядомъ, но только на секунду.

— Вамъ немножко странно, Джудъ, видѣть меня въ такомъ видѣ, и мои платья, висящія передъ каминомъ? Впрочемъ, что за вздоръ! Это просто платья, не имѣющая пола женская одежда... Однако, какъ бы мнѣ не расхвораться. Вы займитесь пока просушкой моихъ вещей, Джудъ, а я поищу поблизости комнату для ночлега. Теперь еще не поздно.

— Нѣтъ, это невозможно, если вамъ нездоровится. Лучше останьтесь здѣсь. Ахъ, дорогая Сусанна, чѣмъ бы мнѣ помочь вамъ!

— И сама не знаю! Я что-то вся дрожу, мнѣ хотѣлось бы согрѣться.

Джудъ прикрылъ ее своимъ пальто, и побѣжалъ въ ближайшій погребокъ, откуда вернулся съ маленькой бутылочкой въ рукѣ.

— Выпейте милая, рюмку превосходнаго коньяку.

Сусанна выпила, разбавивъ вино водою, и опять усѣлась въ кресло.

Потомъ дорогая гостья начала обстоятельно разсказывать свои приключенія съ тѣхъ поръ, какъ они разстались; посреди разсказа голосъ ея замеръ, голова склонилась и она заснула здоровымъ сномъ. Джудъ, опасавшійся, какъ бы Сусанна ни поплатилась серьезной простудой, былъ счастливъ, слыша ея спокойное дыханіе. Онъ тихо приблизился къ ней, замѣтилъ разгоравшійся румянецъ на ея передъ тѣмъ посинѣвшихъ щекахъ, и прикоснувшись къ ея рукѣ, почувствовалъ ея живую теплоту. Затѣмъ, обернувшись спиною къ камину, онъ любовался ею, не отводя глазъ, и ему казалось, что онъ созерцаетъ божество.

IV.

Мечты Джуда были прерваны звукомъ шаговъ, послышавшихся на лѣстницѣ.

Торопливо убравъ со стула сушившееся платье, онъ усѣлся за книгу. Кто-то постучался и тотчасъ же отворилъ дверь. Но тревога оказалась напрасною: это была хозяйка.

— Ахъ, а я и не знала, что вы заняты, м-ръ Фоле, и зашла спросить, не сойдете-ли вы поужинать. Но у васъ гость...

— Благодарю васъ. Только попрошу васъ нынче принести мнѣ ужинъ въ мою комнату и кстати стаканъ чаю.

Джудъ обыкновенно столовался въ кухнѣ, вмѣстѣ съ семьею хозяйки, чтобы не доставлять ей личныхъ хлопотъ. На этотъ разъ было сдѣлано отступленіе и онъ принялъ отъ нея подносъ въ дверяхъ.

Поставивъ чайникъ къ огню, Джудъ снова развѣсилъ платье, никакъ не поддававшееся просушкѣ, затѣмъ развелъ жаркій огонь и наблюдалъ, какъ паръ отъ мокраго платья втягивался въ каминъ.

Вдругъ Сусанна воскликнула:

— Джудъ!

— Я здѣсь. Ну какъ вы себя теперь чувствуете?

— Лучше; очень хорошо. Однако, я, должно быть, заснула? Который часъ? Вѣроятно еще не поздно?

— Начало одиннадцатаго.

— Да неужели? Что я буду дѣлать! — сказала она, вскочивъ съ мѣста.

— Оставайтесь, гдѣ сидите.

— Конечно; я именно такъ и хотѣла сдѣлать. Но что скажетъ мое начальство! И вы-то что будете дѣлать?

— Буду сидѣть здѣсь съ лампой всю ночь, и читать. Завтра воскресенье, и мнѣ идти некуда. Оставшись здѣсь, вы можетъ быть избѣгнете серьезной болѣзни. Вамъ смущаться нечего; все будетъ очень хорошо. Взгляните сюда—я вамъ принесъ поужинать.

Сусанна ощущала сначала большую слабость. Но пища нѣсколько подкрѣпила ее, и напившись послѣ ужина чаю, она уже чувствовала себя бодрой и веселой.

Они разговорились. Сусанна разсказывала ему о своемъ прошломъ, о томъ, какъ много она читала въ свое время, и назвала ему длинный перечень тѣхъ классиковъ, съ которыми она ознакомилась въ переводахъ, упомянувъ, между прочимъ, о сатирикахъ и юмористахъ.

— Вы прочитали больше меня,— сказалъ Джудъ со вздохомъ. — Но почему вамъ вздумалось читать и юмористовъ?

— Видите-ли,—сказала она въ раздумьѣ,—это вышло случайно. Моя жизнь слагалась совершенно своеобразно и это наложило на мой характеръ особый отпечатокъ. Я не боюсь мужчинъ, а слѣдовательно не боюсь и ихъ книгъ. Я уживалась съ ними—особенно съ однимъ или двумя изъ нихъ—почти на правахъ одного съ ними пола. Я хочу сказать, что никогда не соблюдала правила, внушаемаго обыкновенно почти всѣмъ дѣвушкамъ, быть на сторожѣ противъ покушенія на ихъ добродѣтель; ибо никакой нормальный мужчина — если только онъ не чувственный ловеласъ—не оскорбитъ дѣвушку ни днемъ, ни ночью, ни въ домѣ, ни на улицѣ, пока та сама не завлечетъ его. Пока та не скажетъ взглядомъ своимъ «дерзайте», мужчина самъ никогда не рѣшится на авансы. Впрочемъ, я хотѣла только сказать вамъ, что когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, я сошлась на пріятельскую ногу съ однимъ студентомъ въ Кристминстерѣ, который много занимался со мною и доставалъ мнѣ книги, которыхъ безъ него мнѣ никогда бы не имѣть въ рукахъ.

— И что же, ваша дружба кончилась?

— Да. Онъ умеръ, бѣдняга, года черезъ два или три послѣ того, какъ окончилъ курсъ и уѣхалъ изъ Кристминстера.

— И вы часто видались съ нимъ?

— Конечно. Мы любили гулять вмѣстѣ, вмѣстѣ читали, разсуждали, спорили и держали себя совершенно просто, какъ два закадычныхъ пріятеля. Однажды онъ пригласилъ меня жить съ нимъ вмѣстѣ и я выразила на это письменное согласіе. Но пріѣхавъ къ нему въ Лондонъ, я поняла, что у него на умѣ было нѣчто другое, чѣмъ у меня. Онъ, въ сущности, желалъ быть моимъ любовникомъ, а я его не любила—и послѣ моего заявленія, что я должна буду удалиться, если онъ не откажется отъ своихъ видовъ, онъ уступилъ. Мы наняли годовую комнату. Мой сожитель писалъ передовицы въ одной изъ большихъ лондонскихъ газетъ, пока не заболѣлъ, и тогда онъ долженъ былъ уѣхать въ провинцію. Онъ говорилъ, будто я разбила его сердце, чуждаясь его столько времени при такомъ близкомъ сожительствѣ, чего онъ никогда не ожидалъ отъ женщины. Вѣроятно, я уже не разъ вела такую игру, говорилъ мой товарищъ. Онъ вернулся на родину только для того, чтобы умереть. Смерть его вызвала во мнѣ страшное раскаяніе въ моей жестокости—хотя я убѣждена, что онъ умеръ отъ чахотки, а вовсе не отъ меня. Я ѣздила на похороны, и была единственнымъ лицомъ, шедшимъ за его гробомъ. Онъ оставилъ мнѣ небольшую сумму денегъ, вѣроятно за то, что я разбила его сердце! Такъ вотъ каковы мужчины—насколько они лучше женщинъ!

— Поразительно! — вздохнулъ Джудъ, — но какъ поступили вы потомъ?

— Ну, слушайте же. Я помѣстила деньги моего добряка въ дутую аферу, и потеряла ихъ. Жила нѣкоторое время одна близъ Лондона, затѣмъ вернулась въ Кристминстеръ, такъ какъ отецъ мой, жившій тоже въ Лондонѣ въ качествѣ ученаго мастера, не захотѣлъ принять меня обратно. И вотъ я нашла себѣ занятіе въ художественной мастерской, гдѣ вы и нашли меня... Я говорила, что вы не знаете, какая я была скверная!

Джудъ оглянулся на сидѣвшую въ креслѣ дѣвушку, какъ бы желая глубже вдуматься въ существо, которому онъ оказалъ гостепріимство. Затѣмъ проговорилъ съ волненіемъ:

— Въ какихъ бы условіяхъ вы ни жили, Сусанна, я убѣжденъ, что всегда останетесь невинной и непоколебимой дѣвушкой.

— Я не особенно невинна, какъ вы видите, сказала Сусанна, съ замѣтной проніей, хотя Джудъ видѣлъ, что она глотаетъ слезы. — Но я никогда не отдавалась ни одному поклоннику, если вы разумѣете именно это! Я оставалась до конца такою, какою начинала свои отношенія къ мужчинѣ.

— Вполнѣ вѣрю вамъ. Но согласитесь, что не всякая женщина можетъ сказать это про себя.

— Пожалуй и такъ. Лучшія женщины—тѣ-то и не выдержали-бы. По этому поводу знакомые увѣряли даже, что у меня должна быть холодная кровь,—что я безполая. Но я съ этимъ несогласна! Нѣкоторые изъ самыхъ страстныхъ эротическихъ поэтовъ были наиболѣе замкнутыми людьми въ обыденной жизни.

— А говорили вы м-ру Филлотсону объ этомъ пріятелѣ — студентѣ?

— Да — давно какъ-то. Я никогда не дѣлала изъ этого тайны передъ кѣмъ-бы то ни было.

— Что-же онъ сказалъ?

— Онъ не высказалъ никакого мнѣнія, — только увѣрялъ, что я въ его глазахъ совершенство, какъ бы я ни поступала, и тому подобныя вещи.

Джудъ сильно пріунылъ. Сусанна видимо отдалялась отъ него все больше и больше своими странными признаніями и курьезнымъ игнорированіемъ пола.

— Однако, не терзаю-ли я васъ своимъ присутствіемъ, мой милый Джудъ?—неожиданно спросила она, съ такой нѣжной ноткой въ голосѣ, что едва вѣрилось, что это говоритъ та самая дѣвушка, которая такъ легко разсказывала о своемъ прошломъ. Я могу оскорбить кого хотите, но только не васъ, повѣрьте!

— Я и самъ не пойму, терзаете вы меня, или нѣтъ. Знаю только, что я сильно озабоченъ вами!

— И я озабочена вами не меньше, чѣмъ кѣмъ либо изъ друзей, которыхъ встрѣчала въ жизни.

Наступила новая продолжительная пауза. Потомъ разговоръ возобновился и коснулся философскихъ и религіозныхъ вопросовъ, вопросовъ о вѣрѣ. Скептическія возраженія Сусанны не мало шокировали Джуда, которому она представлялась отъявленной атеисткой. Но эта оживленная полемика прекратилась самымъ естественнымъ образомъ. Собесѣдники мирно задремали по своимъ мѣстамъ. Очнувшись, онъ перевернулъ ея вещи и вновь развелъ огонь. Часовъ въ шесть онъ проснулся окончательно, и зажегши свѣчу, увидалъ, что ея платье просохло. Сусаннѣ въ креслѣ было гораздо удобнѣе, чѣмъ ему на стулѣ, и она продолжала спать, тепло укутавшись въ пальто Джуда. Положивъ подлѣ нея платье и слегка тронувъ ее за плечо, онъ спустился внизъ и умылся на дворѣ подъ звѣзднымъ небомъ.

V.

Когда Джудъ вернулся, Сусанна уже переодѣлась въ свое платье.

— Могу ли я теперь выйти изъ дому никѣмъ не замѣченной?— спросила она.—Городъ еще не просыпался.

— Но вы еще не завтракали.

— Ахъ, мнѣ ничего не надо! Знаете-ли, я жалѣю, что позволила себѣ убѣжать изъ школы. Вещи представляются совсѣмъ иными въ отрезвляющемъ утреннемъ свѣтѣ. Не правда-ли? И что скажетъ теперь м-ръ Филлотсонъ! Вѣдь я по его желанію переселилась сюда. Это единственный человѣкъ на свѣтѣ, къ которому я имѣю какое нибудь уваженіе или страхъ. Надѣюсь, что онъ проститъ меня; но воображаю,—какую сдѣлаетъ мнѣ сцену!

— Пожалуй, я схожу къ нему и объясню...—началъ было Джудъ.

— Нѣтъ, вовсе незачѣмъ—какое мнѣ до него дѣло! Пусть думаетъ, что ему угодно—я поступлю какъ мнѣ надо!

— Но вы сію минуту сказали...

— Ну что-жъ! Я поступлю все-таки, какъ сама хочу! Я подумала вотъ что: отправиться къ сестрѣ одной изъ моихъ подругъ по Высшей школѣ, приглашавшей меня посѣтить ее. У нея школа близъ Шастона, миль восемнадцать отсюда, и тамъ я пробуду пока не пронесется гроза, потомъ вернусь въ свою школу.

Послѣ завтрака они преспокойно вышли изъ дома, и Джудъ провожалъ ее на станцію. На платформѣ наша парочка стояла рядомъ въ очень уныломъ настроеніи, и Джудъ видимо хотѣлъ еще что-то повѣдать Сусаннѣ.

— Я хочу сказать вамъ всего два слова,—проговорилъ онъ торопливо, когда подходилъ поѣздъ;—одно горячее, а другое холодное!

— Джудъ, остановила она,— одно изъ нихъ я угадала, но... не смѣйте.

— Чего?

— Не смѣйте любить меня. Будьте просто моимъ другомъ—вотъ и все!

Лицо Джуда выражало такую грустную внутреннюю борьбу, что Сусаннѣ стало жаль кузена и она съ особенной нѣжностью простилась съ нимъ въ окно вагона. Поѣздъ тронулся, и она исчезла, сдѣлавъ ему прощальный жестъ своей хорошенькой ручкой.

Мельчестеръ опостылѣлъ Джуду послѣ отъѣзда Сусанны. На другой день пришло отъ нея письмо, написанное съ обычной для нея спѣшностью, тотчасъ по прибытіи къ подругѣ. Сообщая ему о своемъ благополучномъ пріѣздѣ и уютномъ устройствѣ, она прибавляла:

«Теперь, дорогой Джудъ, пару словъ о томъ, что я вамъ сказала при прощаніи. Вы были такъ добры и нѣжны ко мнѣ, что, разставшись съ вами, я почувствовала, какъ жестоко и неблагодарно было съ моей стороны сказать вамъ ту суровую фразу, которая съ тѣхъ поръ терзаетъ меня постоянно. Если хотите любить меня, Джудъ,—можете: я противъ этого ничего не имѣю, и ужъ никогда не скажу вамъ — не смѣйте любить меня. Больше не желаю говорить объ этомъ. Надѣюсь, вы простите вашего легкомысленнаго друга въ его жестокости и не откажете въ прежнемъ расположеніи

Навсегда преданной

Сусаннѣ».

Было-бы излишнимъ говорить, каковъ былъ его отвѣтъ. Будь онъ свободенъ, ей не пришлось-бы искать убѣжища у какой-то подруги, Богъ знаетъ гдѣ. Онъ чувствовалъ въ себѣ полную увѣренность въ побѣдѣ, если-бы дѣло дошло до столкновенія съ Филлотсономъ изъ-за обладанія Сусанной.

Между тѣмъ Джудъ придавалъ быть можетъ большее значеніе экспансивному письму Сусанны, нежели какое оно имѣло въ дѣйствительности.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ возмечталъ, что кузина напишетъ еще. Но никакихъ дальнѣйшихъ вѣстей онъ не получалъ, и въ порывѣ участія послалъ ей другое письмо, въ которомъ извѣщалъ, что навѣститъ ее въ одно изъ воскресеній.

Джудъ съ волненіемъ ожидалъ немедленнаго отвѣта, но отвѣта не было. Насталъ третій день, почтальонъ не остановился. Это было въ субботу, и въ лихорадочномъ безпокойствѣ за Сусанну онъ отправилъ ей коротенькое извѣщеніе, что пріѣдетъ завтра, такъ какъ увѣренъ, что случилось что-нибудь неладное.

Его первой мыслью было то, что она захворала; но въ такомъ случаѣ кто-нибудь извѣстилъ-бы его объ этомъ. Прибытіе въ сельскую

школу близь Шастона, въ ясное воскресное утро, когда всѣ мирные обыватели были въ церкви, положило конецъ его неправильнымъ догадкамъ.

Небольшая дѣвочка отворила дверь.

— Миссъ Брайдхэдъ наверху,—сказала она на вопросъ гостя.— Не угодно-ли вамъ подняться.

— Она нездорова?—спросилъ Джудъ поспѣшно.

— Такъ немножко—ничего особеннаго.

Джудъ поднялся и, когда вошелъ на площадку, знакомый голосъ подсказалъ ему куда повернуть: это былъ голосъ Сусанны. Онъ засталъ ее въ кровати, въ тѣсной комнаткѣ.

— Ахъ, Сусанна!—воскликнулъ Джудъ, садясь подлѣ нея и взявъ ее за руку.—Что съ вами! Вы не могли писать?

— Нѣтъ, дѣло не въ этомъ!—отвѣтила она.—Я дѣйствительно схватила сильную лихорадку, но писать могла, только не хотѣла!

— Почему-же? Зачѣмъ такъ мучить меня молчаніемъ?

— Я и не хотѣла мучить, но рѣшила никогда больше не писать вамъ. Наша начальница не желаетъ меня принять обратно въ школу, вотъ почему я и считала неудобнымъ продолжать съ вами переписку.

— Хорошо; а дальше?

— Она не только не желаетъ меня, но даетъ мнѣ еще интимный совѣтъ...

— Какой?

Сусанна отвѣтила не сразу.—Я дала себѣ слово никогда не говорить вамъ объ этомъ—такъ это грубо и грустно!

— Что-же—насчетъ насъ, что-ли?

— Да.

— По крайней мѣрѣ, объясните мнѣ, въ чемъ дѣло!

— Ну слушайте. Кто-то сдѣлалъ начальству недостойный доносъ на насъ, и мнѣ сказали, что вы должны безотлагательно жениться на мнѣ для спасенія моей репутаціи! Ну вотъ—теперь я вамъ сказала, и сама не рада этому!

— Ахъ, бѣдная Сусанна!

— Но успокойтесь. Я не смотрю на васъ ихъ глазами! Я и сама поняла, что братство наше было только номинальное, разъ мы встрѣтились совершенными незнакомцами. Но мой бракъ съ вами, милый Джудъ— это абсурдъ. Согласитесь, что еслибъ я разсчитывала выйти за васъ, мнѣ не слѣдовало-бы такъ часто приходить къ вамъ! Я никогда не предполагала, что вы думаете о женитьбѣ на мнѣ до того памятнаго вечера, когда мнѣ впервые представилось, что вы немножко любите меня. Быть можетъ, мнѣ не слѣдовало такъ сближаться съ вами. Это все моя вина. Во всемъ всегда моя вина!

Это признаніе казалось нѣсколько принужденнымъ и они смотрѣли другъ на друга съ выраженіемъ безотчетной тоски.

— Я была такъ слѣпа въ началѣ,—продолжала Сусанна. И не замѣчала, что у васъ происходитъ на сердцѣ. О, вы были безжалостны ко мнѣ—вы смотрѣли на меня, какъ на любимую дѣвушку, не говоря объ этомъ ни слова, и предоставили мнѣ самой сдѣлать это открытіе! И вотъ вашу привязанность ко мнѣ узнали въ школѣ и понятно, что начальство видитъ въ нашихъ отношеніяхъ всякіе ужасы! Теперь уже я никогда не буду вамъ вѣрить. Слышите, Джудъ?

— Да, Сусанна,—отвѣтилъ онъ просто,—я достоинъ порицанія—даже болѣе, нежели вы думаете. Я хорошо зналъ, что вы не подозрѣвали моихъ чувствъ къ вамъ. Но развѣ вы не находите меня заслуживающимъ хоть нѣкотораго снисхожденія за утайку моихъ неумѣстныхъ чувствъ, разъ я не могъ дать имъ исхода?

Сусанна бросила на него недовѣрчивый взглядъ и сейчасъ-же отвернулась, какъ-бы боясь, что можетъ простить его.

Подъ впечатлѣніемъ этого объясненія, Джудъ хотѣлъ разсказать ей свою фатальную біографію. Она была на его устахъ; но въ этотъ грустный для него часъ признаніе не сходило съ языка, и онъ предпочелъ оставить Сусанну при сознаніи родственныхъ препятствій къ ихъ брачному союзу.

— Я знаю, вы ко мнѣ равнодушны,—сказалъ онъ сухо.—Вы не можете сблизиться со мною, да и не имѣете права. Вы принадлежите м-ру Филлотсону. Если не ошибаюсь, онъ былъ у васъ здѣсь?

— Да,—отвѣтила она коротко, слегка измѣнившись въ лицѣ,—хотя я не приглашала его. Вы вѣроятно рады, что онъ былъ; я же отношусь къ его посѣщеніямъ совершенно равнодушно.

Но вмѣсто отвѣта, Джудъ перевелъ рѣчь на другой предметъ.

— Все перемелется, дорогая Сусанна, утѣшалъ кузенъ.—Въ вашемъ дѣлѣ свѣтъ не клиномъ сошелся. Школа не одна. Вы можете поступить въ какое-нибудь другое заведеніе.

— Я посовѣтуюсь съ м-ромъ Филлотсономъ,—отвѣтила она рѣшительно.

Хозяйка Сусанны возвратилась изъ церкви, и интимный разговоръ прекратился. Джудъ уѣхалъ, чувствуя себя безнадежно несчастнымъ. Но онъ видѣлъ ее, сидѣлъ съ нею. Разговоръ этотъ останется у него въ памяти на всю жизнь. Ему, будущему пастору, нуженъ и полезенъ этотъ урокъ самоотверженія!

На другой день Джудъ проснулся съ мучительными мыслями о Сусаннѣ. Онъ рѣшилъ, что она была пристрастна, несправедлива къ нему, но старался найти въ ней какія-нибудь примиряющія черты. Въ

этихъ думахъ застала его слѣдующая записка, отправленная ею, вѣроятно, вслѣдъ за его уходомъ:

«Простите мнѣ мои вчерашніе капризы! Я была рѣзка съ вами, знаю это, и мнѣ самой это противно. А вы были такъ милы, что даже не разсердились. Джудъ, прошу васъ, считайте меня всегда вашимъ другомъ и товарищемъ, не смотря на всѣ мои недостатки. Я постараюсь исправиться. Въ субботу пріѣду въ Мельчестеръ взять свои вещи изъ школы и по другимъ дѣламъ. Могу удѣлить полчаса на прогулку съ вами, если хотите.

Ваша виноватая

Сусанна.

Джудъ простилъ ее тотчасъ-же, и отвѣтилъ просьбой немедленно вызвать его съ работы въ соборѣ, когда она пріѣдетъ въ Мельчестеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ ожиданіи чумы.

Il est un temps où la peste et la guerre
Ne trouvent plus de vivants à faucher.
A. Barbier.

Un mal qui repand la terreur,
Mal que le ciel en sa fureur
Inventa pour punir les crimes de la terre,
La peste, pusqu'il faut l'appeler par son nom.
Capable d'enrichir en un jour l'Acheron.
La Fontaine.

Современное европейское населеніе мало знакомо съ чумой, хотя въ памяти каждаго изъ насъ живо описаніе тѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось ея распространеніе въ древности, въ средніе вѣка, а въ Москвѣ даже въ прошломъ столѣтіи. Не безъ основанія знаменитый Галенъ, жившій во 2-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова, опредѣлялъ чуму слѣдующими характерными словами: «если какая-либо болѣзнь поражаетъ на одномъ мѣстѣ многихъ людей, то она называется повальной, а если отъ нея въ тоже время многіе умираютъ, то это—чума». Тяжелыя эпидеміи ея, господствовавшія иногда десятки лѣтъ, налагали такой рѣзкій отпечатокъ на міросозерцаніе современниковъ, оказывали столь сильное вліяніе на судьбы человѣчества, что ужасы ея не могли ускользнуть отъ вниманія историковъ и лѣтописцевъ. Изъ памяти народовъ до сихъ поръ не изгладились воспоминанія о ней. Она сильно дѣйствовала на воображеніе поэтовъ и самъ знаменитый Боккачіо, веселый сатирикъ легкихъ нравовъ XIV ст., оставилъ намъ одно изъ лучшихъ описаній этой болѣзни. Рафаэль, Пуссенъ, Давидъ, а за ними и цѣлый рядъ менѣе знаменитыхъ художниковъ, олицетворяли свои впечатлѣнія на цѣломъ рядѣ картинъ, понынѣ украшающихъ всевозможные музеи и картинныя галлереи.

Дѣйствительно, въ исторіи человѣчества мало можно найти страницъ, столь мрачныхъ и ужасныхъ по своему изложенію, какъ тѣ, которыя посвящены «Юстиніановой чумѣ», свирѣпствовавшей въ VI ст., и еще болѣе ужасной «черной смерти», дававшей себя чувствовать въ XIV ст. Послѣдняя обошла весь извѣстный тогда міръ. О ней сохранились не только многочисленныя описанія, но въ народѣ до сихъ поръ передаются страшныя легенды того времени, когда появленію ея предшествовали огненные столбы, кометы, изверженія вулкановъ, провалы горъ, необычайныя засухи, смѣнявшіяся ужасающими ливнями и другими проявленіями возмущенной природы, когда люди видѣли страшные призраки, шествовавшіе по улицамъ городовъ и сильными толчками дававшіе знать жертвѣ, что она подлежитъ смерти отъ чумы. Богатые города, съ многочисленнымъ населеніемъ, цвѣтущія области Италіи, Франціи, Германіи и многихъ другихъ странъ, въ томъ числѣ и нашей родины превращались въ печальныя пустыни, гдѣ рыскали дикіе звѣри, избиравшія покинутыя жителями помѣщенія своими логовищами, такъ какъ болѣзнь безлюдила цѣлые края. Смерть уносила въ теченіе короткаго времени десятки милліоновъ жителей,—оставшіеся въ живыхъ въ страхѣ разбѣгались и разносили заразу дальше и дальше.

Мы далеко ушли отъ тѣхъ печальныхъ временъ. Культура сдѣлала свое! Европа, насколько съумѣла, оградила себя отъ этой болѣзни и уже давно не испытывала ея. Но европейскимъ ученымъ и врачамъ и европейской культурѣ не удалось еще уничтожить чуму въ мѣстахъ ея зарожденія—Персіи, Мессопотаміи, Египтѣ и особенно въ Индіи. Мы все еще должны жить подъ постояннымъ опасеніемъ не только взрыва этой тяжелой болѣзни на мѣстахъ ея родины, но и того, что, зародившись, она проникнетъ къ намъ и потребуетъ много жертвъ, — такъ какъ мы до сихъ поръ еще очень мало знаемъ, какъ о сущности болѣзни, такъ и о причинахъ ее вызывающихъ. Если простодушный лѣтописецъ писалъ, что, въ 1352 г. «сица же смерть бысть скора: хракочетъ человѣкъ кровію и на третій день умираша» или что въ 1364 году «хракоху людіе кровью, а иніи железою болѣзноваху одинъ день, или два, или три и мало нѣціи пребывше и тако умираху», — не замѣчая, что онъ отмѣтилъ самыя характерныя особенности обѣихъ формъ, въ которыхъ наблюдается чума (палійская и бубонная), то въ настоящее время мы можемъ прибавить къ его словамъ очень немногое. Тяжелое и необычайно быстрое теченіе болѣзни, въ высшей степени сильно-выраженная заразительность ея, вслѣдствіе которой многіе врачи-наблюдатели гибли ранѣе, чѣмъ успѣвали съ кѣмъ-либо подѣлиться пріобрѣтенными знаніями и опытомъ, все это, вмѣстѣ взятое, мало содѣйствовало изученію этого страданія. Правда, скоро 3 года, какъ найдены французомъ Жерсэномъ и японцемъ Китазато бактеріи чумы; удалось

подмѣтить ихъ утолщеніе на обоихъ концахъ, даже дѣлаютъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ подкожныя впрыскиванія противочумной сыворотки, но какъ все это мало въ сравненіе съ тѣмъ, что нужно знать для рѣшительной борьбы со столь ужаснымъ бичемъ, не говоря уже о томъ, что необходимо для искорененія болѣзни на самомъ мѣстѣ ея зарожденія.

По настоящее время почти всѣ наши свѣдѣнія ограничиваются тѣмъ, что отъ момента зараженія до проявленія болѣзни (инкубаціонный періодъ) проходитъ 2—7 дней, что она передается людьми, съ которыми приходятъ въ тѣсное и продолжительное общеніе, поражаетъ не только людей, но и животныхъ, какъ, напр., собакъ, свиней, голубей, змѣй и особенно крысъ, являющихся первыми, даже ранѣе людей, жертвами заразы,—фактъ, извѣстный, впрочемъ, уже Ѳукидиду. Уже въ 1879 г. извѣстный англійскій авторитетъ по чумѣ, Фрэнсисъ, утверждалъ, что «почти неизмѣнно наблюдается усиленная смертность крысъ той деревни, гдѣ вскорѣ должна появиться чума. Животное выбирается изъ своей норы, шатается, харкаетъ кровью и околѣваетъ». Въ Китаѣ, въ Юнг-Нанѣ, гибель крысъ служила хорошимъ предзнаменованіемъ для населенія, которое очищало свои дома и въ нѣкоторыхъ случаяхъ покидало опасную мѣстность. Нужно предполагать, что всѣ перечисленныя животныя, равно какъ муравьи, пожирающіе трупы крысъ, мухи, находимыя мертвыми въ громадномъ числѣ около труповъ чумныхъ, — всѣ они являются одними изъ самыхъ опасныхъ, почти неуловимыхъ распространителей заразы. Существуютъ безспорныя наблюденія, что люди, очищавшіе подполья домовъ отъ труповъ крысъ, заражались, въ свою очередь, чумой.

Одними изъ наиболѣе частыхъ мѣстъ зарожденія эпидеміи являются Индія и Персія. Нужно думать, что какъ въ одной, такъ и въ другой странѣ чума существуетъ постоянно, вызывая отдѣльныя заболѣванія то въ одной, то въ другой мѣстности. Иногда-же, подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ причинъ, она выходитъ изъ своего дремотнаго состоянія и, пробудившись, съ особенной энергіей и силой даетъ взрывы большей или меньшей силы и обнаруживается не только увеличеніемъ числа жертвъ, но и ясно выраженнымъ стремленіемъ къ дальнѣйшему пространственному распространенію.

Чума можетъ протекать въ различныхъ формахъ. Легчайшіе случаи протекаютъ даже безъ всякой лихорадки. У заболѣвшаго наблюдается развитіе опухолей различныхъ железъ, почти безъ всякой боли, не причиняющіе никакихъ замѣтныхъ разстройствъ, не препятствующихъ обычнымъ занятіямъ и исчезающихъ иногда даже по прошествіи 3—6 дней. Гораздо рѣже такое безопасное теченіе болѣзни принимаетъ болѣе бурный и опасный оборотъ. Даже въ ряду лихорадочныхъ формъ чумы принято различать легкія и тяжкія формы. Первыя иногда протекаютъ въ

какія-нибудь 24 часа; послѣ обильнаго пота повышенная температура падаетъ, боль въ железахъ уменьшается. Больной чувствуетъ себя хотя слабымъ, но совершенно здоровымъ. Постепенно опухшія железы всасываются и больной выздоравливаетъ. Иногда болѣзнь по своему теченію совершенно напоминаетъ перемежающуюся лихорадку и только опухшія железы даютъ знать, что мы имѣемъ передъ собою болѣе опаснаго врага.

При существованіи такихъ формъ чумы, послѣдняя долго не будетъ обращать вниманія на себя не только мѣстной администраціи, но и самихъ заболѣвшихъ и ихъ окружающихъ. Лишь при появленіи тяжелыхъ формъ, поражающихъ многія жертвы, вспоминаютъ о возможной опасности для всего населенія.

Мы уже упомянули, что чума всего чаще зарождается и получаетъ наивозможно широкое развитіе въ Индіи и Персіи, двухъ странахъ, которыя по своимъ географическимъ условіямъ играютъ громадную роль и по отношенію къ Россіи, а потому всякая вѣсть о появленіи въ нихъ эпидеміи, будь то холера или чума, мѣсто родины которыхъ находится въ нихъ, не можетъ не вызвать особеннаго безпокойства именно у насъ. Въ Америкѣ чума до сихъ поръ ни разу не наблюдалась; въ западно-европейскія государства эпидемія можетъ проникнуть изъ азіатскихъ странъ только морскимъ путемъ, послѣ продолжительнаго пребыванія кораблей въ пути и въ портѣ, въ которыхъ не трудно установить болѣе или менѣе достаточный надзоръ за прибывшими, до нѣкоторой степени гарантирующій благополучіе мѣстнаго населенія. Черезъ сухопутныя границы азіатскія эпидеміи могутъ проникнуть въ Западную Европу только черезъ Россію. Не даромъ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ авторовъ по чумѣ, д-ръ М. И. Потѣхинъ, говоритъ: «почти исключительно на одной Россіи лежитъ отвѣтственная обязанность огражденія какъ ея самой, такъ и всей остальной Европы отъ занесенія чумы сухимъ путемъ». Врядъ-ли такая почетная миссія, выполненіе которой возлагаетъ на наше отечество цѣлый рядъ матеріальныхъ и экономическихъ лишеній и потребуетъ многочисленныхъ жертвъ людьми, можетъ быть особенно пріятно нашему національному самолюбію, но разъ уже такъ сложились роковыя географическія условія, мы не можемъ не считаться съ этимъ. Не мало невзгодъ испытали мы въ послѣдніе годы, не мало людей пострадало въ теченіи короткаго времени отъ смертельнаго сыпного тифа, вызваннаго неурожаями, сотни тысячъ здоровыхъ, крѣпкихъ людей были вырваны изъ нашей среды 3 года подрядъ свирѣпствовавшей холерою, не мало опасеній вызываетъ недородъ во многихъ мѣстностяхъ въ истекшемъ 1896 г. Россія своей грудью защитила Европу отъ холеры, какъ когда-то защитила отъ татарскаго ига. Почему на ея долю выпадаетъ теперь еще печальная участь стать на пути чумы?

Отвѣтъ на это очень простъ. Съ одной стороны, наша Имперія по многимъ причинамъ находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для занесенія заразы; съ другой — сама зараза, появившись въ предѣлахъ Россіи, находитъ здѣсь также исключительно благопріятныя условія для своего дальнѣйшаго развитія. Такимъ образомъ, какъ неблагопріятныя географическія соотношенія, съ одной стороны, такъ и общественно-санитарныя условія всего населенія, съ другой, являются тѣми двумя факторами, на которые приходится указать при появленіи всякой угрожающей эпидеміи гдѣ-либо въ предѣлахъ азіатскихъ странъ.

Подобныя опасенія неизбѣжно возникли и въ 1894 г., когда эпидемія обнаружилась въ Китаѣ (къ счастью, она скоро прекратилась) и въ концѣ прошлаго года, когда впервые появились слухи о чумѣ въ бомбейскомъ президенствѣ, въ городахъ, Бомбеѣ и Корачи, откуда она постепенно начала распространяться и дальше, направляясь все болѣе и болѣе къ сѣверу. Бѣглаго взгляда на карту Индіи, самаго поверхностнаго знакомства съ бомбейскимъ президентствомъ, съ міровымъ значеніемъ обоихъ, ранѣе всего пострадавшихъ, городовъ, вполнѣ достаточно, чтобы понять, почему вѣсти о чумѣ такъ встревожили всѣ европейскія правительства и русское—въ особенности. Большинство двадцатипятимилліоннаго населенія бомбейскаго президенства состоитъ изъ мусульманъ, этихъ главнѣйшихъ, какъ мы увидимъ ниже, агентовъ распространенія тяжелыхъ азіатскихъ эпидемій, холеры и чумы, по всему свѣту. Города Бомбей и Корачи ведутъ настоящую всемірную торговлю; въ ихъ громаднѣйшихъ гаваняхъ собираются корабли и пароходы со всего свѣта и отсюда тоже расходятся во всѣ приморскія страны и государства. Самъ Корачи лежитъ почти на самой границѣ съ Белуджистаномъ, близокъ къ Афганистану и, вѣроятно, въ нихъ уже проникла эпидемія. Обѣ эти страны также населены почти сплошнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Зарождающіяся среди туземцевъ Индіи болѣзни находятъ много благопріятныхъ условій для своего развитія, такъ какъ индусы, даже въ такихъ городахъ какъ Бомбей, въ своемъ такъ называемомъ «Черномъ городѣ» живутъ крайне скученно, въ невѣроятной грязи и при отсутствіи какого-бы то ни было гигіеническаго благоустройства. Бѣдность мѣстныхъ жителей давно извѣстна, голодовки тамъ постоянны, а нерѣдкіе неурожаи, въ родѣ тяжкаго неурожая, поразившаго страну въ прошломъ году, создаютъ самыя печальныя картины вымирающаго отъ голода населенія. Но, какъ и вездѣ, если голодъ непосредственно убиваетъ тысячи и тысячи людей, то недостатокъ питанія ослабляетъ, дѣлаетъ хилымъ милліоны и позволяетъ жирѣть и богатѣть только немногимъ, ловко эксплоатирующимъ народное бѣдствіе. Среди такого истощеннаго голодомъ населенія всѣ болѣзни, а тѣмъ болѣе эпидемическія не только находятъ чрезвычайное число жертвъ,

но, поражая субъектовъ, почти лишенныхъ способности противодѣйствія внѣшнимъ вреднымъ вліяніемъ, влекутъ за собою чрезмѣрно-усиленную смертность. Среди такого истощеннаго населенія появилась въ прошломъ году чума, всегда въ слабой степени существующая въ Индіи. Естественно, что она, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, сразу нашла благодарную почву для своего жестокаго усиленія среди голодныхъ, истощенныхъ жителей и затѣмъ, усилившись, начала поражать и ту часть населенія, которая пользуется лучшими матеріальными условіями. Такъ бываетъ, впрочемъ, вездѣ и со всякой эпидеміей. Зародившись въ жалкихъ лачугахъ бѣдняковъ, поразивъ тамъ большее или меньшее число жертвъ, болѣзнь на столько усиливается въ своей вредоносности, ядъ ея настолько распространяется, что и обитатели роскошныхъ дворцовъ не могутъ уже болѣе считать себя гарантированными отъ заразы. Если при незначительномъ числѣ больныхъ, сконцентрированныхъ въ небольшомъ числѣ пунктовъ, возможность искорененія отдѣльныхъ очаговъ болѣзни не представляетъ, при современныхъ нашихъ знаніяхъ, большого труда, то борьба съ эпидеміей связывается съ громадными, подчасъ непреодолимыми затрудненіями, когда число очаговъ ея сильно разрослось и сами они разбросаны повсюду во множествѣ отдѣльныхъ пунктовъ.

Стоитъ прочитать нѣсколько самыхъ безпристрастныхъ описаній санитарнаго положенія Индіи, Китая, Персіи, Египта, вообще странъ, вѣчно угрожающихъ физическому благосостоянію Европы эпидеміями холеры и чумы, чтобы рѣшительно придти втупикъ, какимъ образомъ тамъ еще уцѣлѣло многомилліонное населеніе, почему оно не вымираетъ полностью при условіяхъ, при которыхъ могутъ жить только звѣри. Такъ, напр., знаменитый Ру (Roux), одинъ изъ самыхъ выдающихся сотрудниковъ Пастера, по личнымъ наблюденіямъ, даетъ слѣдующую картину жизни мѣстнаго населенія. По его словамъ, «жизнь индуса—длинный рядъ лишеній, о которыхъ европеецъ не можетъ себѣ составить понятія. Его жилище, построенное изъ соломы или ила, не велико, не имѣетъ оконъ и представляетъ изъ себя не только единственную комнату для сна, ѣды и работы, но въ ней-же онъ помѣщаетъ на ночь свою домашнюю скотину. Полъ земляной и потому во время сильныхъ дождей въ домахъ замѣчается необычайная сырость. Вмѣсто мебели служатъ пальмовые листья. Вся одежда ограничивается кускомъ какой-либо ткани, обернутой вокругъ чреселъ. Пища бѣднаго индуса ограничивается рисомъ, овощами и солью, а подчасъ исключительно овощами и травами, которые, въ виду дороговизны топлива, употребляютъ едва сваренными. Водой пользуются изъ пресловутыхъ танковъ, т. е. прудовъ, въ которыхъ проф. Кохъ нашелъ множество холерныхъ бациллъ. По словамъ Ру, вода этихъ танковъ безусловно ядовита, такъ какъ они всегда въ изобиліи покрыты гніющими бамбуковыми листьями и особаго рода мхомъ

(pairo). Въ эти пруды, часто крайне незначительной величины, стекаетъ вся грязная вода жилищъ; въ нихъ-же женщины моютъ посуду и стираютъ бѣлье, нерѣдко отъ холерныхъ, чумныхъ и всякихъ другихъ больныхъ; здѣсь-же купаются сами и купаютъ своихъ животныхъ; въ нихъ-же вымачивается продолжительное время и бамбукъ, употребляемый для постройки домовъ». Англійскій врачъ Фрэнсисъ, излагая причины появленія чумы въ Индіи, также описываетъ самыми мрачными красками индійскую деревню, окруженную громадными кучами навоза. Атфосферу и спеціальный запахъ этихъ поселеній надо вдыхать, чтобы оцѣнить. Они единственныя въ своемъ родѣ и въ себѣ самихъ заключаютъ болѣзнь. Представляя себѣ подобную деревню, не должно удивляться, что если болѣзнь появляется въ ней, то и распространяется неудержимо.

Если такія благопріятныя условія для чумѣ и холеры существуютъ въ обычное благопріятное время, то не трудно себѣ представить, какія опасности возникаютъ при появленіи эпидемій въ тяжелые голодные годы, въ родѣ настоящаго. Истощенные жители легко поддаются всякой заразѣ и должны гибнуть въ невѣроятномъ числѣ.

Мы уже сказали, что эпидеміи, возникшія въ странахъ съ многочисленнымъ мусульманскимъ населеніемъ, представляютъ громадную опасность для всего міра. Она лежитъ въ паломничествѣ мусульманъ въ священныя мѣста, куда ежегодно стекаются сотни тысячъ пилигриммовъ изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ они живутъ. Особенное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи городъ Мекка, санитарныя условія которой являются вѣчной угрозой. Со словъ нашего извѣстнаго путешественника, покойнаго д-ра Елисѣева, извѣстна печальная обстановка, въ которой находятся богомольцы. Пилигриммы, ранѣе, чѣмъ достигнуть священной Каабы, должны пройти тысячи верстъ по азіатскимъ и африканскимъ землямъ, подвергаясь по пути всѣмъ ужасамъ скитальческой жизни. Къ концу путешествія нищета поклонниковъ поразительна. Истощенные трудной дорогой, исхудалые, едва передвигающіе ноги, добираются въ большинствѣ случаевъ магометанскіе ходжіи до воротъ Мекки. По прибытіи въ городъ, они помѣщаются, кто побогаче—въ ханахъ, грязныхъ постоялыхъ дворахъ; большинство же тѣснится въ темныхъ арабскихъ лачугахъ, въ пещерахъ или даже просто подъ открытомъ небомъ. Усердная молитва истощаетъ силы организма, тѣмъ болѣе, что богомольцы питаются гнилыми продуктами и даже отбросами. На половину залитые помоями, въ грязи, въ своихъ собственныхъ изверженіяхъ валяются, безъ всякаго призора, сотни несчастныхъ заболѣвшихъ. Ужасные міазмы наполняютъ городъ, а во время паломническихъ нашествій люди просто мрутъ подъ палящими лучами аравійскаго солнца, заѣдаемые паразитами, изуродованные тяжкими страданіями, въ ужасающихъ мукахъ предсмертной агоніи. Трупы ихъ разлагаются среди органическихъ отбросовъ всякаго рода,

поражаютъ зловоніемъ даже и привыкшихъ жителей Востока. Понятно, что при подобныхъ исключительныхъ мѣстныхъ условіяхъ возникновеніе, а особенно чрезмѣрное развитіе эпидеміи, въ случаѣ заноса заразы, чрезвычайно облегчено.

Въ такихъ очагахъ заразы встрѣчаются и сталкиваются между собой представители мусульманскаго населенія изъ Индіи, Персіи, Турціи, Египта, разныхъ другихъ азіатскихъ и африканскихъ странъ. Сюда-же приходятъ магометане съ Волги, Кавказа, Крыма, изъ Средней Азіи, словомъ изъ многочисленныхъ мѣстностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи. Отсюда многочисленные богомольцы, выполнивъ свои религіозные завѣты, возвращаются домой, нерѣдко нося въ себѣ зародыши всевозможныхъ опаснѣйшихъ болѣзней. Многіе изъ нихъ гибнутъ въ пути, но успѣваютъ заразить своихъ товарищей по каравану; уцѣлѣвшіе успѣваютъ придти домой и здѣсь какъ сами, такъ и своими зараженными вещами, заносятъ зачатки оспы, холеры, чумы, сыпнаго тифа и другихъ бичей человѣчества.

Но опасность заноса эпидеміи въ Россію ограничивается не одними паломниками, по отношенію, къ которымъ возможенъ довольно точный контроль. Болѣе того, паломничество, благодаря тому, что оно совершается въ извѣстное время года, что богомольцы идутъ по разъ навсегда протореннымъ путямъ и дорожкамъ, что движеніе каравановъ ихъ совершается въ опредѣленномъ порядкѣ, не только можетъ быть болѣе или менѣе регулировано, но даже совсѣмъ воспрещено. Извѣстно, что наше правительство, подобно австрійскому и французскому, воспретило въ настоящемъ году мусульманамъ направляться въ Мекку, православнымъ богомольцамъ въ Св. Землю. Болѣе того, по требованію русскихъ властей, и англійское правительство не выдаетъ паспортовъ индусамъ мусульманамъ для путешествія на поклоненіе Каабѣ. До нѣкоторой степени, подобно паломничеству, могутъ быть регулированы и торговые пути, и движеніе торговыхъ каравановъ въ предѣлы Россіи. Но наибольшая опасность лежитъ въ громадности нашихъ азіатскихъ сухопутныхъ границъ. Наша безпредѣльная сухопутная пограничная линія, въ нѣсколько тысячъ верстъ, представляетъ безчисленное множество лазеекъ, щелей, черезъ которыя отдѣльныя лица и даже цѣлыя кочевья съ большими или меньшими затрудненіями могутъ проникнуть въ предѣлы Россіи, нисколько не безпокоя начальства извѣщеніями о своемъ переходѣ. Съ другой стороны, наша азіатская сухопутная граница соприкасается съ цѣлымъ рядомъ странъ, своеобразная культура которыхъ исключаетъ всякую возможность санитарнаго надзора за населеніемъ, а потому свѣдѣнія о томъ, возникли-ли среди послѣдняго тѣ или другія заразныя болѣзни, остаются для насъ совершенно неизвѣстными и мы узнаемъ о нихъ только тогда, когда эпидеміи начинаютъ свирѣпствовать

въ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что наши азіатскіе сосѣди разбросаны во множествѣ отдѣльныхъ пунктовъ, живутъ кочевою жизнью, переходятъ съ мѣста на мѣсто, даже не отдавая себѣ строгаго отчета, находятся-ли они въ нашихъ или чужихъ предѣлахъ. Вообще живя достаточно замкнутой жизнью, чтобы ускользнуть отъ ближайшаго надзора мѣстныхъ административныхъ и врачебныхъ властей, они въ тоже время поддерживаютъ весьма тѣсное общеніе съ населеніемъ другихъ странъ, сталкиваются съ ними въ ихъ домашней, семейной жизни, совершенно не признавая необходимымъ, какъ ради ихъ собственнаго здоровья, такъ и здоровья другихъ, правилъ общежитія и гигіеническихъ мѣръ. Такимъ образомъ уловить тлѣющіе въ такомъ населеніи зачатки той или другой заразы почти не мыслимо. Исподволь, поражая сперва единичныя личности, незамѣтно подкрадываясь къ болѣе густо населеннымъ пунктамъ и мѣстностямъ, эпидемія вдругъ обнаруживается съ большей или меньшей силой уже въ многолюдныхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ фактическій врачебный контроль за населеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тогда, когда борьба съ заразой будетъ въ высшей степени затруднительна.

Мусульманское населеніе знаетъ только двѣ мѣры борьбы съ тяжелыми эпидеміями, въ особенности такими, какъ чума и холера: молитва, которая, вѣроятно, не всегда доходитъ до неба, и бѣгство изъ пораженныхъ мѣстъ. Обѣ эти мѣры практиковались уже въ самыя древнія времена и если первая только не помогала заболѣвшимъ, то вторая вмѣстѣ съ тѣмъ представляла громадную опасность для мѣстъ, пока еще не пораженныхъ эпидеміей. Конечно, если бѣжали пока еще не заразившіеся субъекты, не приходившіе въ соприкосновеніе ни съ больными, ни съ зараженными предметами и вещами, то цѣль достигалась. Недаромъ старинная нѣмецкая пѣсенка гласитъ:

Drei Ding dadurch ein Jedermann
Der Pestilentz entgehen kan:
Fleich bald, zeuch weit von solcher Gräntz
Darinn regiert die Pestilentz,
Komm langsam wieder in die Stadt
Da solche Seuch regieret hat [1].

Но опасность подобнаго бѣгства для сосѣднихъ странъ именно и заключается въ томъ, что многіе бѣгутъ, находясь въ такъ называемомъ инкубаціоннымъ періодѣ болѣзни, т. е., когда она уже существуетъ въ зародышѣ, но еще не успѣла обнаружиться. На ряду съ этимъ переносятся вещи и предметы, въ которыхъ также вселилась зараза. Тогда, если только послѣдняя находитъ благопріятныя условія для своего раз-

---

[1]) Желая избѣгать чумы, бѣги скорѣе изъ мѣстности, гдѣ она господствуетъ, и попозже возвратись въ нее.

витія въ новомъ мѣстѣ, появленіе эпидеміи въ послѣднемъ неизбѣжно. Исторія любой изъ нихъ, развившейся въ той или другой странѣ, почти всегда подтверждаетъ фактъ занесенія эпидеміи обезумѣвшими отъ страха бѣглецами. Изъ послѣднихъ газетныхъ извѣщеній извѣстно, что изъ зачумленнаго Бомбея бѣжало свыше 400000 жителей. Сколько было среди нихъ больныхъ и сколько новыхъ очаговъ болѣзни было ими создано!

Уже въ древности, а тѣмъ болѣе въ средніе вѣка и особенно въ близкія намъ столѣтія, факты страшной заразительности нѣкоторыхъ болѣзней были извѣстны не только врачамъ, но во многихъ мѣстностяхъ и самому населенію. Тогда не знали другихъ способовъ борьбы съ нею, какъ только недопущеніе заразы въ тѣ или другіе еще пощаженные эпидеміей мѣста. Нашему столѣтію принадлежитъ великая заслуга: учеными и администраціей сознано, что существуютъ болѣе дѣйствительныя мѣры охраненія народа отъ эпидеміи оздоровленіемъ его мѣстожительства. Во главѣ народовъ, усвоившихъ эту элементарную истину, стоитъ Англія, на которую близорукіе люди возлагаютъ всю нравственную отвѣтственность за эпидеміи, непрерывно угрожающія нашему благополучію. Но не будетъ-ли справедливѣе раньше, чѣмъ попрекать Англію въ безсердечіи и черствомъ эгоизмѣ, ознакомиться, почему она всѣхъ менѣе опасается заноса эпидеміи, и воспользоваться ея примѣрами, которые у всѣхъ на глазахъ.

Мы еще вернемся къ этой сторонѣ вопроса. Теперь-же укажемъ, что уже въ средніе вѣка явилось стремленіе защитить извѣстные пункты отъ угрожающей имъ, вслѣдствіе прибытія лицъ изъ зараженныхъ мѣстностей, опасности—перерывомъ правильно установившагося сообщенія, т.-е. созданіемъ пресловутыхъ карантиновъ, значеніе и польза которыхъ до настоящаго времени служатъ предметомъ самой ожесточенной полемики. Первый карантинный законъ вышелъ въ 1374 г. въ Моденѣ, въ Италіи, и былъ вызванъ именно страшной эпидеміей «черной смерти», погубившей десятки милліоновъ людей въ Европѣ и Азіи.

Какъ извѣстно, сущность карантиновъ сводится къ строжайшему наблюденію за морскими и сухопутными границами съ цѣлью ограниченія, иногда даже запрещенія перехода ея лицами изъ подозрительныхъ мѣстъ и недопущенія привоза извѣстныхъ товаровъ. Съ этою цѣлью граница оцѣпляется цѣлымъ рядомъ военныхъ кордоновъ, на обязанности которыхъ лежитъ прекратить сообщеніе по всей границѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ только избранныхъ пунктовъ, гдѣ всякій пришелецъ подвергается болѣе или менѣе продолжительному наблюденію (обсерваціи) и пропускается дальше только въ случаѣ, если у него, по истеченіи извѣстнаго срока, не обнаружится болѣзни. Въ противномъ случаѣ, онъ помѣщается въ карантинный лазаретъ и, если выздоровѣетъ, то по надлежащей

дезинфекціи пропускается внутрь страны. Карантины вызвали крайне враждебное отношеніе къ себѣ путешественниковъ и нерѣдко царственныя особы не разъ своимъ личнымъ примѣромъ стремились показать, до чего строго должны наблюдаться карантинныя правила. Такъ, напр., въ 1816 г., должна была подвергнуться карантину дочь неаполитанскаго короля, прибывшая изъ Сардиніи, гдѣ начала развиваться подозрительная болѣзнь. Когда высшимъ санитарнымъ совѣтомъ объ этомъ было сооообщено королю, то послѣдній самъ сѣлъ въ шлюпку и отправился на встрѣчу кораблю, уже готовому войти въ гавань, и объявилъ своей дочери, что она должна подвергнуться карантину, который она и выдержала вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Въ 1831 г. императоръ Николай Павловичъ, ѣздившій въ Москву по поводу бывшей въ ней большой холеры, при возвращеніи въ Петербургъ, остался назначенное время въ карантинѣ, предназначенномъ для въѣзжающихъ въ Петербургъ изъ пораженныхъ холерою мѣстностей.

Но и эти исключительные примѣры мало примиряли путешественниковъ и мало ихъ склоняли къ строгому соблюденію карантинныхъ правилъ, тѣмъ болѣе, что рѣдко карантинамъ удавалось предохранить страну отъ заразы. Уже въ средніе вѣка существованіе ихъ вносило столько разстройствъ въ сферѣ экономической жизни народовъ, что на практикѣ явились тысячи попытокъ обойти, даже рискуя жизнью, суровыя требованія закона. Какъ карантинная стража ни была бдительна, она, конечно, не могла уловить всѣхъ случаевъ нарушенія неприкосновенности границъ оберегаемой территоріи. Всегда на всякой границѣ, тѣмъ болѣе на сухопутной, имѣются мало извѣстныя начальству дороги и тропинки, по которымъ безпрепятственно пройдетъ множество одиночныхъ людей, а среди нихъ, на ряду со здоровыми, будетъ не мало уже захваченныхъ заразой. Вмѣстѣ съ тѣмъ на оцѣнку карантиновъ оказывалось вліяніе тѣми или другими господствовавшими научными теоріями,—ученіями о распространеніи заразы міазмами (т.-е. летучей заразой) и контагіями (организованной, передающейся только при непосредственномъ соприкосновеніи). Кромѣ того, вслѣдствіе недостаточнаго благоустройства тѣхъ или другихъ карантинныхъ учрежденій, послѣднія нерѣдко сами являлись очагами эпидемій. Все это объясняетъ, почему карантинъ издавна вызывалъ сильную оппозицію, тѣмъ болѣе, что наука выдвигала на первый планъ болѣе дѣйствительныя мѣры борьбы съ эпидеміями.

Въ нашъ вѣкъ самыхъ тѣсныхъ, оживленныхъ сношеній между всѣми народами міра, когда строгая изоляція какой-бы то ни было страны немедленно отражается самыми существенными послѣдствіями, строгое соблюденіе карантина вызываетъ такія экономическія послѣдствія, оцѣнка которыхъ, по своей громадности, даже не поддается исчисленіямъ. У всѣхъ на памяти кратковременная исторія закрытія однихъ лишь гер-

манскихъ границъ для русскаго хлѣба и всѣ помнятъ, какъ это отразилось на экономическомъ положеніи обѣихъ странъ. Что-же должно случиться, если закрыты будутъ всѣ границы какой-либо мѣстности, мѣстности, для которой свободное сообщеніе съ сосѣдями есть вопросъ жизни и смерти? Вѣдь въ настоящее время цѣлыя государства живутъ привознымъ хлѣбомъ, привознымъ мясомъ, привознымъ чаемъ, сахаромъ и кофе; другія не вырабатываютъ у себя никакихъ мануфактурныхъ предметовъ. Для третьихъ вывозная торговля является единственнымъ источникомъ благосостоянія значительной части населенія. Что-же будетъ со всей страной, со всѣми жителями ея, если обычная экономическая жизнь въ одинъ пріемъ будетъ прервана изъ-за опасенія эпидеміи?

Подъ вліяніемъ успѣховъ медицины, нашего болѣе полнаго знакомства съ сущностью многихъ эпидемическихъ болѣзней, съ условіями ихъ зарожденія и развитія,—прежде практиковавшіяся строгости, когда люди и вещи выдерживались до 40 дней въ карантинахъ (quarante giorni, откуда и названіе послѣднихъ), значительно смягчились. Взамѣнъ ихъ все болѣе и болѣе выступаютъ на сцену способы охраненія границъ учрежденіемъ въ пунктахъ наибольшаго движенія людей и товаровъ врачебно-наблюдательныхъ станцій, въ которыхъ, при врачебномъ осмотрѣ слѣдующихъ черезъ границу лицъ, выдѣляются больные и подозрительные и производится дезинфекція всякихъ вещей и предметовъ, которые могли быть въ соприкосновеніи съ заразой. Такъ, напр., уже въ 1893 г., когда въ Россіи опасались занесенія чумы изъ Китая, подобныя станціи были организованы въ портахъ Восточнаго Океана и на сухопутной китайской границѣ. Согласно изданнымъ правиламъ къ свободной практикѣ въ портахъ Восточнаго Океана допускались суда лишь по предъявленіи свидѣтельства о благополучномъ ихъ санитарномъ состояніи. Карантинныя мѣры должны были состоять въ осмотрѣ санитарныхъ документовъ, въ опросѣ и осмотрѣ судовой команды и пассажировъ, въ выдѣленіи больныхъ чумою, въ принятіи необходимыхъ мѣръ очистки и дезинфекціи и въ карантинной десятидневной обсерваціи судовъ, команды и пассажировъ, причемъ въ срокъ обсерваціи засчитывалось время перехода отъ послѣдняго зараженнаго по чумѣ порта, если въ это время не было случаевъ чумы или подозрительной по чумѣ болѣзни. Если во время обсерваціи обнаруживался случай чумы, то она должна была продлиться еще десять сутокъ со дня появленія заболѣванія.

Въ концѣ прошлаго года, какъ только получились первыя точныя извѣстія о появленіи чумы въ Бомбеѣ, всю Индію объявили неблагополучной, и вызваны были къ жизни установленныя карантинныя правила. Болѣе того, для предупрежденія занесенія заразы, по Высочайшему повелѣнію, учреждена особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго, въ составъ которой вошли почти всѣ министры.

Такимъ образомъ признана вся некомпетентность и слабосиліе нашихъ высшихъ медицинскихъ центральныхъ управленій для борьбы со всякой выходящей изъ ряду вонъ болѣзнью русскаго народа, со всякимъ явленіемъ, угрожающимъ его физическому благосостоянію. Будемъ надѣяться, что приняты всѣ необходимыя мѣры для недопущенія настоящей эпидеміи чумы въ предѣлы Россійской Имперіи, но еще больше будемъ надѣяться на то, что не противочумная сыворотка, приготовленіемъ которой такъ энергично занялась коммисія, ни врачебно наблюдательные пункты предохранятъ Россію отъ тяжелаго бѣдствія, а тѣ, пока еще невѣдомыя условія, которыя подавляютъ невидимыми для насъ путями шествіе чумной заразы. Вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ, чтобы коммисія изучила и причины того, почему всякая азіатская эпидемія находитъ въ Россіи благопріятную почву для своего развитія.

Всякому понятно, что, какія бы энергическія мѣры ни предприняло правительство для борьбы съ чумой, онѣ будутъ недостаточны, если само населеніе не проникнется желаніемъ придти ему на помощь въ дѣлѣ борьбы съ неблагопріятными санитарными факторами мѣрами личной и общественной безопасности. Французы, англичане и нѣмцы вполнѣ спокойно относятся къ вѣстямъ о чумѣ, справедливо разсчитывая, что если зараза будетъ занесена, то она не найдетъ благопріятной почвы для своего развитія, такъ какъ образцовая чистота ихъ городовъ и селъ является наилучшимъ средствомъ борьбы съ эпидеміями всякаго рода, какъ мѣстнаго, такъ и чужестраннаго происхожденія. Но для усвоенія такихъ элементарныхъ истинъ мало однихъ предписаній закона; нужно, чтобы само населеніе сознало необходимость жить въ чистотѣ и устранить все, что неблагопріятно вліяетъ на его здоровье. А для того, чтобы населеніе сознало связь своего печальнаго санитарнаго положенія со всѣмъ строемъ его обыденной жизни, требуется болѣе высокій культурный уровень его и болѣе благопріятное матеріальное положеніе.

Въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями важно не только недопущеніе заразы, которое, если даже и удастся, требуетъ громаднаго напряженія. Гораздо болѣе благодарной задачей служитъ созданіе въ странѣ такихъ условій, при которыхъ зараза, даже проникнувъ къ намъ, не находитъ почвы для своего развитія. Послѣдняя задача, не говоря уже о томъ, что она болѣе осуществима, вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ насъ и отъ нашествія всякихъ другихъ египетскихъ казней. Все, что такъ или иначе улучшаетъ нашу неблагопріятную санитарную обстановку, содѣйствуетъ оздоровленію городовъ и селъ, обезпечиваетъ чистоту воздуха, воды и почвы, повышаетъ физическое и матеріальное благосостояніе массъ, ихъ нравственный и культурный уровень,—все это является наилучшей предохранительной мѣрой противъ заноса и зарожденія всевозможныхъ эпидемій. Мы съ легкимъ сердцемъ можемъ стыдить англичанъ за отсутствіе

якобы у нихъ альтруистическихъ началъ, упрекать ихъ въ безсердечіи и и равнодушномъ отношеніи ко всему, что не подходитъ подъ пресловутые «британскіе интересы», но не можемъ же мы допустить, что ихъ эгоизмъ доходитъ до безпечнаго отношенія къ своему собственному здоровью. Вѣдь, рѣчь идетъ объ англичанахъ, которые установили самое строгое санитарное законодательство, которые въ интересахъ оздоровленія страны, не смотря на ихъ всѣмъ извѣстную свободу личности, допустили самое широкое вмѣшательство государства въ жизнь обществъ и отдѣльныхъ лицъ, которые парламентскимъ постановленіемъ нормировали смертность въ городахъ. Это объясняетъ намъ, почему они не боятся ни чумы, ни холеры, ни оспы, ни сыпнаго тифа, ни другихъ бичей человѣчества.

Мы же должны быть въ вѣчномъ страхѣ передъ такими невзгодами. И дѣйствительно, знакомясь съ санитарнымъ состояніемъ нашей родины, невольно приходишь къ грустному выводу, что для насъ страшна не чума, а тѣ условія жизни населенія, при которыхъ каждая эпидемія, разъ проникнувъ въ предѣлы Россіи, находитъ обиліе всевозможныхъ жертвъ. Ясно, что не та или другая бактерія должна служить причинами нашего безпокойства и страха, а та почва, попавъ на которую, она находитъ условія для своего самого широкаго развитія. Не только всѣ села и деревни, но даже города, претендующіе на тѣ или другіе европейскіе образцы, поражаютъ отсутствіемъ какого-либо санитарнаго благоустройства. Многочисленные труды самыхъ безпристрастныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей, наконецъ, цѣлый рядъ оффиціальныхъ изслѣдованій и отчетовъ рисуютъ такое антигигіеническое содержаніе нашихъ населенныхъ пунктовъ, что даже не вѣрится, что дѣйствіе происходитъ въ Европѣ. Почва систематически загрязняется отсутствіемъ какой-бы то ни было канализаціи и организаціи удаленія нечистотъ; водовмѣстилища, изъ которыхъ мы пользуемся питьевой водой, даже въ Петербургѣ, съ его чудной Невой, не говоря уже о Москвѣ и другихъ фабричныхъ центрахъ, служатъ мѣстами стока и для всевозможныхъ отбросовъ. При такихъ условіяхъ и воздухъ не можетъ отличаться достаточною чистотою. Если такими особенностями отличаются тѣ основные элементы нашей жизни, попеченіе о которыхъ лежитъ на органахъ общественныхъ и административныхъ управленій, то условія индивидуальной жизни обставлены еще плачевнѣе. Наши жилища устроены всегда и вездѣ вопреки основнымъ требованіямъ гигіены; тѣ изъ нихъ, въ которыхъ живетъ рабочее населеніе, отличаются необычайною скученностью; воздухъ въ нихъ испорченъ до послѣдней возможности. Пищевое продовольствіе громадной части населенія крайне неудовлетворительно. Крестьянство живетъ впроголодь, питается самыми неудовлетворительными суррогатами хлѣба. Въ городахъ самая беззастѣнчивая фальсификація царствуетъ повсюду. Обстановка труда нашихъ рабочихъ

классовъ въ высшей степени печальная,—въ тѣсныхъ, душныхъ мастерскихъ, фабрикахъ, на заводскихъ промыслахъ. Особенно же все нами сказанное относится къ волжскимъ рыбнымъ промысламъ, которые уже не разъ являлись первымъ этапнымъ пунктамъ для чумы, находящей на нихъ самыя благопріятныя условія для своего чрезмѣрнаго развитія. Медицинская помощь населенію, за исключеніемъ городовъ, организована весьма слабо. Даже въ земскихъ губерніяхъ одинъ врачъ приходится на 50.000 жителей, одинъ фельдшеръ на 15—20.000. Больницъ недостаточно и всѣ онѣ мало доступны населенію. Само населеніе вездѣ крайне невѣжественное, не признающее никакихъ правилъ гигіены и профилактики. Его экономическое благосостояніе не позволяетъ ему строить болѣе просторныя помѣщенія, лучше питаться и правильнѣе обставлять свой трудъ. Всякая мѣра, направленная врачами къ улучшенію его быта, встрѣчается крайне недружелюбно, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ его привычками и міровозрѣніемъ, сложившимися еще во времена Рюрика. Всѣ мы помнимъ печальные холерные безпорядки и бунты, когда населеніе убивало врачей и фельдшеромъ, по бревнышку разносило больницы и бараки, построенные для леченія и изоляціи холерныхъ больныхъ. Незадолго передъ тѣмъ во многихъ мѣстахъ такіе-же безпорядки возникали при попыткахъ общественно-санитарной борьбы съ дифтеритомъ, не смотря на то, что земство широкой рукой помогало тѣмъ, кто терпѣлъ неудобства отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій. За крайне рѣдкими исключеніями, народъ до сихъ поръ не понимаетъ связи своего санитарнаго состоянія съ внѣшними условіями жизни, а видитъ въ нихъ проявленіе различныхъ враждебныхъ духовныхъ силъ: вліяніе домовыхъ, лѣшихъ, сестеръ трясовицъ, разныхъ «думокъ», дурного глаза и т. под. Вотъ почему знахарство до сихъ поръ господствуетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ даже въ мѣстахъ жительства врачей. Естественно, что при такихъ условіяхъ уровень народнаго здравія крайне низкій. Смертность у насъ такова, какъ нигдѣ въ Европѣ, а вымираніе дѣтей достигло ужасающихъ предѣловъ. Продолжительность средней жизни наиболѣе краткая, число слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и вообще лицъ, представляющихъ тѣ или другіе слѣды явственнаго вырожденія, громадное. Сифилисъ получилъ столь широкое развитіе, что во многихъ уѣздахъ цѣлыя села оказываются повально зараженными. Непрерывно на широкой поверхности нашей родины господствуютъ тѣ или другія эпидеміи, уносящія ежегодно милліоны жертвъ, эпидеміи, болѣе страшныя, чѣмъ чума и холера, такъ какъ послѣднія, ураганомъ пронесшись по всей странѣ, все-же, подобно всякому стихійному бѣдствію, такъ или иначе исчезаютъ. Тифы, кровавый поносъ, бугорчатка, дифтеритъ, оспа, корь, скарлатина и другіе враги нашего благополучія ни разу не прекращались и вездѣ свили себѣ прочное гнѣздо. Какъ ни слаба наша врачеб-

ная регистрація, сколько больныхъ ни ускользаютъ отъ врачебнаго контроля, какъ лишенные какой-бы то ни было медицинской помощи, все-же ежегодно поступаютъ свѣдѣнія о 4.000.000 инфекціонныхъ больныхъ. Каждый изъ нихъ является агентомъ дальнѣйшаго распространенія заразы. Оспа, не смотря на то, что мы еще весьма недавно съ большой помпой праздновали столѣтіе открытія Дженнеромъ оспопрививанія, свирѣпствуетъ по временамъ даже въ Петербургѣ. О томъ, что происходитъ на нашихъ близкихъ и далекихъ окраинахъ, хорошо извѣстно каждому, кто хотя немного интересовался этимъ.

Что-же дѣлается для борьбы съ этими постоянными врагами русскаго народа, непрерывно подтачивающими его силы и лишающими его наилучшихъ представителей? Можне сказать, что въ смыслѣ предупрежденія болѣзней—почти ничего; очень мало для леченія заболѣвшихъ. На широкомъ пространствѣ Имперіи кой-гдѣ разбросаны, и то почти исключительно въ земскихъ губерніяхъ, немногочисленные врачи и фельдшера, которые совершенно лишены возможности воздѣйствовать на бытъ населенія, хотя до нѣкоторой степени могутъ лечить больныхъ обращающихся къ нимъ за врачебною помощью. Съ какихъ-бы самоотверженіемъ медицинскій персоналъ ни относился къ своимъ труднымъ обязанностямъ, все-же результаты его трудовъ, въ смыслѣ улучшенія народнаго здравія, устраненія народной болѣзненности, всегда будутъ незначительны. Каждый изъ нихъ можетъ энергично бороться противъ дифтерита, оспы, холеры, чумы и тифа въ своемъ небольшомъ раіонѣ, но тѣ-же болѣзни будутъ свирѣпствовать внѣ границъ послѣдняго и непрерывно вноситься широкими волнами въ оздоровляемую среду.

Для насъ, врачей, давно уже стало элементарной истиной, что уровень народнаго здравія всегда стоитъ въ самой тѣсной связи съ культурнымъ уровнемъ населенія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Правительство, какими-бы громадными средствами оно ни располагало, не можетъ противодѣйствовать болѣзненности населенія, если послѣднее не будетъ пользоваться хорошей пищей, жить въ удовлетворительныхъ жилищахъ, работать при внѣшней благопріятной обстановкѣ; иначе говоря, если не будетъ поставлено въ благопріятныя матеріальныя условія. Еще важнѣе, чтобы населеніе сознавало связь своего печальнаго санитарнаго состоянія съ тѣми или другими внѣшними неблагопріятными условіями жизни, т.-е. уровень умственнаго развитія народа долженъ быть настолько высокъ, чтобы онъ отрѣшился отъ суевѣрнаго представленія о сущности невзгодъ, въ изобиліи на него сыпящихся.

Такимъ образомъ, очевидно, все, что содѣйствуетъ народному просвѣщенію, подъему матеріальнаго благосостоянія населенія in toto, является самымъ могучимъ средствомъ борьбы не только съ постоянно господствующими среди него болѣзнями, но и съ чумой или какой-либо другой азіатскою болѣзнью.

Вотъ почему мы и думаемъ, что поучительность теперешней эпидеміи чумы въ Бомбеѣ и заключается въ томъ, что она вновь должна напомнить старую истину о давно назрѣвшей потребности серьезно взяться за оздоровленіе страны. Эти напоминанія такъ участились, что долѣе оставаться глухими къ нимъ стало рѣшительно невозможно. Прислушиваясь-же къ нимъ, мы увидимъ всю необходимость болѣе сознательнаго отношенія населенія ко всему окружающему; намъ придется ближе изыскивать причины нашей громадной болѣзненности, которая и безъ чумы даетъ страшную смертность, а не искать ихъ въ бактеріяхъ, зарождающихся за многія тысячи верстъ отъ насъ. Тогда легче будетъ устранять ихъ. Несомнѣнно, что тогда на первый планъ мы выдвинемъ вопросъ о широкомъ просвѣщеніи народа, его умственномъ и матеріальномъ благосостояніи. Большинство врачей не видитъ другихъ способовъ бороться съ эпидеміями и вообще болѣзненностью русскаго народа. Недавно засѣдавшій въ Петербургѣ съѣздъ врачей для обсужденія мѣропріятій противъ сифилиса, представляющаго, безспорно, болѣе тяжкое бѣдствіе для русскаго народа, чѣмъ любая эпидемія, пришелъ къ заключенію, что зло лежитъ не въ сифилисѣ, какъ ни громадны его размѣры, какъ ни подтачиваетъ онъ народный организмъ, а въ общихъ условіяхъ, содѣйствующихъ его господству, условіяхъ, отражающихся крайне неблагопріятно на всѣхъ сторонахъ жизни русскаго народа. То, что содѣйствуетъ широкому распространенію сифилиса, въ то-же время является причиной всѣхъ другихъ санитарныхъ золъ. Подобно тому, какъ вышеупомянутый съѣздъ началъ свои постановленія первымъ тезисомъ, что «однимъ изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ успѣшной борьбѣ съ сифилисомъ въ сельскихъ мѣстностяхъ Россіи, является народное невѣжество и низкая степень культуры» и что «привѣтствуя всѣ вообще способы къ широкому развитію народнаго образованія, съѣздъ въ частности выражаетъ желаніе, чтобы развитіе народныхъ чтеній, народныхъ читаленъ, публичныхъ бесѣдъ врачей съ населеніемъ и всѣхъ прочихъ мѣръ популяризаціи гигіеническихъ и медицинскихъ знаній встрѣчало повсюду поддержку и сочувствіе»,—такъ и по поводу чумы приходится сказать: «Licht, mehr Licht».

Въ настоящее время указываемую нами сторону борьбы совершенно игнорируютъ. Появляется вѣсть о приближеніи какого-либо врага изъ далекихъ странъ, прибѣгаютъ къ цѣлому роду экстраординарныхъ мѣръ, отражающихся на населеніи, потерями сотенъ милліоновъ, нарушеніемъ обычнаго порядка всей сложившейся общественной жизни и, что всего печальнѣе, мѣры эти нисколько не достигаютъ цѣли. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ недавно пережитая эпидемія холеры. Въ громадное большинство западно-европейскихъ государствъ она вовсе не проникла, а если и проникала,—то ограничивалась небольшимъ раіономъ,

скоро исчезала и уносила немного жертвъ. По Россіи она пронеслась страшнымъ ураганомъ, свирѣпствовала 3 года, унесла въ могилу до милліона человѣческихъ жизней, причинила трудно поправимый вредъ экономическому положенію страны, потребовала необычайнаго напряженія государственныхъ и экономическихъ силъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что часть этихъ матеріальныхъ затратъ, своевременно употребленная на оздоровленіе страны и просвѣщеніе народа, дала-бы болѣе благодарные результаты.

Г. Герценштейнъ.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть **Генрика Сенкевича.**

Переводъ съ польскаго **Нат. Арабажиной.**

Нѣкоторое время Мацько и Збышко молчали подъ тяжестью мрачныхъ мыслей, наконецъ, Збышко заговорилъ:

— Это вы постоянно такъ плюете кровью?

— Какъ же мнѣ не плевать, если мнѣ половину копья всадили между реберъ? Небось и ты плевалъ бы! У Юранда изъ Спыхова мнѣ сдѣлалось лучше, но теперь я сильно измучился, потому дорога дальная, а я быстро ѣхалъ.

— Эхъ! Зачѣмъ вамъ было спѣшить?

— Я хотѣлъ встрѣтить княгиню Александру и взять у нея другое письмо. А Юрандъ изъ Спыхова такъ говорилъ: «Поѣзжайте, говоритъ, и возвращайтесь съ письмомъ въ Спыхово. У меня, говоритъ, есть нѣсколько штукъ нѣмцевъ подъ поломъ, такъ одного изъ нихъ я освобожу на рыцарское слово и онъ повезетъ это письмо къ магистру». А онъ ихъ тамъ всегда по нѣсколько штукъ держитъ въ подвалѣ, изъ мщенія за смерть жены, и съ удовольствіемъ слушаетъ, какъ они у него по ночамъ стонутъ и цѣпями бренчатъ, потому что онъ человѣкъ свирѣпый. Понимаешь!

— Понимаю. Только мнѣ одно удивительно, что вы потеряли первое письмо, потому что коль скоро Юрандъ переловилъ тѣхъ, что на васъ напали, такъ письмо должно было быть при нихъ.

— Не переловилъ же онъ всѣхъ ихъ. Ушло человѣкъ пять. Ужъ такая наша доля!

Сказавъ это, Мацько снова сплюнулъ кровью и немного застоналъ отъ боли въ груди.

— Хорошо-таки васъ подстрѣлили,—сказалъ Збышко.—Какъ же это случилось? Изъ засады?

— Изъ за кустовъ, да такихъ густыхъ, что за шагъ ничего не видать было. А я ѣхалъ безъ панцыря, потому что купцы говорили мнѣ, что край безопасный—да и зной былъ.

— Кто же предводительствовалъ разбойниками? Крестоносецъ?

— Нѣтъ, но это былъ нѣмецъ. Хеммичикъ изъ Ленца, прославившійся разбоями и грабежами.

— Что же съ нимъ стало?

— Онъ у Юранда на цѣпи. Но и у него въ подземельѣ есть два мазура изъ шляхты, которыхъ онъ хочетъ отдать за себя.

Снова водворилось молчаніе.

— Господи!—сказалъ наконецъ Збышко, этотъ Лихтенштейнъ будетъ живъ, и тотъ другой изъ Ленца тоже, а мы должны умереть безъ мщенія! Мнѣ отрубятъ голову, а вы навѣрно не переживете зимы!

— Эхъ! я и до зимы-то не дотяну. Тебя бы только спасти...

— Видѣли вы здѣсь кого-нибудь?

— Я былъ у краковскаго кастеляна, потому что какъ только я узналъ, что Лихтенштейнъ уѣхалъ, я подумалъ, что они простятъ тебя.

— Значитъ, Лихтенштейнъ уѣхалъ?

— Сейчасъ же послѣ смерти королевы, въ Мальборгъ. Я былъ тогда у кастеляна, но онъ такъ сказалъ: «Вашему племяннику отсѣкутъ голову совсѣмъ не для того, чтобы Лихтенштейну угодить, но потому, что таковъ приговоръ, а здѣсь-ли Лихтенштейнъ, или нѣтъ, это все равно. Если-бы даже онъ умеръ, это ничего не измѣнило-бы, потому что, говоритъ, законъ это не контушъ, который можно вывернуть подкладкой наверхъ. Король, говоритъ, можетъ оказать милость и никто другой».

— А гдѣ же король?

— Онъ послѣ похоронъ поѣхалъ въ самую Русь.

— Ну, значитъ дѣлать нечего.

— Нечего! Кастелянъ еще говорилъ: «Жаль мнѣ его, потому что и княгиня Анна проситъ за него, но чего не могу, того не могу»...

— А княгиня Анна тоже еще здѣсь?..

— Да помилуй ее Богъ! такая она добрая! Она здѣсь еще потому, что Юрандовна заболѣла, а княгиня любитъ ее, какъ своего ребенка.

— О Господи! значитъ и на Дануську болѣзнь напала! Что съ ней?

— Развѣ я знаю!.. княгиня говоритъ, что ее кто-то околдовалъ!

— Навѣрно Лихтенштейнъ! никто другой, какъ онъ! Собачій сынъ!

— Можетъ быть и онъ. Да что съ нимъ сдѣлаешь?—ничего!

— Такъ потому меня здѣсь всѣ и забыли, что и она больна была...

Збышко сталъ ходить большими шагами по темницѣ, а потомъ схватилъ руку Мацько, поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Богъ отдастъ вамъ за все, потому что вы умираете изъ за меня, но если вы ѣздили въ самую Пруссію, такъ сдѣлайте для меня еще одну вещь, пока вы совсѣмъ не расхворались. Пойдите къ кастеляну и попросите его, чтобы онъ на честное слово рыцарское выпустилъ меня хоть на три мѣсяца, потомъ я возвращусь и тогда пусть отсѣкутъ голову, но вѣдь не можетъ же быть, чтобы мы погибли безъ всякаго мщенія. Знаете... я поѣду въ Мальборгъ и сейчасъ же пошлю вызовъ Лихтенштейну. Иначе и быть не можетъ. Или онъ умретъ, или я.

Мацько потеръ себѣ лобъ рукой.

— Пойти—пойду, но разрѣшитъ-ли кастелянъ?

— Я ему дамъ честное слово рыцаря. На три мѣсяца, больше мнѣ не надо...

— Что пустяки говорить: на три мѣсяца! А если будешь раненъ и не возвратишься, что подумаютъ?...

— Хоть ползкомъ, да возвращусь. Но вы не бойтесь! И потомъ, видите-ли, можетъ быть въ это время король возвратится изъ Руси, тогда ему можно будетъ поклониться и попросить о милости.

— Это правда!—сказалъ Мацько.

Но черезъ минуту прибавилъ:

— Потому что кастелянъ сказалъ мнѣ еще вотъ что: «Мы забыли о вашемъ племянникѣ по случаю смерти королевы, но теперь уже надо съ этимъ дѣломъ покончить».

— Онъ позволитъ! отвѣчалъ съ полной надеждой Збышко. Вѣдь онъ знаетъ, что шляхтичъ сдержитъ слово, а теперь-ли отрубятъ мнѣ голову или послѣ Михайлова дня—это ему все равно.

— Пойду еще сегодня.

— Сегодня подите къ Алюмею и отдохните немного. Пусть вамъ къ ранѣ приложатъ какого-нибудь лекарства, а завтра идите къ кастеляну.

— Ну, такъ съ Богомъ!

— Съ Богомъ!

Они обнялись и Мацько направился къ дверямъ, но на порогѣ остановился и нахмурилъ лобъ, какъ бы вдругъ вспомнивъ что-то.

— Да, вѣдь ты еще не носишь рыцарскаго пояса: Лихтенштейнъ скажетъ тебѣ, что онъ съ неопоясаннымъ не хочетъ драться — и что ты сдѣлаешь ему тогда?

Збышко встревожился, но только на одну минуту, и потомъ сказалъ:

— А какъ же бываетъ на войнѣ? развѣ опоясанные должны непремѣнно только неопоясанныхъ выбирать?

— То война, а то поединокъ, это не то же самое.

— Правда... но... подождите... Надо подумать, какъ помочь бѣдѣ... А видите! можно помочь: Князь Янушъ опояшетъ меня! Если княгиня и Дануся попросятъ его, то онъ опояшетъ. А по дорогѣ на Мазовшѣ я также вызову сына Николая изъ Длуголяса.

— За что?

— За то, что Николай, знаете тотъ, что состоитъ при княгинѣ и котораго зовутъ обухомъ,—назвалъ Данусю «пискленышъ».

Мацько съ изумленіемъ взглянулъ на Збышко, а этотъ послѣдній, желая очевидно лучше объяснить ему въ чемъ дѣло, продолжалъ:

— Я этого тоже простить не могу. Но съ Николаемъ я драться не буду, потому что ему за восемьдесятъ лѣтъ.

— Слушай, молодецъ, отвѣчалъ Мацько,—жаль мнѣ твоей головы, но разума твоего не жаль, потому что ты глупъ, какъ козелъ.

— Чего вы сердитесь?

Мацько ничего не отвѣтилъ и хотѣлъ выйти, но Збышко подскочилъ къ нему.

— А какъ Дануся? Здорова уже? Не сердитесь Богъ знаетъ на что. Вѣдь васъ такъ долго не было!

И онъ снова наклонился къ рукѣ дяди, а тотъ пожалъ плечами, но спокойно отвѣтилъ:

— Юрандовна здорова, но ее еще не выпускаютъ изъ комнаты. Будь здоровъ!

Збышко остался одинъ, но какъ бы возродившійся и душей и тѣломъ. Ему пріятно было подумать, что передъ нимъ еще три мѣсяца жизни, что онъ поѣдетъ въ такой далекій край, отыщетъ Лихтенштейна и будетъ съ нимъ драться не на жизнь, а на смерть. При одной мысли объ этомъ радость наполняла его сердце. Хорошо хоть въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ чувствовать коня подъ собой, ѣздить по бѣлому свѣту, драться и не погибнуть безъ мщенія. А потомъ—пусть будетъ что угодно,—потому что вѣдь это долгій срокъ. Можетъ быть и король возвратиться изъ Руси и проститъ ему его вину, можетъ быть разразится война, которую всѣ давно ужъ предсказываютъ, можетъ быть и самъ кастелянъ, когда увидитъ побѣдителя надменнаго Лихтенштейна, скажетъ: «Иди-же теперь въ поля и лѣса!» Збышко ясно чувствовалъ, что никто, кромѣ крестоносца, не чувствовалъ къ нему злобы,—и что даже самъ суровый краковскій кастелянъ только какъ-бы по необходимости осудилъ его на смерть.

А поэтому надежда все больше охватывала его, онъ не сомнѣвался, что ему не откажутъ въ этихъ трехъ мѣсяцахъ. Онъ даже думалъ, что ему дадутъ больше времени, а то, что рыцарь, давшій слово, не сдержитъ его, даже и въ голову не придетъ старому рыцарю изъ

Тенчина. И когда Мацько на другой день въ сумерки пришелъ въ темницу, Збышко быстро подскочилъ къ нему и спросилъ:

— Позволилъ?

Мацько сѣлъ на нарахъ, потому что стоять онъ не могъ, такъ какъ очень ослабѣлъ, минуту отдыхалъ и наконецъ сказалъ:—Кастелянъ такъ сказалъ: «Если вамъ надо раздѣлить землю, или имущество, то я отпущу вашего племянника на одну - двѣ недѣли, на рыцарское слово, но на дольше не отпущу».

Збышко былъ такъ изумленъ, что въ продолженіе нѣкотораго времени не могъ вымолвить ни слова:

— На двѣ недѣли?—спросилъ онъ наконецъ.—Да вѣдь я въ одну недѣлю даже до границы не доѣду! Что же это такое? Развѣ вы кастеляну не говорили, зачѣмъ я хочу въ Мальбори?

— Не только я просилъ за тебя, но даже и княгиня Анна.

— Ну и что же?

— И что же? Старикъ сказалъ ей, что онъ самъ жалѣетъ тебя. «Пусть-бы—говоритъ онъ—я нашелъ какой-нибудь законъ или хоть какой-нибудь предлогъ, тогда я совсѣмъ бы отпустилъ его; но чего я не могу, того не могу. Не будетъ, говоритъ, добра тому королевству, въ которомъ люди начнутъ глаза на законъ закрывать и по пріятельству другъ другу спускать. Я этого не сдѣлаю, хотя бы рѣчь шла о моемъ родственникѣ или даже братѣ». Такіе-то тутъ неподатливые люди! А вотъ еще что онъ говоритъ: «Нечего намъ глядѣть на крестоносцевъ, но срамиться передъ ними намъ нельзя. Чтобы подумали и они, и ихъ гости, которые приходятъ со всего свѣта, если бы я осужденнаго на смерть рыцаря отпустилъ для того, чтобы онъ поѣхалъ къ нимъ вызвать на поединокъ? Развѣ они повѣрили бы, что онъ будетъ покаранъ и что есть въ нашемъ государствѣ какая-нибудь справедливость. Лучше я одну голову отсѣку, чѣмъ короля и королевство опозорю. Княгиня отвѣчала на это, что ей удивительна такая справедливость, при которой даже родственница короля не можетъ человѣка спасти, но старикъ отвѣчалъ ей: «Самому королю служитъ милосердіе, но не беззаконіе». И они стали ссориться, такъ какъ княгиня разсердилась: «Такъ хоть не гноите же вы его въ тюрьмѣ, говоритъ она! «А кастелянъ отвѣчаетъ: «Хорошо, завтра-же прикажу помостъ на рынкѣ поставить!» И на этомъ они разошлись. Теперь можетъ спасти только Господь Богъ!..

Они смолкли.

— Такъ какъ же? раздался глухой голосъ Збышко,—это скоро будетъ?

— Черезъ два или три дня. Если нѣтъ спасенья, такъ ужъ нѣтъ. Что могъ—сдѣлалъ. Я бросился въ ноги кастеляну, просилъ о помилованіи, а онъ свое: «Найдите законъ или хоть предлогъ». А что я

найду? Я былъ у ксендза Владислава изъ Скарбимира, просилъ его придти къ тебѣ. Пусть хоть у тебя та честь будетъ, что тебя исповѣдалъ тотъ же ксендзъ, что и королеву. Но я не засталъ его дома, потому что онъ былъ у княгини Анны.

— Можетъ быть, у Дануси?

— Можетъ быть тамъ. Дѣвочкѣ все лучше. Пойду къ нему еще завтра утромъ. Говорятъ, что послѣ его исповѣди спасенье твоей души также вѣрно, какъ если бы оно уже лежало у тебя въ мѣшкѣ.

Збышко сѣлъ, оперся локтями на колѣна и склонилъ голову такъ, что волоса совсѣмъ покрыли его лицо. Старикъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на него, а потомъ сталъ тихонько звать:

— Збышко! А Збышко!

Юноша поднялъ лицо, которое было скорѣе злобное, чѣмъ страдальческое.

— А что?

— Слушай внимательно. Можетъ быть я и нашелъ.

Сказавъ это, онъ близко придвинулся и сталъ почти шептать:

— Слышалъ-ли ты о князѣ Витальдѣ, какъ онъ когда-то посаженный въ темницу нашимъ теперешнимъ королемъ вышелъ изъ тюрьмы переодѣтый въ женское платье? Женщина ни одна не останется здѣсь за тебя, но возьми мой контушъ, возьми каптуръ и выходи — понимаешь? Тебя не узнаютъ. Тебя не будутъ осматривать. Видѣли меня вчера, какъ я выходилъ, и ни одинъ даже не взглянулъ на меня. Молчи и слушай: найдутъ меня завтра и что же? Отсѣкутъ голову? Это будетъ смѣшно, такъ какъ мнѣ все равно только двѣ или три недѣли прожить осталось. А ты, какъ только отсюда выйдешь—садись на коня и поѣзжай прямо къ князю Витольду. Ты напомнишь о себѣ, поклонишься, онъ тебя и приметъ и будетъ тебѣ у него такъ, какъ у Христа за пазухой. Тутъ люди говорятъ, что войска князя разбиты татарами. Неизвѣстно правда ли это, но это можетъ быть, потому что покойная королева такъ предсказывала. Если правда, то значитъ тѣмъ больше князь нуждается въ рыцаряхъ и обрадуется тебѣ. А ты держись его, потому что нѣтъ на свѣтѣ лучшей службы. Проиграютъ другіе короли войну, такъ ужъ и конецъ имъ приходитъ, а князь Витольдъ такой изворотливый, что послѣ проигрыша еще могущественнѣе становится. И потомъ онъ щедрый и нашихъ очень любитъ. Разскажи ему все какъ было. Скажи, что хотѣлъ итти съ нимъ на татаръ, но не могъ, такъ какъ сидѣлъ въ темницѣ. Богъ дастъ — онъ одаритъ тебя землей, крестьянами, опояшетъ тебя и заступится за тебя передъ королемъ. Это хорошій заступникъ; посмотришь! — что?

Збышко слушалъ молча, а Мацько, какъ бы убѣжденный собственными словами, продолжалъ:

— Не погибать же тебѣ въ молодыхъ годахъ, а надо возвратиться въ Богданецъ. А когда возвратишься, надо тебѣ сейчасъ же жену брать, чтобы родъ нашъ не погибъ. И только когда ты наплодишь дѣтей, ты можешь Лихтенштейна вызвать и драться съ нимъ на смерть, но раньше не ищи мщенія, потому что если тебя подстрѣлятъ гдѣ-нибудь въ Пруссіи какъ меня, такъ ужъ не будетъ спасенія. Возьми же сейчасъ контушъ, возьми каптуръ и отправляйся съ Богомъ!

Сказавъ это, Мацько всталъ и началъ раздѣваться, — но Збышко также поднялся, остановилъ его и сказалъ:

— Не сдѣлаю я того, что вы отъ меня хотите, да поможетъ мнѣ Богъ и святой крестъ!

— Отчего?—съ изумленіемъ спросилъ Мацько:

— Потому, что не сдѣлаю!

А Мацько даже поблѣднѣлъ отъ волненія и гнѣва.

— Хоть бы ты не родился!

— Говорили ли вы уже кастеляну,—сказалъ Збышко,—что отдаете свою голову за мою?

— Откуда ты это знаешь?

— Мнѣ сказалъ рыцарь изъ Тачева.

— Ну такъ что же?

— Что?.. А что вамъ кастелянъ сказалъ, что позоръ былъ бы и мнѣ и всему роду нашему. Развѣ не большій бы позоръ былъ, еслибы я бѣжалъ, а васъ оставилъ здѣсь для того, чтобы законъ отомстилъ бы вамъ за меня.

— Для какого закона? что мнѣ сдѣлаетъ законъ, коли я и такъ умру? Будь же разумный, ради Бога.

— Значитъ тѣмъ болѣе. Пусть меня Господь накажетъ, если я васъ, больного и стараго оставлю здѣсь. Тьфу! позоръ!..

Наступило молчаніе: слышно было только тяжелое рѣжущее дыханіе Мацько и перекликанія стрѣльцовъ, стоящихъ на стражѣ у воротъ. На дворѣ уже спустилась глубокая ночь.

— Слушай!—заговорилъ наконецъ Мацько надломленнымъ голосомъ:—не позорно было князю Витольду бѣжать—не будетъ и тебѣ...

— Эхъ!—грустно отвѣчалъ Збышко—знаете! князь Витольдъ—великій князь, онъ имѣетъ корону изъ королевскихъ рукъ, господство и богатство, а я, бѣдный рыцарь, имѣю только честь...

И черезъ минуту онъ почти съ гнѣвомъ закричалъ:

— А того вы не понимаете, что я васъ люблю и что вашу голову за свою не отдамъ.

Услыхавъ это, Мацько поднялся на своихъ слабыхъ ногахъ, протянулъ передъ собой руки и—хоть природа тогдашнихъ людей была су-

ровая, какъ бы скованная изъ желѣза,—онъ вдругъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ:

— Збышко!

А на другой день мальчики начали свозить на рынокъ балки для плахи, которая должна была быть выстроена противъ главныхъ воротъ ратуши.

Однако, княгиня еще совѣщалась съ Войцѣхомъ Ястребмскимъ, съ Станиславомъ изъ Скаржеляра и съ другими учеными каноникамп, хорошо знакомыми съ правилами письма и обычаями. Къ этимъ усиліямъ принуждали ее слова кастеляна, который сказалъ, что если бы ему «нашли законъ, или предлогъ», онъ не замедлилъ бы освободить Збышко. А поэтому совѣщались долго и усердно, нельзя-ли найти что нибудь, и хотя ксендзъ Станиславъ приговорилъ Збышко къ смерти и далъ ему послѣднее причастіе, однако, прямо изъ темницы онъ снова пришелъ на совѣщаніе, которое продолжалось почти до свѣта.

А тѣмъ временемъ насталъ день казни. Съ утра толпы народа стали собираться на рынокъ, такъ какъ голова рыцаря возбуждала больше любопытства, чѣмъ обыкновенно, а кромѣ того погода была чудесная. Среди женщинъ стало извѣстно, что осужденный молодъ и красивъ и поэтому вся дорога, ведущая отъ замка, какъ бы зацвѣла цвѣтами отъ цѣлыхъ толпъ нарядныхъ горожанокъ.

Во всѣхъ окнахъ и выступающихъ пристройкахъ также виднѣлись чепцы, золотые и бархатные головныя повязки, или простоволосыя головы дѣвушекъ, украшенныя только вѣнками изъ розъ и лилій. Городскіе ратманы, хотя, собственно говоря, это дѣло вовсе не касалось ихъ, вышли всѣ для приданія себѣ значенія и расположились поблизости отъ плахи, сейчасъ же за рыцарствомъ, которое, желая высказать свое сочувствіе молодому человѣку стояло цѣлой толпой у самого помоста. За ними тѣснился народъ, состоящій изъ мелкихъ купцовъ и ремесленниковъ съ цеховыми знаменами. Школьники и вообще дѣти, кружились среди толпы, какъ назойливыя мухи, пробираясь всюду, гдѣ оказывалось хотя немного мѣста. Надъ этой сплошной массой людскихъ головъ возвышался помостъ, покрытый новымъ сукномъ, на которомъ стояло трое людей: одинъ изъ нихъ палачъ, плечистый и грозный нѣмецъ, одѣтый въ красный контушъ и такой же каптуръ, съ тяжелой обоюдоострой сѣкирой и двое мальчиковъ съ обнаженными руками и веревками у поясовъ. У ногъ ихъ стоялъ пень и гробъ, также обитый сукномъ. На колокольнѣ Пресвятой Дѣвы Маріи звонили въ колокола, которые наполняли городъ металлическимъ звономъ и спугивали стаи галокъ и голубей. Народъ смотрѣлъ то на дорогу, ведущую изъ замка, то на помостъ и стоящаго на немъ палача съ сѣкирой, сверкающей при блескѣ

солнца, то на рыцарей, на которыхъ горожане глядѣли всегда съ уваженіемъ,—на этотъ разъ было глядѣть на кого, такъ какъ самые славные рыцари квадратомъ стояли у плахи.

Удивлялись ширинѣ плечъ и важности Завиши Чернаго, его курчавымъ волосамъ, спускающимся на плечи, удивлялись желѣзной квадратной фигурѣ жандрома изъ Машковицъ и огромной, почти сверхъестественной фигурѣ Пашки Злодия изъ Бискупицъ, грозному лицу Войцѣха изъ Водзника и красотѣ Добки изъ Олесницъ, который на турнирѣ въ Тарунѣ побѣдилъ двѣнадцать рыцарей нѣмецкихъ,—и Сигизмунда изъ Бобовы, который также прославился съ венграми въ Котицахъ, Кржона изъ Козихъ-Головъ, и страшнаго Лиса изъ Тарговиска, и Сташка изъ Харбимевичъ, который могъ догнать бѣгущую лошадь. Всеобщее вниманіе привлекъ также и Мацько изъ Богданца своимъ поблѣднѣвшимъ лицомъ и поддерживаемый Флоріаномъ изъ Корытницы и Мартиномъ изъ Вроцимовичъ. Всѣ думали, что это отецъ осужденнаго.

Но наибольшее любопытство возбудилъ Повала изъ Тачева, который, стоя въ первомъ ряду, держалъ на своей сильной рукѣ Данусю, всю въ бѣломъ, съ зеленымъ вѣночкомъ изъ руты на бѣлокурыхъ кудряхъ. Народъ не понималъ, что это значитъ и почему эта дѣвочка въ бѣломъ должна была глядѣть на казнь осужденнаго. Одни говорили, что это сестра его, другіе видѣли въ ней избранницу его сердца, но и тѣ не умѣли объяснить себѣ ни ея убора, ни ея присутствія при казни. Во всѣхъ сердцахъ образъ ея, похожій на румяное яблочко и залитое слезами личико, возбуждалъ сочувствіе и жалость. Въ густыхъ толпахъ народа стали раздаваться недовольства кастеляномъ за его непоколебимость, жалобы на суровость закона, и иногда эти голоса становились грозными; наконецъ, тамъ и сямъ заговорили, что если бы разрушили плаху, казнь пришлось бы отложить.

Народъ оживился. Передавалось изъ устъ въ уста, что если бы король присутствовалъ здѣсь, то онъ несомнѣнно помиловалъ бы юношу, который, какъ всѣ увѣряли, собственно ни въ чемъ не провинился.

Но все стихло, когда далекіе крики возвѣстили о приближеніи стрѣльцовъ королевскихъ, окруженный которыми шелъ осужденный. И вскорѣ на рынкѣ появилась процессія: она открывалась погребальнымъ братствомъ, одѣтымъ въ черныя мантіи, касающіяся земли, и съ такими же забралами, опущенными на лица съ вырѣзанными отверстіями для глазъ. Народъ боялся этихъ мрачныхъ фигуръ, и при видѣ ихъ все смолкло. За ними шелъ еще отрядъ стрѣльцовъ, состоящій изъ отборныхъ литовцевъ, одѣтыхъ въ лосиные контуши. Это была королевская гвардія. Сзади процессіи виднѣлись алебарды другого отряда, а въ серединѣ между судебнымъ писаремъ, который долженъ былъ читать приговоръ, и ксендзомъ Станиславомъ изъ Скарбимира, несшимъ распятіе, шелъ Збышко.

Глаза всѣхъ обратились сейчасъ же къ нему и изъ всѣхъ оконъ и пристроекъ высунулись женскія фигуры. Збышко шелъ одѣтый въ свою бѣлую куртку, на которой вышиты были золотые грифы—и въ этой свѣтлой одеждѣ казался народу какимъ-то княземъ, или юношей, принадлежащимъ къ знатному роду. По своему росту, по спинѣ, обрисовывающейся изъ подъ обтянутой одежды, по широкой груди его, можно было подумать, что онъ принадлежитъ къ совершенно зрѣлому возрасту, но у него была совершенно дѣтская голова—молодое лицо съ первымъ пушкомъ на верхней губѣ, однимъ словомъ, это было лицо королевскаго пажа съ золотыми волосами, подстриженными надъ бровями и спускающимися на плечи.

Онъ шелъ ровнымъ шагомъ, но лицо его было блѣдно. Онъ по временамъ глядѣлъ на толпу, какъ бы сквозь сонъ, иногда подымалъ глаза къ костельнымъ колокольнямъ, къ стадамъ галокъ и къ раскачивающимся колоколамъ, которые оповѣщали о его послѣднемъ часѣ; и на лицѣ его выражалось какъ бы удивленіе, что весь этотъ звонъ и эти рыданья женщинъ и вся эта торжественность—все это для него. Наконецъ, онъ увидѣлъ на рынкѣ помостъ и на немъ красную фигуру палача. Онъ вздрогнулъ и перекрестился, а ксендзъ подалъ ему распятіе, чтобы онъ поцѣловалъ его. Вдругъ къ ногамъ его упалъ пучекъ васильковъ, брошенный какой-то молодой дѣвушкой изъ толпы. Збышко наклонился, а потомъ улыбнулся дѣвушкѣ, которая разразилась громкими рыданьями. Но онъ подумалъ, что въ присутствіи всего этого народа и всѣхъ женщинъ, махавшихъ изъ оконъ платками, надо умереть храбро и оставить по себѣ память, по крайней мѣрѣ, «мужественнаго молодца», а поэтому онъ собралъ всю свою храбрость и волю, откинулъ назадъ свои волосы, поднялъ голову еще выше и шелъ смѣло, какъ идетъ побѣдитель послѣ окончанія рыцарскаго турнира. Они медленно двигались, такъ какъ толпа становилась все гуще и неохотно уступала дорогу. Напрасно литовскіе стрѣльцы, шедшіе въ первомъ ряду, каждую минуту кричали: «Eyk szalin! Eyk szalin!» (прочь съ дороги!) народъ не хотѣлъ понимать, что означаютъ эти слова, и съ каждой минутой становилось тѣснѣе. Хотя тогдашніе краковскіе горожане состояли на двѣ трети изъ нѣмцевъ, но тѣмъ не менѣе вокругъ раздавались грозныя клятвы противъ крестоносцевъ: «Позоръ, позоръ! пропади они эти волки, если имъ въ угоду будутъ тутъ умирать дѣти! Срамъ для короля и королевства!» Литовцы, видя противодѣйствіе, сняли съ плечей луки и стали изъ-подлобья поглядывать на народъ, но однако не рѣшались стрѣлять въ толпу безъ приказа. Но капитанъ выслалъ впередъ солдатъ съ алебардами, потому что ими легче было очищать себѣ дорогу — и такимъ образомъ они добрались до рыцарей, стоящихъ около плахи.

Они разступились безъ противодѣйствія. Первые шли солдаты, за

ними шелъ Збышко съ ксендзомъ и писаремъ, но въ эту минуту произошло то, чего никто не ожидалъ. Вдругъ изъ толпы рыцарей выступилъ Повала съ Данусей на рукахъ и крикнулъ: «Стой!» такимъ громовымъ голосомъ, что всѣ сразу остановились какъ вкопанные. Ни капитанъ, ни другіе солдаты, никто ни смѣли противиться шляхтичу и опоясанному рыцарю, котораго каждый день видѣли въ замкѣ и не разъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ королемъ. Наконецъ и другіе, столь же извѣстные, стали кричать повелительнымъ голосомъ: «Стой! стой!» а рыцарь изъ Тачева приблизился къ Збышко и подалъ ему Данусю.

А этотъ послѣдній, думая, что это было на прощаніе, схватилъ ее и прижалъ къ груди. Но Дануся, вмѣсто того, чтобы прижаться къ нему и охватить его шею своими ручонками, какъ можно быстрѣе сорвала со своихъ свѣтлыхъ волосъ изъ подъ вѣнка бѣлое покрывало и совершенно закутала имъ голову Збышко, и стала кричать изо всей силы дѣтскимъ голоскомъ:—ты мой! мой!

— Ты ее! повторили могучіе голоса рыцарей.—Къ кастеляну, имъ отвѣчалъ крикъ народа, похожій на громъ:—«Къ кастеляну! къ кастеляну!» Исповѣдникъ вознесъ глаза къ небу, писарь смутился, капитанъ и солдаты опустили оружіе, такъ какъ всѣ понимали, что произошло — былъ древній польскій и славянскій обычай, сильный какъ законъ и извѣстный въ Краковѣ и даже дальше, что если невинная дѣвушка бросала на осужденнаго покрывало, въ знакъ того, что она хочетъ выйти за него замужъ, она тѣмъ самымъ спасала его отъ кары. Обычай этотъ знали рыцари, знали кметы, знали польскіе горожане, а слышали также о силѣ его и нѣмцы, которые издавна жили въ польскихъ городахъ. Старику Мацько даже дурно сдѣлалось отъ волненія, рыцари, отстранили стрѣльцовъ, окружили Збышко и Данусю. Взволнованный и обрадованный народъ все кричалъ: «къ кастеляну! къ кастеляну!» Толпа вдругъ двинулась, какъ огромная морская волна. Палачъ и его помощники, какъ можно скорѣе сбѣжали съ помоста. Произошло замѣшательство. Для всѣхъ стало яснымъ, что если-бы Ясько изъ Тенчина захотѣлъ воспротивиться освященному временемъ обычаю, то въ городѣ бы поднялось возмущеніе. А теперь весь потокъ людской бросился къ помосту. Въ одно мгновеніе стащили сукно и разорвали въ куски, потомъ сильныя руки потащили балки и доски, ихъ рубили топорами, онѣ стали гнуться, трещать, ломаться и спустя нѣсколько мгновеній на рынкѣ не осталось и слѣда помоста.

А Збышко, все еще держа Данусю на рукахъ, шелъ обратно въ замокъ, но на этотъ разъ дѣйствительно какъ побѣдитель. Вокругъ него съ радостными лицами шли первые рыцари королевства и тысячи женщинъ, мужчинъ и дѣтей, кричащіе, поющіе, протягивали руки къ Данусѣ и прославляли обоихъ за мужество и красоту. Изъ оконъ бѣлыя

ручки зажиточныхъ горожанокъ хлопали въ ладоши, повсюду видны были глаза, наполненные радостными слезами. Цѣлый дождь розъ, лилій, дождь лентъ и даже золотыхъ поясовъ и сѣточекъ падалъ къ ногамъ счастливаго юноши, а онъ, свѣтлый какъ лучъ солнца, съ сердцемъ, переполненнымъ благодарностью, каждую минуту высоко поднималъ свою Данусю и иногда въ восторгѣ цѣловалъ ей колѣни, и это до того растрогивало мѣщанокъ, что нѣкоторыя изъ нихъ бросались въ объятія своимъ возлюбленнымъ, доказывая этимъ, что если бы и они были осуждены на смерть, то онѣ также спасли бы ихъ. И Збышко, и Дануся стали какъ бы дорогими дѣтьми рыцарей, горожанъ и простого народа. Старый Мацько, котораго все еще вели подъ руки, Флоріанъ изъ Корытницы, и Мартинъ изъ Вроцимовичъ, почти лишился разсудка отъ радости и изумленія, что такой способъ спасенья племянника не приходилъ ему даже въ голову. А Повала изъ Тачева среди общаго шума разсказывалъ своимъ громовымъ голосомъ, какъ его измыслили, или лучше сказать припомнили на совѣщаніяхъ съ княгиней Войцехъ Ястребнякъ и Станиславъ изъ Скарбимира, знакомые съ письменными законами и обычаями; а рыцари удивлялись его простотѣ, говоря между собой, что вѣроятно, объ этомъ обычаѣ потому не помнилъ никто, что въ городѣ, населенномъ нѣмцами, его давно не приводили въ дѣйствіе.

Однако, все еще зависѣло отъ кастеляна. Рыцари и народъ двинулись въ замокъ, въ которомъ, въ отсутствіи короля, жилъ кастелянъ Краковскій,—и тотчасъ же писарь, Станиславъ изъ Скарбимира, Завиша, Фатурей, Жиндромъ изъ Мошковицъ и Повала изъ Тачева отправились къ нему, чтобы представить ему силу обычая и припомнить, какъ онъ самъ говорилъ, что еслибы онъ нашелъ «законъ или хоть предлогъ», то онъ сейчасъ-же освободилъ-бы осужденнаго. А развѣ могъ быть законъ лучше древняго обычая, котораго никто нигдѣ не ломалъ? Правда, рыцарь изъ Тенчина сказалъ, что этотъ обычай пускался входъ больше ради простого народа, или ради разбойниковъ, а не ради шляхты, но такъ какъ онъ самъ былъ очень свѣдующій во всякихъ законахъ, то не могъ не признать его силы. При этомъ онъ прикрывалъ рукой сѣдую бороду и улыбался втихомолку, такъ какъ очевидно былъ радъ. Наконецъ, онъ вышелъ на низкое крыльцо, вмѣстѣ съ княжной Анной Данутой, нѣсколькими духовными лицами и рыцарями.

Збышко, увидавъ его, снова приподнялъ Данусю, а онъ положилъ свою сморщенную руку на ея золотистые волосы и медленно и значительно кивнулъ головой.

Этотъ знакъ былъ понятъ, и даже стѣны замка затряслись отъ криковъ: «Да поможетъ имъ Господь! Долгихъ дней, живи и суди насъ!» кричали со всѣхъ сторонъ. Потомъ новые крики раздавались въ

честь Дануси и Збышко, и черезъ минуту оба вошли на крыльцо, упали къ ногамъ доброй княгини Анны Дануты, которая спасла Збышко жизнь. Вѣдь она же измыслила съ учеными этотъ способъ и научила Данусю, что ей дѣлать.

— Да здравствуетъ молодая пара!—закричалъ, при видѣ колѣнопреклоненныхъ, Повала изъ Тачева.

— Да здравствуетъ!—повторили другіе. А сѣдовласый кастелянъ обратился къ княгинѣ и сказалъ:

— Милостивая княгиня, обрученье должно быть сейчасъ-же, такъ повелѣваетъ обычай.

— Обрученіе сдѣлаемъ сейчасъ-же,—отвѣтила съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ добрая княгиня,—но свадьбы безъ согласія отца, Юранда изъ Спыхова, я не разрѣшу.

Конецъ первой части.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ № 18 журнала «Tygodnik illustrowany», гдѣ печатается переводимый нами романъ «Крестоносцы», вмѣстѣ съ окончаніемъ I части появилось письмо Генрика Сенкевича слѣдующаго содержанія: «Господинъ редакторъ, принужденный писать романъ «*Крестоносцы*» по частямъ, для каждаго номера журнала, я долженъ, вслѣдствіе отъѣзда изъ Варшавы, остановить мою работу на нѣсколько номеровъ. Такъ какъ первая часть романа составляетъ и сама по себѣ нѣчто цѣлое и законченное и такъ какъ я прибѣгалъ къ такимъ перерывамъ всегда, когда писалъ свои прежніе романы, то надѣюсь, что и Вы и читатели «*Tygodnika*» не посѣтуютъ на меня за этотъ перерывъ и будутъ ожидать терпѣливо продолженія.

Примите и пр.

Г. Сенкевичъ.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА.

Переводъ съ французскаго [1]).

Письма къ Эмилю Золя.

XVIII.

С.-Петербургъ.
$\frac{\text{27 мая}}{\text{8 іюня}}$ 1876 г.

Дорогой другъ!

Вотъ уже три дня, что я здѣсь и только сегодня могу дать вамъ отвѣтъ. Къ несчастію, онъ неблагопріятенъ. Послѣ 24 часовъ размышленія, Суворинъ объявилъ мнѣ, что не можетъ ни продолжать печатать «Assommoir», ни предложить вамъ какой бы то ни было суммы, такъ какъ разсказанный вами въ послѣднемъ фельетонѣ «Русскаго Вѣстника» [2]) сюжетъ романа отнялъ отъ него новизну и лишилъ интереса. Это ли настоящая причина, или есть другая—не знаю; но эти господа не даютъ денегъ. Относительно «Дѣла» я былъ введенъ въ заблужденіе; этотъ журналъ — или вѣрнѣе это обозрѣніе (онъ выходитъ только разъ въ мѣсяцъ)—далъ только резюмэ романа, и его положеніе такъ непрочно, что и съ этой стороны ничего не подѣлать. Значитъ «Бойня» убита! Вы можете себѣ представить, какъ это меня огорчаетъ.

Что касается до Стасюлевича, то онъ по прежнему какъ нельзя болѣе доволенъ вашими фельетонами, очень ими дорожитъ и я думаю, что можно бы повысить цѣну, но Салтыковъ, съ которымъ я видѣлся въ Баденѣ, пріѣзжаетъ только послѣ-завтра, а до тѣхъ поръ больше

---

[1]) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1897 г., № 5.

[2]) Очевидно «Вѣстника Европы».

нечего дѣлать. Я вамъ напишу, какъ только С. [1]) переговоритъ со своимъ хозяиномъ [2]).

Все это не особенно весело и прошу васъ не пенять на меня за это. Я вамъ напишу передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, поговоривъ предварительно съ Салтыковымъ.

Я здоровъ и надѣюсь, что нѣмецкій докторъ подправилъ васъ. Передайте мой поклонъ Флоберу и друзьямъ. Жму вамъ сердечно руку.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XIX.

Москва 15/3 іюня 1876 г.
Контора удѣловъ.

Дорогой другъ!

Я здѣсь со вчерашняго дня и уѣзжаю завтра въ деревню. (Если хотите написать мнѣ словечко, вотъ мой адресъ: г. И. Т..., Россія, Орловская губ., г. Мценскъ.

Салтыковъ вернулся изъ Бадена въ Петербургъ наканунѣ моего отъѣзда. Я его видѣлъ и говорилъ съ нимъ два раза. Онъ намѣревался написать вамъ, чтобы предложить доставлять имъ 4 фельетона въ годъ—по 100 руб. (330 фр.) за печатный листъ. Такъ какъ вамъ легко написать два съ половиною (листа), то это составило бы 800 франковъ за фельетонъ: 3,200 франковъ въ годъ. Я очень совѣтую вамъ принять предложеніе, не бросая Стасюлевича, т. е. продолжая посылать ему 12 писемъ въ годъ. Я думаю, что вы съ этимъ справитесь безъ большого труда а Стасюлевичъ хорошій кліентъ, котораго надо беречь, особенно послѣ пораженія бѣднаго «Assommoir»'а въ Россіи. Салтыковъ мнѣ сказалъ, что вамъ указывали бы темы, которыя желательно было бы имѣть въ вашей обработкѣ и что они охотно начали бы съ октября.

Дайте мнѣ знать о результатѣ всего этого.

Смерть M-me Зандъ меня очень огорчила; я увѣренъ, что она опечалила Флобера; хочу написать ему.

Вы могли бы напечатать прекрасное письмо о ней [3]).

Жму вамъ сердечно руку и остаюсь

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Салтыковъ.

[2]) Краевскій.

[3]) Золя дѣйствительно написалъ статью о Жоржъ Зандъ и ея произведеніяхъ въ «Вѣстникѣ Европы» отъ іюля 1876 г.

XX.

Спасское, г. Мценскъ $\frac{\text{3 іюля}}{\text{21 іюня}}$ 1876 г.

Дорогой другъ!

Я сейчасъ получилъ ваше письмо въ моемъ захолустьѣ и спѣшу отвѣтить вамъ. Начинаю съ глубокаго сожалѣнія, что причинилъ вамъ косвеннымъ образомъ зло, рекомендовавъ этого нѣмецкаго доктора: въ самомъ дѣлѣ ничто нѣмецкое не подходитъ французамъ. Я счастливъ, что вамъ лучше и не сомнѣваюсь, что морской воздухъ принесетъ вамъ пользу.

Что касается до вопроса о корреспонденціяхъ, то онъ совершенно ясенъ. Салтыковъ, который въ настоящую минуту находится въ деревнѣ подъ Москвою, еще вчера писалъ мнѣ. Вы знаете условія: четыре корреспонденціи въ годъ — въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, триста франковъ за печатный листъ,—отъ двухъ до трехъ листовъ. Желательно было бы начать съ октября настоящаго года. Вы сами должны рѣшать, о чемъ писать: я вамъ говорилъ объ окраскѣ журнала. Я возвращусь въ Парижъ 28 или 30 іюля. Мы назначимъ себѣ день въ концѣ августа и рѣшимъ все это. Салтыковъ возвращается въ Петербургъ къ 15 сентября. Журналъ выходитъ 1-го октября стараго стиля, т. е. 13. Полагаю, что недостатка во времени у васъ не будетъ; въ противномъ случаѣ, отложите до 1-го января. Стасюлевичъ будетъ предупрежденъ деликатнымъ образомъ.

Онъ также мнѣ только что писалъ. Онъ получилъ вашу статью о Жоржъ Зандъ и, кажется, въ восторгѣ отъ нея. Возможно, что позднѣе я напишу статью по поводу вашей, въ которой пущусь въ дружескую полемику. Мнѣ очень интересно прочитать вашу статью.

Я работаю здѣсь, какъ бѣшенный. Ложусь въ 2 часа. Засыпаю въ 3 часа. Встаю въ 9 часовъ и днемъ заваленъ дѣлами. Къ счастію, до сихъ поръ подагра меня оставляетъ въ покоѣ. Съ г. Ниттерсгаузэръ у меня было больше удачи, чѣмъ у васъ.

Мое письмо еще застанетъ васъ въ Парижѣ. Оставьте вашъ морской адресъ въ улицѣ Дуэ. Я вамъ напишу тотчасъ по возвращеніи. До свиданія, жму вамъ сердечно руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Для маленькаго корреспондента въ 200 франковъ—шансовъ немного; я стучался въ двѣ, три двери: вездѣ—неудача. Но еще не все кончено.

P. S.S. Названіе вашего новаго журнала «Отечественныя Записки». Это ужасно длинно и трудно. Заглавіе очень глупое. Его купили во

время царствованія императора Николая, когда было запрещено основывать новые журналы.

XXI.

Буживаль, 7 августа 1876 г.

Дорогой другъ!

Бумага, на которой я вамъ пишу, фантастично элегантна, но она попала мнѣ въ руки случайно.

Я вернулся сюда послѣ восьмидневнаго переѣзда изъ нѣдръ Россіи. Нашелъ здѣсь ваше письмо и два отъ Стасюлевича. Я очень радъ, что все такъ устроилось, и вы отлично сдѣлали, что не выпустили добычи ради тѣни; я не хочу сказать, что другой журналъ тѣнь, но вѣдь отъ добра добра не ищутъ и такой усиленный трудъ чрезмѣрно-бы васъ утомилъ. А теперь вы вышли изъ всего этого съ прибавкой. Будьте спокойны, я обо всемъ напишу Салтыкову такимъ образомъ, чтобы не испортить вашихъ отношеній съ нимъ. Мнѣ удалось кончить свой романъ въ деревнѣ и теперь я возьмусь за переписку его [1]). Не двинусь съ мѣста втеченіи шести недѣль, на это пойдетъ не меньше времени, за исключеніемъ двухъ, трехъ дней, когда я поѣду въ Кроассэ къ Флоберу.

Желаю вамъ полнаго возстановленія здоровья и хорошаго настроенія; кончайте «Assommoir»! Пьеса для театра очень хороша и забавна, но по тому немногому, что я прочелъ изъ «Assommoir'a» (отрывками въ фельетонахъ), у меня составилось очень высокое мнѣніе объ этомъ романѣ.

Ну, до скораго свиданія! Я васъ усердно прошу извѣстить меня, когда вы будете въ Парижѣ. Жму вамъ сердечно руку.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XXII.

1876.

Дорогой другъ,

Обращаюсь къ вамъ съ слѣдующей просьбой: можете вы прочитать какой-нибудь отрывокъ изъ вашихъ произведеній (8—10 минутъ) на музыкально-литературномъ утрѣ, которое мы устраиваемъ для неимущихъ русскихъ студентовъ, находящихся въ Парижѣ, въ воскресенье (черезъ 10 дней), въ домѣ на улицѣ Дуэ? Ваше имя на афи-

[1]) Новь.

шѣ (ничего публичнаго) привлекло-бы моихъ соотечественниковъ, какъ медъ мухъ. Я тоже прочту кое-что; M-me Віардо пропоетъ, и т. д. Если возможно, отвѣтьте да, и назовите мнѣ отрывокъ, чтобы можно было помѣстить его въ программу. Если-же невозможно,—ну что-жъ! мы скрѣпя сердце смиримся.

Весь вашъ
Иванъ Тургеневъ.

PS. Это состоялось-бы въ три часа, передъ тѣмъ, какъ отправиться къ Флоберу [1]).

XXIII.

1876.

Дорогой другъ,

Флоберъ долженъ былъ передать вамъ вчера программу (также и посланное Стасюлевичемъ). Итакъ—назначено на субботу, въ 3 часа. Но если бы вы захотѣли сдѣлать маленькую репетицію, которая, мнѣ кажется, будетъ необходима, я могъ-бы придти завтра (вторникъ) къ вамъ, около 4 часовъ, и мы устроили-бы ее.

Это продолжалось-бы не болѣе четверти часа.

Жду одно слово въ отвѣтъ.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XXIV.

13 января 1877.

Дорогой другъ,

Во вторникъ мнѣ невозможно! Всѣ остальные дни (исключая и четверга) въ вашемъ распоряженіи.

Мнѣ только что прислали «Вѣстникъ Европы» отъ 1 января. Противъ обыкновенія ваша статья о Бальзакѣ содержитъ 40 стра-

---

[1]) Тургеневъ устраивалъ литературные и музыкальные утра и вечера съ разными благотворительными цѣлями. На одномъ такомъ утрѣ онъ просилъ участвовать Золя. Несмотря на волненіе, на страхъ который испытывалъ тогда авторъ Rougon-Macquart» выступая публично, онъ согласился прочитать прелестный эпизодъ Мьетты и Сильвера у «puits mitoyen» (La Fortune des Rougon). Онъ самъ мнѣ пишетъ по этому поводу: «мое чтеніе на утрѣ у m-me Віардо было, дѣйствительно, моимъ первымъ публичнымъ чтеніемъ и я, благодаря ему, три ночи не спалъ». Какъ велико должно было быть желаніе Золя доставить удовольствіе своему другу, чтобы, тѣмъ не менѣе, рѣшиться на это страшное испытаніе!

Примѣч. Гальперина-Каминскаго.

ницъ; ваша корреспонденція (о духовенствѣ), отъ которой Флоберъ въ полномъ восторгѣ, — 33 страницы.

Жду отъ васъ отвѣтъ по поводу обѣда и жму вамъ руку.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXV.

Парижъ, 21 марта 1877.

Дорогой другъ,

Я сосчиталъ страницы вашей корреспонденціи въ мартовской книжкѣ, которую получилъ вчера. Въ ней 21 (430—451). У меня еще не было времени прочитать ее (это о жизни въ школѣ) [1]). Не могу судить, что въ ней урѣзали; но я ему напишу—очень категорично—сегодня-же.

Добрый Стасюлевичъ не долженъ быть доволенъ въ данную минуту. У него зарѣзали въ мартѣ цѣлый романъ. Но это всетаки не причина. Можетъ быть вы нападаете на изученіе классиковъ? При нынѣшнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія у насъ въ Россіи объ этомъ опасно говорить... Вы знаете, что обѣдаете со мной и всѣми нами [2]) въ будущій понедѣльникъ, 26 марта,въ семь съ половиною часовъ въ кафе Ришъ?

Тысяча дружескихъ привѣтствій.

Ив. Тургеневъ.

XXVI.

Парижъ, 29 марта 1877.

Дорогой другъ,

Только что получилъ отъ Стасюлевича письмо, въ которомъ онъ утверждаетъ, что положительно ничего не урѣзалъ въ вашей послѣдней корреспонденціи и въ доказательство присылаетъ ее мнѣ, прося сличить съ оригиналомъ. Я не могъ этого сдѣлать сегодня, такъ какъ далъ книжку «Вѣстника Европы» одному господину, который долженъ вернуть ее мнѣ завтра; но я не могу себѣ представить, чтобы Стасюлевичъ хотѣлъ обмануть меня, его обманъ слишкомъ легко было-бы провѣрить—онъ самъ доставилъ средство къ тому—и я долженъ предположить, что вы плохо разсчитали количество страницъ по вашей рукописи.

---

[1]) Точное заглавіе этой статьи: «Школа и школьная жизнь во Франціи».

[2]) Флоберъ, Гонкуръ и Додэ.

До свиданія. Въ воскресенье, во всякомъ случаѣ, у Флобера: у меня есть еще одна просьба для передачи вамъ.

Тысяча дружескихъ привѣтствій

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XXVII.

Парижъ, 18 мая 1877.

Дорогой Золя,

Я все еще страдаю отъ проклятой подагры, которая не хочетъ совсѣмъ покинуть меня. Надѣюсь, однако, быть въ состояніи уѣхать около середины будущей недѣли.

Возвращаю вамъ рукописи вашихъ двухъ фельетоновъ. Если будетъ возможно, пріѣду завтра къ Флоберу и повидаюсь съ вами. Теперь-же у меня просьба къ вамъ: не можете-ли вы прислать мнѣ вашу фотографическую карточку съ слѣдующей собственноручной надписью: «M-me Самарской-Быховецъ. Парижъ 1877. Э. Золя». Это одна дама, живущая въ Петербургѣ; она обожаетъ васъ; вы ее вполнѣ осчастливили-бы, а она въ свою очередь осыпала-бы меня благодарностью. Впрочемъ, она прекрасная личность и вполнѣ заслуживаетъ этой маленькой жертвы. Сдѣлайте это, буду очень благодаренъ вамъ.

А посѣщеніе С. Перту состоялось?

Тысяча дружескихъ привѣтствій и, быть можетъ, до свиданія.

Ив. Тургеневъ.

XXVIII.

С. Петербургъ, 21—9 іюня 1877.

Дорогой другъ,

Я уже двѣ недѣли здѣсь и мнѣ кажется, что я попалъ въ котелъ съ водою, гдѣ и киплю вмѣстѣ со всѣми другими. (Понимайте эту фразу въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ здѣсь такой холодъ, что я жалѣю, что не захватилъ съ собою шубы).

Я остаюсь еще мѣсяцъ въ Россіи, потомъ возвращаюсь прямо въ Буживаль, гдѣ запрусь до самой зимы.

Я не сдержалъ своего обѣщанія, не послалъ вамъ «сюжетовъ» до отъѣзда изъ Парижа, прошу васъ извинить меня. Но мнѣ кажется, что у васъ была тема на іюль. (Здѣсь были очень довольны вашей статьей о военныхъ; вы по прежнему общій любимецъ). Что-же касается до сюжета для статьи на августъ мѣсяцъ, то мнѣ здѣсь при-

шла въ голову мысль. Если вы не думаете написать о закулисной жизни парижской журналистики, какъ я писалъ объ этомъ Флоберу—не знаю, передавалъ-ли онъ вамъ этотъ отрывокъ моего письма,—то вы хорошо сдѣлали-бы, если-бы прислали намъ нѣчто вродѣ идилліи о югѣ Франціи, гдѣ вы находитесь, описаніе образа жизни южанъ и т. д. Какъ контрастъ, это было-бы очень эффектно и я думаю, что вы съ этимъ прекрасно справились-бы и что это доставило-бы вамъ удовольствіе. Подумайте объ этомъ [1]).

Полагаю, что вы вновь принялись за работу и желаю вамъ здоровья, отдыха и душевнаго покоя, насколько это возможно при настоящемъ состояніи Франціи.

Стасюлевичъ желаетъ вамъ всего хорошаго, а я жму вамъ сердечно руку и прошу передать мой привѣтъ М-me Золя. Напишу вамъ тотчасъ по возвращеніи во Францію.

Преданный вашъ

Ив. Тургеневъ.

PS. Мнѣ кажется, я устроилъ дѣло вашего лондонскаго друга, хоть и иначе чѣмъ предполагалъ.

XXIX.

Буживаль, 11 іюля 1877.

Дорогой другъ,

Я получилъ ваше письмо въ моментъ отъѣзда изъ Петербурга и пишу вамъ уже отсюда, гдѣ нахожусь со вчерашняго дня. Я вернулся раньше, чѣмъ предполагалъ, благодаря новому (пятый въ этомъ году) приступу подагры. Это мнѣ стало невыносимо и вотъ я опять въ моемъ гнѣздѣ.

Я счастливъ, что вы здоровы и работаете.

Стасюлевичъ уже выѣхалъ изъ Петербурга, когда пришло ваше письмо; но онъ долженъ быть въ Парижѣ около 15 августа и останется тамъ недѣлю. Мы повидаемся и поговоримъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ охотно приметъ ваше предложеніе. Я напишу вамъ о результатѣ нашего разговора.

Вашъ лондонскій другъ не прислалъ пробной статьи. Думаю, однако, что я устроилъ кое-что для него въ одномъ журналѣ, который основывается въ Петербургѣ и имѣетъ большіе шансы на успѣхъ.

Флоберу я напишу.

---

[1]) Золя послѣдовалъ совѣту Тургенева и написалъ статью о парижской журналистикѣ въ «Вѣстникѣ Европы», за августъ 1877.

Говорятъ, что романъ Додэ начнется 15-го въ «Temps».

Я засталъ здѣсь всѣхъ своихъ здоровыми и веселыми.

Восточныя дѣла очень меня огорчаютъ.

Тысячу дружескихъ привѣтствій m-me Золя и сердечное рукопожатіе вамъ.

Ив. Тургеневъ.

XXX.

Буживаль, 5 сентября 1877 г.

Дорогой другъ,

«Я не хотѣлъ писать вамъ, не повидавшись со Стасюлевичемъ; онъ долженъ былъ навѣстить меня въ началѣ августа, и я все ждалъ его. Наконецъ, я видѣлся съ нимъ и мы поговорили о вашемъ романѣ [2]). Онъ былъ-бы очень радъ печатать его, но ему невозможно начать раньше 1878 года, а вы говорите, что во Франціи онъ начнетъ выходить съ 20 ноября. Если это неизмѣнный срокъ, то русскій переводъ становится немыслимымъ. У него было такъ много расходовъ въ этомъ году, что ему трудно было-бы дать еще вашъ романъ подписчикамъ 1877 года. Онъ мнѣ также выразилъ свои опасенія, какъ-бы новый романъ ни оказался такимъ-же, какъ «Assommoir» (въ смыслѣ цензуры, censura morum). Я его увѣрилъ, что то, что вы теперь пишете, въ совершенно другомъ духѣ. Подумайте, что вы имѣете сказать противъ этого и отвѣчайте поскорѣе. Боюсь, что это дѣло окажется невозможнымъ.

Я полагаю, что вы еще въ Естакѣ. Я остаюсь здѣсь еще мѣсяцъ. Меня дьявольски измучила эта собачья подагра. Что до васъ и вашей жены, которой я прошу кланяться, то полагаю, что вы себя чувствуете какъ нельзя лучше. Я никого не видалъ; обѣдалъ два раза съ Флоберомъ, который здоровъ и уѣхалъ обратно въ Кроассэ. Когда возвращаетесь вы въ Парижъ? Жму сердечно руку и остаюсь

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXI.

Парижъ (конецъ ноября 1877).

Дорогой другъ.

Вотъ первый томъ вашихъ парижскихъ писемъ, изданный Стасюлевичемъ. Онъ заключаетъ въ себѣ ваши литературныя характеристики.

---

[1]) Le Nabab.

[2]) Une Page d'Amour.

(Бальзакъ, Флоберъ, Гонкуръ, Додэ, Мюссэ, Тэнъ, Ремюза, Тьеръ, Ж. Зандъ, В. Гюго, Дюма-сынъ). Второй томъ вскорѣ выйдетъ.

Какъ только Стасюлевичу окупится изданіе, весь чистый доходъ съ продажи пойдетъ вамъ и на этотъ счетъ можно быть спокойнымъ: онъ до щепетильности честенъ. Изданіе, какъ вы видите, очень красиво.

Я продолжаю читать «Набаба». Въ этой книгѣ все-таки много таланта. Я напишу по этому поводу Додэ.

Я все еще въ постели, но уже два дня чувствую себя лучше.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Это Стасюлевичъ посылаетъ вамъ книгу.

XXXII.

1878.

Дорогой другъ,

«Я заѣзжалъ къ вамъ третьяго дня, но мнѣ сказали, что вы еще не вернулись изъ деревни. Надѣюсь, что вы уже не долго останетесь тамъ и что мы начнемъ опять видѣться. Пока вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать: въ вашемъ послѣднемъ фельетонѣ вы обѣщаете говорить въ слѣдующій разъ о «Принцессѣ Боровской». Въ то-же время фельетонистъ Débats, констатируя провалъ этой пьесы, прибавляетъ приблизительно слѣдующее: «Надо полагать, что въ будущемъ уже и не подумаютъ дѣлать заимствованій изъ русской драматической литературы», и т. д. Это ужъ слишкомъ сильно! Имя автора «Принцессы Б.» совершенно незнакомо въ Россіи, оно меньше нуля. Первая его пьеса «Данишевы», если была-бы поставлена въ Россіи, погибла-бы осмѣянная и освистанная, а онъ призванъ быть представителемъ русскаго театра во Франціи! Возможно, что наши пьесы не подходятъ къ парижской публикѣ, но по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми, благодаря которымъ освистали «Принцессу Б.», представляющую собою ничто иное, какъ очень плохую французскую пьесу.

Вы знаете, что у меня всегда было намѣреніе познакомить васъ съ настоящимъ театромъ—и я это сдѣлаю непремѣнно, какъ только вы вернетесь въ Парижъ, — но всѣ русскіе были-бы вамъ признательны, если-бы вы теперь-же, въ вашемъ слѣдующемъ фельетонѣ, возстановили истину фактовъ. Право, слишкомъ печально видѣть, что г. Круковскаго (!!!) считаютъ представителемъ русскаго театра во Франціи!

До скораго свиданія, не правда-ли? Жму вамъ сердечно руку.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXXIII.

11 января 1879.

Дорогой Золя,

Дѣло съ Стасюлевичемъ устроено. Онъ мнѣ пишетъ, что телеграфировалъ Шарпантье и послалъ ему письмо, въ которомъ поставилъ слѣдующія условія: 1) первая половина текста должна быть сдана къ 1-му декабря и онъ вышлетъ 150 руб. сер. (Надо выслать сейчасъ же все, чѣмъ вы располагаете); 2) вы не появитесь здѣсь раньше 20 (8) февраля, а 20 (8) января Стасюлевичъ долженъ получить другую половину—и тогда онъ вышлетъ остальные 150 рублей.

Я думаю, что все это хорошо. Что же касается до состоятельности и точности Стасюлевича, то нельзя желать ничего лучшаго и я за это отвѣчаю.

Благодарю васъ за письмецо; я разсчитываю на одинъ билетъ и, если возможно, на генеральную репетицію [1]). Вечера мои свободны и подагра моя молчитъ.

Тысяча дружескихъ привѣтствій.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXXIV.

14 января 1879.

Дорогой Золя,

Пишу вамъ въ постели послѣ безсонной ночи, втеченіе которой я раза два, три думалъ, что задохнусь. У меня какой-то неслыханный фантастическій насморкъ. Меня огорчаетъ эта неудача, но я не имѣю возможности двигаться и принужденъ возвратить вамъ билетъ. Если у васъ есть кому отдать его, хорошо; если-жъ нѣтъ, верните его мнѣ, ужъ я его помѣщу. Я отдамъ его одному другу, который будетъ вамъ столько-же аплодировать, какъ я бы самъ это сдѣлалъ.

Я надѣюсь на сегодняшній вечеръ, но всетаки это очень скучно.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Пьесы «Assommoir».

XXXV.

Парижъ, 19 января 1879.

Дорогой другъ,

Шлю вамъ самыя искреннія поздравленія съ вчерашнимъ большимъ успѣхомъ. Я не могъ судить объ этомъ de visu, такъ какъ вотъ уже шесть дней, что я въ постели, благодаря новому приступу подагры; но я отдалъ свой билетъ сыну m-me Віардо, большому вашему поклоннику. Могу васъ увѣрить, что онъ усердно аплодировалъ. Не можете ли вы достать мнѣ ложу въ четыре мѣста (платную, конечно) на одно изъ послѣдующихъ представленій А... [1])? Если да, я былъ бы вамъ очень признателенъ.

Жму сердечно руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXVI.

1879.

Дорогой другъ,

То, что вы сообщаете мнѣ—ужасно непріятно. Я постараюсь заѣхать къ Флоберу; но такъ какъ я уѣзжаю въ 7 ч. вечера, то я попросилъ бы васъ зайти ко мнѣ завтра для большей вѣрности около $11^{1}/_{2}$ ч. Надо будетъ подумать, чѣмъ тутъ помочь [2]).

И такъ до завтра.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXVII.

1879.

Дорогой другъ,

Я сейчасъ вернулся отъ Флобера и спѣшу увѣдомить васъ, что онъ—насколько возможно бодръ. Онъ очень спокоенъ и твердъ духомъ и встанетъ дней черезъ десять. Я ему говорилъ о большомъ дѣлѣ: онъ очень признателенъ и, кажется, растроганъ; но онъ хотѣлъ бы въ точности узнать размѣръ вознагражденія. Я долженъ былъ обѣщать

[1]) Assommoir.

[2]) Это письмо имѣетъ отношеніе къ финансовому положенію Флобера.

телеграфировать ему объ этомъ завтра-же. Отъ 7 до 8 тысячъ франковъ (съ помѣщеніемъ), не правда-ли? Если вы знаете въ точности, то дайте мнѣ отвѣтъ сегодня же вечеромъ; въ противномъ случаѣ надо будетъ спросить объ этомъ Шарпантье.

Тысяча дружескихъ привѣтствій.

Ив. Тургеневъ.

XXXVIII.

Парижъ (1879 г.).

Дорогой другъ!

Я сейчасъ получилъ письмо отъ Флобера — онъ согласенъ и хотѣлъ бы знать, можетъ ли онъ съ увѣренностью разсчитывать на это. Я заѣду къ вамъ около 2-хъ часовъ (это удобно для васъ?) и мы рѣшимъ, какимъ образомъ поступать. Если вы предпочитаете другой часъ, дайте мнѣ знать. Я свободенъ до обѣда.

Тысяча дружескихъ привѣтствій.

Ив. Тургеневъ [1]).

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о мѣстѣ завѣдующаго Мазаринской библіотекой. Въ дневникѣ Гонкуровъ отъ 8-го іюня 1879 г. есть слѣдующее: «Онъ (Флоберъ) говоритъ, что его дѣло рѣшено. Онъ назначенъ сверхштатнымъ завѣдующимъ Мазаринской библіотекой съ жалованьемъ въ 3,000 фр., которое будетъ увеличено черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ прибавляетъ, что для него настоящее страданіе брать эти деньги, но что, впрочемъ, онъ уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы со временемъ онѣ были возвращены казнѣ. Его братъ который очень богатъ и опасно боленъ, долженъ оставить ему ренту въ 3,000 фунтовъ: при этой должности и литературномъ заработкѣ онъ окажется приблизительно въ прежнихъ обстоятельствахъ». М. Ковалевскій разсказываетъ, со своей стороны, что друзья Флобера, узнавъ, что Гамбетта открыто высказался за кандидатуру автора «Г-жи Бовари», попросили Тургенева съѣздить въ Руанъ, чтобы уговорить его принять это предложеніе. Флоберъ согласился. «Между тѣмъ, прибавляетъ Ковалевскій, эта самая должность по личнымъ причинамъ была обѣщана друзьями Гамбетты и г-ну Инару, если не ошибаюсь. Тургеневъ написалъ Гамбеттѣ, чтобы сообщить о результатѣ своихъ переговоровъ съ Флоберомъ, но отвѣта не получилъ. Онъ вторично написалъ, и опять безъ отвѣта. Тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію m-me Аданъ, у которой Гамбетта часто проводилъ вечера. Газеты того времени разсказали, какъ нелюбезно отнеся къ этой попыткѣ знаменитый трибунъ. Но, по словамъ Тургенева, дѣло произошло не совсѣмъ такъ, какъ разсказывалъ« Figaro». Зная, что должность уже была обѣщана, Гамбетта съ нетерпѣніемъ отвѣтилъ м-me Аданъ: «Не настаивайте, пожалуйста, это невозможно!» И когда хозяйка дома, какъ-бы ища поддержки, подвела къ нему Тургенева, Гамбетта не всталъ со своего мѣста,— но по той причинѣ, что не замѣтилъ его, такъ какъ Тургеневъ подошелъ къ нему со стороны стекляннаго глаза. (Воспоминанія о Тургеневѣ, М. Ковалевскаго, «Русскія Вѣдомости», 1883 г.).

XXXIX.

Парижъ. Понедѣльникъ [1]).

Дорогой другъ,

Согласенъ на понедѣльникъ! Опять въ Opera - Comique, не правда-ли? Посылаю вамъ фунтъ очень хорошаго караваннаго чаю съ ящичкомъ, въ которомъ надо его держать. Отъ времени до времени можете пить его, несмотря на запрещеніе доктора. Вы будете милы и примете отъ меня этотъ подарокъ.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XL.

50. Улица Дуэ. Четвергъ (январь 1880).

Дорогой другъ,

Я здѣсь на одну минутку и не могу заѣхать къ вамъ. Но я знаю, что вы вчера видѣлись со Стасюлевичемъ и полагаю, что остались довольны свиданіемъ. Флоберъ говорилъ мнѣ о генеральной репетиціи пьесы Додэ (она должна была состояться сегодня [2]), и хотѣлъ меня туда повести, но я ничего не видѣлъ и поэтому предполагаю, что она отложена. Не сомнѣваюсь, что и вы сами туда отправитесь. Напишите мнѣ въ Буживаль, чтобы я могъ пріѣхать сюда (также и на первое представленіе). Во всякомъ случаѣ, напишите, что вы знаете, и до свиданія,—конечно, до скораго.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XLI.

Парижъ (26 января 1880).

Дорогой другъ,

Додэ мнѣ еще не отвѣтилъ, но Гонкуръ пишетъ, что онъ согласенъ. Только онъ, боится, что не будетъ въ состояніи пріѣхать, такъ

[1]) Это вѣроятно въ концѣ 1879 г., передъ смертью Флобера; Тургеневъ, вернувшись изъ Россіи, послалъ Золя чай и ящичекъ, который послѣдній хранитъ до сихъ поръ. Это опредѣляетъ дату письма.—Въ первой фразѣ рѣчь идетъ вовсе не о театрѣ Opéra Comique, а о тавернѣ на углу ул. Фаваръ, гдѣ собиралось въ эту эпоху общество «Пяти» (Флоберъ, Гонкуръ, Золя, Додэ, Тургеневъ).

[2]) Le Nabab.

какъ очень простуженъ. А мнѣ такъ хочется имѣть его за моимъ прощальнымъ обѣдомъ, что я предлагаю отложить его на пятницу (канунъ моего отъѣзда). Это состоится въ кафе Ришъ, въ 7 ч. Если вы не имѣете ничего противъ, то я немедленно телеграфирую Гонкуру и дамъ знать Мопассану и Додэ. Напишите одно слово въ отвѣтъ.

Жму вамъ руку.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XLII.

Спасское, г. Мценскъ 11—13 мая 1880.

Дорогой Золя,

Благодарю васъ, что вы подумали обо мнѣ. Это было точно дружеское пожатіе руки. Я получилъ ударъ самымъ жестокимъ образомъ три дня тому назадъ, за чтеніемъ фельетона «Голоса». Мнѣ нечего говорить вамъ о моемъ горѣ: Флоберъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ я любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ. Съ нимъ исчезъ не только большой талантъ, но и избранное существо и центръ для всѣхъ насъ. Я пріѣду въ Парижъ черезъ три недѣли самое позднее. Увижусь тамъ съ вами и мы поговоримъ объ изданіи его романа, котораго онъ не могъ окончить и который долженъ выйти [1]). Пока жму вамъ сердечно руку и остаюсь

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

XLIII.

Парижъ, 28 ноября 1880 г.

Дорогой другъ,

Вчера я заѣхалъ къ вамъ и узналъ, что вы еще въ деревнѣ и вернетесь только черезъ мѣсяцъ. Это хорошій признакъ: вы работаете и дадите намъ зимою новое прекрасное произведеніе. Въ то-же время я хотѣлъ васъ просить дать мнѣ (какъ вице-президенту флоберовскаго комитета) письменное согласіе быть членомъ его. Согласіе всѣхъ другихъ я уже имѣю. Пришлите его мнѣ, пожалуйста. Вы знаете, что этому комитету никогда не придется засѣдать: мы выбрали второй комитетъ, исполнительный (два вице-президента, два секретаря, Гонкуръ и Мейеръ изъ «Gaulois», котораго намъ хотѣлось-бы назначить нашимъ кассиромъ);

---

[1]) Bouvard et Pécuchet.

этотъ исполнительный комитетъ приметъ всѣ необходимыя мѣры и будетъ представлять ихъ на одобреніе всѣхъ членовъ комитета. Онъ собирается сегодня въ первый разъ у меня.

Мой дружескій привѣтъ m-me Золя. Жму вамъ сердечно руку и до свиданія—какъ только вы вернетесь. Не правда-ли?

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

XLIV.

Парижъ, 1880 г.

Дорогой другъ!

Признаюсь вамъ откровенно, что мнѣ противно вступать въ сношенія съ ***. Я въ Парижѣ никого не знаю, кто былъ-бы способенъ исполнить эту работу (развѣ только попытаться у Дюранъ-Гревилля, мужа m-me Анри Гревилль, живущаго въ Батиньолѣ, 1, ул. Турлакъ). Въ Россіи—дѣло другое. Кто-бы, я думаю, исполнилъ это охотно, скоро и хорошо — это нашъ общій другъ П. Боборыкинъ, проживающій въ Москвѣ, на Срѣтенкѣ, Фроловскій пер., д. Губонина. Пусть обратятся къ нему, прося его быть не слишкомъ пространнымъ. Только не надо упоминать обо мнѣ.

Тысяча дружескихъ привѣтствій.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XLV.

Январь 1881.

Дорогой Золя,

Я сейчасъ узналъ изъ газетъ, что ваша пьеса [1]) идетъ въ пятницу, 30-го, т. е. послѣ-завтра.

Всѣ эти дни меня удерживалъ дома сильный насморкъ. Вы мнѣ оставили билетъ, не правда-ли? Прислать за нимъ? А для репетиціи я все-таки буду ждать отъ васъ вѣсточки.

Стасюлевичъ долженъ былъ телеграфировать Шарпантье, сдѣлалъ-ли онъ это.

До свиданія послѣ-завтра. Во всякомъ случаѣ,

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Нана.

XLVI.

Январь 1881 г.

Дорогой другъ!

Я почти совсѣмъ поправился, но если-бы даже и былъ боленъ, то не захотѣлъ-бы пропустить перваго представленія «Нана». Благодарю васъ, что подумали обо мнѣ. Можете дать книгу подателю этой записки. Тысяча дружескихъ, сердечныхъ привѣтствій.

Ив. Тургеневъ.

XLVII.

$^{14}/_{1}$ мая 1881 г.

Вы очень милы, дорогой другъ, что справляетесь о моемъ здоровьѣ. Я былъ довольно серьезно боленъ; теперь мнѣ немного лучше, но я не встаю еще съ постели. Мой докторъ увѣряетъ, что на будущей недѣлѣ я буду въ состояніи сидѣть въ креслѣ и право это мнѣ доставитъ большое удовольствіе. Жму вамъ сердечно руку.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Вѣдь вы, надѣюсь, ѣдете въ Меданъ?

XLVIII.

Парижъ, 22 декабря 1881 г.

Дорогой другъ,

Долго-ли вы разсчитываете пробыть въ Меданѣ и не пріѣдете-ли вы на дняхъ какъ-нибудь въ Парижъ? Я былъ-бы очень радъ васъ видѣть и потомъ, мой другъ, художникъ Верещагинъ, о которомъ вы навѣрное слышали, былъ-бы счастливъ показать вамъ нѣкоторыя изъ своихъ картинъ, выставленныхъ въ настоящее время въ редакціи «Gaulois».

Напишите мнѣ два слова, намѣрены ли, вы дѣйствительно, пріѣхать въ Парижъ, и назначьте мнѣ день и часъ, когда я могу заѣхать за вами, чтобы вмѣстѣ позавтракать, если хотите, и потомъ отправиться смотрѣть картины. Жму вамъ сердечно руку. Тысячу дружескихъ привѣтствій m-me Золя.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

XLIX.

Буживаль, 4 ноября 1882 г.

Дорогой другъ,

Это письмо вамъ свезетъ другъ П.. чтобы постараться окончательно все устроить. Московскій издатель согласенъ только на 3,000 франк., выплачиваемые впередъ при сдачѣ рукописи. Мнѣ кажется, вы могли-бы согласиться; но вотъ про какое затрудненіе узналъ я: вы не можете сдать рукописи теперь (что было-бы необходимо для заказа иллюстрацій). Вы предлагаете сдать ее въ три пріема до марта мѣсяца. Это затрудняетъ предпріятіе московскаго издателя: онъ могъ-бы отлично выпустить переводъ одновременно съ оригиналомъ, но явилась-бы конкурренція со стороны тѣхъ, которые переводили-бы съ печатнаго. Можетъ быть нужно было-бы сдать третью часть рукописи мѣсяцемъ раньше. Какіе сроки вы назначили-бы для сдачи? Первымъ, предподположимъ, будетъ 15-е ноября; а два другихъ? Объясните все это П., онъ телеграфируетъ немедленно въ Москву. Если дѣло не устроится, вотъ что можно будетъ сдѣлать: передать всѣ три части рукописи, одну послѣ другой П.. чтобы онъ не перевелъ ихъ, а сдѣлалъ-бы подробное изложеніе (какъ это дѣлалось у насъ съ романами Диккенса и другихъ), оно могло-бы выйти въ трехъ первыхъ книжкахъ (январь, февраль, мартъ) «Вѣстника Европы». Конечно, это не выйдетъ раньше оригинала, но за то дастъ вамъ гораздо меньше прибыли. Впрочемъ, еще очень возможно, что московскій издатель согласится получать рукопись по частямъ. Назначьте только точные сроки П.

Тысяча дружескихъ привѣтствій отъ

преданнаго вамъ

Ив. Тургенева.

PS. Если рукопись должна быть сдана въ три раза, вы не можете спросить болѣе 3,000 фр. Потребуйте только, чтобы все было выслано впередъ, при первой сдачѣ.

L.

Парижъ, 1 декабря 1882.

Дорогой другъ,

Вотъ уже нѣсколько разъ мнѣ даютъ знать изъ Москвы, что деньги (за вашъ романъ) высылаются мнѣ, а я все еще ничего не получилъ. Оказывается, что были затрудненія со стороны цензуры. Я,

однако, имѣю основанія думать, что деньги въ скоромъ времени прибудутъ. Съ другой стороны переводчики очень желали-бы имѣть начало рукописи, чтобы приняться за дѣло. Такъ вотъ что я вамъ предлагаю: передайте П., когда онъ зайдетъ къ вамъ, первыя главы. Если деньги совсѣмъ не будутъ высланы, рукопись и переводъ будутъ возвращены, я отвѣчаю за это; если-же деньги будутъ доставлены, такъ что-жс! работа значительно подвинется. Вы можете быть спокойны, я не дамъ васъ въ обиду. Телеграфируйте мнѣ одно *да* или *нѣтъ* и я немедленно дамъ знать П.

Вы еще долго остаетесь въ Меданѣ? Я здѣсь уже шесть дней.

Тысяча дружескихъ привѣтствій. Жму вамъ сердечно руку.

Ив. Тургеневъ.

LI.

Парижъ, 10 декабря 1882.

Дорогой Золя,

Я получилъ вашу записку, и П. сейчасъ посылаетъ вамъ вексель въ 1500 франк., посланный изъ Москвы. Такъ-ли это? Напишите два слова.

Тысяча дружескихъ привѣтствій.

Ив. Тургеневъ [1]).

---

[1]) Продолженіе писемъ И. С. Тургенева къ французскимъ друзьямъ появится въ «Cosmopolis'ѣ» только осенью и будетъ своевременно переведено въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». *Ред.*

Изъ „Ягурведы".

Гласитъ преданіе поблекшими устами:
Была когда-то дивная пора,—
Какъ птица легкая, одарена крылами,
Носилась въ воздухѣ тяжелая гора.

И трепетало все, объято дикимъ страхомъ,
Молились божествамъ земля и человѣкъ,
И внялъ имъ Индра, и единымъ взмахомъ
Меча онъ крылья у горы отсѣкъ.

И вотъ гора недвижима донынѣ,
А крылья рѣютъ тучей грозовой,
И, вѣрныя, все льнутъ они къ вершинѣ
Покинутой, но милой и родной.

Аргунинъ.

ОБЛАСТНОЙ И ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Наши земскія дѣла.

Важное значеніе земской медицины.—Расходы на медицину въ Черниговскомъ и Херсонскомъ земствѣ.—Больничные порядки въ Пензенской, Самарской. Вольской и Казанской земскихъ больницахъ.—Безполезность санитаріи съ точки зрѣнія гласнаго Курскаго земства. — Распространеніе заразныхъ болѣзней въ Смоленскомъ, Епифанскомъ и Саратовскомъ земствахъ.—Медицина на Симбирскомъ земскомъ собраніи.— Казанское земство и д-ръ Воротынскій. — Врачебныя мѣропріятія Воронежскаго земства.

Одною изъ главныхъ задачъ нашего земскаго самоуправленія безспорно являются заботы объ охраненіи народнаго здравія. Насколько земства удовлетворяютъ нуждамъ населенія въ этомъ направленіи всего лучше говорятъ прогрессивно ростущія смѣтныя назначенія на врачебную и санитарную часть земскихъ бюджетовъ. Доведя расходы на это дѣло до крупной суммы, достигнувшей въ 1895 г. 17$^3/_4$ милліоновъ рублей и составившей болѣе $^1/_4$ всѣхъ земскихъ расходовъ, земство, конечно, не остановится съ дальнѣйшимъ расширеніемъ своей плодотворной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что оно является единственнымъ органомъ, особенно желательнымъ въ интересахъ охраненія народнаго здравія. «Составляя одну изъ важнѣйшихъ задачъ государства, это дѣло весьма трудно поддается однообразной регламентаціи, такъ какъ, въ зависимости отъ различія въ мѣстныхъ условіяхъ экономическихъ, бытовыхъ и др., требуетъ значительнаго разнообразія и въ организаціи, и въ пріемахъ, часто даже и въ самыхъ мѣропріятіяхъ» [1]. Многочисленные безпорядки, возникавшіе въ различныхъ мѣстностяхъ исключительно по поводу медико-полицейскихъ мѣръ, холерные и чумные бунты краснорѣчиво даютъ понять, насколько необходимы тщательность и осторожность въ выборѣ средствъ, знаніе мѣстныхъ условій, привычекъ и взглядовъ для того, чтобы принимаемыя

---

[1]) «Общ.-Санит. Обозр.». 1897 г., № 1.

мѣры принесли надлежащую пользу. Земство, прямая цѣль котораго заботиться объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ, безспорно является вполнѣ компетентнымъ и незамѣнимымъ органомъ въ дѣлѣ организаціи и распредѣленія врачебной помощи, уже въ силу своего обстоятельнаго знакомства съ условіями данной мѣстности. О томъ, какъ сильно заинтересованы земскія учрежденія въ развитіи и улучшеніи врачебной помощи, довольно ярко свидѣтельствуютъ безпрерывные съѣзды земскихъ врачей, цѣлые ряды мѣропріятій, предпринимаемыхъ тѣмъ или другимъ земствомъ, а главное, какъ мы уже отмѣтили выше, прогрессивно ростущіе расходы. Чтобы показать, насколько велики эти расходы въ отдѣльныхъ земствахъ, позволяемъ себѣ привести имѣющіяся у насъ подъ рукою данныя смѣтныхъ назначеній по Черниговской и Херсонской губ. за 1895 г. [1]).

ЗЕМСТВА.	Общая сумма расходовъ.	Въ томъ числѣ на медицину.	% отн.
Херсонское губерн. земство . .	1.095,322	469,068	43,0
Александрійское.	241,844	85,655	35,4
Тираспольское	132,154	35,323	26,6
Херсонское	346,171	89.029	25,7
Елисаветградское	348,027	75.253	21,6
Ананьевское	181.135	38,810	21,4
Одесское	255,667	53,910	21,1
Нѣжинское	107.568	40.769	37,8
Конотопское	107,636	38,191	35.4
Суражское	90,494	30.218	33,4
Сосницкое	100,803	32,677	32.4
Мглинское	81,015	25,328	31.2
Городницкое	74,159	21,483	28,9
Стародубское	71.555	20,755	28,9
Борзенское	98.585	27,761	28,1
Черниговское	90,343	25,282	27,9
Кролевецкое	76.583	21,058	27,5
Остерское.	94,319	24,611	26,1
Новгородсѣверское.	79,704	20,524	25,7
Козелецкое.	108,137	27,632	25,5
Новозыбковское.	91,869	21,426	23,3
Глуховское	87.061	19,383	22,2

Конечно, этихъ данныхъ слишкомъ недостаточно, чтобы придти къ какимъ-нибудь поспѣшнымъ выводамъ о дѣятельности земствъ и мы приводимъ ихъ только, какъ довольно рельефную иллюстрацію, ничуть не пытаясь ни восхвалять заботъ земства о народномъ здравіи, ни скры-

---

[2]) «Общественно-санитарное обозрѣніе», 1896 г., № 1, стр. 11; «Земскій сборникъ Черниговской губ.», 1896 г.; № 1.

вать дурныя стороны постановки земской медицины. Злоупотребленія, недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу встрѣчается повсюду. Не избавилась отъ нихъ и земская медицина. За примѣрами ходить недалеко. Такъ въ Пензенской земской больницѣ, по словамъ «Бирж. Вѣд.» [1]), «воздухъ испорченъ, въ кроватяхъ и постельномъ бѣльѣ масса клоповъ, *жесткіе тюфяки и подушки набиты грязной, вонючей мочалой*, старое, плохо вымытое бѣлье въ какихъ-то подозрительныхъ пятнахъ. Ножей и вилокъ не полагается и больнымъ приходится рвать мясо прямо руками. На цѣлую камеру, въ которой лежатъ до восьми родильницъ, подается ведерный жестяной чайникъ кипяченой воды и при немъ маленькій чайничекъ какой-то буроватой жидкости, подкрашенной жженымъ сахаромъ и долженствующей замѣнять чай. Родильницы должны вставать за чаемъ сами, хотя-бы это было на второй день родовъ. Сидѣлки или, какъ ихъ здѣсь называютъ, хожалки, позволяютъ себѣ *бранить ихъ и даже толкать. Воды для умыванья*, а тѣмъ болѣе *мыла*—совсѣмъ не полагаются. Кто желаетъ пользоваться *водой*, тотъ долженъ платить за это сидѣлкамъ. Для того, чтобы воспользоваться необходимою помощью при родахъ, *должно родить непремѣнно днемъ*, такъ какъ ночью дежурная акушерка, обыкновенно, уходитъ домой, оставляя больныхъ на попеченіе неопытныхъ ученицъ. Поэтому роды *безъ всякой акушерской помощи* въ родильномъ отдѣленіи далеко не рѣдки».

Точно такое-же явленіе отмѣчаетъ «Волжскій Вѣстникъ» [2]) въ Самарской земской больницѣ, которая, по его словамъ, представляетъ «колоссальный клоповникъ, гдѣ клопы гнѣздятся не только въ матрацахъ и постельномъ бѣльѣ, но даже въ полахъ, косякахъ и вообще во всѣхъ щеляхъ. Бѣлье послѣ ухода больного зачастую остается несмѣненнымъ. Больничная прислуга не только небрежна и невѣжлива, но прямо-таки груба и дерзка. Чувствуя, напр., извѣстную потребность, больной долженъ вставать съ постели самъ, такъ какъ на всѣ его неотступныя просьбы прислуга или отмалчивается, или-же дерзко обрываетъ словами: «Молчи!.. Что горло дерешь?.. И безъ тебя дѣла пропасть!..» Особенно такое обращеніе практикуется въ знаменитомъ въ своемъ родѣ дифтеритномъ баракѣ, гдѣ преимущественно лежатъ дѣти. Разсказываютъ такой случай. Въ баракѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми, лежалъ взрослый мужчина. Грубое обращеніе хожалокъ съ малолѣтками дотого взбѣсило его, что онъ въ припадкѣ негодованія вскочилъ съ постели и, схвативъ стулъ, набросился на дерзкую прислугу. Конечно, для усмиренія «буяна» была призвана мужская прислуга, но было уже поздно, такъ какъ «буянъ» лежалъ въ полномъ изнеможеніи въ постели и черезъ 2—3 минуты скончался отъ разрыва сердца. Такіе порядки въ больницѣ привели къ тому, что родители опасаются оставлять своихъ малютокъ въ помѣщеніи больницы и

[1]) 1897 г. № 13; см. также: «Медицинская Бесѣда», 1897 г., № 2; «Врачъ», 1897 г., № 4.

[2]) 1897 г. № 14; см. еще «Самарскую Газету» 1897 г., № 6.

неотступно умоляютъ врачебный персоналъ разрѣшать имъ находиться при дѣтяхъ, во время ихъ пребыванія въ дифтеритномъ баракѣ. Между прочимъ, та-же газета приводитъ невѣроятный фактъ отношенія врача къ своимъ кліенткамъ. Врачъ этотъ не такъ давно еще завѣдывалъ какъ разъ дифтеритнымъ баракомъ и на всѣ просьбы о позволеніи остаться при дѣтяхъ не только дерзко и грубо отказывалъ, но даже позволилъ себѣ однажды *плюнуть въ глаза* одной женщинѣ, особенно настойчиво упрашивавшей его [1]).

О томъ, что дѣлается въ сельскихъ земскихъ лечебницахъ, рисуетъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ любопытную картинку «Самарскій Вѣстникъ» [2]).

Въ Вольскомъ земствѣ одною изъ лечебницъ, разсказываетъ газета, завѣдывала женщина врачъ, страшно не ладившая съ низшимъ медицинскимъ персоналомъ; за то въ большомъ фаворѣ у нея находился больничный сторожъ Антонъ, дѣлавшій все, что ему вздумается, и нерѣдко командовавшій фельдшерами, такъ какъ г-жа врачъ свалила на него всѣ заботы и попеченія о больныхъ, какъ на *надежнаго и опытнаго* человѣка. Фельдшера не разъ обращали на это вниманіе управы; послѣдняя долго не вѣрила такому невѣроятному отношенію къ дѣлу и затребовала фактическихъ данныхъ, которыя и были недавно сообщены въ видѣ небольшого, но весьма характернаго документа,—собственноручной записки женщины-врача такого содержанія: «Антоша, я въ больницѣ не буду и прошу тебя такому-то больному сдѣлай втираніе ртутной мази, а такому-то впусти въ глаза три капли атропина». Конечно, управа, при видѣ такихъ неопровержимыхъ доказательствъ, немедленно позаботилась отстранить подобную личность.

Еще разъ напомнимъ, что всѣ эти печальныя явленія нисколько не даютъ повода хулить и порицать санитарную дѣятельность земства. Не вина земства, если его предписанія преднамѣренно забываются, какъ напр. было съ Казанской губернской земской больницей, извѣстія о безпорядкахъ въ которой облетѣли въ прошломъ году всю Россію, а провинціальная и столичная печать воздала по заслугамъ больничной администраціи.

Прошелъ годъ, и газеты снова полны сообщеніями объ упорномъ нежеланіи казанской больничной администраціи упорядочить дѣло [3])

22 марта, разсказываютъ газеты, при посѣщеніи больницы И. В. Годневымъ, членомъ ревизіонной коммиссіи, совмѣстно съ врачебнымъ инспекторомъ Л. Б. Мандельштамомъ въ присутствіи дежурнаго врача Протопопова и смотрителя больницы, было замѣчено, что *до сихъ поръ* не были приведены въ исполненіе постановленія губернскаго собранія,

---

[1]) «Врачъ», 1897 г. № 5.

[2]) 1897 г., № 51.

[3]) См.: «Камско-Волжскій край» 1897 г. № 384; «Волжскій Вѣстн.» 1897 г. № 87; «Казанскій телеграфъ», 1897 г. №№ 1276, 1282, 1283, 1284; «Медицинская бесѣда» 1897 г. № 1.

упорядочивающія уходъ, присмотръ и содержаніе заразныхъ больныхъ. Ревизіею было обнаружено—нецѣлесообразное размѣщеніе больныхъ въ отношеніи половъ и въ отношеніи различныхъ по роду болѣзней. Такъ, въ остро-заразномъ отдѣленіи въ одной и той-же палатѣ, *рядомъ со взрослыми мужчинами лежали двѣ женщины въ возрастѣ около 20 лѣтъ!* Въ тифозномъ отдѣленіи рядомъ съ больною *рожистымъ* воспаленіемъ находилась больная *корью*; рядомъ съ тифозными больными лежали больные рожей, а въ одной палатѣ, этого-же отдѣленія, оказалось двое больныхъ, у которыхъ ничего не было похожаго на какую-либо заразную болѣзнь. Двери изъ палаты въ палату держаться открытыми, благодаря чему больные и прислуга сообщаются между собою совершенно свободно. Что касается старшаго врача больницы, то онъ, по единогласному заявленію больныхъ и прислуги, не показывается въ больницу по цѣлымъ мѣсяцамъ, не смотря на то, что земское собраніе *усерднѣйше* просило его объ ежедневныхъ посѣщеніяхъ заразныхъ больныхъ. Въ довершеніе всего, во всемъ заразномъ отдѣленіи, во время посѣщенія его ревизорами, не было совершенно никого изъ низшаго медицинскаго персонала, такъ что всѣ *свѣдѣнія о больныхъ можно было получить только отъ прислуги*. Не смотря на такую вопіющую недобросовѣстность и халатное отношеніе къ дѣлу, врачи названной больницы рѣшаются выступать въ защиту своихъ поступковъ съ слѣдующимъ заявленіемъ [1]):

1) Правильное, согласно съ требованіемъ науки размѣщенное больныхъ заразными формами, при существующихъ размѣрахъ и устройствѣ заразнаго отдѣленія *рѣшительно невозможно*.

2) Устройство, такъ называемаго тифознаго отдѣленія таково, что оно, имѣя лишь одинъ входъ, состоитъ изъ ряда проходныхъ комнатъ, изъ которыхъ только одна комната могла быть выдѣлена и изолирована для оспенныхъ больныхъ; двери въ проходныхъ комнатахъ по необходимости приходится держать открытыми, да и временное ихъ закрытіе не можетъ имѣть никакого значенія въ смыслѣ изоляція болѣзненныхъ формъ.

3) Въ виду вышеизложеннаго, администрація больницы бываетъ иногда вынуждена для изоляціи особенно опасныхъ формъ, помѣщать однородныхъ больныхъ обоихъ половъ въ одной палатѣ, но всегда раздѣляя мужчинъ отъ женщинъ ширмами, что имѣло мѣсто и въ день ревизіи въ оспенной палатѣ.

4) Въ день ревизіи въ больницѣ дѣйствительно были свободны двѣ палаты, но онѣ не могли быть утилизированы для болѣе или менѣе правильнаго размѣщенія заразныхъ формъ, такъ какъ одна изъ этихъ палатъ, освободившаяся лишь наканунѣ ревизіи, подверглась дезинфекціи, а другая свободная палата служитъ запасной комнатой для помѣщенія также больныхъ, которые, почему либо, не могутъ быть помѣщены ни въ одномъ изъ отдѣленій больницы.

[1]) «Казанскій телеграфъ» 1897 г. № 1282; «Волгарь» 1897 г. № 105.

5) Что касается низшаго медицинскаго персонала заразнаго отдѣленія, то онъ состоитъ только изъ 2-хъ сестеръ милосердія, которыя обязательно бываютъ отъ 8 до 1 часа и отъ 5 до 8 часовъ вечера, дежурятъ, кромѣ того, ночью по очереди». Затѣмъ слѣдуетъ 17 подписей.

Не будемъ полемизировать съ господами врачами, хотя заявленіе ихъ еще болѣе укрѣпляетъ въ насъ убѣжденіе въ недобросовѣстномъ исполненіи ими своихъ обязанностей; скажемъ, что приведенныхъ фактовъ о положеніи медицинской части въ земствахъ вполнѣ было-бы достаточно, чтобы придти къ довольно мрачнымъ выводамъ и отнестись какъ къ съѣздамъ врачей, такъ и къ тѣмъ широкимъ мѣропріятіямъ, выработаннымъ земскими дѣятелями, съ полнѣйшимъ скептицизмомъ, если бы мы не знали и лучшихъ сторонъ врачебной дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій. Стоитъ вспомнить только д-ра Литвинова и нашумѣвшую въ свое время Бурашевскую колонію [1]).

Но и помимо Бурашевской больницы у насъ подъ руками есть свѣдѣнія о небольшой больницѣ Камышловскаго уѣзда въ Каменскомъ заводѣ, производящія самыя хорошія впечатлѣнія [2]). Каменская больница, передѣланная въ прошломъ году почти заново, устроена всего на 20-ть кроватей, но число больныхъ, въ особенности осенью и зимою, всегда превышаетъ эту норму. Всѣ больные помѣщаются въ одномъ зданіи; тутъ же находится особая, свѣтлая операціонная палата со всѣми необходимыми приспособленіями. Аптека, пріемный покой для приходящихъ больныхъ, кабинетъ врача, кухня, прачешная и баня помѣщаются въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Высокія, свѣтлыя палаты Каменской земской больницы, безукоризненная чистота, прекрасная пища для больныхъ, трезвая, опытная больничная прислуга, строгій и внимательный уходъ со стороны фельдшерскаго и акушерскаго надзора и, наконецъ, опытный врачъ, хирургъ и акушеръ—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ Каменскую заводскую больницу образцовою.

Надо отдать полную справедливость Камышловскому земству и, въ особенности, земской управѣ за заботы о врачебной помощи въ уѣздѣ. Средствъ для этого не жалѣется и если не всегда и не вездѣ достигаются болѣе или менѣе удовлетворительные результаты, то это нерѣдко зависитъ отъ причинъ не легко устранимыхъ, не смотря на полное желаніе и готовность земской управы придти на помощь назрѣвшимъ нуждамъ населенія.

О томъ, съ какимъ трудомъ приходится добиваться намѣченныхъ мѣропріятій земскимъ управамъ, насколько косны и невѣжественны нѣкоторые изъ гласныхъ земскихъ собраній, упрямо отказывающіеся уяснить себѣ полезность тѣхъ или другихъ нововведеній, свидѣтельствуетъ лю-

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ сообщить, что тверскимъ губернаторомъ опротестовано постановленіе тверскаго губернскаго земскаго собранія о постановкѣ въ Бурашевской лечебницѣ портрета д-ра Литвинова.

[2]) «Уралъ» 1897 г. № 85.

бопытная сценка, разыгравшаяся на послѣднемъ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ г. Курскѣ [1]), куда былъ представленъ докладъ врачебнаго совѣта о санитарномъ состояніи губерніи и о мѣрахъ къ оздоровленію ея, вызвавшій оживленныя пренія. Однимъ изъ особенно горячихъ противниковъ санитаріи и санитарныхъ съѣздовъ выступилъ кн. Н. Ф. Касаткинъ-Ростовскій. Аргументація его положеній настолько нова и интересна, что позволяемъ себѣ привести ее цѣликомъ. Возражая противъ основного положенія доклада, что санитарное благополучіе зависятъ отъ бытовыхъ условій, онъ утверждалъ, что виною всему естественныя условія. «Что дѣлать, напримѣръ, противъ того, если гдѣ нибудь окажется соленая вода? Единственное средство въ этомъ случаѣ перенести поселеніе,—никакая изъ мѣръ, предлагаемая докладомъ, тутъ не причемъ». Санитарныя мѣры, по его мнѣнію, совершенно *непримѣнимы* при нашихъ бытовыхъ условіяхъ. «Представьте себѣ, говоритъ онъ, что васъ заставляютъ, напр., во время рабочей поры, во время эпидеміи, вывозить со дворовъ навозъ или устраивать въ крестьянскихъ дворахъ выгребныя или помойныя ямы,—вѣдь мы живемъ не въ Швейцаріи или Тиролѣ,—надо считаться съ бытовыми условіями». Переходя затѣмъ къ дѣятельности врачебнаго персонала, князь Касаткинъ-Ростовскій замѣтилъ, что «*врачебная организація—ничто иное, какъ стачка, направленная противъ земскихъ дѣятелей*. Это какой-то ареопагъ, какой-то парламентъ, предписывающій намъ, земскимъ дѣятелямъ, законы. Мы всегда относились гуманно къ врачамъ, мы не видѣли въ нихъ наемниковъ, а вотъ они чѣмъ намъ отплачиваютъ. Шестой съѣздъ врачей, разсматривая дѣятельность земства въ медицинской области, ставилъ намъ баллы за поведеніе, напр., Новооскольскій уѣздъ за свою дѣятельность получаетъ единицу, между тѣмъ, намъ извѣстно, что Новооскольскій уѣздъ занимаетъ въ области медицины одно изъ первыхъ мѣстъ».

И всетаки, не смотря на такую громовую филиппику, земское собраніе постановило: 1) пригласить въ видѣ опыта одного санитарнаго врача для созданія общественной санитарной организаціи въ одномъ изъ уѣздовъ; 2) командировать для борьбы съ эпидеміями возможно полные отряды и 3) утвердить обязательныя санитарныя постановленія для фабрикъ и заводовъ.

Отъ Курскаго земства естественно перейти къ разсмотрѣнію того, что предпринимается земствами другихъ губерній по медицинскимъ и санитарнымъ вопросамъ.

Одною изъ главныхъ заботъ почти всѣхъ земскихъ учрежденій—по мѣрѣ силъ и возможности парализовать принимающее грандіозные размѣры распространеніе эпидемическихъ болѣзней и сифилиса, одного

[1]) «Курскій Листокъ», 1896 г., № 143; «Медиц. Бесѣда», 1897 г., № 1; «Врачъ», 1897 г., № 4.

изъ сильнѣйшихъ бичей нашего сельскаго населенія. Разрѣшенію этихъ вопросовъ и были посвящены почти всѣ съѣзды земскихъ врачей прошлаго года; эти-же вопросы подымались и на всѣхъ земскихъ собраніяхъ.

Какъ сильно должны быть озабочены земства распространеніемъ, напр., дифтерита и сифилиса, говорятъ за себя довольно внушительныя данныя о сифилитическихъ больныхъ въ Смоленской губ., гдѣ по сообщеніямъ Д. И. Жбанкова [1]), за трехлѣтіе (1893—95 гг.) было повторныхъ сифилитиковъ: въ 1893 г.—2,301; въ 1894—4,438 и въ 1895 — 7.408, Сифилитическихъ больныхъ въ Епифанскомъ уѣздѣ было, по амбулаторнымъ даннымъ: въ 1891 г.—705, 1892 — 1.164, 1893 г.—1,880, 1894 г.—2,468 и 1895 г.—5880 [2]). Данныя о больныхъ дифтеритомъ въ Саратовской губ., гдѣ за послѣдніе годы выражаются слѣдующими цифрами:

	Число пораженныхъ дифтеритомъ селеній.	Число заболѣваній.	Въ среднемъ число заболѣваній на 1 семью.
Въ 1890 г.	151	733	5
» 1891 »	178	1,204	7
» 1892 »	256	2.414	9
» 1893 »	577	8,604	15
» 1894 »	915	16,240	18
» 1895 »	1.289	23,536	18
» 1896 »	1,146	15,670	14

За всѣ 7 лѣтъ 73,300 заболѣваній.
За послѣдніе 4 года 64,050 [3]).

Интересны также слѣдующія таблицы:

Было больныхъ:	Симбирская губ.	Тамбовская губ.
въ 1890 г.	1,644 чел.	3,010 чел.
» 1891 »	1,130 »	2,881 »
» 1892 »	2,309 »	5,079 »
» 1893 »	5,199 »	13,237 »
» 1894 »	10,899 »	11,141 » [4])

[1]) Д. И. Жбанковъ. Матеріалы о распространеніи сифилиса и венерическихъ заболѣваній въ Смоленской губ. Смоленскъ. 1896 г

[2]) Князевъ В. И Сифилисъ въ Епифанскомъ уѣздѣ. Тульской губ. по амбулаторнымъ даннымъ за пятилѣтіе 1891—96 г. Общ. Санит. Обозр. 1897, № 8.

[3]) Отчетъ по борьбѣ съ эпидеміей дифтерита въ 1896 г. въ связи съ предшествовавшими годами. Саратовск. Земск. Недѣля, № 1—2. Саратовъ, 1897 г.

[4]) Врачебно-санитарный листокъ Симбирской губ. 1894, № 4. Карказинскій В. И. Съ областного съѣзда въ Казани. Въ статьѣ имѣются данныя и о Саратовской губ., нѣсколько рознящіяся отъ данныхъ, опубликованныхъ въ «Саратовск. З. Н.»

Выписанныя цифры ясно говорятъ, насколько еще слабо развитіе нашей земской медицины, не смотря даже на прогрессивный ростъ земскихъ расходовъ. Отчасти въ этомъ виноватъ врачебный персоналъ, небрежно относящійся къ исполненію своихъ обязанностей, отчасти косность и ретроградность нѣкоторыхъ изъ нашихъ земствъ, гдѣ встрѣчаются среди гласныхъ личности, не шутя отрицающіе всякую пользу врачебной санитаріи или-же совершенно превратно представляющіе себѣ обязанности санитарнаго врача. Это именно и имѣло мѣсто на очередномъ губернскомъ собраніи Симбирскаго земства, гдѣ въ числѣ различныхъ вопросовъ, между прочимъ, дебатировался вопросъ объ устройствѣ правильной санитарной организаціи въ губерніи. Докладъ вызвалъ массу самыхъ неосновательныхъ возраженій, изъ которыхъ видно, что гг. гласные совершенно не представляютъ себѣ цѣль и задачи санитарнаго бюро. Одинъ видитъ въ санитарномъ врачѣ простого чиновника-счетчика; другой смотритъ на него, какъ на ученаго, преслѣдующаго лишь цѣли, имѣющія интересъ только лично для него: по мнѣнію третьяго, санитарный врачъ непремѣнно долженъ быть акушеромъ или-же спеціалистомъ по глазнымъ болѣзнямъ. Рѣзкимъ противникомъ расширенія дѣятельности бюро выступилъ кн. Оболенскій, высказавшійся *за вредъ статистическихъ изслѣдованій вообще*. Послѣ довольно продолжительныхъ преній, собраніе всетаки признало полезность учрежденія губернскаго санитарнаго совѣта и ассигновало на бюро—2,000 руб.

Къ сожалѣнію, Симбирское земское собраніе не обошлось безъ инцидента, оставившаго тяжелое впечатлѣніе во всѣхъ, кто хорошо понимаетъ важность поднятія умственнаго уровня народа. Губернская управа по просьбѣ минувшаго съѣзда врачей предлагала выдать 100 р. въ «капиталъ для распространенія гигіеническихъ знаній въ народѣ», но предсѣдатель собранія, все тотъ-же кн. Оболенскій, произнесъ убѣдительную рѣчь *о вредѣ популяризаціи гигіеническихъ знаній*. Собраніе прониклось убѣдительными аргументами и, безъ всякихъ попытокъ отвѣтить достойнымъ образомъ на подобное мнѣніе, отклонило ходатайство управы [1]).

Казанское губернское земское собраніе послѣдней сессіи ополчилось на д-ра Воротынскаго, завѣдующаго нервнымъ отдѣленіемъ Казанской губернской земской больницы за то, что онъ на съѣздѣ земскихъ врачей рѣшился сдѣлать докладъ о печальномъ положеніи душевно-больныхъ въ Казанской губернской земской больницѣ и вообще обнаружилъ неустройство послѣдней (см. выше). Въ собраніи раздавались голоса: «Распубликовать его!»—«Нѣтъ, не распубликовать его, а подъ судъ, подъ судъ!..»—«Онъ набросилъ тѣнь»—«Онъ опозорилъ земство» [2]). Глас-

---

[1]) Яковлевъ. С. Н. Вопросы земской медицины на Симбирскомъ губернскомъ собраніи, сессіи 1896 г. Общ. Санит. Обозр. 97 г., № 3.

[2]) «Медицинская Бесѣда» 1897 г., № 1; «Лучъ», 1896 г., № 56 (Казанское «подъ судъ» и наше «спасибо», Далинъ).

ные, хорошо освѣдомленные съ настоящимъ положеніемъ дѣла, не постыдились возмутиться горькой правдой, всплывшей на свѣтъ божій, за которую, справедливо замѣчаетъ «Лучъ», ни въ одномъ законодательствѣ не положено наказанія. Да и что сдѣлалъ-бы судъ? Не заклеймилъ-ли бы онъ еще большимъ позоромъ самихъ земцевъ, раскрывъ слѣдствіемъ не выплывшія до поры до времени злоупотребленія?

Конечно, какъ и быть должно, докторъ Воротынскій былъ уволенъ оскорбленнымъ земствомъ. Тѣмъ обиднѣе за несчастныхъ больныхъ Казанской земской больницы и, конечно, тѣмъ стыднѣе для казанскихъ земцевъ, которые полагаютъ, что о вопіющихъ злоупотребленіяхъ слѣдуетъ если не молчать абсолютно, то, по крайней мѣрѣ, преподносить земскимъ собраніямъ жиденькіе безцвѣтные отчеты, совершенно не касаясь больничныхъ порядковъ. Земскіе дѣятели будутъ ежегодно ихъ выслушивать и принимать къ свѣдѣнію, а то, что больные будутъ заражаться, мучиться отъ всякихъ непорядковъ, плохо питаться—все это, по мнѣнію современныхъ «отцовъ земскаго самоуправленія», является дѣломъ не важнымъ.

Мы имѣемъ возможность привести еще болѣе безотрядные факты, больничныхъ неурядицъ, по своимъ размѣрамъ значительно превосходящихъ знаменитую Бурашевскую исторію [1]), но думаемъ, что и этихъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы разрушить у оптимистовъ всѣ радужныя иллюзіи о совершенной постановкѣ земской медицины. Конечно, есть земства, какъ напр. Петербургское, Московское, Воронежское, Херсонское, гдѣ врачебная часть поставлена сравнительно довольно сносно, и есть надежда, что, современемъ, при неусыпныхъ заботахъ и огромныхъ затратахъ земствъ, станетъ и вполнѣ удовлетворяющею мѣстнымъ нуждамъ населенія.

О томъ, что рѣшено предпринять Воронежскимъ земствомъ, у насъ есть довольно подробныя свѣдѣнія, съ которыми мы и считаемъ не лишнимъ, заканчивая нашу замѣтку, подѣлиться съ читателями.

Въ XXXII очередной сессіи Воронежскаго губернскаго земскаго собранія земско-медицинскіе вопросы занимали видное мѣсто въ числѣ другихъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ собраніемъ. Правда, вопросы разрѣша-

[1]) Для лицъ, интересующихся больничными порядками, считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя библіографич. данныя. Такъ: о Бурашевской исторіи см. «Врачъ» 1897 г. № 12 (ст. М. Петрункевича, Тверское губ. земское собраніе и Бурашевская колонія). «Обозрѣніе Психіатріи» 1897 г., № 2; «Общ. санит. обозр.», 1897 г. № 9. О безпорядкахъ въ Одесской психіатрической больницѣ: «Врачъ» 1897 г. № 10; «Новороссійскій Телеграфъ» отъ 12, 14, 16, 18 и 20 февраля с. г.; «Спб. Вѣд.» 1897 г., № 75, «Бессарабецъ», 1897 г., № 57 «Новороссійскій телегр.» № 711; «Сѣв. Вѣст.» 1897 г., № 5. О Херсонской психіатрической б-цѣ, фельетонъ «Одесской Газеты». 1897 г., № 85; объ Оргѣевской больн.: «Южное Обозрѣніе», 1897 г., № 91; о Симферопольской больн., «Орл. Вѣстн.», 1897 г., № 102; «Одесск. Новости» № 3958; о Кременчугской больн. «Од. Нов.» №№ 3948; 3949.

лись не въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, которые были намѣчены управою, но, во всякомъ случаѣ, и по тому, что сдѣлано, нельзя не признать, что послѣднее очередное собраніе сдѣлало крупные шаги впередъ, значительно расширивъ сферы своего благотворнаго участія въ организаціи земской медицины по губерніи.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ постановленій нужно по справедливости считать окончательное разрѣшеніе вопроса объ открытіи при управѣ санитарнаго отдѣленія и въ связи съ этимъ постановленіе о созывѣ въ 1897 г. VI губернскаго съѣзда врачей.

Вопросъ о губернскомъ санитарномъ органѣ имѣетъ уже свою исторію. Потребность въ такомъ органѣ особенно ощущалась тогда, когда губернію посѣщали тѣ или другія эпидеміи. Такъ въ 1880 г. II-й съѣздъ врачей, обсуждая планъ борьбы противъ свирѣпствовавшаго тогда дифтерита, высказался о желательности имѣть особаго санитарнаго врача. III-й съѣздъ въ 1881 г. «настойчиво просилъ губернскую управу поторопиться съ приглашеніемъ санитарнаго врача», но просьба осталась безъ послѣдствій и вопросъ о санитарномъ врачѣ заглохъ до 1890 г., когда V-й съѣздъ снова возбуждаетъ этотъ вопросъ въ связи съ признаніемъ необходимости изученія губерніи въ топографическомъ отношеніи. На этотъ разъ управа встрѣтила благосклоннѣе требованіе съѣзда и на экстренномъ земскомъ собраніи 1896 г. постановила: поручить управѣ составить для разработки эпидеміологической организаціи въ губерніи и пригласить врача спеціалиста для подготовительныхъ и заключительныхъ работъ и, наконецъ, организовать совѣщаніе изъ предсѣдателей земскихъ управъ и тѣхъ земскихъ врачей, участіе которыхъ она признаетъ необходимымъ. Совѣщаніе вполнѣ сочувственно отнеслось къ проекту программы санитарнаго отдѣленія, главнѣйшею практическою дѣятельностью котораго должно быть: *активное участіе въ борьбѣ съ тѣми эпидеміями,* въ мѣропріятіяхъ противъ которыхъ губернское земство принимаетъ матеріальное участіе. Въ общемъ обязанности санитарнаго отдѣленія по борьбѣ съ эпидеміями намѣчаются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

a) На санитарномъ отдѣленіи лежитъ общее руководство борьбою съ тѣми чрезвычайнаго характера эпидеміями, въ мѣропріятіяхъ противъ которыхъ земство несетъ затраты; b) отдѣленіе организуетъ доставленіе срочныхъ сообщеній и свѣдѣній о ходѣ эпидемій отъ всѣхъ врачей по однообразнымъ формамъ, устанавливаемымъ губернскимъ съѣздомъ врачей; c) подъ редакціей губернской управы, отдѣленіе публикуетъ періодическія сообщенія о ходѣ эпидемій и разсылаетъ ихъ по всѣмъ земско-медицинскимъ учрежденіямъ и врачамъ губерніи; d) отдѣленіе озабочивается своевременнымъ подыскиваніемъ медицинскаго персонала для борьбы съ эпидеміями и организуетъ санитарные отряды. Оно слѣдитъ за правильнымъ размѣщеніемъ по пораженнымъ эпидемическимъ пунктамъ временнаго медицинскаго персонала; e) отдѣленіе

озабочивается заблаговременнымъ пріобрѣтеніемъ антидифтеритной сыворотки и разсылкою ея по уѣздамъ и участкамъ.

Въ тѣсной связи съ организаціей санитарнаго бюро находится докладъ управы «о дифтеритныхъ эпидеміяхъ и о расходахъ на борьбу съ ними. Въ настоящее время Воронежская губернія переживаетъ циклъ тяжелыхъ дифтеритныхъ эпидемій, захватившихъ уже большую часть ея площади. Однако, распространеніе эпидемій по отдѣльнымъ уѣздамъ далеко не равномѣрно. Такъ въ Богучарскомъ, Павловскомъ и отчасти въ Коротоякскомъ уѣздахъ дифтеритныя эпидеміи, начавшіяся ранѣе другихъ уѣздовъ, находятся теперь въ періодѣ угасанія. Въ Новохоперскомъ, Воронежскомъ и Бобровскомъ эпидеміи достигли максимальной высоты. Къ этой-же группѣ нужно присоединить Задонскій, Землянскій и отчасти Нижнедѣвицкій уѣзды. Что касается остальныхъ уѣздовъ, то они или находятся пока еще въ благополучномъ состояніи, или же переживаютъ начало эпидемій. Особенно большое распространеніе дифтеритныя заболѣванія имѣли въ 1895 г., въ продолженіе котораго было обнаружено 18,368 больныхъ со смертностью въ 47,6%. За послѣднее трехлѣтіе земство успѣшно боролось съ эпидеміями, ввело прививку антидифтеритной сыворотки, разославъ ея въ 1895 г.—6,104 флаконовъ и 1896 г.—7,967 флаконовъ. Всего-же земствомъ было израсходовано на борьбу съ ними въ 1894 г.—10,232 р.; въ 1895 г.—27,708 р. и 1896 г.—11,642 р.

Однако, подводя итоги значительнымъ расходамъ, губернская управа отмѣчаетъ, что они мало достигли своей цѣли, ввиду отсутствія системы борьбы, которой весьма трудно добиться при неимѣніи при земствѣ спеціальнаго органа, который-бы вѣдалъ и слѣдилъ за распространеніемъ по губерніи эпидемій и руководилъ дѣломъ борьбы съ ними. Въ заключеніе доклада управа просила собраніе—поручить ей, при участіи врачей, выработать основанія участія губернскаго земства въ борьбѣ съ эпидеміями, что и было принято собраніемъ.

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ, разсматриваемыхъ собраніемъ, слѣдуетъ отмѣтить: о выпискѣ медикаментовъ для уѣздныхъ земствъ изъ-за границы по образцу Орловскаго, Уфимскаго, Вологодскаго, Херсонскаго, Владимірскаго, Пермскаго, Черниговскаго и Московскаго; отчетъ Воронежской губернской больницы, находящийся въ немного лучшихъ условіяхъ больницъ Самарской и Пензенской, о мужской фельдшерской школѣ, проектъ инструкціи по управленію Воронежской губернской земской больницы и, наконецъ, о летучихъ отрядахъ глазныхъ врачей [1]).

Изъ приведенныхъ нами сообщеній мы не вправѣ дѣлать какихъ-нибудь выводовъ о безотрадной постановкѣ земской медицины. Правда

[1]) «Медицинская Бесѣда», 1897 г. № 1—5; Тезяковъ Н. И., Земско-медицинскіе вопросы въ Воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. «Общ. Санит. Обозр.», 9187 г., №№ 2 и 3.

иллюстраціи, приводимыя нами, очень ярко, подчасъ даже рѣзко говорятъ сами за себя, но ихъ такъ сравнительно мало, что выводы наши были-бы крайне смѣлыми. Земская медицина еще слишкомъ молода, чтобы подписывать ей тотъ или другой рѣшительный приговоръ.

Безпрерывные періодическіе съѣзды врачей, тотъ интересъ, который возбуждаютъ почти *всѣ земскія собранія*, заботы о народномъ оздоровленіи; упорная борьба съ эпидеміями въ самыхъ разнообразныхъ ихъ проявленіяхъ—будь то дифтеритъ, холера, оспа или страшный бичъ, какъ городскаго, такъ и сельскаго населенія, сифилисъ, царящій почти повсемѣстно въ нашемъ широко раскинувшемся государствѣ—все это говоритъ за желаніе земскихъ учрежденій какъ можно лучше использовать всѣ средства, предлагаемыя современною наукою, и не вина земствъ, если они связаны чуть-ли не по рукамъ и ногамъ всевозможными наслоеніями и пережитками въ тѣхъ или другихъ формахъ.

В. Владимірцевъ.

НА ОКРАИНАХЪ.

Письмо съ Урала.

Принято думать, что уральское населеніе и уральскій рабочій благоденствуютъ, но это далеко не такъ. Степень благосостоянія уральскаго рабочаго зависитъ, во-первыхъ отъ количества обработанной имъ земли, а во-вторыхъ отъ количества получаемой имъ заработной платы на заводскихъ работахъ.

Займемся сначала разсмотрѣніемъ земельнаго вопроса.

Передъ освобожденіемъ крестьянъ господствовало мнѣніе, что мастеровые, получивъ «волю», побросаютъ опостылѣвшіе имъ заводы и займутся какимъ-нибудь своимъ дѣломъ, слѣдовательно заводы останутся безъ рабочихъ. Поэтому-то самому, законодательство, принимая мѣры къ земельному обезпеченію горнозаводскаго населенія, съ самаго начала стремилось ограничить въ его средѣ землевладѣніе и создать особый промышленный классъ, который средства своего существованія получалъ-бы, главнымъ образомъ, отъ горнаго промысла, т. е. оно желало какъ-бы закрѣпить это свободное населеніе по-прежнему за заводами, поставивъ его въ необходимость, для своего пропитанія, за неимѣніемъ земли, жить заводскимъ трудомъ.

Практическое примѣненіе этихъ принциповъ еще болѣе развило ихъ, благодаря различнымъ злоупотребленіямъ со стороны заводоуправленій и мировыхъ посредниковъ.

Особенно велики были эти злоупотребленія относительно раздѣленія людей на разряды мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ,—раздѣленія, имѣющаго коренное значеніе въ разсужденіи правъ на земельный надѣлъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ заводовъ не оказалось вовсе сельскихъ работниковъ, какъ будто никто не исполнялъ вспомогательныхъ работъ, и все населеніе зачислено въ разрядъ мастеровыхъ, какъ имѣющихъ право только на покосную землю. Грамоты, въ законный

срокъ не обжалованныя, вошли въ законную силу и въ настоящее время населеніе тщетно старается поправить дѣло. Немногимъ лучше обошлось и поземельное устройство населенія казенныхъ заводовъ. И здѣсь видны тѣ-же злоупотребленія. Раздѣленіе мастеровыхъ на сельскихъ работниковъ и собственно мастеровыхъ произведено нерѣдко совершенно безъ всякаго основанія и первые получили надѣлъ даже меньшій, чѣмъ онъ положенъ для мастеровыхъ. И кромѣ того, земельный надѣлъ получили не всѣ, а только «годные», т. е. имѣющіе отъ 18—60 лѣтъ.

Нужно сознаться, что исторія поземельнаго устройства горнозаводскаго уральскаго населенія во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно темная и запутанная. Земельное устройство горнозаводскаго населенія не окончено еще вплоть до настоящаго времени. И въ этомъ виноваты исключительно заводчики, которые постарались запутать этотъ вопросъ до nec plus ultra.

Заводское населеніе до сихъ поръ не надѣлено землей, потому что такой надѣлъ долженъ ipso facto уменьшить лѣсныя дачи, а заводчики на всѣхъ перекресткахъ кричатъ о недостаткѣ лѣсовъ. Этимъ путемъ аграрный вопросъ на Уралѣ получилъ совершенно особенныя усложненія и въ недалекомъ будущемъ долженъ повести къ очень печальнымъ недоразумѣніямъ. Трудность размежеванія увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что кромѣ частныхъ и казенныхъ земель, сотни квадратныхъ верстъ принадлежатъ владѣльцамъ на поссесіонномъ правѣ, которое само по себѣ является почти неразрѣшимой юридической загадкой.

Какъ-бы то ни было, но земельное положеніе населенія Урала находится въ непосредственной зависимости отъ тѣхъ различныхъ отношеній, въ которыхъ находились заводскіе крестьяне къ заводамъ во время крѣпостной зависимости. Одни изъ нихъ получили, по уставной грамотѣ, пашню и покосы на цѣлое общество, другіе только на работающихъ на заводѣ и для завода, третьи пахотныхъ земель не получили, а только покосныя угодья—или на общее число душъ, или на работающихъ, четвертые не получили ни того, ни другого, а пользуются ими на различныхъ условіяхъ отъ заводоуправленій.

Вотъ напр. каковы эти условія въ Нязе-петровской заводской дачѣ Кыштымскаго горнаго округа:

1) Срокъ пользованія три года.

2) Земля предоставляется въ пользованіе для хлѣбопашества, покоса, выгона или усадьбы, причемъ принявшій въ пользованіе землю не имѣетъ права производить развѣдки и добычу ископаемыхъ, дѣлать запруды и воздвигать постройки безъ заводоуправленія, исключая полевой избушки или загороди.

3) Лѣсъ получать по билету за полныя попенныя деньги по существующей таксѣ, по отводу лѣсной стражи и производить порубку согласно правилъ лѣсного устава.

4) Не передавать принятую въ пользованіе землю другимъ безъ согласія заводоуправленія.

5) Заводоуправленіе имѣетъ право производить развѣдку и добычу ископаемыхъ на отведенной въ пользованіе землѣ, въ то время когда она не засѣяна и убрано сѣно. Если-же въ отведенной землѣ встрѣтитъ заводоуправленіе надобность до истеченія срока, на который отдана въ пользованіе, то принявшій ее обязанъ немедленно прекратить пользованіе, причемъ ему отводится такое-же количество въ другомъ мѣстѣ.

6) По окончаніи условнаго срока пользованія, всѣ возведенныя на землѣ постройки должны быть убраны въ теченіе 2 мѣсяцевъ, иначе поступаютъ во владѣніе заводоуправленія.

7) Плата за пользованіе землей: пахотной по 80 коп. за десятину, сѣнокосной—по 30, усадебной—по 50 коп. за квадратную сажень, выгонъ—по 15 коп. за десятину вносится за годъ впередъ, причемъ, если принявшій въ пользованіе землю находится на заводскихъ работахъ не менѣе 4 мѣсяцевъ, то пользованіе 5-ю десятинами изъ общаго количества земли предоставляется безплатно.

Въ Верхне-Сергинскомъ заводѣ пользоваться лѣсомъ, а также лугами безъ особаго на то разрѣшенія запрещено. Установлены особыя условія и билеты. Работающіе и служащіе на заводѣ, подписывая условіе и получая билетъ, лугами и лѣсомъ, конечно, въ потребномъ количествѣ, пользуются безплатно; не работающіе или вообще неимѣющіе какихъ-либо дѣловыхъ сношеній съ заводомъ, платятъ за десятину 20 коп., а за лѣсъ по установленной таксѣ

Подробныя условія земле- и лѣсо-пользованія существуютъ въ каждомъ заводѣ, и заводоуправленія весьма ревниво наблюдаютъ за исполненіемъ этихъ условій.

За самовольныя порубки налагаются штрафы отъ 1—100 руб.; бываетъ, что судебные пристава описываютъ и продаютъ крестьянское имущество и накладываютъ аресты на скудные заработки, служащіе главнымъ источникомъ пропитанія. Мало того, заводоуправленія въ назиданіе другимъ, практикуютъ увольненіе виновныхъ на время отъ работы «погулять». Покоряясь, въ силу неизбѣжныхъ условій зависимости, не представляющей выхода изъ этого труднаго положенія, мастеровые примирились и соглашаются безропотно брать билеты съ подписаніемъ условій, Мы знаемъ уже, что при освобожденіи ни одна изъ группъ заводчиковъ не расщедрилась въ надѣленіи своихъ рабочихъ никакими угодьями. Скорѣе, напротивъ. И вотъ, прошло 30 лѣтъ и мы видимъ, что земельный и лѣсной вопросы—самые жгучіе изъ жгучихъ вопросовъ на Уралѣ. Они требуютъ своего разрѣшенія весьма настоятельно. Темныя продѣлки и происки со стороны заводоуправленій, теперь достаточно уже выяснились.

Положимъ, земельный вопросъ не теперь только выдвинулся на

сцену, онъ существовалъ и раньше. Еще въ самые первые годы по освобожденіи частно-владѣльческихъ мастеровыхъ отъ крѣпостной зависимости, бывшими мировыми посредниками 1-го призыва было указано, что при той степени развитія горнозаводской промышленности, какая имѣла мѣсто въ то время, работъ на заводахъ для всего трудоспособнаго населенія будетъ недостаточно.

Мнѣніе это не замедлило, конечно, подтвердиться самыми дѣйствительными фактами и во второй половинѣ 60 годовъ ясно было даже для самихъ рабочихъ, что они вполнѣ зависятъ отъ заводовъ, а не заводы отъ нихъ. Отказъ-же мастеровыхъ во многихъ заводахъ отъ земельныхъ надѣловъ положительно закрѣпостилъ ихъ за заводами; они вспомнили о своей ошибкѣ, но было уже поздно. Въ земельномъ надѣлѣ, сопровождавшемся выкупомъ черезъ извѣстный промежутокъ времени, подписью бумаги и проч., мастеровые видѣли искусный подвохъ съ цѣлью новаго закрѣпощенія. Но немного нужно было времени, чтобы они сознали свою ошибку. И первый импульсъ къ сознанію этой ошибки подали тѣ-же заводы. Если во время крѣпостного права заводамъ невыгодно было давать работу не всему рабочему населенію, тогда какъ кормить они обязаны были всѣхъ, то со времени освобожденія содержаніе возможно меньшаго числа рабочихъ рукъ, въ связи съ различными техническими улучшеніями, имѣло для заводовладѣльцевъ прямую выгоду. И огромная масса рабочаго люда очутилась, что называется, не у дѣлъ. Столь незавидное положеніе, положеніе безработныхъ, заставляло искать какого-нибудь выхода: одни обратились къ переселеніямъ, другіе стали хлопотать о надѣленіи ихъ землею. Но правленія заводовъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами старались воспрепятствовать переселеніямъ, а хлопоты о надѣлѣ землею—свести на нѣтъ.

И вотъ, въ концѣ концовъ, получилась слѣдующая картина: трудъ мастеровыхъ всецѣло посвящается, изъ-за куска насущнаго хлѣба, на пользу заводовъ, ибо какихъ-либо другихъ работъ здѣсь нѣтъ; отсюда является громадный избытокъ рабочихъ рукъ, дающій полную возможность безпрепятственно эксплоатировать человѣческій трудъ.

И, несмотря на различныя ловкія продѣлки управляющихъ заводами, показывающихъ, что заводоуправленія не только благодѣтельствуютъ все окружное населеніе доставленіемъ ему работы и занимаютъ все мѣстное трудоспособное населеніе, но что ощущается даже недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, несмотря на то, что въ заводахъ принята система работы съ роздыхами для того, чтобы растянуть работу между возможно большимъ числомъ лицъ,—несмотря на все это, отовсюду слышатся жалобы на недостатокъ заводскихъ работъ, на отсутствіе другихъ, кромѣ заводскихъ, подсобныхъ промысловъ и на безработицу, въ полномъ смыслѣ слова, со всѣми ея ужасными послѣдствіями.

«Многолюдство, излишекъ рабочей силы въ сравненіи съ дѣйствительною потребностью въ ней,—вотъ тѣ тяжелыя обстоятельства, съ ко-

торыми должны теперь считаться мастеровые въ каждомъ заводѣ. Весьма естественно, что излишекъ рабочихъ въ заводахъ порождаетъ между мастеровыми конкурренцію въ пріисканіи работы, а конкурренція эта ловко экслоатируется заводоуправленіями въ свою пользу, влечетъ за собою систематическое пониженіе заработной платы, несмотря на систематическое-же вздорожаніе продовольственныхъ продуктовъ. Но и это-бы еще ничего. При постоянной работѣ въ заводѣ, даже и низкій заработокъ не морилъ-бы мастеровыхъ впроголодь, а только заставилъ-бы ихъ сократить предметы нормальнаго потребленія до крайности. Суть-же самая оказывается, однако, въ томъ, что даже и при уменьшенной донельзя рабочей платѣ осѣдлые мастеровые, какъ люди дорожащіе «насиженными дѣдами гнѣздами» и какъ люди не привыкшіе къ другому труду, кромѣ горнозаводскаго,—не идутъ въ поиски за посторонними заработками, а терпѣливо живутъ на заводѣ, работая за низкую плату и работая не постоянно, а періодически—не болѣе двухъ недѣль въ каждомъ мѣсяцѣ» [1]).

«Работъ въ заводѣ буквально нѣтъ, кромѣ урочныхъ, пишутъ изъ Шемахинскаго завода, но и ихъ хватаетъ только на 1/7 часть жителей, прокормиться-же ими семейнымъ нѣтъ возможности» [2]).

«Нижне-Сергинскій заводъ имѣетъ 12 тыс. населенія, которое обращается исключительно около заводскихъ работъ, коихъ далеко недостаточно. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ. Развиваться-же они могутъ только подъ непосредственнымъ покровительствомъ заводоуправленія. Избытокъ рабочихъ даетъ возможность заводоуправленію понижать платы до минимума. При такомъ положеніи дѣла матеріальное состояніе рабочаго ужасно» [3]). Изъ Маріинскаго завода сообщаютъ: Населенія въ въ заводѣ немного болѣе 1000 человѣкъ. Взрослыхъ рабочихъ (мужчинъ) до 400, а на заводѣ работаетъ только 136 человѣкъ. Средній мѣсячный заработокъ колеблется между 6—7 руб. Постороннихъ, внѣ завода, заработковъ нѣтъ. Земледѣліемъ, исключая 9—10 домохозяевъ, не занимаются. Въ общемъ, населеніе не зарабатываетъ столько, сколько потребляетъ» [4]).

Численность излишнихъ для Михайловскаго завода рабочихъ составляетъ не менѣе 2/3 общаго числа трудоспособнаго населенія въ заводѣ, а такъ какъ «годныхъ работниковъ» (въ возрастѣ отъ 15—60 лѣтъ, по заводу числится болѣе 2,212 человѣкъ, то собственно горнозаводскимъ трудомъ изъ этого количества прокармливаются не болѣе 800 человѣкъ, а остальные 1,400 человѣкъ несутъ на себѣ всѣ тяжелыя послѣдствія безработицы.

То же самое можно безошибочно отнести и ко всѣмъ прочимъ заводамъ Сергинско-Уфалейскаго округа, какъ, напр., въ Нижне-Сер-

[1]) «Екатер. Нед.» 1891 г. № 22.
[2]) Ibid. 1891 г. № 49.
[3]) Ibid. 1893 г. № 11.
[4]) Ibid. 1894 г. № 15.

гинскомъ заводѣ изъ 3.000 «годныхъ работниковъ» занято горнозаводскимъ дѣломъ не болѣе 900 человѣкъ, въ Атигскомъ заводѣ, какъ давно уже бездѣйствующемъ, вслѣдствіе закрытія кричной фабрики, всѣ «годные работники», числомъ до 600 человѣкъ безусловно лишены теперь горнозаводскаго труда и т. д., такъ что, въ общей сложности, численность горнозаводскихъ мастеровыхъ, не находящихъ себѣ горнозаводскаго труда, по однимъ только заводамъ Сергинско-Уфалейскаго округа достигаетъ 5,000 человѣкъ—цифры, какъ видите, весьма почтенной, и наводящей на размышленія далеко не веселаго свойства...

Изъ 14,631 двора 10 заводовъ Екатеринбургскаго уѣзда (Березовскій, Пышлинскій, Н.-Исетскій, Сысертскій, В. и Н.-Уфалейскій, Каслинскій, Кыштымскій, Режевскій и Невьянскій) заводскія работы имѣли только 7.881 дворъ. Слѣдовательно, цѣлая половина населенія не участвуетъ на заводскихъ работахъ. Изъ этой половины кое какъ перебиваются кустарничествомъ 2,668 дворовъ. земледѣліемъ же занимается только 1,568 домозяйствъ. Но 2½ тысячи дворовъ или ⅙ часть всего заводскаго населенія въ уѣздѣ остается безъ постоянныхъ и опредѣленныхъ работъ.

Изъ 12 заводовъ Красноуфимскаго уѣзда имѣются тоже крайне любопытныя данныя. Оказывается, что только въ 2-хъ изъ нихъ работаетъ 26 и 27% всего населенія, въ остальныхъ-же отъ 0,28 до 18,20%.

Земли въ 5 многолюдныхъ заводахъ отъ 0,51 до 0,76 дес. на душу, а въ остальныхъ отъ 1,80—3,57 дес.

Изъ 42.754 лицъ мужскаго пола, живущихъ въ 15 заводскихъ волостяхъ того-же уѣзда, хлѣбопашествомъ занято лишь 3.566 человѣкъ, т.-е. 8,34%.

Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ 55,85% общаго числа хозяйствъ составляютъ заводское населеніе, причемъ у 49,3% имѣется различное количество земли, а у 50,7% совершенно нѣтъ никакого земельнаго надѣла и они силою обстоятельствъ вынуждены искать себѣ пропитаніе на заводскихъ работахъ.

И дѣйствительно, работы на заводахъ Екатеринбургскаго уѣзда поглощаютъ 6,779 хозяйствъ, или 81,127 рабочихъ рукъ, 10,6% взрослаго мужскаго населенія въ уѣздѣ. Рабочій годъ не на всѣхъ заводахъ одинаковъ: на нѣкоторыхъ заводахъ работаютъ круглый годъ во всѣхъ цехахъ, на другихъ только въ доменномъ, на остальныхъ ½ или ⅔ года. Впрочемъ, и на тѣхъ заводахъ, гдѣ работаютъ круглый годъ, каждый рабочій работаетъ менѣе—⅔ или даже ½, такъ какъ черезъ каждыя 2—4 недѣли бываетъ смѣна, т.-е. рабочій двѣ недѣли работаетъ и 2—4 гуляетъ. Работаютъ на заводахъ и днемъ и ночью, причемъ рабочіе смѣняются или черезъ 12 часовъ или черезъ 8.

Далѣе, не на всѣхъ заводахъ существуетъ одна и та-же плата за извѣстный родъ работы; плата рабочимъ различныхъ цеховъ не одинакова, наибольшую плату получаютъ мастера, затѣмъ подмастерья; наименьшую—простые рабочіе, какъ мѣсячные, такъ и поденные.

Что касается заработной платы, то на всѣхъ заводахъ встрѣчается плата трехъ родовъ: издѣльная, мѣсячная и поденная, смотря по характеру работы.

Заработки заводскихъ рабочихъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

ЦЕХИ:	ЗАВОДЫ: Ревдинскій.	Сысертскій.	В. Сысертскій.	Полевскій.	Кыштымскій.	Каслинскій.	В. Нейвинскій.
	Годовая плата въ рубляхъ.						
Доменный.							
Мастеру	270	—	—	—	240	240	—
Подмастерью . . .	150	—	—	—	127	115	—
Рабочему	132	—	—	—	127	115	—
Кричный.							
Мастеру	—	316	—	—	—	195	225
Подмастерью . . .	—	217	—	—	—	155	180
Рабочему	—	238	—	—	—	115	140
Пудлинговый.							
Мастеру	180	228	232	298	309	—	—
Подмастерью . . .	160	169	204	248	280	—	—
Рабочему	132	138	177	208	265	—	—
Сварочный.							
Мастеру	260	175	193	219	310	—	—
Подмастерью . . .	220	161	173	200	222	—	—
Рабочему	190	149	153	174	152	—	—
Раскатный.							
Мастеру	—	—	—	400	—	—	—
Подмастерью . . .	—	—	—	298	—	—	—
Рабочему	—	—	—	152	—	—	—

Такимъ образомъ оказывается, что заводы не въ состояніи занять на своихъ работахъ все трудоспособное населеніе заводовъ, заработная плата незначительна и имѣетъ тенденцію все болѣе и болѣе понижаться; наконецъ, у рабочихъ остается масса свободнаго времени, въ которое они не знаютъ чѣмъ-бы заняться.

Казалось-бы, что при подобномъ положеніи дѣлъ, кустарные промыслы среди заводскаго населенія болѣе, чѣмъ желательны, они положительно насущно-необходимы и развитіе ихъ должно-бы встрѣтить со стороны заводоуправленій лишь поддержку и поощреніе. Но не то мы видимъ въ дѣйствительности. Кустарные промыслы въ заводахъ развиты или чрезвычайно слабо, или же ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Особенной опалѣ подвержены тѣ промыслы, которые въ основѣ своей имѣютъ дѣло съ желѣзомъ.

Въ нашемъ законодательствѣ, несмотря на всѣ толки и хлопоты объ упраздненіи статьи, воспрещающей огнедѣйствующія заведенія на древесномъ топливѣ, она все еще продолжаетъ дѣйствовать въ полной силѣ. Изъ Полевскаго завода пишутъ: «въ послѣднее время стали возникать слесарно-мѣдное и кузнечное ремесла. Но, къ сожалѣнію, заводоуправленіе старается во чтобы то ни стало подорвать въ населеніи кустарныя ремесла. Такъ, оно не даетъ открывать кузнечные и литейные горны, дѣйствуя въ этомъ случаѣ даже на легальной почвѣ. Въ уставной грамотѣ этого завода, между прочимъ, включенъ параграфъ, запрещающій населенію постановку новыхъ горновъ. Право-же на существованіе имѣютъ только тѣ горны, которые вошли въ уставную грамоту, а таковыхъ, какъ говорятъ рабочіе, всего около 25, а въ настоящее время дѣйствующихъ до 15. Такимъ образомъ, новый горнъ открыть нельзя. а старый, вошедшій въ уставную грамоту. купить негдѣ, потому что имъ дорожатъ. И заводоуправленіе очень строго слѣдитъ, чтобы кто-нибудь не дерзнулъ открыть новую кузницу или горнъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

Когда нѣкто Г. открылъ новый литейный горнъ, то лѣсничій завода (г. Макаровъ, человѣкъ, не получившій ни малѣйшаго не только спеціальнаго, но даже средняго образованія), узнавъ объ этомъ, призвалъ виновнаго и сказалъ ему строго настрого: «если ты не закроешь горнъ, то его и твой домъ (мастерскую) продадутъ съ молотка, да еще 100 руб. штрафу». Бѣдный Г., желая открыть горнъ, обращался за разрѣшеніемъ въ главную контору уральскихъ горныхъ заводовъ и послѣдняя ему разрѣшила. Но сысертское заводоуправленіе подало съ своей стороны отзывъ на закрытіе этого горна, и главная контора уральскихъ горныхъ заводовъ согласилась съ заводоуправленіемъ, приказавъ Г. закрыть горнъ. Г. обратился тогда въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ тоже ему отказали. Добился-же Г. открытія горна тѣмъ, что перекупилъ старый, числившійся по уставной грамотѣ, заплативъ только за одно право имѣть его — 19 рублей! И въ послѣднемъ случаѣ заводоуправленіе не мало тормозило перепродажу горна, въ этомъ случаѣ и волостной старшина явился ему на помощь; такъ, когда стало извѣстно, что рабочій В. продалъ свое право имѣть горнъ (самъ В. не работалъ и горнъ давно уже былъ заброшенъ) за 11 руб., то волостной старшина призвавъ продавщика въ волость, сказалъ ему: «ты съума что-ли спятилъ, продавъ за 11 руб. такую вещь, которая стоитъ 100 руб.!? Да знаешь ли ты, что бумага Г. обходила чуть не весь бѣлый свѣтъ, и то ему не разрѣшили»... И старшинѣ удалось набить цѣну съ 11 руб. на 19, и это только за одно право имѣть горнъ. Самъ же Г говоритъ, что всѣ его хлопоты по разрѣшенію на устройство горна обошлись 50 рублей» [1]).

---

[1]) «Екат. Нед.» 1895 г. № 42.

И это заводоуправленіе вовсе не единственное на Уралѣ, которое относится подобнымъ образомъ къ развитію кустарныхъ ремеселъ среди заводскаго населенія. Другія заводоуправленія поступаютъ точно также.

Далѣе, кузнецы и слесаря не могутъ покупать желѣзо и сталь на Уралѣ, которое все гуртомъ запродается въ Нижнемъ, и потомъ уже изъ Нижняго везется на Уралъ для мѣстной розничной продажи. Розница желѣза, чугуна, мѣди и стали находятся въ нѣсколькихъ сильныхъ рукахъ, и кустари лишены возможности пріобрѣтать сырье помимо этихъ торговцевъ [1]).

Итакъ, мы видимъ, что на Уралѣ народился огромный классъ горнозаводскаго пролетаріата, которому въ своемъ заводѣ рѣшительно не къ чему приложить рукъ. Ни земледѣліемъ (земли нѣтъ), ни кустарнопромышленностью (лѣсу нѣтъ, средствъ нѣтъ и просто «не дозволено») ни работами на заводѣ (работаетъ только ничтожный процентъ) заняться нельзя. Мало того,—своимъ существованіемъ этотъ классъ сбиваетъ и безъ того низкую заработную плату, приводя въ конечномъ результатѣ къ началамъ крѣпостного не юридическаго, а экономическаго рабства, какъ самого себя, такъ и имѣющихъ заводскія работы.

Былая слава о зажиточности и богатствѣ заводскаго населенія отошла въ область «преданья старины глубокой».

Въ 20 заводахъ изъ 28 Екатеринбургскаго уѣзда населеніе по оффиціальнымъ источникамъ живетъ «бѣдно», 6 заводовъ имѣютъ $1/2$ населенія, зачисленную въ разрядъ «бѣдныхъ», 1 заводъ имѣетъ даже—$2/3$, бѣдныхъ, 2 завода—$1/3$, 1 заводъ—$1/6$; «справно» живутъ только въ 6 заводахъ, а «богато» только въ 2-хъ.

Можно съ положительной увѣренностью сказать, что теперь нѣтъ ни одного завода на Уралѣ, населеніе котораго не мечтало-бы о надѣленіи землею. Но при запутанности, неясности и проч., существующихъ на этотъ счетъ законоположеній, эти мечты остаются «праздными», хотя они и опираются на законъ 3 декабря 1862 г., которымъ предписывается обезпеченіе земельнымъ надѣломъ мастеровыхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда заводы или совсѣмъ закрываются, или же сокращаютъ свою производительность. Предусматривая такое положеніе, этотъ законъ считаетъ вполнѣ справедливымъ, оставшимся безъ работы мастеровымъ дать средства къ существованію земледѣліемъ. Таковъ истинный смыслъ правилъ 3 декабря 1862 г., единственныхъ правилъ, такъ или иначе гарантирующихъ возможность экономическаго благосостоянія мастеровыхъ. Изъ предъидущаго ясно, что заводы не могутъ занять всего трудоспособнаго населенія, на заводскихъ работахъ вращается только ничтожный сравнительно процентъ, затѣмъ, вслѣдствіе различныхъ техническихъ улучшеній въ заводскомъ дѣлѣ, замѣняющихъ собою человѣ-

[1]) См. докладъ О. А. Арсеньева «о кустарныхъ промыслахъ въ Пермской губ. и о мѣрахъ къ ихъ поддержанію», читанный въ «Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ».

ческій трудъ, контингентъ занимаемыхъ теперь рабочихъ необходимо долженъ сокращаться все болѣе и болѣе и пополнять собою ряды безработныхъ. Къ этимъ же рядамъ присоединяется и ежегодный приростъ населенія. Такимъ образомъ, несмотря на увеличеніе горнозаводской промышленности, число рабочихъ уменьшается и безработныхъ, имѣющихъ совершенно законное право на надѣленіе землею, съ каждымъ годомъ становится все больше и больше. Но заводовладѣльцы ничего этого не хотятъ знать. Они продолжаютъ твердить свое: заводы не закрыты, производительность не сократилась и мы не обязаны надѣлять землей.

Во время поѣздки по Уралу г. министра земледѣлія, рабочіе всѣхъ заводовъ положительно осаждали его своими петиціями и просьбами объ улучшеніи ихъ положенія и надѣленія землею. Онъ обѣщалъ имъ свое содѣйствіе.

А пока что, наши уральскіе управляющіе, получающіе министерскіе оклады жалованья (по 12 тыс. рублей въ годъ) прибѣгають вотъ къ какимъ мѣрамъ. Избытокъ рабочихъ рукъ, имѣющихъ законное право на надѣлъ землей, конечно, не могъ не бросаться имъ въ глаза и не могъ не безпокоить ихъ. И вотъ, вмѣсто двусмѣнныхъ работъ, заведены трехъсмѣнныя и четырехсмѣнныя. Проще говоря: отобрана у однихъ часть времени и отдана другимъ, число работающихъ увеличилось, хотя сумма общаго заработка рабочихъ и осталась тою-же. Установи заводоуправленія 5-ти, 6-ти, 7-ми и т. д. смѣнныя работы, тогда всѣ рабочіе, пожалуй, будутъ вращаться на заводскихъ работахъ, но спрашивается сколько же каждый изъ нихъ заработаетъ въ годъ? Хватитъ-ли этого заработка не только на семью работника, но на него одного?..

Конечно, нѣтъ. Но наши заводовладѣльцы при содѣйствіи своихъ управляющихъ намѣтили именно этотъ путь и, пожалуй, чего добраго скоро окажется не избытокъ, а полный недостатокъ въ рабочихъ рукахъ... Какъ раньше, тотчасъ по освобожденіи, такъ и теперь общая тяжесть экономическаго положенія заводскаго населенія вызывала желаніе куда-нибудь уѣхать, переселиться, поискать лучшей доли. Извѣстно, что послѣ выпуска мастеровыхъ на волю, множество ихъ переселилось въ различныя мѣстности Сибири, юга Россіи и т. д., несмотря на всевозможныя происки заводоуправленій, боявшихся, что заводы останутся или вовсе безъ рабочихъ, или же оставшіеся могутъ потребовать увеличенія заработной платы.

Въ послѣдніе годы мастеровые снова вспомнили о переселеніяхъ и вотъ изъ Михайловскаго, напр., завода пишутъ слѣдующее: «Наконецъ-то, послѣ многихъ лѣтъ непосильной борьбы съ безработицей, мастеровые наши были вынуждены на всегда бросить и забыть свой исконный горнозаводскій трудъ, покинуть на вѣки свои дѣдовскія насиженныя гнѣзда и добровольно переселиться въ далекую Сибирь, на свободныя тамъ земли, чтобы заняться новымъ для нихъ земледѣльческимъ трудомъ. Не трудно, я думаю, предположить, сколько скрытой, но отчаян-

ной борьбы должно было произойти въ душѣ каждаго мастероваго, прежде нежели онъ пришелъ къ роковому заключенію, рѣшился сдѣлать такой крупный поворотъ во всей своей жизни, рѣшился оставить свой заводъ, въ которомъ онъ родился и выросъ, своихъ родныхъ и знакомыхъ, съ которыми онъ переживалъ заводскія радости и печали, и теперь, вдругъ, поѣхалъ куда-то, въ сказочную «Сибирь», искать счастья, начинать новую жизнь!

Такъ какъ управленіе государств. имущ. не уважило ходатайство здѣшнихъ мастеровыхъ о дозволеніи имъ поселиться на свободныя казенныя земли въ башкирскихъ дачахъ, то они сами направили теперь свой путь на Алтай, въ Барнаульскій, Бійскій и др. округа. Ѣдутъ они туда почти безсознательно, хорошенько не зная, какія именно условія жизни ихъ тамъ ожидаютъ. Ѣдутъ просто «на ура», какъ говорятъ нѣкоторые изъ нихъ. Ѣдутъ 22 семьи, въ количествѣ 157 человѣкъ [1]).

Подобныя же переселенія мы наблюдаемъ изъ Шемахинскаго завода, изъ Русской Шарамы, изъ Починокъ, с. Тараскова и т. д. Мотивами къ переселенію служатъ: «неимѣнье земли, неимѣнье работъ и вообще стѣснительное положеніе на Уралѣ».

И такъ, съ богатаго Урала, ненормальными условіями жизни и труда, мастеровые вынуждаются ѣхать въ Сибирь и тамъ искать для себя лучшей доли и участи... Незнакомому съ бытомъ и жизнью уральскаго населенія странно слышать это, между тѣмъ страннаго рѣшительно ничего нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ жить, чѣмъ кормить себя и семью, если человѣкъ, привыкнувъ съ дѣтства къ одного рода труду, вдругъ оказывается совершенно ненужнымъ и лишнимъ?... Земли у него нѣтъ, лѣса тоже, словомъ ничего такого, къ чему-бы онъ могъ приложить свои, свободныя отъ заводскихъ работъ, руки. Скажите, какъ ему жить и что дѣлать!

И мастеровой людъ клянетъ несправедливость своей судьбы, устроившей его жизнь такъ плачевно. Не имѣя работъ, онъ становится въ ряды «безпокойнаго элемента», толпами расхаживающаго по разнымъ городамъ, заводамъ, желѣзнымъ дорогамъ, селамъ, деревнямъ за заработкомъ.

Да, пора, давно пора обратить вниманіе на положеніе горнозаводскаго населенія на Уралѣ, тѣмъ болѣе пора, что съ каждымъ днемъ положеніе его все обостряется и обостряется, становится невозможнымъ и отражается на всѣхъ другихъ сферахъ жизни населенія. Пора разъ навсегда убѣдиться, что огромный классъ безработныхъ на уральскихъ заводахъ не «пустяшное» и временное явленіе, а явленіе весьма серьезное, постоянное, давнее и усиливающееся съ каждымъ годомъ. Пора, наконецъ, внимательнѣе и глубже приглядѣться къ условіямъ жизни горнозаводскаго status in statu, который, повидимому, такъ благодушно пріютился на далекомъ рубежѣ Азіи и Европы.

[1]) «Екат. Нед.» 1892 г. № 23.

Postscriptum. Судьба населенія частныхъ заводовъ вручена единственно лишь усмотрѣнію заводовладѣльцевъ, и обезпеченіе быта рабочихъ въ болѣзни и старости зависитъ единственно отъ ихъ великодушія.

Во времена крѣпостнаго права заводчикъ обязанъ былъ каждаго кормить, работаетъ онъ или не работаетъ, здоровый онъ или больной,—нынѣ же совсѣмъ не то. Рабочій, поставленный въ полную зависимость отъ завода, истративъ всѣ свои лучшія силы на заводскихъ работахъ и подъ старость сдѣлавшись ненужнымъ, просто выбрасывается, какъ негодная къ употребленію вещь.

Но всего печальнѣе положеніе рабочихъ изувѣченныхъ и получившихъ различныя поврежденія на заводскихъ работахъ. Такихъ лицъ заводы обыкновенно только лѣчатъ на свой счетъ или же ограничиваются въ большинствѣ случаевъ незначительнымъ временнымъ вспомоществованіемъ. А что на нашихъ заводахъ увѣчья и поврежденія не рѣдки, это доказывается тѣмъ, что поврежденій на нашихъ заводахъ, при всемъ несовершенствѣ собиранія статистическихъ данныхъ, по словамъ д-ра Никольскаго, въ 10 разъ болѣе, чѣмъ на заводахъ Западной Европы. И это ничуть неудивительно, такъ какъ законъ нашъ не имѣетъ ни малѣйшихъ указаній на мѣры, которыя фабриканты и заводчики обязаны предпринимать для огражденія безопасности жизни и здоровья рабочихъ и предоставляетъ самимъ владѣльцамъ озаботиться составленіемъ такихъ правилъ для каждаго отдѣльно промышленнаго заведенія, требуя лишь санкціи фабричнаго инспектора. Поэтому на практикѣ ничего нужнаго не принимается, а если и предпринимается, то только для отвода глазъ.

Относительно горной промышленности инженеръ А. И. Кеппенъ говоритъ, что онъ «не нашелъ во всемъ горномъ уставѣ, изд. 1857 г., ни одной статьи имѣющей отношеніе къ вопросу о предупрежденіи несчастій съ рабочими и объ охраненіи ихъ здоровья. Законъ 1881 г. отъ 13 мая, о порядкѣ производства горнопромышленниками подземныхъ работъ, прямо указываетъ на то, что всѣ лица занимающіеся горнопромышленными работами обязаны производить работы такъ, чтобы онѣ «не представляли опасности для жизни и здоровья рабочихъ». Такая неопредѣленность и неясность подобнаго узаконенія, по нашему мнѣнію, ни къ чему не ведетъ—заводчикъ ничего не предпринимаетъ, ибо не знаетъ, а рабочій страдаетъ и увѣчится. Точно также неясны инструкціи для окружныхъ инженеровъ о частной горной промышленности—въ нихъ говорится, чтобы на заводахъ и промыслахъ исполнялись всѣ существующія правила, имѣющія въ виду безопасное веденіе на нихъ работы и т. д.».

Слѣдующая табличка дастъ понятіе насколько наши заводчики заботятся о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ.

На 100 рабочихъ пострадавшихъ, было убитыхъ (за послѣдніе 5 лѣтъ—по 1892 г.)

на горныхъ заводахъ . . . .въ Россіи 4,7°/₀ (въ Германіи 0,79)
» металическихъ рудникахъ » 36,6°/₀ (въ Германіи 2,7)

Въ 1889 году на Уралѣ было 502 несчастныхъ случая, изъ нихъ 46 кончились смертью.

И калѣки, убогіе, изувѣченные «фабрикуются» каждый годъ; все въ большемъ и большемъ количествѣ они выбрасываются на всѣ четыре стороны, какъ негодныя къ употребленію вещи.

В. Весновскій.

I

На Кавказѣ.

„Національный вопросъ“.—Третейскій судъ надъ г. Величко. — „Кризисы“. — Судъ шеффеновъ и судъ присяжныхъ.—Населенность Кавказа.

Кавказъ — край благодатный, но жизнь въ немъ стала несладкой. Нѣтъ особаго мира между нами, да и посторонніе люди усердно травятъ насъ другъ на друга. Грустно, что столичная печать, повидимому, такъ усердно заботящаяся о «мирномъ развитіи» края, никакъ не можетъ понять, что однимъ (если не главнымъ) условіемъ такого развитія не можетъ быть признано искуственное подогрѣваніе и возбужденіе полнѣйшей вражды между разными народностями Кавказа.

На дняхъ бакинская газета «Каспій» (№ 103) высказала по этому поводу рядъ весьма здравыхъ сужденій. По мнѣнію газеты, «травля какой-бы то ни было національности не можетъ быть терпима въ провинціальной прессѣ; для этого, къ сожалѣнію, существуютъ спеціальные органы столичной печати». Однако, съ появленіемъ на Кавказѣ г. Величко въ роли редактора казенной газеты «Кавказъ» и наша кавказская печать стала заражаться особымъ пристрастіемъ къ племенной травлѣ въ формѣ, не считающейся съ предѣлами приличія. «Тифлисскій Листокъ» усердно работалъ противъ «политики» г. Величко и теперь одинъ изъ его сотрудниковъ, нѣкто Н. И. Веревкинъ вызываетъ г. Величко къ третейскому суду. Г. Веревкина, писавшаго подъ псевдонимами, подозрѣвали въ продажности и въ томъ, что авторъ инкриминируемыхъ статей никогда открыто не разоблачитъ своего инкогнито. Г. Веревкинъ на эти обвиненія отвѣтилъ письмомъ къ редактору «Тифлисскаго Листка», которое заканчивается слѣдующимъ образомъ: «Открывая теперь свое инкогнито, я выступаю съ предложеніемъ газетѣ «Кавказъ» прибѣгнуть къ третейскому суду и пусть онъ рѣшитъ слѣдующіе вопросы:

1) Могутъ-ли мои письма быть названы грубою и пошлою бранью противъ г. Величко?

2) Есть-ли въ основѣ ихъ «чудовищное и явно недобросовѣстное обобщеніе?»

3) Добросовѣстны-ли пріемы «Кавказа» и приличенъ-ли тонъ его не говорю уже для газеты казенной, но и для газеты какой-бы то ни было.

Пускай судьи наши будутъ только русскіе и притомъ не имѣющіе никакихъ родственныхъ отношеній къ какой-либо изъ туземныхъ народностей. Убѣжденъ заранѣе, что г. Величко не пожелаетъ уклониться отъ такого суда».

Неужели г. Величко уклонится отъ такого предложенія и у него не хватитъ духа предложить на обсужденіе третейскаго суда ту «національную политику», которою онъ разукрасилъ столбцы «Кавказа»?

Конечно, онъ теперь поставленъ г. Веревкинымъ въ безвыходное положеніе. Если онъ приметъ третейскій судъ, то ему судьба не сулитъ ничего хорошаго. Если онъ уклонится отъ третейскаго разбирательства, то самъ произнесетъ приговоръ надъ своей «національной политикой». Третейское рѣшеніе и собственно приговоръ г. Величко, конечно, во всѣхъ изданіяхъ будутъ пропечатаны большими буквами и на самомъ видномъ мѣстѣ. Мы напередъ обѣщаемъ г. Величко сохранить для него въ нашей кавказской хроникѣ самое видное мѣсто.

Въ ожиданіи того или иного рѣшенія, мы не можемъ не согласиться съ г. Веревкинымъ, что для кавказской печати, кромѣ дѣла, недостойнаго печати, есть много настоящаго дѣла и не мало работы по освѣщенію нуждъ края. Эти нужды теперь всюду всплываютъ. Пора ихъ выяснять. Вѣдь положеніе дѣлъ въ общемъ стало далеко незавиднымъ. Кажется, среди кавказскихъ богатствъ всему мѣстному населенію можно было-бы процвѣтать и благоденствовать, а на самомъ дѣлѣ почему-то обстоятельства складываются въ обратномъ порядкѣ. Та же газета «Каспій» говоритъ, что «мы, кавказцы, переживаемъ весьма тревожное время, — для насъ настала, такъ сказать, эпоха экономическихъ кризисовъ. Въ промышленной, сельскохозяйственной, винодѣльческой и другихъ экономическихъ отрасляхъ рѣзко замѣтенъ значительный упадокъ, подрывающій почти всѣ области народнаго труда. Такое напряженное состояніе въ экономической жизни края систематически наблюдается вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Кавказъ—пока еще преимущественно земледѣльческій край, обставленный богатыми природными условіями. Не смотря на его природныя богатства, всѣ отрасли сельскаго хозяйства находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. Не будемъ подробно останавливаться надъ этимъ, такъ какъ мы желаемъ лишь указать на ненормальныя явленія, проявившіяся въ экономической жизни нашего края. Прежде всего послѣдніе недороды въ Эриванской, Тифлисской и другихъ губерніяхъ — въ связи съ сохранившимися еще въ памяти всѣхъ бѣдствіями наводненія, отъ которыхъ потерпѣла громадная часть нашего населенія, — не могли не оставить глубокаго слѣда въ экономической жизни населенія. Еще до

настоящаго времени, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ Карталиніи, Кутаисской губ. и др. пострадавшихъ отъ наводненія мѣстъ населеніе не можетъ совершенно оправиться отъ пережитыхъ имъ бѣдствій».

Переходя затѣмъ къ другимъ отраслямъ нашего кавказскаго хозяйства, «Каспій» говоритъ, что и винодѣліе на Кавказѣ не идетъ на встрѣчу лучшему будущему. Одновременно съ другими бѣдами, по справедливому заявленію газеты, «все болѣе и болѣе надвигалась гроза и на другую отрасль хозяйства—составляющую одну изъ главныхъ источниковъ существованія громадной массы народа—это винодѣліе. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ какъ винодѣльческіе районы западнаго Закавказья, главнымъ образомъ Кутаисской губерніи, стали постепенно бѣднѣть. Филоксера, охватившая всю Кутаискую губернію, стала грозить и винодѣльческимъ районамъ восточной части Закавказья—года два тому назадъ она была уже обнаружена въ нѣкоторыхъ пунктахъ Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, а затѣмъ съ прошлаго года положительно констатировано, что громадная часть винодѣльческаго района этого уѣзда заражена филоксерой, которая подвигается все далѣе и далѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, почти во всѣхъ виноградныхъ районахъ Закавказья появились грибныя болѣзни — оидіумъ и мильдіумъ, сильно отразившіяся на винодѣльческомъ хозяйствѣ. Въ довершеніе-же всѣхъ бѣдствій, въ прошломъ году еще было констатировано появленіе въ Кахетіи, этой доселѣ счастливой родинѣ виноградниковъ, новой болѣзни подъ названіемъ «блякрота» (черной гнили), болѣзни болѣе опасной для виноградниковъ, чѣмъ филоксера».

За винодѣліемъ идетъ наша нефтяная промышленность, но ея дѣла находится не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ всѣхъ прочихъ отраслей нашего хозяйства. «Такому-же кризису, говоритъ «Каспій», подверглось большинство изъ нашихъ промышленныхъ отраслей. Мы укажемъ здѣсь лишь на одну изъ крупныхъ промышленностей—на нефтяную промышленность. Не вдаваясь въ изученіе причинъ, повліявшихъ на нефтяной кризисъ, причинъ весьма разнообразныхъ, мы только отмѣтимъ, что нефтяная промышленность переживаетъ тяжелое состояніе, громадные запасы керосина непроизводительно остаются на нашихъ торговыхъ рынкахъ, и на мѣстахъ производства, цѣны на нефть рѣзко пали и многіе изъ заводовъ даже принуждены были прекратить свое дѣйствіе, такъ какъ заграничный экспортъ керосина значительно палъ». Быть можетъ, въ извѣстной связи съ такимъ положеніемъ дѣла находятся упорные слухи о томъ, что Шибаевъ и Тагіевъ продаютъ свои дѣла иностраннымъ акціонернымъ компаніямъ. Двѣ такихъ солидныхъ фирмы отказываются отъ своихъ предпріятій, навѣрно, по какимъ-либо довлѣющимъ соображеніямъ, стоящимъ въ связи съ «кризисами».

Къ сожалѣнію «кризисы» ничего не щадятъ, а все захватываютъ и въ томъ числѣ даже и кукурузу. Корреспондентъ «Новаго Обозрѣнія» сообщаетъ, что вся Кутаисская губернія теперь переживаетъ кукурузный кризисъ. По послѣдней переписи Кутаиская губернія является одной

изъ самыхъ густо населенныхъ губерній. Въ тоже самое время Кутанская губернія является одной изъ тѣхъ губерній, гдѣ безземелье проявляется въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. Населеніе губерніи поддерживала кукуруза, которая теперь перешла на сторону кризиса. Отмѣчая острый характеръ кукурузнаго кризиса, корреспондентъ «Новаго Обозрѣнія» говоритъ: «вынесетъ-ли населеніе Кутаисской губерніи этотъ чувствительный ударъ, нанесенный ему въ самый центръ его сельскохозяйственной промышленности, конечно, это—дѣло будущаго, но можно съ увѣренностью сказать пока, что сдѣланную въ этой области хозяйства брешь не скоро задѣлать и послѣдствія ея, въ видѣ всякихъ недоимокъ, обезцѣненія пахатной земли и проч., дадутъ себя чувствовать теперь же, а затѣмъ и совсѣмъ раззорятъ несложное хозяйство крестьянъ названныхъ трехъ уѣздовъ, искони привыкшихъ къ одного рода хозяйству, не знающихъ никакихъ кустарныхъ занятій, незнакомыхъ и съ отхожимъ промысломъ».

Рядомъ съ этимъ не мѣшаетъ помнить, что по даннымъ «Торгово-промышленной газеты», весь Сѣверный Кавказъ принадлежитъ къ мѣстностямъ, въ которыхъ положеніе озимыхъ посѣвовъ къ 1 мая представлялось неудовлетворительнымъ. Оно можетъ поправиться, но изъ «неудовлетворительнаго» не превратится въ «удовлетворительное», а можетъ стать и весьма неудовлетворительнымъ. Не завидныя дѣла у всѣхъ еще болѣе пошатнутся; развѣ одни нѣмцы выдержатъ. У насъ на Кавказѣ имѣются кое-гдѣ нѣмецкія колоніи. Однѣ изъ нихъ возникли сравнительно давно, а другія—очень недавно. Нѣмцы, давно живущіе среди насъ, не обрусѣли, но все-таки подверглись руссификаціи въ смыслѣ воздѣйствія «среды». Они живутъ теперь не особенно важно и не проявляютъ особой способности оріентироваться среди данныхъ условій и жить хорошо тамъ, гдѣ русскій живетъ плохо. Объ этихъ старыхъ нѣмцахъ можно сказать, что они вывѣтрились и понизились въ своей культурности, благодаря воздѣйствію среды. Доказательствомъ этому можетъ служить и тотъ фактъ, что нѣмцы, недавно объявившіеся среди насъ, живутъ прекрасно. Они отлично устроились среди тѣхъ же условій, среди которыхъ давно пришедшіе нѣмцы стали хилѣть, хотя они и не получили тѣхъ льготъ и тѣхъ даровыхъ земель, которыми еще не такъ давно награждали въ Россіи нѣмцевъ-колонистовъ. Очевидно, эти новые нѣмцы еще не подверглись воздѣйствію среды и сохраняютъ всю свою культурность, бьющую въ глаза интенсивностью труда, умѣньемъ работать выгодно среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, находчивостью, указывающей на выходъ среди условій, повидимому, вполнѣ безвыходныхъ. Словомъ, они еще не вывѣтрились и мы имъ не желаемъ подвергнуться такой трансформаціи. Пока они будутъ сохранять свою культурность, мы можемъ у нихъ многому поучиться и многое позаимствовать.

Къ сожалѣнію, мы у нѣмцевъ сами учимся мало, но намъ хотятъ привить отъ нѣмцевъ то, что и на ихъ собственной родинѣ далеко не поль-

зуется общимъ сочувствіемъ народа. Мы имѣемъ въ виду *судъ шеффеновъ*. Вопросъ объ этомъ судѣ шеффеновъ стоитъ въ связи съ вопросамъ о введеніи суда присяжныхъ на Кавказѣ. Министерство юстиціи не разстается съ той справедливой мыслью, что судъ общественной совѣсти можетъ принести безконечную пользу интересамъ правосудія на Кавказѣ. Однако, министерство не предполагаетъ, чтобы судъ общественной совѣсти на всемъ Кавказѣ могъ быть примѣненъ въ своей естественной формѣ, т. е. въ формѣ суда присяжныхъ. Кутаискій корреспондентъ «Новаго Обозрѣнія» (№ 4578) сообщаетъ, что министерство юстиціи предложило здѣшнему окружному суду обсудить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ возможно было бы допустить въ Кутаиской губерніи участіе народнаго элемента въ отправленіи правосудія. «Министерство вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ газеты, предложило и готовый проектъ— нѣчто въ родѣ суда такъ называемыхъ шеффеновъ, т. е. участіе въ судѣ выборныхъ представителей отъ различныхъ сословій, которые обладаютъ извѣстнымъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ и которые вмѣстѣ съ коронными судьями участвуютъ не только въ рѣшеніи вопроса о виновности или невиновности подсудимаго, но также и въ опредѣленіи наказанія».

Предсѣдатель окружнаго суда, съ своей стороны, для разсмотрѣнія этого проекта, предложилъ городскому головѣ пригласить компетентныхъ людей, знакомыхъ съ мѣстными условіями. Приглашеніе было разослано очень многимъ, какъ юристамъ, такъ и не-юристамъ, и въ субботу, 26-го апрѣля, въ зданіи городской думы состоялось первое собраніе. Такъ какъ министерствомъ собственно уже былъ присланъ готовый проектъ, то оставалось только рѣшить, въ какой мѣрѣ пригодны для Кутаисской губерніи тѣ условія, которыми обставлены выборы въ судьи. «По министерскому проекту, для предполагаемыхъ судей образовательный цензъ опредѣляется курсомъ 6 классовъ гимназіи, что, по мнѣнію собранія, является чрезмѣрно высокимъ: въ Кутаисской губерніи, навѣрное, не найдется достаточнаго количества людей, отвѣчающихъ этому цензу». Предложено было ограничить требованіе четырьмя классами гимназіи; но по мнѣнію многихъ членовъ собранія, даже и этотъ цензъ будетъ слишкомъ высокъ. Наиболѣе подходящей мѣрой, примѣнительно къ нашимъ условіямъ, является, повидимому, предложеніе нѣкоторыхъ членовъ ограничить требованіе однимъ только знаніемъ русскаго языка. Вполнѣ опредѣленно, впрочемъ, собраніе не рѣшилось еще высказаться, такъ какъ министерскій проектъ для огромнаго большинства явился неожиданно и никто не имѣлъ времени подготовиться къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые съ нимъ связаны. «Въ этихъ видахъ, говоритъ корреспондентъ «Новаго Обозрѣнія», рѣшено дальнѣйшее обсужденіе отложить на неопредѣленное время, для того, чтобы всѣ желающіе принять участіе въ обсужденіи этого вопроса могли подготовиться къ нему и собрать необходимый фактическій матеріалъ».

Мы не знаемъ какой собственно фактическій матеріалъ необходимъ для рѣшенія этого вопроса. Вопросъ вполнѣ выяснился не въ пользу такъ называемой аристократизація суда присяжныхъ. Если бы при введеніи суда присяжныхъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи (да и теперь) было постановлено, что судьей по совѣсти достоенъ быть человѣкъ, дотянувшій до 6-го класса гимназіи, то, несомнѣнно, во многихъ уѣздахъ не оказалось бы достаточнаго запаса такой интеллигенціи. Однако, безъ этой интеллигенціи судъ присяжныхъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи функціонировалъ и функціонируетъ съ рѣдкимъ успѣхомъ. Въ данное время, пожалуй, въ разныхъ углахъ Россіи найдется не мало людей, закончившихъ курсъ своего ученія шестью классами гимназіи. Но каждому извѣстно, что это за интеллигенція. Неужели эти люди могутъ быть признаны наиболѣе пригодными служить дѣлу общественной совѣсти и наиболѣе устойчивыми представителями голоса этой совѣсти?

Тутъ не трудно отдать предпочтеніе «сѣрой совѣсти», которая имѣется и на Кавказѣ и которая судитъ людей во внутреннихъ губерніяхъ Ев. Россіи. Вся кутаисская коммиссія смѣло можетъ придти къ тому заключенію, что «сѣрая совѣсть» на Кавказѣ имѣется въ такомъ количествѣ, что можетъ обезпечить регулярное функціонированіе настоящаго широко поставленнаго суда присяжныхъ. Численно населеніе Кавказа растетъ, и этотъ ростъ населенія едва-ли можетъ быть признанъ яснымъ указаніемъ на упадокъ совѣсти среди увеличившагося населенія. Прежде говорили, что населеніе Кавказа слишкомъ рѣдко и что отбываніе обязанностей присяжныхъ судей слишкомъ обременительно въ виду неизбѣжной необходимости путешествовать на сессію суда за десятки, если не сотни верстъ. Теперь и это препятствіе для распространенія обязанностей присяжнаго на все взрослое населеніе исчезло: густота населенія сократила разстоянія.

О населенности Кавказа даютъ ясное представленіе предварительныя данныя послѣдней переписи, которыя сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи и области кавказскія.	Жителей обоего пола.
Бакинская	829.054
Дагестанская	666.959
Елисаветпольская	888,954
Карская	307,810
Кубанская	1.919,627
Кутаисская	1.144,459
Ставропольская	873,863
Тэрская	935,700
Тифлисская съ Закатальскимъ округомъ	1.071,414
Черноморская	57,710
Эриванская	1.028,003
Итого	9.723,553

Изъ этой общей цифры на города приходится скромная часть. По населенности города Кавказа идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Тифлисъ	159,862
Баку	112,253
Екатеринодаръ	65,697
Владикавказъ	43.843
Ставрополь	41,621
Ейскъ	35,446
Майкопъ	33.276
Елисаветполь	33,022
Кутаисъ	32,492
Александрополь	30,735
Эривань	28,910
Батумъ	26,417
Шуша	25.656
Карсъ	20,891
Темиръ-Ханъ-Шура	9,208

Сравнивая эти цифры съ болѣе старыми, нельзя не придти къ тому заключенію, что и городское населеніе за послѣдніе 20 лѣтъ выросло въ 1½ раза.

N. N.

III.

Податное дѣло въ Сибири.

До сихъ поръ въ Сибири практикуется подушная система обложенія, при которой, какъ извѣстно, объектомъ обложенія является исключительно мужская душа—не фактически существующая въ данный моментъ на лицо, а душа, такъ сказать, проблематическая, душа, сосчитанная и записанная въ ревизскія сказки во время послѣдней ревизіи 1858 года. Счетъ душъ въ каждомъ сельскомъ и инородческомъ податномъ обществѣ съ тѣхъ поръ не измѣняется и служитъ главнымъ основаніемъ для казенныхъ палатъ при исчисленіи количества податныхъ сборовъ съ того или иного общества. При этомъ необходимо замѣтить, что каждое податное общество обязано круговой отвѣтственностью за аккуратную уплату податей. Изъ этого общаго правила исключаются всѣ безъ исключенія ссыльные, облагаемые податями по мѣрѣ приписки въ извѣстное селеніе и несущіе личную отвѣтственность за аккуратную ихъ уплату.—Сумма разнаго рода казенныхъ денежныхъ сборовъ (подушной и оброчной податей, губ. земскаго и межеваго сбора и пр.) съ ревизской души въ губерніи, въ которой производились наблюденія,—не велика: она колеблется между 4 р. 80 коп. и 5 р. 30 коп. Но она подвергается чрезвычайно рѣзкимъ колебаніямъ отъ прибыли и убыли «бойцовыхъ» (наличныхъ) душъ по отдѣльнымъ обществамъ. Такъ въ нѣкоторыхъ обществахъ число наличныхъ «бойцовыхъ» душъ уменьшилось болѣе чѣмъ втрое сравнительно съ числомъ ревизскихъ душъ и казенныя только подати съ наличной души здѣсь достигаютъ 15 руб.; въ другихъ обществахъ, наоборотъ, число наличныхъ «бойцовыхъ» душъ возросло вдвое-втрое противъ числа ревизскихъ душъ и казенныхъ податей съ наличной души здѣсь сходитъ не болѣе 2 р.—1 р. 50 коп.—Изъ этихъ цифръ достаточно ясно какъ неравномѣрно несправедливо распредѣляются казенные платежи между отдѣльными и платежными единицами. Но если принять во вниманіе тѣ условія, отъ которыхъ происходитъ убыль «бойцовыхъ» душъ въ извѣстныхъ обществахъ, то эта несправедливость будетъ еще очевиднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если въ данномъ обществѣ убыль происходитъ

отъ постепеннаго вымиранія душъ, занесенныхъ въ ревизскія сказки, и очень слабой рождаемости, то это уже одно свидѣтельствуетъ, что общество находится въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть. Кромѣ того, убыль душъ въ обществахъ въ значительной степени зависитъ и отъ перечисленія изъ нихъ бойцовъ—плательщиковъ въ другія общества. Здѣсь уже вліяющимъ факторомъ на перечисленія изъ однаго общества въ другое являются исключительно экономическія условія. Плоха земля у извѣстнаго общества, не стало у него хорошихъ заработковъ, и члены его начинаютъ постепенно перечисляться въ другія общества, гдѣ экономическія условія существованія лучше. Въ результатѣ этого является то, что общества, поставленныя въ наихудшія экономическія условія, постоянно обновляются притокомъ пришлыхъ новыхъ семей. Излишне добавлять, что общества, находящіяся въ наилучшихъ экономическихъ условіяхъ, прогресивно уменьшаются и хирѣютъ нерѣдко до того, что общественники, связанные круговой порукой за аккуратную уплату податей, поневолѣ начинаютъ привлекать къ платежу податей 12-ти-лѣтнихъ мальчиковъ, какъ единственныхъ мужскихъ представителей многихъ семей.

Такимъ образомъ, при описанной подушной системѣ обложенія казенными податями, равномѣрность распредѣленія платежей между отдѣльными платежными единицами отрицается и нарушается самымъ характеромъ этой системы. Это именно обстоятельство было отмѣчено на одномъ изъ съѣздовъ податныхъ инспекторовъ. Сознавая всю ненормальность дѣйствующей въ Сибири податной системы, которая проявляется во множествѣ частныхъ и вопіющихъ несправедливостей, съѣздъ пришелъ, однако-же, къ очень печальному заключенію, что поправить дѣло нѣтъ возможности до тѣхъ поръ, пока подушная система въ Сибири не будетъ окончательно отмѣнена. Труды съѣзда представлены въ министерство, но голосъ податныхъ инспекторовъ, повидимому, вовсе не услышанъ, по крайней мѣрѣ, казенная палата не освѣдомлена о томъ, какъ отнеслось министерство къ заключенію податныхъ инспекторовъ.

Еще и неудовлетворительнѣе поставлено дѣло податнаго обложенія ссыльныхъ. Здѣсь уже замѣчается полное отсутствіе какого-либо руководящаго принципа—справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, каждый ссыльно-поселенецъ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію и куда бы ни закинула его въ Сибири судьба, по истеченіи трехъ лѣтъ обязательно привлекается къ платежу казенныхъ податей сперва въ половинномъ, а затѣмъ и въ полномъ крестьянскомъ размѣрѣ. Не говоря уже о томъ, насколько вообще несправедливо облагать податями человѣка, лишеннаго гражданскихъ правъ, позволимъ себѣ замѣтить, что обложеніе податями всѣхъ поселенцевъ вездѣ и всюду, безъ всякаго разбора, является поразительной несправедливостью. Представьте себѣ какого-нибудь поселенца—хилаго фабричнаго рабочаго или чиновника, заброшеннаго въ глухую таежную деревушку, гдѣ мѣстные жители занимаются звѣроловствомъ или съ стра-

шными усиліями вырываютъ себѣ изъ тощей сибирской землицы сѣрый кусокъ хлѣба. Что будутъ дѣлать здѣсь эти несчастные отверженцы далекой родины? Какъ заработаютъ насущный кусокъ хлѣба? Скитаться по дикой тайгѣ съ ружьемъ они не могутъ—тутъ нужны исключительныя физическія силы, наслѣдственная выносливость и твердая воля. Копать скудную таежную почву, сѣять хлѣбъ и потомъ ждать, что всѣ труды будутъ уничтожены случайнымъ весеннимъ или осеннимъ морозомъ? Наняться въ батраки къ сибиряку? Да развѣ для всѣхъ этихъ занятій годятся упомянутые ссыльные? Не думайте, читатель, что мы беремъ исключительное положеніе. Нѣтъ, въ Сибири и русскій труженикъ крестьянинъ нерѣдко теряется, не зная за что приняться, какъ приступиться къ суровой природѣ, чтобы отвоевать себѣ кусокъ хлѣба, а ужъ бывшему фабричному рабочему здѣсь прямо страшно. Но повторяемъ—по закону всѣ поселенцы должны быть облагаемы податями въ крестьянскомъ окладѣ. И вотъ результатомъ этого является накопленіе чудовищной недоимки за поселенцами, безплодное счетоводство ея и страшно огромная о ней переписка казенныхъ палатъ, полицейскихъ, волостныхъ и сельскихъ управленій. А сами поселенцы? Тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ исключительными физическими силами и способностью къ работѣ, въ большинствѣ случаевъ работаютъ на пріискахъ или нанимаются въ батраки къ сибирякамъ и являются, до нѣкоторой степени, аккуратными плательщиками податей. Но процентъ таковыхъ ничтоженъ: преобладающее большинство поселенцевъ скрывается изъ мѣстъ причисленія «въ бѣга», пополняя собою контингентъ сибирскихъ бродягъ, этихъ представителей удивительнаго и многострадальнаго соціальнаго типа, образовавшагося и воспитаннаго подъ вліяніемъ русской системы ссылки. Изъ года въ годъ они бродятъ по таежнымъ сибирскимъ лѣсамъ, скрываясь отъ начальства и податей, потерявъ образъ человѣческій и именуя себя непомнящими Иванами; а казенныя палаты, казначейства и волостныя правленія тщательно высчитываютъ за ними недоимку и наполняютъ архивы колоссальной, но безплодной перепиской—о взысканіи ея. Сколько труда и бумаги тратится напрасно отъ дѣйствующей податной системы.

До сихъ поръ мы говорили только о казенныхъ денежныхъ податяхъ, лежащихъ на сельскомъ населеніи въ Сибири и о ненормальностяхъ въ распредѣленіи ихъ между отдѣльными платежными единицами. Но кромѣ этихъ денежныхъ податей, на крестьянскомъ населеніи лежатъ еще различныя натуральныя и денежныя повинности, которыя имѣютъ цѣлью удовлетворять общегосударственныя и мѣстныя потребности. Эти-то повинности и являются главнымъ податнымъ ярмомъ на населеніи. Прежде всего сюда относятся подводная и дорожная повинности. Сельскія общества обязаны по опредѣленному расписанію постоянно содержать достаточное количество лошадей въ каждомъ селеніи для разъѣздовъ земской полиціи, окружныхъ и губернскихъ чиновниковъ, врачей и фельдшеровъ,

для волостныхъ и сельскихъ начальниковъ и, наконецъ, для перевозки въ мѣста водворенія ссыльно-переселенцевъ съ ихъ семьями и скарбомъ. Чтобы имѣть представленіе о томъ, во что обходится населенію эта повинность, нужно знать сибирскія огромныя разстоянія, вѣчное движеніе ссыльнаго элемента, невѣжество крестьянъ и, наконецъ, нѣкоторыя исключительныя свойства сибирской администраціи. Особенно тяжело отзывается на населеніи обязанность перевозить и конвоировать въ мѣста причисленія ссыльно-поселенцевъ. Послѣдніе, какъ выше замѣчено, рѣдко уживаются въ мѣстахъ водворенія, а предпочитаютъ, главнымъ образомъ въ виду экономической необезпеченности, бродячій образъ жизни. Это обстоятельство и является страшнымъ зломъ, обременяющимъ населеніе чрезвычайно тяжелою повинностью. Въ глухихъ и заброшенныхъ углахъ Сибири дѣло обстоитъ обыкновенно такъ. Препровождается, напримѣръ, въ какую-нибудь глухую подтаежную волость партія ссыльно-поселенцевъ черкесовъ на водвореніе—человѣкъ въ 60. Сельскія общества обязаны дать для этой партіи подводы и развезти ее по мѣстамъ водворенія. Это бы еще съ пол-горя. Но подтаежная волость оказывается совершенно непригодною для существованія «восточныхъ человѣковъ»: они рѣшительно не могутъ здѣсь найти для себя никакихъ заработковъ,—суровая природа съ страшными морозами, дикими мятелями, убогими деревушками и невѣроятно бѣднымъ населеніемъ совершенно сбиваетъ ихъ съ толку; они начинаютъ одинъ по одному «удараться въ бѣга» изъ мѣстъ причисленія въ болѣе людные центры, по большей части, въ города. Здѣсь ихъ присутствіе скоро обнаруживается; они получаютъ «должное» за безписьменность и своевольную отлучку изъ мѣстъ причисленія и снова водворяются туда. Снова сельское населеніе обязано конвоировать и везти этихъ несчастныхъ въ подтаежныя деревушки. Не проходитъ и мѣсяца послѣ новаго водворенія ихъ на мѣстахъ причисленія, какъ они опять, подъ давленіемъ той-же нужды, бѣгутъ въ городъ; опять водворяются и снова бѣгутъ... Словомъ, получается сказка про «бѣлаго бычка», отъ которой у крестьянскаго населенія трещитъ спина и наростаетъ постепенно страшное озлобленіе противъ несчастныхъ отверженцевъ. И сказкѣ этой нѣтъ конца, да и ждать его при существующихъ условіяхъ ссылки нельзя. Окружная разъѣзжая администрація—всего пять-шесть человѣкъ; путешествуютъ они по округу одинъ-два раза въ годъ, а между тѣмъ на нѣкоторыхъ станціяхъ населенію приходится ежедневно содержать по двадцати и болѣе лошадей и все это—исключительно для перевозки ссыльныхъ... Неудивительно, что при наличности подобныхъ условій, подводная повинность обходится въ среднемъ на душу по 12—15 рублей въ годъ и колеблется по разнымъ селеніямъ между 5 и 30 рублями на 1 душу—вообще при довольно низкой оцѣнкѣ стоимости каждой подводы.

Нельзя умолчать здѣсь также и о томъ, что при поголовной безграмотности и невѣжествѣ сельскаго населенія, размѣры и тяжесть подводной повинности увеличиваются еще и отъ злоупотребленій, какъ част-

ныхъ лицъ, такъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ. Крестьяне не знаютъ вообще, кому они обязаны давать безплатно лошадей, знаютъ только, что право безплатнаго проѣзда дается особой красной бумагой—бланковымъ билетомъ, подписаннымъ губернаторомъ. Крестьяне, разумѣется, не могутъ прочесть этого билета, и вотъ какой случай былъ недавно въ двухъ смежныхъ глухихъ волостяхъ. Одной бойкой женщинѣ нужно было скоро проѣхать въ городъ, денегъ-же платить за прогоны не хотѣлось. Не долго думая, она отыскала какую-то красную оберточную бумагу отъ чая и, имѣя ее за пазухой, бодро пустилась въ путь. Шустрая женщина вездѣ объявляла о своей поѣздкѣ по «казенной надобности», всюду показывала безграмотнымъ старостамъ красную обертку и всюду получала безплатно пару лошадей. Это, такъ сказать, геркулесовы столбы невѣжества населенія по отношенію къ подводной повинности... А сколько чиновниковъ, обязанныхъ платить прогоны, ѣздитъ безплатно на обывательскихъ лошадяхъ. Эти уже и бумаги никакой не показываютъ, а только грозно покрикиваютъ да показываютъ на свѣтлыя пуговицы своего форменнаго платья. И везутъ.

Не меньшее зло, увеличивающее размѣры этой повинности,—ретивые и, такъ называемые, распорядительные земскіе засѣдатели. Нѣкоторые изъ нихъ ни за что не могутъ примириться съ тихой ѣздой на плохенькихъ крестьянскихъ лошаденкахъ. Такъ одинъ изъ такихъ бойкихъ представителей власти (теперь уже удаленный съ мѣста за чрезмѣрную бойкость) рѣшилъ, что онъ *не можетъ ѣздить тише, чѣмъ по 15 верстъ въ часъ.* Результатомъ этого было то, что на всѣхъ станкахъ, гдѣ особенно часто любилъ ѣздить «баринъ», сельскія общества вынуждены были содержать для него за очень высокую цѣну по парѣ бойкихъ лошадей. Правда, эти злоупотребленія—и баба съ красной бумагой, и чиновники—охотники не платить прогоновъ, и земскіе засѣдатели—любители курьерской ѣзды — начинаютъ понемногу искореняться, благодаря надзору податныхъ инспекторовъ, которые настойчиво разъясняютъ населенію, кто можетъ пользоваться обывательскими подводами безплатно, кто за плату и кто вовсе не имѣетъ права ихъ требовать. Но если-бы податной инспекціи и удалось устранить всѣ злоупотребленія въ пользованіи обывательскими лошадями, все-же подводная повинность будетъ лежать очень тяжелымъ ярмомъ на сибирскомъ населеніи при существующей обязанности его возить безпрестанно бродячихъ ссыльно-поселенцевъ.

Дорожная повинность распредѣляется крайне неравномѣрно между жителями одного и того-же округа. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ округѣ сибирскомъ существуютъ главные почтовые проѣздные пути и проселочные. Первые, по которымъ чаще всего ѣздитъ начальство, поневолѣ должны содержаться въ порядкѣ и аккуратно ремонтироваться каждый годъ; вторые, напротивъ, служащіе только для разъѣздовъ мѣстнаго населенія, содержаться часто въ полномъ безпорядкѣ, дѣлаясь совершенно непроѣздными весною и осенью,—на ремонтъ и благоустройство ихъ

обращается очень мало вниманія. Понятно, что дорожная повинность для жителей тѣхъ волостей, которыя расположены вблизи почтоваго тракта, обходится очень дорого, а для жителей какой-нибудь захолустной волости— почти ничего не стоитъ. Такъ въ одномъ округѣ Восточной Сибири стоимость дорожной повинности на 1 душу колеблется между 50 копѣйками и 10 рублями. При этомъ нѣкоторые ревностные администраторы умѣютъ и дорожную повинность сдѣлать еще болѣе обременительною своими мудрыми распоряженіями. Такъ одинъ изъ нихъ распорядился, чтобы жители вывозили гальку для ремонта почтоваго тракта непремѣнно зимой. Это распоряженіе страшно обременило населеніе, которое привыкло выѣзжать на работы по ремонту дороги въ весеннее теплое время предъ началомъ полевыхъ работъ. Обыкновенно крестьяне по очереди выѣзжаютъ на трактъ, гдѣ и живутъ въ палаткахъ по недѣлѣ—по двѣ, пока не исполнятъ извѣстную работу, не имѣя надобности ворочаться каждый день въ свою деревню. При требованіи же вывозки гальки зимою, они, при сибирскихъ трескучихъ морозахъ, не только для ночлега, но и для отдыха въ теченіе дня каждый разъ должны ѣздить съ дороги за десятки верстъ въ свои деревни, на что, конечно, пропадаетъ очень много времени.—Другой администраторъ заѣхалъ въ грязную осеннюю пору въ глухой городокъ. Когда онъ возвращался обратно, ударилъ крѣпкій морозецъ, который прямо сковалъ грязь, и дорога сдѣлалась очень тряской и неудобопроѣздной. Раздраженный тряской администраторъ немедленно приказалъ выгнать на дорогу окрестное населеніе срубать топорами замершія кочки грязи... Эти и подобныя случайныя распоряженія администраціи, конечно, увеличиваютъ тяжесть дорожной повинности для населенія, но онѣ пока не отвратимы потому именно, что случайны и исходятъ нерѣдко отъ лицъ, облеченныхъ большой властью съ точки зрѣнія мѣстнаго населенія.

Денежныя повинности—на волостные и мірскіе расходы,—не будучи особенно обременительными, представляютъ точно также рѣзкія колебанія по отдѣльнымъ волостямъ и сельскимъ обществамъ. Такъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ съ платежной души сходитъ на волостные и мірскіе расходы вмѣстѣ не болѣе 3 рублей въ годъ, въ другихъ на тѣ же расходы сходитъ уже по 6 руб. и болѣе съ души. Попытки податной инспекціи уровнять и свести до minimum'а размѣры этихъ повинностей особенно тамъ, гдѣ онѣ непомѣрно велики, пока встрѣчаютъ жестокій отпоръ со стороны волостныхъ писарей, которыхъ, къ сожалѣнію, постоянно поддерживаетъ своимъ авторитетомъ земская полиція. Послѣдняя, въ силу какой-то удивительной традиціи, является постоянной противницей всѣхъ благихъ начинаній податной инспекціи. Земскій засѣдатель, сочувствующій податному инспектору, является рѣдкимъ исключеніемъ. — Между тѣмъ, согласная и дружная работа полиціи и инспекціи совершенно необходима. Земскій засѣдатель, какъ лицо очень близко-стоящее къ народу, могъ бы явиться прекраснымъ сотрудникомъ податнаго инспектора

въ дѣлѣ упорядоченія разнаго рода податныхъ неурядицъ... Но оставимъ эти размышленія, и обратимся къ фактамъ.

Земская полиція въ лицѣ засѣдателей, которые являются въ своемъ участкѣ и мировыми посредниками, и судебными слѣдователями, и исполнительной властью, до сихъ поръ совершенно подавляетъ крестьянское самоуправленіе вообще и въ отношеніи разнаго рода мѣстныхъ сборовъ и повинностей въ особенности. Вслѣдствіе этого, установленіе незаконныхъ и никѣмъ неутвержденныхъ денежныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей земскими засѣдателями сдѣлалось общимъ весьма печальнымъ явленіемъ въ Сибири. Въ сибирскихъ казенныхъ палатахъ для характеристики этого явленія найдется, вѣроятно, громадное количество фактовъ, собранныхъ податными инспекторами. Мы позволимъ себѣ указать только наиболѣе общіе и типическіе примѣры.

Земскій засѣдатель можетъ, по своему произволу, часто удвоить обычные и необходимые мірскіе расходы, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ. Сельскія общества извѣстной волости обыкновенно соединяются по 3—5 вмѣстѣ для найма одного общаго сельскаго писаря, который успѣваетъ весьма исправно исполнять всѣ свои несложныя обязанности у нанявшихъ его обществъ. Земскій засѣдатель можетъ приказать всѣмъ сельскимъ обществамъ данной волости имѣть «для удобства» своего отдѣльнаго писаря, и волость (въ которой 12 обществъ), содержавшая всего трехъ сельскихъ писарей за 900 рублей, должна содержать ихъ 12 съ платою каждому не менѣе 200 рублей, т. е. должна уже затрачивать вмѣсто 900 руб. 2,400 руб. Требованіе засѣдателя ни на чемъ не основано и прямо беззаконно, но его «вліяніе» слишкомъ огромно, и крестьяне подчиняются.—Бываютъ примѣры, что земскіе засѣдатели, пожелаютъ каждое сельское общество украсить новой сборней по плану, утвержденному мѣстнымъ губернаторомъ. Собираются сельскіе сходы и на нихъ земскимъ засѣдателемъ объявляется рѣшительно и категорично, что новыя сборни должны быть выстроены въ самомъ непродолжительномъ времени. И хотя бы у всѣхъ обществъ были сборни, вполнѣ пригодныя для сельскихъ нуждъ, сходы не смѣютъ ослушаться начальства: покорно ассигнуютъ средства на наемъ строителя-подрядчика, а лѣсъ рѣшаютъ доставлять натурою. Каждая сборня «по плану» обходится въ 1,500 рублей, а вся волость, состоящая изъ 10 обществъ, слѣдовательно, принуждается вынести совершенно случайную повинность въ 15,000 рублей!— Это опять беззаконное распоряженіе земскаго засѣдателя, но—опять только приходится констатировать его могущество.

Но едва-ли въ какихъ-нибудь другихъ фактахъ можетъ ярче выразиться случайность, обременительность и произвольность нѣкоторыхъ мѣстныхъ повинностей, возлагаемыхъ на крестьянъ въ Сибири, чѣмъ въ слѣдующихъ. Въ одной губерніи, неизвѣстно, по чьему распоряженію, было рекомендовано постепенно насадить во всѣхъ селеніяхъ около домовъ деревья и огородить ихъ оградами. Нововведеніе это вѣроятно

основывалось на очень разумныхъ и практическихъ соображеніяхъ, но посмотрите, въ какую громадную и безтолковую повинность съумѣли обратить его мѣстные полицейскіе чиновники. Начать съ того, что въ очень многихъ таежныхъ селеніяхъ посадка деревьевъ оказалась не только излишнею, но и вредною, такъ какъ жители этихъ селеній, буквально, должны вести упорную борьбу съ лѣсомъ, который со всѣхъ сторонъ окружилъ селенія, чтобы избавиться отъ непролазной грязи, а въ лѣтнее время отъ мошекъ и комаровъ. Но это не принимается во вниманіе. Вездѣ и всюду земская полиція требуетъ немедленнаго устройства палисадниковъ. И сколько курьезовъ, а порой возмутительныхъ исторій возникаетъ на почвѣ практическаго осуществленія этой повинности. Тамъ земской засѣдатель, желая отличиться предъ начальствомъ, требуетъ, чтобы къ пріѣзду его деревья «росли», а полисадники сіяли новыми столбиками и изгородями; и вотъ совершается лихорадочная постройка изгородей, нарубаются молоденькія деревцы и втыкаются передъ окнами хатъ. Въ другомъ мѣстѣ земскій засѣдатель, замѣтивъ, что крестьяне для изгородей употребляютъ круглыя жерди, собственноручно ломаетъ ихъ и велитъ дѣлать четырехгранныя. Въ третьемъ ретивый засѣдатель приказываетъ строить палисадники зимой, когда на дворѣ трещатъ лютые сибирскіе морозы, а жителямъ до смерти необходимо отправляться въ извозъ и т. д. и т. д. Трудно исчислить, во что обошлось населенію губерніи эта повинность, но не преувеличивая можно сказать, что она колоссальна. Не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, что, при неумѣніи крестьянъ садить деревья, послѣднія прививаются и отростаютъ рѣдко, вслѣдствіе чего крестьянамъ приходится пересаживать ихъ три, четыре и болѣе разъ, позволимъ себѣ указать на то, что полисадники непремѣнно устраиваются (конечно по требованію полиціи) около всѣхъ домовъ, даже около такихъ, которые стоятъ безъ крышъ или настолько покривились, что вотъ, вотъ рухнутъ...

Почти тоже самое повторилось съ постройкой общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Въ губерніи вышло распоряженіе строить магазины по вновь утвержденному плану, строить, разумѣется, тамъ, гдѣ нѣтъ вовсе магазиновъ или гдѣ старые пришли въ полную ветхость и непригодность. Не такъ поняли дѣло земскіе засѣдатели. Нѣкоторые изъ нихъ, пылая рвеньемъ, начали требовать постройки новыхъ и по новому плану магазиновъ рѣшительно во всѣхъ сельскихъ обществахъ своего участка, хотя бы старые магазины были вполнѣ прочны и годны къ употребленію. Результатомъ этого явилась, конечно, огромная новая и совсѣмъ непредвидѣнная повинность, которая къ тому-же оказывалась въ большинствѣ обществъ совершенно излишнею. Такъ въ одномъ обществѣ при наличности двухъ почти новыхъ магазиновъ, устроенныхъ по старому плану, земскій засѣдатель потребовалъ безотлагательной постройки огромнаго магазина по новому плану, стоимость котораго опредѣлилась по смѣтѣ въ 5,000 рублей. Въ данномъ случаѣ общество, впро-

чемъ, было избавлено отъ большого и совершенно излишняго расхода энергичнымъ заступничествомъ податнаго инспектора.

Не касаясь въ настоящій разъ безчисленнаго количества мелкихъ и случайныхъ повинностей, которыя возникаютъ въ сельскихъ обществахъ исключительно по требованію земской полиціи, мы можемъ не преувеличивая сказать, что, при условіи постояннаго надзора за ея распоряженіями, мѣстныя повинности сельскаго населенія въ Сибири могли-бы уменьшиться болѣе, чѣмъ вдвое. Къ сожалѣнію, попытки податной инспекціи проявить въ этомъ отношеніи свои прямыя обязанности встрѣтили очень рѣзкій отпоръ со стороны мѣстной губернской администраціи. Нѣсколько единичныхъ примѣровъ, гдѣ податные инспектора, дѣйствуя во всеоружіи закона и на основаніи документальныхъ данныхъ, принудили земскую полицію отмѣнить нѣкоторыя излишнія созданныя ею повинности являются рѣдкими исключеніями; вообще-же податной инспекторъ встрѣчаетъ пока полное недовѣріе и систематическій отпоръ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ по разнаго рода податнымъ вопросамъ—со стороны губернской администраціи. Если прибавить къ этому неумѣніе или нежеланіе казенныхъ палатъ поддержать своимъ авторитетомъ податныхъ инспекторовъ и воспользоваться какъ слѣдуетъ ихъ сообщеніями, то вполнѣ понятно будетъ, что представители этого новаго института въ Сибири пока являются совершенно одинокими и заброшенными, а всѣ ихъ благія начинанія и горячія писанія остаются достояніемъ пыльныхъ архивовъ. Впрочемъ, о положеніи податной инспекціи въ Сибири и о желательныхъ въ немъ измѣненіяхъ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о способахъ разверстки и взиманіи разнаго рода повинностей въ Сибири.

Хотя закономъ и распоряженіями мѣстной администраціи податнымъ обществамъ въ Сибири предоставляется право и рекомендуется производить внутреннюю раскладку податей и повинностей по имущественному положенію плательщиковъ, но душевая система обложенія, видимо, оказала сильное вліяніе на сибиряковъ. До сихъ поръ они производятъ раскладку повинностей, главнымъ образомъ, по душамъ. Правда, есть общества и даже цѣлые округа, гдѣ повинности разверстываются крестьянами по количеству пахатной и сѣнокосной земли, разрабатываемой плательщиками, а также и по количеству рабочаго скота у домохозяевъ, но во всякомъ случаѣ, такіе уголки являются пока исключеніями. Поимущественная развертка повинностей явилась здѣсь результатомъ энергичнаго воздѣйствія мѣстной администраціи, которая прямо принуждала крестьянъ производить такую разверстку. Вообще же, въ большинствѣ сибирскихъ обществъ разверстка до сихъ поръ производится по душамъ: подати и повинности въ одинаковомъ количествѣ налагаются на богатаго и бѣднаго домохозяина по числу находящихся въ его семьѣ бойцовыхъ душъ. Конечно, справедливость и уравнительность податнаго обложенія при такомъ способѣ совершенно нарушается, но это, какъ

намъ кажется, зависитъ отъ общаго податнаго строя въ Сибири и отъ неразвитости самихъ крестьянъ, въ сознаніе которыхъ никто еще не попытался (кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ окружныхъ администраторовъ) провести принципъ поимущественной разверстки повинностей, а главное—никто не научилъ практически осуществить такую разверстку.

Что касается способовъ взиманія разнаго рода повинностей, то мѣстныя-денежныя и натуральныя повинности выполняются всегда населеніемъ по мѣрѣ необходимости т.-е. если необходимы, напримѣръ, деньги на волостные и мірскіе расходы, то старосты идутъ и собираютъ ихъ съ кого можно въ данный моментъ собрать; нужны подводы—всегда есть на каждомъ станкѣ очередныя лошади и т. д. Словомъ, повинности отбываются безъ особенныхъ стѣсненій, настойчивыхъ требованій и выколачиваній. Совсѣмъ иначе взыскиваются казенныя подати. Въ Сибири установлено два срока для уплаты сельскимъ населеніемъ годового оклада податей: первую половину оклада требуется уплатить съ 1-го января по 1-е марта, а вторую съ начала октября по 31 декабря. Точное исполненіе этихъ сроковъ всецѣло зависитъ отъ личнаго взгляда и настойчивости мѣстнаго земскаго засѣдателя. Послѣдній можетъ требовать непремѣнной уплаты всей суммы оклада въ тотъ или иной срокъ и употреблять для этого понудительныя мѣры. А такъ какъ періоды денежныхъ заработковъ населенія почти нигдѣ не совпадаютъ съ законными сроками уплаты податей, то большая или меньшая рьяность полицейскихъ чиновъ всегда отражается на благосостояніи населенія. Такъ въ одномъ округѣ неумѣренно-рьяный засѣдатель требовалъ, чтобы двѣ волости, которыя были ему подчинены, непремѣнно уплачивали всѣ подати до копѣечки въ законные сроки. Результатомъ этого было то, что жители этихъ двухъ волостей оказались поголовно задолженными у кулаковъ, несмотря на то, что общія экономическія условія существованія здѣсь довольно благопріятны. А такъ какъ рьяный засѣдатель свирѣпствовалъ пять лѣтъ, то кулаки, подъ благотворнымъ вліяніемъ его податной политики, успѣли понизить до крайняго minimum'a заработную извозную (волости промышляютъ извозомъ) плату и задолженность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ домохозяевъ возросла до 1.000 рублей. Словомъ, насколько успѣшно и своевременно поступали въ казначейства податные сборы, настолько-же быстро падала въ двухъ волостяхъ заработная плата и возрастала задолженность населенія. Что будетъ дальше въ этихъ волостяхъ, какъ выпутается населеніе изъ долговъ—неизвѣстно; но рьяный земскій засѣдатель за свою энергичную дѣятельность получилъ уже высшее назначеніе. Вообще нужно замѣтить, что земская полиція, взыскивая подати, никогда не сообразуется съ платежными силами населенія по временамъ года. Попытка одного съѣзда податныхъ инспекторовъ ввести нѣкоторыя улучшенія въ дѣлѣ взысканія податей, въ смыслѣ ограниченія власти земской полиціи, осталась безъ послѣдствій. Были примѣры, что податные инспекторы вступали въ личныя

объясненія съ земскими засѣдателями, пытаясь ихъ урезонить разумными доводами, что взыскивать подати съ крестьянъ, когда у нихъ нѣтъ никакихъ денежныхъ заработковъ, вредно, несправедливо и раззорительно для плательщиковъ, но это ни къ чему не вело. Засѣдатели всегда отвѣчали немногосложно, но твердо: «у меня есть одно разсужденіе—законъ и воля губернатора» или—«а чѣмъ-же я проявлю свою дѣятельность, если не стану выколачивать въ законные сроки податей и что подумаетъ обо мнѣ губернаторъ?» Дальше этихъ отвѣтовъ рьяные администраторы не шли, но всегда продолжали и продолжаютъ творить свою волю... Правда, чего-же и требовать отъ земскихъ засѣдателей, когда всѣ они лишены образованія и какого-бы то ни было развитія. Въ земскіе засѣдатели до сихъ поръ попадаютъ ловкіе волостные писаря, какіе-нибудь уволенные со службы офицеры, канцеляристы и пр, и пр. Понятно, что они, попавъ на теплыя мѣста, стараются чисто-формальной аккуратностью удержаться на нихъ или выдвинуться въ глазахъ начальства. Казалось-бы, однако, что, въ виду невѣжества земскихъ засѣдателей, можно было-бы немножко ограничить ихъ власть въ отношеніи взысканія податей и предоставить кое-какое вліяніе на это дѣло податнымъ инспекторамъ.

Обычными мѣрами взысканія податей у земской полиціи служатъ грозные наѣзды засѣдателей въ то или другое податное общество и саженіе «въ кутузку» старостъ и неплательщиковъ. Чаще всего земскій засѣдатель пріѣзжаетъ въ деревню и объявляетъ старостѣ, что не уѣдетъ, пока не будутъ взысканы всѣ подати. Понятно, что затѣмъ начинаютъ сыпаться на крестьянъ окрики и угрозы земскаго засѣдателя. Тутъ-то принимаются дѣйствовать кулаки, покупая прямо ни за что крестьянскій трудъ и опутывая мужиковъ цѣлой сѣтью возмутительныхъ обязательствъ. По отношенію къ отдѣльнымъ плательщикамъ (особенно недоимокъ за прошлые годы) засѣдатели практикуютъ различныя мѣры: сажаютъ на продолжительное время подъ арестъ, отбираютъ цѣнную одежду, нарядную сбрую, а то и просто пускаютъ въ ходъ кулачную расправу. Словомъ, въ выборѣ средствъ взиманія податей земскіе засѣдатели чувствуютъ полный просторъ. Одинъ, напримѣръ, засѣдатель, замѣтивъ, что недоимщикъ пріѣхалъ въ церковь сочетаться бракомъ со своей невѣстой, въ лицѣ которой пріобрѣталъ дюжую работницу къ лѣту, тотчасъ попросилъ мѣстнаго батюшку не вѣнчать недоимщика, пока не уплатитъ податей. Бѣдная чета молодоженовъ цѣлые сутки разыскивала денегъ на уплату недоимки и повѣнчана была только послѣ того, какъ была закабалена на все лѣто кулакомъ и представила засѣдателю росписку въ уплатѣ недоимки.

Заканчивая эту небольшую замѣтку, позволимъ себѣ выразить нѣсколько скромныхъ и только самыхъ необходимыхъ пожеланій касательно постановки податнаго дѣла въ Сибири. Наши желанія будутъ имѣть ту цѣль, чтобы подати и повинности, не обременяя и не угне-

тая населенія, устойчиво и твердо отбывались имъ во всѣхъ сибирскихъ обществахъ. Для этого необходимо:

1) Возможно скоро замѣнить существующую подушную систему обложенія поземельной или промысловой. При этомъ размѣры обложенія того или иного общества должны быть непремѣнно обоснованы на статистическомъ изученіи промышленно-экономическихъ условій жизни общества.

2) Съ сельскихъ обществъ должна быть снята обязанность возить и конвоировать *безплатно* ссыльно поселенцевъ.

3) Дорожная повинность должна быть правильно и равномѣрно разверстана между всѣми жителями извѣстной губерніи.

4) Власть губернской администраціи и земской полиціи по отношенію къ мѣстнымъ повинностямъ должна быть ограничена и поставлена подъ контроль податныхъ инспекторовъ.

5) Сроки и способы взысканія податей должны быть вовсе изъяты изъ вѣдѣнія земскихъ засѣдателей; опредѣлять ихъ должны мѣстныя крестьянскія присутствія при ближайшемъ участіи податныхъ инспекторовъ.

6) Составъ податныхъ инспекторовъ долженъ быть вдвое увеличенъ, а самимъ инспекторамъ должно быть предоставлено болѣе простора и вліянія на правильную постановку податнаго дѣла.

II. II.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Двадцать пять заживо-погребенныхъ. — Терновскіе сектанты. — Перепись и конецъ міра.—Разоблаченный юбиляръ. — Санитарное состояніе Одессы, ея школа, сиротскій домъ, богоугодныя заведенія.—Новый городской голова и упованія одесситовъ.— Врачи и педагоги-истязатели.—Городовой-истязатель.—Гаремъ на фабрикѣ «Викторія».—Два крымскихъ плантатора.—Шутка одного попечителя.—Буйства и драки.— Крестьяне-сумасшедшіе.

Начиная съ конца апрѣля многія столичныя и провинціальныя газеты писали, какъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ явленій текущей жизни, о заживо погребенныхъ сектантахъ слободки Терновки, Херсонской губерніи. Газеты писали объ этомъ въ томъ особенномъ, нѣсколько приподнятомъ тонѣ ужаса и негодованія, въ которомъ такъ легко писать, когда факты сами по себѣ поражаютъ воображеніе. Съ какимъ-то особеннымъ репортерскимъ сладострастіемъ описывались извлеченные изъ подъземли разложившіеся трупы умершихъ, безформенные и страшныя какъ всякій трупъ, пролежавшій около четырехъ мѣсяцевъ въ могилѣ. Съ безчисленными восклицательными знаками, съ шумными вздохами велись разсужденія о невѣжественномъ фанатизмѣ и мистицизмѣ русскихъ сектантовъ, напоминающемъ средніе вѣка и ассирійскую древность съ жертвоприношеніями Ваалу и Астартѣ. Съ другой стороны, нашлись газеты, какъ напр., плоское и злобствующее «Русское Слово», которыя почему-то сочли нужнымъ отыскивать въ исключительномъ поступкѣ терновскихъ сектантовъ грязныя житейскія побужденія. Но правда, которая выясняется изъ всѣхъ этихъ спутанныхъ и кричащихъ газетныхъ корреспонденцій, очень серьезна и заслуживаетъ болѣе пристальнаго изученія, чѣмъ это можно сдѣлать по имѣющемуся въ настоящее время газетному матеріалу. Наиболѣе полныя данныя относительно всего происшедшаго мы находимъ въ одесскихъ газетахъ, и въ газетѣ «Бессарабецъ», которыя послали въ Терновку своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ. Вотъ какъ представляется дѣло по этимъ сообщеніямъ.

Вблизи г. Тирасполя. Херсонской губерніи, по теченію Днѣстра въ чудесной плодородной мѣстности, богатой водами, лѣсами мягкихъ по-

родъ, садами и виноградниками, пріютились тысячи раскольниковъ различныхъ сектъ, извѣстныхъ подъ кличкою бѣгуновъ, скакуновъ, прыгуновъ и пр. Ихъ религіозныя вѣрованія облечены по возможности строгою тайною и почти недоступны для научнаго изслѣдованія. Извѣстно, однако, что секты эти возникли съ прошлаго вѣка, что одной изъ особенностей ихъ воззрѣній является вѣра въ близость второго пришествія Христа и наступленія радостнаго тысячелѣтія, когда исчезнутъ среди людей болѣзни, печали и воздыханія. Бѣдствія теперешней жизни отъ антихриста. Военныя и гражданскія власти, чиновники и другіе исполнители распоряженій администраціи суть слуги антихриста. Кто желаетъ спасти душу, тотъ не долженъ подчиняться слугамъ антихриста. Ученіе бѣгуновъ отвергаетъ и переписи, раздѣляющія людей на разные чины и классы. Такого именно ученія держится группа сектантовъ, проживавшихъ въ Терновкѣ. Часть ихъ жила обычной жизнью состоятельныхъ семейныхъ земледѣльцевъ, часть спасалась въ скитахъ, построенныхъ вблизи жилыхъ домовъ. Главными представителями бѣгуновъ въ Терновкѣ являлись семейства Ковалевыхъ и Фоминыхъ, родственныхъ между собою. Семья Ковалевыхъ состояла изъ старухи—матери, спасавшейсявъ скиту, трехъ сыновей и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна замужемъ за Фоминымъ. Изъ сыновей Ковалевой младшій, Дмитрій, былъ скитникомъ, а двое старшихъ, Венелій и Федоръ, жили въ усадьбѣ, занимаясь садоводствомъ и рыбной ловлей. Скитники помогали имъ порою въ этихъ занятіяхъ, и жизнь многочисленной семьи проходила съ внѣшней стороны въ радости и довольствѣ, совершенно исключительныхъ для русскаго крестьянина. Хорошо обученные грамотѣ, благодушные и дружные между собою, эти люди могли быть названы исключительно счастливыми. Всѣ свидѣтельства сосѣдей, всѣ разслѣдованія подтверждаютъ, что это были люди добрые, непьющіе, некурящіе, не дѣлающіе никакого зла другъ другу, безкорыстные, отказывающіеся отъ денегъ за услуги. Федоръ Ковалевъ, 24-лѣтній парень, былъ женатъ на молодой красивой Аннѣ Соловьевой и имѣлъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Фоминъ, женатый на сестрѣ Ковалева, имѣлъ тринадцатилѣтнюю дочь. Однимъ словомъ, это группа людей находилась на той ступени земнаго благоденствія, о которой только могутъ мечтать поборники народнаго блага, желающіе, чтобы каждый крестьянинъ могъ имѣть курицу на супъ. Усадьба Ковалевыхъ оцѣнена теперь въ 20 слишкомъ тысячъ рублей. Казалось бы золотой вѣкъ! И однако, среди земнаго довольства души этихъ людей томятся неземной заботой. Скитники простаиваютъ часы на молитвѣ и усмиряютъ плоть свою тяжеловѣсными веригами. Жизнь всѣхъ сектантовъ проходитъ въ ожиданіи чего-то высшаго, лучшаго — наступленія царствованія Христа, который дастъ полную радость ихъ душамъ. Порядки міра, съ его раздѣленіями на чины и классы—отъ антихриста. Они живутъ точно на какомъ-то маленькомъ островкѣ, безъ общенія съ другими людьми, которыхъ считаютъ нечестивыми, и за этой гранью, отдѣляющей ихъ, смутно

чувствуютъ какія-то мрачныя силы, какую-то неправду, пожирающую жизнь, борьбу грубыхъ жизненныхъ стихій съ духовнымъ благомъ, которымъ они дорожатъ больше всего въ мірѣ. И чуется имъ, что неправда одолѣваетъ на землѣ высшую правду, что она готова вторгнуться въ ихъ маленькій благополучный островокъ и поглотить ихъ, а правда, душевное спасеніе дороже для нихъ земнаго счастія. Ихъ жизнь окутывается фантазіей, въ которой невѣжественныя представленія о судьбахъ человѣческаго рода слиты съ возвышенными религіозными потребностями, героическими стремленіями служить только правдѣ.

Переходимъ, однако, къ фактамъ и событіямъ. Года два тому назадъ среди скитскихъ раскольниковъ распространился слухъ, что около перваго января 1897 года будетъ комета и конецъ міра. Въ 1896 году до нихъ дошло извѣстіе о готовящейся переписи. Слухи и извѣстія эти сплетались въ ихъ воображеніи, а перепись они считали дѣломъ антихриста. Незадолго до переписи вернулась къ нимъ изъ странствія монахиня, Виталія, которая и утвердила ихъ въ ожиданіи антихриста. Что происходило за это время въ душахъ сектантовъ, какъ разгоралась ихъ фантазія, заслоняя обычный міръ съ его благами — все это можно только издали и приблизительно представить себѣ. Для людей, живущихъ за предѣлами этого маленького своеобразнаго островка, дѣло представилось такимъ образомъ. 21-го января, въ усадьбу Ковалевыхъ и Фоминыхъ явился переписчикъ. Онъ нашелъ двери скита запертыми и только черезъ окно получилъ письменное заявленіе, что скитники никакихъ свѣдѣній не дадутъ [1]). Тогда позвали полицію. Пятеро сектантовъ было забрано въ близьлежащій городъ, Тирасполь. Но и тамъ отъ нихъ ничего нельзя было допытаться. Они отказывались отъ пищи, и опасеніе, что

---

[1]) Корреспонденту газеты «Бессарабецъ» удалось получить на мѣстѣ слѣдствія этотъ интересный документъ, написанный, какъ оказалось впослѣдствіи, рукою самой старицы Виталіи. Это полулистъ писчей бумаги, на которомъ нижеслѣдующее заявленіе выписано очень красиво печатными славянскими буквами. Начинается оно слѣдующими славянскими буквами: «Г. І. Х. С. Б. П. М. Г.», что означаетъ: «Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій помилуй меня грѣшную.» Далѣе съ новой строки изображено слѣдующее: «Мы Христіане: намъ нельзя никакого новаго дѣла принимать: и мы ни согласны по новому записывать свое имя и отечество; намъ Христосъ за всѣхъ есть, и отечество, и честь и имя, а вашъ новый уставъ и метрики отчуждаютъ насъ отъ Христа и отъ истинныя христіанскія вѣры и приводятъ въ самоотверженіе отечества; а наше отечество Христосъ. нашъ Господь, глаголетъ во святомъ евангеліи своемъ (Матв. X. 32, 33): «рече Господь своимъ ученикомъ: всякъ оубо иже исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмъ его азъ предъ отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ. а иже отвержется мене предъ человѣки, отвергуся и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ». Посему отвѣчаемъ мы Вамъ вкратцѣ окончательно, что мы отъ истиннаго Господа нашего Іисуса Христа отверженія не хощемъ; и отъ православныя вѣры. и отъ святыя соборныя апостольскія церкви отступити ни желаемъ, и что святіи отцы святыми соборами приняли, то и мы принимаемъ, а что святіи отцы и святіи апостолы прокляли и отринули, то и мы проклинаемъ и отрѣкаемъ, а вашимъ новымъ законамъ повиноваться никогда не можемъ, но желаемъ паче за Христа умрети.» («Бессарабецъ», № 84).

они уморятъ себя голодомъ, заставило мѣстное начальство отпустить ихъ по домамъ. Что сдѣлалось съ остальными членами семьи, не впустившей къ себѣ счетчиковъ, осталось неизвѣстнымъ. Прошелъ слухъ, что 18 человѣкъ, боясь переписи и кометы, отправились въ Яссы и другія мѣста Румыніи. Оставшіеся сектанты хранили глубокое молчаніе. Тираспольскіе раскольники Соловьевы, отецъ и братъ Анны Ковалевой, стали настойчиво требовать отъ Федора Ковалева какихъ-либо свѣдѣній о его женѣ и дѣтяхъ. Но Федоръ молчалъ. Наконецъ, 18-го апрѣля, въ Терновку нагрянули власти и потребовали отъ него рѣшительнаго отвѣта. Онъ не сталъ запираться и спокойно, просто и твердо объяснилъ имъ, что 9 человѣкъ изъ всѣхъ пропавшихъ замурованы имъ въ маленькомъ подземномъ погребѣ на дворѣ,—въ томъ числѣ и любимая имъ жена Анна, его дѣти и сестра съ мужемъ, Фоминымъ, и дочерью. По его показанію, они пожелали принять мученичество, чтобы спасти души свои отъ приближающагося антихриста, и 23-го декабря сами сошли въ погребъ, запасшись свѣчами и молитвенниками. Очевидно, имъ не представлялось, что свѣчи такъ скоро потухнутъ въ ихъ гробницѣ. Ночью, Федоръ тщательно заложилъ отверстіе погреба камнями и замазалъ глиною...

По открытіи первой группы заживо погребенныхъ, явились подозрѣнія, что и остальные, пропавшіе скитники замурованы гдѣ-нибудь по близости. И дѣйствительно,—слѣдствію удалось раздвинуть рамки поразительной картины. Въ началѣ мая выяснилось, что Ѳедоръ Ковалевъ замуровалъ не девять, а двадцать пять человѣкъ — въ различныхъ мѣстахъ и въ различные сроки. Правдивыя показанія его дали возможность точно возстановить все происшедшее. Вскорѣ послѣ переписи, а именно 27-го января, замурована была, въ такомъ-же каменномъ погребѣ, вторая группа сектантовъ, состоявшая изъ троихъ взрослыхъ и троихъ дѣтей. Особенно замѣчательно было погребеніе третьей группы, произведенное въ ночь на 11-е февраля. Эта группа состояла изъ четырехъ скитницъ-монашекъ,—въ ихъ числѣ была Домна, сестра Ковалева, 23 лѣтъ. Всѣ эти обреченные на смерть и вѣроятно бывшіе въ числѣ арестованныхъ 21-го января, послѣ продолжительнаго поста и даже полнаго лишенія себя пищи, сидѣли рядышкомъ на завалинкѣ, когда Ковалевъ съ помощникомъ копали на ихъ почти глазахъ яму сажени въ 1½—2 глубины, яму не широкую, съ наклонными боками. Скитницы, обреченныя на смерть, сидѣли, не разговаривая, и только слушали назидательное напутствіе Виталія. Ѳедоръ Ковалевъ подошелъ и сказалъ: «яма готова, идите ложитесь, если не передумали». Скитницы встали, одна за другой подошли къ ямѣ, потомъ начали спускаться и укладываться рядышкомъ. Тѣсно имъ было, но онѣ не споря улеглись, прижавшись другъ къ другу. Ѳедоръ Ковалевъ засыпалъ ихъ сначала медленно, стараясь не сыпать землю на головы, и спрашивалъ ихъ, не желаютъ-ли онѣ, чтобы онъ пріостановилъ засыпаніе землей. Монашки потребовали только, чтобы дали имъ рядно. Послѣднимъ онѣ закрыли

свои головы, послѣ чего Ковалевъ, по ихъ-же требованію, засыпалъ яму землею и даже сверху притопталъ. Ни стоновъ, ни криковъ не было слышно. Четвертая группа была замурована въ концѣ февраля. Къ ней принадлежала старуха мать Ковалева, младшій сынъ ея нѣмой Дмитрій, еще три женщины монашки и сама старица Виталія, которая послѣ общей молитвы первая сошла въ погребъ, съ платкомъ на головѣ, въ въ мантіи и епитрахили, скрывавшими надѣтыя на тѣлѣ двойныя вериги. Въ этой общей могилѣ найдена, между прочимъ, чаша и ложечка для причащенія («Одесск. Листокъ», № 128). Корреспондентъ газеты «Бессарабецъ» разсказываетъ, со словъ мѣстныхъ жителей, что, рѣшившись на мученическую смерть, терновскіе сектанты желали сохранить свое рѣшеніе въ глубокой тайнѣ и потому говорили всѣмъ приходившимъ къ нимъ родственникамъ и знакомымъ, что собираются уѣхать всѣ далеко, далеко, въ какую-то «тайгу», за многія тысячи верстъ, гдѣ хорошія плодородныя земли и глухія мѣста. Они шили себѣ шубы и покупали валенки, впослѣдствіи и найденныя у нихъ въ могилахъ, что нѣкоторыхъ на первыхъ порахъ приводило въ удивленіе. Кромѣ того, они все продавали, дарили и по ночамъ разносили бѣднымъ людямъ разныя вещи и даже деньги. Придутъ, говорятъ, ночью подъ окно хаты и постучатся, а когда отворятъ—никого и нѣтъ, и только подъ окномъ лежитъ мѣшокъ съ мукой или крупой. Одной бѣдной женщинѣ въ плавняхъ подарили корову, говоря, что она имъ все равно не нужна, а денегъ за нее даютъ слишкомъ мало.

Корреспондентъ «Одесскихъ Новостей» также былъ на мѣстѣ драмы, видѣлъ разложившіеся трупы, по которымъ можно, однако, судить о жестокихъ предсмертныхъ страданіяхъ, видѣлъ четки съ таинственными надписями, восковыя свѣчи и темныя съ красной оторочкой мантіи раскольничьихъ монахинь, найденныя въ могилахъ. Онъ видѣлся затѣмъ съ Федоромъ Ковалевымъ, который содержится теперь какъ преступникъ при Тираспольскомъ тюремномъ замкѣ, и говорилъ съ нимъ. Это человѣкъ высокаго роста, производящій впечатлѣніе настоящаго аскета. Надъ вопросами онъ подолгу задумывается и отвѣчаетъ осмысленно, логически и разумно. Хорошо обученный грамотѣ, онъ обладаетъ прекрасной памятью, недурно владѣетъ перомъ и рѣчью. Въ бесѣдѣ о своихъ вѣрованіяхъ онъ высказывается тономъ полнаго убѣжденія. На вопросъ о томъ, что заставило его замуровать столькихъ людей, онъ невозмутимо отвѣчаетъ:

— Мученичество приняли. Они ужъ божьи люди. Избавились отъ антихриста. Еслибы они пожелали быть убитыми, я-бы убилъ ихъ.

Отъ пищи Ковалевъ наотрѣзъ отказывается и проводитъ время въ долгомъ раздумьѣ. Своимъ единомышленникамъ онъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что не успѣлъ самъ принять мученичество: онъ помогъ въ этомъ другимъ, а его самого некому было замуровать. Тотъ-же корреспондентъ видѣлся съ Соловьевыми, отцомъ и братомъ замурованной

Анны Ковалевой. Интересно отмѣтить, что эти люди говорятъ о Федорѣ безъ малѣйшаго раздраженія.

— Были слухи, что убили ихъ,—разсказывалъ братъ Ковалевой.— Пріѣхалъ я къ Ковалеву и спрашиваю: «гдѣ сестра?» — «Нѣту здѣсь», говоритъ. «У Бога она. Идите, а мы здѣсь грѣшны». Федоръ—человѣкъ хорошій, любилъ свою жену и дѣтей. И сестра-то какъ любила дѣтокъ и мужа.

— А что говорилъ вамъ Федоръ?

— Что говорилъ? Молчитъ, бѣдняжка. Вѣдь, и ему тоже жалко. Говоритъ, что душеньки сестрицы нашей и дѣтокъ праведныхъ къ Богу попали.

Соловьевъ освѣдомился, будутъ-ли судить Ковалева, и на утвердительный отвѣтъ промолвилъ:

— Жалко братца, пропадетъ...

Въ такомъ-же мягкомъ, терпимомъ тонѣ говорилъ о Ковалевѣ старообрядческій священникъ, Григорій Рудаковъ. Онъ былъ нѣсколько взволнованъ посѣщеніемъ корреспондента, но не отказался высказать свое мнѣніе по поводу случившагося.

— Кружокъ, среди котораго произошло погребеніе девяти человѣкъ, ко мнѣ отношенія не имѣетъ,—сказалъ онъ.—Они суть, дѣйствительно, раскольники, а мы старообрядцы. Имѣютъ они свою молельню и священства отъ меня не принимаютъ. Нѣсколько разъ я пытался проникнуть къ нимъ, познакомиться съ ихъ ложнымъ ученіемъ, но меня и другихъ туда не пускали. Знаю, что люди они хорошіе, живутъ мирно и никого не обижаютъ.

— Находите-ли вы совершенное преступленіемъ?

— Я этого сказать не могу. Богъ имъ судья.

Очевидно, что всѣхъ этихъ людей, несмотря на различіе религіозныхъ толковъ, связываетъ между собою извѣстное уваженіе и пониманіе той замкнутой внутренней жизни, которая, при всей ея узости, освѣщена чистымъ свѣтомъ религіознаго убѣжденія. Большинство газетъ, писавшихъ о терновскихъ сектантахъ, останавливали вниманіе только на невѣжествѣ и дикости этихъ людей, на ихъ изувѣрствѣ, будто-бы выходящемъ вонъ изъ ряда и особенно поражающемъ въ наше время. Но намъ кажется гораздо болѣе замѣчательной другая сторона дѣла: эта способность малоразвитыхъ, простыхъ людей, никѣмъ непосредственно невдохновленныхъ, жить мыслями о высшемъ благѣ, не довольствоваться земнымъ счастіемъ, положить жизнь свою ради мечты о царствіи Христа, эта сила духа, которая позволяетъ побороть всѣ непосредственные инстинкты человѣческой натуры, даже любовь къ жизни, даже боязнь страданія и смерти. Мы полагаемъ, что не стоитъ дѣлать излишнихъ оговорокъ относительно того, что терновскіе сектанты были люди невѣжественные и что жизнь ихъ, преданная на жертву своеобразно понимаемой ими правдѣ, могла-бы быть отдана служенію иной, просвѣтленной правдѣ, оставшейся имъ недоступной

Конечно, представленіе терновскихъ сектантовъ о близящемся концѣ міра, о явленіи кометы, объ антихристѣ являются какимъ-то бредомъ, и этотъ бредъ разсѣялся бы отъ просвѣщенія. Но какимъ должно быть образованіе, чтобы оно могло вообще прояснить и освободить духъ человѣка? Это вопросъ очень сложный и не разрѣшаемый общими словами объ увеличеніи числа училищъ, низшихъ и высшихъ. Самый дикій бредъ представляетъ изъ себя жизнь многихъ людей изъ такъ называемыхъ культурныхъ классовъ. Даже въ центрахъ культуры обнаруживаются факты какого-то непостижимаго нравственнаго и умственнаго помѣшательства. Печать выноситъ на свѣтъ Божій поразительныя картины жизни, до поры до времени прикрываемыя общественнымъ лицемѣріемъ.

Два съ половиной года тому назадъ торжественно праздновался столѣтній юбилей г. Одессы. Мѣстныя газеты распространялись о томъ, что «Одесса въ сто лѣтъ сдѣлалась украшеніемъ и гордостью нашего отечества и явила себя лучшей поборницей міроваго прогресса», что «юбилей этого города—праздникъ цѣлаго общества, праздникъ всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ, праздникъ человѣколюбія, свѣта, культуры, праздникъ исторіи». По случаю столѣтняго юбилея выпущено было въ свѣтъ на счетъ города огромное роскошное изданіе, посвященное исторіи Одессы, съ многочисленными иллюстраціями, съ великолѣпнымъ городскимъ гербомъ, отпечатаннымъ красками, съ широковѣщательными описаніями всѣхъ благихъ общественныхъ начинаній и преуспѣяній, отличающихъ Одессу. И вся русская печать сочувственно отмѣтила юбилейное торжество, въ сотнѣ отголосковъ прогремѣло поздравленіе коллективному «юбиляру»... И вдругъ два—три мѣсяца тому назадъ тотъ-же «Новороссійскій Телеграфъ», который называлъ Одессу однимъ изъ центровъ міроваго прогресса, долженъ былъ вскрыть на своихъ страницахъ невѣроятные порядки Одесской городской больницы [1]). Тотъ самый докторъ Шпаковскій, отъ котораго управа довѣрчиво брала данныя о больницѣ для юбилейнаго изданія, оказался какимъ-то нравственно помѣшаннымъ, можно сказать, уголовнымъ персонажемъ, совершавшимъ надъ ввѣренными ему больными самыя невѣроятныя вещи. Общество ужаснулось: внѣшнее благообразіе городской жизни было нарушено, и періодъ лицемѣрія смѣнился періодомъ безпощадныхъ разоблаченій. Оказалось, что почти всѣ стороны одесской жизни таятъ въ себѣ рядъ безобразій...

Профессоръ М. Я. Капустинъ, ревизовавшій Одессу съ санитарной точки зрѣнія, представилъ одесскому городскому головѣ свои сообщенія, изъ которыхъ выясняется, что Одесса переполнена нечистотами, что «въ городскихъ скотобойняхъ убой скота производится весьма неопрятно», что въ трактирахъ помѣщенія для прислуги тѣсны и грязны, пищевые продукты содержатся неопрятно; что многіе изъ осмотрѣнныхъ дворовъ въ частныхъ домахъ содержатся грязно, отбросы и мусоръ прямо сва-

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣстн.», № 5, 1897 г., «Порядки въ одесской городской больницѣ».

ливаются кучами; въ пивоваренномъ заводѣ «Богемія» помѣщеніе для варки и розлива пива содержатся неопрятно; за пивовареннымъ заводомъ Санценбахера производится свалка разныхъ нечистотъ, которыя гніютъ и издаютъ сильное зловоніе; въ табачной фабрикѣ Асвадурова помѣщенія очень темныя, потолки отъ копоти совершенно черные, нѣтъ никакихъ приспособленій для вентиляціи и для умыванія рабочихъ; на макаронной фабрикѣ Зильбершмидта и Гольдберга всѣ помѣщенія завода чрезвычайно неопрятны, тѣсны и темны: при дневномъ свѣтѣ едва можно различать предметы. Портовая территорія, гдѣ скучена масса рабочаго люда и сосредоточена почти вся торговая жизнь города, представляетъ собою самый удобный очагъ для разведенія всевозможныхъ эпидемическихъ болѣзней; въ такомъ же состояніи находятся и базары. «Насъ постигло горькое разочарованіе, пишетъ по этому поводу *Новороссійскій Телеграфъ* (№ 7119). До вчерашняго дня мы всѣ были твердо увѣрены, что санитарное состояніе нашего города находится если не въ образцовомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ удовлетворительномъ состояніи. Общій выводъ изъ записки профессора Капустина тотъ, что нѣтъ почти ни одной части города, ни одного торгово-промышленнаго заведенія, которое не нуждалось бы въ санитарныхъ мѣрахъ. И при этомъ нужно еще имѣть въ виду, что, начиная съ конца зимы, въ виду опасности занесенія чумной эпидеміи былъ предпринятъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью улучшить санитарное состоянія города». Въ такомъ же тонѣ говорятъ газеты и о другихъ сторонахъ одесской жизни. Такъ, *Одесскія Новости* (№ 3950) пишутъ: «Съ лихорадочной поспѣшностью, точно анатомическимъ ножемъ, вскрываются въ послѣднее время злокачественные наросты, покрывшіе наше городское хозяйство... Не успѣли мы еще отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго раскрытой скотобойной исторіей, какъ передъ нами снова всплываетъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ безчеловѣчныхъ злоупотребленій, которымъ будущіе безпристрастные историки нашего муниципалитета удѣлятъ, вѣроятно, не мало прискорбнаго вниманія. Мы хотимъ теперь коснуться такой сферы дѣятельности нашего города, которая считалась всегда почему-то безупречной по блестящей постановкѣ дѣла, по гуманнымъ стремленіямъ и безкорыстію городскихъ дѣятелей: это—народное образованіе». За послѣдніе годы въ Одессѣ открылось множество новыхъ школъ и въ 1896 году бюджетъ народнаго образованія перевалилъ за 200 тысячъ рублей. Для городскихъ и пригородныхъ школъ возводились новыя прекрасныя зданія. Но вотъ оказалось, что въ большинствѣ или по крайней мѣрѣ, во множествѣ этихъ школъ далеко не все благополучно и въ санитарномъ отношеніи, что «красивыя черепичныя крыши текутъ, черезъ стѣны продуваетъ вѣтеръ, полы составлены изъ какихъ-то обрѣзковъ досокъ, изъ какихъ-то заплатъ», что при расширенномъ школьномъ бюджетѣ городъ нашелъ нужнымъ сдѣлать экономію 600 рублей, отнявъ у городскихъ народныхъ училищъ небольшія

средства, выдававшіяся на пріобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій для бѣднѣйшихъ учащихся; что городъ даже не догадался устроить народныя чтенія въ селахъ, что для учителей существуетъ всего одна мизерная библіотечка, выписывающая какихъ-то два журнальчика. Наконецъ, въ поведеніи самихъ учителей раскрылся рядъ очень некрасивыхъ поступковъ. «При отсутствіи достаточнаго числа школъ, пишутъ *Одесскія Новости*, число отказовъ при пріемѣ въ начальныхъ училищахъ достигаетъ у насъ ежегодно чуть не тысячи случаевъ. При этомъ сплошь да рядомъ наши учительницы отдаютъ предпочтеніе дѣтямъ въ красивыхъ платьицахъ, а бѣдныя, нищенски одѣтыя дѣти остаются на заднемъ планѣ. Мы знаемъ случай, когда ребенокъ одного низшаго полицейскаго чиновника перебывалъ въ пяти городскихъ школахъ, повсюду просясь и повсюду получая отказъ въ пріемѣ, и только тогда, когда отецъ догадался неправильно показать свое занятіе, назвавъ себя торговцемъ, ему удалось помѣстить своего ребенка въ школу. Въ наши школы сплошь да рядомъ попадаютъ дѣти безусловно состоятельныхъ родителей, которые могли-бы удѣлять кое-что изъ своего достатка на ихъ образованіе, а бѣднымъ дѣтямъ отказываютъ въ пріемѣ. Цифрами можемъ доказать, что въ нашихъ городскихъ школахъ отказываютъ въ пріемѣ скорѣе чернорабочему, чѣмъ дѣтямъ иныхъ родителей. Тѣхъ-же, которые помѣщаются въ такъ называемыхъ углахъ и кухняхъ, обходятъ больше всѣхъ. Этого мало: наши учителя не хотятъ заниматься съ неграмотными дѣтьми. Сплошь да рядомъ они отказываютъ дѣтямъ въ пріемѣ потому только, что они еще нигдѣ не учились». Ужасающія безобразія раскрылись, среди лихорадки разоблаченій, и въ одесскомъ сиротскомъ пріютѣ. «Глубоко ошибется тотъ, пишутъ *Одесскія Новости*, кто подумаетъ, что безпорядки въ сиротскомъ домѣ сводятся къ обычнымъ растратамъ и хищеніямъ. Оттуда выходили форменные преступники». Новый директоръ этого учрежденія, г. Андреевскій, въ докладѣ своемъ городской управѣ говоритъ о сиротскомъ домѣ слѣдующее: «Заведеніе этого находится въ состояніи полнаго разложенія. Полное раззореніе зданій, имущества, крайній недостатокъ мебели, принадлежностей кухни, обуви, одежды, бѣлья бросаются въ глаза. Полы, стѣны, двери, окна—все это едва-ли возможно въ такомъ видѣ встрѣтить даже въ полицейской кутузкѣ». Когда новый директоръ возбудилъ вопросъ о привлеченіи воспитанниковъ къ хозяйственнымъ работамъ, онъ получилъ такой отвѣтъ: «Никакъ невозможно—все крадутъ, рвутъ, бьютъ, тащатъ, продаютъ, производятъ взломы, не ночуютъ, являются въ спальни въ полночь, наносятъ всѣмъ оскорбленія». Новый директоръ рѣшилъ, что нужно начать съ исключенія самыхъ испорченныхъ мальчиковъ—для спасенія отъ дурныхъ вліяній оставшихся дѣтей. И вотъ, 22 мальчика выброшены на улицу, въ самомъ безнадежномъ матеріальномъ и нравственномъ состояніи. Произведенная операція является лишнимъ дока-

зательствомъ безсилія просвѣщенныхъ людей, безсилія современной системы воспитанія разсѣять тяжелый жизненный бредъ.

Раскрылись порядки и одесскихъ богоугодныхъ заведеній. Фельдшерица городской богадѣльни, г-жа Непорожняя, помѣстила въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* письмо слѣдующаго содержанія: «Порядки богадѣльни не лучше, чѣмъ другихъ одесскихъ городскихъ учрежденій: карцеры, смирительныя рубахи, самоубійства. Смотритель богадѣльни, П. Сенкевичъ, человѣкъ безъ образованія и развитія, пользуется безграничной, безконтрольной властью. Его тѣшитъ возможность проявить эту власть надъ людьми, изъ которыхъ почти четвертая часть въ отношеніи образованія или умственнаго развитія, или общественнаго положенія стоятъ выше его. Его тѣшитъ, что бывшую гувернантку, семидесятилѣтнюю старуху, страдающую одышкой, онъ заставляетъ мыть полы, и всякій его любимецъ можетъ издѣваться надъ ней, что институтку, дочь генералъ-адъютанта, и другихъ его излюбленная служанка можетъ называть скотиной и т. п. Призрѣваемымъ въ богадѣльнѣ одинъ выходъ—могила, а потому они всецѣло въ рукахъ смотрителя... Мое личное положеніе какъ служащей невозможное и неслыханное», прибавляетъ г-жа Непорожняя. Таковы обстоятельства, раскрытыя за послѣднее время въ одесскихъ газетахъ. Всѣ заговорили о непорядкахъ, о безобразіяхъ, и городская управа сдѣлалась, такъ сказать, козломъ отпущенія для одесситовъ. Теперь въ Одессѣ назначенъ новый городской голова, г. Крыжановскій, который, вступая въ должность, обратился къ собранію одесской городской думы съ очень пространной рѣчью, въ которой онъ обрисовывается какъ человѣкъ просвѣщенный, съ чувствомъ собственнаго достоинства, съ сознаніемъ ограниченности своихъ личныхъ силъ, съ твердымъ отношеніемъ къ предстоящимъ ему задачамъ. И Одесса очень быстро пріободрилась. «Блестящій дебютъ! громаднѣйшій успѣхъ! долго не смолкавшіе аплодисменты!» пишетъ *Одесская Газета* (№ 116). «По поводу этой рѣчи пожелаемъ полнаго успѣха почтенному городскому головѣ въ выполненіи намѣченной имъ программы», заключаетъ эта газета свою замѣтку. Въ такомъ-же тонѣ говорятъ по этому поводу и другіе одесскіе органы. На новаго городского голову возлагаются огромныя надежды. Прежняя управа представляется источникомъ всѣхъ золъ, новый городской голова—источникомъ обновленій. Какъ будто дѣло только въ городскомъ головѣ и въ управѣ, какъ будто такъ легко усиліемъ одного человѣка или даже цѣлой группы представителей города, передѣлать жизнь, проникнуть въ души людей, которымъ довѣряются отвѣтственныя обязанности и вручается большая власть, какъ будто управленіе, администрація, хотя-бы и общественная администрація, такъ много можетъ! Газетныя разоблаченія сдѣлались въ Одессѣ какой-то модой. Оказалось возможнымъ и необходимымъ говорить во всеуслышаніе о томъ, о чемъ раньше молчали. Точно открылись вдругъ закоптѣлыя и пыльныя оконца подваловъ въ большомъ роскошномъ домѣ и дохнулъ оттуда тяжкій

смрадъ, и всѣ шарахнулись, закричали о безобразіяхъ, до того времени закупоренныхъ, недоступныхъ глазу. Газеты стали соперничать между собою въ разоблаченіяхъ, и такъ называемые руководители общественнаго мнѣнія съ трогательной наивностью восклицали, что до сихъ поръ они и не подозрѣвали о томъ, что дѣлалось, но что это, дѣйствительно, ужасно и надо все какъ можно скорѣе передѣлать. Новый городской голова говорилъ, между прочимъ, въ своей рѣчи, что ожидаетъ полезнаго для себя содѣйствія отъ мѣстной прессы. Но для того, чтобы пресса могла быть полезной, она должна проникнуться гораздо большей пытливостью и большею смѣлостью, отрѣшиться отъ пошлаго самохвальства, проявившагося во всей силѣ на юбилейномъ торжествѣ Одессы и отъ наивной оптимистической привычки возлагать чрезмѣрныя надежды на новое должностное лицо. Большіе городскіе дома и роскошныя общественныя зданія скрываютъ за своими стѣнами настоящую, доподлинную жизнь. Подвалы стоятъ закрытыми, и проходящіе мимо люди не задумываются о томъ, что въ нихъ творится. А между тѣмъ, именно тамъ, за этими стѣнами, за этими черными при дневномъ свѣтѣ окнами, въ интимной обстановкѣ и еще глубже—въ душахъ человѣческихъ, лежатъ основы видимой намъ «общественной» жизни, и дикій скверный бредъ владѣетъ многими изъ людей, играющихъ видную и отвѣтственную роль въ этой, общественной, «культурной» жизни.

Въ газетныхъ лѣтописяхъ встрѣчается безчисленное множество фактовъ, подтверждающихъ эту мысль. Представители самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній, люди, призванные учить, лѣчить и охранять порядокъ, производятъ самыя жестокія звѣрства, истязаютъ ввѣренныхъ ихъ попеченію людей по какимъ-то тайнымъ психологическимъ мотивамъ. Вотъ, напримѣръ, что разсказывается о подвигѣ одного земскаго врача Одесскаго уѣзда, г. Поппера: Крестьянка *** чувствуя приближеніе родовъ, добралась въ больницу, которой завѣдывалъ д-ръ Попперъ. Когда доложили врачу, онъ сказалъ: «Пусть идетъ туда, откуда пришла» и не вышелъ къ ней. Кто-то, видя ея ужасное положеніе, помѣстилъ роженицу въ больничномъ корридорѣ, но врачъ приказалъ выгнать ее изъ больничнаго зданія, несмотря на то, что дѣло было ночью и на дворѣ лилъ дождь. Дѣло это, по словамъ «Одесскихъ Новостей», было представлено херсонскому губернатору, который передалъ его на разсмотрѣніе прокурору и предсѣдателю управы. Присутствовавшій на судѣ д-ръ Попперъ заявилъ, что всѣ товарищи поступили-бы такъ-же, какъ и онъ. Это заявленіе вызвало протестъ товарищей. Однако, въ числѣ двѣнадцати присутствующихъ врачей нашлось два-три человѣка, защищавшихъ доктора Поппера.

«Крымъ» сообщаетъ о подвигѣ другого врача, въ Севастополѣ, д-ра Бухштаба. Д-ръ Бухштабъ лечилъ члена севастопольской городской управы Деламурэ. Больной умеръ, не оставивъ семьѣ ничего, кромѣ долговъ. Д-ръ Бухштабъ потребовалъ отъ вдовы паціента докторскій

гонораръ. Вдова набрала 25 р. и отдала ихъ. Но докторъ потребовалъ еще 53 р. У г-жи Деламурэ этихъ денегъ не оказалось, и они были собраны по общественной подпискѣ отъ лицъ, знавшихъ покойнаго. Такимъ образомъ д-ръ Бухштабъ получилъ свой гонораръ сполна. Но этимъ дѣло не кончилось. Узнавъ о томъ, какимъ образомъ была собрана вытребованная имъ сумма. и нѣсколько стѣсняясь предстать въ своемъ настоящемъ видѣ передъ публикой, д-ръ Бухштабъ вернулъ вдовѣ присланныя деньги и обратился къ обществу севастопольскихъ врачей съ разъясненіемъ всей исторіи. Для оправданія своего онъ счелъ нужнымъ обвинить г-жу Деламурэ въ пристрастіи и раздраженіи. Раздраженіе-же это имѣло причиною, по словамъ самого д-ра Бухштаба, слѣдующій случай: Въ одну ночь покойному Деламурэ сдѣлалось особенно плохо— у него началось воспаленіе мозговой оболочки. Было послано за д-ромъ Бухштабомъ. но д-ръ, постоянно лечившій больного, не поѣхалъ. За это-то г-жа Деламурэ и разсердилась на него. Но, по мнѣнію д-ра Бухштаба, она совсѣмъ не имѣла права сердиться, ибо она послала еще къ десяти врачамъ, и ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ поѣхать къ умирающему. Всего интереснѣе то, что никто изъ собранія врачей не нашелъ ничего возразить д-ру Бухштабу. Севастопольское общество врачей нашло, что въ письмѣ д-ра Бухштаба, которымъ онъ требовалъ дополнительнаго гонорара, ничего противнаго чести и достоинству врача не усматривается. Мало того, врачи нашли нужнымъ выразить сожалѣніе по поводу оскорбленія, полученнаго д-ромъ Бухштабомъ отъ нѣкоторой части публики, т. е. отъ тѣхъ, кто—ради покойнаго—собралъ деньги для выплаты лѣчившему его д-ру Бухштабу, который оказался такимъ аккуратнымъ въ своихъ денежныхъ разсчетахъ и притязаніяхъ. («Одесскія Новости»). Если такъ поступаютъ врачи, то чего можно требовать отъ больничныхъ служителей. Однако, встрѣчаются факты жестокости, удивительные и для служителей. Вотъ что разсказываютъ «Одесскія Новости» о случаѣ, происшедшемъ недавно въ одесской еврейской больницѣ. Нѣкая Муся Гальская, дѣвушка 18—19 лѣтъ, въ одинъ зимній вечеръ, во время трескучаго мороза, получаетъ отъ служителя Николая приглашеніе оставить больницу, ибо докторъ ее выписалъ. Дѣвушка протестуетъ, заявляетъ, что она больна и не въ состояніи идти, да еще ночью, въ такой трескучій морозъ. Но служитель безцеремонно выталкиваетъ ее на улицу безъ всякой теплой одежды. Объ этомъ возбуждено дѣло у одного изъ городскихъ судей. Что касается больничнаго служителя Николая, то по раслѣдованіи оказалось, что жестокое обращеніе съ больными, даже избіеніе ихъ, практиковалось имъ постоянно. Онъ самъ признался въ этомъ отставившей его отъ мѣста городской управѣ.

Необыкновенную жестокость проявляютъ и нѣкоторые педагоги. Въ Ялтѣ имѣется школа нѣкоего г. Шуба. Вотъ что разсказываютъ «Одесскія Новости» о пріемахъ этого педагога. 9-лѣтній мальчикъ Шмаевскій

былъ по распоряженію Шуба положенъ на столъ; верхомъ на шею ему усѣлся помощникъ педагога, старшему воспитаннику приказано было держать ребенка за ноги, а самъ педагогъ взялъ въ руки ремень. Старикъ-отецъ Шмаевскаго подалъ жалобу городскому судьѣ, гдѣ говоритъ, что его сыну было нанесено 77 ударовъ по обнаженному тѣлу. Такой-же пріемъ примѣненъ къ ребенку Мельковича, которому г. Шубъ нанесъ 150 ударовъ ремнемъ, послѣ чего тѣло мальчика, начиная съ половины позвоночнаго столба, оказалось сплошь покрытымъ рубцами, синяками, кровоподтеками и опухолями.

Состоявшееся недавно засѣданіе кіевской судебной палаты раскрыло интересное дѣло, участники котораго относятся къ тому-же типу истязателей. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Въ октябрѣ прошлаго года, въ городѣ Кіевѣ, вблизи Кирилловской больницы, найдена была подъ заборомъ мертвою жена служащаго въ больницѣ Евфимія Пронина. По разслѣдованіи оказалось, что наканунѣ вечеромъ Пронину видѣли лежавшею подъ заборомъ усадьбы нѣкоего д-ра Коршуна. Около 12 час. ночи подходили къ ней ночные сторожа и дворники, но ничего съ нею не сдѣлали. Въ 2 часа ночи къ ней подошелъ городовой Гришенко, дворникъ Клеменко и еще нѣсколько человѣкъ дворниковъ. Городовой сталъ тереть ей уши. Пронина, находившаяся въ состояніи полнаго опьяненія, очнулась и сказала, что мужъ ея служитъ въ Кирилловской больницѣ. Ее понесли въ больницу, но привратникъ не впустилъ. Послѣ этого пьяную женщину положили на землю, и городовой Гришенко, поднявъ на ней юбку, сталъ бить ее ножнами шашки по обнаженному тѣлу. Потомъ городовой велѣлъ Клеменко нарвать прутьевъ, и оба они, городовой и дворникъ, принялись сѣчь пьяную женщину, которая страшно стонала. Затѣмъ городовой Гришенко удалился, приказавъ ночному сторожу караулить Пронину, которая, по словамъ послѣдняго, все время лежала и мычала. Къ утру она скончалась. Врачъ-экспертъ, ознакомившись съ обстановкой дѣла, пришелъ къ заключенію, что мучительная боль отъ нѣсколько разъ повтореннаго сѣченія розгами сильно подѣйствовала на сердце Прониной, а холодъ, на которомъ она была оставлена, довершилъ начатое. Допрошенные на судѣ свидѣтели показывали, что они очень хорошо видѣли, какъ подсудимые и особенно городовой Гришенко издѣвались надъ пьяной женщиной и затѣмъ пороли ее. Былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы отправить ее въ участокъ, тѣмъ болѣе, что въ это время проѣзжалъ мимо извозчикъ, но городовой замѣтилъ, что не стоитъ такой глупостью безпокоить начальство. Кіевская судебная палата приговорила бывшаго городового Гришенко къ тюремному заключенію на три мѣсяца и къ церковному покаянію.

Симферопольскій ремесленный міръ до того отличился по части своей жестокости, что даже вызвалъ циркуляръ губернатора, которымъ предписывается полиціи ремесленной управы наблюдать за ремесленными хозяевами и неуклонно преслѣдовать виновниковъ. «Астраханскія Вѣдомости»

описываютъ по этому поводу одну изъ картинъ жизни симферопольскихъ ремесленниковъ. У мѣстнаго сапожника *** было два малолѣтнихъ ученика, которыхъ хозяинъ обучалъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ только изготовленію дратвы и при всякомъ удобномъ случаѣ немилосердно билъ и выгонялъ раздѣтыми на улицу, гдѣ они должны были во всякую погоду проводить по нѣсколько часовъ. Кромѣ того, какъ показано въ полицейскомъ протоколѣ, хозяинъ примѣнялъ къ своимъ ученикамъ чисто инквизиторскіе пріемы, какъ напр., обжиганіе рукъ раскаленнымъ желѣзомъ. О жестокости хозяевъ-ремесленниковъ и мастеровъ по отношенію къ ученикамъ говорилось въ печати очень много, изыскивались разныя мѣры къ пресѣченію зла, указывалось на необходимость контроля по отношенію къ лицамъ, злоупотребляющимъ своей властью надъ дѣтьми. Но контроль, предупреждая отдѣльные случаи, не можетъ проникнуть достаточно глубоко, и ему не искоренить настоящихъ причинъ человѣческой жестокости. Контроль будетъ стараться предупреждать преступленія, судъ будетъ наказывать виновныхъ, но жизнь постоянно выбрасываетъ изъ своихъ темныхъ глубинъ все новые случаи, все новыя проявленія того дикаго душевнаго бреда, который объемлетъ чуть-ли ни большинство людей. Не спасаетъ отъ него и формальное образованіе, потому что изступленной жестокости предаются на ряду съ простыми людьми и врачи, и педагоги, не спасаетъ отъ него никакое средство внѣшняго свойства. Только то, что перерождаетъ самую душу, что, идя черезъ разумъ, задѣваетъ глубочайшія струны человѣческой психологіи, — опредѣленное міровоззрѣніе, отвѣчающее одновременно потребностямъ ума и сердца, можетъ разогнать этотъ бредъ. Но въ жизни не много источниковъ, гдѣ можно найти такого рода просвѣщеніе и слишкомъ не много такихъ просвѣтителей.

Пересматривая тѣ отдѣлы газетъ, гдѣ безхитростные корреспонденты передаютъ факты жизни, приходишь въ ужасъ отъ безчисленныхъ картинъ, рисующихъ животную разнузданность современнаго человѣка. Вотъ какія дѣла раскрылись, напр., на фабрикѣ шведскихъ спичекъ, подъ названіемъ «Викторія», въ г. Борисовѣ, Минской губерніи. Надзирателемъ фабрики состоялъ г. Гинцбургъ, подъ надзоромъ котораго находилось до 300 дѣвушекъ-работницъ. Дѣвушки проводили жизнь въ каторжномъ трудѣ, въ промозглой атмосферѣ сѣры и фосфора. Заработокъ былъ нищенскій, но работницы дорожили имъ, потому что дома царила вопіющая нищета. Этимъ-то и пользовался г. Гинцбургъ. Онъ превратилъ фабрику въ настоящій гаремъ. Нѣкто Д. Розенблюмъ, занимавшійся въ Борисовѣ частными уроками и имѣвшій въ числѣ своихъ учениц нѣсколько дѣвушекъ, работавшихъ на фабрикѣ «Викторія» узналъ о томъ, что дѣлалось на фабрикѣ: ученицы его не разъ являлись съ заплаканными глазами и жаловались, что надзиратель Гинцбургъ настойчиво пристаетъ къ нимъ съ оскорбительными предложеніями, оказаться отъ которыхъ можно только цѣною невѣроятныхъ пре-

слѣдованій и даже исключенія изъ числа работницъ. Однажды г. Розенблюмъ самъ былъ очевидцемъ того, какъ Гинцбургъ таскалъ дѣвушку-работницу за волосы по двору фабрики. На вопросъ, предложенный имъ дѣвушѣ, за что Гинцбургъ такъ жестоко расправлялся съ нею, она отвѣтила, что наканунѣ вечеромъ отказала Гинцбургу въ требованіи сопровождать его въ сарай, который находится на дворѣ фабрики. Нашлись и другія лица, которыя видѣли, какъ Гинцбургъ, баловался съ «дѣвушками» билъ и штрафовалъ тѣхъ, которыя не соглашались на его предложенія. Переѣхавъ изъ Борисова въ Минскъ, г. Д. Розенблюмъ сталъ работать въ «Минскомъ Листкѣ», гдѣ и напечаталъ свою замѣтку о порядкахъ на фабрикѣ «Викторія». Гинцбургъ счелъ нужнымъ поднять преслѣдованіе противъ редактора «Минскаго Листка», г. Зиновьева, и противъ автора замѣтки, обвиняя ихъ въ диффамаціи. Въ данномъ случаѣ судъ оправдалъ Зиновьева и въ то-же время раскрылъ, на своемъ разбирательствѣ, всю правду. И свидѣтели подтвердили показанія г. Розенблюма. Случаи угнетенія и развращенія женщинъ, связанныхъ своею нищетою съ наемщиками ихъ труда, вообще нерѣдки. Въ «Одесскомъ Листкѣ» напечатанъ отчетъ о возмутительномъ дѣлѣ, разбиравшемся 22 апрѣля въ камерѣ ялтинскаго городского судьи. Передъ судомъ предсталъ уже судившійся въ прошломъ году по такому-же дѣлу Мустафа Кадыевъ, поселянинъ с. Дерикой, собственникъ табачныхъ плантацій. Въ ноябрѣ прошлаго года Кадыевъ законтрактовалъ для работы на плантаціи 20 дѣвушекъ Волковского уѣзда, Харьковской губерніи. Контрактъ былъ заключенъ на 14 мѣсяцевъ. Но дѣвушки, собравшись съ духомъ, нарушили контрактъ, бросили плантаціи Кадыева всей гурьбой и обратились, при помощи присяжнаго повѣреннаго Лещинскаго, къ городскому судьѣ съ просьбою уничтожить ихъ условіе съ Кадыевымъ. На судѣ они показывали, что Кадыевъ кормилъ ихъ только пшеномъ съ водой и что отъ плохой пищи онѣ болѣли. Когда онѣ по болѣзни отказывались идти на работу, Кадыевъ приказывалъ кухаркѣ не давать имъ ѣсть. Нѣкоторыхъ Кадыевъ крѣпко билъ. Работники Кадыева спали по приказанія хозяина въ одной комнатѣ съ дѣвушками и досаждали имъ неприличными предложеніями. Наконецъ самъ Кадыевъ совершилъ насиліе надъ одной изъ нихъ, и покушался сдѣлать то-же самое и надъ другой. Городской судья приговорилъ Кадыева къ аресту на 7 дней, признавъ за дѣвушками право нарушить условіе, а дѣло о насиліи передалъ судебному слѣдователю («Приазовскій Край» № 119). Совершенно однородное дѣло разсматривалось въ той-же Ялтѣ, при помощи того-же адвоката Лещинскаго, между плантаторомъ Чингилиди и покинувшими его 6 дѣвушками-работницами. На судѣ слышались такія показанія: спали въ сараѣ на сыромъ полу, на брезентѣ; зимой черезъ щели дуетъ вѣтеръ, запорашиваетъ снѣгъ; тутъ-же и табакъ просушивается; по-утру просыпались съ головною болью. Пища дѣвушекъ состояла изъ фасоля, накрошеннаго въ сырую воду. Два раза въ день

давался чай, который варили въ жестянкѣ изъ-подъ керосина. Дѣвушки сильно хворали, а когда изъ-за нездоровья онѣ отказывались идти на работу, Чингилиди билъ ихъ палкой, калошами, чѣмъ попало. Дѣвушки писали въ родную деревню, умоляя вызволить ихъ изъ каторги, и когда деревня прислала за ними степеннаго мужика, онѣ подняли бунтъ и нарушили контрактъ съ хозяиномъ. Городской судья призналъ за ними право нарушить заключенное условіе и предъявить гражданскій искъ, но отъ иска уголовнаго дѣвушки отказались. Онѣ хотѣли только спасти себя, вырваться отъ хозяина, къ которому пригнала ихъ нужда родной деревни. Дѣла Кадыева и Чингилиди вызвали много разговоровъ въ крымскомъ обществѣ. Но что можно сказать объ этихъ невѣжественныхъ мусульманахъ послѣ того, что продѣлывалъ г. Гинцбургъ на фабрикѣ «Викторія». И все это только отдѣльные случаи, выплывающіе при случайныхъ благопріятныхъ условіяхъ, а полной картины дѣйствительности никто себѣ даже не представляетъ.

Въ заключеніе приведемъ еще два-три газетныхъ сообщенія. Вотъ что разсказываетъ газета «Волынь». Нѣкій Рапопортъ, занимаясь продажей антикварныхъ вещей, пришелъ съ предложеніемъ купить у него нѣкоторыя вещи къ г. Демидову, попечителю одного высшаго учебнаго заведенія. Г. Демидовъ сталъ издѣваться надъ Рапопортомъ, посадилъ старика въ ванну, разбилъ на его сѣдой головѣ нѣсколько яицъ и облилъ ему лицо вонючей жидкостью. Рапопортъ подалъ жалобу мировому судьѣ, который взглянулъ на поступокъ Демидова, какъ на *шутку* и приговорилъ его къ выговору. Трудно войти въ душу этого попечителя высшаго учебнаго заведенія и понять тѣ мотивы, тѣ настроенія, ту уродливую фантазію, которая заставила его продѣлать всѣ эти «шутки» съ старымъ антикваріемъ. Гораздо легче понять безобразія, которыя производятся въ темныхъ массахъ населенія. Вотъ что пишетъ газета «Уралъ» въ корреспонденціи Полевскаго завода: «Пьянство, буйство, низменные инстинкты, безчеловѣчное отношеніе другъ къ другъ проходятъ черезъ всю жизнь нашего заводскаго населенія. По даннымъ земской больницы, въ нашемъ заводѣ за послѣднія пять лѣтъ было избито и изранено около 100 человѣкъ мужчинъ и болѣе 50 женщинъ. Сюда вошли только тѣ лица, у которыхъ поврежденія оказались настолько серьезными, что требовали медицинской помощи и потерпѣвшіе намѣревались судиться. Общее-же число битыхъ и раненыхъ, безъ сомнѣнія, было во много разъ значительнѣе и простиралось не за одну сотню человѣкъ. Просматривая полученныя поврежденія видишь, что между ними встрѣчаются и безусловно тяжелыя, какъ-то: переломы реберъ, проломы черепа, масса ранъ на важныхъ органахъ тѣла и проч. Самое большее число избиваемыхъ падаетъ на лѣтніе мѣсяцы: іюль, августъ и сентябрь; рѣдкій праздникъ пройдетъ безъ того, чтобы въ больницу не явилось нѣсколько человѣкъ съ побитыми физіономіями и разсѣченными головами. Огромное большинство

мужчинъ получаютъ поврежденія въ дракахъ, а значительный процентъ женщинъ избиваются своими мужьями. Есть такіе субъекты, которые избиваютъ своихъ женъ, (по ихнему, «учатъ») до того, что при освидѣтельствованіи у нихъ находятъ по тѣлу кровоподтеки, величиною въ ладонь, въ значительномъ числѣ. Да, буенъ и жестокъ во хмѣлю нашъ заводскій мастеровой. Свою злость, свое недовольство настоящимъ, все чего онъ натерпѣлся и что скопилось у него въ груди, все онъ любитъ срывать на своихъ ближнихъ и, по преимуществу, на своей беззащитной женѣ. Вращаясь среди заводскаго населенія нѣсколько лѣтъ, соприкасаясь, по долгу своей службы съ больнымъ и здоровымъ мастеровымъ, наблюдая его во всѣхъ будничныхъ домашнихъ мелочахъ, я вынесъ тяжелое впечатлѣніе отъ того грубаго и жестокаго обращенія, которому подвергается женщина въ заводскомъ кругу» («Уралъ», № 82).

При этомъ стихійномъ неистовствѣ, при этомъ удушливомъ мракѣ вполнѣ понятны всякія массовыя звѣрства и погромы. Недавно произошелъ, какъ извѣстно, жестокій еврейскій погромъ въ Шполѣ. Теперь «Русскія Вѣдомости» (№ 112) сообщаютъ со словъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» о жестокомъ, еврейскомъ погромѣ, произведенномъ 16-го Апрѣля въ мѣстечкѣ Кантакузовѣ, Херсонской губерніи. Почти все мѣстечко разгромлено освирѣпѣвшей толпой, всѣ еврейскія лавочки разнесены и всѣ товары разбросаны; часть ихъ расхищена толпой. Среди всеобщаго погрома уцѣлѣла только какимъ-то чудомъ синагога, которую совсѣмъ не тронули. Картины подобныхъ безпорядковъ и погромовъ это—тоже что-то почти фантастическое—картины массоваго дикаго, безпросвѣтнаго бреда. Помѣшательство и даже полное сумасшествіе безпрепятственно развиваются между людьми. Люди не находятъ за что уцѣпиться, чтобы сохранить внутреннее равновѣсіе,—противопоставить что-нибудь безобразнымъ и безпорядочнымъ впечатлѣніямъ жизни. Недавно писали о томъ, что въ одной изъ главныхъ психіатрическихъ больницъ Петербурга не хватаетъ мѣста для прибывающихъ больныхъ. А вотъ что пишутъ изъ провинціи, изъ Мелитопольскаго уѣзда: «Въ нашемъ уѣздѣ и, вообще, во всѣхъ сосѣднихъ уѣздахъ можно встрѣтить массу психически-разстроенныхъ крестьянъ, взрослыхъ и дѣтей, свободно шагающихъ по слободамъ. На это обстоятельство было обращено еще вниманіе IX съѣздомъ земскихъ врачей Таврической губерніи, но, кромѣ регистраціи ихъ, съѣздъ ничего не принялъ, да и не могъ принять, такъ-какъ количество этихъ больныхъ, какъ константировалъ г. Грейденбергъ, увеличилось за 25 лѣтъ *въ восемнадцать разъ* Но трудно передать словами несчастный видъ этихъ психическихъ больныхъ, содержимыхъ населеніемъ, какъ лишнихъ ѣдоковъ, въ черномъ тѣлѣ, при самыхъ невозможныхъ санитарно-гигіеническихъ условіяхъ. Многіе психически-больные лѣтомъ питаются объѣдками арбузовъ, дынь проч., валяющимися на улицахъ села. Подростки еле покрыты грязной рубахой рубищемъ. Всякій мальчуганъ считаетъ своей обязанностью швырнуть въ нихъ камнемъ или просто отколотить. Такъ какъ всякій лиш-

ній ротъ является бременемъ для семьи, подобный больной переноситъ ужасныя лишенія, которыя еще усугубляютъ его душевное настроеніе. А такъ-какъ нѣкоторые больные по временамъ бываютъ буйны или «шкодливы», то ихъ запираютъ или привязываютъ. И неудивительно, если время отъ времени открываются «цѣпные люди», десятки лѣтъ привязанные къ цѣпи».

Но и для того, чтобы психіатрическія лѣчебницы были, дѣйствительно, лѣчебницами, а не просто сумасшедшими домами, гдѣ собираются вмѣстѣ и безпросвѣтно мучатся тихіе и буйные помѣшанные,—слишкомъ многаго еще не хватаетъ и самой медицинской наукѣ, и тѣмъ людямъ, которые берутся врачевать несчастныхъ. Стоитъ вспомнить свѣжую исторію доктора Шпаковскаго. Такія исторіи далеко не исключительны. Что-же ужасаться послѣ всего этого надъ терновскими сектантами, этими добрыми, честными людьми, которые для своего внутренняго спасенія нашли только одно героическое и вмѣстѣ съ тѣмъ наивное средство.

Л. Горевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дворянскій вопросъ.—Съѣздъ представителей городского взаимнаго страхованія.—Новая форма губернаторскихъ отчетовъ.—Результаты всеобщей переписи населенія.

Новорожденный комитетъ по вопросу о подъемѣ значенія россійскаго дворянства уже началъ свою дѣятельность, но о предположеніяхъ его пока ничего неизвѣстно, да еще и рано; вѣдь мы жить не торопимся и чувствовать не спѣшимъ; что въ другихъ странахъ Европы дѣлается мѣсяцами—на то у насъ уходятъ годы. Весьма возможно, что и новый комитетъ только тогда установитъ какіе-либо благодѣтельные для гг. дворянъ постуляты, когда окончится угнетающій наше землевладѣніе хлѣбный кризисъ, и теперешнія низкія цѣны пойдутъ вверхъ. Дѣйствительно, задача комитета очень трудна, ибо почти всѣ способы для возстановленія сословія были испробованы, и на придумываніе чего-нибудь новенькаго нужно время и немалое напряженіе умовъ. Въ нашихъ журналахъ и въ газетахъ ломаютъ копья за и противъ помощи дворянамъ,—больше за, но и въ литературѣ, несмотря на обиліе умовъ, не предлагается ничего новаго и оригинальнаго. А пока устроенъ новый выпускъ 3½% билетовъ для выдачи ссудъ изъ дворянскаго банка, т. е. новые заемщики будутъ получать деньги за

полпроцента дешевле, чѣмъ прежде. Но это—помощь очень палліативная; кому трудно платить—тотъ запуститъ платежи и изъ 3½%, и за 3% и за 2%. Многіе въ такомъ положеніи, что съ отчаянія не стыдятся заявлять желанія полной разсрочки платежей лѣтъ на пять, т. е. чтобы съ нихъ за это время вовсе ничего не брали. Но что-же въ самомъ дѣлѣ придумать?

---

20 мая въ Петербургѣ открылся при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съѣздъ представителей городскихъ обществъ взаимнаго страхованія, на которомъ—кромѣ другихъ вопросовъ—предложенъ къ разсмотрѣнію очень важный проектъ о союзѣ названныхъ обществъ для перестрахованія, котораго до сихъ поръ имъ какъ разъ не доставало для болѣе твердой и широкой постановки операцій. Столь выгодная для населенія форма, какъ взаимная, не можетъ правильно развиваться, пока взаимныя общества не получатъ возможность повышать оцѣнки и брать болѣе крупные риски, обезпечивая себя путемъ перестрахованія. Если и теперь взаимное страхованіе у насъ ростетъ, то что-же будетъ, если оно получитъ опору въ перестрахованіи, придающимъ такую силу акціонернымъ страховымъ обществамъ? Въ сравненіи съ послѣдними взаимное страхованіе представляетъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ преимуществъ: нѣтъ сложной организаціи, управленіе обходится дешево, не требуется основного капитала и дивидендовъ на него, почему и премія можетъ быть гораздо дешевле; дѣло здѣсь развивается какъ-бы само изъ себя, преміи изъ года въ годъ понижаются, такъ что нѣкоторыя городскія общества черезъ 15—20 лѣтъ, а иногда и болѣе, могутъ выдавать даровые полисы. При томъ взаимное страхованіе ближе къ населенію и можетъ лучше сообразовать тарифы и оцѣнки съ мѣстными условіями. Но, къ сожалѣнію, остается немало обстоятельствъ, мѣшающихъ развитію столь полезныхъ учрежденій. Главнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ—ихъ разрозненность, почти полное отсутствіе порайонныхъ союзовъ, недостатокъ перестрахованія, вынужденныя во избѣжаніе риска низкія оцѣнки, отказы отъ выгодныхъ и крупныхъ, но болѣе опасныхъ, страхованій, наконецъ—высокій сборъ въ пользу казны, не оправдываемый ни финансовой мудростію, ни простой практической необходимостью. Взаимныя общества существуютъ въ 80 городахъ и до сихъ поръ большинство изъ нихъ не можетъ считаться окончательно упроченнымъ, такъ что въ случаѣ большого пожара, какіе и бывали, общества оказываются безсильными, безъ помощи со стороны, оплатить взятые на страхъ риски. Существуетъ, правда, пензенскій союзъ, но къ нему примкнуло только два десятка второстепенныхъ городовъ, и ихъ совокупныя отчисленія въ общую складку далеко не обезпечиваютъ отъ потерь при покрытіи крупныхъ рисковъ. Затѣмъ нѣкоторыя изъ городскихъ обществъ если и прибѣгаютъ къ перестраховкѣ, то въ очень незначительной долѣ, при томъ въ русскихъ же акціонерныхъ обществахъ, которыя, видя въ нихъ прямыхъ конкуррентовъ, принимаютъ отъ нихъ

риски весьма неохотно и на тяжелыхъ условіяхъ. Бывшая въ 1888 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ спеціальная комиссія по вопросу о развитіи взаимнаго страхованія также остановилась на перестрахованіи, какъ на главной мѣрѣ. Комиссіи былъ предложенъ даже проектъ устройства правительственнаго перестрахованія, но это встрѣтило возраженія, что изъ центра нельзя руководить столь сложнымъ дѣломъ, что надо положить большой основной фондъ, что бюрократическая машина слишкомъ тяжела для живого дѣла. Справедливость послѣдняго возраженія оправдалась черезъ пять лѣтъ на опытѣ вновь учрежденнаго при хозяйственномъ департаментѣ для надзора за страховымъ дѣломъ страхового отдѣла. Была, затѣмъ, мысль, чтобы сами взаимныя общества организовали между собою перестрахованіе, но на практикѣ это оказалось недостижимымъ: съ одной стороны запасныя средства были недостаточны для образованія перестраховочнаго фонда, съ другой — по разнообразію условій, въ какія поставлены наши города, согласить ихъ трудно: одни обстроены лучше, просторнѣе и менѣе подвержены пожарамъ; у однихъ пожарная часть обставлена удовлетворительно, у другихъ плачевно; у однихъ накопленъ запасный капиталъ, у другихъ нѣтъ. Понятно—города болѣе благополучные уклоняются отъ союза, чтобы не платиться за другихъ, болѣе бѣдныхъ, которые и будутъ стараться больше сваливать на перестрахованіе. Къ настоящему съѣзду страховой отдѣлъ и подготовилъ проектъ организаціи «Союза перестрахованія» городскихъ обществъ. Согласно проекту, дѣлами союза завѣдуетъ собраніе выборныхъ отъ каждаго общества, которое и опредѣляетъ для каждаго общества: а) высшую сумму, въ которой отдѣльное строеніе можетъ быть принято обществомъ къ застрахованію и б) предѣльную сумму, до которой отдѣльное строеніе можетъ быть оставляемо на собственномъ страхѣ общества. Это дѣлаетъ невозможнымъ перестраховку въ той же суммѣ принятыхъ обществами опасныхъ построекъ по высокой оцѣнкѣ и, слѣдовательно, придется передавать постройки заурядъ, что несомнѣнно создастъ равномѣрность распредѣленія рисковъ для каждаго изъ обществъ, участвующихъ въ «Союзѣ». Далѣе, по проекту «Союза», операціи его начинаются на заемный капиталъ, образованный изъ ссудъ «Союзу» каждымъ городскимъ обществомъ 10% изъ запаснаго капитала. Чистая прибыль, согласно тому-же проекту, въ размѣрѣ 45%, идетъ на образованіе запаснаго капитала, 45% на погашеніе ссудъ и 10% на выдачу наградъ въ пользу предсѣдателя (5%) и служащихъ (5%).

Непрактичность проекта, бросающаяся прежде всего въ глаза, въ томъ, что даже при участіи въ «Союзѣ» всѣхъ 80 городскихъ обществъ всего складочнаго капитала наберется не болѣе $1\frac{1}{2}$ м. р.—цифра явно недостаточная для такого большаго дѣла, какъ перестрахованіе; два-три хорошихъ пожара, и отъ этого капитала можетъ остаться довольно слабое воспоминаніе. Если-же общества удвоятъ отчисленіе, чтобы образовать болѣе достаточный фондъ, то это затормазитъ пониженіе премій и отда-

лить срокъ выдачи безплатныхъ полисовъ. Образовать капиталъ, какъ нѣкоторые, предлагаютъ, путемъ выпуска облигацій также вещь несовсѣмъ вѣрная, ибо для этого нѣтъ достаточно реальной почвы, такъ какъ ихъ погашеніе и оплата потребуютъ очень значительной доли изъ прибылей, отчислять которую едва-ли будетъ по силамъ большинству взаимныхъ обществъ, еще не окрѣпшихъ. Очевидно безъ помощи или ссуды со стороны правительства не обойтись, но въ виду напряженія нашихъ финансовыхъ рессурсовъ на это разсчитывать также трудно. Остается, значитъ, уповать на учрежденье частныхъ обществъ спеціально для перестрахованія взаимныхъ рисковъ, причемъ капиталисты должны считаться съ очень умѣреннымъ дивидендомъ въ началѣ, но за то могутъ уповать на будущее развитіе дѣла. Однако и такихъ капиталистовъ мало. Существующее общество перестрахованія образовано акціонерными обществами и представляетъ собою дѣло домашнее, такъ что взаимнымъ обществамъ нечего и мечтать о пріемѣ отъ нихъ рисковъ этимъ обществомъ.

До сихъ поръ губернаторскіе отчеты — эти главные источники для сужденія о положеніи Россіи—составлялись внѣ какой-либо идентичной системы, а по самымъ разнообразнымъ программамъ; одни бываютъ подробны, другіе кратки; одни обращаютъ вниманіе на многіе, но незначущіе вопросы, другіе ограничиваются однимъ-двумя, но серьезными. Приложенія къ отчетамъ или такъ называемые «обзоры губерній» также составляются довольно пестро, хотя и болѣе одинаковы по содержанію и по входящимъ въ нихъ отдѣламъ; но въ однихъ цифры и таблицы подробнѣе, въ другихъ короче, въ однихъ больше комментаріевъ къ цифрамъ, въ другихъ мало. Цифры больше приводятся безъ обработки и безъ оговорокъ, на вѣру: доставляютъ ихъ главнымъ образомъ волостныя правленія и разныя отдѣльныя вѣдомства; хотя другихъ цифръ взять негдѣ, но можно-бы освѣщать ихъ лучше, добавлять данныя земскихъ и другихъ мѣстныхъ изслѣдованій, гдѣ таковыя имѣются. Мало того—даже обязательныя таблицы и цифры приводятся въ разныхъ видахъ: такъ одни обзоры даютъ число жителей губерніи и движеніе населенія, другіе—одно движеніе безъ числа: въ однихъ помѣщаются свѣдѣнія о числѣ ремесленниковъ, торговыхъ предпріятій, о движеніи товаровъ по ж. д. и воднымъ путямъ, въ другихъ этого нѣтъ. Нѣкоторый порядокъ въ составленіе отчетовъ и обзоровъ будетъ внесенъ недавно опубликованной, Высочайше утвержденной, программою, согласно которой въ каждомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи губерніи должно быть изъяснено въ краткомъ и связномъ очеркѣ, безъ излишнихъ цифровыхъ данныхъ и подробностей, чѣмъ именно отразился (благопріятно или неблагопріятно) отчетный годъ на различныхъ сторонахъ матеріальной, умственной и нравственной жизни губерніи, какъ-то: на народномъ здравіи, народномъ продовольствіи, хозяйствѣ или вообще экономической дѣятельности населенія, поступленіи сборовъ и исполненіи повинностей, народномъ

образованія и нравственности, на общественномъ благоустройствѣ губерніи и т. п., въ зависимости отъ естественныхъ причинъ, отъ принятыхъ правительствомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, а также отъ результатовъ и направленія дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій. Въ отчетахъ по губерніямъ пограничнымъ и приморскимъ можетъ быть упомянуто о важнѣйшихъ явленіяхъ въ заграничныхъ сношеніяхъ какъ мѣстнаго населенія, такъ и администраціи, и въ частности о замѣченныхъ въ губерніи послѣдствіяхъ новыхъ международныхъ соглашеній, по части торговли, полиціи и вопросовъ о государственной границѣ.

Независимо отъ сего, начальнику губерніи предоставляется указывать въ отчетѣ на важнѣйшія за отчетный годъ явленія мѣстной жизни, на факты выдающейся благотворительности или самоотверженной человѣколюбивой дѣятельности мѣстныхъ жителей и на т. п. данныя, «достойныя, по общественному ихъ значенію Высочайшаго вниманія». Кромѣ того, въ отчетѣ надлежитъ изъяснить важнѣйшія нужды и потребности мѣстнаго населенія и органовъ управленія и главнѣйшія мѣры, принятіе коихъ, по мнѣнію начальника губерніи, могло-бы способствовать удовлетворенію означенныхъ потребностей. При изложеніи соображеній по симъ предметамъ должно быть указано, были-ли сдѣланы по онымъ представленія въ подлежащія вѣдомства, а если не сдѣланы, то какія приняты мѣры къ разработкѣ вопроса на мѣстѣ, для представленія таковаго впослѣдствіи на разрѣшеніе высшаго правительства. Въ приложеніи должны быть помѣщены подробно и обстоятельно разработанныя статистическія данныя, служащія подтвержденіемъ тѣхъ изложенныхъ въ отчетѣ выводовъ и предположеній начальника губерніи, которыя, по его мнѣнію, «заслуживаютъ Монаршаго вниманія». Въ связи съ этимъ надо однако пожелать, чтобы были лучше поставлены губернскіе статистическіе комитеты, о реорганизаціи которыхъ идетъ рѣчь уже 25 лѣтъ; они должны обладать средствами для провѣрки данныхъ на мѣстѣ и для производства, въ случаяхъ надобности, отдѣльныхъ экономическо-статистическихъ изслѣдованій.

Почти 40 лѣтъ, т. е. со времени послѣдней ревизіи, мы не знали въ точности количества подданныхъ въ государствѣ россійскомъ; ихъ какъ песчинки на днѣ моря все не рѣшались сосчитать: оффиціально считали 110 милліоновъ, потомъ 120, а по переписи могло оказаться совсѣмъ не то. При неточности народосчисленія многія мѣры были гадательными, многіе выводы строились, какъ говорится, на пескѣ. Всѣ съ интересомъ ожидали, что покажетъ всеобщая перепись 1897 года. Если народу окажется меньше, то разные отрицательные факторы въ родѣ задолженности, недоимочности, смертности, преступности и т. п., при разсчетѣ ихъ на единицу населенія, окажутся болѣе мрачными и пессимистичными; наоборотъ, при большемъ населеніи все это не такъ страшно

и мы окажемся болѣе благополучными россіянами, чѣмъ думали о себѣ до сихъ поръ. За то при большемъ населеніи положительныя явленія какъ напр. грамотность, обороты торговли и промышленности, число экземпляровъ изданій etc. представлялись-бы менѣе отрадными. Когда началась перепись — многіе ожидали, что населеніе окажется въ 140, даже въ 150 милліоновъ, но по предварительному подсчету оказалось всего 129 милл., т. е. недалеко отъ цифры, принимавшейся оффиціально. Послѣднія, менѣе неточныя, данныя по этому вопросу были за 1885 годъ, съ тѣхъ поръ, т. е. за 12 лѣтъ населеніе увеличилось на 19.3%, т. е. приблизительный ежегодный приростъ былъ по 1½%, въ той нормѣ, какую считали и прежде. Населеніе возросло болѣе чѣмъ на 30% въ южныхъ губерніяхъ: Волынской, Екатеринославской, въ обл. Донской, въ губ. Херсонской и Таврической, въ Кубанской и Карской обл., въ Эриванской губ., въ степныхъ и Томской губ. (отъ переселеній). Населеніе почти не увеличилось въ губерніяхъ Воронежской, Калужской, Курляндской, Симбирской, Тульской. Болѣе 3 милл. жителей оказалось только въ 4 губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Вятской и Пермской. Болѣе 60 жит. на квадр. версту, или болѣе 3,000 жит. на квадр. милю, въ губерніяхъ Кіевской, Московской, Подольской, Полтавской; менѣе 5 челов. на квадр. версту—въ Архангельской, Астраханской, Вологодской и Олонецкой. Разработка данныхъ по признакамъ продолжится болѣе года, и будетъ очень интересно узнать распредѣленіе по возрастному составу, по національностямъ, занятіямъ и т. п.

КРИТИКА.

Г. Ф. Шершеневичъ (проф. Казанск. унив.). «О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней». Казань. 1897. 33 стр., ц. 30 к.

Авторъ вышеназванной брошюры относится отрицательно къ существующему порядку соисканія ученыхъ степеней, и конечно онъ совершенно правъ. Полемика, поднятая по поводу недавняго диспута г. Чичулина, съ совершенной очевидностью доказала всю несостоятельность существующаго порядка. Для устраненія этого нежелательнаго явленія, проф. Шершеневичъ предлагаетъ новый проектъ реорганизаціи порядка пріобрѣтенія ученыхъ степеней, а именно: онъ предлагаетъ какому-либо центральному учрежденію—Министерству Народнаго Просвѣщенія или Академіи Наукъ—взять на себя роль посредника въ этомъ дѣлѣ и представлять уже отъ себя диссертацію на разсмотрѣніе не одного, а всѣхъ русскихъ университетовъ. Если большинство профессоровъ-спеціалистовъ дастъ благопріятный отзывъ о диссертаціи и соотвѣтствующіе факультеты съ этими отзывами согласятся, то аспирантъ получаетъ искомую ученую степень. Всѣ отзывы должны быть напечатаны въ какомъ нибудь оффиціальномъ органѣ. Этой системой достигается по мнѣнію автора много преимуществъ. Оцѣнка диссертацій будетъ болѣе равномѣрной; гласность явится болѣе обезпеченной; личныя отношенія потеряютъ свое значеніе и, наконецъ, расходы аспиранта станутъ меньше, такъ какъ съ него потребуется меньшее (?) количество экземпляровъ и, кромѣ того, послѣ счастливаго исхода диспута ему не надо будетъ угощать (!) факультета обѣдомъ или ужиномъ (ст. 31). Надо признать, что реформа, предлагаемая авторомъ, не лишена основаній, но конечно только при томъ предположеніи, что дѣйствующій способъ назначенія профессоровъ по усмотрѣнію министерства долженъ остаться въ силѣ.

Дѣйствительно, въ настоящее время научное достоинство избираемаго министерствомъ кандидата на профессорскую каѳедру гарантируется исключительно ученою степенью кандидата. Чѣмъ будутъ строже требованія, предъявляемыя къ диссертаціи—тѣмъ серьезнѣе будетъ эта гаран-

тія. почему и желательно *въ настоящее время* не только сохраненіе традиціоннаго соисканія научныхъ степеней, но и усиленія строгости оцѣнки диссертаціи. Но если признать систему назначенія профессоровъ министерствомъ—нецѣлесообразной, то весь проектъ проф. Шершеневича рушится самъ собою. При выборной системѣ назначенія—центръ тяжести вопроса долженъ быть перенесенъ главнымъ образомъ на разсмотрѣніе различныхъ способовъ гарантій правильнаго примѣненія системы выборной, потому-что существованіе ученыхъ степеней вовсе не является чѣмъ-то необходимымъ при системѣ выборной. Важны ученые *труды*, а не *степени*.

Проф. Шершеневичъ говоритъ, что: «если-бы система назначенія профессоровъ министерствомъ замѣнилась бы системою выборною, то все же ограниченное число ученыхъ заставило-бы факультеты вручать кафедры лицамъ, ничѣмъ себя не зарекомендовавшимъ» (стр. 32).

Если это утвержденіе вѣрно, то изъ него можно вывести только то заключеніе, что вся наша университетская жизнь требуетъ серьезныхъ реформъ; что надо, наконецъ, внимательно заняться вопросомъ о томъ, какія же условія создаютъ то неблагопріятное положеніе для развитія науки въ Россіи, которое всѣми замѣчается, и какія необходимо принять мѣры для подъема нашей науки, и для повышенія научнаго уровня университетскихъ преподавателей?

Этого, конечно, нельзя достигнуть измѣненіемъ порядка соисканія научныхъ степеней. Такая реформа, прикрывая нѣкоторые недостатки нашей университетской жизни, не можетъ обновить ея. Для этого надо нѣчто болѣе серьезное.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что брошюра проф. Шершеневича написана въ томъ искреннемъ и приличномъ тонѣ, который такъ желателенъ при обсужденіи подобныхъ вопросовъ.

Ф.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА И КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Станюковичъ, К. М. **Среди моряковъ.** Разсказы (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія»). М. 1897. Ц. 60 к.

Г. Станюковичъ, бывшій морякъ, прекрасно знающій бытъ и жизнь моряковъ, обильно черпаетъ изъ этого малоразработаннаго источника матеріалы для своихъ довольно недурныхъ этюдовъ. Чуждый тенденціозности, онъ въ яркихъ краскахъ фотографируетъ будничную жизнь моряковъ, полную всякихъ случайныхъ ужасовъ. Всѣ его Максимки, Лучкины, Акимы, Коноплевы не деревянныя фигурки, передвигаемыя по желанію автора въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, это люди живые. Читая тотъ или другой очеркъ о этихъ неуклюжихъ, неспособныхъ людяхъ, носящихъ нерѣдко подъ невозможно грубою оболочкою нѣжнѣйшее сердце, живешь съ ними, радуешься ихъ радостями, скорбишь объ ихъ скорбяхъ. Благодаря своей безыскусственной простотѣ, легкости языка, разсказы г. Станюковича съ удовольствіемъ прочтутся маленькими читателями, заставятъ ихъ надъ многимъ задуматься, во многомъ разобраться и мы съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту прекрасную дѣтскую книжку, чуждую всякихъ прописныхъ моралей, которыми такъ привыкли пичкать подростающее поколѣніе.

Тютчевъ, Ѳ. Ѳ. **Герои долга.** Разсказъ изъ быта на границѣ. М. Изд. *Жиркова.* 1896. Ц. 5 коп.

Семеновъ, С. Т. **Дичокъ.** Разсказъ. М. 1897. Ц. 3 к.

Г-да Тютчевъ и Семеновъ въ области народной литературы выступаютъ уже не первый разъ. У каждаго есть тѣ или другія достоинства, тѣ или другіе недостатки, какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и манерѣ изложенія. Тютчевъ, въ большинствѣ случаевъ, выбираетъ сюжеты изъ военной жизни и расписываетъ блѣдными красками райское житье-бытье христолюбиваго воинства предлагая прописныя моральныя наставленія о военной доблести, долгѣ службы, о повиновеніи начальству и, наконецъ, даже о великомъ значеніи слова «солдатъ». Таковы его «Герои долга».

Г. Семеновъ, представляющій изъ себя недурнаго подражателя Л. Н. Толстому, напротивъ, старается внушить читателю представленія о прелести деревенской жизни, о вредѣ городовъ; скорбитъ о поголовномъ пьянствѣ и развратѣ, семейныхъ раздѣлахъ, нарушающихъ патріархальный складъ семейной жизни,—однимъ словомъ, чуть-ли не о вредѣ всей современной крестьянской жизни, переживающей какое-то, для него непонятное, рахитическое состояніе. Г. Семеновъ ни разу не пытается заглянуть глубже въ общественныя противорѣчія, созданныя условіями современнаго народнаго хозяйства, при которомъ совершенно немыслимо хозяйство натуральное, т.-е. именно тотъ устой, на которомъ, до поры до времени, покоились всѣ призрачные патріархальные нравы, обычаи, какъ нѣчто самобытное, освященное цѣлымъ рядомъ вѣковъ. Тенденціозно набрасывая картинку за картинкой ненормальныхъ условій современной крестьянской жизни, авторъ, конечно, вынужденъ скорбѣть о старомъ добромъ времени. Разсказъ «Дичокъ» написанъ нѣсколько въ иномъ характерѣ. Въ немъ авторъ временно сбрасываетъ съ себя свою тенденціозность и разсказываетъ, правда довольно искусственно, біографію смышленой лошади, ушедшей отъ конокрадовъ подъ кровъ своего хозяина.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Эдуардъ Чаннингъ. **Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.** Переводъ А. Каменскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Русская переводная литература очень бѣдна сочиненіями по исторіи Соединенныхъ Штатовъ, если не считать книги Лабулэ, въ настоящее время значительно устарѣвшей, и книги Брайса, «Американская Республика». Книга Эдуарда Чаннинга съ выгодой заполняетъ этотъ пробѣлъ. Она въ настоящее время считается лучшимъ, хотя и краткимъ руководствомъ по исторіи Америки. Написанная сухо, сжато, она тѣмъ не менѣе превосходно и вполнѣ ярко резюмируетъ событія, благодаря которымъ, въ концѣ прошлаго вѣка, возникло новое, огромное государство на американскомъ материкѣ. Цѣль этой книги, — какъ замѣчаетъ и самъ авторъ (профессоръ Гарвардскаго университета въ Америкѣ), показать, шагъ за шагомъ, какъ изъ такого разнохарактернаго и мало обѣщавшаго матеріала, подобнаго англо-американскимъ колоніямъ 1766 г., создался американскій народъ, съ его особеннымъ типомъ федеративнаго устройства. Авторъ обращалъ въ ней меньшее вниманіе на войны и сраженія, чѣмъ обыкновенно водится въ сочиненіяхъ этого рода,—выигранное такимъ образомъ мѣсто посвящено выясненію коренныхъ причинъ, вызвавшихъ американскую революцію, и подробному описанію періода, слѣдовавшаго за революціонною войной, до избранія президента Мадисона. Она начинается съ изданія парламентскаго закона о гербовыхъ пошлинахъ, изъ-за котораго послѣдовало отдѣленіе отъ Англіи ея американскихъ колоній, и кончается междоусобною войной за сохраненіе союза (1861—65 гг.) и освобожденіемъ невольниковъ, обнимая, такимъ образомъ, столѣтіе, въ продолженіе котораго постепенно слагалась американская республика, вышедшая торжествующей изъ кровавой междоусобной борьбы шестидесятыхъ годовъ, поглотившей до милліона человѣческихъ жизней и упрочившей ея единство.

Большое затрудненіе, по временамъ трудно устранимое, представляетъ для американца и для англичанина вопросъ объ образованіи Соединенныхъ Штатовъ,—вопросъ, къ которому невольно примѣшивается патріотическое чувство. Однако, хотя авторъ, въ своемъ предисловіи и говоритъ, что «для американца иногда бываетъ невозможна правильная оцѣнка побужденій, руководившихъ дѣйствіями его заморскихъ родичей»,—тѣмъ не менѣе, его книга отличается большимъ политическимъ безпристрастіемъ. Въ особенности это замѣтно въ главѣ, трактующей о причинахъ, которыя повели къ отдѣленію отъ Англіи ея американскихъ колоній, во время управленія лорда Норта. Не смотря на популярное изложеніе, разсчитанное на большой кругъ читателей, книга Чаннинга отличается тѣмъ не менѣе строго научнымъ характеромъ. Въ концѣ книги приложены важнѣйшіе государственные акты: между ними особенное вниманіе обращаетъ на себя знаменитая Декларація Независимости, появляющаяся на русскомъ языкѣ, какъ кажется, въ первый разъ. Важное мѣсто занимаетъ тутъ и библіографическій указатель съ примѣчаніями автора; этотъ указатель, по своей полнотѣ, не заставляетъ желать ничего лучшаго и можетъ принести серьезную пользу не только читателю, желающему обстоятельно изучить исторію Америки, но и серьезному изслѣдователю предмета. Очень существеннымъ прибавленіемъ является и указатель русскихъ книгъ по этому предмету, составленный очень добросовѣстно и съ возможной полнотой переводчикомъ, причемъ не мѣшаетъ замѣтить, что переводъ сдѣланъ тщательно и хорошо.

Быкова. А. **Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты.** Съ семью рисунками въ текстѣ и съ географической картой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. М. 1896 г. 201 стр. Ц. 50 коп. (Изд. А. М. Муриновой, № 21).

Шейбахъ, А. **Государственный строй Сѣверо - Американскихъ Штатовъ.** (№ 5. Международная библіотека). 3-е изд. Спб. 1896. 44 стр. Ц. 15 к.

Цейсъ Э. (профессоръ въ Готѣ). **Государственный строй Швейцарскаго Союза.** Одесса. 1897. 58 стр. Ц. 25 коп. (Новая библіотека № 1).

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ данныя книжки, посвященныя изученію разныхъ сторонъ общественной жизни Америки и Швейцаріи, государственнаго механизма ихъ во всѣхъ его детальныхъ отправленіяхъ. Слова нѣтъ, и отъ нихъ можно было бы требовать гораздо большаго, но, помятуя, что на «безлюдьи и Ѳома дворянинъ», пока удовлетворяемся и этими, тѣмъ болѣе, что всѣ выписанныя книжки не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ и, въ особенности, первая изъ нихъ, которая достаточно полно захватываетъ почти всѣ стороны жизни предпріимчивыхъ янки. Нѣтъ ни одного крупнаго явленія, на которомъ бы ни остановилъ своего вниманія авторъ, всюду проникаетъ его проницательный глазъ и выискиваетъ соотвѣтствующіе матеріалы.

Знакомя въ первыхъ трехъ и шестой главахъ читателя съ исторіей колонизаціи штатовъ, авторъ подробно останавливается на бытѣ и правахъ краснокожихъ аборигеновъ, отношеніи къ нимъ пришлыхъ бѣлыхъ «варваровъ» и, наконецъ, о причинахъ вымиранія первыхъ. Авторъ дѣлаетъ также характеристику южныхъ и сѣверныхъ поселеній, ихъ рѣзкое различіе другъ отъ друга, о причинахъ и условіяхъ такого явленія. Колоніи всегда рисуются въ глазахъ ихъ метрополій какимъ-то неисчерпаемымъ золотымъ сундукомъ, откуда можно черпать во всякое время и сколько угодно. Такъ смотрѣла и Ан-

глія на американскія колоніи, пока, наконецъ, не лопнуло терпѣніе миролюбивыхъ янки и не разразилась война за независимость, окончившаяся полною побѣдою послѣднихъ. Колоніи объявлены независимыми. Штаты слились на основаніи общей конституціи (излагаемой въ кратцѣ въ IV главѣ книжки и болѣе подробно у Шенбаха, воедино). Американская конституція довольно своеобразна. Подобной ей нѣтъ ни въ одной странѣ, кромѣ Швейцаріи (подробный текстъ конституціи которой прилагается у Цейса) и «американцы гордятся ею и приписываютъ ей быстрое развитіе страны». Излагая конституцію и связанное съ нею самоуправленіе, авторъ не умалчиваетъ о некрасивыхъ сторонахъ практическаго ея приложенія каковы злоупотребленія при выборахъ, небезпристрастный судъ, «мирволящій богатымъ и сильнымъ людямъ въ ущербъ бѣдняку» и т. п. И всетаки, несмотря на это, С.-А. Штаты — это «неразрушимый союзъ неразрушимыхъ штатовъ». Вся V-ая глава посвящена знакомству съ географіей флоры и фауны страны. Наконецъ гл. VII, VIII, IX и отчасти XII подробно знакомитъ съ производительными силами страны, ея прогрессирующей промышленностью, какъ въ области добыванія, такъ и обработки. Когдато Америка была исключительно земледѣльческой страной; «во время образованія колоній земля не имѣла никакой цѣны, такъ-какъ она никому (будто-бы?) не принадлежала. Всякій могъ брать столько, сколько хотѣлъ и сколько въ силахъ былъ обработать». Труденъ и тернистъ путь, по которому шли поселенцы къ матеріальному благополучію. Съ проведеніемъ въ 1817 г. первой желѣзной дороги, откуда начинается эра американскаго капитализма, заселеніе шло успѣшнѣе. «Не надо было пускаться въ опасный путь въ одиночествѣ; заселенцы шли цѣлыми партіями». „Дальній Западъ“ съ годами уходитъ все дальше и дальше, уступая труду человѣка. Паръ, машина и электричество совершили страшный переворотъ въ судьбахъ человѣчества. «Маленькія хозяйства становятся бездоходными. На мелкихъ фермеровъ надвинулась гроза въ лицѣ капитала и крупныхъ хозяйствъ». Какъ слѣдствіе ихъ гибели явилось возрастаніе количества продуктовъ и Штаты, мало-по-малу завоевываютъ себѣ первое мѣсто на міровомъ рынкѣ. Такъ въ 1889 г. общее производство маиса составило $^3/_4$ жатвы всего міра. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію обрабатывающей промышленности Штатовъ, ея успѣховъ и значенія въ всеміриомъ обмѣнѣ, авторъ, касаясь нѣсколько быта рабочаго класса, слишкомъ увлекается и идеализируетъ его положеніе; такъ, напр., на стр. 136—138, цитируя чье-то описаніе прогулки по пульманскимъ вагоннымъ мастерскимъ, авторъ, восторгаясь благообразіемъ, чистотою, порядкомъ и величаною заработной платы, совсѣмъ упустилъ изъ виду тѣ грандіозныя забастовки именно пульманскихъ рабочихъ, бойкотировку, направленную противъ употребленія пульманскихъ вагоновъ. Думается, что это «печальное явленіе» не есть что-то наносное, въ видѣ происковъ «злонамѣренныхъ личностей», которыя въ силу какихъ-то имъ только извѣстныхъ цѣлей подстрекаютъ къ безпорядкамъ «нерадивыхъ и неблагодарныхъ» рабовъ капитала. Что-нибудь тутъ да не такъ! Затѣмъ еще нѣсколько словъ по поводу источниковъ. Насколько намъ удалось замѣтить, авторъ сильно утилизировалъ статьи г. Тверского: «Десять лѣтъ въ Америкѣ, печатавшіяся въ «В.-Европы» года 3—4 тому назадъ, отличающіяся слишкомъ узкою тенденціозностью и восхваленіемъ буржуазныхъ принциповъ. Остальныя главы посвящены духовнымъ сторонамъ жизни этого обѣтованнаго уголка, куда жадно устремлены глаза всего стараго свѣта. Изложеніе книжки не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Что касается остальныхъ двухъ брошюръ, то, какъ мы уже указали выше, обѣ онѣ знакомятъ читателя съ государственнымъ строемъ той и другой страны. Книжка Шенбаха разрабатываетъ въ болѣе подробныхъ размѣрахъ тотъ-же матеріалъ, которому въ книжкѣ Быковой посвящена IV глава и служитъ прекраснымъ къ ней дополненіемъ.

Брошюра проф. Цейса нѣсколько скучновата и мы прямо затрудняемся опредѣлить, для кого она предназначается. Для спеціалистовъ, которые знакомы съ швейцарскимъ государственнымъ строемъ, она совершенно излишня, а для того типа читателя, который подходитъ подъ понятіе «широкаго», она страдаетъ большими недостатками. Предлагать читателю буквальную перепечатку канцелярскаго текста закона не значитъ ознакомить съ нимъ и если бы не было жиденькаго введеньица въ 22 стр., гдѣ разсматривается исторія Швейцарской конституціи, мы прямо недоумѣвали-бы, тщетно допытываясь тѣхъ мотивовъ, которые руководили переводчикомъ данной книжечки. Издана она небрежно. На каждой страницѣ цѣлыя кучи опечатокъ, подчасъ даже и очень непростительныхъ.

Штальбергъ. **Гуманность въ исторіи человѣчества.** Переводъ Н. Леонтьевой. Спб. 1897 г.

Книга Штальберга имѣетъ назидательный характеръ и трактуетъ весьма подробно о «гуманности»; однако, довольно трудно опредѣлить ея содержаніе. Зависитъ это отъ того, что авторъ придаетъ слову «гуманность» слишкомъ широкое и недостаточно опредѣленное значеніе. Онъ ссылается на слова Ранке: «За всеобщей исторіей я признаю ея собственный принципъ, всеобщій принципъ жизни человѣчества, свя-

зующій націи и господствующій надъ ними. Это принципъ возникновенія, поддержанія и распространенія культуры. Въ понятіе о культурѣ входитъ религія и государственная жизнь, свободное и согласное съ извѣстнымъ идеаломъ развитія всѣхъ народныхъ силъ... Однимъ словомъ, подъ культурой мы понимаемъ все то, что облагораживаетъ и украшаетъ человѣческую личность. Всеобщая исторія есть исторія непрерывной борьбы за высшія блага человѣчества». Въ этомъ опредѣленіи (довольно впрочемъ спорномъ и ненаучномъ) исторіи Штальбергъ замѣняетъ слово «культура» словомъ «гуманность» и, такимъ образомъ, выходитъ, что всеобщая исторія есть исторія гуманности.—выводъ довольно странный. Не будемъ, впрочемъ, останавливаться на странности и явной ошибочности такого опредѣленія, замѣтимъ только, что для Штальберга всеобщая исторія превращается въ исторію гуманности, причемъ подъ этимъ словомъ онъ понимаетъ весь обширный матеріалъ всей исторіи,—не только государственную жизнь и политическія и соціальныя учрежденія, а религію, философію, литературу, искусство, науку, вплоть до такихъ вопросовъ, какъ современный соціализмъ и феминизмъ. И въ дѣйствительности, авторъ такъ и поступаетъ: онъ даетъ намъ въ своей книжкѣ цѣлый рядъ краткихъ культурно-историческихъ очерковъ, хотя и не претендующихъ на роль связной исторіи культуры, но тѣмъ не менѣе дающихъ въ очень краткомъ и отрывочномъ изложеніи исторію всего человѣчества и при томъ въ хронологическомъ характерѣ. Въ своей книжкѣ, имѣющей всего 294 страницы, онъ говоритъ сначала о древности, потомъ переходитъ къ среднимъ вѣкамъ и кончаетъ новымъ временемъ. Заканчиваетъ онъ свою исторію собственно современностью, причемъ распространяется безъ всякой системы и порядка о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, такъ или иначе касающихся нашего времени: тутъ мы встрѣчаемся съ устройствомъ конституціоннаго государства, съ воинской повинностью, съ колоніальными вопросами, съ соціализмомъ, съ рабочимъ и женскимъ вопросами, съ народнымъ образованіемъ, съ успѣхами естественныхъ наукъ, съ Гегелемъ, матеріализмомъ, пессимизмомъ, идеализмомъ, съ архитектурой, музыкой, поэзіей, съ состояніемъ христіанской церкви и, наконецъ, съ внутреннимъ движеніемъ германскаго протестантизма. И все это въ небольшой книжкѣ, не превышающей самыхъ обыкновенныхъ размѣровъ! При этихъ условіяхъ, разумѣется, невозможно ожидать, что сочиненіе Штальберга можетъ быть хоть сколько-нибудь содержательнымъ чтеніемъ, что оно можетъ дать хоть какой-нибудь цѣнный матеріалъ для размышленія. Необходимо къ тому-же прибавить, что авторъ не блещетъ оригинальностью мысли, что онъ придерживается шаблонныхъ взглядовъ и что онъ является самымъ обыкновеннымъ представителемъ господствующихъ въ современной Германіи идей.

Симондъ де-Сисмонди Ж. **Новыя начала политической экономіи.** Пер. Б. О. Эфрусп (Библіотека экономистовъ, в. VIII). М. 1897. Ц. 1 р.

О «самобытности» народническаго міровоззрѣнія, экономическихъ идеалахъ г.г. народниковъ, думается намъ, наслышались всюду. Ярые представители этой школы вопили объ этомъ на всѣхъ торжищахъ, перекресткахъ, однимъ словомъ всюду, гдѣ только могъ представиться для этого удобный случай. Ничуть не умаляя историческаго значенія народничества въ развитіи экономической мысли, признавая, напротивъ, за нимъ извѣстныя права гражданства въ отжившихъ и отживающихъ свой вѣкъ различныхъ буржуазныхъ утопическихъ мечтаніяхъ о будущемъ «универсальномъ государствѣ» до огорода передъ домомъ включительно, мы считаемъ долгомъ отмѣтить, что мелкобуржуазная «самобытность» ихъ воззрѣній заимствована изъ различныхъ экономическихъ трактатовъ, сданныхъ въ архивъ ненавистнымъ ихъ сердцу Западомъ. Не будемъ здѣсь, считая это совершенно излишнимъ, распространяться о томъ, какимъ образомъ Россія переживаетъ (можетъ быть *самобытно*) почти всѣ тѣ-же стадіи хозяйственнаго развитія, которыя названы однимъ изъ ревностныхъ учениковъ Ф. Листа «медленнымъ томительнымъ процессомъ освобожденія отъ стародавней рутины». На Западѣ тоже, какъ оказывается, было и народничество и г-да народники,—быть можетъ подъ другими вывѣсками, но не все-ли равно, подъ какою вывѣскою торговать реакціонными реформами.

Однимъ изъ представителей чужеземнаго народничества считается и Сисмонди. Живи онъ въ наши дни, а не во времена великой французской революціи, и мы видѣли-бы умилительную картину, — какъ онъ братался-бы съ нашими народниками твердо и стойко отстаивалъ «дорогіе ихъ сердцу полумѣры, «съ цѣлью смягчить (?) вредныя стороны» нарождающейся у насъ промышленной системы, скорбѣлъ съ ними о «бѣломъ негрѣ», какъ картинно выражается самъ Сисмонди въ своихъ «Началахъ», предлагалъ-бы несбыточныя реформы, столь-же реакціонныя, какъ реакціонно и все народническое или выражаясь не «самобытно», *мелко-буржуазное направленіе*. Надо отдать, однако, справедливость Сисмонди за то, что въ его «Началахъ», не смотря на все его *реакціонное* міросозерцаніе, чувствуется такое глубокое пониманіе существующихъ общественныхъ отношеній при данныхъ формахъ производства, такое ясное пониманіе общественныхъ противорѣчій, того, что

«колесо исторіи *никогда* нельзя повернуть въ обратную сторону»,—что мы смѣло можемъ рекомендовать «ясность» его работъ нашимъ туманнымъ. тенденціозно замазывающимъ дѣйствительный смыслъ нашего народнаго хозяйства экономистамъ.

Что касается идеаловъ, то Сисмонди нисколько не задаваясь мыслью о коренномъ переустройствѣ существующихъ ненормальныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, вѣрятъ, что «многочисленный классъ собственниковъ-крестьянъ служитъ лучшею гарантіею (?) для сохраненія установленнаго порядка, а потому и предлагаетъ въ главѣ «о патріархальной системѣ обработки земли» рядъ реформъ къ развитію мелкой земельной собственности, увѣряя, какъ истый экономистъ-младенецъ, что патріархальная система обработки земли улучшаетъ нравы и характеръ націи, такъ какъ собственность пріучаетъ къ порядку и бережливости; постоянное изобиліе уничтожаетъ наклонность къ обжорству и пьянству и т. п. (стр. 77). Неправда-ли, какъ все мило и просто разрѣшается.—стоитъ надѣлить всѣхъ поголовно собственностью и да здравствуетъ порядокъ, бережливость и проч.

Насъ прямо удивляетъ, какъ могъ авторъ при всемъ своемъ «ясномъ пониманіи» развитія историческаго процесса отстаивать такія «реформы». Но любопытнѣе всего то, что авторъ признаетъ за капиталомъ какія-то «*справедливыя претензіи*» на доходъ (стр. 57), т.-е. именно на ту часть труда, которая въ наукѣ называется прибавочнымъ трудомъ. Все это, конечно, мало вяжется съ его заботами о меньшемъ братѣ. Подобно приведеннымъ нелѣпостямъ, встрѣчаются у него, почти на протяженіи всей книги, массы другихъ — въ особенности въ VI книгѣ о налогахъ, гдѣ авторъ предлагаетъ реформы податного обложенія, настолько несоотвѣтствующія его попеченіямъ о массахъ, что приходится разводить руками, при мысли о томъ, какъ только авторъ рѣшился предлагать подобныя мѣропріятія? Вообще довольно страннымъ является, что при всемъ поразительномъ пониманіи существующихъ общественныхъ отношеній у Сисмонди чувствуется непостижимое упрямство въ проведеніи какихъ то несбыточныхъ, да и неприложимыхъ къ дѣйствительной жизни химерныхъ реформъ. Въ этомъ Сисмонди, пожалуй, поспорничаетъ и съ нашими народниками.

Водовозовъ Н. **Экономическіе этюды.** Съ портр. автора. М. 1897 г.

Въ лицѣ Н. Водовозова наша экономическая наука лишилась одного изъ наиболѣе выдающихся молодыхъ ученыхъ. Написано имъ очень немного, но за то—все, что только вышло изъ подъ его пера, дышетъ ясностью и мастерскимъ изложеніемъ. Къ сожалѣнію, большинство изъ его работъ печатались въ такихъ малораспространенныхъ изданіяхъ, какъ «Журналъ Юридическаго О-ва (ст. Католическая школа въ политической «экономіи»), «Юридическій Вѣстникъ». «Сборникъ Правовѣдѣнія» и т. п., а потому для широкаго читателя совершенно не знакомы. По своимъ убѣжденіямъ, авторъ принадлежитъ къ школѣ экономическихъ матеріалистовъ, почему и всякій вопросъ, который только останавливалъ его вниманіе, онъ изучаетъ исключительно съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. Не вдаваясь въ критическій анализъ вѣрности такого методологическаго пріема изученія тѣхъ или другихъ соціальныхъ вопросовъ, скажемъ, что авторъ совершенно свободенъ отъ предвзятыхъ пріемовъ научной критики, которыми такъ отличаются наши доморощенными «объективисты». Читая его этюды, читатель нимало не вынужденъ напрягать свой умъ, чтобы разобраться въ томъ или другомъ положеніи. Каждое слово, каждая фраза, каждая мысль глубоко продуманы и формулированы ясно и точно. Въ названномъ сборникѣ помѣщены только четыре этюда, первое мѣсто изъ коихъ, конечно, принадлежитъ очерку «Рабочее движеніе въ Бельгіи», рисующему яркую картину жизни этого маленькаго уголка Стараго Свѣта, тѣмъ болѣе интересную, что авторъ самъ довольно долго жилъ въ Бельгіи и потому могъ лично убѣдиться, насколько развита политическая жизнь страны и какое мѣсто отведено участію рабочихъ въ правленіи.

Семеновъ С. **Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ.** М. 1896 г. 31 стр. Ц. 1 к.

Годъ тому назадъ натолкнулись мы случайно на небольшую статейку въ сборникѣ, предназначавшемся, повидимому, для «народа», написанную на томъ слащаво-народническомъ діалектѣ, отъ котораго «душу воротитъ». Въ статейкѣ пресерьезно доказывалось, что «вашъ *мужичекъ* долженъ быть доволенъ *малымъ* и не роптать на свою судьбину». При чтеніи выписанной выше брошюрки, насъ поразили нѣкоторыя аналогичныя разсужденія, напр. о нерадивости, упорной лѣности, халатности и малой вѣры въ собственное хозяйство нашего крестьянина. Авторъ разрѣшаетъ съ плеча проклятый вопросъ объ улучшеніи народнаго быта, увѣряя, что крестьянинъ можетъ кормиться *на какомъ угодно надѣлѣ*. «Конечно, скромно прибавляетъ онъ, роскошествовать, живя на землѣ, не придется, да это и не нужно; прежде всего нужна *сытость*. А сытость, по его словамъ, можно выжать изъ какого угодно количества земли по качеству и количеству; стоитъ только лишь захотѣть, земля тотчасъ-же и родить будетъ лучше, да и трудъ вознаграждался-бы не такъ какъ теперь. А для всего этого необходимо «отбросить помыслы о другой сторонѣ (а больше всего забыть о существованіи го-

родовъ), о перемѣнѣ насиженнаго мѣста и положенія, всею душою привязаться къ своему, которымъ владѣешь, и приняться за обработку его. Разрѣшая съ такой легкостью самый жгучій вопросъ народнаго хозяйства, авторъ, конечно, долженъ былъ, волею-неволею, освѣтить свои положенія нѣкоторыми (насколько позволяетъ, разумѣется, объемъ брошюры) конкретными данными, касающимися практическаго приложенія его мѣропріятій. И вотъ результатомъ его «научнаго» изслѣдованія—явилось, если можно такъ выразиться, «ода къ самому себѣ». Авторъ очевидно забылъ, что «ужъ сколько разъ твердили міру» гг. народники всѣхъ оттѣнковъ и направленій о тѣхъ или другихъ сторонахъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе повергающагося въ рахитизмъ крестьянскаго хозяйства, тщетно взывая къ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, объ упорядоченіи «ненормальныхъ» отношеній нашей «самобытной» экономической дѣйствительности. Дѣло не въ томъ, какъ должно-бы было поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ наше крестьянство, а въ тѣхъ *соціальныхъ условіяхъ*, при которыхъ имъ приходится влачить свое нищенское прозябаніе и питаться подачками.

Шиппель, М. **Денежное обращеніе и его общественное значеніе.** Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предислов. П. Струве. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Навѣрно всѣ помнятъ, съ какимъ интересомъ общество прислушивалось недавно къ толкамъ и слухамъ о предстоявшей денежной реформѣ. Деньги оказались обладающими какими-то таинственными свойствами, познаніе и понимавіе которыхъ совершенно не было по плечу обыкновенному смертному, застигнутому почти что въ расплохъ. Выплыли на свѣтъ божій самыя несбыточныя теоріи денежнаго обращенія, не только не способствовавшія точному пониманію предстоявшей реформы, но даже вносившія сумбуръ и путаницу въ головы неподготовленныхъ обывателей. Переводъ брошюры Шиппеля, благодаря своему ясному изложенію общественнаго значенія денегъ, какъ нельзя болѣе кстати появляется на нашемъ книжномъ рынкѣ. Авторъ вполнѣ объективно излагаетъ идею денегъ, ихъ исторію, значеніе серебра и золота, какъ денежной монетной единицы, для той или другой страны (причемъ болѣе пространно останавливается, конечно, на исторіи денежнаго обращенія въ Германіи). Далѣе, онъ даетъ блестящую критическую оцѣнку биметаллизма, шагъ за шагомъ разбивая, цѣлымъ рядомъ цифровыхъ данныхъ, всѣ положенія гг. биметаллистовъ, приходя къ тому заключенію, что «ни временныя заминки въ вывозѣ продуктовъ европейской промышленности, ни земледѣльческій кризисъ, охватившій весь міръ, не вызваны какими-либо измѣненіями въ денежномъ обращеніи и не могутъ быть устранены никакими валютными реформами въ будущемъ (стр. 47)». Самымъ цѣлесообразнымъ и наиболѣе устойчивымъ денежнымъ обращеніемъ, по мнѣнію автора является золотое, менѣе всего вносящее путаницы и противорѣчій при капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ. Наконецъ, останавливаясь въ заключительной главѣ на значеніи того и другого обращенія для рабочаго класса, авторъ высказываетъ мысль, что «нѣмецкій рабочій классъ и его политическое представительство окажутся всегда на сторонѣ *золотой валюты* (102 стр.)». Благодаря жизненному вопросу, который представляетъ изъ себя денежная реформа, можно желать какъ можно большаго распространенія этой книгѣ.

Сергѣевъ С. **Вопросы русской промышленности.** Одесса. 1897 г. Ц. 40 к. 81 стр.

Г. Сергѣевъ, съ нѣкоторой претензіей на научность изложенія, подходитъ къ вопросу о развитіи русской промышленности издалека. Окидывая взоромъ міровое хозяйство, онъ приходитъ къ тому заключенію, что прежніе главные факторы производства—1) удобные пути сообщенія, 2) капиталъ, 3) техника и 4) уголь—въ настоящее время, когда всѣ почти страны привлечены къ участію на всемірномъ рынкѣ и установилось почти полное равенство, утратили свое значеніе. Ставя затѣмъ вопросъ о причинахъ печальнаго отраженія этого равенства на Англіи въ частности и европейскій континентъ вообще и констатируя фактъ, что тамъ и здѣсь промышленность тяготѣетъ въ сторону упадка (?), авторъ утверждаетъ, что ни дороговизна труда, ни золотая валюта тутъ непричемъ, а все дѣло только (будто-бы!) въ удобномъ расположеніи странъ «по отношенію къ главнымъ видамъ сырья, а слѣдовательно и ихъ дешевизнѣ въ этихъ странахъ». Обрабатывать *свое* сырье или *чужое*, въ экономіи отнюдь не одно и тоже, говоритъ онъ, а потому необходимо пользоваться только *естественными* условіями и развивать промышленность именно тамъ, гдѣ есть сырье, а главное уголь и уголь... На послѣднемъ авторъ очевидно помѣшанъ.

Установивъ эти общіе (?) законы промышленнаго развитія, авторъ переходитъ къ развитію промышленности въ Россіи, причемъ онъ утверждаетъ, опираясь опять-таки на *цифры*, что въ Россіи промышленность развивается во-первыхъ, на помочахъ, а во-вторыхъ, шиворотъ на выворотъ, т.-е. не имѣя естественныхъ условій. Авторъ, хотя и памятуетъ то обстоятельство, что Россія страна молодая—на міровомъ рынкѣ фигурировать стала весьма недавно, однако, забываетъ то, что *всякая молодая страна, вступивъ въ извѣстную стадію своего хозяйственнаго развитія,* эволюціонируетъ совершенно по тому-же пути,

какъ и страны болѣе раннія. Протекціонизмъ былъ и во Франціи (Кольберъ) и Германіи (Листъ). Далѣе г. Сергѣевъ опять-таки съ цифрами въ рукахъ (дались ему, право, цифры) восклицаетъ, что въ Россіи для развитія промышленности нѣтъ почвы, что ее создаютъ искусственно. У насъ нѣтъ дорогъ—теперь заняты ихъ постройкой въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ (въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ ассигновано изъ государственнаго бюджета нѣсколько десятковъ милліоновъ; затѣмъ съ земствъ сняты нѣкоторые обязательные расходы—съ цѣлью устройства и улучшенія подъѣздныхъ путей). Что касается угля, то достаточно вспомнить Донецкій бассейнъ. Сырья-же или, какъ называетъ его г. авторъ, «естественныхъ условій» производства у насъ въ Россіи стоитъ только копнуть. И весь вопросъ сводится, стало быть, къ тому, какъ поступить, приспособиться наивыгоднѣйшимъ образомъ къ этимъ «естественнымъ» условіямъ. Какъ странѣ молодой, еще переживающей и по сейчасъ земельную эволюцію, полной всевозможныхъ пережитковъ самыхъ отдаленныхъ ступеней культурнаго развитія, Россіи пока приходится переживать чрезвычайно странное время, разбираться въ существующихъ отношеніяхъ, искать твердую почву. И въ данномъ случаѣ протекціонизмъ, или какъ выразился авторъ, «надзоръ преданной и самоотверженной няньки» составляетъ очень замѣтное явленіе.

Въ заключеніи всего, напомнимъ автору относительно хлопчатобумажнаго производства то обстоятельство, что Россія въ переработкѣ хлопка занимаетъ первое мѣсто. Это, во-первыхъ, а во вторыхъ, причина дороговизны даннаго продукта лежитъ, можетъ быть, въ слишкомъ большомъ процентѣ прибыли, или, выражаясь научно, въ слишкомъ *высокой прибавочной стоимости*, которую, патріархально, выжимаютъ г.г. капиталисты. Данныя объ этомъ авторъ можетъ почерпнуть въ «Вѣстникѣ Финансовъ».

Эберштейнъ. **Честь и ложныя понятія о чести.** Пер. съ нѣмецкаго (Всеобщая библіотека № 8). Кіевъ. 1897 годъ. Ц. 15 к.

При обиліи книгъ, выбрасываемыхъ на книжный рынокъ, выборъ ихъ становится нѣсколько затруднительнымъ, въ особенности для неопытнаго читателя, — такъ какъ книга книгѣ рознь: есть книги бездарныя, есть глупыя, есть и завѣдомо вредныя, вносящія страшную путаницу въ міросозерцаніе легко поддающагося читателя. Къ такому типу книгъ слѣдуетъ отнести и брошюру Эберштейна, совершенно непонятно для чего появившуюся въ русскомъ переводѣ. Вся прописная мораль автора,— что «человѣкъ есть прежде всего человѣкъ, а затѣмъ уже мѣняется соотвѣтственно обстоятельствамъ»; что «честь женщины въ ея непорочности»; что «выше всего стоитъ военная честь и офицерская въ частности» показываетъ въ немъ человѣка, исполненнаго разныхъ кастовыхъ предразсудковъ. Увѣрять-же что «Луи-Бланъ, Сенъ Симонъ, Лассаль и, наконецъ, Марксъ строили стремленія социалъ-демократіи на идеяхъ Руссо, написавшаго какой-то *контсоціаль*».—для этого требуется большая смѣлость при полнѣйшемъ незнаніи ни «Соціальнаго контракта» Руссо, ни Маркса съ его «Капиталомъ» и др. трудами.

Эрнесто Ферри. **Преступники въ искусствѣ.** Переводъ Н. Л. Москва, 1897 г.

Ферри принадлежитъ къ числу наименѣе интересныхъ послѣдователей антропологическаго ученія Ломброзо; онъ не оригиналенъ какъ мыслитель и не отличается особеннымъ писательскимъ талантомъ, за то онъ очень плодовитъ, и для своихъ популярныхъ статей онъ выбираетъ наиболѣе интересные предметы, неимѣющіе строго научнаго интереса. Въ настоящемъ случаѣ, онъ выбралъ типы преступниковъ, какъ они являются въ искусствѣ,—поэзіи и живописи. Къ сожалѣнію, въ этомъ длинномъ и скучномъ разборѣ онъ не сказалъ ничего новаго и оригинальнаго. Наблюдая преступниковъ въ искусствѣ съ точки зрѣнія данныхъ психологіи преступленія, Ферри находитъ, что искусство, стоя болѣе близко къ жизни, воспроизводитъ болѣе блестящія черты разныхъ преступныхъ типовъ часто съ поразительной точностью, такъ что уголовная антропологія находитъ въ искусствѣ краснорѣчивое подтвержденіе своихъ теорій. Однако, въ анализѣ, сдѣланномъ авторомъ, мы не видимъ этого, потому-ли, что онъ слишкомъ бѣгло анализируетъ преступные типы въ искусствѣ, или потому что онъ недостаточно свободно погружается въ психологію преступленій. Все, что онъ говоритъ, давнымъ-давно извѣстно въ достаточной мѣрѣ, а отъ себя онъ не прибавляетъ ничего новаго. Въ заключеніе онъ приходитъ къ убѣжденію, что искусство слишкомъ уже много прославляло преступниковъ, и что теперь ему слѣдовало-бы коснуться толпы страдающихъ. Толпа — вотъ тотъ новый, по мнѣнію Ферри, міръ, изъ котораго искусство должно заимствовать свои вдохновенія. «Плохо питающаяся, блѣдная, грубая, развратная и тѣмъ не менѣе, простая, работящая, безсознательно-альтруистическая, добрая, человѣчная, радостно привѣтствующая первый лучъ свѣта, проникающій въ ея мансарды и лачуги, толпа, податливая порокамъ, которые у взрослаго съѣдаютъ всю его физическую и моральную силу, у женщинъ отравляютъ родники материнства, у ребенка затемняютъ всякій просвѣтъ радости,—толпа униженныхъ, забитыхъ, покинутыхъ, безымянная толпа, пригвожденная къ кровавому кресту вѣковѣчной работы, — къ ней, къ этимъ несчастнымъ отнынѣ обращается

искусство». Безспорно, искусство въ своемъ веденіи имѣетъ и эту область, но не слѣдуетъ забывать, что не въ «возбужденіи добрыхъ чувствъ» состоитъ главная сущность искусства. Въ дѣйствительности, искусство не задается и не можетъ задаваться утилитарными цѣлями, оно изображаетъ жизнь, какъ эта жизнь отражается въ душѣ художника, и въ этомъ изображеніи, оно, разумѣется, обязано быть всестороннимъ и потому должно изображать также и зло, существующее въ дѣйствительности.

Мишель Ревонъ. **Жозефъ де-Мэстръ. Философія войны.** Переводъ Распопова. Спб. 1897 г.

Авторъ книги «Жозефъ де-Мэстръ», Мишель Ревонъ, профессоръ Токійскаго университета въ Японіи, пріобрѣлъ большую славу упомянутымъ произведеніемъ. Онъ удостоился преміи академіи, получилъ орденъ почетнаго легіона; о немъ заговорили не только во Франціи, но и въ Англіи и Германіи. Слава этого писателя обусловливается двумя причинами: необыкновенно талантливымъ изложеніемъ и выборомъ предмета. Жозефъ де-Мэстръ, личность во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная, былъ однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ противниковъ войны. Онъ жилъ, какъ извѣстно, въ восемнадцатомъ столѣтіи и отличался соединеніемъ въ себѣ всевозможныхъ контрастовъ. «Жозефъ де-Мэстръ, говоритъ Мишель Ревонъ, обладаетъ даромъ слова. Драгоцѣнный и коварный даръ! Красота слова то божественное орудіе, которое прямо выражаетъ собою душу; къ несчастью, слово въ одномъ звукѣ должно соединить тысячи душевныхъ влеченій, тысячи неуловимыхъ оттѣнковъ. Жозефъ де-Мэстръ краснорѣчивъ; сама природа сдѣлала его лирикомъ. Душа, исполненная высокаго лиризма и вылившаяся въ прекрасныхъ словахъ,—вотъ истинная тайна его генія».

«Философія войны», сочиненіе Мишеля Ревона, представляетъ введеніе къ его капитальному труду «Arbitrage International» (Международный третейскій судъ).

Первая глава «Философіи войны» посвящена *задачѣ*, которая сводится къ обсужденію ученія о войнѣ съ точки зрѣнія науки, эстетики и права. Во второй главѣ изложены всѣ извѣстныя намъ мнѣнія въ пользу войны, въ томъ числѣ взглядъ де-Мэстра; въ третьей главѣ мы находимъ съ такой-же объективностью приведенныя вѣскія соображенія противъ войны. Глава IV заключаетъ въ себѣ *примиреніе* обѣихъ сторонъ въ исторіи и подготовляетъ къ выводу, который составляетъ содержаніе пятой главы. Для нагляднаго объясненія своего вывода Мишель Ревонъ приводитъ примѣръ трогательной церемоніи *погребенія войны*. Вожди Мококо были однажды созваны на торжественное собраніе; вырыли громадную могилу; дикіе бросили туда разныя орудія войны, пули, порохъ, куски горючаго матеріала; европейцы свои патроны; потомъ въ землю, прикрывшую собою эти воинственныя эмблемы, посадили молодое дерево, которое должно было расти, какъ живой залогъ единенія и дружбы. «Хотѣлось-бы намъ, говоритъ М. Ревонъ, походить на этихъ дикарей, дерево мира — это международный судъ. Однако, не надо сажать этого дерева наудачу, необходимо изучить сперва почву».

По мнѣнію М. Ревона, уважая прошлое и его величіе, гордясь настоящимъ и его благородными порывами, мы предусмотримъ болѣе широкимъ, вѣрнымъ образомъ успѣхи невѣдомаго будущаго.

Веневитиновъ. **Русскіе въ Голландіи.** Великое посольство 1697—1698 г. Москва. 1897 г.

Трудъ г. Веневитинова представляетъ научное изслѣдованіе, относящееся къ русской исторіи временъ Петра Великаго, въ которомъ авторъ знакомитъ любителей русской исторіи съ книгой Фредерика Мюллера о посѣщеніи Петромъ Великимъ Голландіи и попутно провѣряетъ сообщаемые Мюллеромъ факты по даннымъ русской исторической литературы, главнымъ образомъ по документамъ *Великаго посольства 1697—1698 г.*, напечатаннымъ въ «Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній древней Россіи съ иностранными державами». Располагая рѣдкими источниками, какъ голландскими такъ и русскими, г. Веневитиновъ приложилъ къ своей книгѣ коллекцію изображеній лицъ, мѣстностей и событій относящихся къ данной эпохѣ, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ другихъ историческихъ трудахъ, доступныхъ публикѣ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Новое Слово»: г. Novus'а о «Мужикахъ» Чехова и «новая экономическая» критика.— «Русское богатство»: «На переписи» г. Елпатьевскаго.—«Міръ Божій»: «Въ кухнѣ» г. Елпатьевскаго. «Книжки Недѣли»: «Тургеневъ и его отношенія къ Салтыкову», г. К.—«Вопросы философіи и психологіи»: «Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи» г. Гилярова.—«Ученыя Записки Юрьевскаго Университета»: «Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого». проф. Боброва.

Давно уже новое беллетристическое произведеніе не пользовалось въ нашей журналистикѣ такимъ громкимъ и, при томъ, такимъ искреннимъ успѣхомъ, какъ «Мужики» г. Чехова. Успѣхъ этотъ напоминаетъ намъ тѣ времена, когда появлялся новый романъ Тургенева или Достоевскаго. О небольшемъ разсказѣ г. Чехова не только заговорили, но, — можно сказать — загалдѣли: въ журналистикѣ появилось оживленіе, котораго давно уже не было: въ газетахъ появились цѣлые фельетоны о новомъ произведеніи талантливаго беллетриста; оно подверглось, если можно такъ выразиться, всестороннему обсужденію, при чемъ обнаружилось, что въ нашей, современной критикѣ, какъ и въ прежніе времена, все еще существуютъ прежнія направленія, съ одной стороны—чисто эстетическое, а съ другой—направленское. Встрѣчались, конечно, и неодобрительныя отзывы, но ихъ было мало и выступали они какъ-то робко; большинство-же признало большія художественныя достоинства новаго произведенія г. Чехова, при чемъ, разумѣется, не обошлось безъ болѣе или менѣе существенныхъ оговорокъ. Перечитывая всѣ эти отзывы и критическія замѣтки, намъ пришло на мысль, что было-бы очень любопытно и интересно свести всѣ эти взгляды въ одно цѣлое и, такимъ образомъ, опредѣлить, какихъ именно принциповъ придерживается современная русская критика. Не задаваясь, однако, въ настоящее время такими широкими планами мы остановимся на одной журнальной статьѣ, которая показалась намъ любопытнымъ симптомомъ. Мы говоримъ о статьѣ подписанной псевдонимомъ Novus и напечатанной въ майской книжкѣ «Новаго Слова».

Авторъ довольно оригинально ставитъ вопросъ. По мнѣнію автора, въ «Мужикахъ» г. Чеховъ изобразилъ не русскую деревню и мужиковъ вообще, а опредѣленный складъ деревенскихъ отношеній, «на которомъ сказались лишь опустошительныя дѣйствія экономическаго развитія, оголившія до послѣдней степени некультурность и дикость среды». Еще Успенскій говорилъ о «новой зоологической правдѣ, обязательной при земледѣльческомъ трудѣ», а въ сущности просто-на-просто связанной съ опредѣленнымъ экономическимъ укладомъ жизни. Зоологическая правда неразлучна съ зоологической неправдой. И Успенскій постоянно изображалъ и ту, и другую вмѣстѣ. Г. Чеховъ развернулъ передъ читателями одну неправду, и это вполнѣ законный художественный пріемъ. Авторъ статьи говоритъ исключительно объ этихъ экономическихъ отношеніяхъ, какъ они выразились въ разсказѣ г. Чехова. Многіе, говоритъ онъ, вѣрящіе въ культурно-общественную роль новѣйшаго русскаго народа, были обижены тѣмъ, что, въ качествѣ его представителя, Чеховъ вывелъ умирающаго рестораннаго лакея съ женой, умиляющейся словомъ «аще» и «дондеже» и съ благоговѣніемъ взглядывающей на красивыхъ и нарядныхъ барышенъ,—съ дочкой, которая вѣритъ, что оскоромившись тайкомъ влитой каплей молока, злая бабка попадетъ въ пекло. Но въ этомъ обстоятельствѣ г. Novus и видитъ тонкое художественное чутье и настоящій артистическій тактъ. Выведи Чеховъ не трактирнаго полового, который драгоцѣнную эмблему лучшаго прошлаго видѣлъ въ своемъ фракѣ, а фабричнаго рабочаго, охваченнаго новыми идеями, привязаннаго къ книжкѣ, — художественное впечатлѣніе этого разсказа было-бы слабѣе.

Легко догадаться, къ чему автора статьи приведетъ такой «экономическій» взглядъ въ критикѣ художественнаго произведенія. Онъ находитъ, что г. Чеховъ сопоставляя представителей настоящей деревни съ представителемъ «трактирной» цивилизаціи, хотѣлъ художественно изобразить превосходство этого послѣдняго. «Кто только не поносилъ, — говоритъ онъ,—трактирной цивилизаціи, не обрушивался на нее дешевой моралью, игнорируя, что эта цивилизація кусочекъ цѣлаго общественнаго уклада, заимствующій отъ него не только слабыя, но и сильныя стороны? Не боясь раздразнить морализирующихъ народниковъ и народничествующихъ моралистовъ, мы скажемъ, что общественный смыслъ очерка г. Чехова заключается главнымъ образомъ въ художественномъ обличеніи ихъ жалкаго морализированія. Художникъ раскрылъ уголокъ процесса стихійнаго творчества общественныхъ формъ и общественнаго сознанія». Для большей ясности, авторъ статьи приводитъ слѣдующія соображенія: При шатаніи прочныхъ бытовыхъ условій деревни сперва только зоологическая правда уступаетъ мѣсто зоологической неправдѣ, и потому на первый взглядъ кажется, что все новое исчерпывается этой перемѣной! Это, однако, лишь одинъ моментъ, рѣзче вырисовывающійся, чаще замѣчаемый, но переходный и преходящій, представляющій въ сущности не новѣрку, а наслѣдіе старины, переживаніе крѣпостнаго строя.

Колебаніе и паденіе деревенскихъ «устоевъ» должно раньше или позже сказаться на всей сельской массѣ опредѣленными психологическими последствіями. Побѣда въ сельскохозяйственной борьбѣ съ одной стороны является условіемъ, содѣйствующимъ росту личности, но, съ другой стороны—фактическое экономическое превосходство способно ослаблять потребность въ новыхъ правовыхъ отношеніяхъ и притуплять чувство неудовлетворенности даннымъ складомъ ихъ. Такую-же двойственную оцѣнку можно дать и переживанію въ хозяйственной борьбѣ: оно и деградируетъ личность, и съ другой стороны толкаетъ ее впередъ. Въ дѣйствительной жизни все зависитъ отъ конкретной комбинаціи этихъ положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій. Вотъ почему такъ трудно рѣшить, если судить совершенно объективно, какой группѣ, — деревенскимъ неудачникамъ (буржуазіи) или деревенскимъ «мизераблямъ» (по выраженію Эртеля) будетъ въ ближайшемъ будущемъ принадлежать важнѣйшая роль въ процессѣ роста личности. Конечно, для народника, въ особенности—правовѣрнаго, деревенская буржуазія это—кулаки и міроѣды, и этими, по меньшей мѣрѣ не ласковыми наименованіями рѣшается серьезнѣйшій и труднѣйшій соціологическій вопросъ. Но уже острый умъ Успенскаго мучился вопросомъ, что такое кулакъ? По мнѣнію Успенскаго, кулачество, вопервыхъ, явленіе не наносное, а внутреннее, и, вовторыхъ, для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно геніальныя способности, и въ то-же время вы не можете не замѣтить, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ, не выразилось. Почему-же это такъ? спрашиваетъ дальше Успенскій и поясняетъ: міръ не умѣетъ разобраться съ дѣлами и съ головой... И вездѣ гдѣ не понимаютъ — водка. Водка вездѣ, гдѣ нужно знаніе обстоятельствъ, недоступныхъ крестьянскому уму. Это съ одной стороны, а съ другой—крѣпостной опытъ, т. е. опытъ рѣшительно ни на что негодный при новыхъ условіяхъ жизни—вотъ рѣшитель сложныхъ вопросовъ всей системы самоуправленія, общественныхъ, юридическихъ, финансовыхъ. Мірской строй и крѣпостной строй, мірская мудрость и крѣпостной опытъ оказываются историческими близнецами, которые разъединяются лишь въ абстракціи народника - теоретика и въ фантазіи народника-романтика. «Въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые вполнѣ не объяснялись-бы барщиной, и главное—*только* барщиной».

Теперь, благодаря этимъ поясненіямъ, читатель легко можетъ судить о критическихъ взглядахъ автора статьи о «Мужикахъ» г. Чехова. Вопросъ о художественномъ воспроизведеніи жизни, объ эстетической цѣнности беллетрическаго произведенія,—откладывается имъ въ сторону, какъ праздный, никому не нужный разговоръ, и все сводится къ тому,

какъ г. Чеховъ понимаетъ столкновеніе мірского строя съ представителями трактирной цивилизаціи, при чемъ вопросъ идетъ даже не объ экономическихъ отношеніяхъ, а просто сводится на препирательство между народничествомъ и экономическомъ матеріализмомъ,—и г. Novus, какъ истый экономическій матеріалистъ, старается показать превосходство трактирной цивилизаціи и увѣряетъ, что такъ именно смотритъ на дѣло и самъ г. Чеховъ. Не правда-ли, любопытный образчикъ художественной критики. Мы вовсе не оспариваемъ предположенія, что г. Чеховъ нѣчто подобное имѣлъ въ виду, но если это и такъ, то эта мысль явилась у него не какъ тезисъ его художественнаго творчества, а какъ результатъ художественнаго воспріятія жизни. У насъ были, да и теперь еще существуютъ всякія направленія въ критикѣ, но признаемся, мы въ первый разъ въ русской печати встрѣчаемъ критику, которая видитъ въ художественномъ произведеніи одно только изображеніе экономическихъ отношеній между людьми.

Оставимъ, однако, этотъ новѣйшій образчикъ экономической критики, и поговоримъ о нѣкоторыхъ беллетристическихъ новинкахъ, встрѣченныхъ нами въ журналахъ. Къ числу молодыхъ беллетристовъ, обратившихъ на себя вниманіе, безспорно принадлежитъ г. Елпатьевскій. Онъ только начинаетъ выступать въ качествѣ беллетриста, но и по его первымъ опытамъ видно, что у г. Елпатьевскаго есть недюжинный талантъ, который можетъ широко развиться. Въ одной изъ первыхъ книжекъ «Русскаго Богатства» за нынѣшній годъ былъ помѣщенъ небольшой очеркъ г. Елпатьевскаго «На переписи», въ которомъ авторъ описывалъ, какъ онъ участвовалъ въ переписи Петербурга, какія встрѣчалъ сцены на этой переписи. Во всемъ этомъ есть много юмора и талантливой наблюдательности. Авторъ замѣчаетъ, что кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ, никто изъ опрашиваемыхъ въ такъ называемой «Вяземской лаврѣ» не выражалъ никакого неудовольствія, и всѣ охотно отвѣчали на предложенные вопросы, причемъ въ обсужденіи затруднительныхъ вопросовъ обыкновенно принимала участіе вся квартира. Недостаточно опредѣленные вопросные пункты давали очень много широкихъ толкованій и очень часто создавали затруднительные случаи. Таковъ былъ вопросъ о родномъ языкѣ: какой языкъ считать роднымъ, называть-ли роднымъ языкъ родины, національности и дѣтскихъ лѣтъ, или языкъ привычный для человѣка въ данное время, языкъ, на которомъ онъ говоритъ и думаетъ? Въ одномъ случаѣ г. Елпатьевскій, по собственному сознанію, возбудилъ даже подозрѣніе. Полька, уроженка Царства Польскаго, на вопросъ о родномъ языкѣ, отвѣтила: русскій, а на вопросъ о вѣрѣ: католической.—Вѣдь вы до двѣнадцати лѣтъ жили въ Польшѣ и говорили, разумѣется, по польски?—По польски.—Почему-же теперь вы считаете роднымъ языкомъ русскій?—Сорокъ лѣтъ живу въ Петербургѣ, забыла по своему.—Но вѣры вы все-таки римско-католической?—Она разсердилась и подозрительно посмот-

рѣла на меня.—Что вы все—вѣра, да вѣра. Языкъ забыла, а вѣру не забыла... Нашей вѣры, польской вѣры...» Еще болѣе обширное толкованіе допускалъ вопросъ о положеніи по воинской повинности. Чрезвычайно трудно было выяснить—кто ратникъ перваго ополченія, кто второго, кто въ запасѣ. Было два три случая побѣговъ и желанія скрыться изъ квартиры—какъ потомъ оказалось, изъ боязни вопроса о паспортѣ, но и съ этими (ихъ немедленно возвращали разставленные во всѣхъ выходахъ городовые) дѣло обходилось такъ-же просто и полюбовно. Вотъ, между прочимъ, одна сценка, живо и талантливо разсказанная г. Елпатьевскимъ: «Я обращаюсь къ крайнему отъ окна жильцу, уже проснувшемуся и съ папироской въ зубахъ разсматривающему меня.—Писарь...—отвѣчаетъ на вопросъ о занятіи старый человѣкъ съ великолѣпными пушистыми сѣдыми баками,—дворянинъ, петербуржецъ.—Я разспрашиваю, на мѣстѣ-ли онъ, какія постороннія занятія? Онъ отвѣчаетъ уклончиво, въ общихъ выраженіяхъ.—Вообще пишетъ, баринъ. Прошенія, по дѣламъ, бумаги всякія—откликается кто-то изъ публики.—Старикъ не возражаетъ и величественно качаетъ головой въ знакъ согласія. Я замѣтилъ, что онъ нарочно при мнѣ вынулъ мундштукъ и вставилъ въ него папироску. Поджавши подъ себя одну ногу, въ синихъ пестрядинныхъ штанахъ и въ грязной, разорванной ситцевой рубашкѣ, онъ сидѣлъ въ свободной, непринужденной позѣ, курилъ изъ мундштука и вообще былъ очень импозантенъ.—Какъ-же васъ писать?—допытываюсь я у слѣдующаго: землей вы главное-то занимаетесь или бетонными работами? Какъ вы себя почитаете—петербургскій вы человѣкъ или деревенскій?—Вотъ ужъ и не знаю...—Лысый съ коротко подстриженной бородой крестьянинъ сидѣлъ противъ меня и смотрѣлъ недоумѣвающими глазами, словно для него въ первый разъ въ такой рѣшительной формѣ всталъ вопросъ о своемъ мѣстѣ въ мірѣ и ему было такъ трудно разрѣшить его.—Хожу въ деревню,—раздумчиво говорилъ онъ,—извѣстно свое мѣсто, тоже родня. Иной разъ сестрѣ подсобишь въ сѣнокосъ. Только нѣтъ, землей-то не занимаюсь, сдаю надѣлъ пятый годъ. Да нѣтъ-же, баринъ—рѣшительно говоритъ онъ: видно петербургскій. Пишите—бетонщикъ...—Какъ можно, отъ земли не отбивались. Вотъ къ Христову празднику къ себѣ двинусь. На счетъ заработковъ здѣсь... бьюсь около пустого мѣста,—медленно растягивая слова говоритъ другой крестьянинъ.—Земляки мы, тверскіе...—указалъ онъ на хозяйку и лысаго сосѣда. И борода, по деревенски не пробритая, и волосы, расчесанные по тамошнему, и манера говорить, и подслѣповатые мягкіе глаза—все меня убѣждаетъ, что онъ деревенскій человѣкъ.—Только на счетъ луговъ тѣсно. Кабы намъ луга... Какъ можно. Озими посѣяны, хозяйка въ деревнѣ, ребята, скотина,—воодушевляется онъ, но я не слушаю и перехожу къ слѣдующему».

Другой разсказъ г. Елпатьевскаго, подъ заглавіемъ «Въ кухнѣ» (помѣщенный въ майской книжкѣ журнала «Міръ Божій»), представляетъ рядъ незатѣйливыхъ сценъ, происходящихъ частью на дворѣ (баринъ

разговариваетъ съ кучеромъ) частью въ кухнѣ. Всѣ эти сцены связаны между собой личностью Тамерлана—большой собаки, пребывающей въ кухнѣ. Вотъ, напримѣръ, баринъ, садясь въ шарабанъ, говоритъ кучеру Фролу: «Вотъ я за усердіе-то прогоню твоего Тамерлана. Бондарь приходилъ, опять Тамерланъ у него кочета помялъ! Говорятъ, ты учишь.— Фролъ сердито хлопнулъ возжей начавшаго было предаваться философскимъ размышленіямъ Варвара (лошадь), отчего онъ подобрался и прибавилъ рыси.—А онъ не ходи, куда не показано,—говорилъ Фролъ.— Гуляй по двору, Тамерланъ ни въ жизнь не тронетъ, ну, а пошелъ въ сарай—не прогнѣвайся. Онъ, кочетъ-то, зачѣмъ въ сарай ходитъ? Да еще куръ скличетъ, а у меня тамъ овесъ, сами знаете...—Бондарь пять рублей требуетъ, говоритъ, хотѣлъ кочета на бой пускать.—На бой!— Фролъ презрительно скривилъ губы и съ прежнимъ убѣжденіемъ обратился къ деревьямъ.—И съ курами-то путемъ управляться не умѣетъ, то-же боецъ! Пять цѣлковыхъ!.. Они и съ хозяиномъ-то вмѣстѣ такихъ денегъ не стоятъ. И много-ли потревожилъ! Такъ, крыло маленько...— Варваръ фыркалъ и подпрыгивалъ и косился на кучера своими черными глазами, словно хотѣлъ сказать: «баринъ съ кучеромъ ругаются, а у меня спина болитъ»: а Фролъ все сердясь говорилъ:—И не отрекаюсь, я поучилъ. Теща-то его, бондаря, какую манеру взяла—какъ меня нѣтъ дома, сейчасъ въ сарай и кидаетъ оттуда овесъ, да куръ скликаетъ. Хоть у Арины спросите. Ну, Тамерланъ отучаетъ, это точно... Мнѣ что, не мое добро!.. А только безъ Тамерлана мнѣ никакъ невозможно. Сами знаете, иной разъ пріѣдешь—перекладывай Бычка. А безъ выводки нельзя, кто-же его выводить станетъ?—Что-же твой Тамерланъ, что-ли?—Завсегда онъ. Дамъ ему въ зубы поводъ, онъ и выводитъ, пока я перекладываю.—Баринъ выдалъ голосомъ нѣкоторое любопытство.—Что-же, слушается Бычекъ?—Слушается...—Фролъ обернулся и улыбнулся съ нѣкоторою пріятностью.—Въ дружбѣ они съ Тамерланомъ. Почтенная лошадь, французская, образованная.—А Варваръ?—Фролъ улыбнулся еще съ съ бо́льшею пріятностью:—Развѣ съ Варваромъ сговоришь? Варваръ такъ онъ варваръ и есть. Не лады у нихъ съ Тамерланомъ. Озорной онъ, Варваръ-то! Обижается, что собака водитъ,—норовитъ копытомъ...»

Въ такомъ тонѣ продолжается разсказъ на нѣсколькихъ страницахъ, при чемъ авторъ обнаруживаетъ и большую художественную наблюдательность, знаніе не только людей, но и животныхъ, умѣнье схватить типичныя черты, окрасить ихъ добродушнымъ юморомъ. При нынѣшнемъ беллетристическомъ запустѣніи г. Елпатьевскій во всякомъ случаѣ является талантливымъ разсказчикомъ, воспроизводящимъ жизнь, хотя отчасти фотографически, но во всякомъ случаѣ правдиво и живо. Но пока все это только «пробы пера». Г. Елпатьевскій до сихъ поръ довольствуется мелкими разсказцами, въ которыхъ передаетъ плоды своихъ наблюденій. Мы, однако, думаемъ, что у г. Елпатьевскаго хватитъ таланта на что-нибудь болѣе серьезное и значительное. На это у него есть данныя.

Нѣкто г. К. обращаетъ въ апрѣльской книжкѣ «Недѣли» вниманіе на то, что въ иностранной литературѣ можно указать нѣсколько статей Тургенева, до сихъ поръ не появлявшихся на русскомъ языкѣ ни въ собраніи его сочиненій, ни въ періодической печати, и высказываетъ надежду, что эти статьи, а также неизданныя еще письма войдутъ цѣликомъ или частями въ новое изданіе его сочиненій, въ которомъ давно уже чувствуется потребность. Г. К. въ своей замѣткѣ приводитъ, между прочимъ, переводъ небольшой статьи Тургенева, напечатанной въ 1871 г. въ англійскомъ журналѣ «The Academy». Въ статьѣ дѣло идетъ объ «Исторіи одного города» Салтыкова, съ дѣятельностью котораго Тургеневъ хотѣлъ познакомить англичанъ. Въ отзывѣ Тургенева нѣтъ ничего новаго для русскаго писателя, но онъ интересенъ, какъ личное мнѣніе нашего великаго беллетриста о талантѣ Салтыкова, съ которымъ онъ во многомъ значительно расходился. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ Тургеневъ: «По характеру сатиры, Салтыковъ нѣсколько напоминаетъ Ювенала. Его смѣхъ полонъ горечи, его насмѣшка часто задѣваетъ за живое. Его сатира, какъ мы сказали, часто переходитъ въ каррикатуру. Но каррикатура бываетъ двоякаго рода. Она или преувеличиваетъ дѣйствительность, какъ-бы посредствомъ увеличительнаго стекла, но никогда не мѣняетъ ея характера, или-же болѣе или менѣе сознательно отступаетъ отъ нея и измѣняетъ характеръ предмета. У Салтыкова можно встрѣтить каррикатуру только перваго рода, единственно лишь дозволительную, и это вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ автора. Добрый и чувствительный въ душѣ, грубый снаружи, онъ въ то-же время одаренъ тонкой наблюдательностью и умѣніемъ угадывать. Онъ много читалъ, больше видѣлъ, что, конечно, еще важнѣе. Собственно говоря, онъ знаетъ свою родину лучше чѣмъ кто-бы то ни было изъ нынѣ живущихъ. «Исторія одного города» представляетъ въ дѣйствительности исторію русскаго общества втеченіе второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія подъ видомъ юмористическаго описанія города Глупова и губернаторовъ, управлявшихъ имъ, начиная съ 1762 по 1816 годъ. Исторія эта не можетъ быть цѣликомъ переведена на иностранные языки. Мѣстный русскій колоритъ разсказа слишкомъ силенъ и языкъ часто непереводимъ. Часто также авторъ даетъ своей фантазіи слишкомъ много воли. Въ числѣ типическихъ губернаторовъ Глупова попадается напримѣръ одинъ съ головой изъ pâté de foie gras (съ фаршированной головой), которую предводитель дворянства, большой лакомка и любитель трюфелей, въ концѣ концовъ, пожираетъ. Салтыковъ напоминаетъ отчасти Свифта. Передъ вами та-же серьезная, мрачная картина, тотъ-же бьющій въ глаза реализмъ среди самой необузданной игры фантазіи и, что важнѣе всего, тотъ-же никогда не покидающій автора здравый смыслъ,—я-бы даже сказалъ чувство мѣры, не смотря на преувеличенія въ формѣ. Мнѣ приходилось присутствовать на чтеніи нѣкоторыхъ очерковъ Салтыкова. Слушатели положительно помирали со смѣху. Было что-то страшное въ этомъ

смѣхѣ. Публика, смѣясь, чувствовала на себѣ бичъ автора. Повторяю: «Исторія одного города» не можетъ быть цѣликомъ передана на иностранномъ языкѣ. Все, что можно сдѣлать—такъ это перевести нѣкоторыя ея избранныя мѣста,—можно, напримѣръ, познакомить иностраннаго читателя съ нѣкоторыми типами губернаторовъ, для того, чтобы дать ему понятіе объ интересѣ, вызванномъ въ Россіи этой странной и поразительной книгой, которая представляетъ, по необходимости, подъ аллегорической формой, картину, увы! вѣрную исторіи русскаго общества. Я-бы рекомендовалъ обратить особенное вниманіе на фигуру Угрюма Бурчеева, въ которомъ каждый читатель узнаетъ зловѣщія и отталкивающія черты Аракчеева, этого всемогущаго любимца Александра I-го въ послѣдніе годы его царствованія». Намъ кажется, что мнѣніе Тургенева о непереводимости Салтыкова на иностранные языки слишкомъ преувеличено. Безспорно, нѣкоторые изъ его очерковъ непереводимы, но они имѣютъ слишкомъ мѣстный характеръ и потому не будутъ интересовать иностранца: за то другія произведенія нашего сатирика вполнѣ переводимы, но для этого, конечно, необходимо, чтобы переводчикъ былъ человѣкъ талантливый, былъ хорошо знакомъ съ русскимъ обществомъ, съ характеромъ русскаго ума, съ особенностями русскаго юмора. Къ сожалѣнію, такія переводчики не часто встрѣчаются, или, вѣрнѣе, почти совсѣмъ не встрѣчаются. Большинство переводчиковъ русскихъ книгъ на французскій, нѣмецкій, англійскій языки—русскіе, не въ достаточномъ совершенствѣ знакомые съ языкомъ, на который переводятъ, вслѣдствіе этого у нихъ попадаются фразы или совершенно незнакомыя иностранному читателю, или-же совершенно искажающія смыслъ русской фразы.

Въ первой книжкѣ «Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета» за нынѣшній годъ мы встрѣтили цѣлый трактатъ проф. Боброва объ «Этическихъ воззрѣніяхъ графа Л. Н. Толстого». Трактатъ этотъ представляетъ довольно полный разборъ этическихъ воззрѣній великаго писателя и интересенъ въ томъ отношеніи, что составляетъ самостоятельный трудъ молодого писателя, подвергающаго критической оцѣнкѣ взгляды Л. Н. Толстого съ точки зрѣнія «критическаго индивидуализма», какъ называетъ авторъ свою философію. Справедливо замѣчаетъ г. Бобровъ, что религіозно-философскимъ и этическимъ воззрѣніямъ графа Л. Н. Толстого суждено было сдѣлаться своего рода событіемъ въ литературѣ послѣдней четверти нашего вѣка. И въ Россіи, и заграницей—какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ—эти сочиненія влекли къ себѣ громадную массу читателей; они пріобрѣли и множество поклонниковъ, и много противниковъ. О графѣ Толстомъ, какъ философѣ и моралистѣ, успѣла вырости цѣлая литература и на отечественномъ, и на иностранныхъ языкахъ. Разбирали и критиковали доктрины Толстого съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и лица самыхъ разнообразныхъ занятій и профессій. Очень желательна, конечно, и кри-

тика спеціалистовъ, лицъ, посвятившихъ себя занятіямъ философіей и ея разнымъ прикладнымъ отраслямъ, какова этика; но именно спеціалисты и оказались всего менѣе отзывчивыми на ученіе графа Толстого. Между этими немногими философами можно указать развѣ лишь на проф Козлова, котораго авторъ цѣнитъ очень высоко и котораго книгу о религіи Толстого онъ считаетъ капитальнымъ трудомъ. Свой трактатъ г. Бобровъ раздѣляетъ на нѣсколько рубрикъ. Въ самомъ началѣ онъ даетъ характеристику мнѣній А. А. Козлова по этому предмету: потомъ излагаетъ сочиненія гр. Толстого о религіи и нравственности, причемъ приводитъ въ краткомъ изложеніи и отзывъ Гижицкаго, бывшаго профессора философіи при Берлинскомъ университетѣ; затѣмъ выясняетъ направленіе «критическаго индивидуализма» и съ точки зрѣнія этого направленія приступаетъ къ собственной критикѣ воззрѣній гр. Толстого; въ концѣ, въ видѣ приложенія, г. Бобровъ характеризуетъ въ бѣгломъ изложеніи различные типы этическаго міровоззрѣнія.

Не вдаваясь въ критическій разборъ взглядовъ г. Боброва, разборъ, который потребовалъ бы слишкомъ много мѣста и въ «Обозрѣніи» оказался бы излишнимъ, укажемъ лишь на общій выводъ, къ которому приходитъ г. Бобровъ; но прежде мы должны сказать два слова о его «критическомъ индивидуализмѣ». «Въ исторіи метафизики,—говоритъ г. Бобровъ,—до сихъ поръ главенствовалъ универсализмъ; въ качествѣ побочнаго дитяти метафизики, не носящаго своего родного прозвища, параллельно сталъ матеріализмъ. По ученію однихъ мыслителей, человѣкъ—безсмысленная и безцѣльная куча атомовъ; по ученію другихъ, онъ—мимолетный модусъ единой субстанціи» и т. п. По мнѣнію г. Боброва, единственное метафизическое направленіе, могущее обосновать этику, есть критическій индивидуализмъ (имѣвшій среди философовъ представителями Лейбница и Тейхмюллера). Это міровоззрѣніе, полагающее своимъ основаніемъ понятіе индивидуальной субстанціи и родственное христіанству можетъ, по убѣжденію г. Боброва, представить свою достаточно обоснованную этику. «Будучи столь обязанъ философіи идеалистической, гр. Толстой оказывается довольно неблагодарнымъ ея данникомъ, отрицая всякое научное и житейское значеніе философіи вообще. Столь же неблагодаренъ онъ и по отношенію къ «наукѣ» или точнѣе къ спеціальнымъ наукамъ, исполняющимъ какъ разъ ту службу, какой онъ требуетъ отъ настоящей науки: излагать самооткровеніе внѣшняго міра, открывающагося перципирующему и мыслящему субъэкту». Не трудно было бы указать на слабыя стороны аргументаціи проф. Боброва, но, повторяемъ, это не входитъ въ нашу задачу. Но его трудъ, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свои почтенныя стороны и его можно привѣтствовать съ сочувствіемъ, какъ обстоятельную и добросовѣстную попытку разсмотрѣнія ученія нашего великаго писателя. Въ одномъ лишь серьезно можно упрекнуть автора: его русскій языкъ страдаетъ неправильностями, заставляющими предполагать, что авторъ какъ-бы

переводитъ свои мысли съ нѣмецкаго. Г. Бобровъ съ выгодой для себ могъ-бы также оставить и нѣкоторыя свои нововведенія, совершенно на нашъ взглядъ, неудачныя. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ «гегелевцы» вмѣсто «гегельянцы», мотивируя это нововведеніе тѣмъ, что будто-бы форма «гегельянцы» для перевода нѣмецкаго Hegelianer также дико какъ «индіанцы»—Indianer. «Также,—прибавляетъ онъ,—отрицательно отношусь я и ко всѣмъ прочимъ философскимъ «анцамъ».

Рядомъ съ положительнымъ нравственнымъ ученіемъ Л. Н. Толстого. особенное впечатлѣніе производитъ умственная жизнь современной Франціи. Объ этомъ именно предметѣ бесѣдуетъ г. А. Н. Гиляровъ въ послѣдней книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи». Статья г. Гилярова находится въ довольно близкой связи съ извѣстной статьей Брюнетьера о банкротствѣ науки. Въ то время, какъ французскій авторъ старается выяснить, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ причинъ наука во Франціи «обанкротилась», г. Гиляровъ, обходя вопросъ объ отношеніяхъ науки къ религіи или философіи, посмотрѣлъ на этотъ предметъ съ исторической точки зрѣнія и дѣлаетъ попытку установить эволюцію французской мысли въ нынѣшнемъ столѣтіи. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ, съ какой горячей вѣрой въ могущество разума и благородство человѣческой природы выступилъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка французскій народъ на просвѣтительное поприще. Эта горячая вѣра сказалась не въ одной только тревожной и богатой событіями политической исторіи, но и въ плодотворной научной и литературной жизни. И настолько близко выдвинутыя вѣкъ тому назадъ французскимъ народомъ просвѣтительныя идеи показали всѣмъ и каждому, что нашли всюду, куда проникли, сочувственный отзывъ и принесли обильную жатву. Духовная культура нынѣшняго вѣка, въ ея наиболѣе цѣнныхъ элементахъ, есть по преимуществу созданіе великихъ движеній во Франціи въ прошломъ и въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Теперь, когда нашъ вѣкъ приходитъ къ концу, любопытно посмотрѣть, что сталось съ этой вѣрой, которая столь бодро подвигала на просвѣтительную борьбу лучшіе умы во Франціи,—окрѣпла-ли она и созрѣла, или, слѣдуя за отходящимъ вѣкомъ, одряхлѣла и готовится смѣниться новой?»

Ища отвѣта на этотъ вопросъ, авторъ обращается къ современной французской литературѣ и, главнымъ образомъ, къ наиболѣе популярнымъ писателямъ, потому что только произведенія такихъ авторовъ, по мнѣнію г. Гилярова, могутъ служить камертономъ настроенія современной Франціи. Нетрудно уловить основную ноту этого камертона. Она звучитъ ясно и отчетливо: отходящій вѣкъ во Франціи, утративъ всякую вѣру, жаждетъ ея, ищетъ и нигдѣ не находитъ. Эту мысль онъ видитъ и у Зола, и у Альфонса Додэ, и у Мопассана, и у Бодлэра, и у Ренана, и у Тэна. Отрывки, приводимые г. Гиляровымъ изъ этихъ писателей пространны и очень удачно выбраны и превосходно рисуютъ то нрав-

ственное состояніе, въ которомъ находится французскій умъ. Но какимъ образомъ совершился этотъ переходъ отъ вѣры въ идеалъ къ отрицанію идеала? Причину неустойчивости вѣры во французскомъ умѣ авторъ видитъ въ раціонализмѣ. Для французскаго раціонализма—истинно то, что ясно и раздѣльно. Эта, предложенная впервые Декартомъ, формула выражаетъ идеалъ всей вообще французской мысли. Но этотъ принципъ, обусловившій собой столько великихъ твореній въ философіи, поэзіи, наукѣ, долженъ былъ, по своей односторонности, неминуемо повести къ скептицизму и утратѣ идеала. Какъ только мы примѣнимъ его къ наличной дѣйствительности, оказывается, что въ ней для нашего разума весьма немногое ясно и раздѣльно, а самоочевидные, созданные самимъ разумомъ идеалы не соотвѣтствуютъ наличной дѣйствительности. Самое неясное для нашего разума, это—сокровенная природа вещей, ихъ сущность, или ихъ идеальное начало. Къ отрицанію этихъ сущностей или этого идеальнаго начала и долженъ былъ необходимо прійти французскій раціонализмъ, руководимый своимъ принципомъ. Отвергая сокровенную природу, какъ неясную для разума, французская мысль сосредоточилась на томъ, что явно для нашихъ чувствъ, и признала единственнымъ объектомъ знанія явленія, которыя затѣмъ были признаны и единственнымъ бытіемъ. Основатель французскаго раціонализма, Кондильякъ, не рѣшался еще отвергнуть душу, какъ отличное отъ тѣла начало, но уже его современники сдѣлали этотъ шагъ, отождествивъ его со способностью чувствовать. Раціонализмъ, такимъ образомъ, привелъ къ сенсуализму, а этотъ послѣдній—къ матеріализму. Современный французскій позитивизмъ есть синтезъ того и другого. Позитивизмъ не признаетъ никакихъ сущностей, а одни только явленія. Его задача въ томъ, чтобы находить связь между явленіями. Для него явленіе все—и воспринимаемый объектъ, и воспринимающій субъектъ, и самая связь между явленіями. Поэтому для позитивизма существуетъ только относительное, и въ этомъ признаніи всеобщей соотносительности онъ усматриваетъ свой основной принципъ. Впрочемъ, французскій народъ былъ приведенъ къ утратѣ идеала не одной лишь теоріей, но главнымъ образомъ практикой. Если критическая мысль, руководимая единственнымъ принципомъ ясности и раздѣльности, неминуемо приходитъ къ скептицизму, то съ такою же необходимостью приводитъ къ разочарованію мысль догматическая, руководимая тѣмъ же принципомъ, коль скоро отъ теоріи приступаетъ къ практикѣ. Къ переходу, во имя общихъ идей, отъ теоріи къ практикѣ разумъ побуждался тѣмъ настоятельнѣе, что наличная дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала теоріи, представлялась поэтому неразумной и требовала коренного преобразованія. Но если дѣйствительность, несмотря на всѣ усилія ее преобразовать, никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ разуму, то либо дѣйствительность въ самомъ корнѣ неразумна, либо разумъ не совершенно познаетъ дѣйствительность, либо, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ: дѣйствительность неразумна и

разумъ не можетъ ее познать. Всѣ эти выводы и были сдѣланы общественнымъ французскимъ сознаніемъ, и въ настоящее время нельзя найти ни одного руководящаго писателя, который бы не былъ въ большей или меньшей мѣрѣ пессимистомъ и скептикомъ. Изъ этого пессимизма и скептицизма современное французское сознаніе не видитъ выхода ни въ чемъ: ни въ чувствѣ, ни въ разумѣ, ни въ наукѣ, ни въ философіи, ни въ искусствѣ, ни въ политическихъ и соціальныхъ идеалахъ, и въ религіи.

Статья г. Гилярова еще не окончена.

ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНІИ.

Безработица въ Германіи и практическія мѣры къ ея смягченію.

Однажды намъ пришлось наблюдать въ Берлинѣ слѣдующую сцену: Одна изъ фешенебельныхъ берлинскихъ площадей. Зимнее холодное утро. Сытые, самодовольные, богато и тепло одѣтые бюргеры озабоченно спѣшатъ къ своимъ «гешефтамъ», другіе-же беззаботно гуляютъ. На площади—скамейки. На нихъ сидятъ около десятка-двухъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Эта сидящая группа—прямой контрастъ жизнерадостной бюргерской толпѣ: она худа, блѣдна и уныла. Мужчины—въ однихъ засаленныхъ и истрепанныхъ пиджакахъ, широкихъ шляпахъ или котелкахъ, съ давно небритыми физіономіями, женщины въ такихъ-же легкихъ накидкахъ. На рукахъ и возлѣ отцевъ и матерей толпятся всѣхъ возрастовъ дѣти. Они тихо плачутъ и поминутно просятъ своихъ родителей согрѣть и накормить ихъ. Мужчины мрачно молчатъ, тяжело вздыхая; женщины, готовыя сами заплакать, всячески ихъ утѣшаютъ. Эта сидящая на скамьяхъ площади группа—безработные. И такія картины въ городахъ Германіи встрѣчаются очень часто, да, даже очень часто... Что происходитъ во время безработицы въ рабочихъ кварталахъ, это прямо не поддается описанію. Вотъ, напримѣръ, какъ пришлось жить во время безработицы одному знакомому намъ рабочему семейству. Безработица продолжалась нѣсколько недѣль. Всѣ сбереженія были уже проѣдены. Приходилось постепенно распродавать вещи и на вырученныя отъ этого деньги впроголодь существовать. Постепенно было распродано все. Осталось только платье, которое было на нихъ, да одна кровать. Денегъ было уже немного. Приходилось страшно экономить и ежедневно питаться только однимъ хлѣбомъ, котораго покупали только на 10 пфениговъ. Квартира все это время не отапливалась, между тѣмъ стояла довольно холодная зима. Чтобы не тратить напрасно силы и согрѣться, вся семья, состоявшая изъ мужа, жены и трехъ маленькихъ дѣтей, цѣлыми днями и ночами, исключая мужа, бѣгавшаго въ розыскахъ за ра-

ботой, оставалась въ постели, изъ которой выходила только для естественныхъ отправленій. И при такихъ невозможныхъ условіяхъ семья эта выжила нѣсколько недѣль, пока, наконецъ, для мужа не нашлась работа. Разсказанный сейчасъ нами фактъ—не исключительное, а наоборотъ, типичное явленіе, неизбѣжно и часто наблюдающееся во время безработицы. Бываетъ даже еще и хуже—иногда безработные совершенно не имѣютъ куска хлѣба и пріюта для ночлега. Оказавшись въ такомъ поистинѣ несчастномъ положеніи, они не могутъ существовать и милостыней, прошеніе которой въ Германіи не только строго запрещается, но даже карается закономъ. Чтобы гарантировать свое сытое существованіе отъ непріятности слышать о нуждѣ, нѣмецкое бюргерство относительно просящихъ милостыню издало почти драконовы законы. Такъ, напримѣръ, по § 361 свода нѣмецкихъ законовъ штрафуется арестомъ отъ 1-го дня и до 6 недѣль всякій, кто безъ работы, дѣла и средствъ путешествуетъ по странѣ и, при этомъ, обращается за подачками (въ видѣ денегъ или вещей и т. п.) къ лицамъ, не связаннымъ съ нимъ ни родствомъ, ни договоромъ или тому подобными обстоятельствами, а также къ лицамъ, не располагающимъ никакими частными или общественными суммами для вспомоществованія бѣднымъ. По слѣдующему § 362-му присужденные уже нѣсколько разъ за нищенство, при которомъ употреблялись угрозы и даже оружіе, кромѣ 6-ти недѣльнаго ареста, должны передаваться въ руки мѣстной полиціи, которая такого рецидивиста-нищаго, руководясь личнымъ усмотрѣніемъ, можетъ посылать въ рабочій домъ на 2 года или-же въ теченіе 2-хъ лѣтъ примѣнять его къ своимъ мѣстнымъ общественнымъ работамъ [1]).

Беззмельное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, паденіе натуральнаго хозяйства и средневѣковаго цехового строя, техническій и машиностроительный прогрессъ, господство крупнокапиталистическихъ формъ производства, экспропріація мелкой земельной собственности и кустарно-ремесленныхъ производствъ, широкое примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда, перенаселеніе, милитаризмъ и, наконецъ, сезонныя и сдѣльныя работы породили въ Западной Европѣ на ряду съ другими соціальными язвами еще такую страшную язву, какъ безработица. Германія не избѣжала въ этомъ отношеніи общей участи прочихъ западно-европейскихъ государствъ. Безработица наблюдалась и наблюдается въ ней въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Мало того, она даже ежегодно возрастаетъ и къ послѣднему времени достигла громадной цифры. Такъ, напримѣръ, въ Германіи въ 1885 году число безработныхъ выражалось только въ 74,077 душъ обоего пола [2]), черезъ десять-же лѣтъ оно увеличилось въ нѣсколько разъ, а именно: 14-го іюня 1895 года, по даннымъ статистики о безработныхъ, производившейся на ряду со

[1]) Handwört. der Staatwissenschaft, von Conrad I. стр. 117—120-я. 1895 г.

[2]) Handw. der Staatw. von Conrad und Gen. Bd. I. 5, 88, изд. 1890 г.

статистикой всего населенія Германіи, было 229,352 безработныхъ обоего пола (218,603 мужч. и 80,749 женщ.) или 0,58% всего населенія Германіи и 1,89% всего числа рабочихъ. Зимой-же, 2 декабря, того-же 1895 года по даннымъ второй статистики о безработныхъ, производившейся на ряду со статистикой жителей Германіи по положенію ихъ въ обществѣ, число безработныхъ достигало еще большихъ размѣровъ, а именно: 771,005 душъ обоего пола (553,578 мужч. и 217,427 женщ.) или 1,40% всего населенія Германіи и 4,88% всего числа рабочихъ.

Въ составъ безработныхъ входили рабочіе самыхъ разнообразныхъ профессій. Такъ, въ сельскомъ хозяйствѣ (садоводство, лѣсоводство и рыбный промыселъ) по первой статистикѣ 14-го іюня 1895 года всѣхъ рабочихъ было 5.724,000 чел. обоего пола (3.317.750 мужч. и 2.406,300 женщ.), изъ которыхъ 38,538 чел. об. пола или 0,67% не имѣли работы (25,097 мужч. или 0,76% и 13,441 женщ. или 0,56%). По отношенію къ общему числу рабочихъ Германіи рабочіе въ сельскомъ хозяйствѣ составляли $36^1/_3$%, по отношенію-же ко всѣмъ безработнымъ безработные въ сельскомъ хозяйствѣ—12,88%. 2-го декабря 1895 года по даннымъ второй статистики въ сельскомъ хозяйствѣ безработныхъ было: 102,316 (3,06%) мужч. и 106,481 (4,39%) женщ., всего 208,797 (3,61%).

Изъ общаго числа рабочихъ, занимавшихся въ горномъ и строительномъ дѣлѣ и индустріи, простиравшагося по переписи 14 іюня 1895 года до 5.374,800 мужч. и 1.113,200 женщ., вмѣстѣ—6.506,800 (или 42% всѣхъ вообще рабочихъ Германіи) безработныхъ было: 140,158 мужч. (2,61%) и 26,851 женщ. (2,37%), вмѣстѣ 167,009 (2,57%), или $55^4/_5$% всѣхъ вообще безработныхъ. По второй статистикѣ 2-го декабря 1895 года безработныхъ было 346,150 мужч. (6,38%) и 45,321 женщ. (3,97%), вмѣстѣ 391,491 (5,96%) или $50^4/_5$% всѣхъ вообще безработныхъ.

Изъ общаго числа рабочихъ, занимавшихся въ торговлѣ и путяхъ сообщенія, (1.118,000 мужч. и 377,000 женщ., вмѣстѣ 1.495,000=$9^3/_5$ всѣхъ рабочихъ), безработныхъ 14-го іюня 1895 года было: 31,484 мужч. (2,82%) и 5,826 (1,55%) женщ., вмѣстѣ 37,310 (2,5%) т. е. $12^1/_2$% всѣхъ безработныхъ. 2-го декабря 1895 г. безработныхъ было 50,631 (4,49%) мужч., 7,851 (2,06%) женщ., вмѣстѣ 58,482 (3,88%) или $7^3/_5$% всѣхъ безработныхъ.

Изъ общаго числа рабочихъ, занимавшихся услугами и поденьщиной (224,000 мужч. и 1.547,800 женщ., вмѣстѣ 1.771,800 чел. или $11^2/_5$% всѣхъ рабочихъ) безработныхъ 14-го іюня было: 17,355 (7,75%) мужч. и 32,466 (2,10%) женщ., вмѣстѣ 49,821 (2,81%) или $16^2/_3$ всѣхъ безработныхъ. По второй переписи, 2-го декабря 1895 года, безработныхъ было: 48,300 мужч. (21,36%) и 55,618 женщ (3,56%), вмѣстѣ 103,918 (5,81%) или $13^1/_2$ всѣхъ безработныхъ.

Изъ общаго числа рабочихъ, занимавшихся государств., обществ. и церковн. службами, а также свободными профессіями, 14-го іюня 1895 г. безработныхъ было: 4,509 мужч. и 2,165 женщ., вмѣстѣ 6,674 или

$2^1/_4$% безработныхъ. По декабрьской переписи безработныхъ было 6,181 мужч., 2,156 женщ., вмѣстѣ 8,337 чел. или 1,08% всѣхъ безработныхъ.

Присматриваясь къ вышеприведеннымъ статистическимъ даннымъ, мы видимъ, что большее количество безработныхъ мужчинъ находилось въ индустріи, а именно: 64% лѣтомъ и $62^1/_2$% зимой; меньшее-же въ домашнихъ услугахъ: 7,9% зимой и 8,7% лѣтомъ. Въ торговлѣ безработныхъ мужчинъ лѣтомъ 1895 года было 14,4% всѣхъ безработныхъ и $9^1/_6$% рабочихъ въ торговлѣ. Въ сельскомъ-же хозяйствѣ наблюдалось нѣчто обратное: лѣтомъ безработныхъ было $11^1/_2$%, а зимой $18^1/_2$%. Что-же касается безработныхъ женщинъ, то самое большее количество ихъ лѣтомъ 1895 г. наблюдалось въ домашнихъ услугахъ: $40^1/_5$%, а зимой—въ сельскомъ хозяйствѣ: 49%. Самое-же меньшее количество безработныхъ женщинъ наблюдалось въ торговлѣ, притомъ, какъ зимой ($7^1/_5$%), такъ и лѣтомъ ($3^3/_5$%).

Если-же мы возьмемъ абсолютныя числа мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, то лѣтомъ 1895 года было больше всего безработныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ ($15^3/_4$% всѣхъ безработныхъ) и среди ремесленниковъ ($13^3/_5$%); меньше-же всего — въ лѣсномъ и рыболовномъ производствахъ ($^3/_5$%). Что-же касается зимы 1895 года, то самое большее количество безработныхъ было въ сельскомъ хозяйствѣ ($30^5/_6$%), самое-же меньшее—въ химическомъ производствѣ ($^1/_3$%). Самыя большія колебанія количества безработныхъ между декабремъ и іюнемъ 1895 года наблюдались въ слѣдующихъ отрасляхъ промышленности: въ сельскомъ хозяйствѣ на 100 іюньскихъ безработныхъ приходилось $541^4/_5$ декабрьскихъ, въ строительномъ дѣлѣ на 100—$544^4/_5$; въ лѣсной и рыболовной промышленности на 100—$398^1/_5$. Болѣе-же равномѣрныя колебанія числа безработныхъ наблюдались въ бумажной промышленности: іюнь 100, декабрь $104^4/_5$, и въ ткацкой: іюнь 100, дек.—$116^2/_3$. Вышеуказанныя значительныя колебанія числа безработныхъ зимой и лѣтомъ въ 1895 г. зависѣли отъ сезона.

Безработица продолжалась различное количество времени. Такъ, по первой іюньской переписи 1895 года, картина представлялась въ слѣдующемъ видѣ: 3,237 (1,1%) чел. не работали только 1 день; 29,461 (9,85%) чел. отъ 2 до 7 дн.; 61,591 ($20^3/_5$%) отъ 8 до 14 дн.; 35,263 ($11^7/_{10}$%) отъ 15 до 28 дн.; 71,229 ($23^5/_6$%) отъ 29 до 90 дн.; 49,305 ($16^1/_2$%)—91 день и болѣе; продолжительность безработицы 49,266 ($16^1/_2$%) неизвѣстна. По второй декабрьской переписи 1895 года 1 день не работали 13,213 ($2^1/_2$%) чел.; 2—7 дн.—94,673 ($12^1/_4$%); 8—14 дн.—199,606 ($25^8/_9$%); 15—28 дн.—131.821 ($17^1/_{10}$%); 29—90 дн.—189,884 ($24^5/_{12}$%) и относительно 54,184 (7%) чел. безработныхъ данныхъ не собрано.

По возрасту безработные, зарегистрированные во время первой іюньской переписи 1895 года, раздѣлялись такъ: отъ 14 до 20 лѣтъ—60,781 (20,3%) безработныхъ (40,513 мужч., 20,268 женщ.); отъ 20 до 30 лѣтъ—99,475=$33^1/_4$% (67,981 мужч., 31,494 женщ.); отъ 30 до 50 лѣтъ—86,760=29%; (69,621 мужч., 17,139 женщ.) отъ 50 до 70 лѣтъ—46,068=

=$15\frac{2}{5}$% (35,658 мужч. и 10,410 женщ.); 70 лѣтъ и болѣе 6.268=$2\frac{1}{10}$% (4,830 мужч., 1,438 женщ.). По второй декабрьской статистикѣ 1895 года безработные по своему возрасту раздѣлялись такъ: отъ 14 до 20 лѣтъ—144,800=$18\frac{4}{5}$% (95,650 м. и 49,155 ж.); 20—30 лѣтъ—232,000=$33\frac{1}{4}$% (159,300 м. и 72,700 ж.); 30—50 лѣтъ—238,100=29% (184,500 м. и 53,600 ж.); 50—70 лѣтъ—141.900=$15\frac{2}{5}$% (103,400 м. и 38,500 ж.); 70 и болѣе лѣтъ 14,200=$2\frac{1}{10}$% (10,730 м. и 3,460 ж.).

Теперь разсмотримъ безработныхъ въ отношеніи ихъ семейнаго положенія. По первой іюньской переписи 1895 года было 118,200 холостыхъ мужчинъ (54%) и 59,600 незамужнихъ женщинъ (74%). По второй декабрьской переписи холостыхъ мужчинъ было 262.600 ч. ($47\frac{1}{2}$%) и незамужнихъ женщинъ 136,500 (63%); вмѣстѣ въ іюнѣ $59\frac{2}{5}$%, въ декабрѣ $51\frac{4}{5}$%. Замужнихъ и женатыхъ, вдовыхъ, женатыхъ, но разведеныхъ, въ іюнѣ 1895 года было: 100,400 мужчинъ (46%) и 21,200 женщинъ (26%); въ декабрѣ—291,000 ($52\frac{1}{2}$%) мужч. и 80,900 (37%) женщинъ, вмѣстѣ въ іюнѣ $40\frac{3}{5}$%, въ декабрѣ $48\frac{1}{5}$%. Безработныхъ главъ семействъ въ іюнѣ 1895 года было: 104,520 (266,552 мужч. и 50,730 женщ.); въ декабрѣ—317,282 (266,552 мужч. и 50,730 женщ.); или въ іюнѣ было 35% всѣхъ безработныхъ, а въ декабрѣ 41%. У всѣхъ этихъ безработныхъ главъ семействъ общее число семейныхъ членовъ въ іюнѣ 1895 года было: 213,191 чел., а въ декабрѣ 703,250 человѣкъ. Такимъ образомъ, на 100 чел. главъ семействъ въ іюнѣ 1895 года падалъ 121 членъ семейства, а въ декабрѣ—134 члена семейства. Вообще, въ іюнѣ 1895 г. общее число безработныхъ и ихъ дѣтей было: 512,540 чел. (0,99% всего на селенія Германіи), а въ декабрѣ 1895 года — 1.474,255 чел. (2,84% всего населенія Германіи), или на 35 человѣкъ приходился одинъ безработный.

Если мы будемъ разсматривать безработицу въ Германіи въ частности, по отдѣльнымъ городамъ и провинціямъ, то должны будемъ констатировать слѣдующее: во многихъ мѣстахъ количество безработныхъ различно какъ вообще, такъ въ частности и по временамъ года. Такъ, напримѣръ, въ іюнѣ 1895 года самый большій процентъ безработныхъ падалъ на Берлинъ, гдѣ ихъ было 37,712 чел., т. е. 2,33% на 100 чел. населенія и 6,43% на 100 рабочихъ, а также на Гамбургъ, гдѣ безработныхъ было 7,7% всѣхъ рабочихъ Гамбурга или 2,6% всего его населенія. Самый-же меньшій процентъ безработныхъ въ іюнѣ 1895 года былъ въ Баваріи, на лѣвой сторонѣ Рейна, а именно 0,22% всего населенія и 0,78% рабочихъ; затѣмъ, также въ Страсбургѣ, гдѣ безработныхъ было 1,7% всѣхъ рабочихъ Страсбурга или 0,5% всего его населенія. Въ декабрѣ 1895 года самый большій процентъ безработныхъ также приходился на Берлинъ (57,410 безр. или 3,42% всего населенія, или 9,91% рабочихъ) и на Альтону (12,8% всѣхъ рабочихъ Альтоны, или 3,96% всего населенія ея). Самый-же меньшій процентъ безработныхъ въ декабрѣ 1895 года наблюдался въ Эльзасъ-Лотарингіи (0,61%

всѣхъ рабочихъ) и въ Штутгартѣ (3.36% всѣхъ рабочихъ Штутгарта, или 1,19% всего его населенія). Вообще, на города съ большимъ населеніемъ безработныхъ выпадало больше, чѣмъ на города съ населеніемъ меньшимъ, въ которыхъ число безработныхъ было, сравнительно, незначительно.

До сихъ поръ мы разсматривали безработныхъ вмѣстѣ съ больными, фактически также безработными, но теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію безработныхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. По первой статистикѣ 14 го іюня 1895 года безработныхъ въ собственномъ смыслѣ слова было 179.004 чел. обоего пола (132,737 мужч. и 46,267 женщ.), а по второй статистикѣ 2-го декабря 1895 года—553,640 человѣкъ об. пола (400,017 мужч. и 153,623 женщ.) [1]). Такимъ образомъ, между лѣтомъ и зимой получилась значительная разница, а именно: на 374,636 чел. Послѣдняя, по мнѣнію профессора Schanz'а, зависѣла отъ климата, что онъ вполнѣ удовлетворительно и доказываетъ въ своей статьѣ на примѣрахъ 34-хъ группъ соотвѣтствующихъ производствъ.

Высота безработицы въ отдѣльныхъ группахъ производствъ 14-го іюня и 2-го декабря 1895 года достигала слѣдующихъ размѣровъ:

14-е іюня 1895 года.	Число рабочихъ вообще.	Число безработныхъ.	% отнош. безработн. къ рабоч.
1. Сельск.-хоз., лѣсоводст., садоводство, скотоводство и рыболовство . . .	5.724,026	19,204	0,33
2. Индустрія, строительн. и горное дѣло.	6.506.845	97,782	1,53
3. Торговля и перевозка	1.494,954	26,180	1,75
4. Домашнія услуги и перемѣнныя работы	1.771,807	30,907	1.74
5. Госуд., общ. церк. служба и свободныя профессіи	649,039	4,931	0,76
	16.146,671	179,004	1 11

2-е декабря 1895 года.	Число рабочихъ вообще.	Число безработныхъ.	% отнош. безработн. къ рабоч.
1. Сельск. хоз., лѣсоводст., садоводство, скотоводство и рыболовство . . .	5.776,688	162,472	2,80
2. Индустрія, строительн. и горное дѣло.	6.566,712	274,625	4,18
3. Торговля и перевозка	1.508,708	41,994	2,78
4. Домашнія услуги и перемѣнныя работы	1.788,108	68,423	3,83
5. Госуд., общ. церк. служба и свободныя профессіи	655,010	6,126	0,93
	16.295,226	553,640	3,40

[1]) «Archiv für Gesetzgeb. und Statist. 1897 III Heft. professor dr. Georg. Schanz

Что-же касается отдѣльныхъ производствъ, заключавшихъ въ себѣ безработныхъ въ собственномъ смыслѣ, то по второй декабрьской статистикѣ 1895 года дѣло представлялось въ слѣдующемъ видѣ: высшая степень безработицы наблюдалась у столяровъ—9,36%; модистокъ—6,41%; рыболововъ—14,54%; обойщиковъ—10,91%; маляровъ—13,52%; кровельщиковъ—17,18%; штукатуровъ—17,52%; красильщиковъ комнатъ—17,31%; каменщиковъ—18,71%; мостовщиковъ—21,90%; имѣвшихъ перемѣнную работу—20,83%, и т. д.

Низшая степень безработицы въ это время была въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ—0,14%; желѣзнодорожномъ—0,15%; церковно-религіозныхъ учрежденіяхъ—0,24; педагоческомъ—0,33%; свободныхъ профессіяхъ (среди частныхъ учителей, журналистовъ, адвокатовъ)—0,41%; государственно-общественной службѣ—0,45%; среди корсетницъ—0,45%; рудокоповъ—0,47%; и, наконецъ, въ игрушечномъ производствѣ—0,48%.

Безработные въ собственномъ смыслѣ въ отношеніи мѣстъ распредѣлялись также, какъ и вообще всѣ безработные, а именно: всѣ города Германіи съ населеніемъ, превышавшимъ 100,000 жителей, заключая съ себѣ 14-го іюня 1885 г. 7.027,790 чел., имѣли 78,911 чел. безработныхъ или на 100 жителей падало 11,2% безработныхъ, на 100 рабочихъ—38,8% безработныхъ. Второго декабря 1895 года города этой группы, имѣя 7.272,400 жителей, заключали въ себѣ 116.801 безработныхъ, или на 100 жителей—16,9% безработныхъ и на 100 рабочихъ 30,5%. Въ частности, по статистикѣ 2-го декабря 1895 г. въ Берлинѣ на 1000 рабочихъ падало—65; въ Гамбургѣ—71; Бреславлѣ—57; Магдебургѣ—63; Ганноверѣ—50; Кёнигсбергѣ—79; Альтонѣ—98; Страсбургѣ—73; Данцигѣ—93; Шарлоттенбургѣ—59; Галле—58; Браушвейгѣ—51.

Общины съ населеніемъ 10.000—100.000 жителей, заключая въ себѣ 14-го іюня 1895 года 8.524,363 чел., имѣли 38.624 безработныхъ, т. е. на 100 жителей падало 4,5% безр. и на 100 рабочихъ—7,6% безработныхъ. Второго декабря 1895 года общины эти, заключая въ себѣ 8.771,439 жителей, имѣли 88,349 безработныхъ или на 100 жит.—10,7% безр., на 100 рабочихъ 33,2% безработныхъ.

Общины съ населеніемъ менѣе 10,000 чел., заключая въ себѣ 14-го іюня 1895 года 36.218,131 жителей, имѣли 61,469 безработныхъ, или на 100 жителей падало 1,7% безр., а на 100 рабочихъ 7,6% безр. Второго декабря общины эти, заключая 36.202,750 жителей, имѣли 348,490 чел. безр., или на 100 жителей падало 9,6% безр., на 100 же рабочихъ—33,2% безработныхъ.

Отношеніе безработныхъ въ собственномъ смыслѣ ко всему населенію Германіи было слѣдующее: 14-го іюня 1895 года 0,34% (всего населенія въ это время было 51.770,284 чел.); 2-го декабря 1895 года 1,06% (52.246,589 всего населенія).

Отношеніе безработныхъ въ собственномъ смыслѣ къ общему числу рабочихъ Германіи 14-го іюня 1895 года было 1,11% (16.146,671 всѣхъ

рабочихъ); 2-го декабря 1895 года—3,40% (16.295,226 всѣхъ рабочихъ).

Продолжительность безработицы у безработныхъ въ собственномъ смыслѣ выразилась въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	14-го іюня 1895 г.	2-го декабря 1895 г.
1 день	2,104 человѣка	15,791 человѣкъ
2—7 »	17,471 »	70,589 »
8—14 »	39,639 »	155,206 »
15—28 »	19,782 »	98,180 »
29—90 »	39,398 »	132,810 »
91— и болѣе	25,236 »	39,031 »
неизвѣстно	35,334 »	42,013 »
	Итого 179,004 чел.	Итого 553.640 чел.

	14-го іюня 1895 г.	2-го декабря 1895 г.
1—28 дней	79.016 чел.—55%	339,766—66,4%
29 дней и болѣе	64,634 чел.—45%	171,861—33,6%
	Итого 143.670 чел.—100%	Итого 511,627—100% [1])

Такова была общая картина безработицы въ Германіи въ 1895 году. Безработица, какъ выше видѣли наши читатели, тамъ за послѣднее время достигла громадныхъ размѣровъ и проникла почти во всѣ отрасли труда.

Не менѣе поразительна по своимъ размѣрамъ и ея продолжительность [2]). Стоитъ только немного вдуматься въ вышеприведенный, повидимому, сухой цифровой матеріалъ о продолжительности безработицы, напримѣръ, въ декабрѣ 1895 года (отъ 1 до 28 дней было безъ работы 66,4%!..), чтобы представить себѣ весь ужасъ положенія несчастныхъ безработныхъ. Дѣйствительно, положеніе ихъ—ужаснѣйшее. Подавляющее большинство рабочихъ не имѣетъ почти никакихъ сбереженій, а если у кого-нибудь и есть какія-нибудь крохи, то онѣ быстро проживаются. Между тѣмъ, безработица, какъ видѣли выше наши читатели, продолжается цѣлыми недѣлями и даже мѣсяцами. Быстро распродаются и съѣдаются жалкіе пожитки, и безработный оказывается въ одномъ своемъ традиціонномъ костюмѣ. Проходитъ еще нѣсколько времени въ безработицѣ и несчастные безработные за неплатежъ квартирныхъ денегъ, безжалостно выбрасываются вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми грубымъ бюргеромъ-собственникомъ на мостовую. Оказавшись безъ крова, безработные днемъ, обыкновенно, ютятся гдѣ-нибудь на бульварахъ, площадяхъ, въ садахъ и скверахъ; ночью—или здѣсь-же или подъ мостами, а въ лучшихъ слу-

[1]) См. ст. Prof. Dr. Georg Schanz (Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik, 1897, drittes Heft.),

[2]) Необходимо замѣтить то, что 1895 годъ, по утвержденію профессора Schanz'а былъ особенно благопріятенъ для рабочихъ, такимъ образомъ, въ болѣе неблагопріятные года въ Германіи безработныхъ было значительно больше.

чаяхъ въ ночлежныхъ домахъ. Живущимъ въ Германіи нерѣдко приходится наблюдать горькую жизнь безработныхъ и слышать о ней самые тяжелые и ужасные разсказы.

Отсутствіе какихъ-либо средствъ къ существованію и невозможность жить «христовымъ именемъ», въ виду суровой кары за это, ставятъ безработныхъ въ Германіи въ затруднительнѣйшее положеніе, изъ котораго для нихъ не представлялось-бы никакого благопріятнаго выхода, если-бы къ нимъ не приходила на помощь правительственная и частная общественная иниціатива со своими смягчающими послѣдствія безработицы мѣрами, къ описанію которыхъ мы перейдемъ дальше.

Н. Вишневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Бурса въ прессѣ.

(Къ характеристикѣ одесской прессы).

«Не родись ни уменъ, ни пригожъ, родись счастливъ», говоритъ пословица. Г. Дорошевичъ изъ «Одесскаго Листка» родился счастливымъ человѣкомъ, счастлимъ журналистомъ.. Его счастье заключается въ его писательскомъ благодушіи, благодя которому онъ съ чистымъ сердцемъ и съ легкимъ духомъ можетъ работать въ какомъ угодно лагерѣ. Онъ—по его собственному заявленію—«стоитъ внѣ всякихъ партій». Это хорошо. Это доказываетъ самостоятельность и оригинальность ума, не подчиняющагося партійной дисциплинѣ. У французовъ — Прудонъ, у англичанъ—Карлейль, у нѣмцевъ Шерръ то-же стояли «внѣ партій» и «говорили то, что думали». Къ сожалѣнію, г. Дорошевичъ «стоитъ внѣ партій», не на манеръ Прудона, а болѣе на манеръ г. Лейкина, котораго тоже ни одна изъ нашихъ партій не имѣетъ чести считать въ своихъ рядахъ. Дѣло въ томъ, что г. Дорошевичъ, подобно г. Лейкину, только разсказчикъ и не болѣе какъ разсказчикъ. А что взять съ разсказчика? Мы можемъ требовать отъ него правдивости, живости, въ лучшихъ случаяхъ даже извѣстной поучительности, но требовать отъ него идей было-бы рѣшительно несправедливо. Совсѣмъ это не по его части и не его ума дѣло. Такимъ образомъ, онъ дѣйствительно можетъ хвалиться тѣмъ, что онъ стоитъ «внѣ партій», потому что принадлежность къ той или другой партіи опредѣляется характеромъ вашихъ идей, и если у васъ ихъ не имѣется, вамъ не зачѣмъ стѣснять себя какими-нибудь рамками. Положеніе въ высшей степени удобное и «умное», и «пригожіе» журналисты имѣютъ всѣ резоны позавидовать «счастливому» г. Дорошевичу, хотя, по всей вѣроятности, все-таки ни за какія сокровища не согласились-бы помѣняться съ нимъ долями.

Намѣренія или претензіи г. Дорошевича идутъ, впрочемъ, дальше безхитростныхъ поползновеній г. Лейкина. Этотъ разсказываетъ безъ

затѣй, что Богъ на душу положитъ, тогда какъ г. Дорошевичу желательно было-бы и повеселить читателя и явиться остроумнымъ. Прекрасная вещь—остроуміе. Но его значеніе—чисто случайное и находится въ зависимости отъ той цѣли, которая посредствомъ его достигается. Если вы шутите и острите только затѣмъ, чтобы вызвать смѣхъ—вы только весельчакъ и забавникъ, мыть можетъ, очень пріятный въ обществѣ, но съ которымъ едва-ли кто захочетъ говорить серьезно. Если въ вашихъ шуткахъ есть нравственная подкладка, моральное поученіе или вообще какая-нибудь идея—вы можете пріобрѣсти значеніе уже не забавника, а въ полномъ смыслѣ слова дѣятеля, значеніе дѣятельности котораго будетъ прямо пропорціонально ширинѣ руководящей имъ идеи. Каламбуристъ и бонмотистъ настолько-же ниже эпиграмматиста, насколько послѣдній ниже сатирика. Всѣ они пользуются легкимъ оружіемъ остроумія, но для цѣлей далеко не одинаковыхъ: цѣль каламбура—заставить улыбнуться, цѣль эпиграммы—уколоть ту или другую личность, цѣль сатиры—осмѣять и тѣмъ самымъ поразить то или другое зло общественной жизни.

Совсѣмъ къ другой категоріи слѣдуетъ отнести издѣлія г. Дорошевича, какія появляются на страницахъ «Одесскаго Листка» подъ этикетами «за день», «за недѣлю». Это ничто иное, какъ легковѣсная болтовня, съ одной стороны, и произведеніе обличеній и порнографіи—съ другой.

И такое явленіе въ нашей литературѣ даже не ново. Помните-ли вы ту писательскую школу, которая еще въ до-петровскія времена образовалась въ кіевскихъ и виленскихъ духовныхъ училищахъ и въ московской славяно-греко-латинской академіи? Изъ нея вышли на поприще сочинительства цѣлыя фаланги псевдо-поэтовъ, вродѣ Симеоновъ Полоцкихъ, Лазарей Барановичей, Сильвестровъ Медвѣдевыхъ, которые видѣли поэзію въ тяжелыхъ силлабическихъ виршахъ. Не то-ли мы видимъ теперь въ нашей журналистикѣ? Новые Лазари и Сильвестры упражняются въ сочиненіи легковѣсныхъ фельетоновъ и вовсе не подозрѣваютъ, что это только формы фельетона, а на самомъ дѣлѣ въ этихъ прозаическихъ виршахъ столько-же общественной жизни, сколько поэзіи въ «поэтатахъ» и «акростишахъ» нашихъ стихослагателей XVII вѣка. У тѣхъ и другихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда знанія дѣйствительной жизни. Разумѣется, наши современные журнальные ратоборцы, какъ и старые риторы, считаютъ себя людьми передовыми, просвѣтителями народа, а свои письменныя издѣлія свѣтлою «литературою будущаго». Но на самомъ дѣлѣ, посмотрите, какіе нравы внесли эти люди въ нашу литературу, какую камчатку открыли они въ средѣ нашей журналистики, какую партію сформировали изъ своихъ бурсацкихъ друзей. Все, что мы видимъ грубаго въ понятіяхъ и бытѣ, который такъ вѣрно представленъ въ «Очеркахъ» Помяловскаго, люди эти перенесли цѣликомъ на страницы интересующей насъ газеты, и, разумѣется, настолько рѣзче, на-

сколько должны были возмужать эти юноши по выходѣ изъ школы на широкое поле общественной дѣятельности. Прежняя бурсацкая долбня и механическое заучиванье учебниковъ сохранились во всей прелести, въ примѣненіи къ новой «добровольной» долбнѣ «злобъ дня». Какъ на школьныхъ скамьяхъ зазубривали они въ своихъ тетрадяхъ: «стыдъ и срамъ... постигли... стигли, стигли»—такъ и теперь принялись долбить, по той-же методѣ и съ тою-же настойчивостью: «Ухъ! какъ хорошо!.. Ухъ! какъ хорошо!..» Типы Помяловскаго прямо перешли въ журналистику, но только еще болѣе возмужали и окрѣпли. Это тѣ-же Тавли, Гороблагодатскіе и Шестіухіе-Чабри, которые перенесли свою дѣятельность съ парты бурсацкой камчатки въ редакціи газетъ. Лупка, швычка и волосянки живьемъ перенесены въ интересующую насъ газету и вызвали то печальное явленіе, что нѣкоторые стали отворачиваться отъ этой газеты и считать неприличнымъ подписываться на нее. И что значитъ школьныя волосянки и смази передъ тѣми лупками и смазями, какими осыпаютъ несчастнаго обывателя эти витязи? Въ разсматриваемой доблестной газетѣ фельетоны являются не съ цѣлью разъясненія какого-нибудь общественнаго вопроса, а изъ-за того только, чтобы рѣшить, кто изъ фельетонистовъ лучше обличитъ, лучше обругаетъ обывателя, точно такъ-же, какъ Омега и Чабря забавлялись—кто выше плюнетъ на классную стѣну. Верхнія и нижнія смази и загибанье обывателю салазокъ приняли грандіозные размѣры. Вся «черная и бѣлая грязь» перешла въ газету; все, что въ бурсацкихъ замашкахъ было грубаго и отталкивающаго, высказалось въ писаніяхъ фельетонистовъ нашихъ дней. Одинъ называетъ обывателя «вислоухимъ», другой, въ свою очередь, величаетъ его «прихвостникомъ». Одинъ упрекаетъ обывателя за то, что онъ спалъ въ какой-то графской передней, а другой называетъ его «хавроньей». Ну, не лучше-ли это всѣхъ бурсацкихъ волосянокъ, не только горяченькихъ, но и съ пылу горячихъ? Самъ Тавля не загибалъ такъ энергически салазокъ своихъ однопартниковъ. И такіе подвиги журнальной камчатки совершаютъ люди не глупые, но только поврежденные вліяніемъ журнальной парты Гороблагодатскихъ и Чабрей, у которыхъ всего больше развито искусство задавать «съ пылу-горячихъ» кому ни попало.

Мы рѣшились высказать все это не потому, чтобы у насъ были какія-нибудь личныя неудовольствія на журнальную камчатку: мы никогда не участвовали въ ея играхъ въ катушки и смази; а говоримъ единственно для объясненія настоящаго значенія газетной парты «Одесскаго Листка». Намъ искренно жаль ее, потому что мы видимъ въ ней людей съ дарованіемъ, которые могли-бы быть полезными обществу своей дѣятельностью, а между тѣмъ, тратятъ ее самымъ безплоднымъ и жалкимъ образомъ, именно въ то время, когда наше общество нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ. Понятно, что такая отрицательная дѣятельность дѣйствуетъ на общество деморализующимъ образомъ, парализуетъ правильный ходъ журналистики, ослабляетъ ея вліяніе въ то время,

когда она могла-бы быть особенно полезною и, наконецъ, унижаетъ значеніе той самой журналистики, которая такъ много содѣйствовала развитію общества.

Н. Герепштейнъ.

ЗАМѢТКА.

(Вниманію гг. консерваторовъ Императорскаго Эрмитажа).

Посѣтителямъ эрмитажа, конечно, хорошо знакома картина «Святое Семейство» (№ 14), отмѣченная въ каталогѣ эрмитажа, какъ принадлежащая кисти Леонардо да-Винчи. Въ каталогѣ она описана слѣдующимъ образомъ: «Богоматерь, въ алой туникѣ на голубомъ подбоѣ и въ синей мантіи съ зеленой подкладкой, сидитъ и держитъ у себя на колѣняхъ своего сына, который, улыбаясь, ищетъ ея грудь. Справа стоитъ, опираясь на посохъ, св. Іосифъ, нѣжно взирающій на Богоматерь и младенца. На немъ—бѣлый хитонъ и коричневый плащъ. Слѣва, св. Екатерина, въ сѣрой туникѣ съ золотымъ шитьемъ по краю и въ красной мантіи, держитъ пальмовую вѣтвь въ лѣвой рукѣ и читаетъ книгу; возлѣ нея—орудіе ея мученичества, колесо». Извѣстно, что послѣднее (третье) изданіе этого каталога было совершенно переработано, исправлено и дополнено однимъ изъ авторитетнѣйшихъ знатоковъ искусства, А. И. Сомовымъ, который прибавилъ къ описанію картины слѣдующую историческую справку: «эта картина нѣкогда находилась въ Мантуѣ, въ галереѣ тамошнихъ герцоговъ; отсюда она была похищена въ 1630 г., при разграбленіи города нѣмецкими войсками. Будучи потеряна изъ виду въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ, она сдѣлалась въ 1770 г. собственностью аббата Сальвадори, секретаря императорскаго намѣстника, графа Фирміана. Наслѣдники аббата уступали ее Императрицѣ Екатеринѣ II. По мнѣнію Вагена (Gemäldegalerie der Ermitage, 33), картина эта написана позже 1490 г. Голова св. Екатерины, по всей вѣроятности, не вымышленный идеалъ, а портретъ, но не изображаетъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, Фильберту Савойскую, супругу Юліана Медичи и невѣстку папы: эта принцесса родилась въ 1498 г., а картина исполнена раньше. Старецъ, съ котораго написана фигура св. Іосифа, является также въ картинѣ Леонардо, извѣстной подъ названіемъ «La Vierge au basrelief», и находящейся у лорда Уарвика (Warwick) въ Гаттонпаркѣ, въ Англіи. Неоконченная копія съ нея, нѣсколько превосходящая ее величиной—

въ галереѣ Брера, въ Миланѣ, и выдается тамъ за оригиналъ *Чезаре да Сесто*».

Конечно, мнѣніе такихъ знатоковъ искусства, какъ Вагенъ и А. И. Сомовъ, должно быть принято во вниманіе при рѣшеніи вопроса о томъ: принадлежитъ-ли эта картина Леонардо да-Винчи или кому-либо изъ его учениковъ. Тѣмъ не менѣе, многіе ученые рѣшительно высказались противъ подлинности картины и не считаютъ ее принадлежащей кисти Леонардо. И дѣйствительно, картина эта, по нѣкоторому безсилію рисунка и отсутствію наиболѣе характерныхъ особенностей художественной манеры Леонардо да-Винчи, возбуждаетъ значительныя сомнѣнія. Такимъ образомъ, вопросъ о принадлежности картины «Святое Семейство» кисти Леонардо до сихъ поръ остается открытымъ. Мы, однако, думаемъ, что онъ разрѣшается очень просто. Прежде всего замѣтимъ, что въ настоящее время едва-ли найдется ученый, который бы серьезно думалъ, что «Viérge au basrelief» написана Леонардо да-Винчи. Фумагали, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе приписываетъ ее Чезаре да Сесто. «Viérge au basrelief»—повтореніе эрмитажнаго «Святого Семейства», съ тою только разницей, что на первой св. Екатерина замѣнена св. Захаріемъ и прибавленъ младенецъ Іоаннъ, котораго нѣтъ на эрмитажной картинѣ. Такое совпаденіе и само по себѣ уже довольно интересно, и указываетъ на Чезаре да-Сесто, какъ на дѣйствительнаго автора обѣихъ картинъ. Но существуетъ еще и другое, любопытное обстоятельство, приводящее къ тому-же заключенію. Разсматривая какъ-то коллекцію фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе замѣчательныхъ картинъ школъ сѣверной Италіи, мы оба, одновременно, замѣтили, что св. Іосифъ эрмитажной картины является совершенно точнымъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, снимкомъ съ св. Іосифа на картинѣ, несомнѣнно принадлежащей Чезаре да-Сесто, «Поклоненіе волхвовъ», находящейся въ неаполитанскомъ музеѣ [1]). Стоитъ только положить оба снимка рядомъ и сравнить ихъ, чтобы убѣдиться, что эти фигуры на обѣихъ картинахъ совершенно тождественны и картины эти принадлежатъ очевидно одной и той же кисти. Теперь, опираясь на изложенныя соображенія, мы по необходимости должны заключить, что какъ «Поклоненіе волхвовъ», такъ и эрмитажная картина «Святое Семейство» принадлежатъ одному и тому-же автору, именно Чезаре да-Сесто, талантливѣйшему изъ учениковъ Леонардо да-Винчи. Мы были бы счастливы, если бы А. И. Сомовъ и другіе ученые высказались по этому предмету. Леонардо да-Винчи — одинъ изъ немногихъ художниковъ, оставившихъ послѣ себя очень мало произведеній, подлинность которыхъ положительно несомнѣнна. Онъ работалъ медленно и оставилъ послѣ себя много недоконченныхъ вещей, но мотивы его творчества давали матеріалъ, который разработывался его учениками,

---

[1]) См. «Nuova guida generale del Museo Nazionale di Napoli» per Achille Migliozzi e Domenico Monaco, № 16, стр. 189.

между которыми были художники съ большимъ талантомъ. Кромѣ «Св. Семейства», въ Эрмитажѣ хранятся еще двѣ картины «Мадонна Литта» и «Женскій портретъ», подлинность которыхъ тоже возбуждаетъ великія сомнѣнія. Но къ этому вопросу кто-нибудь изъ насъ современемъ еще возвратится.

В. Чуйко.
А. Волынскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Литературныя замѣтки» А. Волынскаго до осени прекращаются. «Политическая лѣтопись» и «Культурныя письма» проф. А. Трачевскаго, присылаемыя намъ изъ-за границы, не могутъ быть напечатаны въ настоящей книжкѣ журнала безъ задержки своевременнаго ея выхода.

ЗАЯВЛЕНІЯ.

Продолжающееся непрерывно и доходящее по временамъ до опустошительныхъ эпидемій проявленіе остро-заразныхъ болѣзней, какъ дифтерія и тифъ, а также постоянно увеличивающееся число одержимыхъ хроническими, передаваемыми отъ одного къ другому, болѣзнями, какъ бугорчатка и сифилисъ, наводятъ на мысль, что для возможнаго противодѣйствія этому злу недостаточно общихъ, примѣняемыхъ у насъ земствомъ, городами и администрацией мѣропріятій, но необходимо содѣйствіе всѣхъ просвѣщенныхъ лицъ, которымъ дороги интересы нашего отечества, столь несомнѣнно нуждающагося въ широкомъ поднятіи его санитарнаго благосостоянія. Въ виду сказаннаго, Ея Императорское Высочество Принцесса Евгенія Максиміліановна Ольденбургская положила начало организаціи особаго общества для борьбы съ заразными болѣзнями, уставъ котораго, составленный подъ руководствомъ Ея Императорскаго Высочества, утвержденъ 5 іюня 1896 года.

Общество состоитъ изъ: а) членовъ почетныхъ, оказавшихъ особыя услуги въ достиженіи преслѣдуемыхъ обществомъ цѣлей, б) членовъ учредителей, подписавшихъ протоколъ объ учрежденіи общества и присоединившихъ свои подписи на протоколѣ, до открытія дѣйствія Общества, в) членовъ-соревнователей, вносящихъ въ кассу Общества не менѣе 100 руб. единовременно или 5 руб. ежегодно и г) членовъ сотрудниковъ, личнымъ трудомъ принимающихъ участіе въ дѣятельности Общества. Не могутъ быть членами Общества: лица несовершеннолѣтнія, за исключеніемъ имѣющихъ классные чины, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ нижніе чины, учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ и подвергшіеся ограниченію правъ по суду.

Лица, желающія быть избранными въ члены соревнователи или члены сотрудники Общества, приглашаются заявлять о своемъ желаніи членамъ учредителямъ, которые снабжены квитанціонными книжками для пріема взносовъ.

Заявленія и взносы могутъ быть направляемы также въ Контору Двора Его Высочества Принца Александра Петровича и Супруги Его

Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургскихъ: С.-Петербургъ.—Марсово поле, дворецъ Ихъ Высочествъ.

Члены учредители: Ея Императорское Высочество Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская; Его Высочество Принцъ Петръ Александровичь Ольденбургскій; Палладій, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, Александро-Невская Лавра; Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, Кабинетская, 17; Александръ Желобовскій, протопресвитеръ, Воскресенскій, 18; Л. Б. Бертенсонъ, Воскресенскій, 12; В. М. Бехтеревъ, Самарская, 9; Баронъ О. О. Буксгевденъ, Кирочная, 48; И. А. Воронинъ, Выборгская наб., 27—29; Баронесса В. Е. Врангель, Оренбургская, 4; А. А. Герке, Владимірская, 16; П. И. Граціанскій, Никольская пл., 1, Княжна М. М. Дондукова-Корсакова, Сергіевская, 10; З. Я. Ельцина, Колокольная, 7; Н. П. Забугинъ, В О. 5 лин., 34; А. А. Левенстимъ, Гагаринская ул., 12; Н. К. Липинскій, Фонтанка, 140; С. М. Лукьяновъ, Лопухинская, 12; А. А. Нарышкинъ, Милліонная, 9; Э. Л. Нобель, Выборгская наб., 19; Баронъ А. В. Фонъ-деръ-Паленъ, Б. Итальянская, 31; Л. Ф. Рагозинъ, Кузнечный, 14; К. А. Раухфусъ, Лиговская, 8; О. Н. Рукавишникова, Н. Адмиралт. наб., 10; И. В. Рукавишниковъ, Н. Адмиралт. наб., 10; А. А. Руссовъ, Литейный, 53; А. П. Саломонъ, Николаевская, 38; С. А. Смуровъ, Гороховая, 19; П. Н. Тарновская, Мойка, 104; В. М. Тарновскій, Мойка, 104; Князь Э. Э. Ухтомскій, Шпалерная, 26; Н. Е. Фриновскій, Пет. ст., Б. просп., 84; Н. Ф. Чигаевъ, Гагаринская ул., 12; Графъ С. Д. Шереметевъ, Фонтанка, 34; С. А. Эллисъ, Крѣпость, кв. Коменданта.

Общество «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ» при основаніи своемъ поставило себѣ задачею устраивать народныя чтенія и доставлять нуждающимся возможность читать, безъ всякой съ ихъ стороны затраты, книги, журналы и газеты. Общество полагало, что удовлетвореніе потребности въ чтеніи есть одна изъ самыхъ главныхъ и серьезныхъ обязанностей, лежащихъ на интеллигенціи. Рецидивъ безграмотности, встрѣчающійся и по настоящее время, ясно показываетъ, какъ мало еще сдѣлано въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого, Правленіе Общества обратило особенное вниманіе на организацію и развитіе безплатныхъ библіотекъ въ мѣстностяхъ, всего болѣе нуждающихся въ чтеніи. Частые запросы со стороны частныхъ лицъ и учрежденій побудили Правленіе пойти навстрѣчу отдѣльнымъ попыткамъ и, выдѣливъ изъ своей среды особый органъ—«библіотечную комиссію», возложить на него обязанность, помимо организаціи библіотекъ Общества, оказывать, по мѣрѣ возможности, содѣйствіе и частнымъ начинаніямъ.

Настоящимъ заявленіемъ Правленіе Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что библіотечная комиссія принимаетъ на себя устройство на-

родныхъ библіотекъ, закупку и разсылку книгъ въ провинцію по выработанному ею каталогу, приходитъ на помощь совѣтомъ по устройству библіотекъ и вообще содѣйствуетъ всѣмъ начинаніямъ этого рода. Библіотечная комиссія въ теченіе минувшаго года устроила двѣ безплатныя библіотеки и подготовила къ открытію еще двѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не далъ возможности расширить кругъ дѣятельности комиссіи, но Правленіе Общества «Помощь въ чтеніи» полагаетъ, что интеллигентное общество придетъ на помощь народному образованію и поддержитъ безплатныя библіотеки своимъ содѣйствіемъ.

Пожертвованія на существующія библіотеки и вновь открываемыя, а также средства (отъ 250 руб.) для устройства библіотекъ частныхъ лицъ и учрежденій принимаются въ Правленіи (С.-Петербургъ, Фонтанка № 18, кв. 18), съ обозначеніемъ «въ библіотечную комиссію», справки же и совѣты по дѣламъ библіотекъ даются предсѣдателемъ комиссіи (М. Д. Орѣховъ, Екатерингофскій пр., № 31, кв. 21) письменно или по вторникамъ и субботамъ, отъ 6 до 8 ч. вечера лично и секретаремъ комиссіи (д-ръ Мандельбергъ, В. Е., Садовая, № 88, кв. 15), по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 3 до 6 час. вечера.

Предсѣдатель Правленія проф. П. Лесгафтъ.
За Секретаря Дм. Головачевъ.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе мая мѣсяца.

Алтуховъ П. Г. Лошадь. Какъ ходить за нею, выбирать при покупкѣ и лечить чаще встрачающіяся ея болѣзни. Казань. 1897 г. Ц. 12 к.

Алтуховъ П. Корова. Какъ ходить за нею, выбирать при покупкѣ и лечить чаще встрѣчающіяся ея болѣзни. Казань. 1897 года. Ц. 12 к.

Аметистова Н. Средство противъ переутомленія или какъ надо работать, чтобы вмѣсто переутомленія да получалась жизнерадостность. Харьковъ. 1897 г. Ц. 5 к.

Arthus M. Основы физіологической химіи. Пер. Н. П. Данаева, подъ ред. д-ра Зубкова. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Афанасьевъ М. И. проф. Лекціи по клинической микроскопіи и бактеріологіи. Съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бардзкій, А. Э Невмѣненіе. Еще къ вопросу объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей. Кіевъ. 1897. Ц. 80 к.

Бекъ, С. и Браннъ, М. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Въ 2 томахъ. Т. II-й. Западный періодъ. Одесса. 1897. Ц. за оба тома 3 р. 50 к.

Бланъ Л. О разводѣ (новая библіотека № 3). Одесса. 1897 г.

Бобровъ, Евг. Этическія воззрѣнія гр. Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ. 1897. Ц. 80 к.

Борисъ Каховскій. Царское Село 1895—1886 г. (Стихотворенія).

Братчиковъ И. Л. Какъ осматривать лошадей при покупкѣ. Казань. 1896 г. Ц. 3 к.

Братчиковъ И. Л Опредѣленіе возраста у лошадей. Казань 1896 г. Ц. 3 к.

Брокгаузъ, Ф. А. и Ефронъ. И. А. Энциклопедическій словарь. Полутомы 37, 38, 39 и 40-й. Спб. 1897.

Буанъ Э. Исторія воды. Перев. Л. П. Н—вой. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Вальдо, Фр. Современная метеорологія. Очеркъ ея прошлаго и настоящаго. Пер. съ англійск. М. П. Косача подъ ред. Б. И. Срезвевскаго. Съ 112 рис. Спб. 1897. Ц. 2 р. 75 к.

Вахтеровъ. В. Школьныя нормы. Спб. 1897. 10 стр.

Витевскій, В. Н. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. V-й. Казань. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Водовозовъ, Н. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. М. 1897. Ц. 2 р.

Волкова М. М. О вліяніи велосипеда на здоровье женщины. Двѣ лекціи. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Гейгеръ Л. Открытіе огня. Пер. Л. С. Зака. (Библіотека общественныхъ знаній. Серія II, вып. 5). О. 1897 г. Ц. 15 к.

Гексли Т. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Шесть чтеній, читанныхъ рабочимъ. Пер. И. Березина. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Гете. Фаустъ. Первая часть. Пер. А. И. Мамонтова. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Гетчинсонъ Г. Н. Автобіографія земли. Переводъ съ англійскаго Мих. Энгельгардта. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Геффдингъ, Г., проф. Ученіе о принципахъ нравственности. Съ предисл. автора. Перев. В. К. М. 1897. Ц. 40 к.

Гнѣдичъ, П. П. Исторія искусствъ. Т. I. Выпускъ IV. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. за все изданіе въ 12 выпусковъ 12 рублей.

Грешнеръ А. А. Стихотворенія. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Головинъ, К. Русскій романъ и русское общество. Спб 1897. Ц. 3 р.

Гретъ, В. Изъ хроники одного города. Повѣсть. Белебей. 1897.

Губаревъ А. П. Наружное акушерское изслѣдованіе. Юрьевъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гусевъ, А. И. Уставъ строительный (Св. Зак. Т. XII, ч. I, изд. 1857), измѣненный и дополненный 1886 г. (свободному) и 1887 г. (очередному) со включеніемъ разъясненій, извлеченныхъ изъ циркуляровъ и др. правительств. распоряженій и т. д. Изд. 2-е. Кіевъ. 1897. Ц. 1 р.

Давидсонъ, М. Саадіа Гаонъ, его жизнь и общественно-научная дѣятельность. Одесса. 1897. Ц. 15 к.

Давидсонъ, М. Начало поселенія и эмансипація евреевъ въ Англіи. (Наша старина № 23). Одесса. 1897. Ц. 15 к.

Данилло. С. Н. О роли врачей въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Спб. 1897. Ц. 20 к.

Джеромъ К. Джеромъ. Новый способъ писать романы. (Novel notes). Съ англійскаго И. Жарницовой, съ 27 рис. въ текстѣ. Спб. 1897 г.

Джеромъ К. Джеромъ. На подмосткахъ (On the Stage and oft K° «Stageland») съ англійскаго И. Жарницовой. Спб. 1896 г.

Догель А. С., проф. Гистологическія изслѣдованія. Съ 5 табл. рис., вып. I. (Записки Императорской Академіи Наукъ, т. V, № 4). Спб. 1897 г.

Движеные на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабитѣ по пристанищата. Пазарни цѣни въ поглавнитѣ градове прѣзъ мѣсецъ Декемврий. 1896 годины. София. 1897.

Езерская Л. О. Молочное дѣло и молочныя школы въ Финляндіи. Харьковъ 1897 г.

Емельяновъ-Коханской. Сумерки вѣка. М. 1897 г. Ц. 25 к.

— Месть. Легенда. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

— Клеопатра. Вскрытіе и др. М. 1897 года. Ц. 1 р.

Живая сторона. Періодическое изданіе. Отдѣленіе этнографіи. Вып. III и IV. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Жукъ, В. И. Ребенокъ. Общедоступная гигіена. Одесса. 1897. Ц. 1 р.

Заболотный, В. Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое счастье? Варшава. 1897. Ц. 50 к.

Заринъ, А. Силуэты. Романъ. Спб. 1897. Ц 1 р.

Новикова-Зарина. Кавказскіе разсказы (быль). Спб. 1897. Ц. 75 к.

Захарьинъ (Якунинъ) И. И. Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Земскій сборникъ Черниговской губ. Январь № 1. 1897 г.

Ибсенъ. Г. Собраніе сочиненій. Т. 6-й. Спб. 1897. Ц. по подпискѣ 4 р.

Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 г. (Годъ I). М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кадеръ. С. Винная регалія и монопольная система. Историко-экономическій очеркъ. Витебскъ. 1897. Ц. 1 р.

Казанскій П. Международный союзъ для охраны промышленной собственности. Одесса. 1897 г.

Казанскій П. Всемірный почтовый союзъ. Одесса 1897 г.

— Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ. Одесса. 1897.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ. (XXIX г. изданія). Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Ковалевскій, П. И.. проф. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изд. 3. Спб.1897. Ц.1р.

Ковнеръ С. Г. Спиноза, его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. Варшава. 1897 года. Ц. 75 к.

Кольдъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры, перев. подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. III. Кіевъ. 1897.

Конторовичъ. Я. Процессы противъ животныхъ въ Средніе вѣка. Спб. 1897 года. Ц 20 к.

Коренблитъ. А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXXI. М. 1897. Ц. 40 к.

Krzywicki, L. Kurs systematyczny antropologri 1 Rusy tizyczne. Warszawa. 1897.

Красновъ, А. И., проф. Основы землевѣдѣнія. Вып. III. Формы поверхности суши и дѣятели ихъ создающіе. Харьковъ. 1897. Ц. 1 р. 30 к.

Крутовскій, В. М. Озеро Шира какъ мѣстный лѣчебный курортъ. Изд. 2-е. Томскъ. 1896. Ц. 75 к.

Лансонъ-Гюставъ. Исторія французской литературы. Т. I. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. Ц. 3 р. 50 коп.

Legras, I. Henri Heine, poète Paris. 1897 à 3 fr. 50 c.

Лѣтнія колонны Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ. 1896 г. М. 1897 г.

Мартыновъ, И. Г. Докладъ о кредитѣ для гг. издателей и книготорговцевъ. Объ устройствѣ жюри банка и склада, съ выдачею варрантовъ. Спб. 1897.

Милль, Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложеніе принциповъ очевидности въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Часть I-ая. Пер. В. Н. Ивановскаго. М. 1897. Цѣна по подпискѣ 3 р.

Милль, Дж. Ст. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философіи. Пер. Е. И. Остроградскій. Вып. II-й. Кіевъ. 1897.

Nebocat, I. Theoretisch - Praktische deutsche Konversations Grammatik in sangbaren Versen. Erste Lieferung. Рига. 1897.

Никитинъ, В. В. Болѣзни придаточныхъ носовыхъ полостей. Лекціи съ 11 рис. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Осадчій, Т. И. Крестьянское товарищеское землевладѣніе въ Херсонской губ. Одесса. 1897. Ц. 25 к.

Отчетъ Саранской городской публичной библіотеки за время съ 8 декабря 1893 г. по 31 декабря 1894 г.

— Саранской городской публичной библіотеки за 1895 г.

Отчетъ Астраханскаго литературно-драматическаго общества за 1895—6 г.

Петровъ, А. Фельдшерскій вопросъ на VII съѣздѣ земскихъ врачей Казанской губ. Спб. 1897.

Поповъ, Б. И. Стихотворенія. Т. II. Харьковъ. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Потѣхинъ, Л. А. Пчелы и уходъ за ними въ неразборныхъ ульяхъ. 2-е изд. съ 11 рис. Спб. 1897. Ц. 10 к.

Потѣхина, Л. А. Переходъ къ рамочнымъ ульямъ. Устройство пасѣки на разумныхъ началахъ. Съ 11 рис. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Пружанскій, Н. Новый Моисей. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Рождествинъ, А. С. Художественная хро-

ника Воронежъ 1897 г. (оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»).

Сборникъ Пермскаго земства. 1897 г. № 1. Пермь. 1897.

Соколовъ, А. П. Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1897.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Съ Поволжья. Родныя картинки, съ рис. М. 1897. Ц. 60 к.

Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. М. 1897. Ц. 50 к.

Справочный указатель земскихъ сельскохозяйственныхъ учрежденій (по свѣдѣніямъ на 1896 г.), годъ второй. Спб. 1897. 265 стр.

Тьенъ, М. Принцъ и нищій. Повѣсть для юношества. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія О. Nick. Съ 155 иллюстраціями. Кіевъ. 1897. Ц. 35 к.

Тезяколъ, Н. И. Сифилисъ въ Херсонской губерніи (по карточной регистраціи съ 1890 по 1894 г.). Херсонъ. 1894.

Тимирязевъ, К. Растеніе и солнечная энергія. М. 1897. Ц. 40 к.

Тобилевичъ, И. (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Т. II. Одесса. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Толочиновъ, К. ф., проф. Учебникъ акушерства. Ч. 2-я Патологія беременности и родовъ съ рис. Харьковъ. 1897.

Трайль, Г. Д. Общественная жизнь Англіи. Т. II. Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII. Пер. П. Николаева. М. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Сборникъ упражненій по ариѳметикѣ для учащихъ въ народныхъ школахъ. Изд. 4-е. Спб. 1896. Ц. 55 к.

Фаулеръ, Т. Прогрессивная нравственность. Опытъ этики. Пер. съ англійскаго. Кіевъ 1897. (Всеобщая библіотека № 3). Ц. 15 к.

Fleeshig, P., проф. психіатріи. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Пер. съ нѣм. С. Штейнгауза. Одесса. 1897. Ц. 40 к.

Харьковскій календарь на 1897 г. (годъ XXV). Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Харьковъ. 1897. Ц. 1 р. 80 к.

Чаннингъ, Э. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Пер. Е. Н. Пошнякъ. М. 1897. Ц. 1 р.

Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы. Вып. XVIII и XIX-й.

Фонъ-Якшъ, д-ръ. Клиническая діагностика внутреннихъ болѣзней. Перевели съ поправками и добавленіями К. Н. Пурицъ и Г. Ю. Явейнъ. 2-е русское изданіе съ 150 рисунками. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1897. Ц. 4 р. 50 коп.

Эберштейнъ. Честь и ложныя понятія о чести. Пер. съ нѣм. Кіевъ. 1897. (Всеобщая библіотека № 8). Ц. 15 к.

Энгельмейеръ, Е. К. Руководство для изобрѣтателей со вступительнымъ письмомъ гр. Л. Н. Толстого. М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.
